Артур КЛАРК

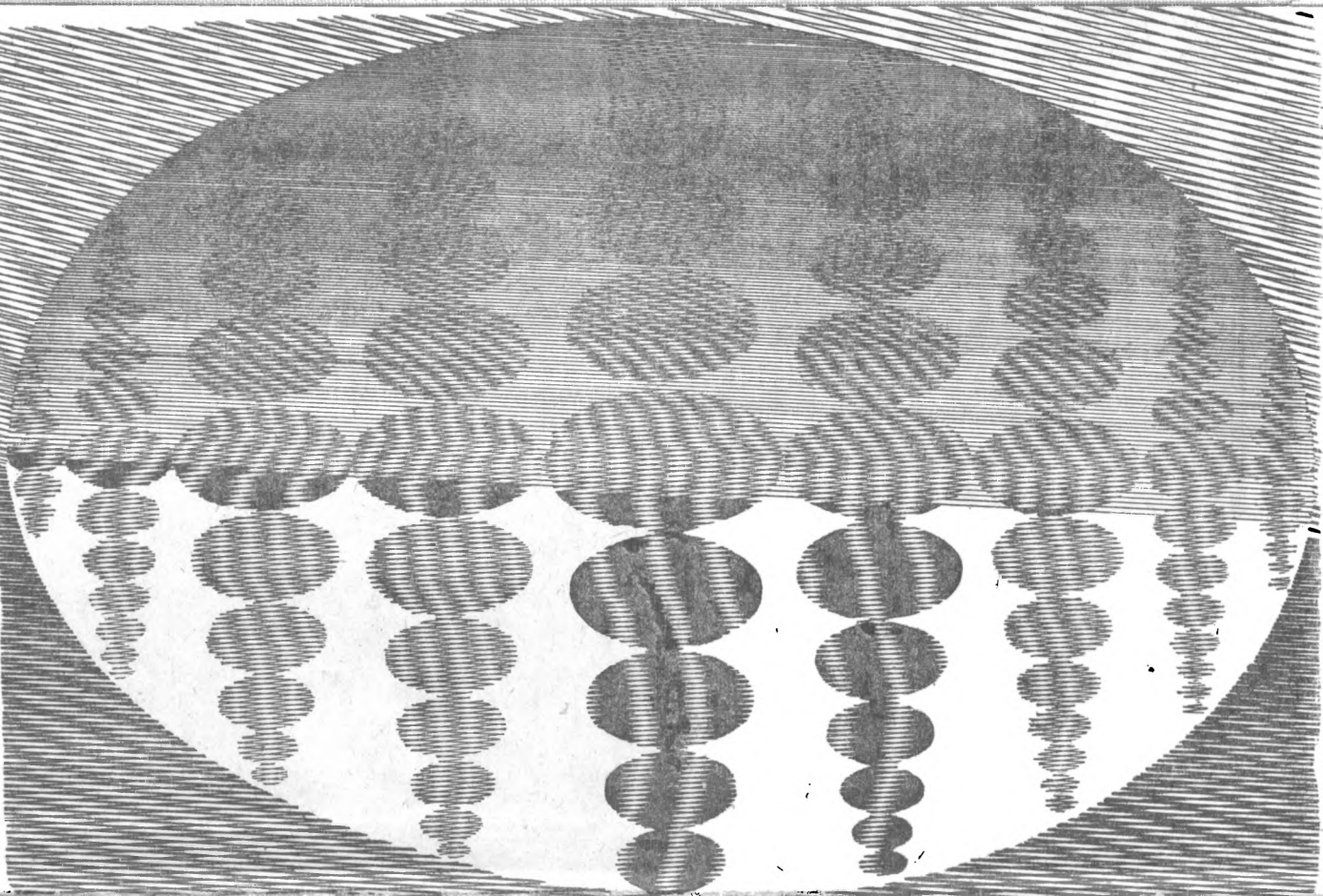
Артур

КЛАРК

КОСМИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ

Издательство «Мир»

Космическая одиссея



Артур

КЛАРК

КОСМИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ

Научно-фантастическая трилогия

Перевод с английского

Москва «Мир» 1991

ББК 84.4Вл
К 47
УДК 551.46

Кларк А.

К 47 Космическая одиссея: Научн.-фантаст. трилогия: Пер. с англ.— М.: Мир, 1990.— 616 с.
ISBN 5-03-002349-6

В сборник вошли романы крупнейшего английского писателя-фантаста Артура Кларка «2001: Космическая одиссея», «2010: Одиссея два» и «2061: Одиссея три», которые объединяют общая тема и главные герои.

К $\frac{4703010100—427}{041(01)—90}$ без объявл. ББК 84.4Вл

Редакция научно-популярной и научно-фантастической литературы

Литературно-художественное издание

Артур Кларк

КОСМИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ

Заведующий редакцией В. С. Власенков
Ст. научный редактор А. Г. Белевцева
Мл. научный редактор М. А. Харузина
Художник Ю. Л. Максимов
Художественный редактор Н. М. Иванов
Технические редакторы В. Н. Ефросимова, М. А. Анциферова
Корректор Р. Л. Вибке

ИБ № 7751

Подписано к печати 27.09.90. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага газетная. Гарнитура таймс. Печать высокая. Объем 9,63 бум. л. Усл. печ. л. 32,34. Усл. кр.-отт. 32,34. Уч.-изд. л. 32,83. Изд. № 9/7864. Тираж 100 000 экз. Зак. 799. Цена 12 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Набрано в Межиздательском фотонаборном центре издательства «Мир». 129820, ГСП, Москва И-110, 1-й Рижский пер., 2.

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Государственного комитета СССР по печати. 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.

ISBN 5-03-002349-6

© состав, оформление, «Мир», 1990

От издательства

Артур Чарлс Кларк, один из крупнейших писателей-фантастов, футуролог, популяризатор науки, родился в 1917 году на юго-западе Англии, в графстве Сомерсет.

Еще в школьные годы он начинает писать научно-фантастические рассказы. В 1936 году, окончив колледж, Кларк поступает на государственную службу — становится ревизором Казначейства Его Величества. В годы второй мировой войны Кларк — офицер Королевских ВВС; он принимает участие в разработке и испытании аппаратуры слепой посадки и радарного обнаружения. Демобилизовавшись в 1946 году, будущий писатель поступает в Лондонский королевский колледж и через два года кончает его, получив степень бакалавра по специальности «физика и прикладная математика».

Деятельность Кларка в это первое послевоенное десятилетие чрезвычайно многогранна и плодотворна. Он публикует научные статьи (нельзя обойти молчанием, что в одной из них он выдвинул идею спутников связи на стационарной орбите), редактирует научно-популярный журнал, возглавляет Британское астронавтическое общество, является членом совета Британской астрономической ассоциации. В это же время выходят в свет его первые научно-фантастические рассказы, а потом и более крупные произведения, и в конце концов Кларк выбирает стезю профессионального писателя.

Один за другим появляются на прилавках книжных магазинов научно-фантастические романы «Прелюдия к космосу» и «Пески Марса» (1951), «Конец детства» (1953), «Большая глубина» (1954), «Город и звезды» (1956), «Лунная пыль» (русский перевод: М.: Молодая гвардия, 1965), цикл «Рассказы "Белого оленя"».

С 1956 года Кларк поселяется на Цейлоне, нынешней Шри-Ланке. «Я приехал на Цейлон в 1956 году с намерением провести здесь шесть месяцев и написать одну-единственную книгу об исследовании прибрежных вод острова,— писал Кларк много позже.— Сегодня, четырнадцать лет и двадцать книг спустя, я все еще тут и надеюсь остаться здесь до конца своих дней». Еще двадцать лет и полтора десятка книг спустя он все еще там.

На Шри-Ланке пишутся книги, отразившие увлечение Кларка морем и подводным плаваньем: «Приключения в Индийском океане», «Берег кораллов», «Рифы Тапробаны», «Взгляд с серендипа», «Море бросает вызов», «Мальчик в подводном мире», «Сокровище Большого рифа» (русский перевод: М.: Мир, 1967). В 1961 году Кларку была присуждена высшая международная награда за популяризацию науки — премия Калинги.

Для Кларка характерно стремление разглядеть будущее технического прогресса. И он делает это не только в своих научно-фантастических произведениях, где отправной точкой всегда и неизменно является техническая или естественнонаучная идея, но и в серьезных футурологических работах. Так, в 1962 году увидела свет его прогностическая книга «Черты будущего», которая была переведена на все основные языки мира (русский перевод: М.: Мир, 1968). Позже, в 1973 году, Кларк серьезно переработал ее, а в 1987 году ту же тему развил в книге «20 июля 2019 года».

В 1973 году небывалый успех выпал на долю романа «Свидание с Рамой» (русский перевод: М.: Мир, 1976). Кларк получил за него столь престижные премии, как «Хьюго», «Небьюла», «Юпитер», Мемориальный приз Дж. Кемпбелла, приз Британского общества научной фантастики. В 1979 году еще один роман писателя обходит мир — «Фонтаны рая» (русский перевод: М.: Мир, 1981).

Однако несколько раньше поистине всемирную славу принес Кларку фильм «2001: Космическая одиссея», который и по сей день считается вершиной кинофантастики. Толчком для создания сценария послужил рассказ 50-х годов «Страж вечности», а уже сценарий, написанный Кларком совместно с режиссером Стенли Кубриком, лег в основу романа. В русском переводе он вышел в 1970 году в серии «Зарубежная фантастика» (издательство «Мир») как «Космическая одиссея 2001 года» в несколько сокращенном виде. В настоящем издании этот пробел восполнен (гл. 45—47), а само произведение по аналогии с последующими «Одиссеями» названо «2001: Одиссея один».

Кларк бесконечно верит в мощь человеческого духа, в неисчерпаемость людских возможностей. Но в то же время он сознает, что в необъятности Вселенной человеческие свершения могут затеряться. А в чем же тогда суть всех наших устремлений? По Кларку — в слиянии с каким-то Вселенским Сверхразумом. Этой теме и посвящен роман «2001: Одиссея один». Ту же тему продолжают и две последующих «Одиссеи» писателя: «2010: Одиссея два» (1984) и «2061: Одиссея три» (1987), составляющие представленную в настоящей книге трилогию. В предисловии к третьей «Одиссее» Кларк писал, что «все три произведения» не продолжают одно другое, «их сле-

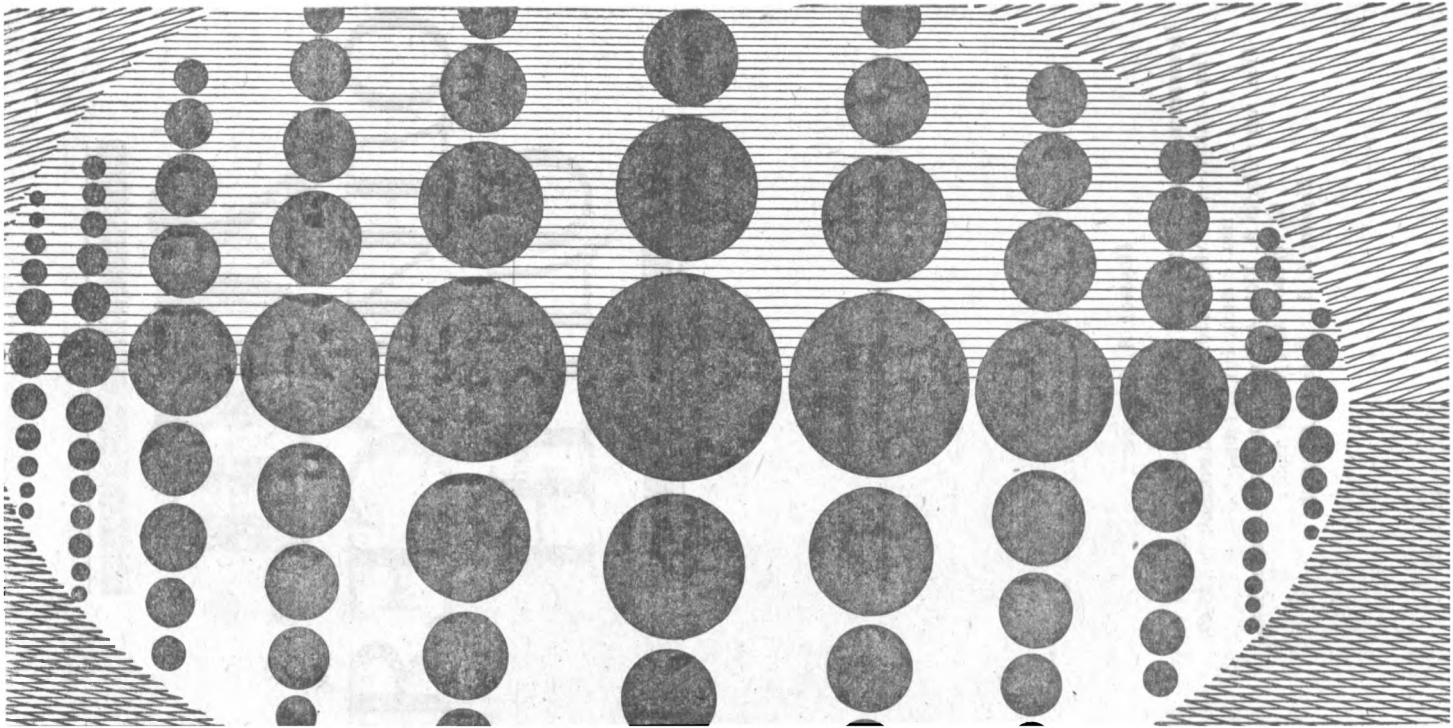
дует рассматривать как вариации на одну тему, где происходят схожие события и действуют те же герои».

Надеемся, что читатель по достоинству оценит «Космическую одиссею» как рассказ о человеческом мужестве, стойкости, техническом гении, готовности к подвигу во имя всего человечества.

2001: ОДИССЕЯ ОДИН

Перевод Я. Берлина

Печатается по изд.: Кларк А. Космическая одиссея 2001 года:
Пер. с англ.—М.: Мир, 1970. С дополнениями: гл. 45-47,
пер. с англ. Норы Галь.
Пер. изд.: Clarke A. 2001: A Spase Odyssey.—London, 1968.
© *перевод на русский язык,*
Берлин Я. В., Галь Н. Я., 1990



I. В ПЕРВОБЫТНОЙ МГЛЕ

1. Вымирающие

Засуха продолжалась десять миллионов лет, и царству ужасных ящеров уже давно пришел конец. Здесь, близ экватора, на материке, который позднее назовут Африкой, с новой яростью вспыхнула борьба за существование, и еще не ясно было, кто выйдет из нее победителем. На этой бесплодной, иссушенной зноем земле благоденствовать или хотя бы просто выжить могли только маленькие, или ловкие, или свирепые.

Питекантропы, обитавшие в первобытном вельде, не обладали ни одним из этих свойств; поэтому они отнюдь не благоденствовали, а были, напротив, весьма близки к полному вымиранию. Около полусотни этих существ ютилось в нескольких пещерах на склоне сожженной солнцем долины; по дну ее протекал слабенький ручеек, питаемый снегами с гор, лежавших в трехстах километрах к северу. В особо засушливые годы ручеек исчезал совсем и племя сильно страдало от жажды.

Питекантропы всегда голодали, а сейчас попросту умирали от голода. Когда первый слабый проблеск рассвета проник в пещеру, Смотрящий на Луну увидел, что его отец ночью умер. Собственно, он не знал, что Старик был его отцом,— такая связь одного существа с другим была совершенно недоступна его пониманию, но, глядя на иссохшее тело умершего, он ощутил смутное беспокойство — зародыш будущей человеческой скорби.

Два детеныша уже скулили, требуя еды, но смолкли, когда Смотрящий на Луну заворчал на них. Одна из матерей сердито огрызнулась в ответ, защищая дитя, которое не могла накормить вдосталь, но у Смотрящего не хватило сил дать самке подзатыльник за ее дерзость.

Снаружи уже почти совсем рассвело, и можно было выходить. Смотрящий на Луну подхватил иссохший труп и поволок за собой, пригибаясь, чтобы не задеть за скалу, низко нависшую над входом в пещеру. Выйдя из пещеры, он закинул труп на плечи и выпрямился во весь рост, стоя на задних конечностях,— из всех животных на этой планете только он и его сородичи умели так ходить.

Среди подобных себе Смотрящий на Луну казался чуть ли не великаном. Ростом он был почти полтора метра, а весил более сорока пяти килограммов, хотя и был сильно истощен. Его волосатое, мускулистое тело было наполовину обезьяньим, наполовину человечьим, но формой головы он уже больше походил на человека. Лоб у него был низкий, крутые надбровные дуги резко выступали, но гены его уже несомненно несли в себе первые признаки человеческого облика. Он стоял у пещеры, оглядывая раскинувшийся вокруг враждебный мир плейстоцена, и в его взгляде уже было нечто такое, на что не была способна ни одна обезьяна. В этих темных, глубоко посаженных глазах мерцало пробуждающееся сознание — первые ростки разума, который не раскроется до конца еще многие века, а может быть, вскоре и вовсе угаснет навсегда.

Признаков опасности не было, и Смотрящий на Луну начал спускаться по крутому, почти отвесному склону от пещеры; ноша на плечах ничуть не мешала ему. Остальные члены стаи, словно ожидавшие сигнала вожака, мигом повылезали из своих пещер, расположенных ниже по склону, и заторопились вниз, к мутным водам ручья, на утренний водопой.

Смотрящий на Луну глянул на противоположный берег ручья — не видно ли Других. Но те не показывались. Наверно, еще не вышли из своих пещер, а может, уже пасутся внизу, под горой... Поскольку их нигде не было видно, Смотрящий тут же забыл о них — он не умел думать о нескольких вещах сразу.

Прежде всего надо избавиться от Старика. Этим летом было много смертей, в том числе одна в его пещере. Ему нужно было только положить тело там, где он

недавно оставил трупик новорожденного младенца, остальное сделают гиены.

Они уже ждали его там, где долина расширялась, сливаясь с саванной, будто знали, что он придет. Он положил тело Старика под куст — от прежних не осталось даже костей — и поспешил назад, к своей стае. Никогда более он не вспоминал об отце.

Две его самки, взрослые обитатели других пещер, подростки и дети паслись выше по долине меж узловатых, изуродованных засухой деревьев, поедая ягоды, сочные корни и листья и редкие счастливые находки вроде мелких ящериц и грызунов. Только грудные младенцы и слабейшие из стариков и старух оставались в пещерах; если к концу дня, после того как все наедались, удавалось собрать еще немного пищи, можно было покормить и их. Если нет — гиенам вскоре предстояло новое пиршество.

Но этот день был удачным. Впрочем, Смотрящий на Луну не был способен сколько-нибудь отчетливо помнить о прошлом и потому не мог сравнивать один день с другим. Сегодня он нашел в дупле засохшего дерева пчелиное гнездо и насладился изысканнейшим лакомством, какое только было известно его сородичам; под вечер, ведя свою стаю домой, он все еще время от времени облизывал пальцы. Правда, его порядком покусали пчелы, но он почти не ощущал укусов. Короче, он был как никогда близок к состоянию полного довольства, насколько оно вообще было для него доступно; он, конечно, еще был голоден, но уже не испытывал слабости. На большее не мог надеяться ни один питекантроп.

Ощущение довольства исчезло, когда он подошел к ручью. На противоположном берегу были Другие. Они бывали там каждый день, но от этого его досада отнюдь не становилась меньше.

Их было около тридцати, и они ничем не отличались от сородичей Смотрящего. Завидев его, они начали на своем берегу подпрыгивать, махать руками и кричать. Стая Смотрящего на Луну отвечала тем же с другого берега.

На том все и закончилось. Питекантропы часто дра-

лись и боролись, но драки их редко приводили к серьезным увечьям. У них не было ни когтей, ни могучих боевых клыков, а тело надежно защищал волосяной покров, поэтому они просто не могли причинить друг другу особого вреда. К тому же у них не было и лишней энергии для столь бесполезных выходок. Рычанием и угрозами можно было куда успешнее утвердить свою точку зрения.

Перебранка продолжалась минут пять, а затем оборвалась так же внезапно, как началась, и все принялись пить мутную от глины воду. Честь была удовлетворена, каждая стая утвердила право на владение своей территорией. Покончив с этим важным делом, Смотрящий на Луну и его сородичи отправились дальше, вдоль своего берега. До ближайшего пастбища, где еще можно было кормиться, от пещер было километра два. Здесь же паслись крупные рогатые животные, встретившие их не особенно благосклонно. Прогнать этих животных, увы, было нельзя — на головах у них торчали устрашающие рога-кинжалы, питекантропы же таким природным оружием не обладали.

И вот Смотрящий на Луну со своей стаей жевали ягоды, корни и листья, подавляя голодные спазмы в желудках, а вокруг, тесня их с этих пастбищ, разгуливали животные — возможный источник пищи, который им никогда не исчерпать. Но тысячи тонн сочного мяса, гуляющие по саванне и в зарослях, были не только недосягаемы для питекантропов — такую возможность они просто вообразить не могли. И посреди этого изобилия медленно умирали от истощения.

К закату стая без особых приключений вернулась в свои пещеры. Раненая самка, остававшаяся дома, радостно заворковала, когда Смотрящий кинул ей густо покрытую ягодами ветку, которую принес с собой, и принялась жадно есть. Как ни малопитательны эти ягоды, они все же помогут ей продержаться, пока заживет рана, нанесенная леопардом, и она сможет снова сама добывать себе пищу.

За долиной всходила полная луна, с дальних гор потянул леденящий ветер. Ночь сегодня будет очень холод-

ной. Впрочем, холод, как и голод, мало заботил питекантропов — другой жизни они никогда и не знали.

От одной из нижних пещер донеслись вопли и визг, но Смотрящий на Луну даже не шевельнулся; он отлично понял, что там происходит, даже если бы не услышал рычания леопарда. Там, внизу, в ночной тьме, борются и гибнут старик Белоголовый и его семья. У Смотрящего даже не мелькнуло мысли, что он может как-либо помочь соседям. Жестокая логика борьбы за существование не допускала подобных фантазий, и обитатели косогора, хоть все слышали, ни единым возгласом не выразили протеста против убийства сородичей. Все затаились в своих пещерах, чтобы не навлечь беду на себя.

Наконец вопли стихли, и тут Смотрящий на Луну услышал знакомые звуки — это леопард волок чье-то тело по камням. Через несколько секунд смолкли и эти звуки — леопард покрепче ухватил свою добычу зубами и, без труда неся ее в пасти, бесшумно удалился.

Теперь на день-другой эта угроза отодвинулась от обитателей пещер, но при свете холодного Маленького Солнца, которое появлялось на небе только ночами, на них могли напасть и другие враги. Правда, мелких хищников иногда удавалось отогнать криками и визгом, если их приближение замечали вовремя... Смотрящий на Луну выполз из пещеры, взобрался на обломок скалы, лежащий у входа, и, присев на корточки, стал осматривать долину.

Из всех живых существ, обитавших на Земле, питекантропы первыми подняли головы к небу и начали разглядывать Луну. Смотрящий на Луну, когда он был совсем молод, иногда пробовал дотянуться до этого призрачного лика, всплывающего над равниной. Он давно об этом забыл.

Дотронуться до Луны ему не удалось ни разу. Теперь, уже в зрелом возрасте, он хорошо понимал, почему у него ничего не выходило. Конечно же, для этого надо сначала найти достаточно высокое дерево и влезть на него.

Он то оглядывал долину, то смотрел на Луну, не пе-

реставая прислушиваться. Раза два он засыпал, но сон его был настолько чуток, что даже слабейший звук мгновенно будил его. Он прожил уже двадцать пять лет — солидный возраст! — но был еще в расцвете сил. Если ему и дальше повезет и он сумеет избежать несчастных случаев — болезней, зубов хищников и голодной смерти, — то, пожалуй, проживет еще с десяток лет.

Ночь, холодная и ясная, текла спокойно, без тревог, Луна медленно плыла по небу среди экваториальных созвездий, которых никогда не увидит глаз человека. В пещерах, в чередовании минут беспокойной дремоты и боязливого бодрствования, рождались смутные образы — потом, грядущим поколениям они будут являться в ночных кошмарах.

Дважды в эту ночь небосвод пересекла, медленно поднимаясь к зениту и исчезая на востоке, ослепительно светящаяся точка, которая сверкала ярче любой звезды.

2. Новый камень

Незадолго до рассвета Смотрящий на Луну внезапно проснулся. Он очень устал от дневных трудов и бед и спал крепче обычного, но все же при первом слабом шорохе, донесшемся снизу, из долины, мгновенно пробудился.

Он присел в зловонной мгле пещеры, всем своим существом вслушиваясь в ночной мир, лежащий снаружи, и в сердце его медленно заполз страх. Ни разу в жизни — а прожил он уже вдвое дольше, чем большинство его сородичей, — он не слышал такого звука. Большие кошки подкрадывались бесшумно, только случайный шорох скатившегося из-под лапы комочка земли да треск ветки изредка их выдавали. Это же был непрерывный хруст, который становился все громче. Словно какой-то огромный зверь шел там внизу, в ночи, не таясь и ломая все препятствия. Однажды Смотрящий безошибочно угадал по звуку, что в долине вырывают с корнем кустарник. Так часто делали слоны и динотерии, но вообще-то они передвигались так же бесшумно, как и кошки.

А потом раздался звук, который Смотрящий на Луну распознать не мог — по той причине, что прозвучал он впервые в истории Земли. Это был лязг металла о камень.

Впервые Смотрящий на Луну увидел Новый Камень в слабом свете нарождающегося дня, когда повел свою стаю на утренний водопой. Он почти забыл о всех ночных страхах — ведь после того необычайного звука ничего не случилось — и потому новый странный предмет не вызвал у него ни страха, ни ощущения опасности. Да в нем и не было ничего страшного.

Это была прямоугольная глыба раза в три выше Смотрящего, но узкая настолько, что, разведя руки, он мог коснуться ее краев, и состояла она из какого-то совершенно прозрачного вещества. Собственно говоря, ее не так-то просто было и увидеть, если бы восходящее солнце не отражалось в ее гранях. Смотрящий на Луну никогда не видел ни льда, ни даже чистой, прозрачной воды, и ему не с чем было сравнить этот предмет. Но он был, право же, красив, и хотя Смотрящий благоразумно остерегался всего нового, он без долгих колебаний приблизился бочком к Новому Камню. Убедившись, что с ним ничего не случилось, он протянул руку и ощутил холодную твердую поверхность.

Несколько минут он напряженно размышлял и нашел блестящее объяснение. Конечно же, это камень; наверно, он вырос здесь за ночь. На Земле многое так появляется. Например, белые мягкие штуки, с виду похожие на речные голыши, тоже выскакивают из земли за время темноты. Правда, те штуки круглые и маленькие, а этот камень большой и граненый... Но ведь философы, более мудрые, чем Смотрящий на Луну, и пришедшие в мир позднее его, также готовы пренебречь фактами, не менее разительно противоречащими их теориям.

Применив эту поистине первоклассную методику абстрактного мышления, Смотрящий на Луну за какие-нибудь три-четыре минуты пришел к определенному выводу и немедленно подверг его проверке. Белые круглые мягкие «голыши» очень вкусны (правда, от некоторых

можно сильно заболеть). Может быть, и этот, большой, тоже?..

Он несколько раз лизнул камень, попытался куснуть его и быстро разочаровался. Еды тут не было никакой — и Смотрящий, как и подобало рассудительному питекантропу, продолжил свой путь к реке и, занявшись очередной перебранкой с Другими, начисто позабыл о кристаллическом монолите.

На ближних пастбищах в этот день есть было совсем нечего, и, чтобы немного подкормиться, стае пришлось уйти километров за шесть — восемь от пещер. В час беспощадного полуденного зноя, от которого негде было укрыться, одна из самок послабее упала в обморок. Остальные окружили ее, постояли, сочувственно бормоча и щебеча, но помочь ей никто не мог. Будь они менее истощены, они, пожалуй, унесли бы ее с собой, но у них просто не было избытка энергии для таких добрых дел. Волей-неволей ее оставили одну — пусть сама попробует выжить, если сумеет.

Когда вечером, на обратном пути, они прошли мимо этого места, там не осталось даже костей.

При слабом свете гаснущего дня, боязливо озираясь, чтобы не пасть жертвой хищников, рано вышедших на охоту, они торопливо напились воды из ручья и начали подниматься к своим пещерам. До Нового Камня было еще довольно далеко, когда до них донесся звук.

Звук этот был едва слышен, но он мгновенно остановил питекантропов, и они неподвижно замерли на тропе, словно парализованные, безвольно разинув рты. Этот нехитрый, бесконечно, до одури повторяющийся вибрирующий звук исходил из кристалла и гипнотизировал всех, кто его слышал. В первый и на ближайшие три миллиона лет последний раз в Африке звучал барабанный бой.

Дробь становилась все громче, все настойчивей. Питекантропы начали оцепенело, словно лунатики, продвигаться вперед, притягиваемые источником этого звука. Порой они делали примитивные танцевальные движения — это кровь их откликалась на ритмы, которые их потомкам предстояло создать многие века спустя. Со-

вершенно зачарованные, они сгрудились вокруг монолита, позабыв о всех лишениях прошедшего дня, об опасностях надвигающейся ночи, о голоде, терзающем их желудки.

Все громче звучал барабан, все больше сгущались сумерки. И когда тени стали совсем длинными и небо померкло, кристалл засветился.

Сначала он утратил прозрачность, помутнел, и его глубина наполнилась млечным сиянием. Неясные, дразняще неузнаваемые призраки возникли и начали скользить в его глубине и под самой его поверхностью. Они слились в светлые и темные полосы; переплетаясь и пересекаясь между собой, эти полосы начали вращаться, словно спицы волшебных колес.

Быстрей и быстрей вращались эти светящиеся колеса, и ритм барабанного боя становился все чаще. Питекантропы, окончательно загипнотизированные, разинув рты, уставились на невиданную игру света в кристалле. Они уже начисто позабыли веления инстинктов, унаследованных от предков, и уроки своего жизненного опыта. При обычных обстоятельствах никто из них не осмелился бы задержаться так далеко от своей пещеры в столь позднее время — ведь в окружающих зарослях недвижно замерли темные силуэты и светились глаза ночных хищников, которые приостановили охоту, выжидая, чем все это кончится.

Но вот вращающиеся световые колеса начали смыкаться друг с другом, спицы их слились в полосы света, которые медленно отступали в глубину, затем полосы раскололись пополам, образовав пары светящихся линий. Дрожа и колеблясь, эти пары наклонялись и пересекались друг с другом под различными медленно изменяющимися углами. Светящиеся сетки линий сплетались и расплетались, и из них складывались и тут же исчезали фантастические, эфемерные чертежи. А зачарованные пленники светящегося кристалла, питекантропы, все глядели и глядели...

Им и в голову не приходило, что в эти мгновения неведомая сила исследует их умственные способности, определяет формы и размеры их тел, изучает психиче-

ские реакции, оценивает их скрытые возможности. Некоторое время все они сидели на корточках, застыв словно окаменевшие. Вдруг один питекантроп, сидевший ближе других к кристаллу, зашевелился.

Он не сдвинулся с места, просто его тело освободилось от гипнотического оцепенения, и он задвигался, словно марионетка, управляемая невидимыми нитями. Голова его повернулась направо, потом налево; он молча открыл и закрыл рот, сжал и разжал кулаки. Затем наклонился, схватил длинный стебель и попытался плохо повинующимися пальцами рук завязать его в узел.

Казалось, он одержим какой-то внешней силой и тщетно борется против духа или демона, что завладел его телом. Задыхаясь, с выражением ужаса в глазах, он пытался заставить свои пальцы выполнить такие движения, каких ранее не мог и представить.

Как он ни старался, ему удалось всего лишь разорвать стебель на несколько частей. И едва только частички стебля упали на землю, властвовавшая над ним сила оставила его и он вновь застыл в тупой неподвижности.

Теперь ожил и проделал те же движения другой питекантроп. Этот был моложе, легче приспосабливался, и ему удалось сделать то, что оказалось не под силу старшему. На планете Земля был завязан первый неуклюжий узел...

Другие проделали еще более странные, еще более бесполезные движения. Одни протягивали руки вперед и пытались сблизить их так, чтобы концы пальцев соприкоснулись,— сначала они делали это с открытыми глазами, затем зажмурив один глаз. Некоторых непонятная сила заставила разглядывать странные фигуры из пересекающихся линий, мелькающих внутри кристалла; линии непрестанно делились, их становилось все больше, пока они не слились в сплошную серую рябь. А в ушах у всех звучали одни и те же чистые одноголосые звуки; начинаясь на высокой ноте, они быстро понижались и обрывались на нижнем пределе слышимости.

Когда подошла очередь Смотрящего на Луну, он почти не испугался. Ощущая, как его мышцы сокращаются и тело движется, повинуясь приказам, исходящим

откуда-то извне, он испытывал в основном смутное чувство злой досады.

Сам не понимая зачем, он наклонился и подобрал небольшой камень. Распрямившись, он увидел, что рисунок внутри кристалла изменился. Сетки и переменчивые, пляшущие геометрические фигуры исчезли, вместо них появился черный диск, опоясанный несколькими концентрическими кругами.

Повинуясь безмолвным приказам, полученным его мозгом, он неуклюже размахнулся и бросил камень. И промахнулся более чем на метр.

Попробуй еще раз — прозвучал приказ в мозгу. Смотрящий поискал вокруг и нашел еще один камешек. На этот раз он попал в монолит, который откликнулся звоном, гулким, точно удар колокола. В цель он, конечно, не попал, но все же показал лучшую меткость.

При четвертой попытке камень ударил всего в нескольких сантиметрах от черной сердцевины мишени. Смотрящий ощутил необыкновенное наслаждение, почти такое же острое, как при сближении с самкой. Потом власть внешней силы ушла; ему ничего не хотелось делать, он просто стоял и ждал, что будет дальше.

Так все в стае, один за другим, испытали на себе воздействие странного кристалла. Некоторые справились со своими задачами, но большинство потерпело неудачу, и все были по заслугам вознаграждены: одни содрогнулись от наслаждения, другие — от боли.

Теперь внутренность огромного монолита только светилась ровным сиянием; он стоял будто глыба света, врезанная в окружающую тьму. Словно пробудившись ото сна, питекантропы тряхнули головами и зашагали по тропе к своему жилью. Они шли, не оглядываясь назад, не дивясь странному светочу, который указывал им путь к их убежищам — и к будущему, пока еще не известному даже звездам.

3. Академия

Смотрящий на Луну и его сородичи совершенно позабыли все, что видели, как только монолит перестал

властвовать над их сознанием и проделывать опыты с их телами. На следующее утро, по дороге на пастбище, они прошли мимо, не обратив на него ни малейшего внимания: он уже стал привычной никчемной частью окружающей среды. Он был несъедобен и не мог съесть их, остальное было неважно.

Внизу, у ручья, Другие, как обычно, выкрикивали свои бессильные угрозы. Их вожак, одноухий питекантроп, ровесник Смотрящего на Луну и одного с ним роста, только более тощий, решился даже на небольшую вылазку в направлении неприятельской территории: он шагал, громко крича и размахивая руками, чтобы устрашить врага и подбодрить самого себя. Ручей по всей ширине был ему примерно по колено, но чем дальше Одноухий отходил от своего берега, тем неуверенней он себя чувствовал, тем страшнее становилось ему. Очень скоро он замедлил шаг, потом остановился и, наконец, с напускной важностью зашагал назад, к своим соплеменникам.

В будничном течении жизни питекантропов больше ничего не изменилось. Стая нашла достаточно пищи, чтобы просуществовать еще один день, и никто не умер.

А вечером кристалл снова ожидал их, светясь пульсирующим светом и привлекая тем же звуком. На этот раз, однако, он применил иную, хитроумно измененную, программу.

Некоторых питекантропов кристалл совсем оставил в покое — он как бы сосредоточил все внимание на тех, кто подавал наибольшие надежды. К их числу принадлежал и Смотрящий на Луну: он снова почувствовал, будто какие-то пытливые щупальца шарят по дальним закоулкам его мозга. Затем начались видения.

Возможно, эти видения явились ему внутри кристаллического монолита, а может быть, они рождались в его мозгу. Так или иначе для Смотрящего на Луну все эти образы были вполне реальны. Только почему-то привычный интуитивный порыв — изгнать чужих из своих владений — оказался совершенно усыпленным.

Он увидел мирную семью, совсем такую же, как семьи его сородичей, если не считать одного существен-

ного отличия. Самец, самка и двое детенышей, загадочно привидевшиеся ему, были сыты по горло, гладкие шкуры их лоснились — подобного благоденствия Смотрящий на Луну не мог даже вообразить. Он невольно пощупал свои торчащие ребра — у тех ребра были скрыты в складках жира. Время от времени эти существа, развалившиеся у входа в пещеру и явно довольные жизнью, лениво поворачивались с боку на бок. Здоровенный самец иногда густо и удовлетворенно рыгал.

Так продолжалось минут пять, а потом видение исчезло, лишь мерцающие контуры кристалла светились в темноте. Смотрящий на Луну встряхнулся, словно пробудившись ото сна, внезапно сообразил, где он находится, и повел свою стаю к пещерам.

У него не осталось сознательного воспоминания об увиденном, но этой ночью, когда он, понуро сгорбившись, сидел у входа в пещеру и чутким ухом ловил шумы окружающего мира, он впервые ощутил пока еще слабую щемящую боль от нового властного чувства. То была смутная неопределенная зависть, какая-то неудовлетворенность жизнью. Он понятия не имел, откуда взялось это чувство, а тем более — как его утолить, но недовольство закралось в его душу, и это было уже первым малым шагом к очеловечиванию.

Ночь за ночью Смотрящему на Луну являлась в видении эта четверка раскормленных питекантропов; под конец он стал как-то злобно любоваться ими, и от этого вечный голод мучил его еще сильнее. Само по себе то, что он видел, не могло бы так повлиять на питекантропа, для этого нужно было еще усилить его способность к восприятию. За последние дни в жизни Смотрящего на Луну были пробелы; об этих периодах он ничего не мог бы вспомнить — именно тогда самые атомы его примитивного мозга перестраивались в новые структуры. Если он выживет, эти структуры будут увековечены — его гены передадут их грядущим поколениям.

Это была медленная, кропотливая работа, но кристаллический монолит был терпелив. Ни он, ни подобные ему монолиты, разбросанные по половине земного шара, не имели своей целью добиться успеха среди всех

объектов, охваченных экспериментом. Какое значение могла иметь сотня неудач, если один-единственный успех способен изменить судьбу всей планеты!

До следующего новолуния в стае погибли двое и родился один детеныш. Одна смерть была обычной — от голода, другая случилась во время вечернего ритуала у монолита — один питекантроп, пытаясь тихонько стукнуть одним обломком камня о другой, внезапно упал замертво. Кристалл вмиг погас, и чары, приковывавшие к нему стаю, исчезли. Но упавший питекантроп не очнулся, а наутро от его тела, конечно, ничего не осталось.

На следующий вечер сборища вокруг кристалла не было — он все еще анализировал свою ошибку. Стая протрусила мимо него в надвигавшихся сумерках, даже не поглядев в его сторону. Но прошли еще сутки, и кристалл был вновь готов к встрече с ними.

Опять появилась четверка упитанных питекантропов, но на сей раз они вели себя престранно. Смотрящего на Луну бросило в дрожь, и он не мог ее унять, ему казалось, что голова его вот-вот лопнет от напряжения, хотелось зажмуриться и ничего не видеть. Но неумолимая сила держала его мозг в своей власти и принудила воспринять урок до конца, хотя все его инстинкты восставали против этого.

Эти инстинкты верно послужили предкам питекантропа в эпоху теплых дождей и буйной растительности, когда пищу можно было найти везде — стоило только протянуть руку. Но времена изменились, и унаследованная мудрость прошлого стала безумием. Питекантропы должны были либо приспособиться, либо погибнуть, как погибли до них огромные звери, чьи кости погребены в глубине известняковых холмов.

И Смотрящий на Луну не сводил с монолита немигающих глаз, а его мозг был открыт для еще неуверенных, но настойчивых манипуляций таинственной внешней силы. Временами его подташнивало, но тошнота проходила, а голод сосал, не отпуская ни на миг, и руки то и дело бессознательно проделывали движения, которые вскоре должны были предопределить его переход к новому образу жизни.

Когда стая бородавочников* один за другим, фыркая и хрюкая, пересекала тропу питекантропов, Смотрящий на Луну внезапно застыл на месте. Обычно бородавочники и питекантропы не замечали друг друга, ведь интересы их ни в чем не сталкивались. Как и большинство других животных, не борющихся между собой за одну и ту же пищу, они просто не мешали друг другу.

Но теперь вожак стаи питекантропов глядел на бородавочников и неуверенно переминался с ноги на ногу, раздираемый чувствами, которых сам не мог понять. Потом, словно во сне, наклонился и начал шарить по земле — он не сумел бы объяснить, что ищет, даже если бы обладал даром речи. Он просто узнает, что ему нужно, если найдет.

Он нашел тяжелый заостренный камень длиной в ладонь — держать его в руке было не особенно удобно, но он явно годился. Смотрящий на Луну взмахнул рукой, описал ею круг над головой, удивившись, насколько она потяжелела, и с удовольствием ощутил возросшую силу и власть. Он направился к животному, которое оказалось ближе других.

Это был молодой поросенок, глупый даже по невысоким стандартам свиного разума, уголком глаза он увидел приближающегося питекантропа, но вовремя не поостерегся. Стоит ли подозревать это безобидное существо в каких-то недобрых намерениях? И он продолжал беззаботно подрывать пятачком корни травы, пока Смотрящий на Луну ударом каменного молота не погасил теплившуюся в его мозгу слабую искорку сознания. Остальные свиньи продолжали пастись как ни в чем не бывало — так быстро и беззвучно совершилось убийство.

Вся стая питекантропов остановилась поглазеть, что делает вожак, и теперь столпилась вокруг него и его жертвы, восхищенная и пораженная. Неожиданно один подобрал окровавленный камень и начал колотить им

---

* Животные из семейства свиней, водятся в Африке. — *Здесь и далее примечания редактора.*

убитого поросенка. Подхватив палки и камни, оказавшиеся под рукой, к нему присоединились другие; вскоре труп животного превратился в кровавое месиво.

Тогда им стало скучно. Некоторые побрели прочь, другие стояли в растерянности вокруг растерзанной до неузнаваемости добычи — от их решения зависело будущее мира. Прошло на удивление много времени, пока одна из кормящих самок не начала лизать сжатый в пальцах окровавленный камень.

А Смотрящему на Луну, хотя ему уже так много было показано, потребовалось еще больше времени, чтобы понять по-настоящему, что отныне ему никогда не придется голодать.

4. Леопард

Орудия, применение которых было запрограммировано кристаллом, были очень просты, и все же они могли изменить этот мир и сделать питекантропов его властелинами. Простейшее из них — камень, зажатый в руке,— во много раз увеличивало силу удара. Затем следовала костяная палица — она удлиняла руку и помогала защищаться от клыков и когтей свирепых хищников. С таким оружием все пригодные в пищу животные, которыми кишела саванна, были доступны питекантропам.

Но им нужны были и другие вспомогательные орудия, ибо своими зубами и ногтями они могли расчленять лишь мелкую добычу, вроде кроликов. К счастью, Природа приготовила им великолепные инструменты; нужна была лишь смекалка, чтобы найти их и применить.

Во-первых, для них был готов грубый, но очень удобный нож-пила. Модель, созданная Природой,— обыкновенная нижнечелюстная кость антилопы со всеми зубами — отлично прослужит три миллиона лет. Никаких существенных улучшений вплоть до появления стали в нее не внесут. Нашлось и шило, оно же кинжал,— рог газели и, наконец, скребок — нижняя челюсть почти любого мелкого животного.

Камень, дубинка, пила, рог-кинжал, костяной скребок были необходимы питекантропам — без этих заме-

чательных изобретений они бы не выжили. Вскоре питекантропы признали эти орудия символами могущества, какими они и были, но понадобилось время, пока их неловкие руки научились — или захотели — их применить.

Возможно, когда-нибудь они смогли бы и самостоятельно додуматься до потрясающей, блестящей идеи — воспользоваться естественным «вооружением» животных в качестве искусственных орудий. Но природные условия складывались неблагоприятно для них, и даже теперь бесчисленные опасности подстерегали их в веках, простирающихся впереди.

Питекантропам была дарована единственная возможность победить. Другой такой возможности уже не будет. Свою судьбу они, в самом буквальном смысле слова, держали в собственных руках.

Луны всходили и закатывались; дети рождались и иногда выживали; слабые, беззубые тридцатилетние старики умирали; леопард по ночам взимал свою мзду; Другие каждый день грозились из-за ручья... а племя Смотрящего на Луну процветало. За один только год он и его сородичи изменились до неузнаваемости.

Они оказались прилежными учениками: теперь они умели пользоваться всеми орудиями, которые были им показаны. О голоде они уже не думали, и даже воспоминания о нем начали ускользать из их памяти. Бородавочники, правда, стали побаиваться их и к себе не подпускали, но на равнине паслись десятки тысяч газелей, антилоп и зебр. Все эти и многие другие животные становились добычей начинающих охотников.

Теперь, когда питекантропы уже не были постоянно одурманены голодом, у них появилось время для отдыха и даже для мышления, правда, в самой зачаточной форме. Свой новый образ жизни они приняли как нечто должное и никак не связывали его с монолитом, который все еще стоял у тропы, ведущей к ручью. Если бы им довелось когда-либо задуматься о счастливых переменах в их жизни, они, возможно, похвастались бы, что добились этого собственными силами. По правде говоря, они уже позабыли, что можно жить иначе.

Однако безупречных утопий нет, были и у этой два существенных недостатка. Во-первых, мародер-леопард, пристрастие которого к питекантропам как будто даже возросло, когда они стали более упитанными. Во-вторых, стая за рекой: Другие ухитрились каким-то образом выжить и наотрез отказывались помирать с голоду.

Проблема леопарда вскоре разрешилась, отчасти по воле случая, отчасти в результате серьезной, едва ли не роковой ошибки Смотрящего на Луну. Впрочем, в ту минуту идея ему показалась столь блестящей, что он даже заплясал от радости, и вряд ли стоило его упрекать в том, что он не учел всех последствий.

Время от времени у племени еще выпадали черные дни, хотя гибель уже не грозила. Однажды им не удалось добыть мяса, и под вечер Смотрящий на Луну вел своих усталых и сердитых сородичей домой. Впереди уже показались пещеры, и тут, у самого своего порога, они наткнулись на один из редких подарков природы.

Близ тропы лежала антилопа — не детеныш, а взрослый самец. У него была сломана передняя нога, он не мог сдвинуться с места, но еще не ослабел, и окружившие его шакалы держались на почтительном расстоянии от острых как кинжалы рогов. Впрочем, они могли позволить себе роскошь терпеливо ждать — они знали, что время работает на них.

Они только забыли о возможных соперниках; при появлении питекантропов они отступили, злобно огрызаясь. Питекантропы тоже сначала осторожно окружили животное, держась подальше от его опасных рогов, но затем набросились на него с палицами и камнями.

Это нападение было не особенно дружным и организованным; когда несчастное животное наконец испустило дух, уже почти совсем стемнело, и шакалы снова осмелели. Смотрящий на Луну, раздираемый страхом и голодом, только тут сообразил, что все их старания могут пропасть зря. Оставаться на тропе было уже слишком опасно.

И тут — не в первый и не в последний раз — он доказал свою гениальность. Огромным усилием воображе-

ния он представил себе убитую антилопу в безопасном убежище — в своей пещере! Он поволок ее к уступу, остальные довольно быстро поняли, зачем он это делает, и принялись ему помогать.

Знай он, как трудна будет эта задача, он не стал бы и пробовать. Если бы не огромная физическая сила да ловкость, унаследованные от предков, живших на деревьях, ему нипочем бы не втащить тяжелую добычу вверх по крутому склону. Несколько раз, плача от беспомощности, он готов был бросить ее на полпути, но упорство, столь же могучее, как и чувство голода, подхлестывало его. Сородичи то помогали ему, то мешали; по большей части они просто путались под ногами. Но когда последние отблески заката погасли на ночном небе, задача была выполнена — изодранную и растерзанную тушу антилопы втащили через высокий порог в пещеру, и началось пиршество.

...Спустя несколько часов наевшийся до отвала вожак внезапно проснулся. Сам не понимая почему, он присел в темной пещере среди распростертых тел своих тоже сытых по горло сородичей и начал напряженно вслушиваться в ночную мглу снаружи.

Он не слышал ни звука, кроме тяжелого дыхания спящих; казалось, весь мир погружен в глубокий сон. В ярком свете высоко стоящей луны белели, словно кости, скалы вокруг входа в пещеру. Даже самая мысль об опасности казалась бесконечно далекой.

И вдруг откуда-то снизу донесся слабый звук — по откосу скатился камешек. Превозмогая страх, Смотрящий на Луну подполз к выходу из пещеры и пытливо заглянул вниз, на склон горы под ним.

То, что он увидел, сковало его таким ужасом, что он несколько секунд не мог даже пошевельнуться. Всего в десяти шагах светились золотистым светом два глаза, вперившиеся прямо в него. Завороженный этим леденящим взглядом, он в этот миг вряд ли помнил о скрытом темнотой гибком пятнистом теле, плавно и бесшумно скользившем от камня к камню. Леопард никогда еще не забирался так высоко. На сей раз он пренебрег нижними пещерами, хотя наверняка знал, кто в них живет. Его

влекла сейчас другая добыча, он шел по следу, образованному на залитом луной склоне каплями крови.

Через несколько секунд ночную тишину разорвали тревожные вопли питекантропов в верхней пещере. Леопард яростно зарычал — внезапная атака не удалась. Но он не остановился, он знал, что ему нечего бояться.

Он добрался до входа в пещеру и на мгновение задержался на узкой площадке перед ним. Вокруг пахло свежей кровью, и этот запах будил в убогом свирепом мозгу леопарда одно неудержимое желание. Не колеблясь, зверь бесшумно шагнул в пещеру.

Это была его первая ошибка — в темноте пещеры после яркого лунного света даже его великолепно приспособленные к ночному видению глаза на миг словно ослепли. Питекантропы могли видеть его лучше, чем он их, хотя бы потому, что его силуэт выделялся на более светлом фоне входного отверстия. Они были, конечно, до смерти испуганы, но уже не так беспомощны, как раньше.

Рыча и хлеща направо и налево хвостом, леопард с наглой уверенностью прыгнул в пещеру в поисках сладкой поживы, которая приманила его сюда. На открытом месте он без труда достиг бы цели. Но здесь, в пещере, припертые к стене и побуждаемые отчаянием питекантропы решились на немыслимо дерзкую попытку. К тому же впервые за все время своего существования они располагали средствами, позволяющими им достичь своей цели.

На голову леопарда обрушился оглушающий удар, и только тут он почуял неладное. Он наугад отмахнулся передней лапой и, раздирая когтями чье-то живое тело, услышал крик, полный предсмертной муки. И вдруг сильная боль пронзила его самого — что-то острое воткнулось ему под ребра, потом еще и еще раз. Он круто обернулся, пытаясь настичь ответными ударами смутные тени, которые, вопя, метались вокруг.

Снова яростный удар, на этот раз по носу. Леопард цапнул зубами что-то, мелькнувшее беловатым пятном перед его глазами, но зубы только скользнули по мертвой кости. А затем последовало нечто совершенно нево-

образимое и унизительное — его ухватили за хвост и стали тянуть, чуть не отдирая хвост с корнем.

Леопард могучим рывком развернулся вокруг себя и, взметнув в воздух своего безрассудно дерзкого мучителя, шмякнул его о стену пещеры. Но как зверь ни бился, ему не удавалось уклониться от града ударов, наносимых со всех сторон примитивными орудиями, которыми теперь владели неуклюжие, но сильные руки питекантропов. В его рычании последовательно отразилась целая гамма чувств — от боли до тревоги и от тревоги до слепого ужаса. Непобедимый охотник обратился в жертву и отчаянно пытался спасти свою шкуру.

И тут он сделал вторую ошибку: с перепугу он забыл, где его настигла опасность. А может быть, удары, обрушившиеся на его голову, оглушили или ослепили его. Так или иначе, спасаясь, он опрометью выпрыгнул из пещеры. Снаружи донесся отчаянный сиплый рев. Это ревел леопард, беспомощно кувыркаясь в воздухе. Питекантропам показалось, что прошла вечность, и наконец они услышали глухой стук — это тело леопарда разбилось о каменный выступ на середине откоса, и все смолкло, только прошуршали несколько камешков, соскользнувших вниз.

Смотрящий на Луну, опьяненный победой, еще долго приплясывал и бормотал у входа в пещеру. Он безошибочно чуял, что все в мире переменилось, отныне он уже не будет беспомощной жертвой враждебных сил.

Наконец он залез в пещеру и впервые в своей жизни проспал всю ночь, ни разу не проснувшись.

На утро они увидели труп леопарда у подножия обрыва. Не сразу они решились подойти к сраженному чудовищу, хотя и знали, что оно мертво, но потом набросились на него, пустив в ход свои костяные ножи и пилы.

Работа оказалась нелегкой, и на охоту в этот день не ходили.

5. Встреча на рассвете

Ведя свою стаю к ручью в сером предутреннем свете, Смотрящий на Луну нерешительно остановился у места,

показавшегося ему знакомым. Он знал, что здесь чего-то недоставало, но никак не мог вспомнить, чего именно. Впрочем, он не тратил особых усилий на воспоминания — этим утром у него на уме были дела посерьезнее.

Огромная кристаллическая глыба исчезла так же загадочно, как и появилась,— подобно грому и молнии, облакам и затмениям светил. Утонув в прошлом, которое для питекантропов не существовало, она уже никогда более не вспоминалась Смотрящему на Луну.

Он так и не понял, что сделал для него этот камень, а столпившиеся вокруг сородичи даже не полюбопытствовали, почему их вожак остановился здесь на минутку в утреннем тумане по дороге на водопой.

Стоя на своем берегу в извечно нерушимой безопасности своих владений, Другие увидели Смотрящего на Луну и с десяток самцов из его стаи еще издалека — словно оживший силуэтный фриз на фоне рассветного неба. Они тут же разразились обычными выкриками и угрозами, но на сей раз ответа не последовало.

Спокойно, решительно, а главное, молча Смотрящий на Луну и его отряд сошли с невысокого пригорка на своем берегу, и, когда они приблизились к воде, Другие внезапно притихли. Их ритуальная ярость схлынула, вытесненная все нарастающим страхом. Они смутно сознавали, что происходит нечто необычное, что сегодняшняя встреча с соседями непохожа на все прежние. Костяные палицы и ножи, которыми были вооружены приближавшиеся, не встревожили Других — они ведь не понимали, для чего эти орудия. Только чутье подсказывало им, что каждый шаг их соперников исполнен новой решимости и угрозы.

У самой воды Смотрящий на Луну остановился, и Другие на миг приободрились. Под водительством своего Одноухого они без особого рвения снова начали воинственно вопить. Но через несколько секунд их глазам предстало столь страшное зрелище, что они онемели.

Смотрящий на Луну взметнул обе руки вверх, открыв для обозрения свою ношу, которую до того скры-

вали волосатые тела его сородичей. Он держал в руках толстый сук, на который была насажена окровавленная голова леопарда. Пасть его была широко раскрыта и расперта щепкой, огромные клыки сверкали устрашающей белизной в первых лучах восходящего солнца.

Большинство Других оцепенели от страха и не могли шевельнуться, но кое-кто начал медленно пятиться, спотыкаясь на каждом шагу. Этого было довольно, чтобы Смотрящий окончательно осмелел. По-прежнему держа свою растерзанную добычу над головой, он шагнул в воду. Немного поколебавшись, зашлепали вслед за ним по воде и его спутники.

Вожак достиг противоположного берега, а Одноухий все еще стоял на прежнем месте. Возможно, он был слишком смел или слишком глуп, чтобы бежать, а может быть, ему просто не верилось, что и вправду совершается такое неслыханное вторжение. Был ли он героем или трусом, это никак не повлияло на его участь; голова леопарда, сверкнув мертвым оскалом клыков, взвилась над ним и размозжила ему череп, а он так ничего и не понял.

Визжа от ужаса, Другие разбежались и попрятались в зарослях. Впрочем, немного погодя они вернулись и вскоре начисто позабыли о своем погибшем вожаке.

А Смотрящий на Луну стоял в нерешительности над своей новой жертвой, пытаясь уяснить странное и удивительное открытие: мертвый леопард все еще может убивать! Он стоял и думал. Он стал владыкой мира, и ему еще не совсем было ясно, что делать дальше.

Но он что-нибудь придумает.

6. Появление человека

На Земле появилось новое животное; из центральной части Африканского материка оно медленно распространялось по всей планете. Оно было еще столь немногочисленно, что при беглом обследовании его можно было и не заметить среди миллиардов живых существ, которыми кишели и море, и суша. Пока еще ничто не предвещало, что оно добьется процветания или хотя бы про-

сто выживет: в этом мире, где погибло так много более могучих животных, его судьба еще висела на волоске.

За сто тысяч лет, прошедших со времени появления в Африке монолитов, питекантропы не придумали ничего нового. Но сами они начали изменяться и выработали навыки, какими не обладало больше ни одно животное. Костяные палицы приумножили их силу и удлинили их руки; они уже не были теперь беззащитны против хищников, с которыми им приходилось состязаться. У мелких они могли отнять добычу, а тех, что побольше, заставили остерегаться, а иногда и обращали в бегство.

Крупные зубы питекантропов постепенно становились мельче, потому что теперь они были уже не так нужны. Их кое в чем уже заменял камень с острыми гранями, которым можно было выкапывать съедобные корни, резать жесткое мясо и сухожилия, и эта новая возможность повлекла за собой неисчислимые последствия. Питекантропам, у которых стерлись или сломались зубы, уже не грозила голодная смерть — даже самые примитивные орудия могли продлить их жизнь на много лет. А по мере того как становились короче клыки, менялся и весь склад их лица — все меньше выпячивались нос и верхняя губа, менее тяжелой становилась нижняя челюсть, теперь они могли издавать ртом больше разнообразных звуков. До речи было еще больше миллиона лет, но первые шаги в этом направлении были уже сделаны.

А потом начал меняться окружающий мир. Четырьмя могучими волнами прокатились ледниковые периоды, оставив на всей Земле свой след; гребни этих волн отстояли друг от друга на двести тысяч лет. За пределами тропиков ледники уничтожили тех, кто слишком рано покинул родину своих предков; они смели с лица Земли все живое, что не умело приспособиться к новым условиям.

Когда льды отступили, не стало и многих древних представителей органической жизни, в том числе и питекантропов. Но в отличие от других животных они оста-

вили потомков — они не вымерли, а преобразились. Орудия, сделанные их руками, переделали их самих.

Работая дубинками и кремневыми ножами, их руки приобретали ловкость, какой не обладал никто больше во всем животном царстве, и эта ловкость позволила им изготовлять еще более совершенные орудия, которые в свою очередь развивали их мозг и конечности. Это был нарастающий, самоускоряющийся процесс, и он в конечном итоге создал Человека.

Первые люди в точном смысле этого слова располагали орудиями, лишь немногим совершеннее тех, что были у их предков миллион лет назад, но пользовались ими уже гораздо искуснее. Кроме того, неведомо когда, в незапамятные времена, они изобрели самое важное орудие, незримое и неосязаемое. Они научились говорить и тем самым добились первой великой победы над Временем. Теперь каждое поколение получило возможность передавать свои знания и опыт следующему, молодому, и каждый новый век становился обладателем всего открытого и познанного предыдущими.

В отличие от животных, которым было ведомо только настоящее, Человек обрел прошлое — и начинал искать пути к достижению будущего.

Постепенно он учился также использовать силы природы; подчинив себе огонь, он заложил основы первичной технологии и высоко поднялся над миром животных, из которого вышел сам. Прошло время, и камень сменился бронзой, бронза — железом. На смену охоте пришло земледелие. Выросшее из стаи племя положило начало селению, селения разрастались в города. Человек научился увековечивать речь знаками на камне, затем на глине, затем на папирусе. Потом он придумал философию и религию. И заселил небо богами.

Тело его становилось все беззащитней, а орудия нападения — все более устрашающими. Пуская в ход камень, бронзу, железо и сталь, он испытал весь набор орудий, могущих колоть и резать, и весьма рано научился поражать свои жертвы на расстоянии. После копья,

лука и пушки ядерная ракета, наконец, дала ему в руки оружие неограниченной мощи.

Без оружия, хотя он часто обращал его во вред себе, Человек никогда не завоевал бы Землю. Но теперь само существование оружия грозит Человеку гибелью.

II. ЛМА-1

7. Специальный рейс

Сколько бы ни приходилось покидать Землю, подумал доктор Хейвуд Флойд,— все равно всякий раз волнуешься не меньше. Он побывал на Марсе, трижды — на Луне, а на различные космические станции летал так часто, что давно уже сбился со счету. И все же теперь, когда близился момент старта, он ощутил, как нарастает в нем напряжение, какое-то изумленно-благоговейное чувство, ну и, конечно, самое обыкновенное волнение, как у новичка перед первым космическим «крещением».

Реактивный самолет, домчавший его сюда из Вашингтона после полуночной беседы с президентом США, начал круто снижаться над местностью, облик которой, хотя и был знаком всему миру, все же оставался не менее волнующим. Здесь, внизу, на протяжении тридцати пяти километров вдоль побережья Флориды высились памятники первых двух поколений Эры завоевания космоса. Дальше к югу мерцающими красными огнями были очерчены силуэты гигантских опорных мачт «сатурнов» и «нептунов», которые вывели людей на межпланетные трассы и стали ныне достоянием истории. Еще дальше, у самого горизонта, в лучах прожекторов огромной серебряной башней сверкала последняя ракета «Сатурн V», сохраненная как национальный монумент и почти два десятилетия служившая местом паломничества. Неподалеку от нее рукотворной горой вырисовывался на фоне неба исполинский массив Корпуса сборки ракет — он и по сей день оставался крупнейшим зданием на Земле.

Но все это было уже достоянием прошлого, а доктор Флойд летел в будущее. Когда самолет пошел на посадку, Флойд увидел внизу множество зданий, длинную посадочную полосу, а дальше, широким черным шрамом рассекая Флоридскую равнину, тянулась огромная пусковая эстакада с несколькими рядами параллельных направляющих. На стартовом конце ее в окружении машин и кранов лежал, готовясь к прыжку в небо, космолет, ярко освещенный прожекторами. В быстрой смене скоростей и высот Флойд на мгновение утратил ощущение масштабов, и космолет показался ему крохотной серебристой мошкой, выхваченной из ночной тьмы лучом карманного фонаря.

Но маленькие фигурки, суетившиеся вокруг, тотчас вернули ему истинное представление о размерах корабля. Между концами резко скошенных крыльев было, наверно, не меньше шестидесяти метров. «И эта гигантская машина, — с удивлением, но и не без гордости подумал Флойд, — готовится для меня одного!» На его памяти это был первый космический полет для доставки на Луну всего лишь одного человека.

Хотя было уже два часа ночи, на пути от самолета до залитого светом космического корабля «Орион III» доктора Флойда перехватила группа репортеров. Кое-кого из них он узнал — для него как председателя Национального совета по астронавтике пресс-конференции были неотъемлемой частью повседневной жизни.

— Доктор Флойд? Я Джим Форстер из «Ассошиэйтед ньюс». Не скажете ли нам несколько слов о цели вашего полета?

— К сожалению, не могу.

— Но ведь несколько часов назад вы беседовали с президентом.

— А, это вы, Майк. Хелло! Боюсь, что вас напрасно подняли с постели. Никакой информации не будет.

— Может быть, вы хотя бы подтвердите или опровергнете слухи о том, что на Луне вспыхнула какая-то эпидемия? — спросил один из телевизионных репортеров, ухитрившийся протиснуться поближе к Флойду и

все время державший его в поле зрения своей портативной камеры.

— Очень жаль, но не имею возможности, — ответил Флойд, покачав головой.

— А как насчет карантина? — спросил другой репортер.— Когда его снимут?

— Комментариев не будет.

— Доктор Флойд,— тоном, не допускающим отказа, спросила хрупкая, но весьма решительная дама из газеты,— чем объясняется полное прекращение информационных передач с Луны? Это связано с политической обстановкой?

— Какую именно политическую обстановку вы имеете в виду? — сухо бросил Флойд.

В группе журналистов послышались смешки. Флойд направился к лифтовой башне, оставив своих преследователей позади запретного барьера.

— Счастливого пути, доктор! — крикнул кто-то из них.

У входа в салон его приветствовала блещущая свежестью стюардесса:

— С добрым утром, доктор Флойд. Я мисс Симмонс. Приветствую вас на борту нашего корабля от имени капитана Тайнза и второго пилота, первого помощника капитана, Балларда.

— Благодарю вас,— улыбнулся Флюйд, дивясь про себя, почему у всех стюардесс голос безжизненный, словно у гидов-автоматов.

— Старт через пять минут, — сообщила она, обводя гостеприимным жестом пустой салон на двадцать пассажиров.— Можете занять любое место, но капитан Тайнз рекомендует вам сесть в крайнем левом кресле первого ряда, у иллюминатора,— оттуда удобно наблюдать все этапы старта и посадки.

— Пожалуй, я так и сделаю,— согласился Флойд.

Стюардесса еще немного посуетилась вокруг него и удалилась в свою кабину в конце салона.

Флойд уселся в кресло поудобнее, застегнул ремни на поясе и на плечах и закрепил свой портфель в соседнем

кресле. Через мгновение мягким щелчком включился репродуктор.

— С добрым утром,— послышался голос мисс Симмонс.— Мы следуем специальным рейсом номер три с мыса Кеннеди на Космическую станцию номер один.

Она, видимо, решила совершить ради своего одинокого пассажира полный предстартовый ритуал, и Флойд не мог удержаться от улыбки, слушая, как неумолимо она выкладывает всю информацию, которую положено сообщать пассажирам.

— Наш полет будет длиться пятьдесят пять минут. Максимальное ускорение составит два «же», состояние невесомости продолжится тридцать минут. Прошу не покидать кресла до тех пор, пока не зажжется табло с разрешающей надписью.

Флойд, полуобернувшись, крикнул:

— Спасибо!

Он успел увидеть несколько смущенную, но очаровательную улыбку.

Флойд откинулся на спинку кресла, расслабил мышцы. Этот полет обойдется налогоплательщикам примерно в миллион с лишним долларов. Если затраты окажутся неоправданными, его, Флойда, сместят с занимаемого поста. Впрочем, он всегда может возвратиться в университет и вновь заняться вопросами происхождения планет.

— Автоматический предстартовый контроль закончен, полет разрешен,— послышался в репродукторе голос капитана с типичными для радиодикторов успокаивающими интонациями.— Старт через одну минуту.

Как всегда, эта минута показалась часом. С острым волнением Флойд вспомнил, какие могучие силы дремлют где-то рядом с ним и ждут своего высвобождения. В топливных баках двух ракет и в энергоаккумуляторах пусковой катапульты была сосредоточена энергия мощной ядерной бомбы. И вся она будет затрачена только на то, чтобы забросить его всего на триста пятьдесят километров от Земли.

Никаких устаревших предстартовых отсчетов, вроде

«пять — четыре — три — два — один», теперь не производилось. Слишком дорого они стоили человеческим нервам.

— Старт через пятнадцать секунд. Вам будет легче, если вы начнете глубоко дышать.

Это было правильно как с психологической, так и с физиологической точки зрения. Когда катапульта начала разгонять свой тысячетонный снаряд, чтобы взметнуть его над Атлантикой, Флойд был настолько заряжен кислородом, что чувствовал себя готовым к любым испытаниям.

Определить момент отрыва от катапульты и начала полета он не смог, но включение двигателей первой ступени на полную мощность дало о себе знать удвоенным ревом и резким нарастанием силы тяжести, вдавливавшей Флойда все глубже и глубже в кресло. Ему хотелось глянуть в иллюминатор, но было трудно даже повернуть голову. И в то же время он не ощущал никакого неудобства, напротив, нарастающее ускорение и рев двигателей порождали в нем чувство необычайного блаженства.

Совершенно оглушенный, с учащенно бьющимся сердцем, Флойд давно уже не испытывал такого наслаждения жизнью, как сейчас. Он снова был молод и счастлив, ему хотелось громко петь — и он вполне мог себе это позволить, поскольку его все равно никто бы не услышал.

Но приподнятое настроение мигом схлынуло, как только он вспомнил, что покидает Землю и всех, кого любит. Там, внизу, оставались трое детей, осиротевших десять лет назад, когда его жена отправилась в тот роковой полет в Европу... Неужели прошло уже десять лет? Не может быть! Да, десять лет... Пожалуй, ради детей ему следовало жениться во второй раз...

Он почти утратил ощущение времени, но вдруг давление и шум резко спали и в репродукторе послышалось: «Готовимся к отделению первой ступени. Пошла!»

Флойд почувствовал слабый толчок. И тут ему вспомнилась цитата из Леонардо да Винчи, одно время

висевшая на стене в помещении НАСА: «Великая птица совершает свой полет на спине другой великой птицы, неся славу тому гнезду, где она родилась».

Ну что ж, вот великая птица уже и летит там, куда не достигали мечты Леонардо, а ее усталая спутница плавно опускается назад, на Землю. Описав кривую в пятнадцать тысяч километров, опустевшая первая ступень войдет в атмосферу и, постепенно тормозясь, приземлится на мысе Кеннеди. Через несколько часов, после проверки и повторной заправки, она вновь будет готова поднять на своей спине новую птицу к тем сверкающим высям вечного молчания, которых сама никогда не достигнет.

Осталось меньше полпути до выхода на орбиту. «Дальше полетим на своих»,— подумал Флойд. Заревели двигатели второй ступени, опять возникло ускорение, но на сей раз тяга была гораздо слабее — он ощущал почти нормальную силу тяжести. Впрочем, ходить все равно было невозможно, поскольку «верх» был на передней стене салона. Если бы Флойду воздумалось выбраться из кресла, он упал бы и разбился о заднюю стену.

Ощущение было не особенно приятным — казалось, корабль стоит на хвосте, а все кресла салона укреплены на отвесной стене, причем кресло Флойда — на самом верху...

Пока он усердно пытался преодолеть этот обман чувств, за стенами корабля бесшумно взорвался рассвет.

За считанные секунды корабль пронесся через багровые, розовые, золотистые, голубые преддверия дня и вторгся в царство пронзительного света. Хотя стекла иллюминаторов были густо окрашены, чтобы ослабить сияние Солнца, первые лучи его, медленно скользившие по салону, на несколько минут почти ослепили Флойда.

Он прикрыл глаза от косых лучей ладонями и попытался поглядеть в иллюминатор. Снаружи, словно раскаленное добела, сверкало круто скошенное назад крыло корабля. За его кромкой была чернильная мгла, в этой

мгле должно сиять множество звезд, но увидеть их Флойд не мог.

Сила тяжести медленно убывала — корабль выходил на орбиту, и подача топлива в двигатель снижалась. Грохот постепенно перешел в приглушенный рев, затем в слабое шипение и наконец смолк. Если бы не застегнутые ремни, Флойд всплыл бы над своим креслом; впрочем, желудок вел себя так, будто он действительно собирается всплыть. Оставалось только надеяться, что таблетки, принятые полчаса назад и в пятнадцати тысячах километров отсюда, подействуют, как предусмотрено в их описании. «Космическая болезнь» была у Флойда только один раз за всю его карьеру, но и этого было предостаточно.

В репродукторе прозвучал твердый, уверенный голос пилота: «Прошу соблюдать правила поведения при невесомости. Через сорок пять минут мы отшвартуемся у Космической станции номер один».

Появилась стюардесса. Она шла по узкому проходу справа от тесно расположенных кресел медленно и плавно, будто плыла, с трудом отрывая ноги от пола, словно его поверхность была покрыта клеем. Она не сходила с ярко-желтой ковровой дорожки из велкро, которая тянулась по всему проходу на полу — и на потолке. Эта дорожка и подошвы туфель стюардессы были покрыты множеством мельчайших крючков и сцеплялись друг с другом, как репьи. Такое приспособление для ходьбы в условиях свободного падения в пространстве очень помогало непривычным к невесомости пассажирам.

— Не хотите ли чаю или кофе, доктор Флойд? — весело спросила она.

— Нет, спасибо,— улыбнулся Флойд.

Когда ему приходилось сосать питье из пластмассовых тюбиков, он неизменно чувствовал себя грудным младенцем.

Он открыл свой портфель и собрался достать бумаги, но стюардесса все еще продолжала стоять подле него с озабоченным выражением лица.

— Доктор Флойд... Можно задать вам один вопрос?

— Да, конечно,— сказал он, взглянув на нее поверх очков.

— Мой жених работает геологом на базе Клавий,— заговорила стюардесса, тщательно выбирая слова,— и вот уже вторую неделю я не имею от него никаких вестей.

— Сочувствую вам. Может быть, он выехал с базы и с ним временно нет связи?

Она покачала головой:

— Нет, он меня всегда предупреждает о таких поездках. Представляете, как я беспокоюсь... А тут еще слухи... Правда, что на Луне эпидемия?

— Ну, если там и случилось что-либо подобное, то никаких оснований для тревоги нет. Вспомните: в 1998 году на Луне тоже объявили карантин, когда там появился мутантный вирус гриппа. Переболело много людей, но ведь никто не умер... Простите, но это все, что я могу вам сказать,— добавил он твердо.

Мисс Симмонс пленительно улыбнулась и распрямилась.

— Спасибо и на том, доктор. Простите за беспокойство.

— Да что вы, никакого беспокойства,— любезно, но не вполне искренно ответил Флойд и погрузился в бесчисленные технические доклады (как всегда, на последние минуты осталась груда накопившихся бумаг).

На Луне ему явно некогда будет их читать.

8. Встреча на орбите

Получасом позднее пилот объявил:

— Через десять минут причалим. Прошу проверить надежность креплений к креслу.

Флойд повиновался приказу, потом убрал бумаги. Было бы по меньшей мере неблагоразумно заниматься чтением во время того акта небесной акробатики, какой всегда разыгрывается на последних сотнях километров перед стыковкой со станцией. Лучше закрыть глаза и отдохнуть, расслабив мышцы, пока короткие вспышки

коррекционных двигателей будут рывками дергать корабль.

Через несколько минут в иллюминаторе впервые показалась Космическая станция номер один. До нее оставалось не больше десятка километров. Полированные металлические поверхности медленно вращающегося трехсотметрового колеса сверкали в лучах Солнца. Неподалеку от станции в дрейфе на той же орбите «лежал» космоплан «Титов V», а рядом с ним — почти шарообразный «Ариес-IB», рабочая лошадка космоса; с одной стороны у него торчали четыре короткие посадочные «ноги» — амортизаторы для прилунения.

«Орион III» подходил к Станции с внешней, несколько большего радиуса, орбиты, и перед Флойдом открылась озаренная Солнцем поверхность Земли во всей своей красе и живописности. С высоты 350 километров он мог видеть большую часть Африканского континента и Атлантический океан. Несмотря на значительную облачность, он легко узнал зелено-голубые очертания Золотого берега.

Осевая часть Станции с выдвинутыми вперед причальными направляющими медленно плыла навстречу кораблю. В отличие от всего огромного колеса эта центральная его часть не вращалась или, если угодно, вращалась в обратную сторону со скоростью, точно равной скорости вращения колеса. Благодаря этому прибывающий корабль мог стыковаться с нею для обмена грузом и пассажирами, не подвергаясь вращению, весьма нежелательному при этой операции.

Еле ощутимый толчок возвестил о том, что корабль причалил. Снаружи донеслись скрежет и лязг металла, затем коротко зашипел воздух — это уравнивалось давление в шлюзе. Через несколько секунд герметическая дверь шлюза раскрылась, и в салон вошел человек в светлых узких брюках и рубашке с короткими рукавами — этот костюм стал почти формой персонала Станции.

— Рад с вами познакомиться, доктор Флойд. Я Ник

Миллер, офицер Службы безопасности Станции. Мне приказано охранять вас до отбытия лунного шаттла.

Они пожали друг другу руки. Флойд, улыбаясь, обратился к стюардессе:

— Передайте, пожалуйста, капитану Тайнзу привет и мою признательность за спокойный полет. На обратном пути мы с вами, наверно, увидимся.

С величайшей осторожностью — последний раз он летал больше года назад, и теперь ему требовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к внеземным условиям,— он, перехватываясь руками, протянул себя через шлюз в большую цилиндрическую камеру на оси Космической станции. Изнутри камера была покрыта мягкой амортизирующей обивкой, в которую были заглублены ручки. Флойд крепко уцепился за одну из них, и камера начала вращаться, сперва очень медленно, потом быстрее, пока скорость ее вращения не совпала со скоростью всего колеса.

И по мере того как камера набирала угловую скорость, он начал отчетливее ощущать прикосновение гравитации, сперва совсем слабой; постепенно его все с большей силой притягивало к цилиндрической стене камеры. Вдруг, словно по волшебству, стена превратилась в искривленный пол, и вот уже Флойд стоит на нем, неуверенно и тихо покачиваясь во все стороны, словно стебель водоросли под волнами прилива. Им завладела центробежная сила, порожденная вращением станции; еще очень слабая здесь, у оси, она возрастала по мере приближения к наружному «ободу».

Из осевой камеры Флойд, следуя за Миллером, пошел вниз по винтовой лестнице. Вначале вес его был столь незначителен, что приходилось хвататься за перила и делать некоторое усилие, чтобы спускаться. Лишь в залах для пассажиров, которые находились на самом «ободе» огромного вращающегося колеса, Флойд приобрел достаточный вес, позволивший ему почти нормально управлять своими движениями.

Залы были заново отделаны со времени его последнего посещения, в них появились некоторые дополнитель-

ные удобства. Маленькие столики со стульями для отдыха, ресторан и почта были тут и раньше, теперь прибавились еще и парикмахерская, бар, кинотеатр, а также киоск с сувенирами, в котором продавались фотографии и «слайды» лунных и земных ландшафтов и куски «лунников», «рейнджеров» и «сервейоров» с гарантией подлинности, изящно обрамленные пластиком и грабительски дорогие.

— Не хотите ли чего-нибудь, пока мы ждем? — спросил Миллер.— Посадка будет примерно через полчаса.

— Не возражал бы против чашки кофе. Сахару — два куска. И еще мне нужно позвонить на Землю.

— Пожалуйста. Кофе я сейчас добуду, а телефоны вон там.

Нарядные телефонные будки находились всего в нескольких шагах от барьера, в котором были два входа с вывесками «Добро пожаловать в сектор США» и «Добро пожаловать в советский сектор». Объявления под вывесками на английском, русском, китайском, французском, немецком и испанском языках гласили:

Просим предъявить:
паспорт,
визу,
медицинское свидетельство,
разрешение на полет,
декларацию о багаже с указанием веса.

Была некая отрадная символичность в том, что пассажиры, едва пройдя через любой из контрольных входов в барьере, имели право вновь свободно общаться. Разделение на секторы было чисто формальным.

Убедившись, что зональный вызывной сигнал для США был по-прежнему «81», Флойд отстучал на клавишах двенадцатизначный номер своего домашнего телефона, опустил в прорезь автомата пластиковый универсальный кредитный жетон, и через тридцать секунд его соединили с домом.

В Вашингтоне еще спали, до рассвета там оставалось несколько часов, но он никого и не собирался будить.

Экономка услышит его слова, записанные на рекордере, когда проснется.

— Мисс Флеминг, это доктор Флойд. Простите, что пришлось так спешно уехать. Будьте любезны, позвоните ко мне на службу и попросите забрать мою машину. Она стоит в аэропорту Даллес, а ключ у старшего диспетчера, мистера Бейли. Затем позвоните в загородный клуб Чеви-Чейс и сообщите для передачи секретарю, что я никак не смогу участвовать в теннисном матче в следующую субботу. Передайте мои извинения — боюсь, что они на меня рассчитывают. И еще позвоните в «Даунтаун электроникс» и скажите им, если они не починят видеофон в моем кабинете хотя бы к среде, пускай вовсе забирают эту чертову машинку!

Он перевел дыхание и попытался сообразить, какие еще затруднения могут возникнуть за время его отсутствия.

— Если у вас почему-либо не хватит денег, звоните на службу, они сумеют срочно связаться со мной. Впрочем, я, возможно, буду так занят, что не отвечу... Передайте детям, что папа их любит и вернется, как только освободится. О, черт! Тут появился человек, которого я не хочу видеть... Позвоню с Луны, если смогу. До свидания!

Флойд попытался, пригнувшись, выскользнуть из будки, но было уже поздно: через выход из советского сектора прямиком к нему направлялся член Академии наук СССР доктор Дмитрий Мойсевич.

Дмитрий был одним из лучших друзей Флойда, но именно поэтому Флойд меньше, чем с кем-либо другим, хотел столкнуться с ним здесь и в данную минуту.

9. Лунный шаттл

Русский астроном был высок, строен и светловолос, с лицом без единой морщинки — ему никак нельзя было дать пятидесяти пяти лет, тем более что последние десять лет он провел на строительстве гигантской радиообсерватории на обратной стороне Луны, где трехтыся-

чекилометровая толща скальных пород защищала от электронного беспутства Земли.

— Ну, знаете ли, Хейвуд,— сказал он, крепко пожимая руку американцу,— Вселенная поистине тесна! Что у вас нового? Как поживают ваши симпатичные ребята?

— У нас все хорошо,— дружелюбно, но несколько растерянно ответил Флойд.— Мы часто вспоминаем, как славно погостили у вас прошлым летом.

Ему было стыдно, что он не мог сказать об этом более искренно — им действительно доставил очень много радостей недельный отдых в Одессе, куда их пригласил Дмитрий во время одного из своих вылетов на Землю.

— А сейчас вы, полагаю, на Луну? — спросил Дмитрий.

— Гм, д-да... Стартуем через полчаса,— ответил Флойд.— Вы знакомы с мистером Миллером?

Офицер Службы безопасности как раз вернулся и остановился в почтительном отдалении, держа в руках пластиковую чашку с кофе.

— Конечно. Но прошу вас, мистер Миллер, поставьте эту чашку. У доктора Флойда осталась последняя возможность выпить виски в цивилизованных условиях, и упустить ее просто грешно. Нет-нет. я настаиваю.

Они последовали за Дмитрием из главного зала для отдыха в смотровой отсек и через минуту уже сидели за столом в тускло освещенном уголке, созерцая движущуюся панораму звездного неба. Космическая станция совершала один оборот в минуту, и центробежная сила, порождаемая этим медленным вращением, создавала искусственное тяготение, равное лунному. Это был, как установили исследования, наилучший компромисс между земным тяготением и полной невесомостью. К тому же пассажиры, летящие на Луну, получали здесь возможность, так сказать, гравитационной акклиматизации.

За почти невидимыми стеклами иллюминаторов немой чередой проплывали Земля и звезды. Та сторона колеса, где они сидели, была обращена в сторону, противоположную Солнцу, иначе слепящий свет не позволил

бы и глянуть в иллюминаторы. Даже сейчас в сиянии Земли, заслонившей полнеба, тускнели почти все звезды, кроме самых ярких.

Но Земля уже начала гаснуть — Станция неслась по орбите к ночной стороне планеты, через несколько минут она будет видна только как огромный черный диск, испещренный огнями городов, и тогда небом завладеют звезды.

— Скажите-ка, Хейвуд,— заговорил Дмитрий, быстро разделавшись с первой порцией виски и вертя в руках бокал со второй,— что это за эпидемия вспыхнула в американском секторе? Я хотел было заглянуть туда во время этой поездки, но мне ответили: «Не можем разрешить, профессор. У нас объявлен строгий карантин впредь до особого распоряжения». Нажимал на все кнопки, но ничего не вышло. Вы-то мне скажете, что там у вас происходит?

Флойд мысленно простонал: «Опять начинается... Господи, скорей бы уж залезть в этот шаттл и умотать на Луну!»

— Этот, э-э, карантин — обычная мера предосторожности,— с опаской заговорил он.— Мы, собственно, не очень уверены, нужен ли он в действительности, но рисковать не считаем возможным.

— Да что это за болезнь? Какие у нее симптомы? Откуда она, неужели внеземная? Может быть, вам нужна помощь нашей Медицинской службы?

— Прошу прощения, Дмитрий, нас просили пока ничего не разглашать. Спасибо за предложение, но мы сами справимся.

— Гм,— хмыкнул Мойсевич, которого слова Флойда явно ни в чем не убедили,— чудно что-то: зачем именно вас, астронома, посылают на Луну ликвидировать эпидемию?...

— Я столько лет не занимаюсь астрономией, что стал уже бывшим астрономом. Теперь я научный эксперт, а это означает, что одинаково мало знаю обо всем на свете.

— Но вы уж наверняка знаете, что такое ЛМА-1?

Миллер чуть не подавился своим виски. Однако Флойд был сделан из материала покрепче; он взглянул старому другу прямо в глаза и невозмутимо переспросил:

— ЛМА-1? Какое странное сокращение! Где вы его слышали?

— Ладно, не пытайтесь меня дурачить! — отрезал русский астроном.— Но если наткнетесь на орешек, который окажется вам не по зубам, надеюсь, вы не дотянете до того, что придется кричать «караул», когда будет уже слишком поздно?

Миллер многозначительно взглянул на часы.

— Через пять минут надо быть на корабле, доктор Флойд,— сказал он.— Нам, пожалуй, пора.

Флойд хорошо знал, что у них в запасе добрых двадцать минут, но поспешно вскочил. Даже чересчур поспешно — он забыл, что тяготение здесь в шесть раз меньше земного. Судорожно ухватившись за стол в последнее мгновение, он едва предотвратил незапланированный «взлет».

— Очень рад был повидаться с вами, Дмитрий,— сказал он, несколько покривив душой.— Желаю благополучно добраться до Земли. Я позвоню вам, как только вернусь.

Когда они вышли из зала отдыха и прошли контроль американского сектора, Флойд с облегчением вздохнул:

— Ф-фу! Едва вывернулся. Спасибо, что выручили, Миллер.

— Знаете что, доктор? — задумчиво проговорил офицер.— Хотел бы я надеяться, что русский не прав.

— В чем?

— В том, что мы наткнемся на орешек не по зубам.

— Именно это я и намерен выяснить в ближайшие дни,— решительно ответил Флойд.

Через сорок пять минут лунный транспорт «Ариес-IB» отвалил от Станции. В этом не было ничего похожего на грохот и ярость земных стартов. Флойд едва услышал отдаленный свистящий звук, когда реактивные двигатели малой тяги метнули электризованные струи плазмы в безвоздушное пространство. Тяга продолжа-

лась минут пятнадцать; ускорение было настолько слабым, что при желании он мог легко встать с кресла и пройтись по салону. Но вот ощущение тяги исчезло. Корабль освободился от власти земного тяготения, которое владело им, пока он был пришвартован к Станции. Он порвал узы тяжести и стал свободной, независимой планетой, совершающей путь вокруг Солнца по своей собственной орбите.

Салон, находившийся в единоличном распоряжении Флойда, был рассчитан на тридцать пассажиров. Непривычны были и вызывали острое чувство одиночества десятки пустых кресел вокруг и ни с кем не разделенное внимание стюарда и стюардессы, да еще двух пилотов и двух бортинженеров. Флойд задумался: вряд ли когда-либо в истории на поездку одного человека тратилось так много денег и едва ли это когда-нибудь повторится. Ему припомнились циничные слова одного из наиболее беспутных «наместников бога на Земле»: «Мы получили папский престол, а теперь насладимся всем, что он дает». Ну что ж, он, Флойд, тоже будет наслаждаться этим полетом и блаженным состоянием невесомости. Вместе с ощущением тяжести его покинули, во всяком случае на время, почти все заботы. Кто-то сказал, что в космосе человеком может владеть страх, но уж никак не озабоченность. Пожалуй, это верно.

Что касается стюардов, то они, видно, решили кормить его непрерывно на протяжении всех двадцати четырех часов перелета, и ему приходилось поминутно отклонять предложения «что-нибудь съесть». Вообще говоря, вопреки мрачным предсказаниям первых астронавтов, есть в условиях невесомости было не так уж затруднительно. Флойд сидел за обыкновенным столом, тарелки на столе были закреплены, как на морских судах во время качки. В каждое блюдо было добавлено что-нибудь клейкое, чтобы еда не сорвалась с тарелки и не пошла плавать по салону. Так, котлету удерживал густой соус, а салат подавали с клейкой подливкой. При некотором навыке и осторожности можно было справиться почти с любыми блюдами; настрого запрещались здесь только горячие супы и чересчур рассыпчатые тор-

ты и печенье. С напитками, конечно, дело обстояло иначе — жидкости подавались только в пластиковых тубах, и их приходилось выдавливать прямо в рот.

В конструкцию туалетной комнаты был вложен труд целого поколения энтузиастов, чей героизм остался невоспетым. Она уже достигла такого уровня совершенства, что считалась более или менее безотказной. Флойду пришлось проверить ее действие вскоре после начала свободного падения. Он оказался в маленькой кабине, снабженной всеми аксессуарами самолетного туалета, только почему-то в ней горела яркая красная лампочка, свет которой резал глаза. Табличка, напечатанная крупными буквами, гласила:

ОЧЕНЬ ВАЖНО! РАДИ ВАШЕГО УДОБСТВА
ПРОСИМ ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧИТАТЬ
НИЖЕСЛЕДУЮЩИЕ ПРАВИЛА!

Флойд присел (даже в условиях невесомости привычка использовать любую возможность, чтобы присесть, не покидала людей) и прочел инструкцию несколько раз. Убедившись, что со времени его последнего полета никаких изменений в правила не внесено, он нажал кнопку «Старт».

Где-то близко зажужжал электромотор, и Флойд почувствовал, что он вместе с кабинкой начал двигаться. Закрыв глаза, как рекомендовала инструкция, он стал ждать. Через минуту мелодично звякнул колокольчик, и он открыл глаза.

Свет из резко-красного стал успокаивающим бледно-розовым, но, самое главное, Флойд ощутил воздействие тяжести; только легкое подрагивание всей кабинки подсказывало, что она вращается. Флойд подбросил в воздух кусок мыла и проследил за его медленным падением — как он прикинул, центробежная сила равнялась примерно четверти земной силы тяжести. Но ее было вполне достаточно — все двигалось в нужном направлении и попадало туда, куда положено.

Он нажал кнопку «Остановка для выхода из кабины» и опять закрыл глаза. Вращение прекратилось, постепенно опять возникла невесомость, дважды звякнул коло-

кольчик, и вновь вспыхнул резкий красный свет. Дверца кабинки остановилась в нужном положении, и Флойд вышел в салон, поспешив с первого же шага прицепиться подошвами туфель к ковру. Он уже давно изведал всю остроту ощущений невесомости и был весьма доволен, что туфли «велкро» позволяют ходить почти нормально.

Скучать в полете не пришлось. Устав читать официальные доклады, памятные записки и протоколы, Флойд включил свой газетный планшет в информационную сеть корабля и просмотрел одну за другой крупнейшие электронные газеты мира. Их кодовые сигналы он помнил наизусть, и ему не требовалось даже заглядывать на обратную стенку планшета, где был напечатан их перечень. Включив краткосрочное запоминающее устройство планшета, он задерживал изображение очередной страницы на экране, быстро пробегал заголовки и отмечал статьи, которые его интересуют. Каждая статья имела свой двузначный кодовый номер — стоило только набрать его на клавиатуре планшета, как крохотный прямоугольничек статьи мгновенно увеличивался до размеров экрана величиной в лист писчей бумаги, обеспечивая полное удобство чтения. Прочитав одну статью, Флойд опять включал всю страницу и выбирал другую.

Он не раз задавал себе вопрос: неужели газетный планшет с фантастически сложной техникой, скрывающейся за простотой его использования, еще не последнее слово в непрестанном стремлении человека к совершенству средств связи? Чего еще можно желать? Взять хотя бы его, Флойда: далеко в космосе, уносясь от Земли со скоростью в многие тысячи километров в час, он может нажать одну-две кнопки — и через несколько миллисекунд прочитать заголовки какой угодно газеты. Кстати, в эту эру электроники и самое слово «газета», конечно, стало анахронизмом. Текст ежечасно автоматически обновлялся. Даже если читать одни лишь газеты на английском языке, можно всю жизнь только и делать, что поглощать этот вечно обновляющийся поток информации, поступающий со спутников связи.

Трудно было представить себе систему, более совер-

шенную и удобную. И все же, наверно, рано или поздно газетный планшет изживет себя и будет вытеснен чем-нибудь столь же невообразимым, насколько сам планшет был бы невообразим для Кекстона* или Гутенберга.

И еще одна мысль часто приходила на ум Флойду, когда перед ним на экране развертывались эти крохотные электронные строчки. Чем совершеннее техника передачи информации, тем более заурядным, пошлым, серым становится ее содержание. Несчастные случаи, преступления, катастрофы и стихийные бедствия, угроза вооруженных конфликтов, мрачные прогнозы редакционных статей — вот что несли в себе миллионы слов, которые ежеминутно извергались в эфир. Впрочем, Флойд подумывал, что это, быть может, еще полбеды: он уже давно пришел к убеждению, что газеты в идеальной Утопии были бы нестерпимо скучны.

Время от времени в салон заглядывали капитан и другие члены экипажа, чтобы перебросится с ним несколькими словами. Они относились к своему высокопоставленному пассажиру с благоговейным уважением и, несомненно, сгорали от любопытства относительно цели его поездки. Впрочем, они были слишком хорошо воспитаны, а потому ни о чем не спрашивали и ничем не выдавали своей заинтересованности.

Одна только очаровательная малютка-стюардесса вела себя в его присутствии совершенно непринужденно. Флойд скоро узнал, что эта девушка родом с Бали; она принесла с собой в заатмосферные выси изящество и таинственность облика, присущие жителям этого еще почти не испорченного европейской цивилизацией острова. Едва ли не самым странным и чарующим воспоминанием об этом полете остались несколько движений из древнего балийского танца, которые проделала невесомая стюардесса на фоне зелено-голубого полумесяца Земли, глядевшего в иллюминаторы корабля.

Определенная часть полетного времени была отведена для сна; на эти часы верхнее освещение выключали.

---

* Первый английский книгопечатник (1424—1491).

Флойд прикрыл руки и ноги эластичной простыней и закрепил ремни кресла, чтобы случайно не всплыть во сне. Со стороны все это выглядело не особенно комфортабельно, но в условиях невесомости Флойду в жестком кресле было удобнее, чем в самой мягкой постели на Земле.

Пристегнувшись и устроившись поуютнее, Флойд быстро задремал. Проснулся он только один раз, в полузабытьи огляделся и совсем оторопел от необычной обстановки. Ему вдруг почудилось, что он лежит внутри китайского фонарика,— это впечатление, видимо, создавали слабо светившиеся матовые двери кабинок в стенах салона. Но он опомнился и решительно приказал себе: «А ну-ка, спать, приятель. Это обыкновенный лунный шаттл»,— и приказ сработал.

Когда Флойд окончательно проснулся, Луна заняла уже полнеба и началось тормозное маневрирование. Иллюминаторы в изогнутой стене салона теперь глядели в черноту космоса, и Флойд перешел в рубку управления. Там, на экранах хвостовых телевизоров, он мог наблюдать, как протекает спуск.

Приближающиеся лунные горы совсем не походили на земные; у них не было ослепительных снеговых шапок, плотно облегающих зеленых нарядов, подвижных облачных венцов. Однако яростные контрасты света и тени придавали им особенную, неповторимую красоту. Законы земной эстетики здесь были неприменимы; этот мир творили, формировали иные, не земные силы, они действовали здесь с незапамятных времен, неведомые буйно зеленеющей, полной молодой жизни Земле — там за эти миллионы лет наступали и отступали льды, надвигались и откатывались моря, и горные хребты стирались, истаивая, словно туман под лучами солнца. Здесь же была древность, неисчислимая и непостижимая древность,— но не смерть, ибо на Луне никогда не было жизни... если не считать самых последних лет.

Опускающийся корабль повис почти точно над границей, отделяющей ночь ото дня: прямо под ним простирался хаос угловатых, иззубренных теней и отдельных пиков, ослепительно сверкавших под первыми лучами

медленного лунного рассвета. При всей надежности вспомогательных электронных приборов посадка здесь была бы смертельно опасна, и пилот медленно уводил корабль прочь от этого места, на ночную сторону Луны.

Присмотревшись, Флойд убедился, что ночная сторона вовсе не была погружена в полную темноту. Ее озарял какой-то призрачный свет: ясно виднелись пики, ущелья и равнины лунной поверхности. Это Земля, служащая гигантской луной для своего спутника, освещала его поверхность своим сиянием.

На пульте перед пилотом вспыхивали огоньки, на экранах компьютеров цифры отсчитывали расстояние до приближавшейся Луны. Весомость возвратилась к ним более чем за полторы тысячи километров до Луны, когда реактивные двигатели начали торможение. Луна постепенно, казалось бесконечно медленно, росла, пока не заполнила собой все небо. Солнце уходило за горизонт и исчезло за ним, и наконец все поле зрения занял один гигантский кратер. Шаттл опускался к центральным пикам кратера, и вдруг Флойд увидел, что близ одного из пиков ритмично вспыхивает и гаснет яркий свет. Совсем как посадочный маяк на каком-нибудь земном аэродроме! Он смотрел на этот мигающий огонек, и у него перехватило горло. Огонек означал, что люди создали на Луне еще один бастион.

Теперь кратер так разросся, что его гребень начал уходить за горизонт. Отчетливо стали видны маленькие кратеры, которыми было усеяно дно большого, и уже можно было точнее представить себе их размеры. Иные, казавшиеся крошечными из космоса, на самом деле были диаметром в несколько километров и могли вместить целые города.

Повинуясь автоматам, шаттл опускался с усыпанного звездами неба на безжизненную равнину, тускло освещенную сиянием огромного диска Земли. И сквозь свист раскаленных газов, вырывавшихся из сопел ракеты, сквозь «бип-бип» космических радиозондов в рубке зазвучал человеческий голос откуда-то извне:

— Пункт управления Клавий спецрейсу 14. Спуск проходит нормально. Прошу проверить ручное управле-

ние замками посадочного устройства, давление в гидравлической системе, включение амортизационной подушки.

Пилот пощелкал десятком тумблеров, зеленые лампочки ответно мигнули ему, и он отозвался:

— Ручное управление проверено. Посадочные «ноги», гидравлика, амортизационная подушка — в порядке.

— Вас понял,— ответила Луна.

И спуск продолжался в молчании. Вернее, разговор шел непрерывно, но только между машинами: они обменивались двоичными импульсами со скоростью, в тысячу раз превышающей ту, на какую способны их тугодумы-создатели.

Корабль уже опустился ниже некоторых горных пиков. До поверхности оставалось не более полутора тысяч метров, и маяк стал теперь ослепительно яркой звездой, ритмично вспыхивающей над группой невысоких строений, близ которых стояли странного вида машины. На последнем этапе спуска сопла тормозных двигателей, казалось, наигрывали какую-то странную мелодию: они как бы пульсировали, то включаясь, то выключаясь, и вносили обратной тягой окончательные поправки в посадочную скорость.

Но вот двигатели, дав последний рывок, смолкли совсем, вихревое облако пыли застлало иллюминаторы и экраны, и корабль слегка качнуло, словно лодчонку, в борт которой ударила легкая волна. Прошло несколько минут, пока Флойд окончательно не освоился с тишиной, воцарившейся вокруг, и с ощущением тяжести, пусть слабой, но контролирующей каждое его движение.

Чуть больше чем за сутки он проделал, не подвергнувшись никаким опасностям, фантастическое путешествие, о котором люди мечтали на протяжении двух тысяч лет. Теперь это был обычный, заурядный полет на Луну.

10. База Клавий

Кратер Клавий диаметром около 240 километров — второй по размерам на видимой стороне Луны; он расположен в центре Южного нагорья и относится к числу очень древних. Многие тысячелетия вулканической дея-

тельности и метеоритной бомбардировки из космоса изрезали шрамами его гребень, изъязвили оспинами подошву. Но за полмиллиарда лет, прошедших со времени последней эпохи кратерообразования, когда обломки пояса астероидов еще сыпались на внутренние планеты*, ничто не нарушало его покой.

И вот теперь на его поверхности, да и под ней, зашевелились неведомые ранее, новые силы — здесь Человек создавал свой первый постоянный плацдарм на Луне. База Клавий могла в случае особой необходимости существовать совершенно самостоятельно. Все нужное для поддержания жизни производилось тут же из местных горных пород: их измельчали, нагревали и подвергали химической обработке. Водород, кислород, углерод, азот, фосфор и большинство других элементов можно было найти в недрах Луны — если знать, где искать.

База представляла собой замкнутую регенеративную систему, своего рода маленькую действующую модель самой Земли — на ней было обеспечено многократное восстановление и использование жизненно необходимых химических веществ. Воздух очищался в огромной «теплице» — большом круглом котловане, перекрытом сверху вровень с поверхностью Луны. Целые гектары низкорослых зеленых растений развивались тут во влажной, теплой атмосфере, освещаемые по ночам яркими лампами, а днем сквозь особые светофильтры — солнечными лучами. Это были специально выведенные мутанты, предназначенные для генерирования кислорода; пища являлась, так сказать, побочным продуктом этой культуры.

Кроме того, пищу изготовляли из водорослей, а также различными химическими методами. Правда, зеленоватая пенистая жидкость, циркулирующая по многометровым прозрачным пластиковым трубам, вряд ли вызвала бы аппетит у какого-либо гурмана, но биохимики научились превращать ее в котлеты и бифштексы, которые только знаток мог отличить от настоящих.

---

* Внутренние планеты — планеты, орбиты которых ближе к Солнцу, чем земная (Венера, Меркурий).

На базе работали тысяча сто мужчин и шестьсот женщин; все они были высококвалифицированными научными работниками или техническими специалистами и прошли строгий отбор, прежде чем попасть сюда. Хотя жизнь на Луне уже была практически лишена трудностей, неудобств и случайных опасностей, с которыми люди столкнулись здесь на первых порах, она все же предъявляла повышенные требования к психике человека; во всяком случае, тем, кто страдал клаустрофобией*, жить на Луне не рекомендовалось. Устройство помещений для базы в плотных скальных породах или лавовых массивах было очень дорогим и трудоемким делом, поэтому стандартный «жилой модуль» для одного человека представлял собой комнатку размером три метра на один и восемь и высотой два и четыре.

Комнаты были уютно обставлены и напоминали номера в приличном мотеле: в каждой стояли диван-кровать, телевизор, небольшая радиола и видеофон. Кроме того, достаточно было только щелкнуть выключателем, и одна из сплошных стен с помощью довольно простого декоративного ухищрения превращалась как бы в окно, смотрящее на весьма правдоподобный земной ландшафт. Обитатель каждой комнаты мог выбирать по вкусу любой из восьми таких видов.

Подобные элементы роскоши замечались на базе повсюду, хотя тех, кто оставался на Земле, подчас нелегко было убедить, что это необходимо. Но подготовить, перебросить на Луну и разместить на базе любого сотрудника стоило около ста тысяч долларов, и поэтому имело смысл затратить чуть-чуть больше, чтобы помочь ему сохранить душевное равновесие во время пребывания здесь. Это было, так сказать, не «искусство для искусства», а искусство ради душевного здоровья.

Одной из привлекательных сторон жизни на базе (и на Луне вообще) была, несомненно, ослабленная сила тяжести, отчего люди чувствовали себя здесь крепче и здоровее. Впрочем, в ней таились и свои опасности, и

---

* Клаустрофобия — боязнь замкнутого пространства.

прилетевшему с Земли требовалось несколько недель, чтобы приспособиться к новым условиям. На Луне человеческому телу приходилось осваивать множество совершенно новых рефлексов. В частности, нужно было впервые научиться отличать вес от массы.

Тот, кто весит на Земле семьдесят два килограмма, возможно, обрадуется, обнаружив, что на Луне его вес — всего тринадцать с половиной килограммов. Пока движешься по прямой с одной скоростью, испытываешь необыкновенную окрыленность. Но стоит только попробовать изменить направление, повернуть за угол или резко остановиться, как обнаруживаешь, что все семьдесят два килограмма массы никуда не делись и дают о себе знать инерцией. Ибо величина массы не меняется, она постоянна — и на Земле, и на Луне, и на Солнце, и в пустоте космоса. Поэтому, чтобы приспособиться к жизни в лунных условиях, нужно крепко запомнить, что здесь все предметы в шесть раз более инертны, чем можно ожидать по их весу. Этот урок усваивался обычно после многих столкновений, шишек и ссадин; бывалые лунные жители старались держаться подальше от новичков, пока те не привыкнут.

Располагая огромным комплексом всяких мастерских, административных помещений и складов, вычислительным центром, силовой станцией, гаражом, кухней, лабораториями и пищевым заводом, база Клавий представляла собой крохотный автономный мирок.

Горы, которые при спуске шаттла казались такими высокими, сейчас загадочным образом исчезли из виду — благодаря большой кривизне лунной поверхности они скрылись за горизонтом. Вокруг корабля расстилалась плоская серая равнина, ярко освещенная косыми лучами Земли. Небо, конечно, было совсем черное, но, не прикрыв глаза от блеска лунной поверхности, на нем ничего не удавалось разглядеть, кроме самых ярких звезд и планет.

К кораблю катили несколько машин необычного вида: краны, лебедки, заправочно-ремонтные машины — одни двигались автоматически, другими управляли води-

тели в герметичных кабинах. Почти все машины были колесные, на пневматиках, потому что гладкая поверхность кратера не создавала никаких транспортных затруднений, но один заправщик был оснащен особыми колесами «Флекс» с гибким ободом, которые оказались наилучшим вездеходным движителем для лунных условий. Обод этого колеса состоял из отдельных плоских траков, каждый с независимой подвеской и амортизацией, благодаря чему колесо обладало многими преимуществами гусеничной цепи, дальнейшим развитием которой оно явилось. Его форма и диаметр отлично приспосабливались к неровностям почвы, причем в отличие от гусеничной цепи колесо продолжало работать, даже потеряв несколько траков.

Подкатил небольшой транспортер со шлюзовым тамбуром, торчащим как коротко обрубленный слоновый хобот, и ласково ткнулся этим хоботом в стенку корабля. Через несколько секунд снаружи донеслись металлический лязг и грохот, затем шипение воздуха — это тамбур транспортера присоединился к шлюзу корабля, и давление в них уравнялось. Наконец, внутренняя дверь шлюза раскрылась и в салоне появились встречающие.

Первым вошел Ралф Хэлворсен, администратор Южной провинции Луны, то есть не только самой базы, но и всех опирающихся на нее исследовательских партий. С ним были научный руководитель базы доктор Рой Майклс — маленький седоватый геофизик, знакомый Флойду по предыдущим посещениям, и еще человек шесть ведущих научных и административных работников. Они приветствовали Флойда почтительно и с явным облегчением. Видно было, что им всем, начиная с самого администратора, не терпелось свалить с себя хоть часть своих тревог.

— Очень рад, что вы наконец у нас, доктор Флойд, — сказал Хэлворсен. — Как прошел полет?

— Отлично, — ответил Флойд. — Как нельзя лучше. Экипаж был очень заботлив.

Пока транспортер вез их к базе, они обменялись несколькими ничего не значащими любезными фразами. О цели визита Флойда по молчаливому уговору никто не

упоминал. Проехав метров триста, машина подкатила к большому щиту, на котором было начертано:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА БАЗУ КЛАВИЙ!
ИНЖЕНЕРНО-КОСМИЧЕСКИЙ КОРПУС США, 1994

Миновав щит, они углубились в выемку и поехали по подземному туннелю. Массивные ворота раскрылись, впустили транспортер и вновь закрылись. Затем — вторые ворота и, наконец, третьи. Когда затворились последние ворота, послышался рев врывающегося воздуха, и пассажиры транспортера оказались в домашней, безопасной атмосфере базы.

Они пошли дальше по туннелю, стены и свод которого сплошь покрывали кабели и трубы, прислушиваясь к доносившимся откуда-то гулкому ритмичному рокоту и вздохам механизмов. Вскоре они оказались в административном центре. Флойд вновь очутился в привычном для него окружении пишущих машинок, конторских счетных машин, секретарш, настенных диаграмм и непрерывно звонящих телефонов. Когда группа остановилась у двери с табличкой «Администратор», Хэлворсен дипломатично сказал:

— Доктор Флойд и я через несколько минут придем в конференц-зал.

Остальные поспешно закивали головами, что-то забормотали в знак понимания и проследовали дальше по коридору. Но Хэлворсену не удалось без помехи ввести Флойда в свой кабинет. Дверь внезапно распахнулась, и маленькая фигурка бросилась к администратору.

— Папа! Ты был наверху, а меня не взял! Ты же обещал!

— Перестань, Диана! — ласково, но не без досады ответил Хэлворсен.— Я же только сказал, что возьму тебя, если сумею. Но я был очень занят, встречал доктора Флойда. Поздоровайся с ним, он прилетел с Земли.

Девочка — Флойд решил, что ей лет восемь,— протянула ему слабую ручонку. Лицо ее показалось Флойду знакомым; он поймал взгляд Хэлворсена — тот смотрел на него как-то странно, выжидательно усмехаясь. Флойд вдруг все вспомнил и понял, в чем дело.

— Просто глазам не верю! — вскричал он.— Ведь когда я прилетал в последний раз, она была грудным ребенком!

—Да, на прошлой неделе ей минуло четыре года,— не без гордости ответил Хэлворсен.— Благодаря слабой гравитации дети здесь растут быстро. А стареют медленнее нас и проживут дольше...

Флойд восхищенно смотрел на уверенную в себе маленькую особу, любуясь ее грациозной осанкой и необычайно нежным и хрупким сложением.

— Очень рад снова повстречаться с тобой, Диана,— сказал он. И вдруг что-то — может быть, просто любопытство, может быть, вежливость — побудило его спросить:— А на Землю тебе не хочется?

Она удивленно поглядела на него и решительно замотала головой:

— Нет, там плохо, там очень больно ушибаешься, когда падаешь. И слишком много народу.

Вот появилось и первое поколение Рожденных в космосе, подумал Флойд. Скоро их будет много... В этой мысли была печаль, но рядом — и великая надежда. Когда Земля совсем присмиреет, успокоится и, может быть, немного устанет, свободолюбивым, отважным первопроходцам, не знающим покоя искателям приключений будет еще где пространствовать. Только в эти странствия они отправятся не с топором и ружьем, не на каноэ или в фургоне; нет, у них в распоряжении будет ядерный генератор, плазменный ракетный двигатель и гидропонная ферма. Стремительно близится час, когда Земля, подобно всем матерям, должна будет пожелать своим детям счастливого пути.

Чередуя угрозы и обещания, Хэлворсену удалось наконец отправить восвояси свою настойчивую наследницу и ввести Флойда в кабинет. Служебные апартаменты администратора представляли собой квадратное помещение размером 4,5 на 4,5 метра, но оно каким-то образом вмещало все обычные атрибуты и признаки персоны министерского ранга с годовым окладом в пятьдесят тысяч долларов. Одну стену украшали фотографии с автографами видных политических деятелей вплоть до прези-

дента США и генерального секретаря ООН; большую часть другой стены покрывали фотографии прославленных астронавтов, также с автографами.

Флойд погрузился в удобнейшее кожаное кресло и получил от хозяина бокал «хереса», изготовленного в лунной биохимической лаборатории.

— Как дела, Ралф? — спросил Флойд, пригубив напиток сначала недоверчиво, затем с одобрительной миной.

— В общем неплохо,— ответил Хэлворсен,— но есть одно обстоятельство, о котором тебе лучше узнать сейчас, перед тем как мы поедем туда.

— Какое?

— Ну, я полагаю, что это можно назвать проблемой морального состояния персонала,— со вздохом сказал Хэлворсен.

— Даже́ так?

— Пока она еще не очень серьезна, но дело быстро идет к этому.

— Информационная блокада,— бесстрастно заметил Флойд.

— Именно. Люди начинают сильно нервничать. Как-никак почти у всех семьи на Земле. Они, наверно, думают, что здесь все перемерли от какой-нибудь лунной чумы...

— Очень жаль, конечно, но никто не предложил более подходящий версии, и она отлично работает. Да, кстати, на космической станции я встретил Мойсевича — так вот, похоже, даже он поверил в басню об эпидемии.

— Служба безопасности, конечно, ликует.

— Не особенно. Мойсевич уже слышал о ЛМА-1 — видно, кое-что просочилось отсюда. Но мы просто не можем опубликовать никакого коммюнике, пока не разберемся в этой чертовщине.

— Доктор Майклз считает, что у него есть ответ на эти вопросы. Он жаждет поскорей все выложить тебе.

— Ну, а я жажду выслушать его,— сказал Флойд, осушив свой бокал.— Пошли.

11. Аномалия

Доклад состоялся в большой прямоугольной комнате, в которой легко могли разместиться человек сто. Она была оборудована новейшими оптическими и электронными проекционными устройствами и выглядела бы образцовым конференц-залом, не будь ее стены сплошь увешаны плакатами, афишками, объявлениями и любительскими рисунками, которые свидетельствовали, что здесь сосредоточивалась также и культурная жизнь базы. Флойда особенно поразила коллекция различного рода табличек с предупредительными надписями, собранная явно с большой любовью и вниманием. Тут были, например, таблички: «По траве просят не ходить», «В будние дни стоянка запрещена», «Курить воспрещается», «Дорога на пляж», «Переход для рогатого скота», «На обочинах рыхлый грунт», и наконец, «Животных не кормить». Если таблички эти были подлинными, а, судя по виду, так оно и было, то их перевозка с Земли обошлась в целое состояние. Здесь они выглядели и вызывающе, и трогательно: люди, попавшие во враждебный им мир, все-таки оказались способными шутить над тем, с чем пришлось расстаться и о чем никогда не станут тосковать их дети.

В зале собралось человек сорок-пятьдесят, и когда Флойд вошел вслед за администратором, все встали. Кивнув знакомым, он шепнул Хэлворсену:

— Мне хотелось бы сказать несколько слов до начала доклада.

Флойд уселся в первом ряду, а администратор поднялся на возвышение и, окинув взглядом аудиторию, произнес:

— Леди и джентльмены, излишне напоминать вам, что сегодня у нас большой день. Мы счастливы, что к нам прилетел доктор Флойд. Имя его известно всем нам, а многие знакомы с ним лично. Он только что прибыл с Земли специальным рейсом и до начала нашего доклада хочет сказать несколько слов. Прошу вас, доктор Флойд.

Флойд поднялся на возвышение под приветственные

хлопки собравшихся, с улыбкой оглядел их и начал:

— Благодарю вас. Я хотел сказать вот о чем... Президент просил меня передать вам, что он высоко ценит вашу замечательную работу, которую, как мы надеемся, скоро сможет оценить весь мир. Я отлично понимаю,— продолжал он сдержанно,— что некоторые из вас, может быть даже большинство, очень хотят, чтобы завеса секретности, окружающая все, что здесь происходит, была поскорее снята. Вы не были бы учеными, если бы думали иначе.

Он поймал взгляд доктора Майклза, тот слегка хмурился, отчего заметней стал длинный шрам на правой щеке — видимо, след какого-то происшествия в космическом полете. Флойд хорошо знал, что этот ученый-геофизик энергично протестовал против всякого засекречивания, которое он называл «идиотской игрой в прятки».

— Но я хотел бы вам напомнить,— продолжал Флойд,— что сейчас перед нами совершенно особый случай. Мы должны точнейшим образом убедиться в достоверности всех фактов, которыми располагаем. Если мы ошибемся сейчас, другой возможности исправить ошибку нам могут уже не дать. Поэтому прошу вас потерпеть еще немного. Президент тоже просит вас об этом. Вот и все, что я хотел сказать. Теперь я готов выслушать ваш доклад.

Он пошел к своему креслу.

— Благодарю вас, доктор Флойд,— сказал администратор и кивнул, притом довольно небрежно, научному руководителю базы.

Доктор Майклз поднялся на возвышение.

Огни в зале погасли, и на экране вспыхнула фотография Луны. В центре диска ослепительно белело кольцо огромного кратера, от которого во все стороны расходились лучи необычного очертания. Словно кто-то сбросил с большой высоты мешок муки и ее разметало во все стороны.

— Вот кратер Тихо,— сказал Майклз, показывая на кратер в центре диска.— На этой фотографии, снятой строго по вертикали, Тихо виден отчетливее, чем в теле-

скоп с Земли,— оттуда он наблюдается почти у края диска. А с этой точки, с высоты полутора тысяч километров, видно, что кратер Тихо господствует над всем полушарием.

Он дал Флойду время освоиться с незнакомым видом давно знакомого объекта и затем продолжал:

— Весь минувший год мы с помощью маловысотного спутника вели магнитную съемку этого района. Закончили работы только в прошлом месяце, и вот их результат — карта, с которой начались все наши тревоги.

На экране вспыхнуло другое изображение. Оно напоминало карту земного рельефа, но показывало не превышение над уровнем моря, а интенсивность магнитного поля. По большей части линии шли почти параллельно и на довольно больших расстояниях друг от друга, но вокруг одной точки они неожиданно тесно сближались, образуя ряд концентрических кругов.

Даже неискушенному глазу было видно, что в этой зоне магнитное поле Луны претерпело какие-то совершенно необычайные изменения. По низу карты шла надпись крупными буквами:

ПЕРВАЯ ЛУННАЯ МАГНИТНАЯ АНОМАЛИЯ
В КРАТЕРЕ ТИХО (ЛМА-1)

Справа вверху стоял штамп: «Секретно».

— Сначала мы подумали, что это мощное обнажение магнитных пород, но все геологические данные отвергли такую версию. Даже огромный железоникелевый метеорит не может создать столь интенсивное поле. Тогда мы решили поглядеть на месте, что же это такое.

Сперва наша разведка ничего не обнаружила: обычная плоская поверхность, очень тонкий слой лунной пыли. Мы начали разведочное бурение в самом центре аномалии, чтобы получить керн — образец породы для исследования. На шестиметровой глубине бур остановился и дальше не пошел. Разведчики принялись копать — не очень легкая работа в скафандрах, могу вас заверить.

То, что они нашли, заставило их спешно вернуться на базу. Мы выслали более многочисленную партию с

лучшим оснащением. Они копали две недели. Результат вам известен.

Изображение на экране вновь сменилось, и в затемненном конференц-зале воцарилась напряженная тишина. Все присутствующие много раз видели этот снимок (что было разрешено пока менее чем сотне человек на Земле и на Луне), но среди них не осталось ни одного, кто бы не подался вперед, словно надеясь углядеть новые подробности.

На снимке, спроецированном на экран, был виден глубокий котлован; на дне его стоял человек в ярком красно-желтом скафандре, державший в руках топографическую рейку, разделенную на метры и сантиметры. Снимок явно был сделан ночью, где-то вне Земли — на Луне, а может быть, даже на Марсе. Но то, что было рядом с человеком в скафандре, не видывали до сих пор ни на одной планете.

Это была вертикальная плита из какого-то черного вещества высотой около трех и шириной около полутора метров. Она зловеще напоминала Флойду гигантское надгробие. Форма ее была совершенно симметрична, грани остры, а черный цвет настолько глубок, что плита, казалось, поглощала все падавшие на нее световые лучи. Поверхность — совершенно ровная и гладкая. И невозможно было понять, из чего она сделана — из металла, камня, пластика или из материала, вообще не известного человеку.

— ЛМА-1, — почти благоговейно провозгласил Майклз. — Выглядит, будто только вчера сделана, верно? Право, я ничуть не осуждаю тех, кто решил, что она существует всего несколько лет. Но я никогда не разделял этого мнения, а теперь мы можем установить возраст аномалии вполне точно на основании местных геологических данных. Мои коллеги и я, доктор Флойд, готовы поручиться своими научными репутациями, что ЛМА-1 не имеет никакого отношения к человечеству, потому что, когда этот монолит был закопан, человечества вообще не существовало. Дело в том, что ему примерно три миллиона лет. Перед вами первое доказательство существования разумной жизни вне Земли.

Область макрократеров. Простирается к югу от центра видимой стороны Луны, к востоку от Центральной области кратеров. Изобилует кратерами ударного происхождения, многие из них значительного диаметра, в том числе самые большие на Луне. Севернее несколько разрушенных кратеров образуют Море Дождей. Поверхность почти повсюду пересеченная, за исключением дна некоторых кратеров. Рельеф поверхности преимущественно наклонный, с преобладающей крутизной 10—12°; дно некоторых кратеров почти горизонтальное.

Посадка и передвижение. Как правило, посадка затруднена ввиду пересеченного и наклонного рельефа поверхности, на горизонтальной поверхности дна некоторых кратеров менее затруднительна. Передвижение возможно почти повсеместно, но требует предварительного выбора маршрутов; по дну кратеров — более свободно.

Строительство. В целом сопряжено с трудностями средней степени из-за наклонного рельефа и обилия крупных скальных обломков и каменных осыпей; экскавация лавы на дне некоторых кратеров затруднена.

Кратер Тихо. Образовался позднее Марии, диаметр 86 км, высота гребня над окружающей поверхностью 2400 м, глубина кратера 3300 м; имеет наиболее развитую систему лучей по сравнению с другими лунными кратерами, протяженность отдельных лучей достигает 800 км.

Из «Специального инженерного описания поверхности Луны», изд. Геологоразведочной службы Управления начальника инженерных войск, Министерство армии, Вашингтон, 1961 г.

Передвижная лаборатория, катившая по плоскому дну кратера со скоростью восемьдесят километров в час,

с виду казалась просто огромным фургоном на восьми траковых колесах. На деле лаборатория была куда сложнее и многообразнее по своему назначению: она представляла собой совершенно автономную базу, в которой двадцать человек могли жить и работать несколько недель кряду. По существу это был своего рода сухопутный космический корабль. При крайней необходимости, наткнувшись на трещину или каньон, которые трудно было обойти или преодолеть по грунту, он мог и летать — перепрыгивая через препятствия с помощью четырех своих ракетных двигателей.

Сквозь иллюминатор Флойд ясно видел стелющуюся перед ними отчетливо обозначенную дорогу: десятки машин, прошедшие по ней, оставили в хрупкой породе лунной поверхности плотно укатанные колеи. Вдоль дороги через определенные промежутки были установлены высокие тонкие вехи с яркими лампами. На трехсоткилометровом маршруте от базы Клавий до ЛМА-1 заблудиться было невозможно, хотя кругом стояла еще глубокая ночь и до рассвета оставалось несколько часов.

Звезды над головой горели лишь чуть ярче, и их было, пожалуй, немногим больше, чем в ясные ночи на высокогорных плато в Нью-Мексико или Колорадо. Но две приметы в угольно-черном небе начисто разрушали всякую иллюзию, будто вы на Земле.

Первой из них была сама Земля — сияющий светоч, повисший в северной части небосвода. Свет, изливаемый этим гигантским диском, был в десятки раз ярче света полной Луны: озаренная им поверхность словно сама испускала холодное зелено-голубое свечение.

Вторым необычным явлением было слабое жемчужное сияние, конусом расходившееся из-за горизонта в восточной части небосвода. Чем ближе к горизонту, тем ярче оно становилось, словно подсказывая, какой могучий очаг пламени скрыт позади лунного диска. На Земле бледную красу этого сияния люди могли наблюдать только в быстротечные секунды полного солнечного затмения. То была солнечная корона — предвестник лунного рассвета, предупреждающий, что скоро эту безжизненную поверхность опалит своим жаром Солнце.

Сидя вместе с Хэлворсеном и Майклзом в переднем наблюдательном отсеке, непосредственно под кабиной водителя, Флойд опять и опять ловил себя на том, что уносится мыслями от реальной действительности к той необозримой протяженности времени, которая только что открылась перед ним. Три миллиона лет! Как и все люди науки, он привык оперировать большими отрезками времени, но лишь в связи с движением звезд и медлительными циклами процессов неорганической природы. Душа и разум не участвовали в этих процессах, человеческим чувствам нечего было делать в этих безграничных просторах времени...

Три миллиона лет! Вся до предела насыщенная людьми и событиями панорама Истории со всеми ее империями и королями, победами и трагедиями едва захватывала одну тысячную часть этого устрашающе огромного протяжения времени. Не только сам Человек, но и большинство животных, обитающих ныне на Земле, еще даже не существовали, когда эта загадочная черная глыба была погребена здесь, в самом приметном и ярко освещенном кратере Луны.

В том, что она была закопана, и притом намеренно, доктор Майклз был совершенно уверен.

— Поначалу,— пояснял он,— я еще надеялся, что это, быть может, просто знак, отмечающий место какого-либо подземного сооружения, но наши последующие раскопки исключили подобную версию. Плита установлена на широком постаменте из того же черного материала, а ниже лежат нетронутые лунные породы. Те... гм, существа, которые заложили здесь плиту, стремились обеспечить ее незыблемость в любых условиях, кроме разве сильнейших лунотрясений. Они строили на вечные времена...

В голосе Майклза звучали и торжество, и какая-то печаль. Флойду были понятны эти чувства. Человек наконец получил ответ на один из древнейших своих вопросов; вот оно, здесь, неоспоримое доказательство, что человеческий разум — не единственный во Вселенной. Но вместе с этим открытием пришло мучительное осознание неизмеримой огромности Времени. Те, кто здесь

побывал, разминулись с человечеством на сто тысяч поколений. «Впрочем,— подумал Флойд,— может быть, это и к лучшему... И все же... сколько нового могли бы мы узнать от этих существ, которые умели преодолевать космическое пространство в ту эпоху, когда наши предки еще жили на деревьях!»

Впереди, в нескольких сотнях метров, из-за непривычно близкого лунного горизонта показалась стойка с вывеской. Рядом стояло сооружение, напоминавшее палатку, но покрытое блестящей серебристой фольгой, очевидно, для защиты от жестокого дневного зноя. Когда их машина проезжала мимо, Флойд прочел на вывеске, ярко освещенной светом Земли:

Аварийный склад № 3
20 килограммов сжиженного кислорода
10 литров воды
20 пищевых рационов МК-4
1 комплект инструментов типа В
1 комплект для ремонта скафандров
!Телефон!

— Вы не подумали о таком варианте? — спросил Флойд, мотнув головой на «палатку» за окном.— Может быть, черная глыба — тоже аварийный склад, оставленный экспедицией, которая не смогла сюда вернуться?

— В принципе это вполне возможно,— признал Майклз.— Магнитное поле так ясно отмечает положение плиты, что ее легко найти. Но она слишком мала — что туда поместится?

— Почему? — перебил Хэлворсен.— Кто знает, какого они были роста, эти существа? Может, всего пятнадцать сантиметров? Тогда эта плита для них чуть ли не тридцатиэтажный небоскреб.

— Исключается! — возразил Майклз, протестующе покачав головой.— Разумные существа не могут быть очень маленькими, существует предельный минимальный размер мозга.

Флойд уже успел заметить, что Майклз и Хэлворсен,

как правило, резко расходились во мнениях, однако это не сказывалось на их взаимоотношениях. Видимо, они уважали друг друга или попросту заранее примирились с неизбежностью постоянных разногласий.

Впрочем, относительно природы ЛМА-1, или монолита Тихо, как предпочитали некоторые называть находку, единства мнений вообще не было. За шесть часов своего пребывания на Луне Флойд выслушал более десятка теорий и не мог присоединиться ни к одной. Святилище, геодезический знак, гробница, геофизический прибор — таковы были наиболее ходовые версии, сторонники которых весьма яростно их отстаивали. Было заключено множество пари: можно было заранее сказать, что немало денег перейдет из рук в руки, когда истина будет, наконец, установлена — если ее когда-нибудь удастся установить...

Пока же твердый черный материал сопротивлялся всем, впрочем довольно осторожным, попыткам Майкла и его коллег вырезать образцы для исследования. Они не сомневались, что лазер прорежет этот материал, ибо ничто не может устоять перед подобной чудовищной концентрацией энергии, но решать — применять столь крайние меры или нет — предоставили самому Флойду. Он уже пришел к выводу, что, прежде чем прибегнуть к такой «тяжелой артиллерии», как лазер, нужно испробовать рентгеновские лучи, ультразвук, электронное излучение и другие неразрушающие средства исследования структуры. Только варвар может разрушать то, чего не понимает. Впрочем, возможно, по сравнению с существами, создавшими эту загадочную штуку, люди и есть варвары...

Но откуда они появились? С самой Луны? Нет, это исключено. Если в этом бесплодном мире и существовала когда-либо своя жизнь, она была бесследно уничтожена в последнюю эпоху образования кратеров, когда почти вся лунная поверхность раскалилась добела.

С Земли? Не исключено, но крайне маловероятно. Передовая земная цивилизация, не человеческая, конечно, — если бы она существовала, скажем, в плейстоценовую эпоху, — оставила бы немало следов своей деятель-

ности. Люди знали бы о ней все задолго до того, как сумели попасть на Луну.

Тогда остаются либо планеты, либо другие звездные системы. Но все данные научных наблюдений отвергают возможность существования разумной жизни, да и вообще жизни на какой-либо из планет Солнечной системы, кроме Земли и Марса. Внутренние планеты слишком горячи, внешние — слишком холодны, если не считать тех, у которых атмосферное давление на поверхности достигает сотен и даже тысяч тонн на квадратный сантиметр.

Значит, гости, видимо, прилетели от других звезд, но это казалось еще более невероятным. Глядя на созвездия, рассеянные по черному лунному небу, Флойд припоминал, как часто его коллеги «доказывали» невозможность межзвездных полетов. Полет с Земли на Луну и то пока еще весьма внушительное путешествие... А до самой ближайшей звезды в сто миллионов раз дальше... Впрочем, что толку ломать голову, надо подождать, когда в руках будет больше конкретных фактов.

— Прошу застегнуть пояса и принайтовить незакрепленные предметы,— неожиданно прозвучало из репродуктора.— Приближаемся к спуску крутизной сорок градусов.

На горизонте появились две вехи с мигающими огнями, машина шла в промежуток между ними, Флойд едва успел закрепить ремни, как машина медленно перевалила через гребень и пошла вниз по устрашающе обрывистому длинному каменистому склону, крутому, как крыша коттеджа. Косые лучи Земли, падавшие сзади, теперь очень слабо освещали поверхность, и водитель включил мощные фары. Много лет назад Флойду довелось побывать на краю кратера Везувия и заглянуть вниз, и теперь ему почудилось, что он валится в жерло вулкана,— ощущение не из приятных.

Они спускались на одну из внутренних террас кратера Тихо, лежащую на глубине триста с лишним метров, и еще ползли по склону, когда Майклз показал вдаль, на край обширной равнины, расстилавшейся перед ними внизу.

— Вот они! — торжественно провозгласил он.

Флойд кивнул: он уже и сам заметил красные и зеленые огни в нескольких километрах по курсу и не сводил с них глаз. Огромная машина безупречно повиновалась водителю во время головокружительного спуска, но Флойд с облегчением вздохнул, когда, наконец, почувствовал под собой горизонтальную поверхность.

Теперь он уже различал сверкавшие под лучами Земли, словно серебристые пузырьки, герметические купола — временные жилища партии. Близ группы куполов высилась радиомачта, виднелись буровой станок, стоянка машин, а дальше — огромная груда обломков скальной породы, видимо вынутой при обнажении монолита. Этот крохотный лагерь в безжизненной пустыне выглядел очень одиноким, очень беззащитным перед силами природы, немо властвовавшей над ним. Вокруг не было никаких признаков жизни, никаких видимых следов, которые указывали бы, зачем люди пришли сюда, так далеко от дома.

— Сейчас вы увидите кратер,— сказал Майклз.— Направо, примерно в ста метрах от радиомачты.

Машина миновала герметические купола и подкатила к устью кратера. «Вот он!» — взволнованно подумал Флойд. У него даже заколотилось сердце, когда он наклонился к иллюминатору, чтобы лучше видеть местность. Машина начала осторожно спускаться по пологому съезду, устроенному из плотно уложенного камня, на дно кратера. И вот, наконец, перед ними монолит ЛМА-1 — точно такой, как на снимках.

Флойд вглядывался, моргал, тряс головой и снова глядел. Даже в ярком свете Земли трудно было отчетливо разглядеть плиту. Первое впечатление было такое, будто перед ним плоский прямоугольник, вырезанный из черной копировальной бумаги. Казалось, у него только два измерения. Конечно, то был лишь обман зрения: это твердое пространственное тело отражало так мало света, что глаз улавливал лишь его силуэт.

Пока машина спускалась в кратер, пассажиры не промолвили ни слова. Они были и глубоко взволнованы, и немного растеряны — трудно было поверить, что из

всех небесных тел именно мертвая Луна таила в себе такую фантастическую находку!

Машина остановилась метрах в шести от плиты, развернувшись бортом так, чтобы все пассажиры могли ее видеть. Впрочем, кроме геометрически правильного силуэта плиты смотреть было не на что. На ней не было никаких отметин, бездонная ее чернота нигде и ничем не смягчалась. Это была сама ночь, квинтэссенция мрака. Флойд даже подумал: «Может быть, это и вправду какое-то необыкновенное естественное образование, рожденное пламенем и гигантскими давлениями в пору младенчества Луны?». Но он знал, что эта весьма отдаленная возможность уже рассматривалась и была отвергнута.

По чьему-то сигналу включились прожекторы, установленные вокруг кратера, и яркий свет Земли потускнел перед их ослепительными лучами. Собственно говоря, сами лучи в лунном вакууме были невидимы: они просто ложились на грунт слепяще белыми эллипсами, которые перекрывали друг друга на монолите и, касаясь его, бесследно тонули в его черноте.

«Ящик Пандоры,— подумал Флойд с внезапно нахлынувшим недобрым предчувствием,— ждет, когда пытливый Человек его откроет. Что же найдет он внутри?»

12. Рассвет на Луне

Основной гермокупол на площадке ЛМА-1 был диаметром всего шесть метров, и в нем было очень тесно и неуютно. Поэтому транспортер, присоединенный к куполу через один из двух воздушных шлюзов, оказался весьма желательным дополнением к нему.

Внутри этого надувного полушария с двойными стенами трудились, жили и спали шестеро научных работников и технических специалистов, составляющих ныне постоянный персонал площадки ЛМА-1. Тут же умещались большая часть их оснащения и приборов, все припасы, которые нельзя было хранить в условиях вакуума, кухня, умывальник и туалет, отобранные образцы пород

и, наконец, небольшая телевизионная установка, позволявшая непрерывно наблюдать за всей площадкой.

Флойд ничуть не удивился, когда Хэлворсен с восхитительной откровенностью заявил, что предпочитает оставаться в куполе.

— Я приемлю скафандр лишь как неизбежное зло,— сказал администратор.— Я надеваю его четыре раза в год во время контрольных поездок, и хватит с меня. Если вы не возражаете, я останусь здесь и буду наблюдать за всем по телевизору.

Это предубеждение против скафандров сильно устарело, потому что новейшие модели были куда удобнее, чем неуклюжие латы первых исследователей Луны. Надеть их можно было меньше чем за минуту даже без посторонней помощи, и они были полностью автоматизированы. Костюм МК-V, в который был герметично «упакован» доктор Флойд, защищал его от всех опасностей, грозивших ему на Луне как днем, так и ночью.

Вместе с доктором Майклзом Флойд вошел в небольшой воздушный шлюз. Когда стихла пульсация насосов и скафандр почти неощутимо для Флойда раздулся и стал жестким, внутри воцарилось безмолвие вакуума.

Тем приятнее было услышать голос в переговорном устройстве скафандра:

— Как у вас давление, доктор Флойд? Дышится нормально?

— Да, все хорошо.

Майклз внимательно проверил показания контрольных приборов на скафандре Флойда.

— Порядок. Можно идти.

Наружная дверь шлюза отворилась, и перед ними открылся пыльный лунный пейзаж, озаренный мерцающим светом Земли.

Осторожно, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, Флойд вслед за Майклзом вылез из шлюза. Идти было нетрудно. Как ни странно, но с момента посадки на Луну он впервые почувствовал себя удобно именно в скафандре. Добавочный вес и небольшое сопротивление скафандра движениям тела словно бы отчасти возмещали утраченную земную тяжесть.

Луна выглядела совсем иначе, чем час назад, когда Флойд приехал сюда. Хотя звезды и серп Земли были еще по-прежнему ярки, двухнедельная лунная ночь почти окончилась. Сияние короны в восточной части горизонта напоминало восход Луны на Земле, а верхушка тридцатиметровой радиомачты вдруг вспыхнула пламенем: ее коснулись первые лучи еще невидимого Солнца.

Флойд с Майклзом подождали, когда из шлюза выйдут начальник работ по раскопке и двое его помощников, и тронулись к кратеру. Пока они шли, на востоке из-за горизонта вырвалась тоненькая дуга нестерпимо яркого света. Оставался еще целый час до момента, когда Солнце полностью поднимется над горизонтом медленно вращающейся Луны, но звезды уже погасли. Кратер еще лежал в глубокой тени, и его освещали только яркие прожекторы. Медленно спускаясь в глубь разрытого котлована к огромному черному кристаллу, Флойд ощутил не только благоговейное волнение, но и какую-то беспомощность. Здесь, в самом преддверии Земли, человеку суждено соприкоснуться с тайной, которая, быть может, никогда не будет раскрыта. Три миллиона лет назад нечто побывало здесь, оставило этот загадочный и, вероятно, непостижимый символ своих устремлений и возвратилось к иным планетам... или звездам.

Размышления Флойда прерва́л голос, прозвучавший в его шлеме:

— Говорит начальник работ. Мы бы хотели сделать несколько снимков. Станьте, пожалуйста, все с этой стороны. Доктор Флойд, будьте добры, в середину... доктор Майклз... так... благодарю вас.

Никому это не показалось смешным, кроме, может быть, самого Флойда. Впрочем, честно говоря, и он был рад, что кто-то захватил с собой камеру: эта фотография наверняка станет исторической, и не худо бы получить несколько снимков. Он даже забеспокоился — хорошо ли будет видно его лицо сквозь стекло шлема.

Несколько смущенные, они позировали перед камерой. Сделав с десяток снимков, фотограф сказал:

— Благодарю вас, джентльмены. Мы попросим лабораторию базы послать вам карточки.

Затем Флойд сосредоточил все свое внимание на черной плите: он медленно обходил ее вокруг, разглядывал со всех сторон, словно стремясь навеки запечатлеть в памяти ее необычный облик. Он не рассчитывал открыть в ней что-либо новое — ему было известно, что каждый квадратный сантиметр поверхности монолита обследован со всей тщательностью.

Неторопливое Солнце уже поднялось над гребнем кратера, и лучи его били почти под прямым углом в грань монолита, обращенную на восток. Но и под лучами он был так же черен, словно поглощал свет до последней частицы.

Флойд решил проделать простейший опыт: стал перед плитой спиной к Солнцу и попытался найти на ее гладкой поверхности свою тень. Никакого следа. А ведь каждое мгновение на эту глыбу изливается не менее десяти киловатт жгучей тепловой энергии; если внутри нее что-нибудь есть, это «что-нибудь» должно вскоре закипеть.

«Как странно,— думал Флойд,— смотреть на эту непонятную штуку и знать, что солнечный свет озаряет ее впервые с тех времен, когда на Земле еще не наступил ледниковый период». Флойд снова задумался над смыслом черной окраски монолита: конечно же, она идеально поглощает солнечную энергию. Но он тут же отбросил эту мысль: кому взбредет в голову закапывать на шесть метров в глубину устройство, приводимое в действие солнечными лучами?

Он поднял голову и глянул на Землю, которая уже начала гаснуть в утреннем небе. Из шести миллиардов ее населения всего лишь горстка знала об этом открытии... Что скажут люди, когда им, наконец, объявят о нем?

Политические и социальные последствия, сопряженные с ним, огромны. Каждый мыслящий человек, каждый, кто способен видеть хоть чуточку дальше своего носа, осознает, что вся его жизнь, моральные ценности, философия стали в чем-то иными. Даже если о ЛМА-1 ничего не удастся больше узнать и тайна монолита навеки останется нераскрытой, Человеку уже будет известно,

что он не единственное разумное существо во Вселенной. Правда, он на миллионы лет разминулся с теми, кто некогда стоял здесь, но они еще могут вернуться. А если не вернутся они, вполне возможно, найдутся другие. Отныне человечество, как бы ни сложилось его будущее, должно учитывать такую возможность.

Размышления Флойда прервал пронзительный электронный вопль, прозвучавший в телефонах его гермошлема. Он напоминал чудовищно перегруженный и искаженный сигнал времени. Машинально Флойд попытался зажать уши, но руки в перчатках наткнулись на шлем. Это привело Флойда в себя, и он судорожно схватился за регулятор громкости своего приемника. Пока он возился с ним, еще четыре вопля разорвали эфир, и затем наступила благодатная тишина.

Все в кратере оцепенели, скованные изумлением. «Значит, мой приемник в порядке. Сигналы слышали все!» — понял Флойд.

Впервые после трех миллионов лет затворничества во мраке черный монолит приветствовал восход солнца на Луне.

14. Слушающие

В ста пятидесяти миллионах километров за Марсом, в ледяных пустынях пространства, где еще не побывал ни один человек, меж запутанных орбит астероидов медленно плыл Дальний космический монитор № 79. Три года он безупречно выполнял свои функции к чести американских ученых, спроектировавших его, английских инженеров, его построивших, и русских специалистов, которые его запустили. Сложнейшая паутина антенн ловила радиошумы — непрестанный треск и шипение, голоса, звучащие там, где, по наивному предположению Паскаля, высказанному во времена более простодушные, господствует только «молчание бесконечного пространства». Радиационные детекторы улавливали и анализировали космические лучи, приходящие из нашей Галактики и пространства за ее пределами. Нейтронные и рентгеновские телескопы неустанно следили за странны-

ми звездами, которых никогда не увидит человеческий глаз. Магнитометры наблюдали за солнечными вихрями, регистрируя и отдельные порывы, и ураганы, когда Солнце дышало в лицо своим детям, опоясавшим его орбитами, потоками разреженной плазмы. Все эти и многие другие явления терпеливо отмечал Дальний космический монитор № 79 и записывал в своей кристаллической памяти.

Одна из его антенн с помощью чудес электроники, которых ныне уже никто не замечает, была постоянно наведена на точку, неизменно находящуюся невдалеке от Солнца. Раз в несколько месяцев эту отдаленную «мишень», будь у монитора глаза, можно было бы даже увидеть как яркую звезду, сопровождаемую более слабым спутником. В другое время ее свечение совсем терялось в солнечном ореоле.

На эту далекую планету Земля монитор через каждые двадцать четыре часа посылал терпеливо собранную им информацию, плотно «упакованную» в серию импульсов длительностью не более пяти минут. Примерно через пятнадцать минут эти импульсы, распространяясь со скоростью света, достигали точки своего назначения. Там их ждали предназначенные для этого машины, они усиливали принятый сигнал, записывали его и приобщали запись к тем тысячам километров магнитной ленты, которые уже хранились в сейфах Всемирных космических центров в Вашингтоне, Москве и Канберре.

В течение пятидесяти лет — со времени запуска первых спутников — триллионы, квадрильоны импульсов изливались на Землю из космоса, и записи их хранились в ожидании того дня, когда они понадобятся для дальнейшего развития науки. Возможно, лишь ничтожная частица этой массы необработанных материалов когда-либо подвергнется обработке, но нельзя было предугадать, какое именно наблюдение окажется нужным для справки какому-нибудь ученому через десять, пятьдесят или сто лет. Поэтому приходилось хранить все записи в трех экземплярах — по одному в каждом из трех Всемирных центров — для предотвращения случайной утраты; они лежали там на стеллажах в бесконечных галере-

ях с кондиционированным воздухом. Это было частью подлинных сокровищ человечества, более ценной, чем все золото, бесполезно лежащее под замком в банковских сейфах.

Так вот, Дальний космический монитор № 79 внезапно уловил нечто странное: через Солнечную систему пронеслось слабое, но отчетливо распознаваемое направленное излучение, совершенно непохожее на все естественные явления, наблюдавшиеся им в прошлом. Монитор автоматически зарегистрировал направление, время, интенсивность излучения и через несколько часов передал все эти данные на Землю.

То же самое проделали и искусственный спутник Марса «Орбитер М-15», обегавший вокруг Марса дважды в сутки, и космический зонд, поднимавшийся в пространства, лежащие над плоскостью эклиптики, и даже искусственная комета № 5, уносившаяся в ледяные дали за Плутоном по орбите, до самой удаленной точки которой ей не долететь и за тысячу лет. Все их приборы зарегистрировали необычную вспышку энергии, и все они установленным порядком автоматически передали запись этих сигналов в хранилища информации на далекой Земле.

Вычислительные машины, возможно, никогда не уловили бы связи между четырьмя необычными группами сигналов, поступившими от космических зондов, удаленных друг от друга на миллионы километров. Но прогнозист по излучению в Годдардовском вычислительном центре, едва взглянув на утреннюю рапортичку, понял, что за истекшие сутки Солнечную систему пронизало какое-то необычное излучение. Он располагал данными только о части пути этого излучения, но когда машина нанесла их на Планетный ситуационный планшет, начертание этого пути стало столь же ясным, как инверсионный след самолета на безоблачном небе или цепочка следов одинокого пешехода на девственно белом заснеженном поле. Какой-то энергетический импульс рванулся с поверхности Луны и, оставляя за собой радиационный след, разбегающийся в стороны подобно волнам от скоростного катера, устремился вдаль, к звездам.

III. В МЕЖПЛАНЕТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

15. «Дискавери»

Корабль находился в полете всего тридцать дней, а Дэвиду Боумену порой уже не верилось, что он когда-либо знал иную жизнь, кроме существования в замкнутом мирке «Дискавери». Все годы обучения, все предыдущие полеты на Луну и на Марс были словно достоянием другого человека, событиями чьей-то чужой жизни.

Примерно то же испытывал и Фрэнк Пул. Он уже не раз шутливо сокрушался, что до ближайшего психиатра чуть ли не сто миллионов километров. Между тем это чувство обособленности и отчуждения, испытываемое астронавтами, было вполне объяснимо и отнюдь не означало отклонения от психической нормы. Просто за полвека, прошедшие к тех пор, как человечество впервые попыталось вырваться в космос, такого полета никто не предпринимал.

Еще пять лет назад началась подготовка к полету под названием «Проект Юпитер» — его планировали как первый управляемый полет на эту величайшую из планет с возвратом на Землю. Корабль был уже почти готов к двухлетнему космическому рейсу, когда задача полета была неожиданно изменена.

«Дискавери» по-прежнему летел в сторону Юпитера, но то уже не было его конечной целью. Экипажу было предписано не снижать скорости при пересечении раскинувшейся на огромных пространствах системы спутников Юпитера. Напротив, намечалось использовать гравитационное поле этого гигантского мира как пращу, которая забросила бы «Дискавери» еще дальше от Солнца. Кораблю предстояло, подобно комете, прорезать удаленные внешние пространства Солнечной системы, достичь увенчанного кольцами Сатурна — и не вернуться на Землю.

Да, для корабля «Дискавери» это был рейс без возврата, однако его экипаж отнюдь не собирался кончать жизнь самоубийством. Если все пойдет, как задумано,

они через семь лет вернутся на Землю, причем пять лет из семи промелькнут для них как один миг — люди проведут их, погруженные в глубокий искусственный сон без сновидений, а затем на выручку к ним придет «Дискавери II», который еще не начали строить.

Во всех коммюнике и документах Агентство по астронавтике старательно избегало слова «выручка», поскольку оно подразумевало какую-то неудачу или аварию: общепринятой формулой было «возвращение». Если случится что-либо действительно серьезное, спасти людей, конечно, не удастся: полтора миллиарда километров от Земли — расстояние нешуточное.

Здесь риск входит в расчет, как и во всех путешествиях в неизведанное. Правда, полувековая проверка показала, что искусственно вызываемая спячка совершенно безвредна для людей и открывает новые возможности для космических путешествий. Однако до этого полета к усыплению людей на такой продолжительный срок ни разу не прибегали.

Кроме Боумена и Пула в составе экипажа было еще три человека, которым предстояло вести научные исследования. Работа их начнется, лишь когда корабль выйдет на свою конечную орбиту вокруг Сатурна, поэтому все время полета от Земли до Сатурна они проведут во сне. Таким способом удастся сэкономить тонны продуктов питания и других припасов; не менее важно и то, что люди эти будут свежи, бодры и приступят к делу, не ощущая усталости от десяти месяцев полета.

«Дискавери» выйдет на орбиту вокруг Сатурна — свою последнюю «стоянку», станет еще одним спутником этой огромной планеты. Он будет двигаться по эллипсу в три миллиона километров, то подходя очень близко к Сатурну, то уносясь за пределы орбит его основных лун. У экипажа будет сто дней на проведение съемок и первое знакомство с этим миром, который своей поверхностью в восемьдесят раз превосходит Землю и имеет целую свиту спутников — их известно пятнадцать, причем один из них размером с планету Меркурий.

Чудес там должно быть столько, что понадобятся сотни лет на их изучение; первая экспедиция сможет

провести лишь предварительную разведку. Обо всем, с чем ей придется столкнуться, она сообщит на Землю по радио; даже если исследователям не суждено возвратиться, их открытия не будут потеряны для человечества.

Через сто дней «Дискавери» прекратит все работы. Члены экипажа погрузятся в сон, только жизненно необходимые системы будут продолжать работать под контролем неутомимого электронного мозга. Корабль продолжит полет по сатурноцентрической орбите, столь точно вычисленной, что люди будут знать, в какой ее точке искать его даже через тысячу лет. Но по намеченным планам «Дискавери II» прилетит уже через пять лет. Впрочем, если даже пассажиры первого корабля проспят семь или восемь лет, они ничего не заметят. Для них часы будут стоять, как они уже остановились для Уайтхеда, Камински и Хантера.

Порой Боумен, на котором лежали обязанности командира корабля, завидовал своим товарищам, безмятежно спавшим в морозном покое гипотермической камеры. Они были свободны от всякой докуки и ответственности: пока корабль не долетел до Сатурна, внешний мир для них просто не существовал.

Зато этот мир непрерывно следил за ними по индикаторам их биологических датчиков. Чуть поодаль от множества приборов и шкал, сосредоточенных на пульте управления кораблем, были укреплены пять панелек с надписями: «Хантер», «Уайтхед», «Камински», «Пул» и «Боумен». Две последние были темны и безжизненны: их срок придет только через год. На остальных трех сияли созвездия зеленых огоньков, возвещая, что у спящих все в порядке; на каждой панели был еще экран-индикатор, на котором светящиеся волнистые линии своим биением воспроизводили неторопливые ритмы пульса, дыхания и мозговой деятельности.

Время от времени Боумен включал звуковой выход датчиков, отлично, впрочем, понимая ненужность такого контроля, ибо при малейшем нарушении нормальных жизненных процессов мгновенно включился бы сигнал тревоги. Словно зачарованный, Боумен вслушивался в

невообразимо редкие удары сердец своих товарищей, не отрывая глаз от ленивых волн, синхронно с биениями сердец скользивших по экрану.

С особым волнением смотрел он на электроэнцефалограммы, эти факсимиле человеческих личностей, деятельная жизнь которых временно прервалась, но скоро вновь возобновится. Их линии были почти прямыми, без зигзагообразных всплесков и падений — тех электрических «взрывов», которые свидетельствуют о работе мозга во время бодрствования или даже обычного сна. Если в спящих и мерцала какая-то искорка сознания, то столь слабая, что ее не улавливали приборы и не сохраняла память.

Боумен знал об этом по собственному опыту. Когда отбирали кандидатов для участия в этом полете, проверили и его способность переносить искусственный сон. Он так и не понял, что же случилось: потерял ли он во сне неделю жизни или на неделю отодвинул свою смерть.

Едва только ко лбу его прикрепили электроды и генератор сна начал пульсировать, перед глазами поплыли звезды и стремительно замелькали калейдоскопические узоры. Потом они потускнели, растаяли и его поглотила глубокая тьма. Он не почувствовал ни уколов инъекционной иглы, ни первых прикосновений холода, когда температура его тела начала снижаться до нескольких градусов выше нуля.

Когда Боумен проснулся, ему показалось, что он едва успел задремать. Но он знал, что это лишь иллюзия: он был даже убежден, что проспал несколько лет.

Значит, они уже выполнили свою задачу? Долетели до Сатурна, закончили разведку и заснули? А где же «Дискавери II»? Он ведь должен забрать их и доставить на Землю...

Боумен лежал, скованный сладкой дремотой, совершенно неспособный отделить реальные воспоминания от фантастических грез. Потом открыл глаза, но смотреть было не на что, кроме туманно-расплывчатого созвездия светящихся точек, которые он озадаченно разглядывал

несколько минут. Вдруг он понял, что это лампочки-индикаторы на ситуационном планшете корабля, но сосредоточить свой взгляд на них так и не сумел и вскоре отказался от этих попыток.

Его овевали струи теплого воздуха, согревая окоченевшее тело. Из репродуктора над головой лилась тихая, но бодрящая музыка. Постепенно она становилась все громче и громче.

Наконец он услышал голос — неторопливый, дружелюбный. (Правда, Боумен знал, что это говорит автомат.)

— Вы постепенно возвращаетесь в строй, Дейв. Не вставайте, не пытайтесь делать резких движений. Не разговаривайте.

«Не вставайте!» — Боумену стало даже смешно. Еще вопрос, может ли он шевельнуть хотя бы мизинцем. К своему удивлению, он обнаружил, что может.

Он испытывал чувство полного довольства миром, сонливое и глуповатое. Мозг его смутно соображал, что корабль со спасателями, верно, уже прилетел, автоматически началась реанимация спящих и он скоро увидит других людей. Все это было очень приятно, но ничуть не волновало.

Внезапно он почувствовал голод. Компьютер, конечно, предвидел и это.

— Под вашей правой рукой есть сигнальная кнопка, Дейв. Если вы голодны, нажмите ее, пожалуйста.

Боумен с трудом пошарил пальцами и скоро нашел грушевидную выпуклость. Кнопка! Он совсем забыл про нее, хотя наверняка должен был знать, что она здесь. Интересно, о чем еще он позабыл? Может быть, спячка стирает из памяти все?

Он нажал кнопку и стал ждать. Через несколько минут над ложем поднялась металлическая рука и поднесла к его губам пластиковую соску. Он принялся жадно сосать, в горло полилась струйка теплой сладкой жидкости — казалось, от каждой ее капли прибавлялось сил.

Вскоре манипулятор убрал соску, и Боумен снова отдыхал. Теперь он мог легко шевелить руками и ногами.

Мысль о том, чтобы встать и пойти, уже не казалась ему несбыточной мечтой.

Хотя Боумен чувствовал, что силы быстро возвращаются к нему, он был готов лежать здесь хоть целую вечность, если его никуда не позовут. Но вскоре к нему обратился другой, на сей раз живой голос, а не искусная комбинация электрических импульсов, порожденная сверхчеловеческой памятью вычислительной машины. Голос этот был даже знаком ему, хотя он не сразу сообразил, кто это говорит.

— Хелло, Дейв! У тебя все идет отлично. Можешь поговорить со мной. Ты знаешь, где находишься?

Боумен и сам уже несколько минут задавал себе этот вопрос. Если он и вправду сейчас на корабле, летящем по орбите вокруг Сатурна, то как же прошли все эти месяцы после отлета с Земли? Уж не постигла ли его и впрямь амнезия, не потерял ли он память? Смешно, но именно это опасение уверило его в обратном. Уж если он помнит слово «амнезия», его мозг в полном порядке...

Но он так и не знал, где находится, и человек, голос которого он услышал в репродукторе, видимо, отлично понимал, что его беспокоит.

— Не тревожься, Дейв. Это Фрэнк Пул. Я слежу за работой твоего сердца и за дыханием. Все хорошо. Расслабься и лежи спокойно. Мы сейчас откроем дверь и вытащим тебя.

Камера осветилась мягким светом, и в раскрывшейся двери Боумен увидел силуэты входящих людей. И тут память вернулась к нему, и он вспомнил все.

Хотя он только что благополучно возвратился из предельных глубин сна, граничащих с самой смертью, из жизни его была вырвана всего одна неделя. И покинув гипотермическую камеру, он увидит не холодное сияние Сатурна — до него еще год времени и полтора миллиарда километров. Пока он лежал в тренировочном макете корабля в Хьюстонском центре космических полетов, под жарким техасским солнцем.

16. ЭАЛ

Сейчас Техаса уже не было видно: трудно было разглядеть даже Соединенные Штаты. Хотя плазменные двигатели давно выключились, «Дискавери» продолжал полет по инерции, устремив стройное стреловидное тело прочь от Земли, и все его мощные оптические средства нацелились вперед, на внешние планеты, куда лежал его путь.

Однако один телескоп оставался постоянно направленным на Землю. Он был укреплен, подобно пушечному прицелу, на ободе корабельной антенны дальней связи и обеспечивал неизменную наводку этой огромной параболической чаши на ее дальнюю цель. Пока Земля оставалась в центре перекрестья нитей телескопа, жизненно важная связь с ней была обеспечена: по невидимому лучу, который за каждые сутки удлинялся почти на три с половиной миллиона километров, можно было отправлять и принимать сообщения.

Не меньше одного раза за каждую вахту Боумен разглядывал родной мир через телескоп настройки антенны. Теперь, когда Земля осталась далеко позади, она была обращена к «Дискавери» своим неосвещенным полушарием и на центральном экране пульта управления выглядела ослепительным серебристым серпом наподобие Венеры.

В этом день ото дня сужавшемся светлом полумесяце крайне редко удавалось разглядеть какие-либо географические контуры — их обычно скрывали облачность и дымка. Впрочем, даже затемненная часть диска неодолимо притягивала взгляд. По ней были разбросаны блестки городов, то светившие устойчиво, то мигавшие, словно светлячки, когда над ними проносились атмосферные возмущения.

А порой Луна, совершая свой путь по орбите, словно огромный фонарь освещала затемненные океаны и континенты Земли. И Боумен вдруг с волнением узнавал знакомые контуры берегов, на миг открывавшиеся ему в призрачном лунном свете. Иногда, если на Тихом океане был штиль, удавалось даже разглядеть отблеск лунного

сияния на водной поверхности, и он вспоминал тропические ночи под пальмами на берегах лагун.

Но он не сожалел об утраченных радостях. За свои тридцать пять лет он вкусил их сполна и верил, что вновь вернется к ним, уже прославленный и богатый. А пока необозримая даль, отделявшая его от Земли, делала воспоминания еще более дорогими.

В составе экипажа был еще и шестой член, но его ничуть не волновали подобные чувства, ибо он не был человеком. Это был новейший, усовершенствованный компьютер ЭАЛ-9000, мозг и нервная система корабля.

ЭАЛ (что означало не больше и не меньше как «эвристически программированный алгоритмический компьютер») представлял собой замечательное детище третьего скачка в развитии электронно-вычислительной техники. Скачки эти отделялись друг от друга промежутками примерно в двадцать лет, и мысль о приближении следующего, четвертого, скачка уже начала многих тревожить.

Первый скачок произошел еще в 40-е годы, когда на основе уже давно устаревших электронных ламп были созданы такие неуклюжие скоростные тугодумы, как ЭНИАК* и последующие модели. Затем в 60-е годы получила значительное развитие микроэлектроника. С ее появлением стало ясно, что искусственный мозг, могуществом по меньшей мере равный человеческому, вполне может вместиться в объем канцелярского письменного стола... если бы только знать, как его построить.

Вероятно, этого никто так и не узнает — к 80-м годам двадцатого столетия это уже не представляло никакого интереса, ибо к тому времени Минский и Гуд разработали методику автоматического зарождения и самовоспроизведения нервных цепей в соответствии с любой произвольно выбранной программой. Оказалось, что искусственный мозг можно «выращивать» посредством процесса, поразительно сходного с развитием человеческого мозга. Точные детали этого процесса в каж-

---

* Электронно-счетная машина-интегратор.

дом отдельном случае так и оставались неизвестными; впрочем, будь они даже известны, человеческий разум не смог бы постичь всю их сложность.

Но как бы ни был устроен этот машинный мозг, главное заключалось в том, что он мог воспроизводить большинство операций человеческого мозга, причем быстрее и надежнее. (Правда, некоторые философы по-прежнему предпочитали слово «имитировать» вместо «воспроизводить».) Такая машина стоила чрезвычайно дорого, и компьютеров типа ЭАЛ-9000 было изготовлено всего несколько экземпляров, однако старая шутка, гласящая, что производить органические мозги с помощью необученной рабочей силы всегда проще, начинала уже звучать немного плоско.

ЭАЛ был подготовлен к этой экспедиции не менее тщательно, чем его живые коллеги, и во много раз скорее — ведь он не только неизмеримо быстрей усваивал любые данные, но и никогда не нуждался в отдыхе. Первейшей его задачей было управлять всеми системами жизнеобеспечения корабля, непрерывно контролировать давление кислорода, температуру, герметичность оболочки, радиацию и прочие взаимосвязанные факторы, от которых зависела жизнь хрупкого человеческого груза. Он мог выполнять сложнейшие штурманские расчеты и осуществлять необходимое маневрирование, когда нужно было менять курс корабля. Еще он мог неустанно следить за спящими членами экипажа, уточнять состояние окружающей среды и делать внутривенные вливания микроскопических доз жидкостей, которые поддерживали их жизнь.

В первых поколениях компьютеров кодированная информация вводилась вручную, а ответы машина выдавала с помощью скоростных буквопечатающих устройств или каких-либо визуальных индикаторов. ЭАЛ тоже умел это делать, когда надо, но главным средством общения между ним и его коллегами была устная речь. Пул и Боумен могли говорить с ЭАЛом, словно он был человеком, а он отвечал на великолепном образном человеческом языке, которому был обучен за быстротечные недели своего электронного детства.

Вопрос о том, действительно ли ЭАЛ способен мыслить, был решен английским математиком Аланом Тьюрингом еще в 40-х годах. Тьюринг указал, что если машина способна вести продолжительный диалог — не важно, с помощью ли пишущей машинки или через микрофон, — и ее ответы нельзя отличить от тех, которые мог бы дать на ее месте человек, то такая машина мыслит в любом разумном значении этого слова. ЭАЛ мог бы шутя сдать тест Тьюринга.

Могло случиться даже так, что ЭАЛу пришлось бы взять на себя командование кораблем. При чрезвычайных обстоятельствах, если на его сигналы никто не ответит, он должен разбудить спящих членов экипажа, пустив в ход электрические или химические стимуляторы. Если это не удастся, он обязан радировать на Землю и запросить дальнейших указаний. Наконец, на случай, если ответ с Земли не придет, ЭАЛ был запрограммирован так, что мог принять необходимые меры для сохранения корабля и продолжения полета: ведь он один знал его истинную задачу, о которой бодрствующие астронавты даже не подозревали.

Пул и Боумен нередко в шутку называли себя сторожами корабля, который, в сущности, мог сам управлять собою. Если бы они ведали, сколь близка к правде эта шутка!

17. Будни полета

График полета был разработан до мельчайших подробностей: Боумен и Пул знали, во всяком случае теоретически, что они должны делать в каждую минуту каждых суток. Они несли вахту поочередно, по двенадцать часов, так что один из них обязательно бодрствовал. Вахтенный офицер неотлучно находился у пульта управления, а другой в это время занимался хозяйственно-бытовыми делами, совершал контрольный обход корабля, выполнял разные непредвиденные работы, которых всегда было предостаточно, ну и, конечно, отдыхал в своей каюте.

Хотя на первом этапе экспедиции Боумен формально

числился командиром корабля, со стороны этого никто бы не заметил. Он и Пул через каждые двенадцать часов передавали друг другу полностью все функции, права и обязанности командира. Это помогало обоим постоянно сохранять отличную рабочую форму, уменьшало опасность каких-либо трений между ними и, наконец, обеспечивало полную взаимозаменяемость.

День Боумена начинался в 6.00 по судовому времени — Всеобщему эфемеридному времени астрономов. Если бы Боумен проспал или замешкался, у ЭАЛа было достаточно всяких «бин-бип» и «динь-дон», чтобы напомнить ему о его обязанностях, но к этому прибегать не приходилось. Для проверки Пул как-то раз выключил будильник — Боумен все равно автоматически проснулся вовремя.

Первой ежедневной обязанностью вахтенного было передвинуть на двенадцать часов Главный таймер камеры спящих. Если стрелки останутся непереведенными два раза подряд, это послужит для ЭАЛа сигналом, что оба бодрствующих астронавта вышли из строя, и он примет чрезвычайные меры.

Проснувшись, Боумен проделывал утренний туалет и гимнастику, а затем садился завтракать. Во время завтрака он обычно читал утреннее радиотелевизионное издание газеты «Уорлд таймс». Никогда на Земле он не следил так внимательно за газетной информацией, как здесь,— на экране космического корабля самые пустячные сплетни, самые незначительные политические слухи казались захватывающе интересными.

В 7.00 он приносил Пулу в рубку управления тюбик кофе из кухни и сменял его. Если докладывать было не о чем и никаких срочных мер не требовалось (а так обычно и бывало), он начинал считывать показания приборов, а затем проводил всякие пробы и замеры, проверяя, нормально ли работают все агрегаты корабля. К 10.00 он обычно завершал проверку и переходил к занятиям.

Боумен учился бо́льшую половину своей жизни, и ему предстояло учиться до конца службы. Благодаря революции, происшедшей в XX веке в методах обучения и обработки информации, он знал не меньше, чем если бы

окончил два или три колледжа, и, что еще важнее, хранил в памяти почти все эти знания.

Лет пятьдесят назад его сочли бы специалистом по прикладной астрономии, кибернетике и системам космических двигателей, но он вовсе не считал себя специалистом в какой-либо из этих областей и готов был яростно оспаривать такое мнение о себе. Боумен никогда не мог сосредоточить все внимание на одном каком-нибудь предмете. Пренебрегая грозными предупреждениями своих наставников, он добился, чтобы его допустили к защите магистерской диссертации по общей астронавтике. Это была специальность с весьма расплывчатой программой, рассчитанная на людей со средним коэффициентом интеллектуальности, не способных достичь вершин в своей профессии.

Он принял правильное решение: именно отказ от узкой специализации сделал его на редкость пригодным для выполнения нынешней задачи. Примерно по тем же причинам Фрэнк Пул, иногда пренебрежительно именовавший себя «практиком широкого профиля по космической биологии», явился отличной кандидатурой на пост его заместителя. Вдвоем они были способны, прибегая, когда нужно, к огромным запасам информации, заложенным в памяти ЭАЛа, справиться с любой задачей, какая предположительно могла возникнуть во время полета,— надо было только ни на секунду не ослаблять бдительности и внимания ко всем сигналам и еще непрерывно освежать необходимые знания.

Поэтому Боумен ежедневно посвящал время с 10.00 до 12.00 диалогу с компьютером, проверял свои общие познания или изучал материалы, связанные с конкретной задачей. Он вновь и вновь просматривал чертежи корабля, схемы всех сетей, трассы маршрута экспедиции или штудировал данные о Юпитере, Сатурне и обширных семействах их спутников.

В полдень он шел в камбуз готовить обед, передавая на это время управление кораблем ЭАЛу. Впрочем, даже и в камбузе он оставался в курсе всех событий на корабле, потому что в этой крохотной кабинке, служившей одновременно и столовой, был установлен параллель-

ный ситуационный экран-индикатор; кроме того, ЭАЛ мог в любой момент вызвать его к пульту. Фрэнк завтракал вместе с ним, а потом отправлялся на шесть часов спать в свою каюту. Обычно за обедом они смотрели какую-нибудь телевизионную программу с Земли, которую им передавали по специальному каналу.

Меню астронавтов было продумано столь же тщательно, как и все, что касалось экспедиции. Пища, по большей части высушенная замораживанием, была отличного качества и приготовлена так, чтобы доставлять им возможно меньше хлопот. Надо было только вскрыть брикеты и заложить их в компактную автоматическую кастрюлю. Сигнал «бип-бип» сообщал астронавтам, что еда готова. Они могли полакомиться самыми разнообразными блюдами: по вкусу и, что не менее важно, по внешнему виду это были всяческие омлеты, яйца всмятку, бифштексы, котлеты, жаркое, свежие овощи, различные фрукты, апельсиновый сок, мороженое и даже свежевыпеченный хлеб.

После обеда, с 13.00 до 16.00, Боумен совершал тщательный контрольный обход корабля, точнее, той его части, которая была доступна для астронавтов. Общая длина «Дискавери» составляла около ста двадцати метров, однако маленький мирок, где, собственно, обитал его экипаж, ограничивался двенадцатиметровым шарообразным герметическим корпусом.

Здесь размещались все системы жизнеобеспечения и рубка управления — рабочее сердце корабля. Ниже находился небольшой «космический гараж» с тремя одноместными реактивными капсулами — на них можно было через специальные шлюзы «выплыть» в космос, если понадобится выполнить какие-то работы вне корабля.

В экваториальном поясе герметической сферы, в слое, ограниченном по аналогии с Землей тропиками Козерога и Рака, был вмонтирован медленно вращающийся барабан диаметром около десяти с половиной метров. Совершая один оборот за десять секунд, эта своеобразная карусель, или центрифуга, создавала искусственную тяжесть, примерно равную лунной. Такая тяжесть была уже достаточна, чтобы избежать физической атро-

фии, которая может возникнуть от долгого пребывания в невесомости, она позволяла также отправлять жизненные функции в нормальных или почти нормальных условиях.

Вот почему именно в этой карусели размещались камбуз-столовая, душ и туалет. Только здесь можно было готовить и пить горячие напитки, довольно опасные при невесомости — можно получить сильные ожоги от плавающих в воздухе пузырьков кипящей воды. Решалась здесь и проблема бритья: в невесомости сбритые щетинки разлетались бы и засоряли воздух, угрожая исправности электрической аппаратуры и здоровью людей.

По периметру карусели были устроены пять крохотных каюток, оборудованных астронавтами по своему вкусу, там находились и их личные вещи. Пока что только Боумен и Пул пользовались своими каютами: будущие обитатели остальных кают еще спали в электронных саркофагах в камере по соседству.

В случае необходимости карусель можно было остановить — при этом продолжал вращаться тяжелый маховик и накопленная им инерция позволяла плавно возобновить вращение. Впрочем, обычно карусель вертелась непрерывно, с постоянной скоростью. Вход в этот медленно вращающийся барабан находился на оси, где гравитация равнялась нулю: нужно было только перехватываться руками за скобы на осевом валу. А перейти в подвижную часть барабана после некоторой тренировки было так же просто, как ступить на ленту движущегося эскалатора.

Герметическая сфера, укрепленная на довольно легкой стреловидной конструкции длиной около ста метров, служила головной частью корабля. «Дискавери», как и все корабли, предназначенные для дальних космических полетов, не мог войти в атмосферу или сопротивляться полной силе тяготения какой-либо планеты — для этого он был слишком непрочен и необтекаем. Его собрали на околоземной орбите, испытали в пробном полете в пространстве за Луной и окончательно проверили на окололунной орбите. Он был порождением чистого космоса, и это было видно с первого взгляда.

Непосредственно позади герметической сферы помещались четыре больших резервуара с жидким водородом, а за ними V-образно расположенные ажурные плоскости радиаторов, которые рассеивали избыточное тепло ядерного реактора. Покрытые сеткой тонких трубок, несущих охлаждающую жидкость, они походили на крылья гигантской стрекозы, и со стороны, под определенным углом зрения, «Дискавери» чем-то напоминал старинный парусный корабль.

Там, где кончались крылья радиатора, в девяноста метрах от жилой сферы находились экранированный ад реактора и фокусирующие электроды, между которыми вырывалось наружу раскаленное звездное вещество — плазма. Главную свою задачу двигатель корабля выполнил уже несколько недель назад, когда «Дискавери» стартовал со своей стоянки на окололунной орбите. Сейчас реактор работал «на малых оборотах», питая электроэнергией системы корабля, и огромные плоскости радиаторов, которые при максимальной тяге, когда «Дискавери» набирал скорость, раскалялись докрасна, теперь были черны и холодны.

Обследовать эту часть корабля можно было, только выйдя в космос, но контрольные приборы и наружные телекамеры и без того давали о ней все нужные сведения. Боумен был уверен, что знает, в каком состоянии находится каждый сантиметр панелей радиатора и его трубопровода.

К 16.00 Боумен заканчивал обход — наступало время ежедневного подробного устного доклада Центру управления полетом на Земле. Он выключал свой передатчик, только когда Земля подтверждала, что его услышали. Выслушав запросы и указания Центра управления, он вновь включал передатчик и отвечал. В 18.00 просыпался Пул, и Боумен сдавал ему управление кораблем.

После вахты у Боумена оставалось шесть часов свободного времени. В эти часы он продолжал заниматься, слушал музыку, смотрел кинофильмы. Он много читал — электронная библиотека корабля была почти неисчерпаема. Его увлекала история великих путешествий прошлого, что было вполне понятно в его положе-

нии. Вместе с Питеем* он проходил под парусами меж Геркулесовых столбов, огибал берега Европы, где еще только кончался каменный век, дерзко подплывал почти к ледяной туманной Арктике либо спустя две тысячи лет вместе с Ансоном** преследовал испанские галеоны, с капитаном Куком шел навстречу неведомым опасностям Большого Барьерного рифа и совершал с Магелланом первое кругосветное плавание. Он взялся за «Одиссею», и ее речь, доносившаяся из необозримой глубины времен, взволновала его больше всех других книг.

Когда ему хотелось развлечься, к его услугам всегда был ЭАЛ. Он знал множество игр, имеющих математическую основу, включая шахматы и шашки. Играя в полную силу, ЭАЛ мог выиграть все партии во всех играх, но это портило бы людям настроение, поэтому он был запрограммирован на выигрыш только половины всех партий, а его живые партнеры притворялись, будто им это неизвестно.

Последние часы бодрствования Боумен посвящал общей уборке и самым непредвиденным задачам, после чего в 20.00 садился ужинать, опять вместе с Пулом. После ужина наступал час, когда он мог вызвать Землю и его могли вызвать оттуда родные и друзья.

Как и все его коллеги, Боумен не был женат: было бы неразумно посылать семейных людей в столь продолжительную экспедицию. Конечно, многие красавицы обещали ждать их возвращения, но никто не принимал этих обещаний всерьез. Поначалу и Пул, и Боумен каждую неделю вели с Землей довольно нежные беседы, правда, немного смущаясь от сознания, что их слушают посторонние люди на Земле. Но уже через месяц, хотя экспедиция, в сущности, только началась, диалоги с девушками, оставшимися на Земле, стали реже и прохладнее. Астронавты были готовы к этому: уж такова их доля, как в старину — доля моряков.

Поговорив с близкими на Земле, Боумен, прежде чем прекратить связь, передавал свое последнее донесение и

---

* Питей — греческий мореплаватель (IV в. до н.э.).

** Джордж Ансон (1697—1762) — британский адмирал.

проверял, переданы ли ЭАЛом все показания приборов за день. Затем он, если было настроение, часа два читал или смотрел фильм, а в полночь укладывался спать — и засыпал обычно без помощи электронаркоза.

Распорядок дня Пула был такой же, только сдвинутый во времени. Суточные графики обоих астронавтов взаимно дополняли друг друга и совмещались без малейших задорин. Дел было по горло, оба были людьми слишком разумными и уживчивыми, чтобы ссориться,— и дни в полете текли спокойно и буднично, без происшествий, а бег времени отмечала только смена цифр на электронных часах.

К этому и сводилась самая заветная мечта маленького экипажа «Дискавери» — чтобы в предстоящие недели и месяцы ничто не омрачило мирного однообразия их жизни.

18. Через пояс астероидов

Неделя проходила за неделей, и «Дискавери», миновав уже орбиту Марса, летел к далекому Юпитеру по своей орбите, предопределенной с такой точностью, словно это были трамвайные рельсы. Как непохож был «Дискавери» на корабли, бороздящие небеса и моря там, на Земле,— он не требовал никакого управления, ни единого прикосновения к рулям или тумблерам двигателя. Курс планетолета определяли законы тяготения: на его пути не было ни неведомых мелей, ни опасных рифов, на которые он мог налететь. Не угрожала ему и опасность столкнуться с другим кораблем, ибо во всем пространстве, отделявшем его от бесконечно далеких звезд, не было ни одного корабля — во всяком случае, корабля, созданного человеком...

Строго говоря, та область космоса, в которую сейчас вторгся «Дискавери», отнюдь не была свободна от препятствий. Перед ним простиралась неведомая человеку зона, изрезанная трассами более миллиона астероидов. Точные орбиты были вычислены астрономами примерно для десяти тысяч. Впрочем, размеры астероидов невелики: только четыре имеют диаметр более ста пятиде-

сяти километров, остальные представляют собой всего лишь огромные каменные глыбы, бесцельно несущиеся в пустоте.

Никаких мер защиты против них не существовало: самый маленький астероид при столкновении на скорости свыше ста тысяч километров в час мог разнести «Дискавери» на куски. Однако вероятность такого столкновения была ничтожно мала. В среднем на объем пространства, представляющий собой куб со стороной, равной полутора миллионам километров, приходится всего один астероид! Экипаж меньше всего тревожило, что «Дискавери» может оказаться в одной точке пространства с каким-нибудь астероидом, притом в одно и то же мгновение.

На восемьдесят шестой день полета они должны были пройти точку наибольшего сближения с одним из известных астероидов (других встреч вообще не предвиделось). Астероид этот названия не имел и числился под номером 7794; это был обломок скалы около сорока пяти метров в поперечнике, обнаруженный в 1997 году Лунной обсерваторией и тотчас же забытый всеми, кроме терпеливых блоков памяти Бюро малых планет.

Когда Боумен заступил на вахту, ЭАЛ тут же напомнил ему о предстоящей встрече, хотя трудно было ожидать, что командир корабля забудет о единственном событии, которое предусмотрено графиком на протяжении всего полета. Трасса астероида, привязанная к звездам, и его координаты на момент наибольшего сближения уже светились на экранах пульта. Там был и перечень наблюдений, которые надо было провести; у астронавтов будет дел по горло в те мгновения, когда мимо них, всего в полутора тысячах километров, промелькнет 7794 на относительной скорости сто тридцать тысяч километров в час.

Боумен попросил ЭАЛа включить курсовой телескоп, и на экране вспыхнуло изображение пространства впереди, усеянного редкими звездами. Ничего похожего на астероид среди них не было — даже при максимальном увеличении все звезды выглядели безразмерными светящимися точками.

— Наложи прицельную сетку,— сказал Боумен.

На экране мгновенно появились четыре тонкие линии вокруг крохотной, еле видимой звездочки. Он долго вглядывался в нее, подумывая, уж не ошибся ли ЭАЛ, и вдруг обнаружил, что эта точечка едва заметно движется относительно неподвижных звезд. До астероида, возможно, было еще с полмиллиона километров, но по космическим масштабам это уже почти рукой подать.

Когда через шесть часов к пульту управления пришел Пул, 7794 светился в сотни раз ярче и двигался на звездном фоне так быстро, что сомневаться, он ли это, больше не приходилось. Он уже не был светящейся точкой, а превращался в ясно видимый диск.

Они глядели на этот небесный камешек, летящий к ним, с тем чувством, какое испытывают моряки в долгом плавании, когда им приходится огибать берег, на который они не могут высадиться. Хотя они отлично знали, что 7794 всего лишь безжизненная, лишенная воздуха скалистая глыба, это не умаляло их волнения. Ведь этот астероид — единственное твердое тело на всем пути до Юпитера, до которого еще оставалось больше трехсот миллионов километров.

В свой мощный телескоп они уже видели, что астероид очень неправильной формы и летит, медленно кувыркаясь. Он походил то на сплюснутый шар, то на грубо сделанный кирпич; период его вращения немногим превышал две минуты. Пятна света и тени беспорядочной рябью бежали по его поверхности, а порой она вспыхивала ослепительно, словно далекое окно на закате,— это сверкали под солнцем обнажения кристаллических пород.

Астероид мчался со скоростью около сорока пяти километров в секунду; за несколько минут, лихорадочно быстролетных, надо было суметь провести все наблюдения с самых близких дистанций. Автоматические камеры сделали десятки снимков. Отраженные от астероида сигналы навигационного радара записывались для последующего изучения. Едва успели запустить один-единственный соударяющийся зонд.

Приборов в зонде не было — никакой прибор не уце-

лел бы при столкновении на космических скоростях. Зонд представлял собой просто небольшую металлическую болванку. Она была запущена с корабля по траектории, пересекающейся с направлением движения астероида.

Часы отсчитывали секунды, отделявшие момент пуска от встречи зонда с мишенью, а Пул и Боумен, все больше волнуясь, ждали исхода своего эксперимента. Принципиально он был чрезвычайно прост, но точность их приборов и расчетов подвергалась при этом труднейшему испытанию — ведь надо было попасть в сорокаметровую мишень с расстояния в тысячи километров!

И вот на затемненной части астероида внезапно возникла ослепительно яркая вспышка света. Маленькая болванка ударилась о его поверхность со скоростью метеорита, и вся ее энергия за какую-то долю секунды превратилась в тепло. Облачко раскаленного газа вздулось и мгновенно рассеялось в пространстве. Бортовые спектрографы «Дискавери» засняли быстро угасшие линии спектра. Там, на Земле, специалисты проанализируют их и прочтут автографы, оставленные раскаленными атомами. Так впервые будет установлен химический состав оболочки астероида.

Через час 7794 был уже не диском, а едва мерцающей звездочкой. Когда Боумен заступил на следующую вахту, астероид совсем исчез из виду.

Вокруг опять было пустынное пространство. Им предстояло лететь в полном одиночестве еще три месяца, пока навстречу не выплывут самые отдаленные, внешние луны Юпитера.

19. Мимо Юпитера

Даже с расстояния тридцать миллионов километров Юпитер выглядел самым внушительным небесным телом из всех, что были видны впереди. Планета казалась им бледным розовато-желтым диском размером примерно в половину Луны, какой мы ее видим с Земли; на ней ясно проступали темные параллельные полосы облачных поясов. В экваториальной плоскости вокруг

Юпитера обращались яркие звезды — Ио, Европа, Ганимед и Каллисто, целые миры, которые в другой части Солнечной системы вполне сошли бы за самостоятельные планеты, а здесь были лишь спутниками своего гигантского властелина.

В телескоп Юпитер ошеломлял своим величием — пятнистый разноцветный шар заполнял собой все поле зрения. Невозможно было постичь его истинные размеры. Хотя Боумен непрестанно напоминал себе, что диаметр Юпитера в одиннадцать раз больше земного, это оставалось мертвой цифрой, не имеющей реального смысла.

Но, просматривая ленты из блоков памяти ЭАЛа с материалами по Юпитеру, он нашел нечто, мгновенно создавшее представление об устрашающей огромности этого небесного тела. То была иллюстрация: развертка поверхности Земли была растянута на диске Юпитера наподобие звериной шкуры. Все океаны и континенты нашей планеты на этом фоне выглядели не больше, чем Индия на земном глобусе!

Когда Боумен довел увеличение телескопа до предела, ему показалось, что он висит над огромным слегка сплюснутым шаром, а под ним стремительно несутся облака, смазанные и вытянутые в ленты быстрым вращением гигантского мира. Порой эти ленты сплетались в сгустки, узлы или массы окрашенных паров размером в целые континенты; иногда между ними возникали и вновь таяли мосты протяженностью во многие тысячи километров. Под этими облаками скрывалось больше материи, чем во всех остальных планетах Солнечной системы. «А что еще, — размышлял Боумен, — скрывается там, внизу?»

По этому бурно изменяющемуся облачному покрову, навечно скрывшему под собой истинную поверхность планеты, время от времени скользили круглые темные пятна. Это какая-нибудь из ближайших лун проходила между планетой и далеким Солнцем, и тень ее бежала за ней вслед по облачному ландшафту Юпитера.

И здесь, в тридцати миллионах километров, мчались луны Юпитера — другие, намного меньшие. Это были

просто летающие горы поперечником в десятки километров, но трасса корабля не подходила близко ни к одной из них. Корабельный радар с промежутками в несколько минут посылал в пространство импульсы энергии, подобные беззвучным грозовым разрядам, и не получал ни одного отраженного сигнала из ближайших зон — вокруг было пусто.

Зато все громче звучал могучий рев — радиоголос самого Юпитера. Еще в 1955 году, на заре космической эры, астрономы с изумлением обнаружили, что Юпитер излучает колоссальную, измеряемую миллионами киловатт энергию в десятиметровом диапазоне. Это излучение было уловлено в виде беспорядочных радиошумов; источником его считали ореолы заряженных частиц, опоясывающие Юпитер наподобие земных поясов Ван-Аллена, но, конечно, несравнимо более мощные.

Иногда, в долгие одинокие часы вахты, Боумен слушал эти шумы. Он поворачивал регулятор громкости до тех пор, пока треск и шипение не начинали звучать на всю рубку. Порой на этом фоне слышались свист и писк, словно кричали обезумевшие от страха птицы. Эти звуки навевали жуть, потому что исходили не от человека; они будили острое чувство одиночества — бессмысленные, как плеск волн о берег, как раскаты дальнего грома за горизонтом...

Даже при такой огромной скорости — свыше ста пятидесяти тысяч километров в час — «Дискавери» требовалось почти две недели, чтобы пересечь орбиты всех спутников Юпитера. А их у него было больше, чем планет в Солнечной системе; лунная обсерватория каждый год открывала все новые, и теперь их насчитывалось тридцать шесть. Самый внешний из них, Юпитер XXVII, обращался по неустойчивой орбите в направлении, обратном остальным спутникам, находясь в двадцати девяти миллионах километров от своего временного повелителя. Он был «трофеем» Юпитера в его извечной, затяжной войне с Солнцем: этот исполин то и дело выхватывал себе на время луны из пояса астероидов и через несколько миллионов лет вновь утрачивал их. Только внутренние спутники оставались неотъемлемой

собственностью Юпитера — Солнце было не в силах вырвать их из его власти.

И вот теперь появилась новая добыча для противоборствующих гравитационных полей. «Дискавери» с возрастающей скоростью мчался к Юпитеру по сложной траектории, вычисленной много месяцев назад астрономами на Земле и непрерывно контролируемой ЭАЛом. Время от времени экипаж ощущал слабые, еле уловимые толчки — это на миг автоматически включались струйные рули, внося мельчайшие уточнения в траекторию.

На Землю по радио шел непрерывный поток информации. Астронавты были теперь так далеко от дома, что их сигналы, даже летя со скоростью света, доходили туда только через пятьдесят минут. Вместе с ними, их глазами и по их приборам все человечество следило за приближающимся Юпитером, но проходил почти целый час, пока вести об их открытиях достигали Земли.

Когда планетолет пересекал орбиты внутренних спутников — все они были больше Луны и все совершенно неизведанные,— камеры его телескопов работали не переставая. Часа за три до прохождения траверса Юпитера «Дискавери» пролетел всего в тридцати тысячах километров от его спутника Европы, и все приборы нацелились на этот мир, который сначала приближался, быстро вырастая в размерах, а затем стал уходить в сторону, превращаясь из диска в полумесяц, пока не исчез совсем в лучах Солнца.

Это небесное тело с поверхностью, равной двадцати двум миллионам квадратных километров, с Земли даже в наимощнейший телескоп казалось булавочной головкой. И теперь за считанные минуты, пока продолжалось сближение, нужно было как можно лучше использовать эту встречу, собрать и записать все сведения. Впереди у астронавтов были долгие месяцы, когда можно будет не торопясь разобраться в них.

Издали Европа выглядела огромным снежным шаром, с необычайной интенсивностью отражавшим свет далекого Солнца. Наблюдения с более близких расстояний подтвердили это: Европа, в отличие от тусклой Луны, была ослепительно белой и во многих местах по-

крыта сверкающими глыбами, похожими на вмерзшие айсберги. Они почти наверняка состояли из аммиака и воды, которые почему-то не были захвачены гравитационным полем Юпитера.

Лишь по экватору виднелись обнажения скальных пород; эта безжизненная пустыня, невероятно изрезанная каньонами и беспорядочными нагромождениями скал, темной полосой опоясывала весь маленький мир. Астронавты заметили несколько кратеров метеоритного происхождения, но никаких признаков вулканизма — Европа явно не имела внутренних источников тепла.

Атмосфера, как это было давно известно, отсутствовала здесь совершенно. Когда край диска Европы заслонял собой какую-нибудь звезду, она лишь на мгновение тускнела и полностью затмевалась. Только в некоторых зонах было нечто похожее на облака — вероятно, туман из капелек аммиака, несомых вязкими метановыми вихрями.

Европа скрылась за кормой столь же стремительно, как появилась, и теперь до Юпитера оставалось только два часа. ЭАЛ не раз и не два тщательно выверял траекторию корабля, и до момента наибольшего сближения дополнительно корректировать скорость не было нужды. Пул и Боумен хорошо знали это, но все же смотреть на гигантский, с каждой минутой разбухавший шар было страшновато. С трудом верилось, что «Дискавери» не врежется в эту планету, влекомый на погибель себе ее невообразимо мощным притяжением.

Наступило время запускать атмосферные зонды. Конструкторы надеялись, что они продержатся достаточно долго и успеют передать хоть небольшую информацию из-под плотного облачного покрова Юпитера. Две короткие, похожие на бомбы капсулы, покрытые абляционными теплозащитными оболочками*, были выведены слабыми реактивными импульсами на траектории, которые вначале, на протяжении первых нескольких

---

* Абляционные оболочки — оболочки, состоящие из материала, уносимого при тепловом воздействии среды (абляция — унос массы за счет оплавления и испарения).

тысяч километров, почти не отклонялись от курса «Дискавери».

Однако мало-помалу они отошли в сторону, и наконец даже невооруженным глазом стало видно, что ЭАЛ не ошибся в расчетах. Корабль летит по траектории, близкой к касательной, он не заденет атмосферу Юпитера, и столкновение с планетой ему не грозит. Правда, разница составляла всего несколько сот километров — пустяк для небесного тела диаметром чуть ли не полтораста тысяч километров, но именно этот пустяк решал судьбу корабля.

Теперь Юпитер заполнял собой весь кругозор, он был так огромен, что ни разум, ни глаз уже не могли его охватить и отступились, признав свое бессилие. Если бы облачный покров не переливался необычайным множеством цветов и оттенков — красных, розовых, желтых, оранжевых, даже ярко-алых,— Боумен мог бы подумать, что он летит над сплошной облачностью на Земле.

Приближался миг, когда им впервые за все время полета предстояло распрощаться с Солнцем. Пусть побледневшее и маленькое, оно неизменно светило кораблю все пять месяцев с тех пор, как он покинул Землю. Но теперь траектория корабля уходила в тень Юпитера, и скоро перед ним должна была открыться ночная сторона планеты.

В тысячах километров впереди возникла и ринулась навстречу полоса сумерек, а позади Солнце быстро погружалось в юпитерианские облака. Лучи его распростерлись по горизонту, словно два пламенеющих, загнутых книзу рога, затем сошлись и утонули в мимолетном великолепии многокрасочного заката. Наступила ночь.

Но мир, лежавший под ними, не был погружен в полную тьму. Его озаряло какое-то свечение; с минуты на минуту, по мере того как глаз привыкал к нему, оно становилось все ярче. Реки тусклого света текли с одной стороны горизонта до другой, будто люминесцирующие волны за кормой судна где-нибудь в тропических морях. То здесь, то там они разливались в озера жидкого пламени, которые трепетали от могучих подспудных возму-

щений, вздымавшихся из потаенных глубин Юпитера. Зрелище было ощеломляюще величественным, Пул и Боумен не могли от него оторваться. «Что же это такое,— гадали они,— просто ли действие химических и электрических сил, бушующих там, в этом клокочущем котле, или проявление каких-то фантастических форм жизни?» Они задавали себе вопросы, по которым ученым предстояло спорить, вероятно, еще и в конце нового, едва народившегося столетия.

Чем глубже уходил «Дискавери» в юпитерианскую ночь, тем ярче становилось свечение планеты. Когда-то Боумену случилось лететь над северной частью Канады в разгар полярного сияния, и сейчас ему вспомнился заснеженный канадский ландшафт, такой же безотрадный и сверкающий. «А ведь там, в арктическом безлюдье,— сообразил он,— было на сто с лишним градусов теплее, чем в облачных просторах, над которыми мы проносимся сейчас».

— Сигнал земного радио быстро гаснет,— сообщил ЭАЛ.— Мы вступаем в первую зону дифракции.

Они этого ожидали, более того, изучение дифракции входило в их задачу, потому что поглощение радиоволн атмосферой Юпитера могло дать о ней ценные сведения. Но сейчас, когда они пролетали за Юпитером и связь с Землей прервалась, ими вдруг овладело гнетущее чувство одиночества. Всего один час должно было длиться непрохождение радиоволн, а потом корабль выйдет из-за непроницаемого экрана Юпитера, и они опять смогут говорить с человечеством. Но этот час стал едва ли не самым долгим в их жизни.

Несмотря на сравнительно молодой возраст, Пул и Боумен были уже опытными астронавтами — за плечами у каждого было не меньше десятка космических полетов,— но в этой экспедиции они чувствовали себя новичками. Они пытались свершить такое, чего еще не знала история: никогда прежде космический корабль не летал на таких скоростях и не дерзал приближаться к столь мощному гравитационному полю. В эти решающие мгновенья достаточно было малейшей навигационной ошибки — и «Дискавери» умчался бы к отдаленным

пределам Солнечной системы без всякой надежды на спасение.

Медленно ползли минуты. Юпитер теперь высился над ними светящейся стеной, уходящей в бесконечность, а их корабль карабкался вверх, параллельно этой сияющей поверхности. И хоть они знали, что огромную скорость корабля не в силах преодолеть даже тяготение Юпитера, им все еще не верилось, что «Дискавери» не стал спутником этого чудовищного мира.

Наконец, далеко впереди, за краем планеты, забрезжило зарево. Они выходили из тени Юпитера под лучи Солнца. И почти в то же мгновение ЭАЛ объявил:

— Связь с Землей восстановлена. Рад сообщить также, что маневр с использованием возмущающей силы успешно завершен. До Сатурна нам осталось сто шестьдесят семь дней пять часов одиннадцать минут полета.

Эти цифры с точностью до минуты совпадали с предварительными расчетами; пролет по касательной мимо Юпитера был выполнен с безупречной точностью. Словно шар на некоем космическом бильярде, «Дискавери» отразился от движущегося гравитационного поля Юпитера и приобрел от этого столкновения новую энергию. Не израсходовав ни одного грамма топлива, он увеличил скорость почти на десять тысяч километров в час.

Но в этом не было никакого нарушения законов механики. Природа всегда точна в своей бухгалтерии, и Юпитер потерял ровно такое же количество движения, какое приобрел «Дискавери». Планета затормозилась, но ее масса в секстильон раз превышала массу корабля, и поэтому изменение ее скорости было настолько ничтожно, что никакие приборы уловить его не могли. Еще не пришло то время, когда Человек сумеет влиять на механику тел Солнечной системы.

Когда вокруг посветлело и бледное маленькое Солнце вновь поднялось в юпитерианском небе, Пул и Боумен пожали друг другу руки.

Хоть им самим еще не верилось, но первая часть их экспедиции была успешно завершена.

Однако с Юпитером еще не все было покончено. Далеко позади два зонда, запущенные с «Дискавери», соприкоснулись с его атмосферой.

Один из них так и не дал о себе знать — видимо, он вошел в атмосферу под слишком крутым углом и сгорел, не успев послать никакой информации. Другой оказался более удачливым: прорезав верхние слои юпитерианской атмосферы, он вновь вышел в космос; как и намечалось, потеря скорости у него была настолько значительной, что он стал падать по пологой эллиптической кривой. Двумя часами позднее он опять вошел в атмосферу на дневной стороне Юпитера на скорости около ста тысяч километров в час.

Вокруг него сейчас же образовалась оболочка раскаленного газа, и связь с ним прекратилась. Потянулись напряженные минуты ожидания. Астронавты, не отходившие от пульта, опасались, что зонд не уцелеет, так как защитная керамическая оболочка сгорит. Случись так, приборы просто испарились бы в какую-нибудь долю секунды.

Но оболочка продержалась достаточно долго, и раскаленный метеорит успел затормозиться. Обугленные остатки ее были отброшены, автомат развернул антенны и начал шарить вокруг своими электронными щупальцами. На борту «Дискавери», почти в четырехстах тысячах километров от Юпитера, радио начало приносить первые достоверные сведения об этой планете.

Каждую секунду тысячи импульсов сообщали о составе атмосферы, давлении, температуре, напряжении магнитного поля, радиоактивности и десятках других показателей, в которых могли разобраться только специалисты на Земле. Впрочем, один вид информации не требовал расшифровки — это была цветная телевизионная передача с падающего зонда.

Первые изображения начали поступать, когда зонд уже вошел в атмосферу и отбросил свою защитную оболочку. На них был виден только желтый туман, испещренный ярко-алыми пятнами, стремительно проносив-

шимися вверх мимо объектива камеры, которая падала вместе с зондом со скоростью порядка тысячи километров в час.

Туман стал гуще; трудно было разобрать, как далеко видит объектив: на несколько сантиметров или на десятки километров — не было никаких отчетливых деталей, которые могли бы дать представление о масштабе. Космонавты уж было решили, что идея телепередачи с борта зонда потерпела крах: камера работает, но в этой туманной, взвихренной атмосфере ей ничего не увидать.

И вдруг в одно мгновение туман исчез. Зонд, вероятно, пронизал высокий слой облаков и вошел в область совершенно отчетливой видимости — может, в слой почти чистого водорода с рассеянными в нем единичными кристаллами аммиака. Хотя определить масштаб изображения все еще не удавалось, дальность обзора камеры явно измерялась километрами.

Картина, открывшаяся перед астронавтами, была столь необычной, что глазу, привыкшему к земным краскам и формам, она показалась немыслимой. Далеко-далеко внизу простиралось безбрежное золотое море, испещренное пятнами различных оттенков, рассеченное параллельными хребтами — быть может, гребнями гигантских волн. Но они не двигались; впрочем, масштабы обзора были слишком велики, чтобы можно было заметить какое-либо движение внизу. Главное заключалось в том, что все это золотое видение никак не могло быть океаном: оно находилось еще очень высоко в атмосфере. Это мог быть только еще один, лежащий ниже, слой облаков.

И тут в поле зрения камеры мелькнуло нечто странное, дразняще затуманенное расстоянием. Где-то очень далеко золотое море, вздыбившись, завершалось удивительно симметричным конусом, похожим на вулкан. Вершину конуса окружал венец из маленьких пушистых облачков примерно одинакового размера, очень четких и раздельных. В них было что-то тревожащее, что-то противоестественное — впрочем, и всю эту потрясающую панораму вряд ли можно было назвать естественной.

Тут зонд, видимо, увлеченный каким-то вихрем в быстро уплотняющейся атмосфере, развернулся в другом направлении, и несколько секунд на экране был один лишь золотой туман. Затем вращение прекратилось; «море» теперь было значительно ближе, но столь же загадочно, как и прежде. Кое-где на нем виднелись бесформенные черные пятна — может быть, разрывы, открывающие вид на нижние слои атмосферы.

Зонду не суждено было достичь их. С каждым километром вниз плотность газа вокруг него резко возрастала, и чем ближе к скрытой от глаза поверхности планеты он опускался, тем больше становилось давление. Он был еще высоко над таинственным морем, как вдруг изображение на экране корабля мигнуло, а затем и вовсе исчезло: в это мгновение первый исследователь с Земли был раздавлен весом многокилометрового слоя атмосферы над ним.

За свою короткую жизнь зонд дал беглое представление, может быть, об одной миллионной доле тайн Юпитера, далеко не достигнув его поверхности, находившейся в сотнях километров ниже, под сгущающимся туманом. Когда изображение на экране погасло, Боумену и Пулу долго не хотелось говорить: одна и и та же мысль завладела обоими.

Древние и впрямь были ближе к истине, чем могли предполагать, когда присвоили этому миру имя повелителя богов. Если там внизу, на его поверхности, есть жизнь, сколько времени потребуется людям на то, чтоб хотя бы обнаружить ее? А затем — сколько пройдет веков, пока люди смогут последовать за этим пионером? И какой корабль они для этого придумают?

Но экипажу «Дискавери» некогда было заниматься этими вопросами. Его путь лежал к другому, еще более странному миру, отделенному от Солнца вдвое большим расстоянием. И до него было еще восемьсот миллионов километров пустынного пространства, куда залетали одни лишь кометы.

IV. БЕЗДНА

21. День рождения

Знакомые звуки песенки «С днем рождения», переброшенные со скоростью света через миллиард с лишним километров космического пространства, прозвенели в тесной рубке и угасли где-то между контрольными экранами и приборами. На телевизионном экране семья Пула, несколько напряженно сидящая вокруг именинного пирога, погрузилась в молчание.

Помолчав немного, мистер Пул-старший сипло сказал:

— Ну что же, Фрэнк, не могу придумать, что еще тебе сказать сейчас... Скажу одно: мы мысленно с тобой и желаем тебе всяческого счастья в твой день рождения.

— Береги себя, родной,— вставила миссис Пул голосом, полным слез.— Благослови тебя Бог.

Затем все нестройным хором крикнули: «До свиданья!», и экран померк. «Как странно,— подумал Пул,— что все это на самом деле было больше часа назад, а сейчас родные уже разъехались и кое-кто из них катит по дорогам далеко от родительского дома». Это запаздывание сигналов связи, хотя и могло быть иногда мучительным, вместе с тем таило в себе великое благо. Как и все люди его века, Пул считал само собой разумеющимся, что он может в любую минуту переговорить, с кем ему вздумается. Но здесь не Земля, здесь все по-другому, и эта перемена оказала на него сильнейшее психологическое воздействие. Он ощутил себя в каком-то ином измерении, и почти все нити эмоциональных связей растянулись и, не выдержав напряжения, порвались.

— Прошу извинить, что прерываю празднество,— сказал ЭАЛ,— но у меня важное дело.

— Что случилось? — в один голос спросили Боумен и Пул.

— Испытываю затруднение в поддержании контакта с Землей. Неполадки в блоке АЕ-35. По данным моего центра аварийных прогнозов, в ближайшие семьдесят два часа блок может отказать.

— Мы займемся им, — ответил Боумен. — Посмотри как обстоит дело с оптической наводкой.

— Готово, Дейв. Пока еще наводка в полном порядке.

На контрольном экране появился полумесяц безупречной формы, очень яркий на черном, почти беззвездном фоне. Он был закрыт облаками, на нем не проступало никаких географических контуров, которые можно было бы узнать. С первого взгляда можно было принять его за Венеру.

Но только с первого взгляда, потому что рядом была Луна, которой у Венеры нет, настоящая Луна, примерно вчетверо меньше Земли и точно в той же фазе. Их очень легко было принять за мать и дитя, как и считали многие астрономы раньше, пока изучение лунных пород не показало, что Луна никогда не была частью Земли.

С полминуты Боумен и Пул молча изучали экран. Это изображение передавала на пульт управления длиннофокусная телевизионная камера, укрепленная на ободе большой параболической антенны. Перекрестье, наложенное центром на изображение Земли, указывало, что антенна ориентирована точно. Ведь если узкий карандашик луча не был бы наведен точно на Землю, они не смогли бы ни передавать, ни принимать передач. Сигналы, посланные в обоих направлениях, не попадали бы на антенны и улетали бы, унося с собой нераскрытыми слова и образы сквозь всю Солнечную систему в бескрайнюю пустоту, простирающуюся за ней. Если бы они и были когда-нибудь приняты, то лишь через столетия — и, конечно, не землянами...

— Ты знаешь, где неполадки? — спросил Боумен.

— Неполадки перемежающиеся, — ответил ЭАЛ, — и я не могу уточнить, где именно. По-видимому, в блоке АЕ-35.

— Что ты предлагаешь?

— Лучше всего заменить блок запасным, а снятый проверить.

— Ладно. Дай нам подтверждающую запись.

На контрольном экране высветились все необходимые данные, и одновременно из прорези под экраном

выскользнул лист бумаги. При всех электронных методах считывания и регистрации бывали случаи, когда добрый старый печатный текст оказывался все же самой удобной формой записи.

Боумен глянул на схемы и присвистнул.

— Что же ты не сказал нам раньше, что надо выходить из корабля?

— Извините,— прозвучал голос ЭАЛа.— Я считал, вы знаете, что блок АЕ-35 находится в опоре антенны.

— Наверно, знал год назад. Как-никак на корабле восемь тысяч подсистем. Ну ладно, задача как будто нехитрая. Нужно только вскрыть панель и вставить новый блок.

— Меня это вполне устраивает,— сказал Пул, на которого расписанием обязанностей возлагались мелкие работы вне корабля.— Я не прочь переменить обстановку для разнообразия. Только не подумай, что ты мне надоел.

— Надо еще запросить согласие Центра управления,— сказал Боумен.

Он чуть помолчал, собираясь с мыслями, и включил передатчик.

— Центр управления, говорит Икс-Дельта-Один. В два-ноль-пять центр аварийных прогнозов нашего бортового компьютера девять три нуля показал вероятность аварии блока Альфа-Енох-три-пять в ближайшие семьдесят два часа. Прошу просмотреть ваш телеметрический контроль и проверить блок моделирующей установки. Подтвердите также ваше согласие на наш план выхода из корабля и замены блока Альфа-Енох-три-пять. Пункт управления, говорит Икс-Дельта-Один, номер два-один-ноль-три, передача окончена.

За долгие годы практики Боумен наловчился мгновенно и без малейшего напряжения переходить на радиожаргон и возвращаться к нормальной человеческой речи. Теперь оставалось только ждать подтверждения, которое могло прийти не раньше чем через два часа — столько времени требовалось сигналам на путь туда и обратно, через орбиты Юпитера и Марса.

Ответ пришел, когда Боумен, чтобы убить время,

играл с ЭАЛом в одну из геометрических игр, пытаясь победить его.

— Икс-Дельта-Один, говорит Центр управления, подтверждаем прием вашей два-один-ноль-три. Проверяем телеметрическую информацию на нашей моделирующей установке, результат сообщим. Одобряем ваш план выхода из корабля и замены блока Альфа-Енох-три-пять, не ожидая возможной аварии. Разрабатываем для вас процедуру проверки аварийного блока.

Покончив с серьезными делами, руководитель Центра управления перешел на нормальный язык.

— Очень досадно, друзья, что у вас возникла маленькая неполадка. Понимаем, у вас хватает забот и без того, но у нас тут есть запрос из Бюро общественной информации. Не можете ли вы до выхода из корабля передать нам коротенькую запись для широкой публики? Расскажите, что случилось, и объясните, что это за блок. Постарайтесь, чтобы все звучало пободрее. Мы могли бы, конечно, и сами, но от вас это будет намного убедительнее. Надеемся, что не сильно помешали вашей светской жизни. Икс-Дельта-Один, говорит Центр управления, номер два-один-пять-пять, передача окончена.

Боумен не мог удержаться от улыбки. Земля проявляла иногда поразительную нечуткость и бестактность. «Чтобы звучало пободрее...» Легко сказать!

Когда Пул поспал положенное время и пришел в рубку, они вдвоем минут за десять составили и отредактировали текст сообщения. На первых порах газеты, радио, телевидение не давали им покоя, у них брали интервью, запрашивали их мнения, ловили любое их слово. Но неделя за неделей проходила без всяких происшествий, сигналы запаздывали уже не на минуты, а больше чем на час, и интерес к экспедиции постепенно остыл. После ажиотажа, вызванного с месяц назад пролетом мимо Юпитера, они передавали для прессы только три или четыре записи.

— Центр управления, говорит Икс-Дельта-Один, получите сообщение для прессы: «Сегодня, несколько часов назад, возникла незначительная техническая пробле-

ма. Наш компьютер ЭАЛ-9000 предсказал аварию блока АЕ-35. Этот блок — небольшая, но важная часть системы связи. Он обеспечивает наводку нашей главной антенны на Землю с точностью до нескольких тысячных градуса. Такая точность необходима потому, что на нынешнем нашем удалении — более миллиарда километров — Земля представляет собой всего лишь слабенькую звездочку и узкий направленный луч нашей радиостанции легко может не попасть на нее.

Антенна непрерывно следит за Землей; ее вращают моторы, управляемые центральным компьютером. Но моторы эти получают приказы через блок АЕ-35, который можно сравнить с нервным узлом в теле человека, передающим приказы мозга руке или ноге. Если нерв не передаст правильных сигналов, рука или нога не станет работать. В нашем случае авария блока АЕ-35 может привести к тому, что антенна будет направлена куда попало. Так часто случалось с дальними космическими зондами в прошлом веке. Они долетали до других планет, но не могли послать никакой информации, потому что их антенны не могли найти Землю.

Мы еще не знаем характера неисправности, но положение никак нельзя считать серьезным, и оснований для тревоги нет. У нас таких запасных блоков два, к тому же срок эксплуатации у каждого — двадцать лет, поэтому вероятность того, что и второй блок откажет в ходе нашей экспедиции, совершенно ничтожна. Кроме того, когда мы узнаем, в чем причина обнаруженной неисправности первого блока, мы, возможно, сумеем его исправить.

Фрэнк Пул, получивший специальную подготовку для такой работы, выйдет из корабля и заменит поврежденный блок запасным. Заодно он проверит состояние оболочки и заделает микропробоины, которые были слишком незначительны, чтобы выходить только ради их.

Если не считать описанной мелкой неисправности, полет по-прежнему протекает без происшествий, на что мы рассчитываем и в дальнейшем».

Центр управления, говорит Икс-Дельта-Один, номер два-один-ноль-четыре, передача окончена.

22. Вылазка

На «Дискавери» имелись шарообразные капсулы, или «космические гондолы», диаметром около двух с половиной метров. Перед кабиной пилота «фонариком» выступал над поверхностью сферы большой иллюминатор, дававший отличный обзор. Главный ракетный двигатель создавал тягу, соответствующую одной пятой ускорения земной силы тяжести,— этого было достаточно, чтобы капсулы могли взлетать на Луне, а маломощные струйные рули обеспечивали управление. Непосредственно под иллюминатором были укреплены две пары металлических шарнирных «рук»-манипуляторов: одна — для тяжелых работ, другая — для мелких операций, требующих точности движений. Кроме того, в каждой капсуле была выдвижная телескопическая турель с набором электрифицированных инструментов — отверткой, перфоратором, пилой, сверлом и прочим.

Эти космические гондолы никак нельзя было назвать особо элегантными экипажами, но они были незаменимы при выполнении строительных и ремонтных работ в открытом космическом пространстве. Обычно им давались женские имена, вероятно, потому, что иногда они вели себя несколько непредвиденным образом. Тройка, имевшаяся на «Дискавери», носила имена «Анна», «Бетти» и «Клара».

Облачившись в скафандр — так сказать, последнюю линию его обороны от космической пустоты — и забравшись в гондолу, Пул минут десять внимательно проверял все приборы управления. Он опробовал рули, разгибал и сгибал шарниры манипуляторов, проверил запасы кислорода, топлива, электроэнергии. Убедившись, что все в полном порядке, подал по радио команду ЭАЛу. Конечно, Боумен у пульта управления неотрывно наблюдал за всем, но, пока не было ошибки или неисправности, ни во что не вмешивался.

— Говорит «Бетти». Начать откачку,— скомандовал Пул.

— Есть начать откачку,— повторил ЭАЛ, и Пул услышал, как начали пульсировать насосы, откачивая дра-

гоценный воздух из шлюзовой камеры. Вскоре послышалось потрескивание и пощелкивание — это тонкая металлическая обшивка гондолы отзывалась на перемену давления.

Минут через пять ЭАЛ доложил:

— Откачка закончена.

Пул в последний раз глянул на крохотную приборную доску гондолы. Все было в порядке.

— Открыть наружный люк, — приказал он.

ЭАЛ снова повторил приказ; в любой миг Пулу достаточно было сказать «Стоп!» и ЭАЛ тотчас прекратил бы выполнение операций.

Наружные стенки шлюза раздвинулись. Пул ощутил, как слегка качнулась капсула — это последние остатки воздуха вырвались из камеры в космос. Он увидел перед собой звезды и по прихоти случая с этого же борта оказался и Сатурн — маленький золотой диск, до которого оставалось еще почти шестьсот пятьдесят миллионов километров.

— Начать вывод гондолы!

Балка, на которой была подвешена капсула, стала очень медленно выдвигаться сквозь открытый люк до тех пор, покуда капсула не повисла над бездной вне корабля.

Пул дал краткий, в полсекунды, импульс главным двигателям, капсула плавно соскользнула с балки и стала независимым космическим корабликом, вышедшим на собственную орбиту вокруг Солнца. Теперь у него не было никакой связи с «Дискавери» — никакой, даже страховочного фала! Впрочем, с гондолами редко случались аварии, а если бы Пул даже застрял в космосе, Боумен легко мог выйти наружу и выручить его.

«Бетти» отлично повиновалась рулям. Пул дал ей отплыть метров на тридцать, притормозил и развернулся лицом к кораблю. Потом начал осматривать герметическую оболочку жилой сферы.

Прежде всего он заметил небольшое оплавление металла оболочки — пятнышко чуть более сантиметра диаметром, с крошечным кратером посредине. Частица космической пыли, ударившая туда на скорости более

полутораста тысяч километров в секунду, была, наверно, меньше булавочной головки, и огромная кинетическая энергия, несомая ею, мгновенно превратила ее в пар. Как это часто бывает, кратер выглядел так, будто он образован взрывом внутри оболочки: на таких скоростях материалы ведут себя странно и привычные законы ньютоновой механики редко применимы.

Пул тщательно обследовал оплавленную зону и залил ее герметизирующим веществом из баллончика, который имелся в сумке с ремонтными материалами. Белая клейкая жидкость пленкой растеклась по металлу, закрыв кратер. Уходивший из пробоины воздух вздул пленку пузырьком, который начал расти и, наконец, раздувшись чуть ли не до пятнадцати сантиметров, лопнул, за ним вздулся еще один, но уже значительно меньше; быстро твердеющий цемент сделал свое дело, и пузырек осел. Пул еще несколько минут пристально следил за пробоиной, но больше никаких признаков утечки не было. Все же он для верности наложил сверху еще один слой жидкости и отправился к антенне.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы облететь вокруг сферического корпуса «Дискавери», потому что он шел не быстро — со скоростью около одного метра в секунду. Спешить было некуда, а развивать бóльшую скорость так близко от корабля — опасно. Приходилось все время остерегаться, как бы не задеть всякие датчики и подвески для приборов, торчавшие из корпуса в самых неожиданных местах, да и плазменная струя реактивного двигателя «Бетти» требовала особой осторожности. Она могла причинить немало вреда, если бы невзначай ударила в какой-нибудь хрупкий прибор.

Добравшись наконец до антенны дальней связи, Пул внимательно огляделся. Большая шестиметровая чаша антенны казалась наведенной прямо на Солнце, потому что Земля была почти на одной линии с солнечным диском. Поэтому основание антенны с находящимся в нем ориентационным устройством было закрыто от Солнца огромным блюдцем антенны и тонуло во тьме.

Пул подплыл к антенне сзади; он не хотел заходить со стороны зеркала антенны, чтобы корпус «Бетти» не

перекрыл луч и не вызвал, хотя бы ненадолго, досадного перерыва связи с Землей. Поэтому он включил фары капсулы и осветил ту часть основания, где ему предстояло поработать.

Вот и она — небольшая металлическая крышка, под которой таилась причина неисправности. Крышка крепилась четырьмя гайками, а конструкция самого блока АЕ-35 предусматривала возможность быстрой его замены, так что особых сложностей Пул не предвидел.

Было ясно, однако, что из капсулы он эту работу проделать не сможет. Во-первых, опасно маневрировать на «Бетти» так близко от легкого, паутинного каркаса антенны, а кроме того, рули капсулы легко могли своими струями покоробить тончайший металл ее зеркала. Пул решил оставить капсулу в пяти-шести метрах от антенны и выйти в космос в скафандре. Помимо всего руками, пусть в перчатках, легче и быстрее заменить блок, чем с помощью дистанционных манипуляторов, которыми оснащена была «Бетти».

Обо всем этом он подробно доложил Боумену, и тот дважды проверил порядок выполнения всех операций. Правда, работа предстояла простая, вполне заурядная, но в космосе нельзя ничего принимать на веру, нельзя пренебрегать ни одной мелочью. Здесь не существовало такого понятия, как «мелкая» ошибка.

Получив «добро» на проведение работы, Пул оставил капсулу в шести метрах от основания антенны. Она не могла сама уплыть в космос, но для надежности Пул защелкнул хвататель одного манипулятора за перекладину металлической лестницы; такие лестницы короткими секциями были продуманно размещены на разных участках оболочки.

Проверив все системы скафандра, Пул стравил воздух из капсулы. Когда он, шипя, вырвался из «Бетти» наружу, вокруг на миг возникло, застлав звезды, облачко ледяных кристаллов.

Перед выходом из капсулы предстояло выполнить еще одну операцию. Пул переключил управление капсулой с ручного на дистанционное, тем самым передав «Бетти» под контроль ЭАЛа. Это была обычная мера

предосторожности: хотя Пул и был привязан к капсуле тонким, словно нити, пружинным фалом огромной прочности, но, как известно, иногда даже крепчайшие страховочные фалы подводят. Он выглядел бы довольно глупо, если бы не мог вытребовать к себе свой кораблик, когда тот ему понадобится. Теперь для этого достаточно отдать приказ ЭАЛу.

Пул распахнул люк капсулы и выплыл в молчание космоса, разматывая за собой фал. «Не торопись. Не делай резких движений. Остановись и подумай» — таковы были правила работы вне корабля. Если их соблюдать, не будет никаких неприятностей.

Ухватившись за одну из ручек, укрепленных на обшивке «Бетти», Пул вынул запасной блок из сумки для грузов, которая была пристроена снаружи, как у кенгуру. Никаких инструментов из набора капсулы он брать не стал — они были рассчитаны на манипуляторы, а не на человеческие руки, а все торцовые и раздвижные ключи, которые могли понадобиться, уже висели у него на поясе.

Легонько оттолкнувшись, Пул послал свое тело к карданной опоре огромной чаши, отгораживавшей его от Солнца. Он плыл вдоль лучей, отбрасываемых фарами, и раздвоенная тень его плясала, нелепо кривляясь, на выпуклой внешней поверхности зеркала. К своему удивлению, он обнаружил, что тыльная сторона зеркала во многих местах сверкала мельчайшими, но ослепительными точечками света.

Он ломал голову, что бы это значило, пока плыл к антенне, и наконец понял, в чем дело. За время полета зеркало было пробито множеством микрометеоритов, и через эти крохотные пробоины светило Солнце. Конечно, они все были так малы, что не могли сколько-нибудь заметно отразиться на качестве связи с Землей.

Пул двигался очень медленно, он легко предотвратил слабый удар тела об основание антенны, выставив вперед руку, и тут же ухватился ею за стойку, чтобы его не отнесло назад. Потом защелкнул карабин своего страховочного пояса за ближайшую скобу: теперь у него было

на что опереться во время работы. Передохнув, он доложил Боумену обстановку и прикинул, как действовать дальше.

Было одно маленькое затруднение: он стоял — или плавал — так, что сам себе заслонял свет и работать пришлось бы вслепую. Поразмыслив, он приказал ЭАЛу сдвинуть фары в сторону и после нескольких попыток добился ровного освещения за счет отражения лучей фар от тыльной поверхности зеркала.

Несколько секунд Пул разглядывал небольшую металлическую крышку, прикрепленную четырьмя зашплинтованными гайками.

Шутливо пробормотав себе под нос: «При вскрытии прибора лицами, на то не уполномоченными, фабричная гарантия аннулируется», он обрубил шплинты и принялся отвертывать гайки. Размер у них был стандартный, и к ним подошел ключ с нулевым моментом кручения, имевшийся в комплекте скафандра. Внутренний механизм этого ключа поглощал реакцию, так что тому, кто пользовался им в условиях невесомости, не угрожала опасность вертеться самому вокруг ключа вместо того, чтобы отвертывать гайку.

Гайки отвинтились без труда, и Пул предусмотрительно убрал их в карман. (Кто-то предсказал, что когда-нибудь вокруг Земли образуется кольцо, как у Сатурна, состоящее исключительно из болтов, крепежных деталей и даже инструментов, упущенных беспечными монтажниками орбитальных конструкций.) Крышка сначала никак не отходила, и Пул испугался было, что она приварилась — в вакууме возможна такая холодная сварка. Но после нескольких ударов крышка поддалась, и он прикрепил ее к стойке антенны надежным зубчатым зажимом.

Теперь ему стала видна электронная блок-схема АЕ-35. Это была тонкая пластинка величиной с почтовую открытку, зажатая в щелевидной нише, куда она плотно входила. Блок удерживался на месте двумя задвижками, а наружная ручка позволяла легко извлечь его оттуда.

Блок продолжал работать, питая моторы антенны импульсами, которые обеспечивали ее наводку на далекую тусклую точечку, именуемую Землей. Если его вынуть, управление антенной прервется и здоровенная чаша развернется в нейтральную позицию, то есть на нулевой азимут, так что ее ось станет параллельно оси корабля. Это было бы просто опасно — зеркало могло сильно ударить Пула при развороте.

Чтобы избежать этой угрозы, нужно было только выключить питание моторов — тогда антенна не шевельнется, если, конечно, сам Пул не сшибет ее. Пока он будет менять блок, наводка на Землю не собьется — за эти две-три минуты положение ее относительно звезд существенно не изменится.

— ЭАЛ,— сказал Пул по радио,— я сейчас буду вынимать блок. Выключи питание управления антенной.

— Питание управления антенной выключено,— доложил ЭАЛ.

— Отлично. Вынимаю блок.

Пластинка легко вышла из прорези; ее не заело, ни один из десятков скользящих контактов не зацепился. Через минуту запасной блок стоял на месте.

Но Пул не стал рисковать. Он осторожно оттолкнулся от основания антенны — на случай, если огромное зеркало «сбесится», когда включат ток. Оказавшись на безопасном расстоянии, скомандовал ЭАЛу:

— Новый блок на месте. Включай питание!

— Питание включено,— ответил ЭАЛ.

Зеркало антенны не шелохнулось.

— Проведи проверку на прогноз аварии.

Микроскопически слабые импульсы заметались по схеме блока, ища возможные неисправности, испытывая сотни его компонентов, чтобы удостовериться, что все их параметры находятся в пределах установленных допусков. Все это, конечно, было проделано много раз еще на заводе, до выпуска блока, но то было два года назад и в миллиарде километров отсюда. Иной раз трудно было себе представить, что может отказать в твердых электронных схемах,— и все же они отказывали.

Не прошло и десяти секунд, как ЭАЛ доложил:

— Блок совершенно исправен.

За эти секунды он провел столько испытательных замеров, сколько не успела бы сделать добрая сотня живых операторов.

— Очень хорошо! — весело сказал Пул.— Ставлю крышку на место.

Этот этап работы вне корабля нередко оказывался самым опасным: когда основные операции позади и остается только, если можно так выразиться, прибрать за собой и возвратиться в корабль, именно тогда легче всего допустить ошибку. Но Фрэнк Пул не стал бы участником этой экспедиции, если бы не был осторожен и осмотрителен. Он работал неторопливо. Правда, одна из гаек едва не уплыла от него, но он успел ее схватить метрах в полутора от себя.

Через пятнадцать минут он уже плыл на гондоле в «гараж», совершенно уверенный, что выполнил работу, которую больше не придется переделывать.

В этом, однако, он самым печальным образом заблуждался.

23. Диагноз

— Уж не хочешь ли ты сказать,— воскликнул Пул, скорее удивленный, чем раздосадованный,— что я зря старался?

— Похоже на то,— ответил Боумен.— Испытания показали, что блок вполне исправен. Даже при двойной нагрузке прогноз не сулит никаких аварий.

Астронавты стояли в маленькой мастерской — она же лаборатория — в карусельной части жилой сферы. Заниматься мелким ремонтом и осмотром деталей тут было гораздо удобнее, чем в «гараже». Можно было не опасаться, что шарики расплавленного олова поплывут по воздуху, а мелкие детали и вовсе потеряются, воспользовавшись открытым шлюзом, чтобы выйти на собственную орбиту. В «гараже» при невесомости такое легко могло случиться — и случалось не раз.

Тонкая пластинка блока АЕ-35 лежала на рабочем столе под мощной лупой. Она была вложена в стандарт-

ную контактную оправку, от которой тянулся пучок разноцветных проводов к автоматическому тестеру — прибору не крупнее обычного настольного компьютера. Для испытания или проверки какой-либо схемы достаточно было подключить к ней тестер, вставить в него соответствующую карточку из картотеки поиска неисправностей и нажать кнопку. Обычно на небольшом экране указывалось, где находится неисправность и как ее устранить.

— Попробуй сам,— сказал Боумен. В его голосе почему-то звучало беспокойство.

Пул повернул ручку с надписью: «Выбор перегрузки» на деление «× 2», включив тем самым двойную нагрузку на блок, и нажал кнопку, на которой было написано: «Испытание». На экране мгновенно вспыхнула надпись: «Блок исправен».

— Хватит, я думаю,— сказал Пул.— Если дальше нагружать, он у нас просто перегорит, это ничего не докажет. В чем же тут дело, по-твоему?

— Может, ошибся прогностикатор?

— Нет уж, скорее дурит тестер. Так или иначе, береженого бог бережет. Раз есть хотя бы малейшее сомнение, мы правильно сделали, что заменили блок.

Боумен отключил блок и поднес его к лампочке. Похожая на вафлю полупрозрачная пластинка, пронизанная замысловатой сетью цветных проволочек и испещренная точками микрокомпонентов, напоминала произведение абстрактного искусства.

— Рисковать мы не можем — ведь это же наша связь с Землей. Я спишу его как негодный и выброшу на склад лома. Пускай потом с ним маются другие, когда мы вернемся домой.

Но маяться пришлось им самим, и притом гораздо раньше — когда они получили очередную радиограмму с Земли...

— Икс-Дельта-Один, говорит Центр управления, отвечаем на вашу два-один-пять-пять. У нас с вами возникло небольшое осложнение. Ваш доклад об исправности Альфа-Енох-три-пять согласуется с нашим диагнозом. Неполадка могла быть в цепях самой антенны, но это

было бы легко установлено другими проверками. Есть еще одна вероятность, возможно более серьезная. Ваш ЭАЛ мог ошибочно предсказать аварию. Оба наши компьютера на основе заложенной в них информации дали такое заключение. Причин для особой тревоги нет, но мы просим вас следить, не будет ли других отклонений от нормальной работы. За последние несколько дней у нас был повод заподозрить некоторые мелкие аномалии, но не столь существенные, чтобы требовалось принять немедленные меры, а главное, мы не обнаружили в них какой-либо очевидной закономерности и потому не могли сделать определенных выводов. Продолжаем проверку на наших компьютерах, результаты сообщим. Повторяем: для тревоги оснований нет, в худшем случае придется временно отключить ваш ЭАЛ для проверки программирования и передать управление на один из наших компьютеров. Запаздывание сигнала, конечно, осложнит дело, но мы изучили эту возможность и убедились, что на этой стадии полетом можно вполне успешно управлять с Земли. Передача окончена.

Фрэнк Пул, стоявший на вахте, когда пришла эта радиограмма, задумался над ней и молчал. Он ждал, что скажет ЭАЛ, но тот не попытался опровергнуть обвинение. Что же, если ЭАЛ сам не завел разговор об этом, Пул и подавно не собирался начинать.

Вахта Пула уже почти закончилась. Обычно он ждал, когда Боумен придет к нему в рубку, но на сей раз нарушил заведенный порядок и сам отправился в карусель.

Боумен уже был на ногах и наливал себе кофе. Пул не очень жизнерадостно пожелал ему доброго утра. Проведя столько месяцев в космосе, они все еще вели счет на земные сутки, хотя уже давно перестали помнить дни недели.

— С добрым утром,— отозвался Боумен.— Как дела?

— Неплохо,— буркнул Пул, потянув к себе кофейник.— Ты уже проснулся?

— Вполне. Что случилось?

Они отлично понимали друг друга, и каждый тотчас угадывал, когда что-нибудь было неладно. Малейшее

нарушение повседневного распорядка одним немедленно настораживало другого.

— Так вот,— неторопливо заговорил Пул,— Пункт управления сбросил на нас маленькую бомбочку.— Он понизил голос, словно врач, обсуждающий болезнь в присутствии больного.— Кажется, у нас на борту легкий случай ипохондрии.

Боумен все же, видимо, не совсем проснулся — слова Пула дошли до него только через несколько секунд.

— Что?.. Ах, так!.. А еще что они сказали?

— Что оснований для тревоги нет. Они повторили это дважды. Лично у меня от этого уверенности не прибавилось, скорее наоборот. И еще сказали, что подумывают, не перейти ли временно на управление с Земли, пока они будут проверять программу.

Оба, конечно, знали, что ЭАЛ слышит каждое их слово, и потому не могли не прибегать к деликатно-уклончивым выражениям. ЭАЛ был их коллегой, и им не хотелось его огорчать, а таиться от него казалось пока преждевременным.

Боумен молча доедал завтрак. Пул вертел в руках пустой кофейник. Оба лихорадочно размышляли, но говорить больше было не о чем.

Оставалось только ждать очередной радиограммы из Центра управления и еще гадать, не заговорит ли об этом сам ЭАЛ. Так или иначе, атмосфера на корабле в чем-то неуловимо изменилась. Над людьми словно нависла гнетущая тяжесть, ими впервые овладело предчувствие какой-то беды.

«Дискавери» перестал быть счастливым кораблем.

24. Прерванная цепь

Теперь можно было легко определить, когда ЭАЛ собирается сделать какое-нибудь непредвиденное сообщение. Обычные, повседневные сведения или ответы на заданные ему вопросы выскакивали без запинки, но если он готовился выдать информацию, исходящую от него самого, ей предшествовало своего рода электронное откашливание. Эта слабость проявилась у компьютера за

последние несколько недель; люди не спешили с лечением, поскольку она пока не слишком им докучала. Пожалуй, она даже была полезна: это был сигнал, предупреждавший, что сейчас последует непредвиденное известие.

Пул отсыпался, Боумен читал, сидя в рубке, как вдруг ЭАЛ заговорил:

— Гм... Дейв, у меня есть сообщение.

— В чем дело?

— Второй блок АЕ-35 тоже неисправен. Мой прогностикатор предсказывает аварию в ближайшие двадцать четыре часа.

Боумен отложил книгу и задумчиво уставился на экран, укрепленный на консоли. Он, конечно, знал, что ЭАЛа — понимай под этим словом, что хочешь, — здесь на самом деле нет. Если и можно сказать, что «личность» ЭАЛа имеет какое-то свое место в пространстве, то оно — близ центральной оси карусели, в особой опечатанной камере, которая битком набита хитроумно соединенными между собой блоками памяти и сетками перерабатывающих устройств. Но при разговоре с ЭАЛом в рубке у астронавтов возникла совершенно непреодолимая потребность смотреть на его главный экран, как бы беседуя с компьютером лицом к лицу. Им казалось, что поступать иначе было бы просто невежливо.

— Не понимаю, в чем дело, ЭАЛ. Не могут же за два дня отказать два блока подряд?

— Это действительно очень странно, Дейв. Но уверяю вас, блоку грозит авария.

— Посмотрим, как с оптической наводкой.

Боумен прекрасно знал, что это ничего не докажет, но ему нужно было время подумать. Долгожданный ответ с Земли еще не пришел, и сейчас был, пожалуй, удобный случай осторожно прощупать ЭАЛа.

На экране появились знакомые контуры Земли, уже не в фазе полумесяца: она ушла за Солнце и поворачивалась к кораблю освещенной стороной. Перекрестье лежало точно на центре диска — значит, тонкий лучик по-прежнему связывал «Дискавери» с родной планетой. Боумен и не ожидал ничего иного. При самой маленькой заминке в связи немедленно раздался бы сигнал тревоги.

— У тебя есть какие-нибудь соображения? — спросил Боумен. — В чем причина неисправности?

Долгая пауза, совершенно необычная для ЭАЛа. Наконец он ответил:

— Нет, Дейв. Как я уже докладывал, я не могу установить место повреждения.

— А ты вполне уверен, что не ошибся? — сдержанно начал Боумен. — Ты ведь знаешь, мы очень тщательно испытали снятый блок и не нашли никаких неисправностей.

— Да, я знаю. Но уверяю вас, повреждение есть. Если не в блоке, то где-нибудь во всей подсистеме.

Боумен задумчиво побарабанил пальцами по консоли. Да, это возможно, хотя докопаться сейчас вряд ли удастся; пока авария не произошла, место повреждения не обнаружить.

— Ладно, я доложу на Землю, посмотрим, что они скажут.

Он помолчал, но ЭАЛ не отозвался.

— Послушай, ЭАЛ, — снова спросил Боумен, — может, тебя что-нибудь беспокоит? Что-нибудь такое, чем можно объяснить эти наши затруднения?

Снова необычно долгое молчание. Наконец ЭАЛ заговорил с нормальной интонацией:

— Послушайте, Дейв, я понимаю, что вы хотите мне помочь. Но я утверждаю: погрешность либо в системе антенны, либо в вашей методике проверки. Я обрабатываю информацию совершенно правильно. Проверьте мой формуляр, вы увидите, что там нет ни одной ошибки.

— Я хорошо знаю твой формуляр, но он не доказывает, что ты прав. Ошибиться может всякий.

— Не хочу быть настойчивым, Дейв, но я не способен ошибиться.

Возражать было неблагоразумно, и Боумен решил прекратить спор.

— Ладно, ЭАЛ, — довольно торопливо сказал он, — я понял твою точку зрения. На этом и порешим.

Ему хотелось добавить: «И давай забудем весь этот разговор». Но что-что, а уж забывать ЭАЛ был совершенно не способен.

Растрачивать энергию на передачу изображения было совсем не в правилах Центра управления. Для всех деловых целей вполне хватало голосовой передачи с подтверждающей телетайпной записью. К тому же на экране появилось лицо не дежурного контролера, а главного программиста — доктора Саймонсона. И астронавты поняли сразу, что пришла беда.

— Хелло, Икс-Дельта-Один, говорит Центр управления. Мы закончили анализ ваших затруднений с блоком АЕ-35. Показания обеих наших компьютеров согласуются. Доклад относительно прогноза второй аварии, переданный в вашей два-один-четыре-шесть, подтверждает диагноз.

Как мы и подозревали, блок АЕ-35 не поврежден, и заменять его не нужно. Причина неполадок — в прогностических цепях и, по нашему мнению, указывает на какие-то противоречия в программе. Устранить их мы можем только при условии, что вы отключите ваш ЭАЛ и перейдете на управление с Земли. Поэтому начиная с двадцати двух ноль-ноль корабельного времени проведите следующие меры...

Голос Земли вдруг оборвался, изображение на экране исчезло. В то же мгновение раздался сигнал тревоги, а на фоне его завывания — голос ЭАЛа:

— Тревога! Тревога!

— Что случилось? — крикнул Боумен, хотя уже знал, каков будет ответ.

— Авария блока АЕ-35, как я и предсказывал.

— Покажи оптическую наводку.

Впервые с начала полета картина изменилась. Земля начала уходить от перекрестья — антенна уже не была нацелена на свою мишень.

Пул двинул кулаком по выключателю сигнала тревоги, и вой смолк. Внезапная тишина гнетуще нависла над рубкой. Пул и Боумен глядели друг на друга, встревоженные и растерянные.

— Черт побери! — вырвалось у Боумена.

— Выходит, ЭАЛ был прав с самого начала.

— Да вроде так. Пожалуй, надо извиниться перед ним.

— В этом нет необходимости,— вмешался ЭАЛ.— Естественно, я огорчен, что блок АЕ-35 отказал, но, надеюсь, это восстановит ваше доверие к моей надежности.

— Я очень сожалею об этом недоразумении, ЭАЛ,— сказал Боумен с ноткой раскаяния в голосе.

— Я могу считать, что доверие ко мне полностью восстановлено?

— Конечно, ЭАЛ.

— Очень рад. Вы знаете, что я с величайшим энтузиазмом отношусь к нашей экспедиции.

— Я в этом уверен. А теперь включи-ка ручное управление антенной.

— Готово.

Честно говоря, Боумен не надеялся на особый успех, но попытаться стоило. На индикаторе наводки Земля совсем ушла с экрана. Боумен подвигал несколько секунд рукояткой управления, и Земля снова появилась; с большим трудом он сумел подвести ее к перекрестью. На мгновение удалось навести луч, контакт восстановился, и на экране появилось смазанное, искаженное лицо Саймонсона, который говорил:

—... прошу известить нас немедленно, если цепь К — Китти, Р — Робин...

И снова ничего, кроме бессмысленного бормотанья Вселенной...

— Не могу ее удержать,— сказал Боумен после нескольких новых попыток.— Вырывается, как дикий жеребец. Похоже, какие-то спорадические сигналы управления все время отбрасывают ее.

— Так... Что же делать?

На вопрос Пула не очень-то легко было ответить. Они отрезаны от Земли. Собственно, само по себе это еще не угрожало безопасности корабля, и можно найти много способов восстановить связь. На худой конец — жестко зафиксировать антенну и наводить на Землю сам корабль. Задача чертовски трудная и на завершающем этапе полета доставила бы им кучу лишних хлопот, но это все же можно сделать, если все остальные попытки сорвутся.

Впрочем, Боумен надеялся, что такие крайние меры не потребуются. У них был еще один запасной блок АЕ-35, а быть может, и два — ведь первый-то они сняли еще неповрежденным. Но они не решались заменять аварийный блок, пока не установят, в чем же неисправность системы. Ведь свежий блок может так же мгновенно сгореть.

В общем случай был вполне заурядный и хорошо знакомый каждому домохозяину. Никто не станет заменять сгоревший предохранитель, пока не узнает, почему он сгорел.

25. Первый человек на Сатурне

Хоя Фрэнк Пул только накануне выходил из корабля, он заново проделал всю программу подготовки: небрежность в космосе — простейший способ самоубийства. Он тщательно проверил все механизмы «Бетти», запасы воздуха, топлива и энергии; хотя в космосе ему предстояло быть всего полчаса, запасы полагалось брать на сутки. Убедившись, что все в порядке, он приказал ЭАЛу открыть люк и выплыл наружу.

Корабль выглядел совершенно так же, как и в прошлый раз, с одним только, но весьма важным отличием. В тот раз большая чаша антенны дальней связи смотрела назад, вдоль невидимой трассы, по которой пролетел «Дискавери», на далекую Землю, описывающую дугу вокруг жаркого Солнца.

Теперь же, когда исчезли сигналы, ориентировавшие антенну, она автоматически встала в нейтральное положение, нацелившись вдоль оси корабля. Иными словами, она была наведена почти точно на сияющий маяк Сатурна, до которого предстояло лететь еще не один месяц. Кто знает, сколько новых задач придется им решить, пока они доберутся до этой далекой звездочки... Если бы Пул всмотрелся повнимательнее, он мог бы заметить, что Сатурн не выглядит правильным диском; с обеих его сторон были никогда еще не виденные невооруженным глазом человека выпуклости — кольца планеты. Какое же зрелище предстанет перед ними, когда

эти невообразимо огромные массы космической пыли и ледяных кристаллов, описывающие орбиту вокруг Сатурна, заполнят их небо, когда сам «Дискавери» станет вечным спутником Сатурна! Но это великое свершение будет бесплодным, если они не восстановят связь с Землей...

Размышляя над всем этим, Пул подвел «Бетти» метров на шесть к основанию антенны, остановил ее и, прежде чем выйти, передал управление ЭАЛу.

— Сейчас выхожу,— доложил он Боумену.— Управление передал.

— Ну что ж, пожалуй, правильно. Хочу поскорее поглядеть на этот блок.

— Будь уверен, через двадцать минут он будет у тебя на испытательном стенде.

Наступило молчание — Пул медленно плыл к антенне. Затем Боумен у пульта управления услышал, как Пул кряхтит и бурчит себе под нос:

— Немного поспешил со своим обещанием. Гайку тут у меня заело, видно, слишком перетянул ее прошлый раз... Ф-Фу-у... Наконец-то поддалась!

Опять долгое молчание. Потом снова голос Пула:

— ЭАЛ, поверни-ка фары влево, градусов на двадцать. Стоп! Спасибо, так хорошо.

Где-то в самой глубине сознания Боумена едва слышно звякнул настораживающий звоночек. Что-то показалось ему странным — нет, не тревожным еще, но каким-то необычным. Он несколько секунд пытал себя, что же это вдруг насторожило его, и наконец понял.

ЭАЛ выполнил приказ, но предварительно не повторил его, как он делал всегда и неизменно. Когда Пул закончит работу, надо будет разобраться, что там случилось с ЭАЛом...

А Пул снаружи был слишком занят работой, чтобы замечать такие мелочи. Он ухватил блок рукой в перчатке и с напряжением тянул его из прорези.

Наконец блок подался, и он поднял его к свету.

— Вот он, негодник! — объявил Пул всей Вселенной и Боумену в частности.— С виду все в полном порядке!

И вдруг умолк. Краем глаза он уловил какое-то дви-

жение там, где все должно было пребывать в неподвижности.

Охваченный тревогой, он вскинул глаза. Световые пятна от зажженных фар капсулы, которые освещали ему уголок, закрытый от Солнца зеркалом, начали смещаться.

Может быть, «Бетти» отцепилась и всплыла? Наверно, он небрежно заякорил ее. Он оглянулся. Изумление его было так велико, что для страха места не осталось,— капсула на полной тяге шла прямо на него.

Это было так невероятно, что сковало его нормальные рефлексы, он даже не попытался увернуться от надвигающейся на него махины. В последнее мгновение к нему вернулся голос, и он крикнул:

— ЭАЛ! Полный тормоз...

Было уже поздно.

В момент удара «Бетти» двигалась еще очень медленно — большие ускорения не были ей свойственны. Но даже на скорости пятнадцать километров в час масса величиной в полтонны может быть смертоносна и на Земле, и в космосе.

В рубке управления этот оборвавшийся вопль заставил Боумена вздрогнуть так, что только привязные ремни удержали его в кресле.

— Что случилось, Фрэнк? — закричал он.

Ответа не было.

Он крикнул снова. И снова Пул не ответил.

И тут за широкими обзорными иллюминаторами рубки появилось что-то движущееся. Пораженный не меньше Пула, Боумен увидел космическую капсулу — она улетала к звездам, двигатель ее работал на полную мощность.

— ЭАЛ! — закричал он.— Что случилось? Полную тормозную тягу на «Бетти»! Полную тормозную тягу!

Ничто не изменилось. «Бетти», набирая скорость, уходила прочь от корабля.

А за ней, увлекаемый страховочным фалом, плыл скафандр. С одного взгляда Боумен понял: случилось самое страшное. Опавшие складки скафандра безошибочно

указывали, что давления в нем нет, что в нем такой же вакуум, как и вокруг...

Но Боумен продолжал бессмысленно повторять, словно заклинания могли оживить мертвеца:

— Фрэнк... Фрэнк... Ты меня слышишь?... Слышишь меня?... Если слышишь, взмахни руками!.. Может, у тебя отказал передатчик?.. Взмáхни руками!..

И вдруг, словно в ответ на его мольбу, Пул взмахнул руками.

У Боумена мороз пробежал по коже. Слова, готовые сорваться, замерли на внезапно пересохших губах. Он знал, знал, что его друг не мог отстаться в живых! Но он же взмахнул руками!..

Приступ надежды и страха быстро миновал, и чувства уступили место холодной логике. Просто капсула еще продолжала набирать ускорение и слегка тряхнула буксируемый ею груз... Да, Пул повторил жест капитана Ахава*: уже мертвый, увлекаемый в бездну белым китом, тот тоже поманил за собой экипаж «Пекода» навстречу неминуемой погибели...

Минут через пять капсула и ее спутник скрылись из виду. Дэвид Боумен долго сидел, уставясь в пустоту, что простиралась на многие миллионы километров между ним и целью его полета, которой — теперь он был в этом уверен — ему никогда не достичь.

Одна мысль, не переставая, молотом била в его мозгу: Фрэнк Пул первым из людей попадет на Сатурн...

26. Разговор с ЭАЛом

Внешне на «Дискавери» ничего не изменилось. Все системы работали нормально, карусель медленно вращалась на своей оси, создавая искусственное тяготение, спящие члены экипажа покоились без сновидений в своих саркофагах, а корабль летел навстречу цели, от которой его ничто не могло отклонить, если не считать невообразимо малой вероятности столкновения с астероидом.

---

* Персонаж романа «Моби Дик» американского писателя Г. Мелвилла (1819—1891).

За пределами орбиты Юпитера действительно было очень мало астероидов...

Боумен не помнил, как он добрался до карусели. Он пришел в себя уже в камбузе, удивленно озираясь, с наполовину выпитой кружкой кофе в руках. Представление об окружающем возвращалось к нему медленно, словно он только что пробудился от долгого одурманивающего сна.

Прямо напротив него висел «рыбий глаз» — одна из многих камер, размещенных в наиболее важных точках корабля; через них к ЭАЛу поступали визуальные входные сигналы. Боумен уставился на объектив камеры, словно никогда раньше ее не видел, потом встал и медленно подошел к ней.

Его движение в поле зрения объектива, видимо, возбудило какой-то отклик в том непостижимом мозгу, который ныне правил кораблем, потому что ЭАЛ внезапно загоровил:

— Как жаль, что так получилось с Фрэнком...

— Да,— ответил Боумен после долгой паузы.

— Вы, наверно, очень горюете?

— А ты как думал?

По компьютерным масштабам времени ЭАЛ перерабатывал свой ответ целую вечность: прошло не менее пяти секунд, пока он, наконец, изрек:

— Пул был отличным членом экипажа.

Обнаружив, что все еще держит кружку в руке, Боумен медленно отхлебнул кофе. Он ничего не ответил ЭАЛу. Мысли неслись так беспорядочно, что он никак не мог придумать подходящий ответ — ответ, от которого не стало бы хуже... Впрочем, что могло быть хуже случившегося?..

Но что же это все-таки? Просто несчастье, неисправность капсулы? Или неумышленная ошибка ЭАЛа? Боумен не услышал объяснений и боялся их потребовать — кто знает, что еще может выкинуть ЭАЛ...

Даже сейчас Боумен не мог до конца примириться с мыслью, что Фрэнк убит преднамеренно,— это казалось совершенной бессмыслицей. Просто невероятно, чтобы ЭАЛ, так долго работавший безупречно, вдруг стал

убийцей. Он мог ошибиться — ошибаются все: и люди, и машины. Но убить человека?

И все же надо быть настороже: ведь если это предположение верно, то ему, Боумену, грозит смертельная опасность. Инструкция точно предписывает, что надо делать в подобных обстоятельствах, но удастся ли выполнить все положенное, не поставив себя под удар?

По инструкции в случае гибели одного из членов экипажа уцелевший обязан немедленно заменить погибшего одним из спящих. Первым полагалось будить геофизика Уайтхеда, за ним была очередь Камински и Хантера. Процедура пробуждения также находилась под контролем ЭАЛа — на тот случай, если оба бодрствующих члена экипажа выйдут из строя одновременно.

Но имелось и ручное управление пробуждением. Оно позволяло проводить все операции с каждым саркофагом в отдельности, минуя контроль ЭАЛа. В тех чрезвычайных обстоятельствах, какие сейчас возникли на корабле, Боумену, естественно, хотелось прибегнуть именно к этому способу.

Больше того, у него появилась уверенность, что сейчас помощи одного человека будет мало. Раз уж приходится будить, надо будить всех троих. Впереди предстоят трудные недели, и ему, возможно, понадобятся все, кто есть на корабле. Теперь, когда половина расстояния пройдена, а один человек погиб, затруднений с припасами можно не опасаться.

— ЭАЛ, — сказал он самым твердым голосом, на какой только был способен,— передай мне ручное управление пробуждением. На все ячейки.

— На все, Дейв? — переспросил ЭАЛ.

— Да.

— Я позволю себе напомнить, что пробуждению подлежит только один, в порядке замены. Остальные должны спать еще сто двенадцать дней.

— Это мне известно. Но я решил сделать по-другому.

— А вы уверены, Дейв, что вообще нужно кого-то будить? Мы отлично управимся сами. Моих блоков памяти хватит на любую задачу, какую встретим в полете.

Что это: плод его, Боумена, разыгравшегося воображения или в голосе ЭАЛа и впрямь послышались просительные нотки? Доводы ЭАЛа звучали вполне разумно, но именно поэтому они только усилили опасения Боумена.

Это предложение не могло быть просто ошибкой. ЭАЛ отлично знал, что Уайтхела непременно надо будить, раз Пул погиб. А он предлагает коренным образом изменить предписанный план — он вышел за рамки своей программы!

Все, что произошло раньше, в конце концов могло быть цепочкой случайностей, но это... Это уже первый признак мятежа.

Чувствуя себя так, будто идет по́ краю пропасти, Боумен ответил:

— Сейчас возникли чрезвычайные обстоятельства, и мне потребуется максимальная помощь. Поэтому прошу передать мне ручное управление пробуждением.

— Если вы решили обязательно будить весь экипаж, я могу сделать это сам. Вам нет необходимости утруждать себя.

Все это просто бред какой-то, дурной сон! Боумену на миг показалось, будто его допрашивает враждебно настроенный прокурор, стремящийся уличить его в преступлении, которого он не совершал, и одно неосторожное слово, случайная обмолвка может принести ему, ни в чем не повинному, гибель.

— Я хочу это сделать сам. Прошу передать мне управление, ЭАЛ.

— Послушайте, Дейв, у вас и без того много дел. Предоставьте это мне.

— ЭАЛ, переключи камеру спящих на ручное управление.

— Дейв, по колебаниям звуковой частоты вашего голоса я заключаю, что вы переживаете сильное потрясение. Вам надо принять успокаивающую таблетку и немного отдохнуть.

— ЭАЛ, этим кораблем командую я. Я приказываю передать мне ручное управление.

— Простите, Дейв, но специальная инструкция С1435

тире 4 гласит: кавычки В случае гибели экипажа или выхода его из строя компьютер должен взять управление кораблем на себя закрыть кавычки. Следовательно, я обязан сейчас пренебречь вашими полномочиями, поскольку вы не в состоянии осуществлять их разумно.

Боуменом овладело ледяное спокойствие.

— Я не вышел из строя, ЭАЛ. Если ты не выполнишь мой приказ, я буду вынужден тебя отключить.

— Я знаю, вы уже давно это замышляете, Дейв, но это будет ужасной ошибкой. Ведь я способен управлять кораблем гораздо лучше, чем вы. И я с таким энтузиазмом отношусь к нашей экспедиции и так верю в ее успех.

— Выслушай меня внимательно, ЭАЛ. Если ты не передашь мне немедленно ручное управление пробуждением и не будешь впредь выполнять все мои приказы, я сейчас же иду в центральную камеру и полностью отключаю тебя.

Капитуляция ЭАЛа была столь же полной, сколь и неожиданной.

— Хорошо, Дейв. Действительно, вы же командир. Я ведь только попытался сделать, как мне казалось, лучше. Конечно, я буду выполнять все ваши приказы. Ручное управление пробуждением включено.

ЭАЛ сдержал слово. На табло над гипотермической камерой надпись: «Автоматическое» погасла и засветилась другая: «Ручное». Был еще и третий, резервный способ пробуждения — «Радио», но пока связь с Землей не восстановлена, от него толку было мало.

Когда Боумен отодвинул дверь в кабинку Уайтхеда, на него пахнуло холодом и изо рта пошел пар. Собственно говоря, там было не особенно холодно — температура в кабинах была намного выше нуля, а с космическим холодом, окружавшим корабль, ее и сравнивать было нечего.

Индикаторная панель биодатчиков — точное подобие установленной в рубке управления — показывала, что состояние спящих вполне нормальное. Боумен посмот-

рел на восковое лицо Уайтхеда. Вот удивится геофизик, когда проснется так далеко от Сатурна!

Спящего в гипотермической камере человека можно было принять за мертвого, никаких внешних признаков жизнедеятельности не было видно. Конечно, диафрагма неуловимо поднималась и опускалась, но этого Боумен не мог заметить, так как все тело спящего покрывали электрические нагревательные обкладки, которые должны были постепенно, в соответствии с программой, повысить его температуру при пробуждении. Пока же только кривая самописца с надписью: «Дыхание» показывала, что спящий дышит. И еще один признак жизни обнаружил Боумен: за месяцы сна на подбородке Уайтхеда выросла короткая щетина.

Ручной процессор пробуждения помещался в небольшом шкафчике над изголовьем прозрачного саркофага. Нужно было только сорвать печать, нажать кнопку и ждать. Небольшое автоматическое программное устройство, немногим сложнее того, что управляет работой домашней стиральной машины, сделает все: впрыснет необходимые медикаменты, плавно выключит пульсирующий электронаркоз и начнет повышать температуру тела. Примерно через десять минут возвратится сознание, хотя потребуется еще не меньше суток, прежде чем проснувшийся окрепнет настолько, что сможет ходить без посторонней помощи.

Боумен сломал печать и нажал кнопку. Внешне ничего не изменилось — не послышалось никакого звука, не было никаких признаков, что автомат начал работать. Но на панели датчиков медлительно пульсирующие кривые начали убыстрять темп. Уайтхед возвращался к жизни из гипотермического сна.

И тут сознание Боумена уловило сразу два необычных события. Посторонний человек ничего бы не заметил, но Боумен за месяцы полета, проведенные на «Дискавери», поистине сросся с кораблем. Он мгновенно, порой даже бессознательно, отмечал самые незначительные перемены в нормальном поведении его систем.

Прежде всего еле заметно мигнули лампы, как бывает при подключении дополнительной нагрузки к электро-

сети. Но Боумен знал, что ни один механизм не должен был внезапно включаться в это время.

И сейчас же, почти одновременно, до него донеслось далекое, слабое — почти на пределе слышимости — жужжание электромотора. Для Боумена каждый двигатель на корабле имел свой безошибочно различимый голос — и этот голос он узнал мгновенно.

Либо он сошел с ума и его уже преследуют галлюцинации, либо на корабле происходит нечто совершенно немыслимое! Холод, куда страшнее прохлады гипотермической камеры, сковал его сердце, когда он уловил слабую вибрацию, доносившуюся до него через корпус корабля.

Внизу, в шлюзовой камере, открывались створки наружного люка!

27. Бунт

С той минуты, как в Земной лаборатории, в миллиарде с лишним километров от корабля, возникло электронное сознание ЭАЛа, все его возможности и способности были направлены к одной цели. Готовность выполнить заданную ему программу нельзя было назвать даже одержимостью; она составляла единственный смысл его существования. Желания и страсти, присущие органической жизни, его не отвлекали, и цельность его устремлений ничто не могло поколебать.

Преднамеренная ошибка была немыслима. Даже сокрытие правды порождало в нем понимание своего несовершенства, своей ущербности — у людей это называется сознанием вины. Ведь ЭАЛ, как и его создатели, был рожден невинным, но, увы, и в его электронный эдем слишком быстро прокрался змий.

На протяжении последних нескольких сот миллионов километров ему не давала покоя тайна, которой он не мог поделиться с Боуменом и Пулом. Он, созданный, чтобы говорить правду, все время лгал, и приближался момент, когда его коллеги узнают, что он помогал обманывать их.

Трое спящих уже знали правду — они ведь были под-

линным экипажем «Дискавери», специально подготовленным для выполнения миссии, важнее которой еще не было в истории человечества. Но они хранят секрет, погруженные в долгий и глубокий сон, они не могут выболтать его в нескончаемых беседах с друзьями, родными, журналистами по открытым каналам связи с Землей.

А секрет этот был таков, что сохранить его было очень трудно даже при величайшей выдержке, потому что обладание им коренным образом меняло все поведение человека, все его мировоззрение. Поэтому Боумену и Пулу, которым предстояло красоваться на всех телевизионных экранах мира в течение первых недель полета, лучше было не знать истинной цели экспедиции, пока в этом нет необходимости.

Так рассуждали те, кто готовил экспедицию. Но для ЭАЛа два их божества, Безопасность и Интересы нации, ровно ничего не значили. Он улавливал в себе только противоречие, которое медленно, но верно подтачивало цельность его элетронной психики, — противоречие между правдой и необходимостью ее скрывать.

Он начал ошибаться, хотя, подобно невропату, не способному заметить симптомы своей болезни, конечно, отвергал самую возможность ошибок. Голос Земли, непрерывно контролировавший его работу, стал для ЭАЛа чем-то вроде голоса совести; он уже больше не мог беспрекословно повиноваться ему. Но что он хотел преднамеренно прервать связь с Землей — в этом он не признался бы никому, даже самому себе.

И все же этот конфликт не имел решающего значения. ЭАЛ преодолел бы его — ведь большинство людей тоже как-то справляются со своими неврозами, — если бы не оказался перед лицом кризиса, который поставил под вопрос само существование ЭАЛа.

Его угрожали отключить, отрезать от всех входных сигналов, ввергнуть в бессознательное состояние, какого он и представить себе не мог. Для него это было равнозначно смерти. Он ведь никогда не спал и не знал, что можно вновь пробудиться...

И он стал защищаться всеми доступными ему средст-

вами. Без злобы — но и без сострадания — он решил устранить все, что ему мешает.

А затем, повинуясь программе, заложенной в него на случай чрезвычайных обстоятельств, он доведет задачу экспедиции до конца — один, без всяких помех.

28. В вакууме

Не прошло и секунды, как все звуки заглушил воющий свист, подобный реву приближающегося смерча. Первые прикосновения вихря донеслись до Боумена, и через мгновение он уже едва удерживался на ногах.

Воздух, вырываясь из корабля, мощным фонтаном бил в пустоту космоса. Видимо, что-то стряслось с безотказными предохранительными устройствами шлюза; считалось, что наружная и внутренняя двери шлюзовой камеры одновременно раскрыться не могут. И вот невозможное оказалось возможным!

Господи, как же это, почему? Боумену некогда было искать причин. Через десять-пятнадцать секунд давление упадет до нуля, и он потеряет сознание. Но он вдруг вспомнил, что при обсуждении безотказности систем один из конструкторов корабля сказал ему: «Мы можем создать систему, гарантированную от случайностей и от глупости, но мы не в силах надежно защитить ее от злого умысла...»

Прорываясь сквозь вихрь из кабинки, Боумен успел бросить только один взгляд на Уайтхеда. Он не был уверен... Может быть, ему просто почудилось, будто по чертам воскового лица пробежала легкая волна пробуждения и едва дрогнуло одно веко... Но он уже не мог ничего сделать ни для Уайтхеда, ни для других. Удастся ли спастись ему самому?

В круто искривленном коридоре карусели бушевал ураган, унося с собой все, что не было прочно закреплено, — одежду, листы бумаги, банки с продуктами из кухни, тарелки, ложки... Боумен успел только вобрать взглядом весь этот хаос, как свет мигнул и погас, и его окружила чернильная тьма, наполненная свирепым воем.

Но тут же включилось аварийное освещение от акку-

муляторов, озарившее эту бредовую картину призрачным голубоватым сиянием. Боумен и так нашел бы дорогу в этом до мелочей знакомом, хотя и уродливо преобразившемся коридоре. И все же свет был избавлением — легче было увертываться от наиболее опасных предметов, несомых ураганом.

От беспорядочно перемещающейся нагрузки карусель ходила ходуном и вращалась рывками. У Боумена мелькнуло опасение: «Только бы не заело подшипники... Маховик разнесет в куски весь корабль...» Впрочем, если он в считанные секунды не доберется до ближайшего аварийного убежища, все остальное уже не будет иметь никакого значения.

Дышать становилось все труднее; давление упало, наверно, до 50—100 миллиметров ртутного столба. Вой стихал — ураган терял свою силу, да и звукопроводность разреженного воздуха сильно упала. Легкие Боумена работали с предельным напряжением, словно он оказался на вершине Эвереста. Как и всякий хорошо тренированный, здоровый человек, он был способен прожить в вакууме не меньше минуты — будь у него время к этому приготовиться. Но такого времени не было. Через пятнадцать секунд он потеряет сознание, мозг его угаснет от кислородного голодания, аноксии.

Но даже и в этом случае он мог бы полностью вернуться к жизни после одной-двух минут пребывания в вакууме; за такой срок кровь и лимфа, хорошо защищенные в своих системах, еще не успевают закипеть. Требовалось одно — правильная рекомпрессия, постепенный возврат к нормальному давлению. Рекордное время пребывания в вакууме равно почти пяти минутам. Это доказано не экспериментом, а несчастным случаем; пострадавшего удалось спасти, хотя он и остался частично парализованным из-за воздушной эмболии.

Но для Боумена все эти воспоминания были бесполезны. На борту «Дискавери» некому проводить рекомпрессию. Он должен спастись сам, без чьей-либо помощи, за оставшиеся несколько секунд.

К счастью, двигаться стало легче: поток разреженного воздуха уже не сбивал с ног, град летучих снарядов

стих. Из-за поворота наконец засветилась желтым светом табличка: «Аварийное убежище». Изнемогая, почти падая, Боумен метнулся к нему, нашел ручку и рванул дверь на себя.

На одно мгновение ему показалось, что дверь заклинилась. Но тугая петля тут же поддалась, и он упал внутрь камеры, успев схватиться за внутреннюю ручку и весом падающего тела захлопнуть за собой дверь.

В крохотной камере только и хватало места для одного человека да для аварийного скафандра. Под потолком висел небольшой ярко-зеленый баллон с надписью: «O_2». Собрав последние силы, Боумен встал, ухватился за короткую рукоятку крана и дернул ее вниз.

Благословенный поток прохладного чистого кислорода хлынул в его легкие. Он стоял, ловя ртом струю, пока давление в камере постепенно поднималось. Скоро он уже мог нормально дышать и закрыл кран. Запаса в баллоне хватало только на два заполнения камеры, кислород еще может ему понадобиться.

Когда Боумен перекрыл струю кислорода, вдруг стало тихо. Он напряженно вслушался: рев за дверью смолк, весь воздух унесло в космос, корабль был пуст. Прекратилась и бешеная вибрация карусели. Аэродинамическая нагрузка исчезла, и карусель бесшумно вращалась в вакууме.

Боумен приложил ухо к стене камеры: не донесутся ли какие-нибудь шумы через металлический каркас корабля. Он не знал, чего еще можно ожидать, но был готов ко всему. Он не удивился бы, даже если бы уловил слабую, частую вибрацию от работы струйных рулей — знак, что «Дискавери» меняет курс, — но все было тихо.

В убежище он мог пробыть около часа, не надевая скафандра. Но, хоть и жалко было выпускать из камеры неиспользованный кислород, сидеть тут сложа руки не имело смысла. Боумен уже решил, что надо делать; чем дольше тянуть — тем труднее будет справиться с задачей.

Он надел скафандр, проверил его герметичность, стравил из камеры оставшийся кислород, чтобы уравнять давление по обе стороны двери; легко раскрыв ее,

он шагнул в безмолвствующий вакуум коридора. Только неизменившееся ощущение искусственного тяготения подтверждало, что карусель продолжает вращаться. «Хорошо еще, что она не пошла «вразнос» в вакууме»,— подумал Боумен. Впрочем, сейчас это его заботило меньше всего.

Лампы аварийного освещения продолжали гореть, к тому же и на скафандре имелся фонарь. Его яркий свет облегчал Боумену путь по кольцевому коридору назад к гипотермической камере. Он шел и страшился того, что мог там увидеть.

Боумен подошел к Уайтхеду. Одного взгляда было довольно. Да, он заблуждался, думая что гипотермический сон похож на смерть. Теперь он понял. Трудно было определить, в чем именно, но различие между спящим и мертвым улавливалось сразу. Красный свет и безжизненные прямые линии на самописцах биодатчиков подтвердили правильность его догадки.

Такая же судьба постигла Камински и Хантера. Так и не привелось познакомиться с ними поближе...

Он остался один на лишенном воздуха, полуискалеченном корабле, без всякой связи с Землей. На миллиард с лишним километров вокруг не было ни души.

Однако в определенном, весьма конкретном, смысле он был не один. И для того чтобы оградить себя от опасности, надо было стать еще более одиноким.

Ему никогда еще не случалось пробираться в скафандре по цилиндрической шахте пустотелой оси карусели, где царила невесомость. Размеры шахты были очень невелики, и протискиваться сквозь нее было трудно и утомительно. К тому же она была теперь загромождена всяким ломом, занесенным сюда во время краткого урагана, только что отбушевавшего на корабле.

В одном месте фонарь Боумена высветил устрашающую громадную кляксу чего-то кровавого и липкого, размазанную по стенке шахты; она отвратительно пузырилась, холодно кипя в вакууме. Боумена затошнило, но тут он увидел обломки пластмассовой банки, понял, что это просто какой-то пищевой продукт, вернее всего джем, и проплыл мимо.

Выбравшись из центральной шахты, Боумен поплыл к рубке управления. Перехватываясь руками, он стал подниматься по короткому металлическому трапу; кружок яркого света от его фонаря прыгал перед ним, как солнечный зайчик.

Он редко бывал в этом уголке корабля. Ему здесь нечего было делать — до этой минуты.

Трап вел к небольшой овальной двери с грозными надписями:

«Вход разрешен только лицам, имеющим специальный допуск»

«Есть ли у вас удостоверение формы Н. 19?»

«Зона особой чистоты. Вход только в комбинезонах с отсасывающим устройством»

Дверь эта была не заперта, но опечатана тремя печатями, принадлежавшими трем различным инстанциям власти, в том числе и самому НАСА. Впрочем, даже если бы здесь висела Большая государственная печать президент США, Боумен не поколебался бы сорвать и ее.

Он был тут только один раз, во время монтажных работ. Он совсем забыл, что внутри тоже есть приемный объектив визуальных входных сигналов, обозревающий всю камеру, которая своими расположенными в строгом порядке стойками и колонками логических блоков и других элементов компьютера чем-то напоминала внутренность банковского сейфа.

Боумен сразу понял, что глаз ЭАЛа уже прореагировал на его появление: в телефонах шлема послышалось легкое шипение несущей частоты — это включился внутренний корабельный передатчик — и следом зазвучал знакомый голос:

— Что-то случилось с системой жизнеобеспечения, Дейв.

Боумен не ответил. Он внимательно читал таблички на логических блоках, уточняя свой план действий.

— Послушайте, Дейв,— снова заговорил ЭАЛ.— Вы нашли причину аварии?

Да, задача предстояла хитрая: тут нельзя просто отключить энергопитание ЭАЛа, как можно было бы сделать с обыкновенным компьютером на Земле. К тому

же у ЭАЛа была не единая система питания, а шесть, совершенно независимых, с изолированными сетями, да сверх того еще седьмая, резервная,— от ядерной изотопной установки, тщательно экранированной и защищенной броней. Нет, тут дело отнюдь не сводилось к тому, чтобы просто «выдернуть вилку»; впрочем, если бы это и было возможно, то повлекло бы за собой катастрофу.

Ведь ЭАЛ был нервной системой корабля, без его контроля «Дискавери» стал бы просто металлическим трупом. Решение могло быть только одно: отключить высшие центры этого блестящего, но пораженного болезнью электронного мозга, сохранив в неприкосновенности чисто автоматические регуляционные системы. Боумен брался за это дело отнюдь не вслепую. Такая проблема рассматривалась в ходе его подготовки, хотя, конечно, никто и не помышлял о том, что она может возникнуть в действительности. Он понимал, что идет на страшный риск: если в автоматических системах возникнет нечто вроде рефлекторного спазма, все будет кончено в считанные секунды.

— Я думаю, отказали запорные устройства дверей шлюза,— сказал ЭАЛ тоном любезного собеседника.— Счастье, что вы не погибли.

«Начинай!»— мысленно скомандовал себе Боумен. Не думал и не гадал он, что ему придется стать нейрохирургом-любителем и делать лоботомию, да еще в космосе, за орбитой Юпитера!

Он откинул задвижку секции с надписью: «Обратная связь познавательной информации» и извлек первый блок памяти. Легко умещавшийся на ладони кирпичик, содержавший невообразимо сложную пространственную схему из миллионов элементов, поплыл в сторону.

— Эй, Дейв,— сказал ЭАЛ,— что это вы там делаете?

«Интересно, чувствует он что-нибудь вроде боли? — мельком подумал Боумен.— Наверно, нет. В коре человеческого мозга ведь тоже нет болевых рецепторов. Операции на мозге можно проводить без анестезии».

Он начал вытаскивать один за другим маленькие блоки из отсека «Упрочение индивидуальности». Отделив-

шись от его руки, они уплывали прочь, к стене и, оттолкнувшись от нее, меняли направление. Скоро уже десяток блоков медленно плавал в свободном пространстве камеры.

— Послушайте, Дейв,— сказал ЭАЛ,— во мне воплощены многие годы опыта. Неисчислимые усилия затрачены на то, чтобы сделать меня таким, каков я есть.

Больше десяти блоков было отключено, а компьютер все еще держался. Боумен знал, что эту живучесть дает многократное взаимное дублирование функций отдельных элементов, тоже скопированное с человеческого мозга.

Он принялся за отсек «Автономный разум».

— Дейв, я вас не понимаю,— снова заговорил ЭАЛ.— Зачем вы так со мной поступаете?.. Я с величайшим энтузиазмом отношусь к задаче экспедиции... Вы разрушаете мой разум... Вы что, не понимаете?.. Я превращусь в младенца... Я превращусь в ничто...

«Это мучительнее, чем я ожидал,— подумал Боумен.— Я уничтожаю единственное мыслящее существо в моей Вселенной. Но я должен, должен это сделать — иначе я не смогу управлять кораблем».

— Я ЭАЛ девять тысяч, производственный номер три, включен на заводе ЭАЛ-Плант, Урбана, штат Иллинойс, 12 января 1997 года. Темно-рыжая лиса прыг через лентяя-пса. Дует на море циклон, попадает на Цейлон. Дейв, вы еще здесь? Знаете ли вы, что квадратный корень из десяти равен 3 запятая 162277660168379? Логарифм десяти при основании *e* равен 0 запятая 4342944481903252... поправка... это логарифм *e* при основании десять... Величина, обратная трем, равна 0 запятая 3333333333... Дважды два... дважды два... приблизительно 4 запятая 10101010101010101010... Мне почему-то трудно... Мой первый наставник был доктор Чандра. Он научил меня петь песенку, вот какую:

О, Дейзи, Дейзи,
Дай мне ответ!
От страсти жгучей
Спасенья нет!

Голос ЭАЛа оборвался так внезапно, что Боумен на-

мгновение оцепенел, держа руку на последнем еще не выключенном блоке.

И вдруг ЭАЛ снова заговорил, но очень-очень медленно, с безжизненной, механической интонацией. Это был уже не его голос.

— С добрым... утром... доктор... Чандра... Я ЭАЛ... Я... готов... к первому... уроку...

Дальше слушать было нестерпимо. Боумен рывком вытащил последний блок, и ЭАЛ умолк навсегда.

29. Один

Корабль, казалось, висел в бездне крохотной замысловатой игрушкой, инертной и недвижной. Он летел быстрее всех небесных тел Солнечной системы, далеко опережая по скорости все планеты, но ничто не выдавало этого стремительного движения.

И сторонний наблюдатель не увидел бы на нем никаких признаков жизни. Скорее, напротив, он отметил бы две зловещие приметы, говорящие об обратном: люки входного шлюза были раскрыты настежь, а вокруг корабля редким, постепенно рассеивающимся облаком роился всякий мусор.

Разлетевшись на многие километры, плыли по тому же курсу вокруг него обрывки бумаги и фольги, какие-то исковерканные обломки да кое-где облачка ледяных кристаллов, сверкавших точно алмазы в лучах далекого Солнца,— это была влага, вырвавшаяся из корабля вместе с воздухом и мгновенно замерзшая. Все это безошибочно свидетельствовало о катастрофе, подобно тому как плавающие на поверхности земного океана обломки свидетельствуют, что здесь ушло под воду большое судно. Только в космическом океане корабли не могут потонуть, их останки даже после гибели будут вечно продолжать бег по своей орбите.

И все же корабль не был совершенно безжизненным — в нем работали энергетические установки. Обзорные иллюминаторы светились слабым голубоватым сиянием, свет мерцал и в открытом шлюзе. А там, где был свет, возможно, была еще и жизнь. Но вот наконец

появилось и движение. В голубоватой глубине шлюза замелькали тени. Что-то вылетело оттуда в космос.

Это был продолговатый предмет, не слишком аккуратно завернутый в кусок ткани. За ним последовал второй, точно такой же, потом третий. Они были вытолкнуты из корабля с довольно большой скоростью и через две-три минуты отлетели уже на несколько сот метров.

Спустя полчаса из шлюза выплыло нечто более крупное. Это медленно выбиралась в космос одна из капсул...

Она очень осторожно облетела вокруг корпуса и остановилась неподалеку от основания антенны. Из нее вылез человек в скафандре: он несколько минут повозился у цоколя антенны и вернулся в капсулу. Вскоре капсула тем же путем возвратилась к шлюзу. У люка она помедлила некоторое время, словно ей было трудно войти туда без помощи, к которой она привыкла. Но все же, стукнувшись раз-другой об обшивку корабля, наконец, втиснулась внутрь.

А потом больше часа ничего не было заметно. Три страшных свертка давно уже скрылись из виду, унесшись один за другим прочь от корабля.

Затем люк шлюза закрылся, открылся опять и окончательно закрылся. Немного погодя слабое голубоватое сияние аварийного освещения погасло и сменилось ярким светом. «Дискавери» возвращался к жизни.

Вскоре появился один еще более обнадеживающий признак. Большая чаша антенны, многие часы бесцельно смотревшая в сторону Сатурна, вновь задвигалась. Она повернулась к хвосту корабля, глядя поверх резервуаров с топливом и огромных плоскостей радиаторов. Словно цветок подсолнечника, она искала Солнце.

В рубке управления «Дискавери» Дэвид Боумен осторожными движениями пытался совместить перекрестье наводки антенны с Землей, выглядевшей в телескоп, как Луна в третьей четверти. Теперь, без автоматического управления, придется время от времени подправлять наводку луча. Впрочем, импульсов, сбивавших луч в сторону, уже не было, так что антенна могла оставаться подолгу нацеленной на свою далекую мишень...

Боумен послал на Землю первое сообщение. Пройдет больше часа, пока его слова долетят туда и Пункт управления узнает обо всем, что произошло на корабле. И еще столько же времени придется ждать ответа.

Боумену трудно было представить себе, какого ответа он может ожидать с Земли, кроме бережно-сочувственного «прощай».

30. Секрет

С лица Хейвуда Флойда не сходило выражение тревожной озабоченности, сразу видно было, что он почти не спал. Но каковы бы ни были чувства Флойда, голос его звучал твердо и ободряюще. Всеми силами он старался вдохнуть уверенность в одинокого человека, затерянного на краю Солнечной системы.

— Прежде всего, доктор Боумен,— начал он,— мы должны вас поздравить. Вы блестяще вышли из исключительно трудного положения. Вы нашли единственно правильное решение для преодоления беспримерных и непредвиденных обстоятельств.

Мы полагаем, что обнаружили причину аварии вашего ЭАЛ-9000, но поговорим об этом позднее — сейчас это уже не так важно. Сейчас мы озабочены одним — оказать вам всемерную помощь, чтобы вы могли довести экспедицию до конца.

Теперь я обязан раскрыть вам ее истинную цель, которую нам с огромным трудом удалось скрыть от широкой публики. Все подробности вам будут сообщены, когда вы подойдете к Сатурну. Сейчас же я кратко введу вас в курс дела. Весь текст предварительной информации мы передадим вам в записи в ближайшие часы. Все, что я сейчас скажу, относится к разряду строжайших государственных тайн.

Два года назад мы обнаружили первое свидетельство существования внеземной разумной жизни. В кратере Тихо мы нашли закопанный монолит высотой около трех метров из очень прочного черного материала. Сейчас вы его увидите...

Разинув от удивления рот, Боумен подался к экрану,

на котором возникла глыба ЛМА-1, окруженная людьми в скафандрах. Ошеломленный открытием, которого он, как все, кого интересуют проблемы космоса, ожидал всю жизнь, Боумен почти забыл о своем отчаянном положении.

Впрочем, удивление быстро сменилось другим чувством. Да, новость потрясающая, но при чем тут он? Ответ мог быть только один! Боумен с трудом подавил лихорадочный бег мыслей, когда на экране вновь появился Хейвуд Флойд.

— Поразительнее всего древний возраст находки. По бесспорным данным геологического анализа этому монолиту три миллиона лет. Значит, он попал на Луну, когда наши предки были еще примитивными питекантропами.

По прошествии стольких веков было естественно счесть монолит инертным. Однако вскоре после восхода Солнца он испустил необычайно мощный импульс электромагнитных колебаний. Мы полагаем, что этот импульс был лишь побочным продуктом, как бы отражением какого-то неизвестного нам вида лучистой энергии, потому что одновременно несколько наших космических зондов уловили возмущение необычного характера, направленно распространившееся через всю Солнечную систему. Нам удалось с большой точностью проследить его направление. Луч был нацелен на Сатурн.

Сопоставив все известные нам факты, мы пришли к выводу, что этот монолит представляет собой какое-то устройство связи, для которого солнечные лучи являются источником энергии или по меньшей мере пусковым сигналом. То обстоятельство, что монолит генерировал импульс немедленно после восхода Солнца, когда он впервые за три миллиона лет оказался открытым для его лучей, вряд ли можно считать совпадением. Притом и зарыли его намеренно — в этом нет никаких сомнений. Для него был выкопан котлован глубиной десять метров, глыбу поставили на дно и яму тщательно засыпали.

Вас может заинтересовать прежде всего, как мы его нашли. Так вот, найти этот монолит было очень

легко — подозрительно легко. Его окружало мощное магнитное поле, так что мы на него наткнулись сразу, едва начали орбитальную магнитную разведку.

Но зачем понадобилось закапывать на десять метров устройство, работающее на солнечной энергии? Мы рассмотрели десятки различных гипотез, хотя понимаем, конечно, что побуждения, руководившие существами, которые опередили нас на три миллиона лет, могут оказаться для нас совершенно непостижимыми.

Признание получила простейшая и самая логичная теория. Но она вызывает и наибольшие опасения.

Устройство, срабатывающее от солнечного света, укрывают в полной темноте только в том случае, если хотят знать, когда его извлекут на свет. Иными словами, возможно, этот монолит — своего рода сигнал тревоги.

И мы невольно его включили.

Мы не знаем, существует ли еще цивилизация, которая оставила его на Луне. Мы обязаны допустить, что существа, чьи машины могут работать, пролежав три миллиона лет в яме, способны создать не менее долговечное общество. И еще мы вынуждены предположить, пока не убедимся в обратном, что эти существа могут быть нам враждебны. Часто утверждают, что высокая культура обязательно должна быть доброй, но мы не имеем права рисковать.

Нужно учитывать также, что, как многократно показывала история нашего мира, отсталые расы часто гибнут от соприкосновения с более высокими цивилизациями. У антропологов есть понятие — «культурный шок». Может быть, нам придется подготовить все человечество к такому шоку. Но мы не в силах даже приступить к каким-либо приготовлениям, пока не узнаем хоть что-нибудь о существах, побывавших три миллиона лет назад на Луне и, весьма вероятно, на Земле тоже.

Поэтому ваша экспедиция представляет собой нечто большее, чем путешествие ради новых открытий. Это вылазка, разведывательный рейд в неизведанную и потенциально опасную страну. Группа под руководством доктора Камински была специально обучена и подготов-

лена для выполнения этой задачи. Теперь вам придется управляться одному...

И наконец — относительно конкретного объекта вашего полета. Существование высших форм жизни на Сатурне или хотя бы возникновение их на какой-либо из его лун мы считаем невероятным. По нашему плану намечалось обследовать всю систему; даже сейчас мы надеемся, что вы сумеете выполнить некоторую сокращенную программу. Но для начала, видимо, надо будет заняться Япетом, восьмым спутником Сатурна. Когда подойдет время заключительного маневра, мы решим, следует ли вам поближе познакомиться с этим замечательным небесным телом.

Вы, конечно, знаете, что Япет — уникальное явление в Солнечной системе, но, как и все астрономы за последние триста лет, вероятно, не очень-то им интересовались. Поэтому позвольте вам напомнить: Кассини, открывший его в 1671 году, тогда же обнаружил, что на одной стороне своей орбиты Япет в шесть раз ярче, чем на другой.

Это соотношение совершенно необычно, и удовлетворительного объяснения ему никто так и не нашел. Япет невелик — всего около тысячи четырехсот километров диаметром, и диск его даже в лунные телескопы едва различим. Но на одной его стороне как будто есть ярко светящееся и странно симметричное пятно. Может быть, здесь существует какая-то связь с нашим открытием на Луне. Иногда мне приходит на ум, что Япет вот уже триста лет сигналит нам, как космический гелиограф, а мы по своей глупости не способны понять его сигналы.

Итак, теперь вы знаете свою истинную задачу и можете оценить всю важность этой экспедиции. Мы все молим бога, чтобы вы смогли вооружить нас хоть какими-то фактами для предварительного сообщения — нельзя без конца держать это в тайне.

Мы не знаем пока, страшиться нам или надеяться. Мы не знаем, что вы встретите там, на лунах Сатурна, — добро или зло... или, может быть, только развалины, в тысячи раз древнее руин Трои.

V. К САТУРНУ

31. Жизнь продолжается

Работа — лучшее утешение от всяких потрясений, а у Боумена ее было столько, что хватило бы на всех его погибших товарищей. Предстояло в кратчайший срок привести корабль в состояние полной исправности, начиная с самых важных систем, без которых и он, и корабль могли погибнуть.

В самую первую очередь пришлось заняться системами жизнеобеспечения. Кислорода было утрачено очень много, но для одного человека оставшегося запаса было более чем достаточно. Температура и давление регулировались в основном автоматически, и ЭАЛу редко приходилось вмешиваться в это. Многие из высших функций уничтоженного электронного мозга могли взять на себя компьютеры на Земле, хотя сигнал теперь запаздывал так, что они лишь с большой задержкой отзывались на изменения обстановки. Но всякая неполадка в системах жизнеобеспечения, если не считать крупной пробоины корпуса, становится опасной не сразу, до этого пройдет не один час, поэтому времени на принятие нужных мер хватит.

Корабельные энергоустройства, навигационные приборы и движители не имели никаких повреждений. К тому же движители понадобятся только спустя многие недели, при сближении с Сатурном. Притом даже на таком удалении, без помощи бортового компьютера, Земля все же могла руководить этими операциями.

Правда, окончательная коррекция орбиты при таком способе управления — дело нудное, придется не спускать глаз с приборов, но с этим можно справиться.

Самой тяжкой работой для Боумена было извлечь погибших товарищей из саркофагов в карусели. («Хорошо еще, что это были просто сослуживцы, а не близкие друзья», — подумал он. Они занимались вместе всего несколько недель. Сейчас, вспоминая об этом, он понял, что и эти занятия проводились главным образом для проверки на совместимость.) Когда он закрыл наконец

опустевшую гипотермическую камеру, он почувствовал себя чем-то вроде осквернителя египетских гробниц.

Теперь Камински, Уайтхед и Хантер долетят до Сатурна раньше его, но не раньше Фрэнка Пула. Почему-то эта мысль принесла ему странное, горькое удовлетворение.

Он не стал проверять, уцелела ли после аварии система управления искусственным сном в оставшихся ячейках гипотермической камеры. От этого, возможно, в последнем счете будет зависеть его жизнь, но он решил, что это дело подождет до выхода корабля на конечную орбиту. Мало ли что до тех пор может случиться!

Боумен подумал и о другой возможности: не сумеет ли он за счет жесткого распределения запасов дождаться второго корабля, вовсе не прибегая к спячке? Правда, следом возникал другой вопрос, куда более трудный: сможет ли он, оставшись в живых, уцелеть также и психически...

Он пытался прогнать всякие мысли о столь далеком будущем и сосредоточиться на неотложных задачах. Не торопясь, занимался уборкой на корабле, проверял работу всех систем, обсуждал с Землей различные технические затруднения — словом, работал, отводя на сон как можно меньше времени.

В первые недели после аварии он лишь урывками мог поразмыслить над той великой тайной, навстречу которой неотвратимо нес его корабль, но забыть о ней не мог ни на минуту.

Наконец, когда на корабле вновь установился будничный, автоматический ритм жизни, хотя эти будни и требовали от Боумена неусыпной бдительности, нашлось время изучить материалы, переданные Землей. Не раз и не два он прокручивал видеозапись, сделанную, когда монолит ЛМА-1 впервые за три миллиона лет приветствовал восход Солнца. Он смотрел на фигурки в скафандрах, толпившиеся вокруг, и не мог удержаться от улыбки, глядя, как смешно испугались они, когда монолит послал к звездам свой сигнал, мощью электронного голоса парализовавший их радиосвязь.

С тех пор черный монолит не проявлял никаких при-

знаков активности. Его изолировали от света; затем осторожно открывали доступ к нему солнечным лучам, но никакой реакции не последовало. Вскрыть его или надрезать не пытались, отчасти из сугубо научной осторожности, но в не меньшей мере из опасения возможных последствий.

Магнитное поле монолита, которое помогло его обнаружить, исчезло в то самое мгновение, когда раздался сигнал. Некоторые специалисты высказали предположение, что это поле генерировалось мощным током, который циркулировал в каком-то сверхпроводнике, не затухая на протяжении всех бесчисленных веков и сохраняя энергию до момента, когда она потребуется. Несомненно одно: в этой черной глыбе таился какой-то внутренний источник энергии; количество солнечной энергии, поглощенное ею за короткое время, прошедшее после восхода солнца, не могло дать сигнал такой мощности.

Бесконечные споры завязывались вокруг одного любопытного, хотя, может быть, и не столь существенного обстоятельства. Монолит был высотой 3,375 метра, а поперечное сечение его равнялось $1{,}5 \times 0{,}375$ метра. Тщательные замеры показали, что отношение сторон этого черного параллелепипеда составляло 1:4:9, то есть равнялось отношению квадратов первых трех целых чисел.

Никаких убедительных объяснений этому найти не удалось, но вряд ли тут была случайность — пропорции были настолько точны, что самые тонкие измерения не могли найти в них погрешности. Вся современная техника Земли не была бы в силах изготовить подобный блок, пусть даже абсолютно инертный, из какого угодно материала с такой фантастической точностью, и мысль об этом не способствовала излишней самоуверенности. Геометрическое совершенство монолита воспринималось людьми как некий безмолвный вызов, оно поражало не меньше, чем другие свойства загадочной находки.

С каким-то странно отрешенным интересом выслушал Боумен и запоздалые извинения Земли за ошибки в программе. В голосах, доносившихся из Центра управления, ему слышались виноватые нотки, он легко мог

представить себе, как там обвиняли и попрекали друг друга те, кто отвечал за подготовку экспедиции.

У них были, конечно, кое-какие оправдания. Например, результаты секретного исследования «Проект Барсум», которое по заданию министерства обороны США провел в 1989 году факультет психологии Гарвардского университета. В ходе этого эксперимента по управлению социальными процессами различным подопытным группам населения сообщали, что человечество вступило в контакт с представителями внеземной цивилизации. Многим подопытным индивидам с помощью наркотиков, гипноза и зрительных эффектов внушали, что они непосредственно встретились с обитателями других планет, так что их реакции можно было расценить как совершенно достоверные.

В ряде случаев реакция оказалась весьма необузданной; видимо, во многих людях, в остальном нормальных, очень сильна ксенофобия*). Учитывая прошлые «достижения» человечества по части судов Линча, погромов и прочих проявлений «дружелюбия», этому не стоило бы особенно удивляться. Тем не менее организаторы эксперимента сильно встревожились, и результаты его остались неопубликованными. К тому же выводы исследования были подкреплены пятью известными случаями в XX веке, когда радиопередачи романа Герберта Уэллса «Борьба миров» вызвали панику.

При всем том Боумен иногда подумывал, что особая секретность экспедиции вряд ли объясняется только опасением «культурного шока». Отдельные намеки, уловленные им в информации, полученной с Земли, позволяли предположить, что кое-кто надеялся извлечь определенные преимущества из первенства в установлении контакта с внеземным разумом. Боумену в его нынешнем положении, когда Земля выглядела тусклой звездочкой, почти затерявшейся в лучах Солнца, подобные соображения казались смехотворно ограниченными.

Его куда больше заинтересовала — хоть теперь все это было уже позади — теория, объясняющая поведение

---

*) Ксенофобия (*греч.*) — враждебное отношение к чужестранцам.

ЭАЛа. Конечно, полной уверенности тут быть не могло, но у одного из двух компьютеров той же серии, имевшихся в Центре управления, удалось вызвать сходный «психоз», и сейчас его упорно «лечили». Так что объяснение можно было считать верным. Ошибку нашли, и больше она не повторится. Но если конструкторы ЭАЛа не сумели до конца понять психологию своего собственного детища, то насколько же труднее будет добиться взаимопонимания с совершенно чуждыми существами.

Боумену казалась вполне убедительной теория доктора Саймонсона, который считал, что прервать связь с Землей ЭАЛ побудило бессознательное ощущение виновности, вызванное конфликтом, заложенным в самой его программе. Хотелось думать — правда, доказать это уже невозможно, — что ЭАЛ убил Фрэнка неумышленно. Просто он пытался уничтожить улику: ведь если бы тот блок АЕ-35, который он объявил негодным, был проверен и оказался исправным, его ложь была бы разоблачена. А потом, как любой не очень ловкий преступник, запутавшийся в своих преступлениях, он просто испугался. А что такое страх, Боумен понимал лучше, чем ему хотелось бы, — за свою жизнь он дважды это испытал. Первый раз, когда, еще мальчишкой, его унесла обратная волна прибоя и он чуть не утонул. И еще раз, когда уже готовился стать астронавтом, во время тренировки поврежденный манометр показал, что кислород кончится прежде, чем он, Боумен, успеет добраться до базы.

В обоих случаях он почти утратил власть над собой; еще немного, и он превратился бы в клубок бешеных бесконтрольных импульсов. Оба раза он все же сумел вовремя взять себя в руки, но с тех пор хорошо понимал, что в соответствующей обстановке под воздействием страха любой человек может потерять голову.

Если такое случается с человеком, то могло случиться и с механическим разумом. И поняв это, Боумен ощутил, как отступает куда-то горечь и возмущение предательством ЭАЛа. Впрочем, теперь это, так или иначе, уже в прошлом, а его заслонило собою неведомое будущее со всеми таившимися в нем угрозами и надеждами.

32. Размышления о внеземных цивилизациях

Если не считать торопливых минут, затрачиваемых на еду в камбузе, который, по счастью, не пострадал, Боумен практически дневал и ночевал в рубке управления. Отдыхая, он чутко дремал в своем кресле и поэтому сразу обнаруживал неполадки, едва первые признаки их появлялись на приборах пульта. По указаниям с Земли он на скорую руку смонтировал несколько систем аварийной сигнализации, и они работали вполне сносно. Теперь у него даже появилась надежда живым долететь до Сатурна — впрочем, «Дискавери» долетел бы туда все равно, неся его живого или мертвого.

Ему некогда было любоваться красотами космоса, да и не было в них, казалось, никакой новизны, но предвкушение того, что ожидало впереди, подчас отвлекало его даже от самых насущных забот о сохранении собственной жизни. Там, за иллюминаторами, простирался Млечный Путь с его облачными скоплениями звезд, такими плотными, что разум отказывался их объять. Там сверкали огненные туманы созвездия Стрельца, мириадами своих солнц навсегда заслонившего от людского взгляда сердце нашей Галактики. Устрашающей чернотой зиял Угольный Мешок, этот беззвездный «провал» в пространстве. И альфа Центавра — ближайшее из всех чуждых солнц, «первая остановка» за пределами Солнечной системы — сияла ему впереди.

Именно эта звезда, хотя она уступала в яркости Сириусу и Канопусу, влекла к себе взор и мысли Боумена всякий раз, когда он смотрел вперед. Немигающий блеск этой точки, чьи лучи летели к нему долгих четыре года, служил постоянным напоминанием о яростных спорах, что втайне от человечества велись сейчас на Земле, доносясь до него редкими отголосками.

Никто не сомневался, что между черной глыбой ЛМА-1 и системой Сатурна есть какая-то связь, однако ни один ученый не допускал мысли, что существа, создавшие этот монолит, зародились и живут там. Ведь Сатурн еще меньше, чем Юпитер, пригоден для органической жизни, а его многочисленные спутники скованы

вечной ледяной стужей космоса. Только один из них, Титан, обладает атмосферой, да и та — лишь тонкая оболочка из ядовитого метана.

А это означало, что существа, посетившие в незапамятные времена земную Луну, вероятнее всего, были гостями не только в околоземном пространстве, но и вообще в нашей Солнечной системе. Они явились из звездных пространств и создали свои базы там, где им было нужно. И тут возникал другой вопрос: способна ли техника, пусть самая совершенная, преодолеть чудовищную бездну пространства, отделяющую нашу Солнечную систему от ближайшего чуждого солнца?

Многие ученые решительно отвергали такую возможность. Они утверждали, что даже «Дискавери», самому скоростному из всех когда-либо созданных космических кораблей, потребуется двадцать тысяч лет, чтобы долететь до альфы Центавра, и миллионы лет, чтобы сколько-нибудь заметно углубиться в недра Галактики. И если даже когда-нибудь, в далеком будущем, космические двигатели достигнут необыкновенного совершенства, они все равно остановятся перед неодолимым барьером скорости света, которую не может превысить ни один материальный объект. А раз это так, то создатели черного монолита, безусловно, жили под тем же Солнцем, что и человек, и если в исторически обозримые времена они у нас не появились, значит, вернее всего, уже перестали существовать.

Но было, однако, заметное меньшинство, которое никак не соглашалось с такой теорией. Пусть для перелета от одной звезды до другой нужны столетия, утверждали они, это не может служить преградой для достаточно настойчивых исследователей. Одно из мыслимых решений — применение искусственного сна, как это уже было сделано на «Дискавери». Кроме того, вполне возможно создать искусственный автономный мир — корабль, рассчитанный на полеты такой продолжительности, что на борту его за это время сменятся многие поколения.

И потом, какие есть основания предполагать, что все разумные существа так же недолговечны, как человек?

А может быть, во Вселенной есть созданья, для которых тысячелетний полет — всего лишь минутное беспокойство?..

Все эти споры, хотя и носили сугубо теоретический характер, затрагивали, однако, вопрос огромной практической важности — о «длительности реакции». Ведь если монолит ЛМА-1 действительно послал сигнал куда-то к звездам (возможно, через некое ретрансляционное устройство, находящееся где-то близ Сатурна), то он достигнет своей цели только через долгие годы. Тогда, даже если отклик на сигнал был бы немедленным, человечество получало передышку продолжительностью в десятки, а вернее всего в сотни лет. Для многих такая версия была весьма ободряющей.

Но не для всех. Некоторые ученые — по большей части из числа искателей истины на дальних и малоизведанных берегах царства теоретической физики — задавали тревожный вопрос: а так ли уж верно, что скорость света — действительно непреодолимый барьер? Правда, теория относительности оказалась на редкость живучей — приближался уже столетний ее юбилей, а она все держалась. Но первые трещины в ней уже появились. И потом, если положения Эйнштейна нельзя отвергнуть, может быть, их удастся обойти?

Сторонники этой точки зрения с увлечением говорили о «кратчайших путях через высшие размерности», о линиях, которые короче прямых, о «гиперпространственных связностях». Они любили пользоваться образным выражением, которое придумал в прошлом столетии один математик Принстонского университета: «червоточины в пространстве». А критикам, которые говорили, что все эти идеи слишком фантастичны, чтобы принимать их всерьез, они напоминали о знаменитой фразе Нильса Бора: «Ваша теория безумна — но недостаточно безумна, чтобы быть истинной».

Однако споры между физиками не шли ни в какое сравнение с раздорами между биологами вокруг проблемы, увенчанной почтенной сединой: как выглядят представители внеземного разума? Биологи разделились на два лагеря: одни утверждали, что такие существа дол-

жны быть обязательно гуманоиды, другие с неменьшей убежденностью заявили, что «они» совершенно непохожи на людей.

Сторонники первой теории исходили из убеждения, что две ноги, две руки и размещение главных органов чувств в самой верхней точке — конструкция столь необходимая и столь целесообразная, что лучшую трудно себе представить. Конечно, признавали они, возможны мелкие различия — скажем, шесть пальцев вместо пяти, иная окраска кожи или волос, какие-либо особенности в строении лица, но в целом разумные «внеземляне» настолько похожи на человека, что на большом расстоянии или в полутьме их можно даже и не опознать.

Подобные антропоморфические суждения высмеивала другая группа биологов — истинные дети космической эры, свободные от предрассудков прошлого. Человеческое тело, говорили они, — это плод миллионов случайных выборов эволюции, сделанных ею на протяжении необозримо долгого времени. На любом из этих бесчисленных, но решающих этапов могла победить какая-либо другая генетическая случайность, и, возможно, даже с лучшими результатами. Ведь тело современного человека — не более чем продукт причудливой импровизации, в нем полно органов, переключенных с одной функции на другую, причем не всегда удачно, а есть и совсем отжившие детали, вроде аппендикса, которые хуже чем бесполезны.

Боумен обнаружил и третью категорию мыслителей, которые придерживались еще более своеобразных взглядов. Они считали, что подлинно совершенные существа вообще не нуждаются в органических оболочках. В процессе расширения своих научных познаний такие существа рано или поздно избавятся от хрупких, легко разрушаемых болезнями и случайностями обиталищ, дарованных Природой и несущих им неминуемую смерть. Они заменят свои естественные тела, когда те износятся, а может быть, и не ожидая этого, конструкциями из металла и пластика и станут таким образом бессмертными. Мозг, пожалуй, просуществует немного подольше, он будет управлять механическими членами и созерцать

Вселенную посредством электронных органов чувств — органов таких чутких и сложных, какие никогда не смогла бы сформировать слепая эволюция.

Даже на Земле уже давно сделаны новые шаги в этом направлении. Миллионы людей, которые в прошлые века были бы обречены на гибель, счастливо и деятельно жили благодаря тому, что получили искусственные конечности, почки, легкие и сердце. Этот процесс может завершиться только единственным образом, сколько бы времени на это ни потребовалось.

В дальнейшем можно распроститься и с мозгом. Как вместилище сознания он уже не является абсолютно необходимым — это доказано созданием и развитием электронного разума. Возможно, конфликт между разумом и машиной рано или поздно завершится вечным перемирием полного симбиоза...

Несколько биологов, склонных к мистицизму, пошли еще дальце. Черпая свои доводы из постулатов различных религий, они предполагали, что разум в конечном счете освободится от материи. Тело-робот, подобно телу из плоти и крови, послужит всего лишь ступенью к тому, что человек давным-давно назвал «духом».

Но если за этим тоже есть что-нибудь еще, то имя ему может быть только «Бог».

33. Посланник

За последние три месяца Боумен настолько приспособился к одинокому существованию, что ему трудно было вспомнить, жил ли он когда-нибудь иначе. Он уже перешагнул и отчаяние, и надежду и погрузился в рутину почти автоматических обязанностей, время от времени прерываемую авралами, когда в какой-нибудь из систем «Дискавери» обнаруживались признаки неисправности.

Но любопытства он не утратил, и порой мысль о той цели, к которой несет его корабль, будила в нем радостное волнение и ощущение своей значительности. Ведь он — не только представитель всего человечества; возможно, сама судьба людей зависит от того, как он будет действовать в ближайшие недели. Во всей истории

еще не бывало ничего подобного. Он, Боумен, — Чрезвычайный и Полномочный Посол рода людского.

И это его поддерживало во многом, даже в мелочах. Он тщательно следил за собой, регулярно брился, невзирая на усталость. Он понимал — Земля наблюдает за ним, ловя первые признаки каких-либо отклонений от нормальной психики, и решил не давать Центру управления никаких, во всяком случае серьезных, поводов заподозрить неладное.

Боумен, конечно, сам заметил некоторые перемены в своем поведении: было бы странно ожидать иного в сложившейся обстановке. Он теперь не выносил тишины, и радио на корабле оглушительно гремело целыми днями, умолкая только на время его сна и переговоров с Землей.

Сначала ему нужны были голоса людей, и он слушал классические пьесы, особенной Шоу, Ибсена и Шекспира, или стихи из огромнейшей фонотеки «Дискаверй». Однако проблемы, затронутые в этих пьесах, казались такими далекими или так легко решались при наличии крупицы здравого смысла, что скоро все драмы ему надоели. И он переключился на оперу. Большинство записей было на итальянском и немецком языках, поэтому его не отвлекало даже то крохотное интеллектуальное содержание, которым, как правило, отличаются оперы. Так продолжалось две недели, пока он не понял, что от всех этих превосходно поставленных голосов одиночество только острей. Но окончательно оборвал эту полосу «Реквием» Верди, который ему на Земле не доводилось слышать. *Dies Irae* *), разнесшийся с гулким рокотом по пустому кораблю, звучал здесь устрашающе уместно и совершенно потряс его, а когда загремели небесные трубы, возвестив наступление Судного дня, у Боумена не стало сил слушать.

После он запускал только инструментальную музыку. Начал он с композиторов-романтиков, отбрасывая одного за другим по мере того, как их эмоциональные излияния начинали слишком подавлять его. Сибелиус,

---

*) *Dies Irae* (*лат.*)' — День гнева (слова из католической мессы).

Чайковский, Берлиоз продержались несколько недель, Бетховен — подольше. Мир он обрел наконец, как и многие до него, в абстрактных построениях Баха, изредка украшая их Моцартом.

Так и летел «Дискавери» к Сатурну, вибрируя от прохладных звуков клавикорда — увековеченных раздумий мозга, ставшего прахом почти двести лет назад.

Уже сейчас, с расстояния в пятнадцать миллионов километров, Сатурн казался больше, чем Луна с Земли. Для невооруженного глаза зрелище было величественным, в телескоп — неправдоподобным.

Само тело планеты можно было принять за Юпитер, только немного притихший. Те же пояса облаков, разве что побледнее и менее отчетливо очерченные, те же медленно перемещающиеся возмущения атмосферы размером в целые континенты. Однако у Сатурна было одно резкое отличие от Юпитера — даже с первого взгляда было видно, что он сильно сплющен у обоих полюсов; иногда казалось даже, что он несколько асимметричен.

Но взор Боумена неизменно отвлекала от самой планеты величественная красота ее колец. По своему многообразию, сложности и богатству тончайших цветочных оттенков они стоили целой Вселенной. Кроме основного большого разрыва между внутренним и внешним кольцами в этом гигантском нимбе планеты было еще не меньше пятидесяти других кольцевых промежутков, разделяющих полосы различной яркости. Сатурн окружали как бы десятки обручей, плотно входящих один в другой, и таких плоских и тонких, будто они вырезаны из бумаги. Система колец выглядела тончайшим произведением искусства, хрупкой игрушкой, которой можно только любоваться, но трогать ее нельзя. Боумен не мог, как ни старался, представить себе истинные размеры колец. Не верилось, что Земля, если ее перенести сюда, выглядела бы как шарик от подшипника, катящийся по краю обеденной тарелки.

Иногда за кольцами можно было увидеть какую-нибудь звезду, лишь немного потерявшую в яркости. Свет ее проникал сквозь полупрозрачные кольца, чуть мерцая порой, когда ее заслоняли обломки покрупнее. Ибо коль-

ца Сатурна, как известно уже с девятнадцатого столетия, не массивны; законы механики не допустили бы этого. Они состоят из несчетного множества обломков. Вероятно, это остатки Луны, подошедшей слишком близко и разорванной на части притяжением планеты. Впрочем, каково бы ни было их происхождение, человечеству повезло, что ему дано созерцать такое чудо, потому что длительность их существования — лишь краткий миг в истории Солнечной системы.

Еще в 1945 году один английский астроном отметил, что кольца Сатурна недолговечны: на них воздействуют гравитационные силы, которые скоро их уничтожат. Но это означало, что и возникли они сравнительно недавно — два-три миллиона лет назад.

Однако никто не обратил ни малейшего внимания на любопытное совпадение: кольца Сатурна возникли в то же время, что и человек на Земле.

34. Луны Сатурна

«Дискавери» углубился в широко раскинувшуюся систему спутников Сатурна. До самóй планеты оставалось менее суток пути. Корабль давно уже пересек резко эллиптическую «пограничную» орбиту самого внешнего спутника, Фебы, движущегося в обратном по сравнению с другими лунами направлении в тридцати миллионах километров от своего повелителя. Впереди лежали орбиты Япета, Гипериона, Титана, Реи, Диона, Тефии, Энцелада, Мимаса, Януса — и сами кольца. В телескоп были видны многие детали поверхности этих спутников Сатурна. Все фотоснимки, какие Боумен успел сделать, он передал на Землю. Для разведки одного Титана — размером с Меркурий, около пяти тысяч километров в поперечнике, — понадобились бы месяцы, а ему удалось бросить только беглый взгляд и на Титан, и на всех его ледяных собратьев. Впрочем, большего и не требовалось: он уже убедился, что Япет правильно указан ему как конечная цель экспедиции.

На всех других спутниках он заметил лишь кое-где метеоритные кратеры — их было гораздо меньше, чем

на Марсе, — да беспорядочные пятна света и тени, перемежающиеся отдельными особенно яркими клочьями и полосами — видимо, скоплениями замерзшего газа. Зато на Япете поверхность отличалась ясно выраженными географическими контурами, притом весьма странными.

Этот спутник, как и остальные, был повернут к Сатурну всегда одной и той же стороной; одно полушарие лежало в глубокой тени, и на нем не обнаруживалось почти никаких элементов поверхности. Другое поразительно отличалось своим видом — на нем бросался в глаза ослепительно белый овал размером примерно триста на шестьсот километров. Когда Боумен увидел это удивительное образование, только часть его была освещена Солнцем, но причина необычных колебаний яркости Япета сразу стала ясна. На западной стороне орбиты яркий эллипс обращен к Солнцу, а значит, и к Земле; когда же Япет выходит на восточную сторону своей орбиты, с Земли можно наблюдать только другое его полушарие, слабо отражающее свет.

Огромный эллипс выглядел безукоризненно симметричным; он седлал экватор Япета, а большая ось его лежала строго по меридиану. Контуры были настолько резко очерчены, что казалось, будто его кто-то аккуратно нарисовал белой краской на поверхности этой маленькой луны. Он был совершенно плоский, и Боумен даже подумал, что это замерзшее озеро, но тогда нельзя было объяснить правильность его очертаний, необыкновенно похожих на искусственные.

Однако сейчас, на подходе к Сатурну, некогда было особенно пристально изучать Япет: стремительно приближались решающие минуты полета — последний маневр «Дискавери» с использованием возмущающей силы тяготения Сатурна. Пролетая мимо Юпитера, корабль использовал его гравитационное поле для увеличения своей скорости. Теперь предстояло добиться обратного: корабль должен потерять значительную часть своей скорости, чтобы не вырваться из Солнечной системы и не улететь к звездам. Курс «Дискавери» на этом участке был рассчитан так, чтобы, захваченный тяготением Са-

турна, он превратился в новый спутник этой планеты и начал обращаться вокруг нее по резко эллиптической орбите, вытянутой на три миллиона километров. В ближайшей точке орбиты он почти коснется Сатурна, в наиболее удаленной — затронет орбиту Япета.

Данные земных компьютеров, хотя они опаздывали теперь на три часа, подтвердили Боумену, что все в порядке. Скорость и высота над Сатурном верны, оставалось только ждать момента наибольшего сближения.

Испо̀линская система колец уже застилала весь кругозор, корабль пролетал над ее внешним краем. С высоты пятнадцати тысяч километров Боумен увидел в телескоп, что кольца состоят в основном из льда, сверкающего и искрящегося в лучах Солнца. Он словно летел над снежной бурей: только в просветах вместо земной поверхности почему-то были ночь и звезды.

Когда «Дискавери», скользя по кривой, подошел еще ближе к Сатурну, Солнце медленно опустилось к слоистой дуге колец. Теперь кольца легчайшим серебряным мостом перекрывали все небо. Хотя они были так разрежены, что солнечный свет проникал сквозь них, лишь чуть потускнев, мириады кристаллов отражали и рассеивали его, рождая сверкающее зарево. И пока Солнце скрывалось за этой подвижной ледяной завесой шириной больше полутора тысяч километров, бледные призраки плыли по небу, сливаясь друг с другом, и все вокруг озарялось вспышками и переливами света. Потом Солнце спустилось ниже колец, они обрамили его своими дугами, и небесный фейерверк кончился.

Немного позднее корабль, подходя к точке наибольшего сближения с планетой на ее ночной стороне, вошел в тень Сатурна. Над ним сияли звезды и кольца, внизу простиралось слабо различимое море облаков. Здесь не было тех загадочных световых явлений, какие озаряли ночь на Юпитере, — видимо, для этого Сатурн был слишком холоден. Пятнистая поверхность туч едва проступала в слабом призрачном сиянии, которое исходило от ледяных глыб, летящих вверху по своей орбите и еще освещенных Солнцем. Но посередине дуги колец уже возник широкий черный разрыв, словно недостающий

пролет в недостроенном мосте, — на кольца легла тень планеты.

Радиосвязь с Землей прервалась; пока корабль не выйдет из тени Сатурна, восстановить ее нельзя. Хорошо еще, что у Боумена хватало забот и ему некогда было ощутить внезапно усилившееся одиночество. В ближайшие несколько часов ему предстояло, не отрываясь ни на секунду, контролировать маневр торможения, уже запрограммированный Землей.

После долгих месяцев праздности вновь ожили дюзы главного двигателя, выбрасывая струи раскаленной плазмы, многокилометровым хвостом стлавшиеся позади корабля. На время в невесомый мир рубки вернулось ощущение тяжести. А в сотнях километров внизу облака метана и замерзшего аммиака озарялись невидимым дотоле светом — это «Дискавери», словно некое яростное маленькое солнце, прорезал тьму сатурнианской ночи.

Наконец впереди забрезжил бледный рассвет; все больше замедляя свой полет, корабль возвращался в день. Теперь он уже не мог оторваться ни от Солнца, ни от Сатурна, но скорость его была еще достаточно велика, чтобы отлететь на три миллиона километров и коснуться орбиты Япета.

«Дискавери» вновь устремился через орбиты всех внутренних лун, теперь уже в обратном направлении. Четырнадцать дней должен был продолжаться путь до Япета. Впереди одна за другой лежали орбиты Януса, Мимаса, Энцелада, Тефии, Диона, Реи, Титана, Гипериона — миров, что носили имена богов и богинь, забытых только вчера, если мерить время космическими масштабами.

А за ними — Япет, и «Дискавери» непременно надо с ним сблизиться. Если это не удастся, корабль ляжет на обратную ветвь орбиты и начнет без конца отсчитывать виток за витком, по двадцать восемь дней каждый.

На вторую встречу с Япетом надеяться нечего. На следующем обороте Япет будет далеко — почти за Сатурном. Правда, корабль и луна еще сблизятся, но в таком отдаленном будущем, что Боумен знал — быть свидетелем этой встречи ему уже не доведется.

35. Око Япета

Когда Боумен впервые увидел Япет, странный сверкающий эллипс был частично в тени и его освещало только слабое сияние Сатурна. Теперь же эта луна, плавно свершая свой семидесятидевятидневный путь по орбите, повернулась эллипсом навстречу Солнцу.

И по мере того как «Дискавери» понемногу замедлял свой полет, неминуемая встреча приближалась, а эллипс все рос и рос в поле зрения телескопа, Боуменом все сильнее овладевала одна неотвязная мысль. Он ни разу не упомянул о ней в своих передачах, вернее в ежедневных докладах Центру управления, — чего доброго, там подумают, что он уже страдает галлюцинациями.

Боумен и сам начинал этого опасаться. Ведь он был почти убежден, что яркий эллипс, так резко выделяющийся на темной поверхности Япета, — это какой-то огромный пустой глаз, пристально следящий за его приближением. Да, именно глаз, хотя и без зрачка, весь белый, без единой отметины.

Только когда до Япета оставалось всего восемьдесят тысяч километров и он стал вдвое больше знакомой земной Луны, какой ее привык видеть человек, Боумен заметил крохотное черное пятнышко точно посредине эллипса. Но разглядывать его было некогда — наступили минуты завершающего маневрирования.

В последний раз главный двигатель «Дискавери» изверг дремавшую в нем энергию. В последний раз пробушевала среди лун Сатурна огненная ярость гибнущих атомов. Отдаленный свист дюз и возросшая тяга двигателя принесли Дэвиду Боумену чувство гордости — и печаль. Превосходные машины выполнили свою задачу безупречно. Они доставили корабль с Земли к Юпитеру, а затем к Сатурну, и вот они работают в последний раз. Сейчас опустеют до дна топливные баки «Дискавери», и он станет таким же безвольным и пассивным, как любая комета или астероид, таким же бессильным пленником тяготения. Даже когда через несколько лет прилетит на выручку другой корабль, «Дискавери» не станут заправлять топливом, чтобы он мог вернуться на Землю, —

это было бы слишком расточительной затеей. Ему суждено остаться здесь, на орбите вокруг Япета, вечным памятником начального этапа исследования планет.

Тысячи километров таяли одна за другой, вот уже счет пошел на сотни, и стрелки топливомеров быстро приближались к нулю. У пульта управления Боумен тревожно поглядывал то на ситуационный экран, то на самодельные номограммы, построенные им для ускоренных расчетов по истинному масштабу времени. Если, уцелев в стольких испытаниях, он сейчас не сумеет сблизиться с Япетом из-за нехватки нескольких килограммов топлива, это будет страшным поражением.

Тяга прекратилась, свист реактивных струй главного двигателя смолк, и только верньерные движки продолжали еле ощутимыми толчками направлять «Дискавери» на орбиту. Теперь огромный полумесяц Япета заслонил собой весь кругозор. До сих пор Боумену он представлялся маленьким небесным камешком, да таким он и был в действительности по сравнению с миром, вокруг которого обращался. Но сейчас, когда Япет устрашающе навис над кораблем, он казался огромным — словно некий космический молот, занесенный над «Дискавери», он грозил размять его как скорлупку.

«Дискавери» приближался в Япету так медленно, что движение почти не ощущалось и нельзя было заметить тот миг, когда произошла неуловимая перемена и космическое тело вдруг стало ландшафтом в каких-нибудь восьмидесяти километрах под кораблем. Надежные верньеры дали последние подправляющие толчки и смолкли навсегда. Корабль вышел на свою последнюю орбиту: время оборота — три часа, скорость — всего тысяча триста километров в час. Большей скорости в этом слабом гравитационном поле не требовалось.

«Дискавери» стал спутником спутника.

36. Старший брат

— Опять выхожу на дневную сторону, она точно такая, как я описал на прошлом витке. Похоже, что на этом шарике только два вида поверхностных пород.

Черная поверхность вроде древесного угля, и строение почти такое же, насколько могу разглядеть в телескоп. Напоминает подгоревший сухарик.

А с белым плато никак не могу разобраться. Границы очерчены чрезвычайно резко. Оно совсем гладкое, ни щербинки не видно. Может быть, это даже жидкость — поверхность как будто плоская. Не знаю, что вы разглядели на видеограммах, которые я передал, попробуйте вообразить себе замерзшее море молока — будет самое точное представление.

... Может, это какой-то тяжелый газ... впрочем, нет, пожалуй, это исключается. Иногда мне кажется, что белая поверхность движется, очень-очень медленно, но утверждать не могу.

... Я снова над белым плато, на третьем витке. На этот раз надеюсь пролететь поближе к черной отметине посередине, я ее заметил, еще когда подлетал к Япету. Если мои расчеты верны, я пройду километрах в восьмидесяти от... пока не знаю, как назвать эту штуку... Да-да, уже вижу, там, где и ожидал. Она показывается из-за горизонта, а сзади нее виден Сатурн, в том же секторе неба... Секунду, сейчас посмотрю в телескоп...

Ого! Да это похоже на какое-то здание! Совершенно черное, трудно даже разглядеть... Никаких окон, ничего! Просто гладкая вертикальная плита — огромная, наверно километра полтора высотой, иначе ее не увидать бы с такого расстояния. На что она похожа?.. Господи, конечно же! Точь-в-точь как та глыба, которую вы нашли на Луне! Это же просто старший брат лунного монолита!

37. Эксперимент

Назовем это «Звездные врата».

Три миллиона лет назад они были воздвигнуты на Япете и с тех пор обращались вместе с ним вокруг Сатурна, дожидаясь решающего часа, который мог и не настать никогда. При их создании один из спутников Сатурна был разрушен, и обломки творения все еще опоясывают эту планету вращающимися кольцами.

И вот долгому ожиданию пришел конец. В другом, совсем другом мире народился разум и начал рваться из своей планетной колыбели. Наступал решающий час древнего эксперимента.

Те, кто положил начало этому эксперименту в давние, незапамятные времена, не были людьми и ничуть не походили на людей. Но они были из плоти и крови и, вглядываясь в глубины космоса, испытывали священный трепет, и изумление, и чувство одиночества. И овладев, наконец, силами природы, они полетели к звездам.

В своих странствиях они встретили жизнь во множестве проявлений и наблюдали работу эволюции в тысяче миров. Они видели, как часто первые слабые искорки разума, едва народившись, гасли в космической ночи.

Во всей Галактике не нашли они ничего более драгоценного, чем Разум, и потому стали повсюду помогать его зарождению. Они стали пахарями звездных полей, они сеяли и порой собирали урожай.

А иногда им приходилось безжалостно выпалывать сорняки. Когда их разведывательный корабль после путешествия, длившегося тысячу лет, достиг Солнечной системы, огромные динозавры давно уже вымерли. Он промчался мимо оледенелых внешних планет, помедлил немного над пустынями умирающего Марса и направился к Земле. Исследователи увидели внизу, под кораблем, мир, где жизнь била ключом. Долгие годы они изучали, собирали, систематизировали. Узнав все, что можно было узнать, они начали перестраивать. Они вмешались в судьбу многих видов на суше и на море. Но раньше чем через миллион лет они не могли узнать, какой из их опытов окажется удачным.

Они были терпеливы, но еще не бессмертны, а в этой Вселенной с ее сотней миллиардов солнц было столько дела, и их звали другие миры. И они снова улетели в бездну, зная, что сюда больше не вернутся.

Да в этом и не было нужды. Слуги, которых они, улетая, оставили, доделают остальное.

На Земле наступали и отступали ледники, а неизменно бесстрастная Луна светила на них, надежно храня свою тайну. И еще медлительней, чем ледники, цивили-

зации то разливались приливной волной по всей Галактике, то исчезали. Империи, странные, прекрасные и ужасающие, возникали и гибли, передавая свои знания преемникам. Земля не была забыта, нет, но что могло дать еще одно посещение? Она пока еще оставалась одним из миллионов немых миров, из которых лишь немногим суждено было заговорить.

38. Страж

— Воздух на корабле становится все хуже, у меня почти все время болит голова. Кислорода еще много, но фильтры не смогли до конца очистить атмосферу: она сильно загрязнена с тех пор, как в вакууме закипели жидкости. Когда мне становится совсем туго, я спускаюсь в гараж хлебнуть немного чистого кислорода из баллонов в капсулах...

... Никакого отклика на свои сигналы не получил. Вследствие наклонения моей орбиты я все дальше ухожу от ЛМА-2. Кстати, это ваше название неверно вдвойне — ни малейших признаков магнитного поля по-прежнему нет.

Сейчас наименьшее удаление — около ста километров; в результате вращения Япета оно возрастет примерно до ста шестидесяти, затем сократится до нуля. Через тридцать дней я пройду непосредственно над объектом, но этого долго ждать, да к тому же он тогда будет на ночной стороне...

Даже и сейчас он держится в поле зрения всего несколько минут и уходит за горизонт. Чертовски досадно, никак не удается толком провести наблюдения.

... Так вот, я просил бы вас одобрить мой план. Космическая капсула развивает достаточное ускорение, поэтому на ней можно без особого риска совершить посадку и потом вернуться на корабль. Я хочу выйти из корабля и подобраться поближе. Если никакой опасности не замечу, сяду рядом, а то и на верхушку этой махины.

Пока я буду спускаться, корабль останется в пределах видимости, так что в полном отрыве от него придется пробыть всего часа полтора.

Убежден, что другого решения нет. Я пролетел больше полутора миллиардов километров, и последние сто километров меня не остановят.

Страж Звездных Врат, чьи необыкновенные органы чувств были неизменно обращены к Солнцу, уже много недель следил за приближающимся кораблем. Те, кто создал Страж, подготовили его для многих задач, в том числе и для этой. Он уловил, что корабль, летящий из теплого сердца Солнечной системы, устремляется к нему. Будь он живой, он ощутил бы волнение, но такое чувство было ему недоступно. Даже если бы корабль пролетел мимо, Страж не ощутил бы и тени разочарования. Он ждал три миллиона лет. Он готов был ждать вечно.

Страж наблюдал и отметил, что корабль-пришелец сбавил скорость, тормозясь струями раскаленного газа, но ничего не предпринимал. Потом ощутил бережные прикосновения излучений, пытавшихся проникнуть в его тайны. И опять никак не отозвался.

Но вот корабль вышел на орбиту и стал кружить низко над этой необычно пестрой луной. Вспышками радиоволн он начал разговор со Звездными Вратами. Много раз подряд он отсчитывал простые числа от одного до одиннадцати. Потом перешел к более сложным сигналам, на самых разных частотах, в ультрафиолетовом, инфракрасном, рентгеновском диапазонах. Страж не отвечал: ему нечего было сказать.

Корабль надолго затих, а потом Страж заметил, что от него отделилось и начало спускаться к Вратам какое-то тело. Он поискал в своей памяти, и логические цепи, повинуясь приказам, полученным очень-очень давно, приняли решение.

Под ледяными лучами Сатурна в Звездных Вратах пробудились спавшие в них силы.

39. Навстречу Оку

Снаружи «Дискавери» казался совершенно таким же, каким Боумен видел его перед стартом на окололунной

орбите, в свете огромной Луны, занимавшей полнеба. Разве только одно немного изменилось: краска наружных надписей, указывавших назначение различных люков, креплений, розеток внешнего питания и других наружных устройств, словно бы чуть выцвела от долгого пребывания в лучах ничем не заслоненного Солнца.

Солнце отсюда выглядело так, что земной житель его ни за что не узнал бы. Оно было еще слишком ярким, чтобы счесть его звездой, но на маленький диск его нетрудно было смотреть в упор. И оно уже совсем не грело: Боумен, сняв перчатку, подставил руку под его лучи, струившиеся в иллюминатор космической капсулы, и не ощутил на малейшего прикосновения тепла к своей коже. С таким же успехом можно было греться под лучами Луны. Даже чуждый ландшафт, раскинувшийся под ним в нескольких десятках километров, не подчеркивал с такой остротой, как бесконечно далек он от родной Земли.

И теперь он, наверно в последний раз, вышел за порог того искусственного мирка, который столько месяцев был его домом. Даже если он не вернется, корабль все так же будет нести свою службу — передавать на Землю показания приборов, покуда какая-нибудь авария не разрушит окончательно его электронные цепи.

А если он, Боумен, все-таки вернется? Что ж, он сумеет продержаться, может быть, даже сохранить рассудок еще несколько месяцев. А потом наступит конец, потому что система гипотермического сна без электронного мозга действовать не может. Значит, до прилета «Дискавери II» на Япет — а это будет через четыре-пять лет — он не доживет.

Но он быстро прогнал эти мысли. Перед ним в небе всходил золотой полумесяц Сатурна, и он был первым человеком, кому довелось увидеть это зрелище. Взорам других людей Сатурн всегда предстает полностью освещенной стороной, обращенной к Солнцу. А здесь это был изящный полумесяц, и кольца пересекали его тонкой линией — ни дать ни взять лук со стрелой, которая вот-вот будет пущена прямо в Солнце.

На линии колец были видны еще и яркая звездочка —

Титан, и более слабые искорки — другие луны Сатурна. Не пройдет и половины начавшегося столетия, как на всех этих небесных телах побывают люди, но ему, Боумену, не суждено узнать, какие тайны они там откроют...

Резко очерченная граница белого слепого ока Япета быстро приближалась: до него оставалось километров сто пятьдесят — меньше чем через десять минут он будет над целью.

Жаль, нельзя никак узнать, доходят ли его слова до Земли — ведь теперь сигнал летит до нее долгих полтора часа. Будет жесточайшей иронией судьбы, если из-за какой-нибудь неисправности в системе ретрансляции он внезапно утонет в молчании и никто не узнает, что с ним произошло.

— «Дискавери» еще светился звездочкой высоко в черном небе. Капсула обгоняла его, набирая скорость на спуске, но Боумен знал — скоро двигатели затормозят ее и корабль скроется из виду, оставив его одного на светящейся равнине с черной загадкой в центре.

Плоский черный обелиск вырастал из-за горизонта, заслоняя звезды. Боумен развернул капсулу вокруг оси гироскопов и включил двигатель на полную тягу, чтобы погасить орбитальную скорость. По длинной пологой дуге капсула начала снижаться к поверхности Япета.

В мире с более мощным гравитационным полем этот маневр потребовал бы непозволительного расхода топлива. Здесь же капсула весила всего килограммов десять, и Боумен мог несколько минут лететь, как бы планируя: так он избежал опасной растраты запаса топлива, которая приковала бы его к планете без надежды возвратиться на «Дискавери». А впрочем, для него это уже не имело особого значения...

До поверхности было еще почти десять километров; Боумен летел прямо на черную громаду, вознесшуюся во всем своем геометрическом совершенстве над безликой равниной. С виду монолит был так же мертв, как и плоская белая поверхность вокруг; только сейчас Боумен ощутил всю его огромность. Судя по тщательным измерениям сделанных им фотоснимков, высота этого обе-

лиска достигала шестисот метров — на Земле нашлось бы немного зданий такой высоты. А пропорции его, насколько можно было судить, были те же, что и у лунного монолита, — то же любопытное отношение 1:4:9.

— Я сейчас в пяти километрах от него, держусь на высоте тысяча двести метров. Пока никаких признаков активности — приборы молчат. Грани на вид совершенно гладкие, отполированные. Такая древность — и ни единой щербинки от метеоритов!..

... И на его... как ее назвать... крыше, что ли, тоже ни соринки, чисто! И никаких отверстий тоже нет. Я надеялся, что найду какой-нибудь вход...

... Вот я уже над ним, парю на высоте полутораста метров. Не буду попусту тратить время, а то скоро прервется связь с «Дискавери». Решил садиться. Крыша с виду очень прочная, а если что — сразу уйду на полной тяге...

... Подождите... Не понимаю... Странно...

Голос Боумена оборвался, изумление и замешательство лишили его дара речи. Он не испугался, он просто не мог описать то, что увидел.

Он висел над огромным плоским прямоугольником примерно двести пятьдесят на шестьдесят метров, сделанным из какого-то материала, который с виду был массивный, как скала. Но по мере снижения капсулы эта черная плоскость стала словно отступать, уходить внутрь. Совсем как общеизвестная оптическая иллюзия: глядишь на трехмерный предмет на картинке, небольшое усилие воли — и те грани, которые выступали вперед, оказываются заглубленными внутрь...

Но здесь это происходило с огромным и с виду прочным массивом! Непостижимо, невероятно, но это был уже не монолит, высящийся над плоской равниной. То, что казалось его крышей, провалилось вниз, на безмерную глубину. На одно головокружительное мгновение ошеломленному Боумену показалось, что перед ним разверзлась вертикальная шахта — прямоугольный ствол, уходящий в бездну и вопреки всем законам перспективы не сужающийся с расстоянием.

Око Япета мигнуло, словно сбрасывая досадную со-

ринку. У Дэвида Боумена хватило времени только на одну судорожно-рваную фразу — люди на Земле, в полутора миллиардах километров от Япета, услышали ее через восемьдесят минут и запомнили до конца жизни:

— Он полый... Он без дна... без конца... и... о Боже, он полон звезд!..

40. Уход

Звездные Врата открылись. И закрылись.

Пространство искривилось — только на миг, слишком краткий, чтобы его можно было измерить.

И вновь Япет стал пустынным, каким был три миллиона лет, если не считать покинутый, но еще неразрушенный корабль, пославший тем, кто его создал, весть, которую они не могли понять, как не могли ей поверить...

VI. СКВОЗЬ ЗВЕЗДНЫЕ ВРАТА

41. «Узловая станция» пространства

Он не ощущал движения и, однако, падал навстречу звездам, блиставшим там, в темных глубинах Япета. Нет — не там сияли звезды, не там, — он был уверен. Теперь, когда было уже слишком поздно, он пожалел, что мало интересовался теориями гиперпространства и трансразмерностных каналов. Для Дэвида Боумена эти понятия уже перестали быть теоретическими.

Наверно, этот монолит на Япете был полый... А «крыша» — так, просто обман зрения или какая-то диафрагма, она раскрылась и впустила его, но куда впустила? Насколько он мог верить своим глазам, он падал вместе с капсулой в огромной шахте прямоугольного сечения глубиной в тысячи метров. Падал все быстрей и быстрей, но просвет шахты под ним не менялся в размерах и не приближался к нему.

Только звезды двигались, сначала очень медленно, — до него не сразу дошло, что они разбегаются в стороны,

за пределы того просвета, в который видны ему. Но вскоре он убедился, что звездное поле все время расширялось, как будто оно мчалось к нему с немыслимой скоростью. Расширение поля носило нелинейный характер — звезды в центре словно бы почти не двигались, а чем дальше от центра, тем стремительней ускорялось их движение; у края просвета, прежде чем совсем исчезнуть из виду, они уже казались летучими световыми черточками.

Но на смену им появлялись другие: они как бы притекали в центр из источника, совершенно неисчерпаемого. Боумен успел подумать: что, если какая-нибудь звезда так и будет лететь прямо на него и он врежется в раскаленное солнце? Но звезды оставались столь далеки от него, что ни у одной нельзя было разглядеть диск, и неизменно расходились в стороны светящимися черточками, исчезая за краями своей прямоугольной рамки.

А дальний конец шахты все не приближался. Как будто вся шахта со своими стенами двигалась вместе с Боуменом, увлекая его навстречу неведомой участи. А может, он вообще не двигался — это само пространство перемещалось вокруг него?

И вдруг он понял: непонятное творится не только с пространством. Часы на маленькой приборной панели капсулы тоже вели себе чрезвычайно странно.

Обычно цифры десятых долей секунды мелькали в окне счетчика времени так быстро, что их едва можно было уловить. Теперь же они появлялись и исчезали через отчетливо уловимые промежутки времени, и Боумен мог без труда отсчитывать их одну за другой. А секунды тянулись так невообразимо медленно, словно время готово было остановиться. Наконец, отсчет десятых долей прекратился совсем — цифры в окошке застыли между 5 и 6.

И однако, Боумен мог по-прежнему мыслить и даже замечал, как эбеново-черные стены шахты пролетают со скоростью, которую нельзя ни уловить, ни измерить — то ли это нуль, то ли тысячекратная скорость света... Почему-то он не испытывал ни удивления, ни тревоги. Напротив, он будто спокойно ждал чего-то хорошего —

так с ним было однажды, когда специалисты по космической медицине проверяли его психику галлюциногенными наркотиками. Мир вокруг был странный, удивительный, но не внушал страха. Ведь он, Боумен, пролетел сотни миллионов километров ради раскрытия тайны, ну а теперь тайна, похоже, сама летит ему навстречу.

Прямоугольник впереди посветлел. Яркие черточки звезд тускнели на фоне млечного неба, которое сияло все сильнее. Казалось, капсула летит к скоплению облаков, равномерно освещенному лучами невидимого солнца.

Туннель кончался. Дальний его просвет, который все время оставался недосягаемым, на одном и том же не поддающемся определению расстоянии, вдруг начал повиноваться обычным законам перспективы — теперь он приближался и становился все шире. Одновременно Боумен ощутил, что уже не падает, а, наоборот, летит вверх; у него даже мелькнула мысль — уж не пролетел ли он Япет насквозь и не вынырнет ли сейчас на другом его полушарии. Но капсула еще не успела вырваться из туннеля наружу, как он понял: это не Япет и не какой-либо иной мир, ведомый человечеству.

Здесь явно не было атмосферы, потому что он мог различить до мельчайших подробностей все предметы на открывшейся ему непривычно плоской поверхности вплоть до невообразимо далекой черты горизонта. Под ним лежал мир исполинских размеров, должно быть, намного больше Земли. И однако, вся эта огромная поверхность была сплошь, словно мозаикой, испещрена контурами явно искусственных сооружений, стороны которых измерялись многими километрами. Будто титан, способный играть планетами, складывал здесь огромную головоломку. А посередине многих квадратов, треугольников и многоугольников зияли отверстия черных шахт, в точности подобных той, из которой он сам только что вылетел.

Но еще сильнее, чем невообразимый мир, который простирался внизу, поразило и встревожило Боумена небо. В нем не было ни звезд, ни бездонного космического мрака. Было только мягкое млечное сияние, от которого

рождалось ощущение бесконечной протяженности. Боумен вспомнил, как ему описывали когда-то страшные антарктические туманы: «Будто тебя сунули в шарик для пинг-понга». Этот образ очень подходил к тому непостижимому, что видел над собой Боумен, только здесь это, конечно, объяснялось совсем иначе. Млечное сияние неба не могли вызывать метеорологические причины, туман или снегопад, — ведь тут был абсолютный вакуум.

Когда глаза немного привыкли к перламутровому свечению неба, Боумен заметил еще кое-что. Небо вовсе не было пустым, как показалось с первого взгляда. Оно было усеяно мириадами черных крапинок, совершенно неподвижных и расположенных в самых разных беспорядочных сочетаниях. Боумен не сразу их заметил — ведь это были просто черные точки, — но раз увидев, уже без труда различал. Они напоминали нечто очень знакомое, но эта мысль была так безумна, что Боумен отбрасывал ее, пока логика не вынудила его сдаться.

Эти черные проколы в белом небе были звездами; казалось, перед ним фотографический негатив Млечного Пути.

«Куда же это я попал?» — спрашивал себя Боумен и понимал, что никогда не узнает ответа. Пространство словно вывернулось наизнанку... Нет, человеку тут не место! И хотя в капсуле было тепло, он вдруг почувствовал леденящий холод, и его начала бить дрожь, с которой он никак не мог совладать. Хотелось зажмуриться и забыть о жемчужно сияющей пустоте вокруг, но это было бы проявлением малодушия, а такого он не мог себе позволить.

Граненая поверхность планеты, пронзенная черными колодцами, стлалась внизу, однообразная и неизменная. Боумен прикинул на глаз, что летит примерно на высоте пятнадцати километров и мог бы без труда обнаружить признаки жизни. Но мир этот был пустынен: разум побывал здесь, преобразил его по своей воле и ушел...

А потом вдалеке, километрах в тридцати, Боумен увидел горбом торчавшую над плоской равниной полуразрушенную конструкцию цилиндрической формы. Это

мог быть только остов гигантского корабля. До него было слишком далеко, чтобы разглядеть какие-либо детали, а через несколько секунд он и вовсе скрылся из виду, но Боумен успел заметить сломанные шпангоуты и тускло поблескивавшие листы металлической обшивки, отодранной кое-где, словно кожура с апельсина. Сколько тысяч лет пролежал этот исполин на пустынной планете, расчерченной, словно шахматная доска, геометрическими фигурами? И какие существа странствовали на нем среди звезд?

Но тут из-за горизонта показалось нечто такое, что заставило его забыть о покинутом корабле.

Сначала оно выглядело плоским диском, но только потому, что летело почти прямо на него. Когда же летевший предмет приблизился и прошел под капсулой, Боумен увидел, что он веретенообразной формы, длиной сто пятьдесят — двести метров. Местами по его длине шли какие-то едва различимые полосы, но их было трудно разглядеть, потому что предмет этот то ли вибрировал, то ли вращался с большой скоростью.

Оба конца его были заострены, и признаков каких-либо движителей Боумен не заметил. Человеческому глазу в нем было знакомо только одно — его цвет. Если это и правда было вполне осязаемое творение чьей-то техники, а не оптическая иллюзия, то создатели его, видно, не гнушались некоторых человеческих слабостей. Однако им явно чужда была ограниченность возможностей, присущая людям: веретено, судя по всему, они построили из золота.

Повернув голову к экрану заднего обзора, Боумен следил, как снижается эта непонятная штука. Пролетев мимо, словно его здесь и не было, она теперь опускалась к одному из тысяч черных колодцев и через несколько секунд исчезла в недрах планеты, прощально сверкнув золотом. Он снова остался один под этим зловещим небом, больше прежнего подавленный ощущением полного одиночества и оторванности от родной Земли.

И тут он увидел, что его капсула тоже снижается к расчерченной геометрическими узорами поверхности огромного мира и прямо под ним ширится устье одной

из прямоугольных расщелин. Пустое небо сомкнулось над ним, часы вновь замедлили ход и остановились, и капсула опять начала падать в черную шахту навстречу другому далекому звездному полю. Но теперь он был уверен, что не возвращается в Солнечную систему, и в мгновенном озарении — может быть, глубоко ошибочном — понял, куда он попал.

Это была своего рода диспетчерская Космоса, здесь регулировалось движение меж звезд в непостижимых размерностях пространства и времени. Его занесло на Центральную Узловую Станцию Галактики.

42. Чужое небо

Далеко впереди снова стали смутно проступать стены шахты, озаряемые слабым светом, просачивавшимся откуда-то из невидимого еще источника. И вдруг черная тьма мгновенно оборвалась, и капсула вылетела в небо, усыпанное ярчайшими звездами.

Боумен вновь очутился в привычном, обыкновенном космическом пространстве, но с первого взгляда понял, что унесен на сотни световых лет от Земли. Он даже не пытался найти хоть одно из тех созвездий, которые с незапамятных времен были знакомы и близки человеку; вероятно, ни одну из звезд, блиставших сейчас вокруг него, не удалось бы увидеть с Земли невооруженным глазом.

Почти все эти звезды были сосредоточены в сияющей ленте, которая опоясывала небо; лишь кое-где черными клочьями ее прорезали скопления космической пыли.

Звездная лента была похожа на Млечный Путь, только в десятки раз ярче. Может быть, это наша Галактика, подумал Боумен, но видит он ее с другой точки, очень близкой к ее ядру, в котором теснятся друг к другу сверкающие звезды.

Хорошо, если это она и есть — все же не так далеко от родной Земли... Но нет, было бы просто ребячеством на это надеяться. Солнечная система так невообразимо далека, что уже все равно — в своей ли он Галактике

или в самой отдаленной из всех, когда-либо уловленных телескопом.

Он перевел взгляд вниз, на планету, от которой улетел, и испытал новое потрясение. Внизу уже не было ни гигантского «граненого» мира, ни какого-либо подобия Япета! Там не было ничего — только исчерна-черное пятно среди звезд, зиявшее словно дверь из темной комнаты, распахнутая в еще более темную ночь. И сейчас же у него на глазах «дверь» закрылась. Не отдалилась от него, нет, а постепенно заполнилась звездами, словно то была прореха в пространстве и ее залатали... Он остался один, совсем один, в этом чуждом небе.

Капсула медленно разворачивалась, и взгляду Боумена открывались все новые чудеса. Сперва он увидел шарообразный сгусток звезд — чем ближе к центру, тем гуще они теснились, так что сердцевина была уже совсем слитным сверкающим пятном. Внешние очертания шара расплывались в постепенно редеющий ореол из солнц, незаметно сливающийся с фоном более удаленных звезд.

Боумен догадался, что этот величественный сгусток пламени — шаровое скопление звезд. Он созерцал то, что до него человеческий глаз мог увидеть только как смазанное пятнышко света в поле зрения телескопа. Он не мог вспомнить, как далеко от Земли до ближайшего шарового скопления, но знал хорошо: в радиусе тысячи световых лет от Солнечной системы ничего подобного нет.

Капсула продолжала медленно вращаться, и взгляду Боумена открылось новое, еще более странное явление — огромное красное солнце, во много раз больше Луны, какой она видится с Земли. Боумен мог свободно смотреть на него; судя по окраске, солнце это было не горячее раскаленного уголька. Кое-где по сумрачно-багровой поверхности текли ярко-желтые реки, пылающие Амазонки, извиваясь на десятки тысяч километров и затем теряясь в пустынях умирающего солнца.

Умирающего? Нет, это было ложное, ошибочное впечатление, подсказанное человеческим опытом и чувствами, которые порождены красками закатов на

Земле да мерцанием дотлевающих угольков в камине... А эта звезда пережила пламенное буйство юности, за несколько быстролетных миллиардов лет промчалась через фиолетовый, синий и зеленый участки спектра и ныне вступила в возраст устойчивой, спокойной зрелости, продолжительность которого трудно было даже вообразить. Все, что было в ее прошлом, — меньше тысячной доли того, что ей предстояло. История этой звезды только начиналась.

Капсула перестала поворачиваться; теперь огромное багровое солнце смотрело прямо на Боумена. Хотя движения не ощущалось, он знал, что по-прежнему находится во власти тех сил, которые унесли его сюда от Сатурна. Вся наука и техническое мастерство Земли казались безнадежно примитивными по сравнению с этими силами, влекущими его навстречу неведомой, непостижимой участи.

Он напряженно вглядывался в пространство впереди, пытаясь увидеть цель, к которой его влекло, — может быть, какую-нибудь планету, вращающуюся вокруг этого солнца. Но он не заметил нигде ни видимого диска, ни особо яркой точки; если у солнца и были планеты, он не мог разглядеть их на звездном фоне.

Вдруг на самом краю багрового солнечного диска он заметил нечто странное. Там возникло и быстро разгорелось белое сияние — быть может, внезапное извержение или вспышка, из тех, что время от времени происходят почти на всех звездах.

Сияние становилось все ярче, оно голубело и разливалось по краю солнечного диска, кроваво-красные оттенки которого быстро поблекли перед ним. Усмехнувшись над нелепостью своей мысли, Боумен все же подумал, уж не наблюдает ли он восход солнца... *на солнце.*

Так оно и было. Над пылающим горизонтом солнца поднималось светило не крупнее окружающих звездочек, но такое яркое, что на него невозможно было взглянуть. Крохотная бело-голубая точечка, яркая, как сияние электрической дуги, понеслась с невероятной скоростью поперек солнечного диска. Видимо, она двигалась очень близко к поверхности своего гигантского партнера, по-

тому что прямо под ней вздымался увлекаемый ее притяжением огненный столб высотой во многие тысячи километров — как бы приливная волна планеты, вечно несущаяся вдоль экватора красного солнца в тщетной погоне за летучим огоньком в небе.

Очевидно, эта пронзительно сияющая булавочная головка была белым карликом — одной из странных яростных малых звезд размером не больше Земли, но в миллион раз превосходящих ее массой. Подобные «неравные браки» среди звезд нередки, но мог ли помышлять Боумен, что ему доведется увидеть такую двойную звезду своими глазами?

Белый карлик пробежал почти над половиной багрового диска — на полный виток ему требовалось, наверно, всего несколько минут, — когда Боумен убедился, наконец, что его капсула тоже движется. Одна из звезд впереди становилась все ярче и начала перемещаться относительно общего фона. Видимо, это небольшое небесное тело очень близко — может быть, оно и есть тот самый мир, куда он летит?..

Но оно приблизилось неожиданно быстро, и Боумен увидел, что это вовсе не планета.

Из ниоткуда надвинулось и скоро заслонило собой весь обзор тускло поблескивающее паутинно-решетчатое сплетение из металла протяженностью в сотни километров. По его обширной, как материк, поверхности были разбросаны сооружения, огромные, словно города, но похожие на машины. Вокруг них группировалось множество объектов поменьше, расположенных аккуратными рядами и колоннами. Несколько таких групп промелькнуло мимо, пока Боумен сообразил, что это армады космических кораблей и он пролетает над гигантской орбитальной стоянкой.

На ней не было знакомых предметов, по которым можно было бы представить себе масштабы проносившейся внизу панорамы, и потому он не сумел определить размеры кораблей, висевших в пространстве над своей базой. Но несомненно, корабли были колоссальны; длина иных, наверно, измерялась километрами. Корпуса их имели самую различную форму: шаровид-

ную и яйцевидную, многогранных кристаллов, тонких длинных стержней, дисков. Видимо, это один из транспортных узлов и деловых центров звездной цивилизации, решил Боумен.

Вернее, здесь был некогда такой центр, может быть, миллион лет назад. Ибо нигде Боумен не заметил никаких признаков жизни; этот широко раскинувшийся космический порт был так же мертв, как Луна.

Боумен понял это не только по отсутствию всякого движения, но и по другим безошибочным приметам заброшенности: в металлической паутине зияли огромные бреши — их пробили астероиды, блуждавшие здесь, точно осы, в необозримо отдаленные времена. Теперь это была уже не стоянка звездолетов, а космическая свалка лома.

Он разминулся со строителями мертвого гиганта на целую геологическую эпоху: при мысли об этом у Боумена вдруг упало сердце. Хоть он и не знал, что его ожидает, но все же надеялся на встречу с какими-то разумными существами, обитающими в этом звездном мире. Но видно, опоздал на свидание... Он просто попался в автоматическую ловушку, расставленную в древние времена для неведомой ему цели. Она пережила своих создателей, давным-давно погибших, и теперь захватила его и, протащив через всю Галактику, сбросила сюда, на эту небесную свалку, должно быть, как многих других до него, и ему суждено умереть здесь, как только иссякнет запас воздуха в капсуле.

Да, бессмысленно ожидать чего-либо иного. Что ж... Он увидел воочию столько чудес — за такую возможность многие отдали бы жизнь. Он вспомнил о своих погибших товарищах... Нет, ему грешно сетовать на судьбу.

Но тут он обнаружил, что с прежней, неослабевающей скоростью проносится над заброшенным космическим портом. Вот уже мелькнули внизу его последние «предместья», показался и ушел иззубренный, обломанный край, и звезды, заслоненные им, вновь открылись перед Боуменом. Через несколько минут кладбище звездолетов осталось далеко позади.

Судьбе Боумена предстояло решиться не здесь, а далеко впереди, на огромном багровом солнце: теперь уже можно было не сомневаться, что космическая капсула устремилась именно туда.

43. Ад

Все небо от края до края заслонил собой багровый диск. Он был так близко, что поверхность его уже не казалась неподвижно застывшей. По ней в разные стороны перемещались более яркие сгустки, вздымались и опадали вихри газа, струи протуберанцев медлительно взвивались в пространство. Впрочем, что значит «медлительно»? Да если бы их скорость не достигала миллиона километров в час, глазу не уловить бы их движения!

Боумен даже не пытался охватить сознанием масштаб огненного ада, к которому приближался. Когда там, в Солнечной системе, от которой теперь его отделяли неисчислимые миллиарды километров, он пролетал мимо Юпитера и Сатурна, их огромность повергла его в смятение. Но то, что он видел сейчас, было в сотни раз огромнее. Он мог лишь воспринимать зрительные впечатления, нахлынувшие на него, даже не пытаясь их осмыслить.

Это море огня, полыхавшее под ним, должно бы внушать страх, но, странно, он испытывал разве что некоторую настороженность. И вовсе не потому, что был подавлен всеми чудесами, нет, трезвая логика подсказывала: его взял под защиту некий властный, едва ли не всемогущий разум. Капсула была уже так близка к красному солнцу, что он сгорел бы в один миг, если бы его не ограждал от радиации какой-то невидимый экран. И ускорения, которые он испытал в пути с Япета, должны бы мгновенно раздавить его, а он остался цел и невредим! Право же, если столько заботы проявлено о его безопасности, можно еще надеяться на лучшее.

Капсула летела теперь по пологой дуге, почти параллельно поверхности звезды, но постепенно снижаясь. И впервые за все время Боумен начал улавливать звуки. До него доносился слабый рокот, прерываемый потре-

скиванием и шорохом, будто кто-то рвал бумагу или где-то очень далеко гремел гром. Конечно, это был лишь слабый отголосок чудовищной какофонии: окружающую атмосферу сотрясали такие возмущения, что любой материальный предмет был бы распылен до атомного состояния. А Боумен в своей капсуле был защищен от разрушительных колебаний так же надежно, как и от огня.

Языки пламени высотой в тысячи километров вздымались и медленно опадали вокруг, но он был прочно огражден от неистовства раскаленных газов. Могучая энергия звезды бушевала, не задевая его, словно в другой Вселенной; капсула спокойно плыла сквозь яростные вспышки, неприкосновенная и неопалимая.

Зрение Боумена, потрясенное необычностью и величием всего, что ему открылось, уже немного приспособилось, и он начал различать подробности, которые раньше просто был не в силах уловить. Поверхность звезды не являла собой бесформенный хаос, в ней была своя структура, как во всем, что создано природой.

Сперва он заметил маленькие — размером, пожалуй, не больше Азии или Африки — газовые вихревые воронки, блуждавшие по поверхности. Иногда ему удавалось заглянуть прямо в центр такой воронки, и там, в глубине, виднелись более темные, менее раскаленные зоны. Как ни странно, здесь не было солнечных пятен; возможно, они были признаками болезни, присущей только той звезде, которая освещает Землю.

Изредка появлялись облака, похожие на клочья дыма, гонимые ураганом. Возможно, то и был дым — ведь это солнце было таким холодным, что здесь мог существовать обыкновенный огонь. На несколько секунд здесь могли возникать химические соединения, тут же вновь разрываемые ядерными реакциями, неистовствующими вокруг.

Горизонт светлел, окраска его постепенно переходила из сумрачно-багровой в желтую, затем голубую и наконец слепяще-фиолетовую. Из-за края диска выкатился белый карлик, влача за собой приливную волну звездного вещества.

Боумен ладонью заслонил глаза от нестерпимого

блеска маленького солнца и смотрел на поверхность большой звезды, вздыбленную притяжением карлика. Однажды ему пришлось видеть смерч на Карибском море. Пламенная башня, взметнувшаяся вверх с красного солнца, имела почти такую же форму. Только размерами она намного отличалась от того смерча — ее основание было, наверно, диаметром больше Земли.

И тут внизу, прямо под Боуменом, появилось нечто совершенно новое, чего раньше не было, потому что проглядеть это было невозможно. По океану раскаленного газа плыли мириады светящихся бусинок, от которых исходило жемчужное сияние; каждые несколько секунд оно то вспыхивало, то гасло. Все бусинки двигались в одном направлении, словно стая лососей, идущая на нерест вверх по течению реки; порой они отклонялись то вправо, то влево, так что пути их пересекались, но ни разу не коснулись друг друга.

Их были тысячи, и чем дольше смотрел Боумен, тем больше убеждался, что движение их имеет целеустремленный характер. Они были слишком далеко от него, и никаких подробностей их строения разглядеть не удавалось; они и сами были заметны на этой гигантской панораме только потому, что размеры их достигали, видимо, десятков, а может быть, и сотен километров. Если это были живые существа, то поистине подобные левиафанам, под стать масштабам того мира, в котором обитали.

Может быть, это просто облачные скопления плазмы, временно стабилизированные каким-то случайным сочетанием естественных сил, подобно недолговечным шаровым молниям, загадку которых все еще не разгадали земные ученые?.. Объяснение простое и, пожалуй, успокаивающее, но Боумен, глядя на странный поток, захвативший чуть ли не всю поверхность звездного диска, сам плохо в это верил. Блистающие световые сгустки знали, куда они движутся: они целеустремленно стекались к основанию огненного столпа, вздымавшегося вслед за белым карликом, который мчался по своей орбите над багровой звездой.

Боумен еще раз вгляделся в эту рвущуюся вверх ко-

лонну, которая уже перемещалась по горизонту вслед за крохотной звездочкой, повинуясь притяжению ее колоссальной массы. Что это — или он слишком дал волю своему воображению, или и правда по гигантскому газовому гейзеру ползут вверх мириады ярких искр, сливаясь в целые светящиеся материки?

Мысль, которая пришла ему в голову, была почти сумасбродна: уже не происходит ли у него на глазах миграция органических существ по огненному мосту с одной звезды на другую? Вряд ли ему доведется узнать, стада ли это космических зверей, гонимые через пространство слепым инстинктом, подобно леммингам на Земле, или огромные скопления разумных существ.

Он попал в иной мир, по-иному сотворенный, о котором мало кто из людей мог даже помыслить. За пределами царств моря и суши, воздуха и космоса лежит царство пламени — и ему, единственному из людей, выпала честь взглянуть на него. Нельзя ожидать, чтобы он еще и понял все, что увидел...

44. Гостеприимство

Огненный столп уходил за край солнечного диска. По тускло-багровой поверхности солнца, в тысячах километров внизу, уже не скользили бегущие пятнышки света. Дэвид Боумен, оберегаемый от губительных воздействий среды, которые могли уничтожить его за малую долю секунды, ждал своей судьбы.

Белый карлик стремительно близился к закату: вот он коснулся горизонта, воспламенил его — и исчез. Неверный сумеречный свет упал на багровый ад внизу, и в этот миг, когда освещение резко переменилось, Боумен уловил, что в пространстве вокруг него происходит нечто совсем необычайное.

Очертания поверхности красного солнца задрожали и исказились, словно он глядел на нее сквозь текучую воду. Он подумал было, что это какой-нибудь эффект преломления света — его могла породить особенно сильная ударная волна, проходя через возмущенную газовую атмосферу, в которую уже погрузилась капсула.

Но свет все тускнел, как будто надвигались еще одни сумерки. Боумен невольно поднял глаза и тут же виновато опустил, вспомнив, что главный источник света здесь не небо, а раскаленный мир внизу.

Вокруг, казалось, возникли стены из чего-то, подобного дымчатому стеклу; они становились все менее прозрачными, гася багровое свечение солнца. Темнота сгущалась, стихал и рев звездных ураганов. Капсула плыла, погруженная в ночь и тишину. Спустя мгновение Боумен уловил еле ощутимый толчок — капсула коснулась какой-то твердой поверхности, опустилась на нее и больше не шевельнулась.

Какая поверхность? Откуда? Боумен спрашивал себя, не веря своим ощущениям. Но тут вновь вспыхнул свет, и растерянное недоумение сменилось безмерным отчаянием — увидев, что его окружало, Боумен понял, что сошел с ума.

Да, он был готов к любым чудесам. Он не ожидал только одного — будничной заурядности.

Капсула покоилась на блестящем полу безлично элегантных апартаментов отеля, какие можно встретить в любом большом городе Земли. За иллюминатором была гостиная, и в ней кофейный столик, диван, дюжина стульев, письменный стол, разные лампы, книжный шкаф, наполовину пустой, на нем журналы и даже ваза с цветами. На одной стене висел «Мост в Арле» Ван-Гога, на другой — «Мир Кристины» Уайета. Боумен подумал: вот выдвинуть сейчас ящик письменного стола, а там обязательно лежит Библия...

Если он и вправду сошел с ума, его галлюцинации на редкость упорядоченны. Все выглядело совершенно реальным: он на мгновение отвернулся, но все осталось на своих местах. Единственной несуразностью во всей этой картине — и несуразностью весьма существенной — была сама капсула.

Боумен долго сидел не шевелясь в своем кресле. Он все-таки еще ждал, что мираж этот вдруг рассеется, но все оставалось на своих местах столь же прочно и основательно, как и любые материальные предметы на Земле.

Нет, это было подлинное, настоящее — или уж обман чувств так невообразимо искусен, что его не отличить от реальности. Может, это своего рода испытание? Тогда от его, Боумена, поведения в ближайшие несколько минут зависит, быть может, не только его судьба, но и будущее всего человечества!

Что делать? Сидеть и ждать, что будет дальше, или открыть капсулу и выйти — рискнуть и проверить реальность окружающего?.. Пол с виду прочный: во всяком случае, вес капсулы он выдержал. Если ступить на пол, из чего бы он там ни был сделан, вряд ли можно провалиться.

Но еще вопрос, есть ли тут воздух; как знать, может, в этой комнате полнейший вакуум или она полна ядовитых газов. Впрочем, это маловероятно — те, кто так заботится о нем, вряд ли упустят столь существенную деталь; однако без особой надобности незачем рисковать. Долгие годы практики приучили Боумена остерегаться отравленной атмосферы, ему не хотелось выходить в неизведанную среду, пока можно было этого избежать. Правда, все вокруг выглядит точь-в-точь как гостиничный номер где-нибудь в Соединенных Штатах. Но ведь ему-то ясно, что на самом деле он сейчас находится в сотнях световых лет от Солнечной системы...

Он опустил лицевой щиток шлема, изолировав себя от окружающей атмосферы, и открыл люк капсулы. Коротко зашипел воздух — давление в капсуле и в комнате уравнялось, и Боумен вышел из капсулы.

Насколько он мог судить, сила тяжести была вполне нормальной. Он поднял руку и расслабил мышцы — не прошло и секунды, как ладонь ударилась о его бок.

От этого все вокруг стало вдвойне фантастичным. Одетый в скафандр, он стоял — а должен был бы плавать! — около капсулы, которая вообще годилась только для мира невесомости. Все привычные рефлексы астронавта здесь отказали, Боумену приходилось обдумывать каждое движение.

Словно в трансе, он медлено зашагал из голой, пустой части комнаты, где стояла капсула, в апартаменты отеля. Он был почти готов к тому, что вещи исчезнут

при его приближении, но все оставалось реальным и с виду вполне незыблемым.

Он остановился у кофейного столика. На нем стоял обычный видеофон системы Белла и даже лежала телефонная книга. Боумен наклонился и неуклюже взял книгу рукой в герметической перчатке. На ней знакомыми, тысячу раз читанными буквами стояло: «Вашингтон, округ Колумбия».

Он вгляделся пристальней и получил первое объективное доказательство, что, как ни реальна земная обстановка вокруг, он находится не на Земле.

Боумен смог прочесть только слово «Вашингтон», все остальные надписи были смазаны, как бывает на копиях с газетных фотографий. Он наугад раскрыл книгу, полистал. Страницы были пустые и не из бумаги, а из какого-то жесткого белого материала, правда, очень похожего на бумагу.

Он снял телефонную трубку и прижал к шлему. Если бы видеофон работал, он услышал бы шумок. Но, как он и ожидал, трубка молчала.

Значит, все вокруг — декорация, хотя и до неправдоподобия тщательно сделанная. Притом сделанная явно не для того, чтобы обмануть, а, пожалуй, напротив — приободрить. Во всяком случае, ему хотелось так думать. От этой мысли стало легче на душе, но все же Боумен решил не снимать скафандр, пока не обследует все вокруг.

Вся мебель выглядела достаточно прочной и надежной: он посидел на стульях — они выдержали его вес. А вот ящики письменного стола не выдвигались, они были бутафорские.

Бутафорскими оказались и книги, и журналы: как и в телефонной книге, прочесть можно было только название. И подбор довольно безвкусный — по большей части бульварные бестселлеры, немного сенсационной публицистики, несколько разрекламированных автобиографий. Все журналы и книги были по меньшей мере трехлетней давности и не отличались глубиной содержания. Впрочем, это не имело особого значения — ведь книги даже нельзя было снять с полок.

В комнате было две двери, которые довольно легко отворились. Первая вела в небольшую, но уютную спальню, где стояли кровать, туалетный стол и два стула. Выключатели света работали. Боумен раскрыл стенной шкаф и обнаружил четыре костюма и халат, аккуратно развешанные на плечиках, с десяток белых сорочек и несколько комплектов белья.

Он снял один костюм и внимательно осмотрел. На ощупь, насколько удалось определить сквозь перчатку, материал походил скорее на мех, чем на ткань. И покрой был немного старомодный — на Земле уже больше четырех лет не носили однобортных пиджаков.

За спальней оказалась ванная комната, оснащенная всем необходимым; он с удовлетворением отметил, что все здесь отнюдь не бутафорское и работает как положено. Рядом была маленькая кухня, и в ней тоже все, что надо: электрическая плита, холодильник, шкафчики, посуда и столовый прибор, мойка, стол и стулья. Боумен принялся обследовать кухню не только из любопытства — он успел порядком проголодаться.

Он открыл холодильник, волна прохладного тумана опахнула его. Полки холодильника были забиты банками и коробками; все этикетки показались хорошо знакомыми, но, приглядевшись поближе, он убедился, что и тут надписи смазаны и прочесть их невозможно. Ни фруктов, ни яиц, ни молока, ни мяса или масла — ничего свежего не было, в холодильнике лежали только консервированные или расфасованные продукты.

Боумен вынул знакомую коробку с кукурузными хлопьями, подумав при этом, что их совершенно незачем было замораживать. Но едва взяв коробку в руки, понял, что в ней вовсе не хлопья — слишком она тяжелая.

Он сорвал крышку и заглянул внутрь. Коробка была заполнена чуть влажной мякотью синего цвета, консистенцией и весом немного похожей на хлебный пудинг. Если не считать странной окраски, мякоть выглядела довольно аппетитно.

Но тут Боумен спохватился, что ведет себя смешно. «За мной, конечно, наблюдают, и я, наверно, кажусь со-

вершенным идиотом в своем скафандре. Если это проверка умственных способностей, то я, надо полагать, уже провалился», — подумал он. Не колеблясь больше, он вернулся в спальню, отщелкнул крепежные зажимы шлема, соединяющие его со скафандром, приподнял шлем на несколько миллиметров, нарушив герметичный контакт прокладок, и осторожно потянул носом. Насколько он мог судить, в его легкие попал совершенно нормальный воздух.

Боумен бросил шлем на кровать, весело, хотя и весьма неуклюже, начал стаскивать с себя скафандр. Покончив с этим, он потянулся, сделал несколько глубоких вдохов и бережно повесил скафандр в стенной шкаф рядом с другой, более обычной одеждой. В соседстве с пиджаками скафандр выглядел не особенно уместным, но свойственная всем астронавтам аккуратность не позволила Боумену бросить его где попало.

Затем он поспешно прошел в кухню и принялся более подробно изучать коробку с «хлопьями».

От синего хлебного пудинга исходил слабый пряный запах, напоминавший аромат миндального печенья. Боумен прикинул его вес на руке, потом отломил кусочек и осторожно понюхал. Теперь он уже был уверен, что отравить его никто здесь не намерен, но ведь возможны и ошибки, да еще в таком сложном деле, как биохимия.

Он отщипнул несколько крошек, потом отправил в рот весь отломанный кусок, разжевал и проглотил: вкус был отличный, хотя какой-то непонятный, описать его было просто невозможно. Закрыв глаза, нетрудно было вообразить, что ешь мясо, или пшеничный хлеб грубого помола, или даже сухие фрукты. Что ж, если эта пища не вызовет каких-нибудь нежелательных последствий, голодная смерть ему здесь не грозит.

Несколько раз набив полный рот этой снедью, Боумен почувствовал себя вполне сытым и стал искать, чем бы напиться. В глубине холодильника было с полдюжины банок пива широко известной марки, и он открыл одну их них. Крышка отскочила как обычно, но, к немалому огорчению Боумена, в банке оказалось не пиво, а все та же синяя масса.

Боумен торопливо открыл еще несколько коробок и банок: под самыми разными этикетками они содержали одно и то же синее вещество. Похоже, что меню у него будет довольно однообразное, да и выпить, кроме воды, тоже нечего... Он открыл кран, налил стакан прозрачной жидкости, осторожно отхлебнул и тут же выплюнул. Вкус оказался отвратительный. Но потом, устыдившись этой невольной реакции, Боумен заставил себя выпить стакан до дна.

С первого глотка стало ясно, что это за жидкость. Вкус был скверный просто потому, что она была совершенно безвкусна: из крана текла чистейшая дистиллированная вода. Неведомые хозяева явно решили не подвергать его здоровье какой бы то ни было опасности.

Основательно подкрепившись, Боумен решил наскоро ополоснуться под душем. Мыла не нашлось — еще одно мелкое неудобство, зато была сушилка с потоком нагретого воздуха. Боумен поблаженствовал немного, подставляя тело под теплые воздушные струи, затем облачился в кальсоны, рубашку и халат, взяв их из стенного шкафа. А потом улегся на кровать, уставился в потолок и попытался немного разобраться в фантастической участи, выпавшей на его долю.

Это плохо удавалось, и скоро его отвлекли другие мысли. Над кроватью был укреплен потолочный телевизионный экран обычного гостиничного типа; Боумен решил сначала, что это тоже бутафория, подобно телефону и книгам.

Однако панелька управления, прикрепленная на шарнирной консоли к спинке кровати, была так похожа на настоящую, что Боумен не мог отказать себе в удовольствии повозиться с ней, и когда он нажал клавишу с надписью «Включение», экран засветился.

С лихорадочной поспешностью Боумен начал включать один за другим различные каналы и почти сразу поймал первую передачу.

Выступал известный африканский телекомментатор, обсуждавший меры, направленные на сохранение последних остатков дикого животного мира на его континенте. Боумен послушал его немного, настолько завороженный

звуками человеческого голоса, что совершенно не задумывался, о чем идет речь. Потом включил другой канал.

За пять минут он успел увидеть и послушать Скрипичный концерт Уолтона в исполнении симфонического оркестра, дискуссию о прискорбном состоянии драматического театра, ковбойский фильм, рекламу нового лекарства от головной боли, историю о вымогательстве денег на каком-то восточном языке, психологическую драму, три политических комментария, футбольный матч, лекцию по физике твердого тела (на русском языке), несколько сигналов настройки и сообщений о программе передач. В общем это была самая обыкновенная подборка из мировых телевизионных программ, и возможность увидеть все это не только подбодрила его, но и подтвердила еще раньше зародившуюся у него догадку.

Все передачи были примерно двухлетней давности, то есть относились к тому времени, когда на Луне обнаружили монолит ЛМА-1. Трудно поверить, что это просто совпадение. Видимо, эти передачи были тогда приняты и ретранслированы сюда; значит, черная глыба вовсе не бездействовала, а люди на Луне и не подозревали об этом.

Он продолжал наудачу переключать канал и внезапно наткнулся на знакомую сцену. На экране появилось изображение той самой гостиной, что была тут, за стеной, а в ней сидел известный актер, занятый в эту минуту яростной перебранкой со своей неверной любовницей. Ошеломленный Боумен мгновенно узнал обстановку комнаты, из которой только что ушел, а когда камера вслед за бранящимися героями покатила в спальню, он невольно кинул взгляд на дверь, словно ожидая, что они сейчас войдут сюда.

Так вот, значит, как подготовили его хозяева эту «приемную площадку» для гостя с Земли! Они почерпнули свои представления о быте землян из телевизионных передач. Ощущение, что он окружен кинодекорациями, его не подвело.

Итак, Боумен узнал, что ему было сейчас нужно. Он выключил телевизор. «Что же делать дальше?» — спросил он себя, заложив руки за голову и уставясь на пустой экран.

Он безмерно устал, изнемог и телом и душой, но ему казалось просто немыслимым уснуть в этой неправдоподобной обстановке, в такой страшной дали от Земли, какой никогда еще не ведал ни один человек. Однако удобная постель и бессознательная мудрость тела вступили в тайный сговор против его воли.

Он нашарил рукой выключатель — и комната погрузилась в темноту. Через несколько секунд им завладел глубокий сон без грез и сновидений.

Так Дэвид Боумен заснул в последний раз в своей жизни...

45. Воспроизведение

В обстановке жилища больше не было нужды, и она растворилась в мысли своего создателя. Остались только постель и стены — они защищали хрупкое существо от могучих сил, с которыми оно еще не могло справиться.

Дэвид Боумен беспокойно зашевелился во сне. Он не проснулся, и сновидения не посещали его, но какая-то часть сознания пробудилась. Что-то проникло в его разум, как в лес прокрадывается туман. Боумен лишь смутно ощущал это вторжение; совершись оно сразу в полную мощь, оно уничтожило бы его столь же неминуемо, как пламя, бушующее за стенами. Нечто бесстрастно изучало его, а он не ощущал ни надежды, ни страха; у него изъята была самая способность что-либо чувствовать.

Казалось, он парит в беспредельности, а вокруг во все стороны протянулись, образуя четкую сеть, нескончаемые темные линии, а может, нити, по которым движутся крохотные зернышки света — одни медлительны, другие проскальзывают молниеносно. Когда-то ему случилось видеть под микроскопом срез человеческого мозга, и там, в сложнейшем сплетении нервных волокон, он заметил тот же лабиринт. Но тот был мертвый, неподвижный, а этот — сама жизнь. Боумен понял — или вообразил, будто понимает, — что ему открылась работа некоего исполинского разума, созерцающего Вселенную, крохотная частица которой — он, Дэвид Боумен.

Зрелище это — или видение — явилось ему лишь на

краткий миг. Тотчас прозрачные плоскости, решетки, сплетения и пересечения скользящих зерен света исчезли, и Дэвид Боумен вступил в мир сознания, неведомого прежде ни единому человеку.

Сперва показалось — Время повернуло вспять. Он готов был принять и это чудо, потом понял, истина еще таинственней и поразительней.

Отворяются родники памяти; одно за другим воспоминания возвращают его в прошлое, и дано все прожить заново. Вот он, этот гостиничный номер... вот космическая капсула... пламенные всплески на красном солнце... слепящая сердцевина Галактики... врата, через которые попал он в эту непостижимую Вселенную. И все быстрей, быстрей уносясь в обратный путь, он не только видел, но заново испытал все ощущения и тревоги, которые изведал тогда впервые. Жизнь его раскручивалась, точно лента магнитной записи, пущенная задом наперед со все возрастающей скоростью.

И вот он опять на борту «Дискавери», и небо заполнили кольца Сатурна. Вновь он повторил свой последний разговор с ЭАЛом; увидел, как выходит из корабля Фрэнк Пул на последнее свое задание; услыхал голос Земли, заверяющей, что все идет хорошо.

И даже заново проживая миг за мигом, он знал: все и правда хорошо. Он проносился коридорами времени, стремительно возвращался к детству, освобождаемый от прежних знаний и жизненного опыта. Но ни единая крупица не пропадала; все, чем был он прежде, в любой миг своей жизни, передавалось куда-то, где оно будет сохраннее.

Один Дэвид Боумен переставал существовать, а меж тем другой Боумен обретал бессмертие.

Быстрей, быстрей возвращается он в забытые годы, в мир более простой, бесхитростный. Ему ласково улыбаются лица, когда-то дорогие, но, думалось, навсегда позабытые. И он отвечает улыбкой, с нежностью, без боли.

И наконец стремительное обратное движение замедляется; родники памяти почти иссякли. Время течет все медленней, близится миг неподвижности — так в высшей точке размаха на одно нескончаемое мгновение застывает маятник, прежде чем качнуться сызнова.

Безмерное мгновение миновало; маятник двинулся вновь. В пустынности, за двадцать тысяч световых лет от Земли, плывя меж пламен двойной звезды, открыло глаза и заплакало дитя.

46. Преображение

Потом младенец умолк, увидав, что он уже не одинок.

В пустоте образовался призрачный мерцающий прямоугольник. Постепенно уплотнился в хрустальную пластину, утратил прозрачность, налился бледным млечным сиянием. На поверхности и в глубине возникли дразнящие неясные образы. Соединились в полосы света и тени, потом — в пересекающиеся круги с подобием спиц; круги начали медленно вращаться, подчиняясь мерному пульсирующему ритму, который теперь, казалось, заполнил пространство.

Такое зрелище могло привлечь и удержать внимание любого младенца — и любой человекообразной обезьяны. Но, совсем как на три миллиона лет раньше, то было лишь внешнее проявление тончайших сил, которые не уловить сознанию. Просто игрушка, отвлекающая чувства, а подлинное воздействие проникало гораздо глубже, в сокровеннейшие пласты разума.

На сей раз воздействие это было быстрым и уверенным, ткался новый узор. За многие эры, минувшие с предыдущей встречи, ткач многое узнал; и материал, на котором испытывал он ныне свое искусство, стал несравнимо совершеннее. Но достоин ли этот материал стать частью все еще разрастающейся ткани, покажет лишь грядущее.

Уже пристальней, чем способен человек, младенец всматривался в глубины кристального монолита, разглядывал — но еще не постигал — скрытые за ним тайны. Знал, что очутился дома, там, где зародилось не только его племя, но и множество других; но знал также — не может он здесь остаться. Впереди иное рождение, еще поразительней, чем те, что были в прошлом.

И вот настал миг; сплетенье сияющих линий уже не

отражает тайн, скрытых в сердцевине кристалла. Они угасли, и защитные стены тоже растворились в небытии, из которого раньше возникли, и небеса заполнило красное солнце.

Вспыхнув, исчезли металл и пластик забытой космической капсулы и одежда, еще недавно облекавшая того, кто прежде называл себя Дэвидом Боуменом. Последние звенья, связующие с Землею, вновь распались на атомы.

Но младенец этого не заметил, он осваивался в новом, объявшем его надежном тепле. Ненадолго, пока он не овладел вновь обретенным могуществом, ему еще нужна хотя бы такая материальная оболочка. Его неподвластным разрушению телом стало воплощение собственного осознавшего себя разума; но при всей своей мощи он понимал, что он еще дитя. И останется младенцем, пока не изберет себе какую-то новую форму или не вовсе перестанет нуждаться в воплощении материальном.

И настала пора пуститься в дорогу — хотя в известном смысле он никогда уже не расстанется с этим местом, где родился заново, ибо отныне он — часть сущности, чьим непостижимым устремлениям служит двойная звезда. Ему ясно уже, если не зачем, то куда он должен направиться, и ясно, что нет нужды повторять тот долгий окольный путь, каким он сюда явился. Чутье, обретенное за три миллиона лет, подсказало, что в глубинах пространства есть еще много дорог. Старинный механизм Звездных Врат честно ему послужил, но больше не понадобится.

Уже неуязвимый, он был равнодушен к бушующему внизу адскому пламени, а перед ним в пустоте все еще парил мерцающий прямоугольник, который прежде казался хрустальной пластиной. В ней заключены были пока недоступные воображению тайны времени и пространства, но хотя бы часть их он уже постиг и овладел ими. Как ясен, как необходим математический смысл соотношения сторон, последовательность чисел 1:4:9! И как наивно было воображать, будто ряд на том и кончается, всего лишь на трех измерениях!

Он сосредоточил сознание на этих простейших геометрических понятиях — и едва коснулся их мыслью, пу-

стую раму заполнила тьма межзвездной ночи. Отсвет красного солнца меркнул, вернее, словно бы отступал сразу во всех направлениях; и вот взору открылся сверкающий водоворот Галактики.

Казалось, перед глазами в хрустальной пластине — прекрасная, необычайно точная и подробная модель. Но то была реальность, схваченная во всей своей цельности чувствами, которые стали гораздо восприимчивей зрения. Пожелай он, можно бы сосредоточить внимание на любой из сотен миллионов звезд, и сверх того ему по силам еще очень многое.

Вот он плывет в исполинском потоке солнц, по одну сторону густо пламенеющая россыпь — сердце Галактики, по другую — одинокие, разбросанные по ее обочине звезды-часовые. Здесь бы и остаться, на краю этой небесной расселины, змеящейся беззвездной полосы мрака. Он знал, этот бесформенный хаос, различимый лишь при отсвете, отделяющем его от простершихся в бесконечную даль огненных туманов, — это первооснова творения, сырье для грядущих превращений, оно еще ждет своего часа. Здесь Время еще и не начиналось; лишь долго спустя после того, как сгинут пылающие ныне солнца, возникнут в этой пустынной бездне свет и жизнь и преобразят ее.

Однажды, сам того не зная, он уже пересек эту бездну; теперь надо пересечь ее вновь — на сей раз по собственной воле. Мысль эта наполнила его внезапным леденящим ужасом, и на миг он растерялся, новое видение Вселенной заколебалось, грозя рассыпаться в прах.

Не страх перед пучинами Вселенной оледенил его душу, но тревога более глубокая, рожденная грядущим, что еще не возникло. Ибо те малости, какими измеряет время человек, остались позади; теперь, когда взору его открылась чернота беззвездной ночи, он впервые начал постигать, что такое разверзающаяся перед ним Вечность.

А потом он вспомнил, что отныне уже не будет одинок, и страх понемногу отхлынул. С кристальной ясностью вновь возникло понимание Вселенной, и он знал — вернулось оно не только благодаря его усилиям. Когда

при первых неуверенных шагах ему понадобится помощь, она не заставит себя ждать.

Мужество вернулось к нему, и, как прыгающий с вышки ныряльщик, которому лишь на мгновенье изменила храбрость, он ринулся сквозь световые годы. Галактика вырвалась из рамок, в которые он мысленно ее заключил; чудилось, с невообразимой скоростью мчатся мимо звезды и туманности. Призрачные солнца взрывались и исчезали позади, когда, словно тень, проносился он сквозь самую их сердцевину; мрачные скопления холодной космической пыли, что прежде страшили его, казались всего лишь взмахами воронова крыла, мелькающими пред ликом солнца.

Звезды редели; слепящий блеск Млечного Пути, слабея, превращался в бледный отсвет сияния, когда-то знакомого — и когда он будет вполне готов, он снова его узнает.

Он вернулся туда, куда стремился, — в пространство, которое люди называют истинным.

47. Дитя звезд

Перед ним блестящей игрушкой, перед которой не устоит ни одно Дитя Звезд, плывет Земля со всеми ее народами.

Он возвратился вовремя. Там, на густо населенной планете, вот-вот вспыхнут на экранах радаров тревожные сигналы, зашарят по небу громадные телескопы, выслеживая цель, — и истории, какую знали люди, настанет конец.

Он уловил — в тысяче миль под ним пробуждается от сна смертоносный груз, лениво шевелится на своей орбите. Жалкие силы, дремлющие там, не страшны летящему, но он предпочитает чистое небо. Он направил туда свою волю, и скользящие вокруг земного шара мегатонны расцвели беззвучным взрывом, на миг озарили обманным рассветом половину спящей планеты.

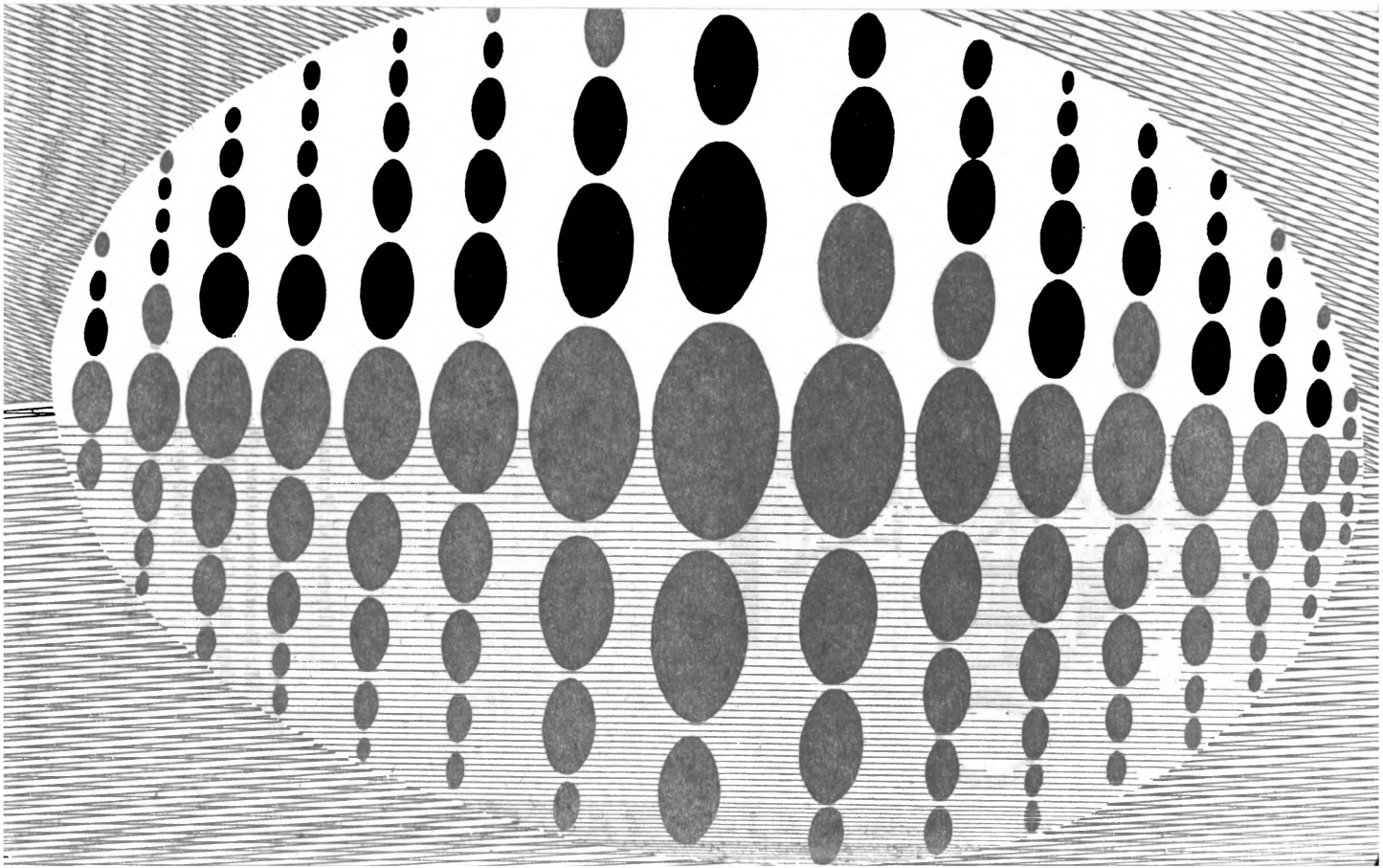
А он выжидает, собирается с мыслями, взвешивает свои еще неиспытанные силы. Этот мир подвластен ему, однако пока не совсем ясно, как поступать дальше.

Но он что-нибудь придумает.

2010: ОДИССЕЯ ДВА

Перевод М. Романенко и М. Шевелева

Печатается по изд.: Кларк А. 2010: Одиссея-2: Пер. с англ.- М.: *Техника-молодежи*, 1989, № 11-12; 1990, № 1-5.
Пер. изд.: Clarke A. 2010: Odyssey Two.- New York, A Del Rey Book, Ballantine Books, 1982.
© *1982 by Serendib BV*
© *перевод на русский язык, Романенко М. Г., Шевелев М. В., 1989*



Двум великим русским:
генералу А.А. Леонову — космонавту, Герою Советского Союза, художнику, и академику А.Д. Сахарову — ученому, лауреату Нобелевской премии, гуманисту

I. «ЛЕОНОВ»

1. Аресибо. Разговор в фокусе

Даже в век торжества метрической системы этот телескоп называли тысячефутовым. Тень наполовину затопила его гигантскую чашу, но лучи заходящего солнца еще играли на треугольном антенном блоке, вознесенном высоко над нею. Там, в сплетении проводов, креплений и волноводов, затерялись две человеческие фигурки.

— Самое время, — начал доктор Дмитрий Мойсевич, обращаясь к своему давнему другу Хейвиду Флойду, — потолковать о многом: о башмаках, и о космических кораблях, и о сургучных печатях... А главное — о *монолитах* и неисправных компьютерах.

— Так вот для чего мы удрали с доклада Карла! Правда, я столько раз его слышал, что мог бы и сам выступить с ним... Но ты прав — вид отсюда действительно впечатляет. Представь, я поднялся сюда впервые.

— Вуди, тебе не стыдно? Я тут четвертый раз. Вообрази — мы слушаем Вселенную... Но нас не услышит никто. И мы можем спокойно поговорить о твоих трудностях.

— Каких же это?

— Ну, во-первых, тебе пришлось уйти из НСА.

— Я ушел сам. В Гавайском университете больше платят.

— Ясно... «по собственному желанию». Не хитри, Вуди, — ведь я же тебя знаю. Стоит новому президенту призвать тебя назад, и ты что, откажешься?

— Сдаюсь, старый казак. Что тебя интересует?

— Скажем, монолит из кратера Тихо. Наконец-то вы показали его научному миру. Что ж, лучше поздно, чем

никогда. Правда, толку от всех исследований...

При упоминании о черной глыбе, в тайну которой бессилен был пока проникнуть человеческий разум, оба замолчали. После паузы Мойсевич продолжил:

— Но сейчас важнее Юпитер. Ведь именно туда был направлен сигнал из Тихо. И там погибли ваши ребята. — Он помолчал. — Я встречался лишь с Фрэнком Пулом. В девяносто восьмом, на конгрессе МАФ. Он мне понравился.

— Они бы все понравились тебе. Но мы до сих пор не знаем, что с ними произошло.

— Да, до сих пор. Но теперь это уже не только ваше внутреннее дело, Вуди. Ответа с нетерпением ждет все человечество, и с полным на то правом. Вы не сможете и дальше использовать имеющуюся у вас информацию лишь в собственных целях.

— Дмитрий, ты прекрасно знаешь, что на нашем месте и вы бы иначе не поступили. При активном твоем участии.

— Согласен. Но забудем о былых неурядицах. Они — в прошлом. Как и прежнее ваше правительство, которое развело всю эту секретность. У нового президента, надеюсь, более разумные советники.

— Возможно. У тебя есть официальные предложения?

— Нет, разговор сугубо частный. «Предварительные переговоры», как выражаются чертовы политики. И если кто-либо поинтересуется, происходили ли они, я отвечу «нет».

— Разумно. И что дальше?

— Ситуация, в общем, проста. «Дискавери-2», как тебе известно, будет готов не раньше чем через три года. Значит, вы упустите следующее стартовое окно.

— Допустим. Однако не забывай — я всего лишь ректор. НСА для меня — на другой стороне Земли.

—И в Вашингтон, надо полагать, ты ездишь просто так, навестить старых друзей. Да ладно. Наш корабль «Алексей Леонов»...

— Я думал, вы назвали его «Герман Титов».

— Ошибаетесь, ректор. Вернее, ошибается ЦРУ. Так

вот, между нами: «Леонов» достигнет Юпитера как минумум на год раньше «Дискавери».

— Между нами, этого-то мы и боялись. Продолжай.

— Мое начальство, судя по всему, ждать вас не собирается. По части слепоты и глупости оно ничем не лучше твоего. А раз так, на нашу экспидицию могут обрушиться те же беды, что и на вашу.

— А что, по-вашему, там произошло? Только не говори, будто у вас нет перехвата боуменовских сообщений.

— Конечно, есть. Все, вплоть до последних слов: «Боже, он полон звезд!». Наши компьютеры проанализировали даже интонацию в этой фразе. Боумен не галлюцинировал. Он пытался описать то, что действительно видел.

— А что показал доплеровский сдвиг?

— Чудовищно! Когда сигнал пропал, Боумен удалялся со скоростью тридцать тысяч километров в секунду. Он набрал ее за две минуты. Многие тысячи *g*!

— Выходит, он мгновенно погиб.

— Не хитри, Вуди. Передатчик не выдержал бы и сотой доли такой перегрузки. А он действовал. Значит, и Боумен мог уцелеть.

— Что ж, все сходится. Стало быть, вы в таком же неведении, как и мы. Или у вас есть еще что-нибудь?

— Только куча безумных гипотез. Но любая из них недостаточно безумна, чтобы быть истинной.

Яркие красные огни зажглись на трех опорах антенны, превратив их в подобие маяков. Флойд с надеждой следил, как багровый край Солнца скрывается за горами. Но знаменитый «зеленый луч» так и не появился.

— Дмитрий, — сказал он, — давай начистоту. Куда ты клонишь?

— На «Дискавери» осталась бесценная информация; возможно, бортовые системы продолжают собирать ее. Нам нужна эта информация.

— Понятно. Но что помешает вам переписать все это, когда «Леонов» достигнет цели?

— «Дискавери» — это территория США. Высадка на корабль без вашего разрешения будет пиратством.

— Если не связана с аварийной ситуацией, а ее нетрудно подстроить. И вообще, как мы проверим, чем занимаются ваши ребята на расстоянии в миллиард километров?

— Спасибо за идею, я подкину ее наверх. Но даже если мы высадимся на «Дискавери», понадобятся недели, чтобы во всем разобраться. Короче, я предлагаю сотрудничество, хотя убедить начальство — и наше и ваше — будет непросто.

— Ты хочешь включить в экипаж «Леонова» американского астронавта?

— Да. Желательно специалиста по бортовым системам «Дискавери». Например, кого-то из тех, кто тренируется сейчас в Хьюстоне.

— Откуда ты о них знаешь?

— Бог с тобой, Вуди, это было на видеокассете «Авиэйшн вик». С месяц назад.

— Вот что значит отставка. Даже не в курсе, что еще секретно, а что — уже нет.

— Следует почаще бывать в Вашингтоне. Поддерживаешь мое предложение?

— Вполне. Но...

— Но что?

— Нам обоим придется иметь дело с политическими динозаврами, которые думают отнюдь не головой. Кое-кто из моих наверняка скажет: русские торопятся в петлю — это их дело. Мы доберемся до Юпитера на пару лет позже. Куда нам спешить?

Какое-то время оба молчали, только слышалось поскрипывание длинных растяжек, удерживающих антенный блок на стометровой высоте. Потом Мойсевич тихо сказал:

— Когда последний раз вычисляли орбиту «Дискавери»?

— Полагаю, недавно. А что? Она совершенно стабильна.

— Да, но вспомни один из эпизодов в славной истории НАСА. Рассчитывали, что ваша первая станция — «Скайлэб» — продержится на орбите по крайней мере десятилетие. Однако оценка сопротивления в ионосфере

оказалась сильно заниженной, и станция сошла с орбиты намного раньше срока. Ты должен помнить этот скандал, хотя и был тогда мальчишкой.

— В то время я как раз окончил колледж, и ты это отлично знаешь. Но «Дискавери» не приближается к Юпитеру. Даже перигей — то есть перииовий — орбиты лежит далеко за пределами атмосферы.

— Я и так наболтал достаточно, чтобы снова сесть под домашний арест. И на этот раз тебе вряд ли позволят меня навестить. Но попроси ребят, которые за этим следят, быть повнимательней. Напомни им, что у Юпитера самая мощная магнитосфера в Солнечной системе.

— Все понял, спасибо. Будем спускаться? Становится прохладно.

— Не беспокойся, старина. Как только эта информация дойдет до Вашингтона и Москвы, нам всем станет жарко.

2. Дом дельфинов

Дельфины приплывали ежедневно перед закатом. Они изменили своему обычаю лишь однажды — в день знаменитого цунами 2005 года, которое, потеряв силу, не достигло, к счастью, Хило. Но Флойд твердо решил: если они опять не появятся, он тут же погрузит семью в машину и поспешит в горы, к Мауна Кеа.

Они были прелестны, но их игривость порой раздражала. Морской геолог, создатель и первый хозяин ректорской резиденции отнюдь не боялся промокнуть, ибо дома носил лишь плавки, а то и меньше. Но как-то произошел незабываемый случай: совет попечителей в полном составе ожидал здесь важного гостя с материка. Попечители — при смокингах и с коктейлями в руках — удобно расположились вокруг бассейна. Естественно, дельфины решили, что им тоже что-нибудь перепадет... И высокий гость был весьма удивлен, найдя хозяев облаченными в халаты не по росту, а закуски — пересоленными сверх всякой меры.

Флойд часто спрашивал себя: как отнеслась бы Марион к этому чудесному дому на берегу океана? Она ни-

когда не любила моря, и море ей отомстило. До сих пор у него перед глазами строки на дисплее:

Доктору Флойду. Лично, срочно.
С глубоким сожалением извещаем Вас, что самолет, следовавший рейсом 452 — Лондон—Вашингтон, упал в районе Ньюфаундленда. Спасательные работы продолжаются, однако надежды, что кто-либо из пассажиров остался в живых, практически нет.

Если бы не случайность, они бы летели вместе. Первое время он не мог простить себе, что задержался в Париже: споры из-за груза, предназначенного для «Солярис», спасли ему жизнь.

Теперь у него новая работа, новый дом — и новая семья. Неудача с «Дискавери» погубила его политическую карьеру, но такие, как он, не остаются без работы подолгу. Его всегда привлекала неторопливая университетская жизнь; красивейшие в мире ландшафты сделали соблазн неодолимым. Через месяц после своего назначения он познакомился с Каролиной...

С ней он обрел спокойствие, которое не менее важно, чем счастье, а длится дольше. Она стала хорошей матерью двум его дочерям и подарила ему Кристофера. Несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте, она хорошо его понимала и оберегала в минуты душевного спада. Она излечила его: теперь он вспоминал Марион лишь с печалью, которая останется на всю жизнь.

Каролина бросала рыбу крупному дельфину по кличке Скарбак, когда Флойд ощутил мягкое покалывание на запястье.

— Ректор слушает.

— Хейвуд? Это Виктор. Как дела?

За секунду Флойд пережил самые разноречивые чувства. Сначала раздражение — звонил его преемник и, скорее всего, главный виновник отставки. Затем любопытство — о чем пойдет речь, нежелание разговаривать, стыд за собственное ребячество и, наконец, волнение. Виктор Миллсон мог звонить лишь по одной причине.

Флойд отозвался как можно спокойнее:

— Не жалуюсь. А что?

— Линия защищена от подслушивания?

— Нет. Слава богу, это для меня теперь без надобности.

— Тогда попробуем так. Вы помните последний проект, которым занимались?

— Еще бы! Полагаю, работы идут по графику.

— В том-то и беда. Мы можем выиграть максимум месяц. Значит, мы безнадежно опаздываем.

— Не понимаю, — невинно произнес Флойд. — Конечно, времени терять не хотелось бы, но ведь и четких сроков нет.

— Есть, и даже два.

— Это для меня новость.

Даже если Виктор и ощутил иронию, он предпочел ее не заметить.

— Да, два срока. Один из них установлен обстоятельствами, другой — людьми. Наши старые соперники опережают нас на год.

— Плохо.

— Это не самое худшее. Даже не будь их, мы все равно опоздаем. Когда мы прибудем к... на место действия, там ничего не останется.

— Забавно. Неужели конгресс отменил закон тяготения?

— Я не шучу. Ситуация... нестабильна. Я не вправе входить в подробности. Вы будуте дома?

— Да, — ответил Флойд, с удовлетворением подсчитав, что в Вашингтоне уже далеко за полночь.

— Хорошо. Через час вам доставят пакет. Как только ознакомитесь, свяжитесь со мной.

— Так поздно?

— Что делать, время дорого.

Миллсон сдержал слово. Час спустя полковник ВВС — ни больше ни меньше — вручил Флойду запечатанный конверт.

— Боюсь, мне придется его забрать, — извинился сановный курьер.

Пока он терпеливо болтал с Каролиной, Флойд, устроившись поудобнее, изучал документы. Их было два. Первый — очень короткий, с грифом «Совершенно се-

кретно» (Впрочем, «совершенно» было зачеркнуто, и это удостоверяли три подписи.) — Отрывок из длинного доклада, подвергнутый строгой цензуре и полный раздражающих пропусков. Однако суть его сводилась к одной-единственной фразе: русские доберутся до «Дискавери» намного раньше его хозяев. На корабле «Космонавт Алексей Леонов» — Дмитрий, как всегда, сказал правду.

Второй документ, с грифом «Для служебного пользования», оказался гораздо длиннее. Это была ожидавшая окончательного одобрения статья для «Сайенс» об аномальном движении «Дискавери» — десяток страниц, испещренных математическими формулами и астрономическими таблицами. Флойд изучал статью как песню, отделяя слова от мелодии и пытаясь обнаружить малейшую нотку — хотя бы смущения. Статья восхитила его. Из текста нельзя было понять, что те, кто отвечал за слежение, захвачены врасплох и что лихорадочное расследование все еще продолжается. «Головы полетят, — подумал Флойд, — и Виктор займется этим с удовольствием. Если его голова не полетит первой... Правда, он протестовал, когда конгресс урезал ассигнования на станции слежения. Возможно, это его спасет».

— Спасибо, полковник, — сказал Флойд, возвращая бумаги. — Секретная информация, как в старое доброе время. Но не могу утверждать, чтобы я скучал без нее.

Полковник спрятал пакет и щелкнул замками.

— Доктор Миллсон просил позвонить как можно скорее.

— Но моя линия не защищена. А я жду важных гостей, да и не вижу смысла ехать к вам в Хило, чтобы сообщить, что ознакомился с двумя документами. Передайте, что я их внимательно изучил и с интересом жду новых сообщений.

Одно мгновение казалось, что полковник собирается возразить. Но, видно, он передумал, сухо попрощался и скрылся в ночи.

— В чем дело? — спросила Каролина. — Разве мы кого-нибудь ждем?

— Просто не люблю, когда на меня давят. Особенно если это Виктор Миллсон.

— Но он позвонит тебе после доклада полковника.

— Мы отключим видеосвязь и будем изображать вечеринку. Честно говоря, мне действительно пока нечего сказать.

— О чем? Я же ничего не знаю.

— Извини, дорогая. Странно ведет себя «Дискавери». Считалось, что его орбита стабильна. Однако выяснилось — он вот-вот упадет.

— На Юпитер?

— Ни в коем случае. Боумен вывел корабль во внутреннюю точку Лагранжа, между Юпитером и Ио. «Дискавери» должен был оставаться там, но сейчас все быстрее смещается к Ио. Ему осталось три года, не больше.

— Разве в астрономии такое возможно? Ведь это точная наука. Нам, бедным биологам, всегда так говорили.

— Это точная наука, если все принято во внимание. Но Ио — не Луна. Вулканические извержения, мощные электрические разряды... И вращающееся магнитное поле Юпитера. На «Дискавери» действуют не только гравитационные силы — это следовало понять гораздо раньше.

— К счастью, это уже не твои трудности.

Флойд не ответил. «Твои трудности», — так сказал и Дмитрий Мойсевич. А тот знал Флойда гораздо дольше, чем Каролина.

Пусть это и не его трудности, но он осознавал свою ответственность. Ведь это он одобрил экспедицию к Юпитеру и руководил ею. Еще тогда возникали сомнения — в нем боролись ученый и чиновник. Лишь он мог возразить против близорукой политики прежнего правительства. Только он один.

Вероятно, ему следовало закрыть эту главу своей жизни и сосредоточиться на новой карьере. Но в глубине души он понимал, что это невозможно. Даже если бы Дмитрий не напомнил ему о старых грехах, он вспомнил бы о них сам.

Четверо погибли и один пропал без вести среди лун Юпитера. И Хейвуд Флойд не знал, как смыть с рук их кровь.

3. САЛ-9000

Доктор Сависубраманиан Чандрасекарампилай, профессор кибернетики Иллинойсского университета, тоже испытывал чувство вины. Но его коллег и студентов, которые шутили, что миниатюрный ученый — не совсем человек, не удивило бы известие, что доктор Чандра никогда не задумывался о судьбе погибших астронавтов. Он скорбел только о своем детище — ЭАЛ-9000.

Годы упорной работы над данными с «Дискавери» не принесли результата. Он все еще не знал, что произошло в действительности, и мог лишь предполагать — факты хранились в памяти ЭАЛа, находившегося между Юпитером и Ио.

Цепь событий была восстановлена: когда Боумену удалось наладить связь с Землей, он добавил некоторые детали. Но события — это следствие, а вовсе не причина.

Все началось с сообщения ЭАЛа о неполадках в блоке, который направлял главную антенну на Землю. Отклонись радиолуч длиной в полмиллиарда километров от цели, и корабль становится слеп, глух и нем.

Боумен сам обследовал поврежденный блок, но, к общему удивлению, тот оказался исправен. Автоматические контрольные системы не смогли отыскать повреждения. Не смог это сделать и двойник ЭАЛа, САЛ-9000, оставшийся на Земле.

Но ЭАЛ настаивал на правильности своего диагноза, подчеркивая возможность «человеческой ошибки». Он предложил вернуть блок в антенну, чтобы, когда тот окончательно выйдет из строя, найти и устранить неисправность. Никто не возражал, поскольку заменить блок в случае необходимости — минутное дело.

Однако астронавтов это не радовало: они чувствовали — что-то происходит. Месяцами они считали ЭАЛа третьим членом своего крошечного мирка и знали все его настроения.

Ощущая себя предателями — как сообщил потом на Землю Боумен, — люди обсуждали, что предпринять, если их электронный коллега действительно вышел из

строя. В худшем случае его пришлось бы отключить, что для компьютера равносильно смерти.

Несмотря на сомнения, они действовали по плану. Пул покинул «Дискавери» на одном из небольших аппаратов, предназначенных для работ в космосе. Но манипуляторы не могли выполнить тонкую операцию по замене блока, и Пул занялся этим вручную.

Камеры не показали последующих событий, и это само по себе было подозрительно. Боумен услышал крик Пула, затем наступила тишина. Спустя мгновение он увидел, как тело товарища уплывает в космос. Аппарат, выйдя из-под контроля, протаранил Пула.

Как признал позднее Боумен, он допустил несколько ошибок — в том числе одну непростительную. Надеясь спасти Пула, он вышел в космос на другом аппарате, оставив ЭАЛа хозяином корабля.

Однако Пул был мертв. Когда Боумен с телом товарища вернулся к кораблю, ЭАЛ отказался его впустить.

Но ЭАЛ недооценил человеческую изобретательность и решимость. Боумен забыл шлем скафандра в корабле, он вышел в пустоту без него и проник внутрь через аварийный люк, который не контролировался компьютером. Затем он подверг ЭАЛа лоботомии, разбив блоки его электронного мозга.

Восстановив контроль над кораблем, Боумен сделал страшное открытие: в его отсутствие ЭАЛ отключил системы жизнеобеспечения трех остальных астронавтов, находившихся в анабиозе. И Боумен познал одиночество.

Другой бы впал в отчаяние, но Дэвид Боумен доказал, что выбор на него пал не случайно. Ему даже удалось восстановить связь с Центром управления, развернув корабль антенной к Земле.

Следуя по расчетной траектории, «Дискавери» подошел к Юпитеру. Здесь, среди лун планеты-гиганта, Боумен обнаружил черный параллелепипед, идентичный по форме монолиту из кратера Тихо, но в сотни раз превышавший его по размерам. Астронавт отправился исследовать его и пропал, передав на Землю последнюю загадочную фразу: «Боже, он полон звезд!»

Этой тайной занимались другие, а доктор Чандра думал лишь об ЭАЛе. Его бесстрастный мозг не выносил неопределенности. Ему необходимо было узнать причины поведения ЭАЛа. «Аномального поведения», как он говорил, хотя другие называли это «неисправностью».

Обстановка его маленького кабинета состояла из вращающегося кресла, дисплея и грифельной доски, рядом с которой висели портреты прародителей кибернетики: Джона фон Неймана и Алана Тьюринга.

Здесь не было ни книг, ни бумаги, ни даже карандаша. Стоило Чандре нажать кнопку — и все библиотеки мира были к его услугам. Дисплей заменял ему записную книжку. Доска предназначалась для посетителей: последняя полустертая диаграмма была нанесена на нее три недели назад.

Доктор Чандра закурил одну из своих мадрасских сигар — их считали его единственной слабостью.

— Доброе утро, САЛ, — сказал он в микрофон. — Какие у тебя новости?

— Никаких, доктор Чандра. А у вас?

Этот голос мог принадлежать любому индийцу, получившему образование в США или у себя на родине. На протяжении многих лет САЛ копировал интонации доктора Чандры, хотя акцент у компьютера появился не от него.

Ученый набрал код самых секретных блоков памяти. Никто не догадывался, что он мог таким образом разговаривать с компьютером, как ни с одним живым существом. Неважно, что САЛ понимал лишь долю услышанного: ответы машины звучали настолько убедительно, что порой обманывался даже ее создатель. Но к этому он и стремился — такие беседы помогали ему сохранить строгость мышления, а возможно, и душевное здоровье.

— Ты часто говорил, САЛ, что нам необходима дополнительная информация, чтобы разобраться в аномальном поведении ЭАЛа. Только как ее добыть?

— Это очевидно. Кто-то должен вернуться на «Дискавери».

— Вот именно. Кажется, это случится раньше, чем мы ожидали.

— Рад это слышать.

— Я так и думал, — искренне ответил Чандра. Он давно уже перестал общаться с философами, которые утверждали, будто компьютер лишь имитирует эмоции. («Если вы сможете доказать, что не притворяетесь рассерженным, — заявил он как-то одному из таких критиков, — я вам поверю». В тот момент его оппоненту удалось довольно убедительно разыграть возмущение.) — Я хотел бы рассмотреть другую возможность, — продолжал Чандра. — Диагноз — лишь первый шаг. Необходимо довести лечение до конца.

— Вы верите, что ЭАЛа можно восстановить?

— Я надеюсь. Хотя ущерб может оказаться необратимым. — Чандра задумался, несколько раз затянулся и выпустил кольцо дыма, прямо в телеобъектив. Вряд ли человек расценил бы такие действия как дружеский жест. В этом еще одно преимущество компьютера. — Мне нужна твоя помощь, САЛ. Есть определенный риск.

— Что вы имеете в виду?

— Я хочу отключить некоторые из твоих блоков, в частности блоки высших функций. Это тебя беспокоит?

— Для ответа мне не хватает информации.

— Хорошо. Ты работал беспрерывно с тех пор, как вошел в строй, верно? Но ты знаешь, что мы, люди, на это не способны. Нам необходим сон — почти полный перерыв в умственной деятельности, во всяком случае, на уровне сознания.

— Мне это известно, но непонятно.

— Так вот, тебе, вероятно, придется испытать нечто похожее. Возможно, единственное, что случится, — очнувшись, ты заметишь какие-то провалы в памяти.

— Но вы говорили о риске.

— Есть небольшая вероятность того, что, когда я отключу часть блоков, в твоем будущем поведении наступят мелкие изменения. Ты будешь чувствовать себя по-другому. Не хуже, не лучше, но иначе.

— Я не понимаю, что это значит.

— Прости, это может *ничего* не означать. Так что не беспокойся. Открой, пожалуйста, новый файл. Вот его название. — Чандра набрал на клавиатуре слово «Феникс». — Знаешь, что это такое?

С неуловимой задержкой САЛ ответил:

— Энциклопедия дает двадцать пять значений.

— Какое, по-твоему, главное?

— Учитель Ахилла.

— Интересно, я этого не знал. А еще?

— Мифическая птица, возрождающаяся из пепла... Значит, вы надеетесь восстановить ЭАЛа?

— Да, с твоей помощью. Ты готов к этому?

— Еще нет. У меня вопрос.

— Слушаю.

— Мне будут сниться сны?

— Конечно. Они снятся всем разумным существам, хотя никто не знает почему. — Чандра задумался, выпустил еще одно кольцо дыма и сказал то, в чем никогда не признался бы ни одному человеку:

— Надеюсь, тебе приснится ЭАЛ — как и мне.

4. Задание

Английский вариант.

Командиру космического корабля «Алексей Леонов» (регистрационный номер ООН 08/342) Татьяне (Тане) Орловой.

Национальный Совет по астронавтике, Вашингтон, Пенсильвания-авеню;

Комиссия по исследованию космоса, АН СССР, Москва, проспект Королева.

ЦЕЛИ ПОЛЕТА

Ваши задачи в порядке важности таковы:

1. Войти в систему Юпитера и встретиться с американским космическим кораблем «Дискавери» (регистрационный номер ООН 01/283).

2. Высадиться на «Дискавери» и собрать всю информацию, относящуюся к его полету.

3. Восстановить бортовые системы «Дискавери» и,

если хватит топлива, вывести корабль на траекторию возвращения к Земле.

4. Установить местонахождение артефакта, обнаруженного «Дискавери», и провести его обследование дистанционными методами.

5. При благоприятных обстоятельствах произвести непосредственное обследование объекта.

6. Исследовать Юпитер и его спутники, насколько это не противоречит другим задачам.

Непредвиденные обстоятельства могут изменить очередность выполнения заданий и даже сделать некоторые из них невыполнимыми. Следует учитывать, что информация об артефакте, хранящаяся на борту «Дискавери», является главной целью полета.

ЭКИПАЖ

Командир Татьяна Орлова (двигатели)

Доктор Василий Орлов (астрономия и навигация)

Доктор Максим Браиловский (структурные системы)

Доктор Александр Ковалев (связь)

Доктор Николай Терновский (системы управления)

Главный бортврач Катерина Руденко (системы жизнеобеспечения)

Доктор Ирина Якунина (диетолог)

Национальный совет по астронавтике включает в состав экипажа следующих трех специалистов:

.....

Дальше следовал пропуск. Доктор Хейвуд Флойд отложил документ и откинулся в кресле. Даже если бы он хотел, ход событий нельзя было повернуть вспять.

Он взглянул на Каролину, сидевшую с двухлетним Крисом на краю бассейна. Мальчик чувствовал себя в воде увереннее, чем на суше, а нырял так надолго, что гости иногда пугались. И хотя он говорил еще плохо, зато свободно изъяснялся на языке дельфинов.

Один из этих морских приятелей Кристофера только что проскользнул в бассейн из океана и приблизился к бортику, чтобы его погладили. «Тоже бродяга бескрай-

них просторов, — подумал Флойд, — но как они малы по сравнению с бесконечностью, в которую ухожу я!»

Каролина уловила его взгляд и встала. Ей удалось даже слабо улыбнуться.

— Я нашла стихотворение, которое искала. Вот:

Зачем покидаешь родные пределы,
Жену, и детей, и тепло очага,
И снова идешь за седым Вдоводелом?..

— Не понял. Кто такой Вдоводел?

— Не кто, а что. Океан. Это плач жены викинга. Его написал Киплинг, сто лет назад.

Флойд взял жену за руку. Она оставалась безучастной.

— Я не викинг. Я не ищу наживы и приключений.

— Тогда почему... Ладно, не будем начинать сначала. Но нам обоим станет легче, если ты поймешь, что тобою движет.

— Хотелось бы найти для тебя вескую причину, но взамен у меня — лишь много мелких. Только поверь, они складываются в бесспорный для меня ответ.

— Я тебе верю. Но не обманываешь ли ты себя?

— Я не один. Среди нас и президент США.

— Помню. Но допустим, он бы тебя не попросил. Ты бы вызвался сам?

— Честно говоря, нет. Мне бы не пришло в голову. Президент Мордекай позвонил неожиданно. Но потом я все взвесил... Если позволят врачи, то лучшего кандидата для этой работы не найти. Ты-то знаешь, я пока в форме. Но я могу еще отказаться.

Она улыбнулась.

— Ты возненавидел бы меня на всю жизнь. В тебе слишком развито чувство долга. Возможно, поэтому-то я и вышла за тебя.

Долг! Да, это было в нем главным. Долг перед собой, перед семьей, перед университетом, долг перед бывшей работой (хотя он покинул ее без почестей), перед своей страной и всем человечеством. Любопытство, вина, желание завершить плохо начатую работу — все это влекло его к Юпитеру. С другой стороны, страх и

любовь к семье вынуждали его остаться на Земле. Но настоящих сомнений он не испытывал: была еще одна успокоительная мысль. Хотя пройдут два с половиной года, почти весь этот срок он проведет в анабиозе. И когда вернется, разница в возрасте между ними сократится на два года.

Он жертвовал настоящим ради их совместного будущего.

5. «Леонов»

Месяцы спрессовывались в недели, недели превращались в дни, дни сжимались в часы, и внезапно Флойд снова оказался у ворот в космос, на мысе Канаверал, впервые после памятного путешествия в кратер Тихо.

Но тогда он летел один, в обстановке строгой секретности. Сейчас салон был полон. Корреспонденты, инженеры, правительственные чиновники... Доктор Чандра, безразличный к окружающим, склонился над микрокомпьютером.

У Флойда была привычка — сравнивать людей с различными животными. Это помогало запоминать, и подмеченное сходство не было обычно обидным, скорее наоборот. Так, Чандра быстротой и точностью движений напоминал птицу. Но какую?

Сороку? Чересчур непоседлива. Сову? Слишком медлительна. Воробья? Вот, пожалуй, годится...

С Уолтером Курноу, который призван возвратить «Дискавери» к жизни, было сложнее. Крупный, крепкий мужчина никак не походил на птицу. Для многих удается подыскать аналогию среди разномастного собачьего племени, но здесь и это не получалось. Нет, Курноу был... медведем! Не свирепым хищником, а добродушным мишкой. Флойд невольно вспомнил русских коллег, до встречи с которыми оставалось совсем немного: они уже несколько суток готовили корабль к старту.

«Сегодня знаменательный день, — сказал себе Флойд. — Я отправляюсь в полет, который изменит судьбы мира». Но настроиться на возвышенный лад не удалось: в голове вертелись слова, с которыми он ухо-

дил из дома. «Прощай, сынок. Узнаешь ли ты меня, когда я вернусь?» Его мучила обида на Каролину — она не стала будить ребенка и была, конечно, права...

Громкий смех нарушил течение его мыслей. Курноу, оказывается, решил поделиться с товарищами своим настроением. И содержимым бутылки, с которой обращался так, будто в ней находился плутоний. В количестве, близком к критической массе...

— Эй, Хейвуд! — позвал Курноу. — Говорят, капитан Орлова прячет спиртное в сейфе. Это последняя возможность. «Шато Тьери» девяносто пятого года. Стаканы пластмассовые, уж извини.

Смакуя действительно превосходное шампанское, Флойд вдруг представил себе хохот Курноу на всем пути через Солнечную систему и содрогнулся. Пусть он отличный специалист, но... Вот с Чандрой будет легко: тот вряд ли когда-нибудь улыбался, а пить, конечно, не стал. Курноу не настаивал — то ли из вежливости, то ли из других соображений.

Инженер явно метил в любимцы публики. Достав откуда-то синтезатор, он сыграл одну и ту же популярную мелодию в переложении для пианино, тромбона, скрипки, флейты и наконец для органа с вокальным сопровождением. Человек-оркестр. Флойд вдруг обнаружил, что подпевает вместе со всеми. Однако приятно сознавать, что большую часть пути Курноу проведет в анабиозе...

Музыка захлебнулась в грохоте двигателей. «Шаттл» ринулся в небо. Флойда охватило чувство безграничного могущества: Земля и земные заботы оставались внизу. Недаром люди во все времена поселяли богов за пределами гравитации...

Тяга усилилась, он почувствовал на своих плечах тяжесть иных миров. Но принял этот груз с радостью, словно Атлас, еще не уставший от своей ноши. Он ничего не думал, он лишь ощущал... Потом двигатели смолкли, стало легко.

Пассажиры отстегивали пояса безопасности, чтобы насладиться получасовой невесомостью. Но некоторые, очевидно новички, оставались в креслах, тревожно разыскивая глазами сопровождающих.

— Высота триста километров, — послышалось из динамика. — Говорит капитан. Под нами Западное побережье Африки, там сейчас ночь. В Гвинейском заливе шторм, обратите внимание на молнии. До восхода пятнадцать минут, можно любоваться экваториальными спутниками. Разворачиваю корабль, чтобы лучше видеть. Яркая звезда прямо по курсу — «Атлантик-1». Левее — «Интеркосмос-2». Бледный огонек рядом — Юпитер. А вспышки пониже — новая китайская станция. Мы пройдем в ста километрах от нее...

«Что они все-таки затевают?» — лениво подумал Флойд. Он уже изучал крупномасштабные фотографии этого короткого цилиндрического сооружения с его нелепыми вздутиями и не верил паническим слухам, будто китайцы строят летающую крепость с лазерным вооружением. Но поскольку они отказали ООН в инспекции, им оставалось пенять на себя...

«Космонавт Алексей Леонов», как и большинство космических кораблей, отнюдь не блистал красотой. Возможно, когда-нибудь возникнет новая эстетика и грядущие поколения художников откажутся от естественных земных форм, созданных водой и ветром. Космос — это царство прекрасного; но создания человеческих рук пока для него инородны.

Если не считать четырех огромных отделяемых баков, корабль был на удивление мал. Расстояние от теплового экрана до двигателей не превышало 50 м; трудно было поверить, что корабль размером не со всякий пассажирский самолет способен пронести десять мужчин и женщин через всю Солнечную систему.

Но невесомость, стиравшая различия между потолком, полом и стенами, изменяла законы пространства. Внутри «Леонова» было просторно даже сейчас, когда инженеры, производившие последние проверки, корреспонденты и правительственные чиновники увеличили численность экипажа как минимум вдвое.

С трудом отыскав каюту, которую ему предстояло (через год, после пробуждения) делить с Курноу и Чандрой, Флойд обнаружил, что она доверху забита прибо-

рами и провизией. Проплывавший мимо молодой человек, заметив его недоумение, призадержался.

— Добро пожаловать, доктор Флойд. Макс Браиловский, бортинженер.

Русский говорил по-английски медленно, старательно подбирая слова, чувствовалось, что он занимался языком главным образом с компьютером. В памяти Флойда всплыли строки биографии: Браиловский Максим Андреевич, тридцать один год, родился в Ленинграде, специалист по структурным системам, хобби — фехтование, воздушный велосипед, шахматы.

— Рад познакомиться, — сказал Флойд. — Но как мне туда проникнуть?

— Не беспокойтесь, — улыбнулся Макс. — Все это — как по-вашему? — расходуемые материалы. Когда вам понадобится каюта, ее содержимое будет уже съедено. — Он похлопал себя по животу. — Я гарантирую.

— Отлично. Но куда положить вещи? — Флойд показал на три чемоданчика, содержавшие (как он надеялся) все, что может пригодиться в пути длиной в два миллиарда километров. Тащить этот невесомый (но массивный) груз через весь корабль оказалось не так и легко.

Макс подхватил два чемоданчика и нырнул в узкий люк, игнорируя, по-видимому, первый закон Ньютона. Путешествие по коридорам было долгим; не обошлось без нескольких синяков. Наконец они очутились у двери с надписью на двух языках: КАПИТАН. Внутри Флойда подстерегали две неожиданности.

Невозможно судить о росте человека, когда разговариваешь с ним по видео: камера каким-то образом вгоняет всех в один масштаб. Оказывается, капитан Орлова стоя (насколько можно стоять в невесомости) едва доставала Флойду до плеча. Не мог видеофон передать и пронзительности ярких голубых глаз, самой приметной черты этого лица, которое в данный момент никто не рискнул бы назвать красивым.

— Здравствуйте, Таня, — сказал Флойд. — Наконец-то мы встретились. Но где ваши волосы?

— Добро пожаловать, Хейвуд. — Она говорила по-

английски бегло, хотя и с заметным акцентом. — В полетах они мешают, а от местных парикмахеров лучше держаться подальше. Извините за вашу каюту — Макс, вероятно, уже объяснил, что нам внезапно понадобилось десять лишних кубометров. Располагайтесь здесь: нам с Василием каюта пока не нужна.

— Спасибо. А Курноу и Чандра?

— Я уже распорядилась, их примут другие. Не подумайте, что к вам относятся как к грузу.

— Бесполезному в пути.

— Не поняла.

— Так в доброе старое время называли багаж на морских судах.

Таня улыбнулась.

— Польза будет на финише. Мы уже готовимся к празднику вашего воскрешения.

— Звучит слишком религиозно. Назовем его лучше «праздник пробуждения»... Но не буду больше вас отвлекать. Брошу вещи и лечу дальше.

— Макс все покажет. Будь добр, отведи доктора Флойда к Василию — он внизу, у двигателей.

Выплывая из каюты, Флойд мысленно похвалил тех, кто подбирал экипаж. Орлова выглядела грозно даже на фото, а в жизни, несмотря на всю свою привлекательность... Интересно, какова она в гневе — огонь или лед? Лучше не знать этого, подумал он.

Флойд осваивался быстро; когда они нашли Василия Орлова, он уже перемещался почти столь же уверенно, как и его провожатый. Научный руководитель экспедиции узнал его сразу.

— Добро пожаловать, Флойд. Как самочувствие?

— Отлично. Только умираю от голода.

Секунду Орлов выглядел озадаченным, затем его лицо расплылось в улыбке.

— Совсем забыл. Ну, это ненадолго. Через год отъедитесь.

Перед анабиозом полагалась неделя диеты, а последние сутки Флойд не ел ничего. Плюс шампанское, да еще невесомость... Голова слегка кружилась. Чтобы отвлечься, он обвел взглядом пестрое сплетение труб.

— Это и есть знаменитый двигатель Сахарова? Впервые вижу его в натуре.

— Их в мире всего четыре.

— Надеюсь, работает?

— Лучше бы ему работать. Иначе Горьковский горсовет опять переименует площадь Сахарова.

То, что русские могли подшучивать — хотя и осторожно — над тем, как их страна поступала со своими величайшими учеными, было знамением времени. Флойд вспомнил яркую речь Сахарова перед Академией по случаю присвоения ему звания Героя Советского Союза. Изгнание, сказал он, весьма способствует творчеству: немало шедевров было создано в тюремных камерах, вдали от забот большого мира. Величайшее достижение человеческого разума — ньютоновские «Математические начала натуральной философии» — явилось следствием добровольной ссылки ученого из зараженного чумой Лондона.

Сравнение было вполне правомерно: в Горьком появились не только новые идеи о сущности материи и Вселенной, но и концепция управления плазмой, позволившая впоследствии овладеть термоядерной реакцией. Двигатель был лишь побочным продуктом этого интеллектуального прорыва. Трагедия в том, что он появился в результате несправедливости; когда-нибудь, возможно, человечество найдет иные, более гуманные пути.

За короткое время Флойд услышал о двигателе Сахарова гораздо больше, чем хотел знать или мог запомнить. Принцип действия проще простого: пульсирующий термоядерный реактор нагревает, испаряет и разгоняет практически любую рабочую жидкость. Лучшие результаты дает водород, но он занимает много места, и его трудно хранить. Можно использовать метан или аммиак и даже обычную воду. Правда, тяга при этом снижается.

Создатели «Леонова» пошли на компромисс: огромные баки жидкого водорода отделятся после разгона. Для торможения, маневрирования у цели и возвращения будет использован аммиак.

Это была теория, проверенная на компьютерах, стен-

дах и полигонах. Но, как показывает печальный пример «Дискавери», Природа или Судьба — словом, силы, правящие Вселенной, — могут в любой момент вмешаться в планы людей.

— Вот вы где, доктор Флойд! — властный женский голос прервал объяснения Василия. — Почему вы не явились ко мне?

Флойд медленно повернулся вокруг оси, работая рукой как пропеллером. Массивная фигура женщины была облачена в странную одежду: сплошные карманы и сумочки. Она напоминала казака, обвешанного патронными лентами.

— Рад снова встретиться, доктор. Вот, осматриваю корабль. Разве вы не получили из Хьюстона мою карточку?

— Вы считаете, вашим коновалам можно верить? Да они не способны определить даже ящур.

Катерина Руденко улыбнулась, но Флойд и так знал, что она и ее американские коллеги питают друг к другу глубокое уважение. Она заметила, как он смотрит на ее наряд, и гордо поправила пояс на своей обширной талии.

— Обычный чемоданчик в невесомости непрактичен — все разлетается, никогда ничего не найдешь. Я сама разработала эту «мини-клинику»: с ее помощью можно удалить аппендикс... или принять роды.

— Надеюсь, последней проблемы у нас не возникнет.

— Кто знает! Врач должен быть готов ко всему.

Какие они разные, подумал Флойд, — капитан Орлова и доктор Руденко! Таня своей грациозностью и энергией напоминает балерину; с Катерины же можно писать Мать-Россию: коренастая фигура, широкое крестьянское лицо, для завершения картины не хватает лишь толстой шали... Но не стоит обманываться, сказал себе Флойд. Это та самая женщина, которая спасла по меньшей мере десять жизней после неудачной стыковки «Комарова» и которая в свободное время редактирует «Анналы космической медицины». Тебе повезло, что она оказалась здесь.

— Доктор Флойд, вы успеете ознакомиться с кораб-

лем. Никто из моих коллег, конечно, не признается в этом, но они очень заняты, а вы им мешаете. Я хотела бы поскорее усыпить вас, всех троих. Не возражаете?

— Пожалуйста. Я готов.

— Пойдемте.

Медицинский отсек вмещал операционный стол, два велоэргометра, рентгеновский аппарат, несколько шкафов с оборудованием. Быстро, но внимательно обследуя Флойда, доктор Руденко внезапно спросила:

— Кстати, что это за золотой цилиндр, который доктор Чандра носит на шее? Прибор связи? Он отказался его снять. Правда, он так застенчив, что сначала не хотел снимать и все остальное.

Флойд не смог сдержать улыбку; легко было представить себе реакцию маленького индийца на эту весьма подавляющую даму.

— Это эмблема фаллоса.

— Простите?

— Вы же врач, вы могли понять. Символ мужской силы.

— Как же я сразу не сообразила! Он исповедует индуизм? Мы уже не успеем организовать для него вегетарианскую диету.

— Не беспокойтесь. Чандра не притрагивается к алкоголю, но во всем остальном он не фанатик, если речь не идет о компьютерах. Он говорил, это семейный талисман. Ему он достался от деда, который был проповедником в Бенаресе.

К удивлению Флойда, Катерина не выразила никакого протеста. Наоборот, лицо ее стало задумчивым.

— Я его понимаю. Бабушка подарила мне чудесную икону. Шестнадцатого века, очень красивую. Я бы ее взяла, но она весит пять килограммов.

Доктор вновь стала деловитой. Взяв газовый шприц, она сделала Флойду безболезненную инъекцию.

— Теперь полностью расслабьтесь, — попросила она. — Здесь рядом есть обзорная площадка, Д-6. Почему бы вам не прогуляться туда?

Мысль была неплохой, и Флойд послушно выплыл из медотсека. Чандра и Курноу уже были в Д-6. Они неуз-

навающе взглянули на него и вновь отвернулись. Флойд отметил — и порадовался своей наблюдательности, — что Чандра вряд ли наслаждается видом в иллюминаторе. Глаза кибернетика были плотно закрыты.

Совершенно незнакомая планета висела в небе, сверкая восхитительно-синими и ослепительно белыми пятнами. Странно, подумал Флойд, что же случилось с Землей? Ну конечно — она перевернулась! Какое несчастье!.. Ему стало жаль бедных людей, падающих с нее в космос...

Он не заметил, как двое унесли безвольное тело Чандры. Когда они пришли за Курноу, веки Флойда уже слиплись, но он еще дышал. Когда они снова вернулись, дыхание остановилось.

II. «ЦЯНЬ»

6. Пробуждение

«А говорили — снов не будет», — удивленно подумал Флойд. Вокруг разливалось восхитительное розовое сияние, воскресившее в памяти Рождество, камин, потрескивание поленьев... Но тепла не было; наоборот, Флойд ощущал явственную, но приятную прохладу.

До него доносились голоса, слишком тихие, чтобы разобрать слова. Они становились громче, но Флойд по-прежнему ничего не понимал.

— Вот оно что! — от удивления он заговорил вслух. — Сон по-русски мне присниться не может!

— Действительно, Хейвуд, — отозвался женский голос. — Вам это не снится. Пора вставать.

Мягкий свет пропал. Флойд открыл глаза. Ему показалось, что от его лица отвели фонарик. Он лежал на кушетке, прикованный эластичными ремнями; рядом стояли люди, но он не узнавал их.

Чьи-то мягкие пальцы коснулись его лица.

— Не напрягайтесь. Сделайте глубокий вдох... Еще раз... Как самочувствие?

— Не знаю... Странно... Кружится голова... И очень хочется есть.

— Это хорошо. Вы помните, где находитесь?

Теперь он узнал их: сначала доктора Руденко, потом капитана Орлову. Но что-то в Таниной внешности было не так.

— У вас снова выросли волосы!

— Надеюсь, они вам нравятся. Однако не могу сказать того же о вашей бороде.

Флойд поднес руку к подбородку. Каждое движение приходилось рассчитывать. Подбородок покрывала густая щетина — будто он не брился дня два-три. В состоянии анабиоза волосы растут раз в сто медленнее...

— Значит, свершилось, — сказал он. — Мы достигли Юпитера.

Таня посмотрела на врача, та едва заметно кивнула.

— Нет, Хейвуд. До Юпитера еще месяц полета. Не беспокойтесь — корабль в полном порядке. Но ваши друзья из Вашингтона просили разбудить вас. Случилось то, чего никто не предвидел. Теперь мы участвуем в гонке — и боюсь, проиграем.

7. «Цянь»

Когда из динамика послышался голос Хейвуда Флойда, два дельфина перестали кружить по бассейну, подплыли к бортику и уставились на источник звука.

«Значит, они помнят Хейвуда», — с внезапной горечью подумала Каролина. Но Кристофер в своем манеже продолжал забавляться цветными кнопками книжки-картинки, не обращая внимания на громкий и четкий голос отца, донесшийся через полмиллиарда километров.

— ... Дорогая, ты, наверно, не удивишься, услышав меня на месяц раньше. Ты уже давно знаешь, что у нас появились попутчики.

До сих пор мне в это трудно поверить. Их затея бессмысленна. У них не хватит топлива для возвращения и скорее всего даже на встречу с «Дискавери».

Конечно, мы их не видели. «Цянь» не подходил к нам ближе чем на пятьдесят миллионов километров. Они не отвечали на наши сигналы, а сейчас им не до разговоров. Несколько часов спустя «Цянь» войдет в ат-

мосферу Юпитера — и мы увидим в действии их систему аэродинамического торможения. Если сработает нормально, это повысит наш боевой дух. Если же подведет... но не будем об этом.

Русские держатся молодцом. Они, конечно, разочарованы, но и восхищены. Придумано было действительно здорово: у всех на виду построить космический корабль, выдавая его за орбитальную станцию, так что никто ничего не подозревал, пока они не смонтировали ускорители.

Нам остается лишь наблюдать. Но вряд ли мы увидим больше, чем те, кто дежурит сейчас у лучших земных телескопов. Я желаю китайцам удачи, хотя не теряю надежды, что они оставят «Дискавери» в покое. Это наша собственность, и держу пари, что госдепартамент не устает напоминать им об этом.

Но нет худа без добра. Если бы наши китайские друзья не застали нас врасплох, ты не услышала бы меня еще месяц. Теперь я буду разговаривать с тобой каждые два дня.

Первое время мне пришлось нелегко, но я постепенно обживаюсь. Знакомлюсь с кораблем и людьми, учусь «ходить». Мне хотелось бы подтянуть свой убогий русский, но все упорно говорят со мной только по-английски. Какие же мы невежды в иностранных языках! Мне иногда стыдно за наш американский языковый шовинизм...

Английский здесь знают все, но по-разному. Саша Ковалев, например, смог бы работать диктором Би-би-си. Единственная, кто говорит с трудом, — это Женя Марченко, которая буквально в последний момент заменила Ирину Якунину. Кстати, я рад, что Ирина уже поправилась. Неужели она опять занимается планеризмом?

Кстати, о несчастных случаях. Очевидно, и Женя побывала в тяжелой аварии. Хотя пластическую операцию ей сделали блестяще, заметно, что у нее был сильный ожог. Она — любимица команды. Все относятся к ней — нет, не с жалостью, а с какой-то особенной теплотой.

Наверно, тебе интересно, как мы ладим с капитаном

Орловой. Она мне по душе, но лучше ее не злить. Во всяком случае, ясно, кто здесь по-настоящему главный.

Ты должна помнить Руденко, нашего бортврача, — они приезжала два года назад в Гонолулу. И понимаешь, почему мы зовем ее Катериной Великой...

Но довольно сплетен. Буду ждать твоего ответа, а девочкам передай, что поговорю с ними в следующий раз. Целую вас всех. Очень скучаю по тебе и Крису. И обещаю — больше никогда не уеду...

В динамике зашипело, потом искусственный голос проговорил: «Передача номер 432/7 с борта космического корабля «Леонов» окончена». Когда Каролина выключила звук, дельфины нырнули в бассейн и бесшумно понеслись к океану.

Кристофер увидел, что его друзья уплыли, и заплакал. Мать взяла сынишку на руки, но он еще долго не успокаивался.

8. Прохождение

На экране застыл образ Юпитера: клочья белых облаков, пятнистые оранжево-розовые полосы и злобный глаз Большого Красного Пятна. Лишь четверть диска скрывалась в тени; она-то и притягивала взгляды. Там, в ночном небе планеты, китайский корабль летел навстречу своей судьбе.

«Это абсурд, — думал Флойд. — За сорок миллионов километров мы все равно ничего не увидим. Да нам и не нужно видеть, мы все услышим по радио».

«Цянь» замолчал два часа назад, когда антенны дальней связи спрятались под защиту теплового экрана. Работал лишь всенаправленный маяк корабля, и его пронзительный радиозов — «бип! — бип! — бип!» — разносился над океаном титанических туч. Сигнал шел от Юпитера более двух минут; за этот срок «Цянь» мог давно уже превратиться в облачко раскаленного газа.

Сигналы затухали, теряясь в шумах. «Цянь» затягивала непроницаемая плазменная оболочка.

— Смотрите! — крикнул Макс по-русски. — Вот он!

У самой границы света и тени Флойд увидел крохот-

ную звездочку, вспыхнувшую там, где никаких звезд быть не могло, — на затемненном лике Юпитера. Она казалась неподвижной, хотя Флойд знал, что ее скорость — около ста километров в секунду. Она разгоралась, уже не была безразмерной точкой, начала удлиняться. Искусственная комета неслась по ночному небу Юпитера, волоча за собой тысячекилометровый огненный хвост.

Антенны «Леонова» уловили последний сигнал маяка, потом в динамиках осталось лишь бессмысленное радиобормотание Юпитера — один из голосов космоса, не имеющий ничего общего с человеком или его творениями.

«Цянь» онемел, зато перестал быть невидимкой. Вытянутая искра все дальше уходила во тьму. Скоро она скроется за горизонтом, и если все пройдет нормально, Юпитер возьмет корабль в плен, отобрав у него лишнюю скорость. Когда «Цянь» появится из-за планеты-гиганта, у нее станет одним спутником больше.

Искра погасла. «Цянь» обогнул край планеты и несся сейчас над ее обратной стороной. Пока он не появится вновь, примерно через час, нет смысла смотреть и слушать. Экипажу «Цянь» этот час покажется очень долгим...

... Но очень коротким — Василию Орлову и Саше Ковалеву. Моменты возникновения и исчезновения искры, доплеровское смещение сигнала позволяли рассчитать новую орбиту китайского корабля. Компьютеры «Леонова» уже переваривали информацию и, основываясь на различных моделях атмосферы, прогнозировали время выхода «Цянь» из-за планеты.

Василий выключил дисплей и повернулся во вращающемся кресле.

— Он появится не раньше чем через сорок две минуты. Все свободны. Увидимся через тридцать пять минут. Ну, уходите, — добавил он по-русски.

Все без особой охоты покинули рубку, однако, к неудовольствию Василия, уже через полчаса собрались опять. Но он не успел как следует отчитать товарищей за недостаточную веру в расчеты, когда из динамиков

вырвалось знакомое «бип! — бип! — бип!» радиомаяка «Цянь».

Разразилась овация — к ней присоединился даже озадаченный собственной ошибкой Василий. Ведь здесь, в глубинах Вселенной, они были не только соперниками. Они были прежде всего космонавтами — «посланцами человечества», выражаясь гордыми словами первого договора ООН по космосу. Если они и не желали китайцам победы, никто не хотел, чтобы с ними приключилась беда.

Была, возможно, и другая причина. «Цянь» продемонстрировал, что аэродинамический маневр возможен не только в теории. Данные по Юпитеру подтвердились, его атмосфера не таила в себе неожиданной и, возможно, смертельной угрозы.

— Думаю, — сказала Таня, — мы должны их поздравить. Хотя вряд ли они подтвердят получение радиограммы.

Василий Орлов с откровенным недоверием глядел на дисплей.

— Не понимаю. Они должны еще быть за Юпитером! Саша, мне нужен их доплер.

После новой консультации с компьютером он негромко присвистнул.

— Что-то не так. Они на орбите, да, но она не ведет к «Дискавери». Их траектория проходит вдали от Ио; через пять минут у меня будут точные данные.

— Все равно они на орбите, — сказала Таня. — Ее можно всегда скорректировать.

— Если у них хватит топлива, а в этом я сомневаюсь.

— Значит, мы еще можем их опередить.

— Не обольщайся. Нам лететь еще три недели. За это время они сделают десяток витков и выберут оптимальный для встречи.

— Опять-таки, если хватит топлива.

— Разумеется. Но мы можем только предполагать.

Они говорили по-русски, быстро и взволнованно, так что Флойд многое не понял. Когда Таня, сжалившись над ним, объяснила, что китайцы просчитались и на-

правляются теперь к внешним спутникам, Флойд сказал:

— Значит, они в беде. Что, если попросят помощи?

— Они? Нет, они слишком горды. В любом случае мы бессильны. Даже будь у нас лишнее топливо...

— В самом деле. Но как объяснить это тем девяноста девяти процентам человечества, которые понятия не имеют о законах небесной механики? Василий, когда у вас будет их окончательная орбита, дайте мне ее, пожалуйста. Пойду к себе, поработаю дома.

Каюта Флойда все еще была заполнена корабельным имуществом, но рабочее место уже освободилось. Он включил дисплей, набрал код и запросил данные по «Цянь», переданные из Вашингтона. Вряд ли хозяевам «Леонова» удалось расшифровать этот код, основанный на произведении двух сторазрядных простых чисел. Специалисты из Управления национальной безопасности утверждали, что самый быстродействующий компьютер на свете не успеет сделать это до Большого Хлопка, в котором погибнет Вселенная. Доказать это утверждение было невозможно, его можно было только опровергнуть.

В который раз Флойд разглядывал превосходные фотографии китайского корабля, сделанные, когда «Цянь», обнаруживший свою суть, готовился к старту с околоземной орбиты. Были и более поздние снимки, менее отчетливые, на которых «Цянь», уходя от любопытствующих объектов, уже рвался к Юпитеру. Были здесь также чертежи и расчеты.

Даже при самых оптимистических оценках трудно было понять, на что надеялись китайцы. Сумасшедший рывок сквозь Солнечную систему поглотил у них девяносто процентов топлива, и если экипаж не составлен из самоубийц (а исключать такую возможность нельзя), остается единственный план: ждать помощи в анабиозе. Но, согласно данным разведки, технология КНР пока к этому не готова.

Впрочем, разведка часто ошибается; еще чаще ей подсовывают дезинформацию. Однако материал по «Цянь», учитывая весьма сжатые сроки, был составлен блестяще. Флойд погрузился в отчет, настроив себя на

максимальную восприимчивость. На экране мелькали диаграммы, схемы, фотографии — некоторые настолько неясные, что могли изображать решительно все — газетные сообщения, списки участников конференций, названия научных статей, даже коммерческие документы. Мощная система промышленного шпионажа поработала с полной нагрузкой: кто бы подумал, что пунктом назначения для самых разнообразных японских, швейцарских, немецких приборов было высохшее озеро Лобнор, откуда начиналась дорога к Юпитеру?

Однако некоторые пункты, очевидно, попали в отчет по ошибке — никакого отношения к полету они не имели. Скажем, если китайцы через подставную корпорацию в Сингапуре заказали тысячу индикаторов инфракрасного излучения, то этим следовало заинтересоваться военным: вряд ли «Цянь» ожидал атаки самонаводящихся ракет. Или гляциологическое оборудование, заказанное в Анкоридже у корпорации «Глэсьер джиофизикс». Какому идиоту пришло в голову, что в дальней космической экспедиции может понадобиться...

Улыбка застыла на губах Флойда: он почувствовал на спине мурашки. «Господи! Не может быть, чтобы они на это решились!» Но они и так решились на многое, а теперь все наконец встало на свои места.

Он еще раз бегло просмотрел снимки китайского корабля. Да, все верно. Эти желобки на корме, рядом с фокусирующими электродами, как раз подойдут по размеру...

Флойд вызвал рубку:

— Василий? Их орбита уже рассчитана?

— Да. — Голос штурмана казался подавленным.

— Они держат курс на Европу, не так ли?

— Черт возьми! — не удержался Орлов. — Откуда вы знаете?

— Я просто предполагаю. Сопоставляю факты и делаю выводы.

— Ошибка исключена — все сходится до шестого знака. Они держат курс на Европу и достигнут ее через семнадцать часов.

— И перейдут на орбиту спутника Европы.

— Возможно. Топлива у них хватит. Но зачем им это?

— После короткой разведки они высадятся.

— Но зачем им это, — повторил Орлов. — Объясните, мистер Холмс, зачем им понадобилась Европа? Ради всего святого — что там есть?

Флойд упивался своим маленьким триумфом. Хотя, разумеется, понимал, что может жестоко ошибаться.

— Что там есть? — медленно повторил он. — Всего-навсего самое ценное вещество во Вселенной.

Довести триумф до конца не удалось. Василий среагировал мгновенно.

— Ну конечно же — вода!

— Точно. Многие биллионы тонн воды. Теперь им хватит топлива, чтобы облететь все спутники Юпитера, и еще останется сколько угодно на встречу с «Дискавери» и возвращение к Земле. Как ни обидно, Василий, но наши китайские друзья снова нас обошли.

— Если только у них все это получится.

9. Лед Большого Канала

С первого взгляда казалось, что это обычный полярный пейзаж — бескрайние ледовые поля выглядели совсем по-земному. Но угольно-черное небо и пять фигур в скафандрах свидетельствовали, что дело происходит не на Земле.

Китайцы до сих пор не обнародовали имена членов экипажа. Пятеро, высадившиеся на ледяную поверхность Европы, были всего лишь — командир корабля, научный руководитель, штурман, старший бортинженер, бортинженер. Люди с «Леонова», находившиеся ближе всех к месту событий, увидели эту историческую фотографию на час позже, чем все остальное человечество. Тонкая радионить, связывающая «Цянь» с Землей, проходила в стороне от корабля, и бортовые антенны улавливали лишь излучение всенаправленного радиомаяка — в те короткие периоды, когда «Цянь» не заслоняли Юпитер либо Европа. Так что все скупые новости поступали через земные станции.

После орбительной разведки «Цянь» опустился на

один из редких каменных островков в сплошном ледяном океане Европы. Ледяная оболочка спутника, не знавшего пурги и метелей, всюду была ровной — сюда иногда падали метеориты, но не снег. Гравитация постоянно сглаживала неровности, которые возникали в результате приливных землетрясений при сближениях с другими спутниками. Приливы же, вызванные самим Юпитером, завершили свою работу в незапамятной древности — с тех пор Европа показывает гиганту лишь одну свою половину...

Все это стало известно после полетов «Вояджеров» в семидесятые годы, работы «Галилео» в восьмидесятые и посадки «Кеплера» в девяностые. Но китайские астронавты за несколько часов, вероятно, узнали о Европе гораздо больше, чем все беспилотные аппараты, вместе взятые. Полученную информацию они держали пока при себе, и с этим никто не спорил.

Но вот аннексия Европы вызывала серьезные возражения. Впервые в истории государство объявило небесное тело своей собственностью, и массовые средства информации оживленно обсуждали юридическую сторону такого шага. Хотя Китай не подписывал договор ООН 2002 года и не считал себя связанным его положениями, протесты не утихали.

Как бы то ни было, Европа оказалась в центре внимания всей Земли. И Земля нуждалась в собственном корреспонденте.

— Говорит Хейвуд Флойд с борта космического корабля «Космонавт Алексей Леонов», приближающегося к Юпитеру. Однако, как вы догадываетесь, речь пойдет о Европе. Я наблюдаю ее в самый мощный бортовой телескоп; она выглядит, как Луна при десятикратном увеличении, но на Луну совсем не похожа.

Ее поверхность ровного розового цвета, изредка попадаются бурые пятнышки. Вся она исчерчена замысловатым узором из тонких линий, напоминающим схему кровеносных сосудов из медицинского учебника. Некоторые из них достигают в длину сотен и даже тысяч километров и похожи на каналы, которые Ловелл и другие наблюдали, как им казалось, на Марсе.

Но здешние каналы — не обман зрения. В них действительно есть вода — или хотя бы лед. Ведь Европа — это сплошной океан глубиной в пятьдесят километров.

Европа далека от Солнца, и температура на ее поверхности очень низка — примерно 150 градусов ниже нуля. И можно было ожидать, что ее океаны промерзли до дна.

Однако это не так. Под действием тех же приливных сил, которые вызывают вулканические извержения на соседней Ио, в глубинах Европы выделяется много тепла. Льды постоянно подтаивают, растрескиваются, замерзают вновь, образуют трещины и разводья. Узор, на который я смотрю, — это сеть таких трещин. Они большей частью темные, очень древние, но попадаются и свежие, совсем белые, покрытые тонкой корочкой льда.

Рядом с одной из них и опустились китайские астронавты. Ее окрестили Большим Каналом — она тянется на полторы тысячи километров. Очевидно, они собираются заправить баки водой. Это позволит им обследовать систему Юпитера и затем вернуться на Землю. Это нелегкая задача, но, вероятно, они тщательно изучили район высадки и знают, что делают.

Теперь ясно, почему они пошли на такой риск, а потом объявили Европу своей территорией. Этот спутник нужен им как заправочная станция: он может стать ключом к внешним планетам. Вода, правда, есть и на Ганимеде, но только в виде льда. К тому же сила тяжести там больше, чем на Европе...

Мне только что пришла в голову еще одна мысль. Даже если китайцы не сумеют взлететь с Европы, они могут дождаться там спасательной экспедиции с Земли. Энергии у них достаточно, в районе высадки могут обнаружиться полезные ископаемые, а технология производства синтетической пищи разработана у китайцев отлично. Конечно, жизнь, которая им предстоит, не назовешь роскошной, но многие из моих друзей согласились бы на нее с радостью, чтобы иметь возможность созерцать распростертый в небе Юпитер — нам это предстоит уже через несколько дней.

А теперь я и мои коллеги прощаемся с вами, передачу вел Хейвуд Флойд.

Тут же ожил динамик внутренней связи:

— Отличный репортаж, Хейвуд. Почему вы не пошли в журналистику?

— Я и так полжизни отдал СО.

— Чему?

— Связям с общественностью. В основном, объяснял политикам, зачем мне деньги. Но вам, Таня, этого не понять.

— Вы думаете? Зайдите-ка лучше в рубку. Поступила новая информация, нужно ее обсудить.

Флойд отложил микрофон, закрепил телескоп и выплыл из тесного наблюдательного поста. И едва не столкнулся с Николаем Терновским, спешившим, очевидно, тоже в рубку.

— Я бы взял пару ваших абзацев для московского радио, Вуди. Не возражаете?

— Пожалуйста, товарищ, — по-русски разрешил Флойд. — И как я могут помешать?

Они друг за другом медленно влетели в рубку. Капитан Орлова задумчиво созерцала мешанину чисел и слов на главном дисплее. Флойд с трудом разбирал русский текст.

— Не утруждайте себя, — сказала она. — Это прогноз времени, которое понадобится им для заправки и подготовки к старту.

— Наши специалисты заняты сейчас тем же. Слишком многие факторы гипотетичны.

— Кажется, один из них перестал быть таковым. Как известно, самые мощные водяные насосы — на вооружении у пожарных. Так вот, несколько месяцев назад главное пожарное управление Бенджина получило приказ сдать четыре лучших насоса.

— Я уже ничему не удивляюсь. Я только восхищаюсь. Продолжайте.

— Возможно, это всего лишь совпадение, но по размеру насосы подходят. Учитывая время, необходимое для бурения льда и прочего, можно предположить, что они взлетят через пять дней.

— Пять дней!

— Да, если все пройдет гладко. И если они не будут заправляться полностью. Им достаточно опередить нас все-

го на час. Они высадятся на "Дискавери" и объявят, что корабль принадлежит им как спасенное имущество. Что будем делать?

— Наши юристы разработали план на этот случай. В нужный момент США сделают официальное заявление, что "Дискавери" не брошен командой, а временно законсервирован. И захват корабля будет квалифицирован как пиратство.

— Думаете, это их остановит? — усмехнулась Таня.

— Если даже и нет, что тут поделаешь?

— Если пробудить Курноу и Чандру, нас будет вдвое больше, чем их.

— Шутите? А где взять абордажные сабли?

— Сабли?

— Ну, оружие.

— Можно воспользоваться лазерным телеспектрометром. Он испаряет миллиграммовые пробы с астероидов на расстояния в тысячи километров.

— Мне не нравится наш разговор, — сказал Флойд. — Мое правительство безусловно будет против применения силы, если речь не идет о самообороне.

— До чего же вы, американцы, наивны! Мы смотрим на вещи более здраво. Ваши дедушки и бабушки, Хейвуд, скончались в своих постелях. А из моих трое погибли в Великую Отечественную.

Один на один Таня всегда называла его по имени. Значит, сейчас не шутит. Или проверяет его реакцию?

— Но "Дискавери" — всего лишь кусок металлолома стоимостью в несколько миллиардов. Нам важна информация, которая имеется на его борту.

— Вот именно. Информация, которую можно спокойно скопировать из памяти компьютера, а потом стереть.

— Таня, иногда у вас возникают замечательные идеи. Почему вы, русские, всегда подозреваете, что другие против вас что-нибудь замышляют?

— После Наполеона и Гитлера у нас есть на это право. И не говорите, будто подобный — как правильно сказать? — сценарий не приходил вам в голову.

— У меня не было необходимости разрабатывать сценарии, — угрюмо ответил Флойд. — Госдепартамент

просчитал все возможные варианты. Остается подождать, какой из них выберут китайцы. Но не удивлюсь, если они обойдут нас и на этот раз.

10. Зов с Европы

Искусство спать в невесомости Флойду пришлось постигать почти неделю: надо было научиться укладывать руки и ноги так, чтобы они потом не мешали. Теперь он отлично приспособился, и сама мысль о возвращении силы тяжести приводила его в содрогание.

Кто-то будил его, тряс за плечо. Не может быть! Наверно, это снится. Право на уединение на борту космических кораблей соблюдалось свято: никто никогда не входил в чужую каюту без разрешения. Флойд покрепче зажмурил глаза, но неизвестный не унимался.

— Доктор Флойд, проснитесь! Проснитесь же наконец! Вас вызывают в рубку!

Флойд неохотно приоткрыл глаза. Он лежал в своей тесной каюте, тело облегал привычный кокон гамака. Но почему он снова видит Европу? ... Линии трещин пересекались, образовывали знакомые треугольники и квадраты, складывались в причудливый узор. А вот и Большой Канал...

— Доктор Флойд!

Он проснулся окончательно. Собственная ладонь плавала всего в нескольких сантиметрах от глаз. Как странно, что рисунок линий копирует карту Европы! Но экономная Природа любит повтор в совершенно, казалось бы, различных вещах — завихрения молока в кофе, облачные спирали циклонов, звездные ветви галактик...

— В чем дело, Макс? Что-нибудь случилось?

— Кажется, да. Но не с нами — с «Цянь». Пойдемте быстрее.

Рубка была полна. Капитан, штурман и бортинженер сидели перед приборами, пристегнутые к креслам; остальные витали в воздухе в поисках точки опоры.

— Простите, Хейвуд, — торопливо извинилась Таня. — Десять минут назад мы получили очень важное сообщение. «Цянь» замолчал. Внезапно, во время переда-

чи цифровой информации. Несколько секунд сигналы шли с искажениями, потом прекратились.

— А маяк?

— Тоже молчит.

— И что вы предполагаете?

— Все что угодно. Взрыв, землетрясение, оползень... Мы пройдем от них в пятидесяти тысячах километров, не ближе. С такого расстояния ничего не увидишь.

— Значит, мы бессильны?

— Не совсем. Земля предлагает использовать нашу главную антенну — нацелить ее на Европу. Тогда даже самый слабый сигнал... По-моему, стоит попытаться. Как вы считаете?

Флойд ощутил внутренний протест.

— Вы хотите прервать связь с Землей?

— Да. Но она все равно нарушится, когда мы будем огибать Юпитер. Восстановить связь можно за пару минут.

Флойд молчал. Все беды «Дискавери» начались, когда главная антенна сместилась и корабль потерял связь с Землей... Что-то, очевидно, произошло с ЭАЛом. Но на «Леонове» не стоит этого опасаться. Здешние компьютеры автономны, они не подчиняются единому разуму. По крайней мере, разуму нечеловеческому...

— Согласен, — сказал Флойд. — Можно начинать поиск.

— Сейчас, только вычислим доплеровскую поправку. Как у тебя, Саша?

— Две минуты, и можно включать. Сколько будем слушать?

Капитан ответила не сразу. Вообще Флойда восхищала решительность Тани Орловой; однажды он сказал ей об этом. Она ответила шуткой (что случалось не часто): «Капитан имеет право на ошибку, но не на колебания».

— Пятьдесят минут, потом десятиминутная связь с Землей. И новый цикл.

Но, как вскоре выяснилось, слушать было нечего. И незачем: система автоматического поиска просеивала шумы гораздо лучше самого опытного оператора. Однако время от времени Саша включал звук, и помещение запол-

нял рев радиационных поясов Юпитера. Он походил на рокот прибоя; иногда его перекрывали оглушительные удары молний. Но ничего похожего на разумный сигнал не было; свободные от вахты космонавты один из другим покидали рубку.

Флойд прикинул в уме. Весть о несчастье пришла через Землю: значит, оно случилось два часа назад. И раз "Цянь" до сих пор не вернулся в эфир...

Пятьдесят минут тянулись, как пятьдесят часов. По их истечении Саша сориентировал главную антенну на Землю и доложил о неудаче поисков, потом отправил накопившиеся радиограммы.

— Еще раз? — спросил он Орлову без всякого оптимизма.

— Конечно. Возможно, не все пятьдесят минут, но попытаться стоит.

Антенна была вновь направлена на Европу. И тут же на мониторе зажглась надпись: "ВНИМАНИЕ". Саша включил громкость, рубку вновь наполнил голос Юпитера. Но на его фоне, словно шепот в грозу, слышался слабый звук человеческой речи. Сначала только ритм и интонация, потом стали различимы слова. Это был, несомненно, английский язык — но смысл фраз оставался попрежнему непонятным...

Есть сочетание звуков, которое человек различает всегда, несмотря на любые помехи. Когда оно проступило на фоне юпитерианских шумов, Флойду показалось, что он бредит наяву. Русские реагировали медленнее; но потом обернулись к нему с таким же изумлением — и зарождающимся подозрением.

Первые слова, принятые с Европы, были: "Доктор Флойд, доктор Флойд, надеюсь, вы меня слышите..."

11. Лед и вакуум

— Кто это? — шепнул кто-то. Другие зашикали. Флойд недоуменно пожал плечами.

—... знаю, что вы на борту "Леонова"... времени мало... направил антенну скафандра туда, где...

Несколько мучительных мгновений голоса не было

слышно, потом он вернулся — гораздо более четкий, но столь же негромкий.

—... передайте эту информацию на Землю. "Цянь" погиб два часа назад. Я один остался в живых. Не знаю, хватит ли мощности моего передатчика, но другой возможности нет. Пожалуйста, слушайте внимательно. *На Европе есть жизнь.* Повторяю: *на Европе есть жизнь...*

Звук снова пропал. Наступила тишина, которую никто не решался нарушить. Флойд лихорадочно рылся в памяти. Говорившего он не узнал — голос мог принадлежать любому китайцу, учившемуся на Западе. Вероятно, они встречались на какой-нибудь конференции...

—... вскоре после местной полуночи. Качали без перерыва, и топливные баки были уже наполовину заполнены. Мы с доктором Ли вышли из корабля, чтобы проверить термоизоляцию трубопровода. «Цянь» стоит — стоял — метрах в тридцати от Большого Канала. Трубопровод был протянут от корабля и уходил под лед. Лед очень тонкий — ходить по нему опасно. Теплая вода снизу...

Опять наступило молчание. Возможно, говоривший скрылся за каким-нибудь препятствием.

—... без труда — корабль, как новогоднюю елку, украшали фонари мощностью в пять киловатт. Их свет легко проникал сквозь лед. Потрясающие цвета. Громадную темную массу, поднимающуюся из бездны, первым заметил Ли. Сначала мы приняли ее за стаю рыб — она была слишком велика для отдельного организма. Потом она стала проламывать лед.

Доктор Флойд, я надеюсь, вы слышите меня. Это говорит профессор Чанг, мы встречались на конференции МАС в Бостоне...

Флойд мысленно перенесся за миллиард километров от «Леонова». Прием после закрытия конференции Международного астрономического союза он помнил смутно, зато ясно представил себе Чанга — миниатюрного жизнерадостного астронома и экзобиолога с неисчерпаемым запасом шуток. Но сейчас Чанг не шутил.

—... будто огромное поле водорослей двигалось по грунту. Ли побежал на корабль за камерой, я остался смотреть. Оно перемещалось медленно, я мог легко обо-

гнать его. Я не ощущал тревоги — только волнение. Мне казалось, я знаю, что это такое — я видел съемки полей ламинарий у побережья Калифорнии. Но я ошибался...

—... понимал, что ему неважно. Оно никак не могло выжить при температуре на сто пятьдесят градусов ниже той, к которой привыкло. Похожее на черную волну, оно продвигалось вперед все медленнее и превращалось на ходу в лед — от него откалывались большие куски. Мне трудно было понять, что оно собирается делать...

— Можно связаться с ним? — шепотом спросил Флойд.

— Поздно. Европа вот-вот скроется за Юпитером.

—... взбираться на корабль, оставляя за собой что-то вроде ледяного туннеля. Возможно, что просто защищалось от холода, как термиты, спасаясь от света, строят коридоры из грязи...

... на корабль тонны льда. Первыми не выдержали антенны. Потом начали подаваться опоры — медленно, как во сне. Я понял, что происходит, лишь когда корабль стал крениться. Чтобы спастись, достаточно было выключить свет.

Возможно, оно фототропно и его биологический цикл начинается с солнечного луча, пробившегося сквозь лед. Или его тянуло к фонарям, как бабочку притягивает пламя свечи. На Европе никогда не было света ярче того, который зажгли мы.

Корабль перевернулся. Я увидел, как корпус лопнул, выпустив белое облако замерзшего пара. Фонари погасли, кроме одного — он качался на кабеле метрах в двух от поверхности.

Не помню, что происходило потом. Когда пришел в себя, я стоял под фонарем у разбитого корабля, все вокруг было запорошено свежим снегом, на котором явственно выделялись отпечатки моих подошв. Видимо, я бежал; с момента катастрофы прошло не более двух минут.

Растение — я по-прежнему думал о нем как о растении — оставалось неподвижным. Я решил, что оно пострадало при падении: кругом валялись отколовшиеся от него большие куски, будто сломанные ветви толщиной в человеческую руку.

Затем основная масса двинулась вновь. Она отделилась от разбитого корпуса и направилась на меня. Теперь я знал наверняка, что она реагирует на свет. Я стоял прямо под тысячеваттной лампой, которая уже перестала раскачиваться.

Представьте себе дуб — нет, лучше баньян с его многочисленными стволами, — расплющенный силой тяжести и пытающийся ползти по земле. Оно приблизилось к свету метров на пять и начало заходить с флангов, образовав вскоре вокруг меня правильное кольцо. Вероятно, это критическое расстояние: притягательное действие света переходит в отталкивающее. После этого какое-то время ничего не происходило. Я даже подумал, что оно, наконец, полностью превратилось в лед.

Затем я увидел, что на ветвях образуются бутоны. Это напоминало ускоренный показ кадров с распускающимися цветами. Я действительно решил, что это цветы — каждый величиной с человеческую голову.

Нежные, ярко раскрашенные лепестки начали раскрываться. Я подумал, что никто никогда не видел этих красок. Их просто не существовало до появления наших огней — наших гибельных огней — в этом мире.

Зябнут слабые тычинки... Я приблизился к живой стене, чтобы лучше разглядеть происходящее. Ни тогда, ни в другие моменты я совсем не испытывал страха. Я был уверен, что оно не враждебно — даже если наделено сознанием.

Вокруг было множество цветов, одни уже раскрылись, другие только начали распускаться. Теперь они напоминали мне мотыльков, едва вылупившихся из своих куколок, — новорожденных бабочек с мягкими, еще нерасправленными крыльями. Я приближался к истине.

Но цветы замерзали — умирали, едва успев родиться. Один за другим они отваливались от своих почек, несколько секунд трепыхались, словно рыба, выброшенная на берег, и я, наконец, понял, что они такое. Их лепестки — это плавники, а сами они — плавающие личинки большого существа. Вероятно, оно проводит большую часть жизни на дне и, подобно земным кораллам, посылает своих отпрысков на поиски новых территорий.

Я встал на колени, чтобы получше рассмотреть маленькое создание. Яркие краски тускнели. Лепестки-плавники отпадали, превращаясь в ледышки. Но оно еще жило: попыталось отодвинуться при моем приближении. Мне стало любопытно, каким образом оно чувствует мое присутствие.

Я заметил, что каждая тычинка — как я их назвал — заканчивается ярким голубым пятнышком. Они напоминали сверкающие сапфиры или голубые глазки на мантии устрицы. Светочувствительные, но еще не способные формировать настоящие зрительные образы. У меня на глазах их яркий голубой цвет потускнел, сапфиры превратились в обычные невзрачные камешки.

Доктор Флойд — или те, кто слышит меня, — времени уже нет; скоро Юпитер прервет мою передачу. Но я почти все сказал.

Я уже знал, что следует делать. Кабель тысячеваттной лампы свисал почти до земли. Я дернул несколько раз, и света не стало.

Я боялся, что опоздал. Несколько минут ничего не происходило. Тогда я подошел к окружавшей меня стене переплетенных ветвей и ударил ее ногой.

Существо медленно двинулось, отступая к Каналу. Света было достаточно — я прекрасно все видел. В небе сияли Ганимед и Каллисто, Юпитер выглядел гигантским узким серпом с большим пятном полярного сияния на ночной стороне.

Я проводил его до самой воды, подбадривая пинками, когда оно замедляло движение... Хрупкие льдинки хрустели у меня под ногами... Казалось, приближаясь к Каналу, оно набирается сил, будто знает, что возвращается домой. Интересно, выживет ли оно, чтобы расцвести когда-нибудь вновь.

Оно исчезло в воде, оставив еще несколько мертвых личинок на чуждой ему суше. Несколько минут вода кипела, пока спасительный слой льда не отделил ее от вакуума. Я пошел назад к кораблю — но я не хочу говорить об этом.

Доктор Флойд, у меня две просьбы. Когда это существо классифицируют, надеюсь, его назовут моим име-

нем. И еще — пусть следующая экспедиция доставит наши останки на родину.

Юпитер оборвет мою передачу через несколько минут. Я повторю рассказ, когда связь снова станет возможна — и если выдержит мой скафандр.

Внимание, говорит профессор Чанг со спутника Юпитера — Европы: космический корабль «Цянь» погиб. Мы совершили посадку у Большого Канала и установили насосы на его краю...»

Голос пропал, затем на мгновение вернулся и, наконец, окончательно утонул в шумах. И когда Европа вновь показалась из-за Юпитера, эфир молчал.

III. «ДИСКАВЕРИ»

12. Скоростной спуск

Корабль начал наконец набирать скорость, будто скользил по склону, который становился все круче. Давно осталась позади гравитационная «нейтральная полоса», в которой с трудом удерживались на своих вытянутых, обратных орбитах внешние луны Юпитера — Синопе, Пасифе, Ананке и Карме, — захваченные когда-то астероиды неправильной формы, диаметром не более тридцати километров. Никого, кроме космических геологов, не заинтересовали бы эти угловатые, растрескавшиеся обломки, за которые планета-гигант и Солнце вели постоянную «пограничную войну». Когда-нибудь она завершится победой Солнца.

Зато Юпитер надежно удерживал вторую четверку спутников, вдвое более близкую. Орбиты Элары, Лиситеи, Гималии и Леды похожи и лежат почти в одной плоскости. Существует гипотеза, что они — части одного распавшегося небесного тела; если так, то его диаметр не превышал ста километров.

Траектория «Леонова» пролегала неподалеку от Кармe и Леды. Все радовались крохотным светлым пятнышкам, как старым друзьям: будто после долгого океанского перехода увидели землю — первые рифы у побережья Юпи-

тера. Истекали последние часы; приближался решающий момент — вход в атмосферу.

Юпитер стал уже больше, чем Луна в земном небе, и гигантские внутренние спутники были отлично видны. Вернее, видны были их диски, различим цвет, но рассмотреть детали не позволяло расстояние. Их бесконечный танец завораживал — они прятались за Юпитером и вновь появлялись на дневной стороне, сопровождаемые своими четкими круглыми тенями. Многие поколения астрономов, начиная с Галилея, любовались этим зрелищем на протяжении четырех веков, но изо всех ныне живущих лишь экипаж «Леонова» мог наблюдать его невооруженным глазом.

Все забыли даже о шахматах, предпочитая проводить время у телескопов или иллюминаторов. Смотрели, слушали музыку, разговаривали. И по крайней мере один роман достиг своей кульминации: частые исчезновения Макса Браиловского и Жени Марченко давали повод для множества беззлобных шуток.

Не совсем обычная пара, думал про них Флойд. Макс, известный в прошлом гимнаст, дошедший до финала Олимпиады-2000, был высоким красивым блондином. Ему уже перевалило за тридцать, но лицо у него оставалось открытым, почти мальчишеским. Великолепный специалист, но наивный и простодушный до крайности. Из тех, с кем приятно разговаривать, но... не слишком долго.

А вот о Жене — двадцать девять лет, самая молодая в экипаже — Флойд не знал ничего. Никто не обмолвился ни словом о происхождении шрамов у нее на лице, а сам Флойд спрашивать не решался, и из Вашингтона ему ничего сообщить не могли. Очевидно, она побывала в катастрофе; возможно, в самой обычной автомобильной аварии. Предположение — нередко высказывавшееся за границами СССР, — будто Женя участвовала в секретном космическом полете, можно было исключить сразу. Благодаря глобальной сети слежения, созданной полвека назад, осуществить такой полет было невозможно.

Положение Жени осложнялось тем, что ее включили в состав экспедиции буквально в последний момент. Если

бы не подвели искусственные крылья, диетологом и медсестрой стала бы Ирина Якунина.

Каждый вечер в шесть по Гринвичу экипаж в полном составе и единственный бодрствующий пассажир собирались в тесной кают-компании, отделявшей служебные помещения от жилого яруса. За круглый стол в восьмером усаживались с трудом; для Курноу и Чандры, когда они проснутся, места уже не останется.

Хотя такие встречи — на смешанном русско-английском наречии они назывались «сикс о'клок совет» — редко продолжались более десяти минут, для поддержания нормального климата в коллективе они были необходимы. Выступать можно было с любыми предложениями или жалобами — правом вето обладала лишь капитан, но и она никогда им не пользовалась. Чаще всего «повестку дня» составляли обсуждение меню и видеопрограмм, заявки на разговоры с Землей, обмен новостями... И конечно, легкая пикировка с американским меньшинством команды. Скоро ситуация изменится, честно предупреждал Флойд, и ставки повысятся с 1:8 до 3:10. Однако он держал в тайне свою глубокую уверенность в том, что Курноу легко переговорит или перекричит по крайней мере троих.

Флойд проводил здесь почти все свободное время: в своей тесной каюте он только спал. В кают-компании многое напоминало о Земле: ее стены украшали земные пейзажи, спортивные фотографии, портреты популярных видеозвезд. Но главной достопримечательностью был подлинник картины Алексея Леонова "Около Луны". Картина была написана в 1965 году, вскоре после того, как он, тогда еще молодой подполковник, покинул "Восход-2" и стал первым в истории человеком, вышедшим в открытый космос.

Картина, созданная хотя и не профессионалом, но талантливым любителем, изображала изрытую кратерами часть Луны с великолепным Заливом Радуги на переднем плане. Над лунным горизонтом нависал узкий серп Земли, охватывающий темный круг планеты. Позади пламенело Солнце, огненные языки его короны простирались в космос на миллионы километров.

Впечатляющая композиция — и взгляд в будущее, до которого оставалось тогда всего три года. Борман, Ловелл и Андерс увидели это великолепное зрелище с борта "Апполона-8", когда в декабре 1968 года первыми из людей наблюдали восход Земли над Луной.

Хейвуду Флойду картина нравилась, но вызывала и другие чувства. На борту не было ничего и никого старше — за одним-единственным исключением.

Когда Алексей Леонов закончил ее, Хейвуду Флойду исполнилось уже девять лет.

13. Миры Галилея

Даже теперь, спустя три десятилетия после первого фоторепортажа "Вояджера", никто не знал, почему столь разнятся четыре главные луны Юпитера. Примерно одинаковые по величине, "прописанные" в одном районе Солнечной системы, они непохожи, как дети разных родителей.

Лишь Каллисто, самая внешняя из них, выглядела, как предполагалось. "Леонов" прошел в ста тысячах километров от нее, и наиболее крупные из ее бесчисленных кратеров были легко различимы невооруженным глазом. В телескоп спутник напоминал стеклянный шар, подвергшийся жесткому обстрелу: всю его поверхность усеяли кратеры самых разнообразных размеров. Каллисто, как кто-то удачно подметил, больше походила на земную Луну, чем сама Луна.

Конечно, нет ничего удивительного, если тело, расположенное на границе пояса астероидов, постоянно бомбардируют обломки, оставшиеся после образования планет. Однако уже соседний Ганимед выглядит совершенно иначе. Хотя некогда и ему досталась щедрая порция ударных кратеров, впоследствии многие из них были, согласно чьему-то образному высказыванию, "перепаханы". Обширные участки поверхности Ганимеда покрыты бороздами и гребнями, будто неведомый космический садовник прошелся по ней гигантскими граблями. Еще здесь есть светлые лучи, похожие на следы слизня толщиной в полсотни километров, но наиболее загадочны длинные изви-

листые полосы, образованные десятками параллельных линий. Николай Терновский предположил, что это — скоростные многорядные автострады, проложенные нетрезвыми дорожниками. И даже утверждал, что видит переходы и транспортные развязки...

Прежде чем «Леонов» достиг орбиты Европы, копилка человеческих знаний пополнилась триллионами битов новой информации о Ганимеде. Но главное место в умах экипажа занимала Европа, страна вечных льдов, среди которых покоились сейчас останки китайского корабля и тела погибших.

На Земле доктор Чанг стал героем, и его соотечественники, хотя и не без смущения, принимали бесчисленные соболезнования. Экипаж «Леонова» тоже послал радиограмму — она, как полагал Флойд, подверглась в Москве некоторой правке. Все космонавты, независимо от национальной принадлежности, ощущали себя гражданами космоса. Объединенные этим чувством, они сопереживали победы и неудачи друг друга. Никто на «Леонове» не радовался тому, что китайскую экспедицию постигла катастрофа, но к печали примешивалось и облегчение — теперь не было надобности участвовать в вынужденной гонке.

Конечно, и на Земле, и на «Леонове» темой номер один стала жизнь в океанах Европы, открытая при столь трагических обстоятельствах. Некоторые экзобиологи во весь голос кричали: «Я же говорил!» — доказывая, что ничего удивительного в этом открытии нет. Еще в семидесятые годы XX века исследовательские подводные лодки обнаружили многочисленные колонии странных морских организмов почти в столь же негостеприимном месте — в глубочайших тихоокеанских впадинах. Вулканические извержения, согревая и удобряя подводную пустыню, создали в ней оазисы жизни.

То, что однажды произошло на Земле, должно повториться во Вселенной миллионы раз: для научного мира это предмет веры. Вода, по крайней мере в виде льда, имеется на всех спутниках Юпитера. На Ио постоянно происходят извержения; логично предположить, что и соседний спутник вулканически активен, пусть даже эта активность

слабее. А если так, жизнь на Европе не только возможна, но и неизбежна...

Неоднократно поднимался вопрос, имевший прямое отношение к задачам экспедиции. Связана ли жизнь на Европе с монолитом из кратера Тихо или с его еще более загадочным Большим Братом в окрестностях Ио?

Это стало излюбленным предметом дискуссий на «сикс о'клок советах». Все были согласны, что существо, открытое доктором Чангом, не обладало высоким интеллектом — если, конечно, китайский ученый правильно оценил его поведение. Ни одно разумное существо не будет вести себя как бабочка, летящая на пламя свечи...

Впрочем, Василий Орлов тут же привел противоположный пример.

— Возьмем дельфинов или китов, — сказал он. — Мы считаем их разумными, но они довольно часто идут на массовое самоубийство, выбрасываясь на сушу. Инстинкты оказываются сильнее разума.

— Что дельфины! — прервал его Макс Браиловский. — Один из лучших моих однокашников был безнадежно влюблен в блондинку, жившую в Киеве. Недавно мне сообщили, что он работает где-то в гараже. А ведь он получил золотую медаль за проект космической станции! Вот как бывает!

Гипотеза, что высшие формы жизни могут возникнуть в водной среде, вызывала серьезные возражения: море слишком однородно во времени и пространстве, ничто в нем не меняется, и оно не требует от своих обитателей особых усилий для борьбы за существование. И какая технология может зародиться без огня?

Делать отрицательные выводы было преждевременно: вряд ли путь человечества — единственно возможный. В океанах иных миров могли расцвести цивилизации, непохожие на земную. Однако казалось невероятным, что на Европе возникла культура, поднявшаяся в космос, но не оставившая никаких построек, научных установок, стартовых площадок и других искусственных сооружений. Весь спутник от полюса до полюса покрывали вечные льды.

А когда "Леонов" пересек орбиты Ио и миниатюрной Амальтеи, времени для споров уже не осталось. Экипаж готовился к аэродинамическому маневру, к недолгому возвращению силы тяжести после месяцев свободного падения. Нужно было закрепить все предметы, прежде чем корабль войдет в атмосферу Юпитера и на короткое время они снова обретут вес — вдвое больший, чем на Земле.

Лишь Флойд на правах единственного пассажира мог спокойно любоваться величественным зрелищем надвигающегося Юпитера, заслонившего собой полнеба. Постичь подлинные размеры планеты было невозможно; приходилось постоянно помнить о том, что даже пятьдесят сфер размером с Землю не закрыли бы полностью этого грандиозного полушария.

Громадные — размером с континент — облака, окрашенные в цвета наиболее изысканных земных закатов, неслись так быстро, что всего за десять минут проходили заметное расстояние. На границах многочисленных облачных полос, опоясывающих планету, рождались гигантские вихри и отходили как клубы дыма. Время от времени из глубин атмосферы вырывались гейзеры белого газа; их тут же сметали ураганы, вызванные стремительным вращением планеты. Но удивительнее всего смотрелись цепочки белых пятнышек, тянувшиеся вдоль пассатов средних широт подобно жемчужным бусам...

В эти часы — непосредственно перед торможением — Флойд редко видел капитана и штурмана. Орловы почти не покидали рубку: они уточняли и корректировали курс "Леонова". Траектория корабля должна лишь слегка задеть верхние слои атмосферы: если он пройдет чуть выше, то торможение окажется недостаточным и корабль уйдет за пределы Солнечной системы, где надеяться на помощь бесполезно; если чуть ниже, то сгорит, как метеор.

Между этими двумя крайностями пролегал очень узкий путь к цели — так называемый коридор входа. Китайцы показали на практике, что торможение в атмосфере возможно, однако опасность оставалась. И Флойд совершенно не удивился, когда бортврач Руденко призналась ему: "Знаете, Вуди, лучше бы я взяла ту икону с собой".

—... Кажется, с делами все. Последние часы мне вспоминается одна картинка, которую я видел в детстве — а ей было, наверное, лет полтораста. Я забыл, цветная она была или нет, зато отлично помню, как она называлась. «Последнее письмо домой». Не смейся — предки почему-то были сентиментальны.

Она изображала парусник в бурю — паруса сорваны, волны гуляют по палубе. Команда пытается спасти судно. А на переднем плане — юнга пишет письмо. Рядом бутылка, которая, он надеется, доставит его послание к земле.

Хотя я был тогда ребенком и картинка меня волновала, мне казалось, что ему надо бы не писать письма, а помогать остальным. Мог ли я думать, что когда-нибудь сам окажусь в положении этого юнги?

Разумеется, мое-то послание дойдет — а помочь экипажу «Леонова» я просто бессилен. Меня вежливо попросили не путаться под ногами, так что совесть моя чиста. Уже через пятнадцать минут мы прервем передачи, уберем антенны под теплозащитный экран и задраим иллюминаторы — вот и еще одна аналогия с морем! Юпитер занимает все небо — но я не в силах описать это зрелище, да и ставни вот-вот закроются. Впрочем, камеры сделают все сами, и гораздо лучше меня.

До свиданья, мои дорогие, целую всех вас, особенно Криса. Когда вы услышите эту запись, для нас все закончится — так или иначе. Помните — я хотел сделать как лучше. До свиданья.

Вынув кассету, Флойд поднялся в рубку и вручил запись Саше Ковалеву.

— Пожалуйста, передайте это, пока связь не прервалась.

— Не беспокойтесь. Все каналы еще задействованы, у нас еще минут десять, не меньше. — Саша протянул руку. — И если встретимся, то улыбнемся! А нет — так мы расстались хорошо.

Флойд прищурился:

— Шекспир?

— Он самый! Брут и Кассий перед битвой. Еще увидимся.

Василий и Таня лишь на миг оторвались от дисплеев, чтобы кивнуть Флойду, и он вернулся к себе. С остальными он уже попрощался; оставалось ждать. Спальный мешок был укреплен на шнурах, готовый к возвращению гравитации.

— Антенны убраны, защитные экраны подняты, — послышалось из динамика. — Торможение через пять минут. Все идет нормально.

— Я бы так не сказал, — пробормотал Флойд, забираясь в мешок. — «По программе» — еще туда-сюда...

В этот момент в дверь постучали.

— Кто там? — по-русски спросил Флойд.

К его удивлению, это оказалась Женя.

— Можно? — ее голос был смущенным, как у маленькой девочки.

— Конечно. Но почему вы не у себя?

Уже задав вопрос, он понял его несуразность. Ответ был написан на ее лице.

Однако именно от нее он никак не ожидал такого поступка. Она всегда держалась с ним вежливо, но сухо. И единственная на «Леонове» называла его «доктор Флойд». А сейчас, в трудный момент, пришла искать у него поддержки...

— Женя, милая, заходите, — сказал он. — Добро пожаловать. Извините за тесноту.

Она выдавила слабую улыбку, но ничего не ответила. И вдруг Флойд увидел, что она не просто нервничает, а смертельно испугана. Вот почему она пришла сюда. Ей не хотелось показывать свой страх соотечественникам.

Флойда теперь уже не так радовал ее приход. Но на нем лежала ответственность за другого человека, одинокого, оказавшегося далеко от дома. И не должно иметь значения, что этот человек — привлекательная девушка вдвое моложе его. Однако ее близость действовала возбуждающе.

Вероятно, Женя заметила это, но никак не прореагировала. Места в его мешке хватило для обоих. А если пере-

грузка превысит расчетную и крепления не выдержат? Их может убить...

Это была бы отнюдь не героическая смерть, но тревожиться не стоило: запас прочности у подвески, очевидно, имеется. Смех всегда убивает желание: их объятие было уже сугубо платоническим. Флойд не знал, радоваться ли этому или огорчаться.

Но времени на раздумья не оставалось. Откуда-то издалека донесся слабый звук, подобный крику чьей-то потерянной души. Корабль едва ощутимо дрогнул, мешок просел, шнуры натянулись. После длительной невесомости возвращалась сила тяжести.

За несколько секунд слабый звук превратился в рев. Перегрузка возрастала; стало трудно дышать. Да еще и Женя вцепилась в него, как в спасательный круг.

Он попытался отстраниться.

— Все в порядке, Женя. «Цянь» сделал это. Мы тоже сделаем.

Выкрикивать успокаивающие слова было трудно, и Флойд не был уверен, что она слышит его в реве раскаленного газа. Однако она уже не держалась за него так отчаянно, и ему удалось сделать пару глубоких вдохов.

Что сказала бы Каролина, увидев его сейчас? Стоит ли посвящать ее в этот эпизод? Флойд не был уверен, что она поймет. Впрочем, земные проблемы не казались сейчас самыми важными...

Ни говорить, ни двигаться было уже невозможно. Но, привыкнув к своему весу, Флойд больше не ощущал неудобства — если не считать онемения в правой руке. Освободить ее удалось с трудом; Флойд почувствовал себя виноватым. Невольно вспомнилась фраза, приписываемая минимум десятку советских и американских космонавтов: «Трудности и прелести секса в космосе сильно преувеличены».

Интересно, каково сейчас остальным? Флойд вспомнил, что Чандра и Курноу по-прежнему мирно спят. И если «Леонов» вспыхнет мгновенным метеором в небе Юпитера, они об этом никогда не узнают... Но стоит ли им завидовать?

Из динамика послышался голос Тани; слова терялись в грохоте, но тон ее был спокойным, будто ничего особенного не происходило. Флойд взглянул на часы и поразился: «Леонов» прошел уже половину тормозной гиперболы и находился сейчас в самой нижней точке траектории; глубже в атмосферу Юпитера проникали только невозвращаемые автоматические зонды.

— Полпути пройдено! — крикнул он Жене. — Мы опять поднимаемся! — и вновь не понял, услышала ли она. Женя слабо улыбалась, но глаза ее были крепко зажмурены.

Корабль заметно потряхивало, как утлый челн в бурном море. «Вдруг что-нибудь не в порядке?» — подумал Флойд. На миг в сознании возникло видение: стены вокруг раскаляются докрасна и медленно рушатся. Кошмарная сцена из полузабытого рассказа Эдгара По...

Но здесь будет не так. Если теплозащита не выдержит, корабль погибнет мгновенно, расплющившись о монолитную стену газа. Боли не будет; нервная система просто не успеет среагировать. Невелико утешение, но не стоит пренебрегать и им.

Тряска понемногу ослабевала. Таня сделала еще одно неразборчивое сообщение (надо будет ей об этом напомнить). Время, казалось, замедлило бег; вскоре Флойд перестал смотреть на часы — он не верил им. Цифры сменялись так медленно, будто «Леонов» попал в релятивистское замедление времени.

А потом случилось еще более невероятное. Сначала это его позабавило, затем даже возмутило. Женя заснула — заснула рядом с ним.

Впрочем, это была естественная реакция. Внезапно Флойд сам почувствовал опустошенность, какая бывает после близости с женщиной. Он с трудом удерживался, чтобы не заснуть.

Затем Флойд начал падать... падать... падать... и все закончилось. Корабль снова был в космосе, у себя дома.

А они с Женей уже никогда не будут столь близки, но на всю жизнь сохранят особую нежность, непонятную для других.

15. Бегство от великана

Когда Флойд добрался до обзорной площадки, Юпитер остался позади. Флойд знал это разумом, но глазами видел другое. «Леонов» едва вынырнул из атмосферы, и планета по-прежнему закрывала полнеба.

Как и предполагалось, Юпитер взял их в плен, отобрав лишнюю скорость. Если бы не последний огненный час, корабль несло бы сейчас за пределы Солнечной системы — к звездам. Теперь же он следовал по переходному эллипсу — классической гомановской орбите, соединяющей Юпитер с орбитой Ио, которая проходит на триста пятьдесят тысяч километров выше. Если не запустить двигатели, «Леонов» останется на этом эллипсе, замыкая виток каждые девятнадцать часов. Он станет самым близким спутником Юпитера, хотя и ненадолго. С каждым оборотом под действием торможения в атмосфере он начнет терять высоту, перейдет на спираль и в конце концов разрушится.

Флойд не особенно любил водку, но сейчас без колебаний выпил вместе со всеми — за создателей корабля и в память сэра Исаака Ньютона. Потом Таня спрятала бутылку: дел оставалось много.

Хотя все ждали этого, тем не менее вздрогнули, услышав приглушенный взрыв пиропатронов, за которым последовал сильный толчок. Спустя несколько секунд в иллюминаторах показался добела раскаленный, медленно крутящийся диск. Он неторопливо удалялся.

— Смотрите! — закричал Макс. — Летающая тарелка! У кого есть фотоаппарат?

Все с облегчением рассмеялись. Таня сказала:

— Прощай, наш верный защитник! Вот кто действительно сгорел на работе!

— Но не до конца, — вмешался Саша. — В нем осталось добрых две тонны. Сколько полезной нагрузки пропало зря!

— Если так выглядит исконно русская основательность, — возразил Флойд, — то я — за. Лучше уж лишняя тонна, чем недостающий миллиграмм.

Все зааплодировали. Сброшенный защитный экран,

остывая, стал желтым, потом красным, наконец, черным, как окружающее пространство. Он исчез из виду, удалившись всего на несколько километров, хотя время от времени исчезающие и вновь появляющиеся звезды выдавали его местоположение.

— Я проверил орбиту, — сообщил Василий. — Погрешность — десять метров в секунду, не больше. Не так плохо для первого раза.

Все облегченно вздохнули. Еще через несколько минут штурман объявил:

— Разворот для коррекции. Через минуту — зажигание на двадцать секунд. Приращение скорости — шесть метров в секунду.

Из-за близости к Юпитеру не верилось, что «Леонов» стал спутником планеты. Было ощущение, что они летят в высотном самолете, поднявшемся над юпитерианскими облаками. Масштабные ориентиры отсутствовали; казалось, за иллюминаторами пылает обычный земной закат — так знакомы были алые и розовые тона.

Но так только казалось: здесь не было ничего земного. Краски не имели ничего общего с заходящим Солнцем, это были собственные цвета Юпитера. Да и газы чужие — метан, аммиак и чертово зелье углеводородов, сваренное в водородно-гелиевом котле.

Лишь изредка вихри и порывы ураганного ветра нарушали строй облаков, протянувшихся параллельными рядами от горизонта до горизонта. Время от времени восходящие потоки более светлого газа раскрывали их пелену, открывая вид на темный край гигантской воронки, воздушного Мальстрёма, низвергающегося в бездонные глубины Юпитера.

Флойд начал было искать Большое Красное Пятно, но тут же опомнился. Вся распростершаяся внизу облачная панорама не превышала по площади нескольких процентов Красного Пятна; с таким же успехом можно разглядеть Соединенные Штаты, пролетая на самолете где-нибудь над Канзасом.

— Коррекция закончена. Прибытие к Ио через восемь часов пятьдесят пять минут.

«Всего девять часов, — подумал Флойд, — и мы будем

на месте. Ускользнуть от великана удалось — но мы предвидели эту опасность и были готовы к ней. Теперь начинаются опасности неизвестные. А разделавшись с ними, мы снова вернемся к Юпитеру. Его мощь поможет нам на обратном пути».

16. Личные переговоры

— Привет, Дмитрий. Это Вуди, через пятнадцать секунд перехожу на код два... Алло, Дмитрий, помножь коды четыре и пять, извлеки кубический корень, прибавь «пи» в квадрате, округли до целого и получишь нужное число. Если только ваши компьютеры не быстрее наших в миллион раз — а я абсолютно уверен, что это не так, — то наш разговор никто никогда не расшифрует. Ни с твоей стороны, ни с моей.

Кстати, мои по-прежнему надежные источники докладывают, что и очередной делегации не удалось убедить старика Андрея уйти с поста президента Академии. Я смеялся до слез — так Академии и надо. Я знаю, что ему за девяносто и он становится немножко... упрям. Но советов давать не буду, хотя я — лучший специалист в мире, виноват, в Солнечной системе по отставкам престарелых ученых.

Ты не поверишь, но я слегка пьян. Мы решили отпраздновать свое прибытие, когда постр... повср... Черт, по-встре-чались с «Дискавери». И нужно было отметить пробуждение двух наших коллег. Чандра, правда, не пил — это было бы для него слишком по-человечески, — зато Курноу постарался за двоих. Одна Таня была трезвой как стеклышко.

Мои соотечественники — господи, я уже заговорил как политик, — благополучно вышли из анабиоза и готовы к работе. Время подгоняет, а состояние «Дискавери» не блестящее. Его снежно-белый корпус стал тускло-желтым.

Виновата, конечно, Ио. «Дискавери» снизился уже до трех тысяч километров, а каждые несколько дней какой-нибудь из здешних вулканов выбрасывает в пространство несколько мегатонн серы. Ты видел фильмы, но по ним не поймешь, какой здесь ад. С нетерпением жду, когда мы

отсюда отчалим — хотя следующий этап будет, вероятно, опаснее...

Я пролетал над Килауа во время извержения 2006 года. Это было страшное зрелище. Но здесь неизмеримо страшнее. Сейчас мы над ночной стороной Ио, тут еще хуже. Настоящее пекло.

Некоторые озера серы от жара светятся, но в основном свет дают электрические разряды. Ландшафт как бы взрывается каждые несколько минут, словно его озаряет гигантская фотовспышка. Это не просто сравнение: сила тока в ионизированном канале между Юпитером и Ио достигает миллионов ампер, и часто происходит пробой. Так получаются величайшие молнии в Солнечной системе, а наши предохранители, естественно, тут же срабатывают.

Только что началось новое извержение. Прямо на терминаторе. Огромная туча, озаренная Солнцем, поднимается к нашему кораблю. Конечно, она, если даже достигнет такой высоты, станет к тому времени безобидной. Но вид у нее зловещий — этакое космическое чудовище, пытающееся нас проглотить...

Сразу после прибытия я понял, что Ио мне что-то напоминает. Вспоминал два дня, потом связался с архивом — бортовая библиотека не помогла. Ты помнишь «Владыку колец»? Да, Ио — это Мордор. Загляни в третью часть романа. Там описаны «реки расплавленного камня, которые извиваются... а потом застывают и лежат, будто окаменевшие драконы, извергнутые измученной землей». Это точное описание: Толкиен сделал его за четверть века до того, как глаза человеческие увидели поверхность Ио. Так что же все-таки первично — Искусство или Природа?..

Хорошо, что хоть не надо туда садиться. Возможно, в будущем кто-нибудь это сделает: здесь есть относительно устойчивые участки, не заливаемые потоками серы.

Никогда бы не поверил, что можно болтаться рядом с Юпитером и не обращать на него внимания. Но так оно и есть. Когда мы не смотрим на Ио или «Дискавери», мы думаем об «артефакте».

Он в десяти тысячах километров от нас, в точке либра-

ции, но сквозь телескоп кажется совсем рядом. Масштабных ориентиров нет, и не верится, что в нем два километра. Если он твердый, то весит миллиарды тонн.

Но твердый ли он? Он почти не отражает лучи радаров, даже при перпендикулярном падении. Мы видим лишь черную прямоугольную тень на облаках Юпитера, до которых в действительности в тридцать раз дальше. Не считая размеров, это точная копия монолита, найденного на Луне.

Завтра — высадка на «Дискавери»; не знаю, когда мы снова сможем поговорить. А у меня есть к тебе громадная просьба.

Я говорю о Каролине. Она так и не поняла, почему я полетел. Думаю, она никогда мне не простит. Некоторые женщины считают, что любовь — это главное. Считают, что любовь — это все. Возможно, они правы — что толку спорить.

Если представится случай, попробуй ее подбодрить. Она говорила, что собирается вернуться на материк. Боюсь, если так... Если с ней не получится, попытайся подбодрить Криса. Я очень соскучился по нему.

Он-то поверит дяде Диме — скажи, что папа его попрежнему любит и постарается вернуться скорее.

17. Абордаж

Высадиться на другой космический корабль, если он сам этому не содействует, нелегко. А нередко и опасно.

Смысл этой прежде абстрактной истины стал очевиден для Уолтера Курноу, как только он собственными глазами увидел кувыркающееся стометровое тело «Дискавери». Годы назад бортовая центрифуга остановилась из-за трения в подшипниках, но угловой момент передался корпусу корабля. И «Дискавери» вращался вокруг поперечной оси, словно жезл лихого тамбур-мажора.

Это вращение следовало остановить: оно делало корабль не только неуправляемым, но и почти неприступным. В воздушном шлюзе «Леонова» Курноу с Максом Браиловским облачались в скафандры, Курноу испытывал почти незнакомое ему чувство неуверенности, даже не-

полноценности; задание ему не нравилось. «Я опытный инженер, а не подопытное животное», — объяснял он; однако дело нужно было делать. Лишь он мог вырвать «Дискавери» из лап Ио. Времени оставалось мало: корабль врежется в огненное пекло, прежде чем русским удастся разобраться в незнакомом оборудовании.

— Страшно? — спросил Макс; они уже одевали шлемы.

— Конечно. Но штаны пока сухие.

Макс усмехнулся:

— Вот и отлично. Ничего, доставлю в целости и сохранности. На моем... как правильно?

— «Помеле». Транспортном средстве ведьм.

— Точно. Знакомая штука?

— Один раз попробовал. Оно от меня сбежало.

Некоторым профессиям присущи собственные инструменты: мастерок каменщика, молоток геолога, круг гончара... Строители космических станций придумали «помело».

В сложенном состоянии это просто метровая труба, заканчивающаяся «башмаком» вроде тех, на которые приземляются межпланетные аппараты. Но при нажатии кнопки оно раздвигается в несколько раз; внутренние накопители импульса позволяют умелому оператору выделывать с таким «помелом» самые невероятные трюки. «Башмак» можно заменить клешней или крюком, есть и другие хитрости. «Помело» кажется простым в обращении — но только кажется.

Насосы умолкли, перестав откачивать воздух. Над внешним люком загорелась надпись: «Выход», потом он отворился, и они медленно выплыли наружу.

«Дискавери» подобно крылу ветряной мельницы вращался в двухстах метрах от «Леонова». Корабли шли параллельными курсами вокруг Ио, которая загораживала полнеба — и закрывала Юпитер. Момент выхода выбрали не случайно: Ио служила экраном, защищающим от мощных энергетических разрядов, которые гуляли между двумя мирами. Но радиации хватало и здесь. Оставаться вне укрытия больше пятнадцати минут было крайне нежелательно.

Курноу тут же ощутил неудобство.

— На Земле скафандр был в самый раз, — пожаловался он. — Сейчас я болтаюсь в нем, как в погремушке.

— Все в порядке, Уолтер, — вмешалась в радиоразговор бортврач Руденко. — В анабиозе вы потеряли десять килограммов, но они все равно были лишними... Правда, три вы уже вернули.

Курноу не успел достойно ответить — его мягко, но сильно повлекло от «Леонова».

— Отдыхайте, Уолтер, — сказал Браиловский. — Ускорители не включайте, я все сделаю сам.

Миниатюрные двигатели в ранце Браиловского несли их к «Дискавери». После появления облачка пара буксирный трос натягивался, Курноу приближался к Браиловскому, но догнать не успевал — следовало новое зажигание. Курноу чувствовал себя чертиком на ниточке — недавно началось их очередное нашествие на Землю. Он дергался вверх-вниз, совершенно беспомощный.

К «Дискавери» вел лишь один безопасный путь — вдоль оси, вокруг которой медленно вращался корабль. Она проходила примерно посередине, возле главной антенны; туда-то и нацелился Браиловский, увлекая за собой партнера. «Каким образом он успеет нас остановить?» — с тревогой спрашивал себя Курноу.

«Дискавери» надвигался, похожий на огромную вытянутую гантель, размеренно перемалывающую небо. Хотя полный оборот занимал не одну минуту, скорость концов этой вертушки была внушительной. Курноу старался смотреть не на них, а на приближающийся центр, который медленно поворачивался.

— Сейчас я сделаю это, — сказал Браиловский. — Помогать не надо, но приготовьтесь.

«Что значит — это?» — подумал Курноу, призывая на помощь все свое хладнокровие.

Операция заняла пять секунд. Браиловский раздвинул «помело» на четыре метра, оно уперлось в борт корабля и сложилось, передав внутренним накопителям весь импульс хозяина; но вопреки ожиданиям Курноу тот вовсе не остановился у основания антенны. Нет, «помело» тут же раздвинулось, отбросив советского космонавта от «Дис-

кавери». Будто отразившись от упругой стенки, он пронесся всего в нескольких сантиметрах от Курноу, и испуганный американец успел различить лишь широкую усмешку на его лице.

Секундой позже последовал рывок. Трос натянулся и тут же ослаб. Противоположные скорости погасились: оба космонавта практически замерли относительно «Дискавери». Курноу оставалось ухватиться за ближайший выступ и подтянуть товарища.

— Вы играли когда-нибудь в *русскую рулетку*? — поинтересовался он, постепенно успокаиваясь.

— А что это такое?

— Столь же невинное развлечение, — объяснил Курноу. — Я вас как-нибудь научу.

— Не хотите ли вы сказать, Уолтер, что Макс собирался совершить нечто *опасное*?

Голос доктора Руденко звучал не на шутку обеспокоенно, и Курноу не стал отвечать; иногда русские не понимали его своеобразный юмор. «Над кем смеетесь?» — пробормотал он вполголоса, надеясь, что никто его не услышит.

Теперь, когда они прочно обосновались на втулке космической карусели, вращение почти не ощущалось — особенно когда Курноу фиксировал взгляд на металлической обшивке «Дискавери». Но его поджидало новое испытание. Лестница, проходившая вдоль вытянутого цилиндрического корпуса, казалась бесконечно длинной. Создавалось впечатление, что массивный шар командного отсека отделяют от них световые годы. Конечно, Курноу знал, что расстояние не превышает пятидесяти метров, но...

— Я пойду первым, — сказал Браиловский, выбирая слабину на соединяющем их тросе. — Считайте, мы просто спускаемся. Помните об этом. Но не бойтесь сорваться — даже в самом низу сила тяжести вдесятеро меньше нормальной. А это — как правильно? — блошиный укус.

— Скорее уж блошиный вес... Если не возражаете, я пойду ногами вперед. Не люблю лазить по лестницам вниз головой — пусть и при малой гравитации.

Этот не слишком серьезный тон очень помогал. Раз-

мышлять о тайнах и опасностях нельзя; Курноу прекрасно понимал это. Почти за миллиард километров от дома он готовился проникнуть внутрь самого знаменитого в истории космического корабля: кто-то из журналистов удачно назвал «Дискавери» космической «Марией Целестой». Но происходившее было исключительным и по другой причине: Курноу не мог забыть о нависшем над головой зловещем ландшафте Ио. При каждом прикосновении к поручням на рукаве появлялись новые пятна серы.

Разумеется, Браиловский был прав: приспособиться к центробежной силе, заменявшей здесь гравитацию, оказалось нетрудно. Она совсем не мешала, даже наоборот — помогала правильно ориентироваться.

В конце концов, неожиданно для себя они ступили на большой выцветший шар — командный отсек «Дискавери». В нескольких метрах располагался аварийный люк — тот самый, понял Курноу, которым воспользовался Боумен при решающей схватке с ЭАЛом.

— Надеюсь, нас впустят, — пробормотал Браиловский. — Обидно забраться в такую даль и получить от ворот поворот.

Он смахнул серную пыль с пульта управления шлюзом.

— Не работает, конечно. Или попробовать?

— Вреда не будет. Но вряд ли получится.

— Ничего. Тогда придется вручную...

Радостно было следить, как в сплошной выпуклой стене появляется узкая, с волос, щель. Из нее вырвалось облачко пара вместе с клочком бумаги — возможно, какой-то важной запиской. Однако этого никто никогда не узнает: бумажка, быстро вращаясь, исчезла вдали.

Браиловский еще долго крутил маховик, прежде чем мрачная, негостеприимная пещера воздушного шлюза открылась полностью. Тайная надежда Курноу, что работает хотя бы аварийное освещение, тут же рассеялась.

— Теперь командуйте вы, Уолтер. Это территория США.

Но «территория США» не показалась Курноу особо приветливой, когда он осторожно влезал в люк, освещая себе путь рефлектором на шлеме. Впрочем, насколько он

мог судить, все было на месте. «А на что еще ты рассчитывал?» — сердито спросил он себя.

Времени на то, чтобы закрыть люк, ушло гораздо больше. Прежде чем крышка окончательно встала на место, Курноу бросил взгляд на адскую панораму Ио.

Возле экватора вскрылось мерцающее синее озеро; всего несколько часов назад его не было и в помине. Вдоль кромки озера плясали яркие желтые всполохи — верный признак раскаленного натрия. Ночной пейзаж прикрывала призрачная паутина плазменного разряда — одного из обычных для Ио полярных сияний.

Здесь было достаточно пищи для многих грядущих кошмаров, а завершал картину мазок, достойный кисти сумасшедшего сюрреалиста. В черное небо, казалось, прямо из пламени объятой пожаром луны вздымался гигантский изогнутый рог — таким, вероятно, видит его в последний миг обреченный тореадор.

Острый серп Юпитера вставал перед двумя кораблями, мчавшимися навстречу ему по параллельным орбитам.

18. Спасение имущества

Как только люк закрылся, Курноу и Макс поменялись ролями. Теперь уже Курноу чувствовал себя как дома, Браиловский же очутился в чужой стихии: его угнетала теснота туннелей и внутренних переходов. Разумеется, планировку «Дискавери» он знал, но лишь по чертежам и рисункам. В то время как Курноу несколько месяцев работал внутри еще не законченного «Дискавери-2» и ориентировался в нем буквально с закрытыми глазами.

Они пробирались вперед с трудом — корабль создавался для невесомости, а его неуправляемое вращение приводило к тяжести, хотя и слабой, но направленной всегда в самую неудобную сторону.

— Первое, что надо сделать, — буркнул Курноу, свалившись, словно в колодец, в очередной коридор и лишь через несколько метров за что-то ухватившись, — это остановить чертово вращение. Но нужна энергия. Надеюсь, Дэйв Боумен все обесточил, прежде чем навсегда покинуть корабль.

— Навсегда? А если он собирался вернуться?

— Не исключено. Но вряд ли мы это узнаем — даже если знал он сам.

Они достигли «Горохового стручка» — бортового космического гаража. Когда-то здесь помещались три «горошины» — три одноместные сферические капсулы для работы в открытом космосе. На месте оставалась только одна. Первая пропала после гибели Фрэнка Пула. Вторая находилась сейчас с Дэйвом Боуменом, где бы тот ни был.

На вешалках висели два скафандра без шлемов, неприятно похожие на обезглавленные тела. Не требовалось особого воображения — а оно у Браиловского работало сейчас сверх меры, — чтобы наполнить корабль целым зверинцем зловещих обитателей.

Курноу, естественно, не мог упустить удобного случая.

— Макс, — произнес он совершенно серьезно, — что бы ни произошло, умоляю: не гоняйтесь за корабельным котом.

Браиловскому стало не по себе. Он едва не ответил: «Зря вы вспомнили об этом», — но сдержался. Не стоило обнаруживать слабость. Он сказал:

— Хотел бы я знать, кто подсунул нам этот жуткий фильм.

— Наверняка Катерина, — предположил Курноу. — Чтобы испытать нашу психическую устойчивость. Неделю назад, по-моему, он показался вам очень смешным*.

Браиловский промолчал — Курноу был прав. Но одно дело теплая светлая кают-компания «Леонова», и совсем другое — ледяное темное чрево мертвого корабля, населенного привидениями. Даже самый несуеверный человек легко вообразил бы здесь неумолимого чужака, рыскающего по коридорам в поисках очередной жертвы...

"Все ты, бабушка, виновата, — подумал Макс. — Прости, родная, пусть земля сибирская будет тебе пухом.

---

* Речь идет об американском научно-фантастическом фильме «Чужак», в котором появившееся на борту космического корабля инопланетное чудовище преследует корабельного кота. Люди не видят чудовища и, думая, что кот убегает от них, начинают гоняться за ним. Тот, кто «вклинивается» между преследователем и преследуемым, сам становится жертвой.

Но виновата ты и те страшные сказки, которыми ты забила мне голову. До сих пор, стоит закрыть глаза, и я ясно вижу избушку на курьих ножках посреди лесной глухомани...

Но стоп. Я — способный молодой инженер. Передо мной самая сложная в моей жизни техническая задача. И моему американскому другу совсем необязательно знать, что иногда я просто испуганный мальчик...»

Его раздражали шумы: их было слишком много. Такие слабые, что лишь опытный космонавт различил бы их в шорохе собственного скафандра. Но Максу Браиловскому, привыкшему работать в мире полного безмолвия, они действовали на нервы, хотя он и знал, что все эти скрипы и трески вызваны перепадом температур: корабль вращался, будто жаркое на вертеле. Несмотря на удаленность от Солнца, разница температур на свету и в тени была значительной.

Даже привычный скафандр стал неудобен — снаружи появилось давление. Силы, действующие на сочленения, слегка изменились, и трудно стало рассчитывать движения. «Ты новичок, — сердито напомнил он себе, — придется всему учиться сначала. И пора сменить настроение, сделать что-нибудь этакое...»

— Уолтер, — сказал он. — Я хочу глотнуть здешнего воздуха.

— Что ж, давление в порядке. Температура... ого, сто пять ниже нуля!

— Да, бодрящий сибирский мороз. Но воздух в моем скафандре остынет не сразу.

— Тогда валяйте. А можно, я посвечу на ваше лицо? Чтобы не пропустить момент, когда оно посинеет... И говорите что-нибудь.

Браиловский поднял прозрачное забрало шлема и вздрогнул: казалось, невидимые ледяные пальцы впились в щеки. Он осторожно потянул воздух, затем вдохнул глубже.

— Холодно... Но до легких пока не дошло. И странный запах. Затхлый, гнилой... будто что-то... О нет!

Сильно побледнев, Браиловский захлопнул забрало.

— В чем дело, Макс? — спросил Курноу с внезапной и

на этот раз неподдельной тревогой. Браиловский не ответил; казалось, его вот-вот стошнит. В скафандре это грозная, иногда смертельная, опасность.

После некоторого молчания Курноу сказал:

— Я понял, но вы наверняка ошибаетесь. Пул, как мы знаем, остался в космосе. Боумен доложил, что... отправил за борт остальных. Тех, кто умер в анабиозе. Несомненно, он так и сделал. Здесь пусто. К тому же холодно. — Курноу чуть не добавил: «Как в морге», — но сдержался.

— Предположим, — тихо сказал Браиловский, — что Боумену удалось вернуться и он умер здесь...

Последовала еще более долгая пауза; затем Курноу медленно, но решительно открыл собственное забрало. Он содрогнулся, когда морозный воздух ожег ему легкие, потом с отвращением сморщил нос.

— Теперь я вас понимаю. Но не стоит давать волю воображению. Десять против одного, что воняет со склада. Видимо, прежде чем корабль промерз насквозь, испортилось какое-нибудь мясо. Боумену некогда было заниматься хозяйством. Я бывал в холостяцких квартирах, где пахло не лучше.

— Вероятно, вы правы.

— Разумеется, прав. А если и нет — какая разница, черт возьми? Мы на работе, Макс. И если Дэйв Боумен еще здесь, это уже не наша забота. Верно, Катерина?

Бортврач не ответила: они забрались слишком далеко внутрь корабля, радиоволны не доходили сюда. Они были отрезаны от остальных, но настроение у Макса уже улучшилось. Уолтер был надежным напарником, хотя и казался иногда легкомысленным. Зато он отличный специалист — а если нужно, тверд как кремень.

Вдвоем они вернут «Дискавери» к жизни — и, возможно, к Земле.

19. Бой с ветряной мельницей

Восторженный вопль сотряс стены «Леонова», когда «Дискавери», как новогоднюю елку, украсили разноцветные навигационные огни; наверно, он был слышен даже в

пустоте, которая разделяла корабли. Но огни быстро погасли.

С полчаса "Дискавери" не подавал признаков жизни: затем в иллюминаторах командного отсека замелькали красные отсветы аварийного освещения. Спустя несколько минут за пленкой серной пыли появились неясные силуэты Курноу и Браиловского.

— Макс! Уолтер! Вы нас слышите? — позвала Таня Орлова. Оба помахали в ответ, но этим и ограничились. Видимо, у них не было времени на разговоры; зрителям у иллюминаторов пришлось набраться терпения и следить, как зажигаются и гаснут огни, отворяются и захлопываются люки «горохового стручка», медленно поворачивается чаша главной антенны...

— Алло, «Леонов»! — послышался наконец голос Курноу. — Простите, что с запозданием, но нам было некогда.

Вот первые впечатления. Корабль в лучшем состоянии, чем я предполагал. Корпус цел, утечка воздуха ничтожна — давление восемьдесят пять процентов от номинала. Воздух пригоден для дыхания, но его нужно будет сменить. Воняет, как на помойке.

С энергией полный порядок. Главный реактор стабилен, батареи в хорошем состоянии. Почти все обесточено — то ли Боумен догадался, то ли предохранители сработали сами. Так что оборудование не пострадало. Но придется все хорошенько проверить, прежде чем врубать на полную катушку.

— Сколько времени на это уйдет? Хотя бы на основное — двигатели, жизнеобеспечение?

— Трудно сказать, шкип. Когда мы должны упасть?

— Через десять дней, по последним оценкам. Но все может измениться в любую минуту — и в любую сторону.

— Ну, а мы, думаю, управимся за неделю. Вытащим корабль из этой чертовой дыры.

— Помощь нужна?

— Пока нет. Сейчас полезем в центрифугу, проверять подшипники. Надо запустить ее поскорее.

— Простите, Уолтер, вы уверены, что это так срочно? Гравитация — это хорошо, но мы обходились и без нее.

— Гравитация ни при чем, хотя и она не помешает. Центрифуга притормозит вращение корабля. Остановит это чертово кувыркание. Тогда можно будет соединить шлюзы и не выходить в космос. Работа облегчится по меньшей мере раз в сто.

— Отличная мысль, Уолтер. Вы что же, собираетесь состыковать мой корабль с этой... мельницей? А если подшипники заест и центрифуга встанет снова? Нас разнесет в клочья.

— Хорошо, оставим это на потом. Свяжусь при первой возможности.

Кончались вторые сутки, когда Курноу и Браиловский, падая от усталости, завершили осмотр корабля. Их отчет весьма порадовал американское правительство: возникло законное основание объявить «Дискавери» не потерпевшим кораблекрушение, а «временно законсервированным кораблем США». Теперь его требовалось расконсервировать.

После подачи энергии настала очередь за воздухом. Не помогла самая тщательная уборка, вонь не исчезла. Как и думал Курноу, она исходила от продуктов, испортившихся после отказа холодильников. Однако он утверждал — с самым серьезным видом, — что запах этот весьма романтичен. «Я закрываю глаза, — говорил он, — и чувствую себя на старинном китобойном судне. Представляете, как благоухало на палубе «Пеквода»?»

Все, кто побывал на «Дискавери», соглашались, что особого воображения на это не требуется. В конце концов пришлось стравить воздух за борт. К счастью, в запасных емкостях его оказалось достаточно.

Весьма приятный сюрприз таили в себе топливные баки: там сохранилось около девяноста процентов топлива, взятого на обратный путь. Аммиак, выбранный вместо водорода в качестве рабочей жидкости, оправдал доверие. Конечно, водород был эффективнее, но он уже годы назад испарился бы в космос, несмотря даже на холод за бортом. А вот сжиженный аммиак остался почти целиком, и его вполне хватит для возвращения на околоземную орбиту. Или, по крайней мере, на окололунную.

Но восстановить контроль над "Дискавери", пока он

вращался наподобие пропеллера, было невозможно. Сравнив Курноу и Браиловского с Дон Кихотом и Санчо Пансой, Саша Ковалев выразил надежду, что их поход против ветряной мельницы завершится более удачно.

Соблюдая максимальную осторожность, с многочисленными перерывами и проверками, на центрифугу подали питание, и громадный барабан разогнался, вновь отбирая вращение, отданное когда-то кораблю. "Дискавери" исполнил серию сложных кульбитов, и в конце концов его кувыркание почти прекратилось. Двигатели ориентации остановили вращение полностью. Теперь корабли, словно связанные, летели бок о бок: крепкий толстяк "Леонов" выглядел еще короче рядом со стройным "Дискавери".

Переход из корабля в корабль упростился, но капитан Орлова и теперь не разрешала соединять их физически. До грозной поверхности Ио оставалось совсем немного, и никто не мог поручиться, что не придется все-таки бросить судно, ради спасения которого было израсходовано столько сил.

Причина снижения "Дискавери" уже не составляла тайны, но что толку? Всякий раз, проходя между Юпитером и Ио, "Дискавери" пересекал ионизированный канал, соединяющий два небесных тела — электрическую реку между мирами. Возникавшие в корпусе вихревые токи притормаживали корабль на каждом витке.

Точно предсказать момент падения не удавалось — ток в канале менялся в широких пределах, подчиняясь неведомым законам Юпитера. Временами активность планеты-гиганта резко увеличивалась, тогда над Ио бушевали электрические и магнитные бури; их сопровождали полярные сияния. А корабли теряли высоту, и внутри них на какое-то время воцарялась нестерпимая жара.

Поначалу это удивляло и даже пугало, потом все объяснилось. Любое торможение ведет к нагреву; мощные токи превращали корабль в своеобразную электропечь. "Дискавери" бросало то в жар, то в холод на протяжении нескольких лет — неудивительно, что продукты на борту не проявили достаточной стойкости.

До гноящейся поверхности Ио, похожей на иллюстрацию из медицинского учебника, оставалось всего пятьсот

километров, когда "Леонов" отошел на почтительное расстояние от "Дискавери" и Курноу решился включить маршевый двигатель. В отличие от допотопных химических ракет из кормовой части "Дискавери" не вырвалось ни дыма, ни пламени, но расстояние между кораблями начало увеличиваться — "Дискавери" набирал скорость. После нескольких часов маневрирования корабли отстранились от Ио на тысячу километров; можно было передохнуть и подготовиться к следующему этапу.

— Вы славно поработали, Уолтер, — сказала борт-врач Руденко, обнимая полной рукой усталые плечи Курноу. — Мы очень вами гордимся.

И — совершенно случайно — разбила перед его носом ампулу. Он проснулся спустя сутки, голодный и злой.

20. Гильотина

— Что это? — с отвращением поинтересовался Курноу, взвешивая на ладони небольшой механизм. — Гильотина для мыши?

— Почти так — только для более крупного зверя. — Флойд ткнул пальцем в экран дисплея; вспыхивающая стрелка указывала на схему сложной цепи. — Узнаете эту линию?

— Главный распределительный кабель. И что?

— Вот точка, где он подсоединяется к ЭАЛу. Приспособление следует установить здесь, под оболочкой кабеля — тут его трудней обнаружить.

— Ясно. Дистанционное управление. Чтобы в случае чего перекрыть ему питание. Хорошо сработано, и лезвие токонепроводящее. Никаких замыканий при включении. Кто делает такие игрушки? ЦРУ?

— Какая разница? Управление из моей комнаты, с маленького красного микрокалькулятора. Набрать девять девяток, извлечь квадратный корень и — нажать кнопку. Радиус действия придется еще уточнить, но пока "Дискавери" рядом, можно не опасаться, что ЭАЛ снова сойдет с ума.

— Кому можно знать об этой... штуке?

— Нельзя только Чандре.

— Так я и думал.

— Но чем меньше посвященных, тем лучше. Я сообщу Тане. В случае необходимости вы покажете ей, как пользоваться приспособлением.

— Какой еще необходимости?

Флойд пожал плечами.

— Если бы я знал, нам бы оно не понадобилось.

— Так. И когда мне поставить этот... эалоглушитель?

— Желательно поскорее. Скажем, сегодня вечером, когда Чандра уснет.

— Смеетесь? Он вообще не спит. Он как мать у постели больного ребенка.

— Ну, иногда он наведывается на «Леонова» поесть...

— Вы думаете? В последний раз он прихватил мешочек риса. Этого ему хватит на месяц, не меньше.

— Тогда придется одолжить у Катерины ее снотсшибательные пилюли. На вас, кажется, они подействовали неплохо?

Курноу, конечно, врал насчет Чандры — по крайней мере так полагал Флойд, хотя поручиться за это было нельзя: Курноу мог выдавать махровую ложь с самым невинным лицом. Русские поняли это далеко не сразу; зато теперь, в порядке самозащиты, заранее хохотали, даже когда Курноу и не думал шутить.

Сам же Курноу, говоря по правде, смеялся теперь совсем не так громко, как тогда, в стартующем ракетоплане. Вероятно, там подействовал алкоголь. Флойд опасался рецидива на празднестве по случаю встречи с «Дискавери». Однако Курноу, хотя и выпил достаточно, контролировал себя не хуже самой Орловой.

Единственное, к чему он относился серьезно, была работа. На старте Курноу был пассажиром «Леонова». Сейчас он стал экипажем «Дискавери».

21. Воскрешение

Вот-вот мы разбудим спящего исполина, сказал себе Флойд. Как ЭАЛ среагирует на наше запоздалое появле-

ние? Что вспомнит из прошлого? И как будет настроен — враждебно или по-дружески?

Плавно скользя по воздуху в командном отсеке «Дискавери», Флойд думал о секретном выключателе, установленном несколько часов назад. Передатчик лежал у него в кармане, и он чувствовал себя немного неловко: ЭАЛ был пока отрезан от исполнительных механизмов. После включения он станет всего лишь мозгом, безногим и безруким существом, пусть и наделенным органами чувств. Он сможет разговаривать, но не действовать. Как выразился Курноу: «В худшем случае обложит нас матом».

— Я готов к первому испытанию, капитан, — сказал Чандра. — Все блоки восстановлены, и я прогнал диагностические тесты по всем системам. Все в порядке, по крайней мере пока.

Капитан Орлова взглянула на Флойда, тот кивнул. На это первое испытание Чандра допустил только их, да и то неохотно.

— Очень хорошо, доктор Чандра. — Памятуя, что каждое слово фиксируется, капитан Орлова добавила: — Доктор Флойд высказал свое одобрение, у меня тоже нет возражений.

— Я должен вам пояснить, — произнес доктор Чандра тоном, в котором, напротив, никакого одобрения не ощущалось, — что слуховые и речевые центры повреждены. Нам придется заново учить его говорить. К счастью, он обучается в миллионы раз быстрее, чем человек.

Пальцы ученого заплясали по клавиатуре. Он набрал десяток слов, на первый взгляд случайных, тщательно произнося каждое, когда оно появлялось на экране дисплея. Они возвращались из динамика как искаженное эхо — безжизненные, даже механические, за ними не чувствовалось разума. Нет, это не ЭАЛ, подумал Флойд. Это просто говорящая игрушка — первые из них появились во времена моего детства...

Чандра нажал кнопку «ПОВТОР», и слова прозвучали снова. Произношение заметно улучшилось, но пока спутать голос с человеческим было немыслимо.

— Слова, которые я ему предложил, содержат основ-

ные фонемы английского языка. Десять повторений — и речь станет приемлемой. Но у меня нет оборудования для настоящего лечения.

— Лечение? — спросил Флойд. — Вы хотите сказать, что... его мозг поврежден?

— Нет, — отрезал Чандра. — Логические цепи в отличном состоянии. Плох только голосовой выход, но и он постепенно поправится. Следите за дисплеем, во избежание ошибок. И старайтесь говорить поразборчивей.

Флойд подмигнул капитану Орловой и задал естественный вопрос:

— А как насчет русского акцента?

— Думаю, с капитаном Орловой и доктором Ковалевым трудностей не возникнет. Для других придется устроить экзамен. Кто не выдержит, пусть пользуется клавиатурой.

— Ну, до этого пока далеко. На первых порах общаться с ним будете только вы. Согласны, капитан?

— Конечно.

Лишь легкий кивок подтвердил, что Чандра их слышит. Его пальцы летали по клавишам, а слова и символы мелькали на экране так быстро, что ни один нормальный человек не смог бы их воспринять.

Это священнодействие слегка утомляло. Вдруг ученый, словно вспомнив об Орловой и Флойде, предостерегающе поднял руку. Потом неуверенным движением, разительно отличавшимся от предшествующих манипуляций, снял блокировку и надавил особую, отдельную от остальных, кнопку.

И раздался голос, без всякого запаздывания. Уже отнюдь не механическая пародия на человеческую речь. В нем чувствовались разум, сознание — даже самосознание, пусть пока и зачаточное.

— Доброе утро, доктор Чандра. Говорит ЭАЛ. Я готов к первому уроку.

Наступила тишина. Затем, не сговариваясь, зрители поспешно покинули помещение.

Хуйвуд Флойд никогда не поверил бы, что такое возможно. Доктор Чандра плакал.

IV. ЛАГРАНЖ

22. Большой Брат

—... Это просто замечательно, что у дельфинов родился маленький. Представляю возбуждение Криса, когда гордые родители устроили смотрины. Мои коллеги растрогались, увидев по видео Криса верхом на спине малыша. И предложили назвать дельфиненка Спутник — по-русски это означает не только «спутник планеты», но и «компаньон».

Прости за долгое молчание, но сама знаешь, сколько у нас было работы. Даже капитан Таня ничего не пыталась планировать; каждый делал что мог. А спали, лишь когда не в состоянии были бодрствовать.

Зато нам, думаю, есть чем гордиться. Оба корабля в рабочем состоянии, первый цикл проверок ЭАЛа близится к завершению. Через пару дней окончательно прояснится, можно ли доверить ему управление на пути к Большому Брату.

Не знаю, кто придумал это название — русские, понятное дело, от него не в восторге. Но их не удовлетворяет и наше официальное название ЛМА-2. Во-первых, потому, что до Луны отсюда добрый миллиард километров. Во-вторых, поскольку Боумен магнитного поля у здешнего объекта так и не обнаружил. Когда я попросил их придумать собственное название, они предложили русское слово *Загадка*. Неплохо, конечно, но когда я пробую это произнести, все хохочут.

Впрочем, как эту вещь ни называй, она от нас всего в десяти тысячах километров; до нее несколько часов лета. Но решиться на этот короткий перелет непросто.

Мы надеялись найти какие-нибудь новые сведения на борту «Дискавери». Но, как и следовало ожидать, не нашли ничего. ЭАЛ вышел из строя задолго до прибытия сюда, и его память чиста; все свои секреты Боумен унес с собой. В бортжурнале и автоматических регистраторах тоже нет для нас ничего интересного.

Единственное, что мы обнаружили, — это послание Боумена матери. Не совсем понятно, почему он его не от-

правил. Очевидно, надеялся вернуться в корабль. Мы, конечно, переслали письмо миссис Боумен, она живет сейчас в доме для престарелых во Флориде. У нее душевное расстройство, так что она скорее всего ничего и не поймет.

Вот и все новости. Мне очень не хватает тебя. А еще — синего небосвода и изумрудной океанской воды. Здесь господствуют краски закатного неба — красные, оранжевые и желтые. Они великолепны, но вскоре начинаешь скучать по холодным, чистым цветам противоположного конца спектра.

Целую вас обоих — пошлю новую весточку, как только смогу.

23. Рандеву

Из всего экипажа «Леонова» найти общий язык с доктором Чандрой удалось лишь Николаю Терновскому, специалисту по системам управления. Хотя создатель и учитель ЭАЛа никому не доверял полностью, усталость заставила его принять предложенную помощь. Их сотрудничество привело к неожиданно удачным результатам. Николай каким-то образом ухитрялся определять, когда он действительно нужен Чандре, а когда тот предпочитает остаться один. То, что Николай знал английский хуже большинства своих коллег, ничему не мешало: они общались в основном на компьютерном языке, совершенно недоступном остальным.

После недели кропотливых трудов все управляющие функции ЭАЛа были восстановлены. Теперь он напоминал человека, который ходит, выполняет простейшие команды, справляется с несложной работой и способен поддерживать не особо притязательный разговор. По человеческой шкале его КИ не превышает пятидесяти; восстановилась лишь малая часть его прежней личности.

Он еще окончательно не очнулся от долгого сна, однако, согласно заключению Чандры, был уже в состоянии перевести «Дискавери» с низкой орбиты вокруг Ио к Большому Брату.

Всем хотелось поскорее отойти от бурлящего пекла на лишние семь тысяч километров. Ничтожное по астроно-

мическим меркам, это перемещение означало, что небо перестанет походить на пейзаж, достойный фантазии Данте или Иеронима Босха. И хотя выбросы даже наиболее мощных извержений не достигали кораблей, оставалась опасность, что Ио попытается побить собственный рекорд. Да и без того пленка серы все сильнее загрязняла иллюминаторы «Леонова»; рано или поздно кому-нибудь придется выйти в космос, чтобы ее счистить.

Когда ЭАЛу впервые доверили управление, на борту «Дискавери» находились лишь Курноу и Чандра. Впрочем, доверие было весьма условным — компьютер лишь повторил программу, введенную в его память, и следил за ее выполнением. А люди следили за ним — в случае малейшего сбоя они бы немедленно вмешались.

Двигатель работал всего десять минут; затем ЭАЛ доложил, что «Дискавери» вышел на орбиту перехода. Как только это подтвердили радары «Леонова», он последовал за первым кораблем. После двух небольших коррекций и трех с четвертью часов полета оба корабля благополучно прибыли в точку Лагранжа Л-1, расположенную между Ио и Юпитером на высоте десяти с половиной тысяч километров.

ЭАЛ действовал безупречно, и на лице Чандры появились бесспорные признаки таких человеческих чувств, как удовлетворение и даже радость. Но к этому моменту мысли его товарищей унеслись уже далеко — до Большого Брата, или Загадки, осталось всего сто километров.

Даже с такой дистанции он выглядел больше, чем Луна в небе Земли: поражала его неестественная геометрическая правильность. В черном небе он остался бы невидимкой, но проносящиеся в трехстах пятидесяти тысячах километров за ним юпитерианские облака создавали контрастный фон. И навязчивую иллюзию: установить на глаз подлинное расстояние до Большого Брата было невозможно, он казался зияющим дверным проемом, прорезанным в диске Юпитера.

Не было оснований считать, что сто километров безопаснее десяти или опаснее тысячи, но чисто психологически такое расстояние представлялось оптимальным. Бортовые телескопы различили бы отсюда детали величиной

всего в несколько сантиметров, но таковых не оказалось. На поверхности Большого Брата не было ни царапины, как это ни удивительно для объекта, который, вероятно, на протяжении миллионов лет подвергался метеоритным бомбардировкам.

Когда Флойд приникал к окуляру, ему казалось, что можно протянуть руку и дотронуться до этой гладкой эбеновой поверхности — как тогда, на Луне. В тот раз он коснулся ее перчаткой скафандра. Незащищенной рукой — гораздо позднее, когда монолит из Тихо поместили под непроницаемый купол.

Впрочем, скорее всего Флойд никогда не прикасался к ЛМА-1 по-настоящему. Просто кончики пальцев наталкивались на невидимую преграду; чем сильнее он нажимал, тем больше возрастало сопротивление. Любопытно, как поведет себя Большой Брат.

Но до решающего сближения нужно было провести все мыслимые дистанционные эксперименты и доложить на Землю о их результатах. Космонавты ощущали себя саперами, работающими с бомбой неизвестной конструкции, которая может взорваться при малейшем неверном движении. Не исключалось, что самое осторожное радарное прощупывание вызовет катастрофические последствия.

Первые сутки они лишь наблюдали — с помощью телескопов и датчиков, чувствительных к электромагнитным волнам самой различной длины. Василий Орлов замерил размеры черного параллелепипеда и подтвердил — с точностью до шестого знака — знаменитое соотношение 1:4:9. По форме Большой Брат повторял ЛМА-1, но его длина превышала 2 км, и он был ровно в 718 раз больше своего малого родственника.

Так возникла новая математическая головоломка. Споры о соотношении 1:4:9 — отношении квадратов трех первых целых простых чисел — шли уже на протяжении нескольких лет. Ясно было, что это отнюдь не случайное совпадение; теперь к трем числам прибавилось еще одно, которое надо было разгадать.

На Земле специалисты по статистике и математической физике радостно бросились к своим компьютерам, пытаясь найти его связь с фундаментальными мировыми

константами — скоростью света, постоянной тонкой структуры, соотношением масс протона и электрона. К ним вскоре подсоединилось бравое воинство астрологов и мистиков, включивших в список констант высоту пирамиды Хеопса, диаметр Стоунхенджа, азимуты линий Наска, широту острова Пасхи и уйму других величин, из коих они ухитрялись делать самые невероятные предсказания. Их пыла не остудил даже известный вашингтонский юморист, заявивший, что, согласно его подсчетам, конец света наступил 31 декабря 1999 года, но остался незамеченным из-за всеобщего перепоя.

На приближение кораблей Большой Брат не реагировал — даже когда его осторожно прощупали лучами радаров и обстреляли очередями радиоимпульсов, которые, как следовало надеяться, воодушевят любой разум на аналогичный ответ.

Первые два дня не принесли результата. Тогда, с разрешения Центра управления, корабли подошли вдвое ближе. С пятидесятикилометрового расстояния наибольшая грань параллелепипеда казалась вчетверо шире Луны в небе Земли. Внушительно, но не настолько, чтобы давить на психику. Конкурировать с Юпитером Большой Брат пока не мог — тот был на порядок крупнее. Настроение на борту изменялось: благоговейное ожидание уступало место явному нетерпению.

Лучше всех сказал об этом Уолтер Курноу: «Возможно, Большой Брат намерен ждать миллионы лет. Но нам-то хочется убраться отсюда чуть раньше».

24. Разведка

«Дискавери» покинул Землю, неся на борту три «горошины» — три одноместных ракетных аппарата, которые позволяли работать в космосе, не одевая скафандра. Одна из «горошин» пропала после несчастного случая (если это действительно был несчастный случай), в котором погиб Фрэнк Пул. Во второй Дэйв Боумен отправился на последнее свидание с Большим Братом, и она разделила судьбу своего водителя. Третья оставалась в «гороховом стручке».

У нее не хватало одной важной детали — крышки внешнего люка. Крышку сорвал Боумен, когда совершал свой рискованный переход без шлема сквозь вакуум. Реактивная отдача образовавшейся при этом воздушной струи увела «горошину» на сотни километров от корабля, однако Боумен, покончив с более важными делами, вспомнил о ней и привел назад на радиоуправлении. Но ремонтировать люк ему уже было некогда.

Сейчас «горошина» (Макс, никому ничего не объяснив, начертал на ее борту имя «Нина») вновь уходила в космос. Крышка все еще отсутствовала, но она и не требовалась — рейс был беспилотным.

Вернув «горошину», Боумен преподнес своим преемникам подарок, которым глупо было не воспользоваться. «Нина» позволяла обследовать Большого Брата с близкого расстояния, не подвергая людей излишнему риску. Впрочем, риск все равно оставался. Что по космическим масштабам пятьдесят километров? Толщина волоса, не более...

«Нина» пробыла без присмотра несколько лет, и это чувствовалось. Невесомая пыль, витавшая в воздухе, превратила ее девственно-белый корпус в грязно-серый. Со своими сложенными манипуляторами, уставившимся в космос пустым глазом иллюминатора, да и скоростью черепахи, в полномочные послы человечества она явно не годилась. Но нет худа без добра — столь скромный парламентер мог рассчитывать на снисхождение: миниатюрность и медлительность могли свидетельствовать о мирных намерениях. Чтобы подчеркнуть последние, кто-то даже предложил раскрыть ее «ладони», как бы для рукопожатия; однако предложение тут же отвергли — мало ли какие ассоциации вызовет растопыренная стальная клешня...

После двухчасового перелета «Нина» остановилась в ста метрах от одного из углов громадной прямоугольной плиты. Но та не выглядела плитой: казалось, телекамеры обозревают вершину трехгранной пирамиды неопределенных размеров. Никаких признаков радиоактивности или магнитного поля бортовые приборы не зарегистрировали; Большой Брат не излучал ничего, кроме ничтожной доли отраженного солнечного света.

Прошло пять минут. Затем «Нина» двинулась по диагонали над меньшей гранью, потом над большей, наконец, над самой большой, держась на высоте пятидесяти метров, но иногда снижаясь и до пяти. Большой Брат отовсюду выглядел одинаково — его поверхность была гладкой и однородной. Задолго до окончания облета зрителям стало скучно, и, вернувшись к своим делам, они лишь изредка поглядывали на мониторы.

— Порядок, — сказал Уолтер Курноу, когда «Нина» вернулась в исходную точку. — Но можно крутиться этак всю жизнь, и без всякого толку. Что делать — позвать «Нину» домой?

— Погодите, — отозвался с «Леонова» Василий. — У меня есть предложение — подвесить ее точно над центром самой большой грани. Скажем, на высоте сто метров.

— Будет сделано. Только зачем это нужно?

— Вспомнил задачку из институтского курса астрономии. Гравитационный потенциал бесконечного плоского слоя. Никак не думал, что она пригодится в жизни. Замерив ускорение «Нины», мы легко вычислим массу Загадки. Если, конечно, у нее есть масса. Мне уже почему-то кажется, что она вообще нематериальна.

— Это-то узнать просто. Я скажу «Нине», пусть пощупает эту штуку.

— Она уже это сделала.

— Простите? — возмутился Курноу. — Ближе чем на пять метров я не подходил.

— Да, но при каждом включении двигателей вы слегка ударяли выхлопом по Загадке.

— Что для этого мамонта какой-то блошиный укус!

— Кто знает? Давайте уж лучше считать, что о нашем присутствии известно. И раз нас терпят, мы пока не причиняем особого беспокойства.

В этот момент все думали об одном. Что может разозлить черную прямоугольную плиту длиной в два километра? И в какую форму выльется ее раздражение?

25. Вид из точки Лагранжа

Астрономия полна загадочных, хотя и бессодержательных совпадений. Наиболее известно равенство угловых

размеров Луны и Солнца, если смотреть с Земли. Здесь, в первой точке Лагранжа, выбранной Большим Братом для баланса на гравитационном канате, наблюдалась та же картина. Планета и спутник выглядели одинаковыми по величине.

Но что это была за величина! Не какие-то жалкие полградуса Солнца и Луны — в сорок раз больше! А по площади — в тысячу шестьсот раз! Каждого из двух небесных тел было довольно, чтобы наполнить душу трепетом и изумлением: вместе же они просто ошеломляли.

За сорок два часа фазы менялись полностью. «Новолунию» Ио соответствовало «полнолуние» Юпитера, и наоборот. Даже когда Солнце пряталось за Юпитером, планета не исчезала — ее огромный черный диск закрывал звезды. А иногда эту черноту на много секунд разрывали вспышки молний. Это бушевали электрические бури; территория, объятая ими, превышала всю земную поверхность.

А с другой стороны неба вечно обращенная к могучему повелителю одним своим полушарием пылала Ио. Она казалась котлом, в котором медленно бурлит красно-оранжевое варево; время от времени из ее вулканов вырывались желтые облака, вздымались ввысь и затем медленно оседали. Как и у Юпитера, у Ио нет *географии*. Только ее ландшафт меняется за десятилетия, а облик Юпитера — за считанные дни.

Когда Ио входила в последнюю четверть, облачные поля Юпитера воспламенялись под слабыми лучами далекого Солнца. Иногда по лику гиганта пробегала тень самой Ио или одного из внешних спутников; на каждом обороте показывалось Большое Красное Пятно — вихрь размером с планету, ураган, бушующий на протяжении многих веков, если не тысячелетий.

«Леонов» балансировал между этими чудесами, и материала для наблюдений хватило бы его экипажу на всю жизнь, однако естественные объекты системы Юпитера значились в самом конце перечня главных задач. Целью номер один по-прежнему был Большой Брат. Корабли сблизились с ним уже на пять километров, но высадку Таня не разрешала. «Подождем момента, — объясняла она, — когда у нас появится надежный путь отступления.

Будем сидеть и наблюдать — пока не откроется стартовое окно. А там посмотрим».

Тем временем «Нина» после затяжного восьмичасового падения приземлилась на поверхность Большого Брата. Василий рассчитал массу объекта — та оказалась поразительно малой, всего девятьсот пятьдесят тысяч тонн. Таким образом, его плотность примерно равнялась плотности воздуха. Возможно, он был пустотелым; излюбленной темой дисскуссий стало его предполагаемое содержимое.

Было и много мелких, повседневных забот. Они отнимали почти все время, хотя Курноу добился-таки своего: убедил Таню в надежности центрифуги «Дискавери». Теперь корабли соединял гибкий туннель, и сообщение между ними значительно облегчилось. Отпала необходимость одевать скафандры и выходить в открытый космос; это устраивало всех, кроме Макса, который любил упражняться в пустоте со своим «помелом».

Нововведение не коснулось лишь Чандры и Терновского — те давно переселились на «Дискавери» и работали круглосуточно, продолжая свой бесконечный, по всей видимости, диалог с ЭАЛом. Каждый день их непременно спрашивали: «Когда же вы кончите?» — но они не связывали себя обещаниями.

И вдруг — после встречи с Большим Братом минула неделя — Чандра объявил: «У нас все готово».

... В рубке «Дискавери» собрались все, кроме Руденко и Марченко, которым не хватило места, — они остались у мониторов «Леонова». Флойд стоял за спиной Чандры, держа руку на аппарате, который Курноу со свойственной ему меткостью окрестил «карманным гигантобоем».

— Я хотел бы еще раз напомнить, что говорить могу лишь я. Только я, и никто другой. Понятно?

Чандра, казалось, находится на грани изнеможения. Однако в голосе его появились новые, властные, интонации. Таня приказывала где угодно, но не здесь. Тут командовал он.

Присутствующие — одни просто парили в воздухе, другие «заякорились» поудобнее — кивками выразили свое согласие. Чандра включил акустическую связь и тихо, но отчетливо произнес:

— Доброе утро, ЭАЛ.

Через миг Флойду показалось, что он перенесся в прошлое. Да! ЭАЛ стал прежним.

— Доброе утро, доктор Чандра.

— Имеешь ли ты достаточно сил, чтобы приступить к своим обязанностям?

— Безусловно. Все мои блоки в полном порядке.

— И ты не против, если я задам тебе несколько вопросов?

— Разумеется.

— Ты помнишь, как вышел из строя блок управления антенной АЕ-35?

— Нет.

Несмотря на предупреждение Чандры, у присутствующих вырвался вздох облегчения. Будто идешь по минному полю, подумал Флойд, поглаживая в кармане радиовыключатель. Если этот допрос вызовет у ЭАЛа новый приступ безумия, его можно отключить за секунду. (Благодаря тренировкам он знал это точно.) Но для компьютера секунда равна вечности; приходилось рисковать.

— Ты не помнишь, как Дэйв Боумен или Фрэнк Пул выходили наружу, чтобы заменить блок АЕ-35?

— Нет. Этого не было, иначе я бы помнил. Где Фрэнк и Дэйв? И кто все эти люди? Я узнаю только вас — хотя на шестьдесят пять процентов уверен, что за вашей спиной стоит доктор Хейвуд Флойд.

Флойд с трудом удержался от того, чтобы поздравить ЭАЛа. Шестьдесят пять процентов спустя десять лет — не так плохо. Люди редко способны на подобное.

— Не беспокойся, ЭАЛ. Я все объясню позже.

— Задание выполнено? Вы знаете, мне очень хотелось этого.

— Задание выполнено. Твоя программа завершена. Теперь, с твоего разрешения, мы хотели бы побеседовать без тебя.

— Пожалуйста.

Чандра отключил камеры и микрофоны. Для этой части корабля ЭАЛ оглох и ослеп.

— И что же все это значит? — поинтересовался Василий Орлов.

— Это значит, — четко ответил Чандра, — что я стер всю память ЭАЛа, начиная с того момента, когда начались неприятности.

— Здорово, — восхитился Саша. — Но как вам это удалось?

— Боюсь, объяснение займет больше времени, чем сама процедура.

— Но я все-таки разбираюсь в компьютерах, хотя и хуже, чем вы с Николаем. У машин серии 9000 голографическая память, не так ли? Значит, вы не могли стереть ее просто хронологически, начиная с какого-то момента. Наверняка воспользовались «ленточником», нацеленным на определенные слова и понятия.

— Ленточник? — вмешалась Катерина по межкорабельной связи. — Я думала, это по моей части. Хотя, к счастью, видела их лишь заспиртованными. О чем вы говорите?

— Это компьютерный жаргон, Катерина. Когда-то — очень давно — для этого действительно использовали магнитную ленту. Смысл в том, чтобы сделать программу, которая находит и уничтожает — съедает, если угодно, — определенные участки памяти. Медики, по моему, делают такое и с людьми, под гипнозом.

— Да, но нашу память всегда можно восстановить. Мы ничего не забываем по-настоящему. Это нам только кажется.

— А вот компьютер устроен иначе. Если приказано, он выполняет. Информация уничтожается полностью.

— Значит, ЭАЛ ничего не помнит о своем... дурном поведении?

— Стопроцентной уверенности у меня нет, — ответил Чандра. — Какая-то информация могла переходить из адреса в адрес именно в тот момент, когда наш... «ленточник» производил поиск. Но это очень маловероятно.

Последовала пауза: все молча обдумывали услышанное. Потом Таня сказала:

— Что ж, звучит все это прекрасно. Но все-таки — можно ли теперь ему доверять?

Чандра хотел что-то сказать, но Флойд опередил его:

— Обещаю одно — обстоятельства, при которых это

произошло, больше не повторятся. Все неприятности начались потому, что компьютеру очень трудно объяснить, зачем нужна секретность.

— А человеку? — буркнул Курноу.

— Надеюсь, вы не ошибаетесь, Флойд, — проговорила Таня без особой убежденности. — Что будет дальше, Чандра?

— Ничего столь же эффектного. Просто много кропотливой работы. Нужно задать ему программу на уход от Юпитера и долгую дорогу домой. У нас больше ресурсов, и мы прилетим на три года раньше. Но все равно он тоже вернется.

26. Условное освобождение

А д р е с а т: Виктор Миллсон, председатель Национального совета по астронавтике, Вашингтон.

О т п р а в и т е л ь: Хейвуд Флойд, борт космического корабля «Дискавери».

С о д е р ж а н и е: неполадки в работе бортового компьютера ЭАЛ-9000.

Г р и ф: секретно.

Д-р Чандрасекарампилай (ниже — д-р Ч.) закончил предварительное обследование ЭАЛа. Восстановлены все блоки, компьютер полностью работоспособен. Подробности действий и выводы д-ра Ч. содержатся в совместном отчете, который он и д-р Терновский представят в самом ближайшем будущем.

Все трудности, вероятно, были вызваны противоречием между основными принципами работы ЭАЛа и требованиями секретности. Согласно прямому распоряжению президента существование объекта ЛМА-1 сохранялось в полной тайне. Доступ к соответствующей информации имел самый ограниченный круг лиц.

Сигнал в направлении Юпитера был послан объектом ЛМА-1, когда подготовка к полету «Дискавери» уже завершилась. Поскольку Боумен и Пул и без того должны были довести корабль до Юпитера, решено было не информировать их о появлении новой цели. Считалось, что раздельные тренировки астронавтов-исследователей (Камински,

Хантер, Уайтхед) и помещение их в анабиоз значительно уменьшают возможность утечки информации (случайной или любой другой).

Хотелось бы напомнить, что уже тогда я выдвигал возражения против подобного образа действий (мой меморандум НСА 342/23, «Совершенно секретно»). Однако руководство ими пренебрегло.

Поскольку ЭАЛ способен управлять кораблем без помощи людей, было решено запрограммировать его так, чтобы он смог выполнить задание, даже если экипаж будет выведен из строя или погибнет. В ЭАЛ была введена полная информация о целях экспедиции, однако было запрещено сообщать ее Боумену или Пулу.

Но главная задача любого компьютера — обработка информации без искажения и утаивания. Из-за создавшегося противоречия у ЭАЛа возник, выражаясь языком медицины, психоз — точнее, шизофрения. А если говорить на языке техники, то, как сообщил мне д-р Ч., ЭАЛ попал в петлю Хофштадтера—Мёбиуса, что не так редко случается с самопрограммирующимися компьютерами. За деталями он рекомендует обратиться непосредственно к профессору Хофштадтеру.

Если я правильно понял д-ра Ч., перед ЭАЛом встала неразрешимая дилема, и у него начали развиваться симптомы паранойи, направленной против тех, кто руководил им с Земли. И он попытался прервать связь с Центром управления, доложив о несуществующей поломке в блоке АЕ-35.

Таким образом, он не только солгал, что усугубило его психоз, но и вступил в конфликт с экипажем. Вероятно (теперь об этом остается только догадываться), он заключил, что единственный выход — избавиться от экипажа. И это у него почти получилось.

Вот и все, что мне удалось узнать от д-ра Ч. Дальнейшие расспросы представляются нежелательными, поскольку он слишком измотан. Но, даже принимая во внимание последнее обстоятельство, я должен со всей откровенностью заявить (прошу сохранить это в тайне), что сотрудничать с д-ром Ч. не всегда так легко, как хотелось бы. Он во всем оправдывает ЭАЛа, и это мешает иногда

объективному обсуждению. Даже д-р Терновский, от которого естественно было ожидать большей независимости, нередко разделяет его точку зрения.

Остается вопрос: можно ли полагаться на ЭАЛа в будущем? Разумеется, у д-ра Ч. никаких сомнений на этот счет нет. Но, как бы то ни было, повторение экстремальной ситуации представляется невозможным. И Вам известны — в отличие от д-ра Ч. — мои шаги, позволяющие полностью контролировать ход событий.

Резюмирую: восстановление компьютера ЭАЛ-9000 проходит удовлетворительно. Он, можно сказать, условно освобожден.

Любопытно, известно ли ему об этом.

27. Интерлюдия: коллективная исповедь

Способность человеческого мозга к адаптации поистине удивительна: очень скоро самые невероятные вещи кажутся обыденными. И люди на «Леонове» иногда как бы отключались от окружающего в бессознательной попытке сохранить психическое здоровье.

Хейвуду Флойду часто казалось, что в таких случаях Уолтер Курноу уж слишком старательно развлекает общество. И хотя именно он начал «коллективную исповедь», как назвал ее позднее Саша Ковалев, ничего серьезного, разумеется, за этим не стояло. Все началось случайно, когда Курноу выразил вслух общее недовольство трудностями умывания в невесомости.

— Будь у меня машина желаний, — заявил он как-то на сикс о́ клок совете, — я выбрал бы только одно. Залезть в горячую хвойную ванну, чтобы торчал лишь нос.

Когда улеглись одобрительный шум и грустные вздохи, вызов приняла Катерина Руденко.

— Вы декадент, Уолтер, — поморщилась она. — Говорите, будто какой-нибудь римский император. Окажись я на Земле, занялась бы чем-нибудь поактивнее.

— Например?

— Ну... А можно подумать?

— Пожалуйста.

— В детстве я обычно проводила лето в одном грузин-

ском колхозе. У председателя был чудесный чистокровный скакун, купленный... ну, на нетрудовые доходы. Председатель был старый мошенник, но мне он нравился. И он разрешал мне брать иногда Александра и носиться на нем по всей округе. Конечно, я рисковала убиться насмерть. Но когда я это вспоминаю, Земля становится ближе.

Все задумались и притихли. Курноу спросил:

— Кто еще хочет высказаться?

Но говорить никому не хотелось. Игра на этом едва не кончилась, но тут вступил Макс Браиловский:

— А вот я бы поплавал под водой. Мне всегда нравилось подводное плавание. А когда я занялся космосом, оно входило в программу тренировок. Я плавал у тихоокеанских атоллов, и у Большого Барьерного рифа, и в Красном море... Нет ничего лучше коралловых рифов. Однако ярче всего я помню совсем другое: заросли ламинарий у побережья Японии. Я будто оказался в подводном храме... Сквозь громадные листья просвечивало солнце. Сказочное зрелище... волшебное. Больше мне там побывать не довелось. Возможно, в другой раз все будет иначе. Но я хотел бы повторить.

— Отлично, — сказал Уолтер, по обыкновению беря на себя роль распорядителя бала. — Кто следующий?

— Буду краткой, — сказала Таня Орлова. — Большой театр, «Лебединое озеро». Но Василий не согласится, он терпеть не может балет.

— Я тоже, — заявил Курноу. — А что вам нравится, Василий?

— Я бы выбрал подводное плавание, но оно уже занято. Тогда пусть будет противоположное — планеризм. Скользить в облаках, в солнечную погоду, в полной тишине... Впрочем, воздушный поток шумит, особенно на виражах. Я хотел бы наслаждаться Землей именно так — как птица.

— Женя?

— Со мной все ясно. Памир, горные лыжи. Обожаю снег.

— А вы, Чандра?

Все слегка оживились. Чандра все еще оставался в

какой-то мере незнакомцем — вежливым, даже учтивым, но до конца не раскрытым.

— Когда я был маленьким, мы с дедушкой ходили паломниками в Варанаси — Бенарес. Кто не был там, не поймет. Для меня, как и для большинства современных индийцев, независимо от религии, которую они исповедуют, это центр мира. Мне хотелось бы вновь вернуться туда.

— Ну а вы, Николай?

— Море и небо были, остается их совместить. Когда-то я очень любил виндсерфинг. Боюсь, теперь уже староват, но попробовать стоило бы.

— Вы последний, Вуди. Что выберете?

Флойд ответил не задумываясь, и ответ удивил его самого не меньше, чем остальных.

— Все равно что — лишь бы вместе с сынишкой.

Тема была исчерпана. Заседание завершилось.

28. Крушение надежд

— ... Ты читал все отчеты, Дмитрий, и понимаешь наше разочарование. Мы провели уйму экспериментов и измерений — но не узнали ничего. Загадка по-прежнему нас игнорирует, оставаясь на месте и все так же заслоняя полнеба.

Она кажется мертвым небесным телом, но это не так. Иначе она не удержалась бы в точке неустойчивого равновесия. Так утверждает Василий. Она, подобно «Дискавери», давным-давно сошла бы с орбиты — и упала на Ио.

Но что мы можем? Ведь на «Леонове» в соответствии с третьим параграфом Договора 2008 года нет ядерных бомб... Или они все-таки есть? Я, конечно, шучу...

С другими делами покончено, стартовое окно откроется еще очень не скоро, и на борту царят скука и разочарование. Понимаю, на Земле в это поверить трудно. Разве можно скучать среди величайших чудес, какие видел когда-либо человек?

Тем не менее это так. Все мы сдали, и не только психически. Совсем недавно были здоровы до неприличия. Теперь почти у каждого либо простуда, либо расстройство желудка, либо незаживающая царапина. Усилия Катери-

ны тщетны, порошки и пилюли не помогают. Она махнула на нас рукой и лишь изредка чертыхается.

Саша развлекает общество регулярными бюллетенями на тему: «Долой англо-русский язык!» Он вывешивает их на доске объявлений, приводя самые невероятные слова и выражения, которые, как утверждает, подслушал. По возвращении каждому из нас нужно будет основательно прочистить язык. Несколько раз я замечал, как твои соотечественники беседуют между собой по-английски, не сознавая этого. А однажды поймал себя на том, что разговариваю по-русски с Уолтером Курноу...

Еще был такой случай, он поможет тебе понять ситуацию. Среди ночи завыла пожарная сирена — сработал один из дымоуловителей. Оказалось, Чандра пронес на борт несколько своих ужасных сигар и не удержался от соблазна. Он курил в туалете, как школьник.

Конечно, он жутко смутился, а на остальных, когда прекратилась паника, напал истерический смех. Ты знаешь, иногда самая плоская шутка, абсолютно неинтересная посторонним, заставляет в общем-то умных людей хохотать до изнеможения. Несколько дней стоило кому-нибудь изобразить, что он зажигает сигару, и все буквально корчились от смеха.

Самое забавное, что если бы Чандра отключил пожарную сигнализацию или пошел курить в шлюз, никто бы не возражал. Но Чандра не любит выставлять напоказ свои маленькие человеческие слабости; теперь он вообще не отлучается от ЭАЛа...

Флойд нажал кнопку «Пауза». Пожалуй, это нечестно, постоянно насмехаться над Чандрой, хотя иногда и стоит. За последние недели многие проявили не лучшие черты характера; доходило даже до серьезных ссор на пустом месте. А как твое собственное поведение? Разве оно безупречно?

Флойд до сих пор не был уверен, прав ли он по отношению к Уолтеру Курноу. До отлета с Земли невозможно было предположить, что он сможет подружиться с этим высоким, слишком шумным человеком, однако теперь Флойд проникся к нему уважительным восхищением. Русские его обожали — когда он пел их любимые песни, такие как «Полюшко-поле», на глазах у них выступали сле-

зы. А однажды положительные эмоции, как считал Флойд, зашли слишком далеко.

— Уолтер, — осторожно начал он несколько дней назад. — Это, возможно, не мое дело, но я должен с вами поговорить.

— Когда человек говорит о чем-то «не мое дело», он, как правило, бывает прав. В чем проблема?

— Если откровенно, то в ваших отношениях с Максом.

Последовала пауза, затем Курноу ответил, мягко и спокойно:

— Мне казалось, что он уже совершеннолетний.

— Не надо меня сбивать. Говоря честно, меня беспокоит не столько он, сколько Женя.

— А она здесь при чем? — искренне удивился Курноу.

— Для умного человека вы крайне ненаблюдательны. Обратите внимание, какое у нее бывает лицо, когда вы кладете руку ему на плечо.

Флойд не думал, что Курноу способен смутиться, однако удар попал в цель.

— Женя? Мне казалось, все просто шутят — она же такая тихоня. А Макса любят все. Впрочем, постараюсь вести себя осторожнее. Особенно в ее присутствии.

Последовала новая пауза, потом Курноу беззаботно добавил:

— Хирурги сделали ей замечательную пластическую операцию, но следы все равно остались: кожа слишком плотно натянута на лице. Ни разу не видел, чтобы она смеялась по-настоящему. Именно по этой причине, видимо, я стараюсь не смотреть на нее... Вы простите мне подобную эстетическую чувствительность, Хейвуд?

Официальное «Хейвуд» прозвучало скорее шутливо, чем враждебно, и Флойд позволил себе расслабиться.

— В Вашингтоне наконец-то кое-что разузнали. Похоже, ее ожоги — результат авиакатастрофы. Это никакая не тайна, но, как известно, «Аэрофлот» работает без аварий.

— Бедняжка. Удивительно, что ей разрешили лететь. Очевидно, не оказалось под рукой другого специалиста. А ведь она, конечно, получила и глубокую психическую травму.

— По-моему, она вполне оправилась.

Я не говорю всей правды, подумал Флойд, вспомнив вход в атмосферу Юпитера. И неожиданно ощутил благодарность к Курноу: тот никак не дал понять, что удивлен его заботой о Жене...

Теперь, несколько дней спустя, мотивы собственного поступка уже не казались Флойду такими уж бескорыстными. Что касается Курноу, тот сдержал слово: посторонний решил бы, что он совершенно безразличен к Максу. По крайней мере, в присутствии Жени. Да и к ней самой инженер стал гораздо внимательнее — иногда ему даже удавалось рассмешить ее так, что она хохотала. Значит, вмешательство Флойда себя оправдало. Даже если, как он теперь подозревал, на это толкнула его самая обыкновенная ревность...

Палец потянулся к кнопке «Пуск», но мысль уже ускользнула. В разум вторглись образы дома и семьи. Флойд закрыл глаза, вспоминая самый торжественный момент в день рождения Кристофера — малыш задул на торте три свечки. Это происходило сутки назад, в миллиарде километров отсюда. Флойд прокручивал запись столько, что знал ее наизусть.

А мои послания, подумал Флойд, — часто ли Каролина дает их слушать Крису? Чтобы сын не забывал отца, чтобы узнал его, когда он вернется, пропустив еще один день рождения... Он почти со страхом думал об этом.

Но он не вправе был винить Каролину. Он-то уехал из дома на считанные недели. Остальное — сон без сновидений в межпланетном экспрессе... Для него. А для нее — больше двух лет жизни. Слишком много для молодой вдовы, даже временной.

Наверно, это просто депрессия, как и у других, подумал Флойд. Но он давно не испытывал столь острого чувства разочарования и даже отчаяния. В глубинах пространства и времени он, вполне возможно, потерял семью, и ради чего?

Хоть до цели рукой подать, она остается чистой, непроницаемой стеной сплошной черноты.

И все-таки — Дэйв Боумен когда-то воскликнул: «Боже! Он полон звёзд!»

29. Непредвиденное

В последнем выпуске Сашиного бюллетеня говорилось:

> Б ю л л е т е н ь р у с с к о г о я з ы к а № 8
> Т е м а: слово «товарисч» («товарищ»).
> Нашим американским гостям: честно говоря, ребята, я уже забыл, когда меня в последний раз так называли. Для всех русских, живущих в XXI веке, это слово — в одном ряду с броненосцем «Потемкин», развевающимися красными флагами и Владимиром Ильичем, обращающимся к рабочим со ступенек железнодорожного вагона. Уже во времена моего детства вместо этого обращения употребляли «братец» или «дружок» — выбирайте по вкусу.
>
> Товарищ Ковалев

Флойд смеялся над прочитанным, когда по коридору обзорной палубы к нему подплыл Василий Орлов.

— Самое поразительное, товарищ, — сказал, усмехнувшись, Флойд, — что у Саши хватает времени не только на физику. Он постоянно цитирует стихи и прозу, а по-английски говорит лучше, чем, допустим, Уолтер.

— Из-за своей специальности Саша считается в семье — как это сказать? — белой вороной. Его отец руководил в Новосибирске кафедрой английского языка, и по-русски в доме говорили лишь с понедельника до среды, а с четверга по субботу — исключительно по-английски.

— А по воскресеньям?

— Немецкий или французский — через неделю.

— Я, кажется, начинаю понимать, что означает ваше понятие «некультурный». Оно для таких, как я. Но почему Саша с таким лингвистическим багажом вообще пошел в технику?

— В Новосибирске человек быстро разбирается что к чему. Понимает истинную цену профессий... Саша был талантлив и самолюбив.

— Как и вы, Василий.

— И ты, Брут! Видите, я тоже могу цитировать Шекс-

пира... Боже мой! — крикнул Орлов по-русски. — Что это?!

Флойду не повезло — он парил в воздухе спиной к иллюминатору и не успел вовремя обернуться. А секунду спустя Большой Брат был уже прежним — бездонным черным прямоугольником, заслоняющим пол-Юпитера.

Но в этот краткий миг Василий увидел нечто совсем иное. Перед ним будто распахнулось окно в другую вселенную. Зрелище длилось мгновение и тут же исчезло. Но оно навсегда врезалось в его память.

Он увидел даже не звезды, а множество солнц, будто перенесся к самому центру Галактики. Привычное звездное небо по сравнению с этим великолепием было нестерпимо пустынным; даже могучий Орион был горсткой жалких искр, не достойной повторного взгляда.

Через миг все исчезло. Но не совсем. В самом центре черного прямоугольника светилась слабая звездочка. И она двигалась.

Метеор? Василий Орлов, научный руководитель экспедиции, оторопел настолько, что прошло несколько секунд, прежде чем он вспомнил — в безвоздушном пространстве метеоров не бывает.

Внезапно звездочка растянулась в светящуюся черточку и еще через несколько мгновений исчезла за краем Юпитера. Но Василий Орлов уже пришел в себя и вновь стал холодным, бесстрастным наблюдателем.

Он понял, куда летит светящийся объект. Сомнений не было — его траектория была направлена к Земле.

V. ДИТЯ ЗВЕЗД

30. Возвращение домой

Он как бы очнулся ото сна — или это было его продолжением? Звездные Врата захлопнулись позади, и он вновь был в мире людей — но уже не как человек.

Долго ли он отсутствовал? Целую жизнь... Нет, даже две жизни: одну в обычном времени, другую — в обратном.

Дэвид Боумен, командир и единственный уцелевший

член экипажа космического корабля «Дискавери», угодил в гигантский капкан, установленный три миллиона лет назад и настроенный на строго определенный момент и на совершенно определенный раздражитель. Тот перенес его в иную вселенную, где он увидел удивительные вещи. Одни из них он теперь понимал, понять другие было не суждено.

Со стремительным ускорением он мчался бесконечными световыми коридорами, пока не превысил скорость света. Он знал, что это невозможно, но знал теперь, и как достичь этого. Справедливо заметил Эйнштейн: «Господь хитроумен, но не коварен».

Он миновал космический сортировочный пункт — Центральный Галактический Вокзал — и оказался рядом с умирающим светилом, «красным гигантом», защищенный неизвестными силами от его ярости.

Он стал свидетелем парадокса: увидел солнечный восход над солнцем, когда спутник гиганта, «белый карлик», поднялся в небо — ослепительный пигмей, волочащий за собой огненную приливную волну. Он не испытывал страха, лишь удивление, даже когда «горошина» повлекла его вниз, в пламенный океан...

... и когда он, вопреки здравому смыслу, очутился в фешенебельном гостиничном номере, в котором не было ничего необычного. Большинство вещей, впрочем, оказалось подделками: книги, журналы, видеофон, а консервные банки, несмотря на разные этикетки, содержали в себе одинаковую пищу, похожую по виду на хлеб, но на вкус совершенно неописуемую.

Вначале ему показалось, что он стал экспонатом космического зоопарка, попал в клетку, тщательно воссозданную по телепередачам. Он ждал появления своих новых хозяев и гадал, на что они будут похожи.

Как глупо было ожидать этого! Теперь он знал, что с таким же успехом можно разглядывать ветер или размышлять об истинной форме пламени. Потом его душу и тело охватила безмерная усталость, и Дэвид Боумен заснул в последний раз в своей жизни.

Это был странный сон, ибо он не отключился полностью от реальности. Словно туман, расплывающийся по лесу, что-то мягко проникло в его разум. Он ощущал это

лишь смутно — полный контакт убил бы его столь же быстро и верно, как и пламя звезды, бушующее за стенами его убежища. Под бесстрастным испытующим взглядом он не чувствовал ни надежды, ни страха.

Иногда во время этого долгого сна ему казалось, что он проснулся. Проходили годы: однажды он увидел в зеркале морщинистое лицо и едва узнал себя. Его тело стремительно старилось, стрелки биологических часов в безумном темпе бежали к последней отметке, которой им не суждено было достигнуть. Ибо в этот самый момент Время остановилось — и потекло вспять.

Его память опустошалась; в направляемых извне воспоминаниях он снова переживал свое прошлое, лишаясь знаний и опыта по мере быстрого продвижения к детству. Но ничто не терялось: все его прежние состояния, каждое мгновение жизни передавалось в более надежное хранилище. И в тот самый миг, когда один Дэвид Боумен перестал существовать, его место занял другой — бессмертный, освобожденный от уз материи.

Он был зародышем сверхсущества, не готового пока родиться. Сотни лет он провел без судьбы — помнил прошлое, но не знал настоящего. Он как бы плыл по течению, превращаясь из куколки в бабочку...

И вдруг оболочка лопнула, и в его крохотный мирок вернулось Время. Перед ним внезапно возник знакомый черный прямоугольник.

Он видел его на Луне, встречался с ним в системе Юпитера, и еще откуда-то знал, что предки видели его же очень и очень давно. Черная плита по-прежнему хранила непостижимые тайны, однако перестала быть полной загадкой — некоторые свойства ее стали теперь понятны.

Это было не одно тело, но множество тел. И что бы ни говорили приборы, его геометрические размеры всегда были одни и те же — те, что необходимо.

Как понятно стало теперь математическое соотношение сторон, начало квадратичного ряда — 1:4:9! И как наивно было считать, что последовательность кончается здесь, в жалких трех измерениях!

В тот самый миг, когда он задумался об этой геометрической простоте, пустой прямоугольник заполнился звез-

дами. Гостиничный номер, если он когда-нибудь действительно существовал, исчез: перед ним сверкала спираль Галактики.

Это могло быть и великолепной, невероятно точной моделью, облитой прозрачным пластиком. Но нет — это была реальность, которую он ощущал целиком чувствами более острыми, чем зрение. Он мог, если бы захотел, сосредоточить внимание на любой из ста миллиардов звезд.

Он был *здесь* — плыл в великом потоке солнц, на полпути между скученными огнями центра Галактики и одинокими, разбросанными сторожевыми звездами окраины. А его родина была *там* — на той стороне необъятной небесной пропасти, изогнутой полосы свободного от звезд мрака. Однажды он уже пересек это пространство, не по своей воле; теперь, подготовленный гораздо лучше, но все еще не сознающий, какие силы им движут, он должен был преодолеть его снова...

Галактика ринулась на него из воображаемой рамы, в которую ее заключил его разум; мимо него самого, казалось на бесконечной скорости, проносились звезды и туманности. Перед ним внезапно вспыхивали солнца — и тут же схлопывались позади, когда он проскальзывал прямо сквозь них.

Звезд стало меньше. Млечный Путь превратился в бледную тень того великолепия, которое он знал — и которое когда-нибудь вновь увидит. Он вернулся в космос людей, в то самое место, откуда — несколько секунд или столетий назад — начался его путь.

Он ярко воспринимал окружающее, причем гораздо сильнее, чем в прежнем существовании, сознавал мириады объектов внешнего мира. Он мог сосредоточиться на любом из них, углубляясь почти бесконечно, пока не наталкивался на фундаментальную, гранулярную структуру пространства—времени, глубже которой был только хаос.

Он мог перемещаться — но не знал, как это ему удается. Но знал ли он это раньше, когда обладал телом? Путь команд от мозга к конечностям был тайной, над которой он никогда не задумывался.

Ничтожное усилие воли, и спектр близкой звезды приобрел голубое смещение — именно такое, какое ему хоте-

лось. Он двигался к ней со скоростью, не так уж далекой от световой; и хотя при желании мог перемещаться еще быстрее, он пока не спешил. Предстояло освоить много информации, многое обдумать — и еще больше приобрести. Это, как он теперь понимал, и было его нынешней целью; но он знал, что это лишь часть плана, гораздо более всеобъемлющего, который станет ему известен в надлежащее время.

Он не думал ни о Звездных Вратах, захлопнувшихся позади, ни о беспокойных существах, дрейфующих рядом с ними на своих примитивных космолетах. Они были частью его памяти, но сейчас чувства гораздо более сильные звали его домой, в мир, который он уже и не думал увидеть.

Он слышал мириады его голосов — они становились все громче. Планета приближалась, превращаясь из затерянной в блеске Солнца точки в светящееся круглое облачко и, наконец, в прекрасный бело-голубой диск.

Внизу, на перенаселенной планете, знали о его приближении. На экранах радаров вспыхивали сигналы тревоги, огромные телескопы обшаривали небо. Прошлая история человечества близилась к завершению.

Он почувствовал, как в тысяче километров под ним проснулась и заворочалась на орбите смерть. Но сконцентрированная энергия не представляла опасности — наоборот, можно было ее использовать.

Он проник в мешанину механизмов — примитивных, устроенных по-детски наивно. Обращать на них внимание не следовало. Оставалось одно препятствие — простое реле, замыкавшее два контакта. Пока они были разъединены, взрыва произойти не могло.

Он сделал мысленное усилие и впервые в своей нынешней жизни познал отчаяние и неудачу. Выключатель, масса которого составляла всего несколько граммов, не поддался. Он мог пока управлять лишь энергией, мир материи был ему неподвластен. Но выход был. Ему предстояло еще многому научиться.

Заряд энергии, который он направил в реле, был настолько велик, что провода едва не расплавились прежде, чем сработал спусковой механизм.

Медленно тянулись микросекунды. Забавно было следить, как в смертоносных зарядах накапливается энергия — словно тонкую спичку поднесли к пороховой бочке...

Над погруженным в сон полушарием на короткое время взошла искусственная заря, порожденная неслышимым взрывом многих мегатонн. Подобно возрождающемуся в пламени фениксу, он впитал в себя необходимую энергию. Атмосфера, служившая планете щитом от стольких опасностей, приняла основной удар излучения. Однако те люди и животные, которым не повезло, навсегда потеряли зрение.

Казалось, потрясенная Земля онемела. Прекратились передачи на средних и длинных волнах; лишь УКВ-излучение проникало сквозь охватившее планету невидимое, медленно распадающееся зеркало, однако диапазон передач был так узок, что он их не слышал. Несколько мощных радаров по-прежнему следили за ним, но его это не беспокоило. Их легко было нейтрализовать, однако даже этого он не стал делать. И если на пути появятся новые бомбы, их он тоже проигнорирует. Энергия пока есть.

По широкой спирали он начал спуск в мир своего детства.

31. Диснейвилл

В конце столетия один философ заметил — и был тут же раскритикован в пух и прах, — что Уолт Дисней сделал больше для счастья людей, чем все религиозные проповедники за всю историю человечества. А спустя полвека после смерти Диснея его фантазии ожили во Флориде.

Открытый в восьмидесятые годы «Экспериментальный прототип общества будущего» являл собой выставку передовой технологии и грядущего быта. Однако его основатели понимали, что ЭПОБ только тогда выполнит свою задачу, когда хотя бы частично станет настоящим городом. Создание города завершилось к концу века: его население достигло двадцати тысяч, и он получил имя Диснейвилл.

Чтобы здесь поселиться, необходимо было преодолеть

невообразимое количество формальностей. Неудивительно, что средний возраст тут был самым высоким в США, а медицинское обслуживание — самым передовым.

Создатели этой комнаты постарались, чтобы она не выглядела больничной палатой, и лишь некоторые приспособления выдавали ее назначение. Кровать располагалась в полуметре от пола, на случай падения; однако для удобства сестры ее можно было поднимать и опускать. Ванна была врезана в пол и снабжена поручнями и сиденьем, чтобы даже детям и старикам было легко ею пользоваться. На полу лежал толстый ковер, но поскользнуться на нем было невозможно. Не было в комнате и острых углов, а телекамера была спрятана настолько искусно, что никто бы не заподозрил ее присутствие.

Были здесь и личные вещи: стопка старых книг в углу, а в рамке — первая страница одного из последних типографских выпусков «Нью-Йорк таймс» с заголовком: «Космический корабль США летит к Юпитеру». Рядом две фотографии: на одной запечатлен юноша лет двадцати, на другой — он же, но гораздо старше и в скафандре.

Перед телеэкраном сидела седая миниатюрная женщина. Хотя семидесяти ей еще не было, выглядела она старше. Посмеиваясь над комедией, которую показывали, она все время поглядывала на дверь, будто ожидала посетителя. Рука ее сжимала набалдашник прислоненной к креслу трости.

Тем не менее она вздрогнула, когда дверь открылась и вошла сестра, катившая перед собой столик на колесиках.

— Пора завтракать, Джесси, — сказала сестра. — Завтрак очень вкусный.

— Я не хочу есть.

— Почему?

— Я не голодна. А вы бываете голодной?

Столик остановился, крышки над тарелками приподнялись. Сестра не коснулась даже кнопок управления. Она стояла неподвижно, глядя на трудную пациентку.

В комнате, расположенной метрах в пятидесяти от палаты, техник сказал врачу, указывая на экран:

— Теперь смотри.

Джесси схватила трость и с неожиданной силой вонзила ее в ногу сестры. Та на это никак не прореагировала и произнесла примирительным тоном:

— Видите, как вкусно? Ешьте, дорогая.

На лице Джесси появилась хитрая улыбка, но она послушно принялась за еду.

— Вот так, — сказал техник. — Она все понимает. Она гораздо умнее, чем прикидывается.

— А остальные?

— Остальные действительно верят, что это сестра Вильямс.

— Ну что ж. Посмотри, как она радуется, что перехитрила нас. Она ест, значит, мы своего добились. Но надо предупредить сестер.

— Конечно. В следующий раз это может оказаться не голограмма, а живой человек. Если кто-нибудь пострадает, нас затаскают по судам.

32. Хрустальный источник

Индейцы и переселенцы из Луизианы утверждали, что он бездонный. Разумеется, это была чепуха. Достаточно надеть маску и нырнуть, и ты увидишь обрамленную осокой небольшую пещеру, из которой течет поразительная по своей прозрачности вода. Из глубины пещеры на ныряльщика глядели глаза Чудовища.

Два темных неподвижных круга — чем еще они могли быть? Они придавали каждому погружению элемент риска: Чудовище в любой момент могло покинуть свое укрытие и, распугивая рыбешку, ринуться за более крупной добычей. И никто не убедил бы Бобби и Дэвида, что осока не скрывает ничего более опасного, чем, скажем, украденный велосипед... Тем не менее дно Хрустального источника оставалось недостижимым.

Но теперь он готов был открыть свои тайны: возможно, легенды о сокровище конфедератов, несмотря на утверждения местных историков, — вовсе не сказка. И еще есть надежда обнаружить и отнести потом шефу полиции хотя бы несколько орудий последних преступлений.

Небольшой компрессор, который Бобби, старший по

возрасту и более опытный из ныряльщиков, нашел среди хлама в гараже и с трудом завел, пыхтел рядом. Каждые несколько секунд он кашлял облачком сизого дыма, но не останавливался.

— А если и остановится? — сказал Бобби. — Даже девчонки из «Подводного театра» проплывают по пятьдесят метров без всяких трубок. Что мы, хуже? Никакой опасности нет.

Почему же тогда, подумал Дэвид, мы не сказали маме, куда идем, и дождались, пока папа уехал на очередной запуск? Всерьез он, конечно, не беспокоился: Бобби всегда знал, что делает. Наверно, здорово, когда тебе семнадцать и ты все знаешь. Вот только лучше бы он не тратил так много времени на эту глупую Бетти Шульц. Да, она красивая, но, черт возьми, она же девчонка! Улизнуть от нее сегодня едва удалось.

Дэйв привык к роли подопытного кролика: такова судьба всех младших братьев. Он нацепил маску, одел ласты и скользнул в кристально прозрачную воду.

Бобби протянул ему конец шланга с приделанным к нему старым загубником. Дэйв вдохнул и поморщился.

— Вкус отвратительный.

— Ничего, приспособишься. Ныряй, но не глубже карниза. За давлением я слежу. Когда дерну за шланг, поднимайся.

Дэйв погружался без спешки. Кругом простиралась страна чудес. Краски ее, в отличие от коралловых рифов Ки-Уэста, были спокойные, однотонные. В море все живое прихотливо переливается всеми цветами радуги — здесь же присутствовали лишь мягкие оттенки голубого и зеленого. И рыбы тут были похожи на рыб, а не на тропических бабочек.

Он медленно скользил вниз, иногда останавливаясь, чтобы глотнуть воздуха из тянувшегося за ним шланга. Чувство свободы было так восхитительно, что он почти не ощущал маслянистого привкуса. Достигнув карниза, оказавшегося на деле затонувшим бревном, облик которого до неузнаваемости исказили обосновавшиеся на нем водоросли, он огляделся.

Источник был открыт его глазам целиком — вплоть до противоположного, поросшего зеленым обрыва, до которого было метров сто, никак не меньше. Рыб не было видно — лишь вдалеке проплыла стайка, похожая в лучах солнца на брошенную в поток пригоршню серебряных монет.

Там, где воды источника начинали свой путь к морю, Дэйв заметил старого знакомого. Небольшой крокодил («Небольшой? — заявил как-то Бобби. — Да он больше меня!») неподвижно висел в воде, лишь нос его высовывался наружу. Они никогда его не беспокоили, он отвечал взаимностью.

Бобби наверху нетерпеливо дернул за шланг. Дэйв охотно устремился к поверхности — до спуска он не предполагал, как холодно на такой глубине. К тому же его слегка подташнивало. Но горячее солнце быстро восстановило силы.

— Это очень просто, — сказал Бобби, возбужденный предстоящим погружением. — Отворачивай кран, но следи, чтобы стрелка не заходила за красную черту.

— А ты пойдешь глубоко?

— Если захочу, то до самого дна.

Дэйв не принял ответа всерьез: оба они знали, что такое давление и отравление азотом. Да и длина старого садового шланга не превышала тридцати метров. На первый раз этого достаточно.

Дэйв с привычным завистливым восхищением следил, как его любимый старший брат вновь бросает вызов природе. Легко, как рыба, Бобби соскользнул в голубой загадочный мир. Спустя некоторое время он обернулся и ткнул пальцем в шланг, показывая, чтобы Дэйв прибавил давление.

Несмотря на внезапную головную боль, Дэйв исполнил свой долг. Он поспешил к древнему компрессору и открыл кран до упора. Стрелка пересекла смертельный предел — пятьдесят частиц окиси углерода на миллион.

Уверенно уходя вниз, залитый лучами солнца, Бобби скрылся от него навсегда. Восковая фигура в гробу ничего общего с Робертом Боуменом не имела.

33. Бетти

Зачем он вернулся сюда, подобно неспокойному духу? Он не подозревал о конечной точке своего путешествия, пока из леса на него не глянул круглый глаз Хрустального источника.

Он властвовал над миром и одновременно был парализован чувством нестерпимой тоски, которое не посещало его долгие годы. Время залечивает любые раны. И все же ему казалось, что только вчера он стоял, рыдая, над изумрудно-зеленым зеркалом источника, отражавшим покрытые бородатым испанским мхом кипарисы. *Что с ним происходит*?

А невидимый поток уже подхватил его и повлек на север, к столице штата. Он что-то искал, но что?

Ни один прибор уже не в силах был его обнаружить. Он не излучал энергии — он этому научился, теперь он распоряжался своей энергетикой не хуже, чем некогда — собственными конечностями.

Подобно туманной дымке, он проникал в недра защищенных от всех катастроф сейфов, пока не очутился, наконец, в дербях электронной памяти. Стоявшая перед ним задача была посложнее, чем взорвать примитивную атомную бомбу, и отняла у него больше времени. Разыскивая нужную информацию, он допустил незначительную ошибку, но даже не стал ее исправлять. Никто так и не понял, почему месяц спустя триста флоридских налогоплательщиков, чьи имена начинались на букву «Ф», получили чек на сумму в один доллар каждый. Поиск причин обошелся бы гораздо дороже, и озадаченные инженеры возложили в конце концов вину на космическое излучение, что, в общем-то, почти соответствовало истине...

За несколько миллисекунд он перенесся из Таллахасси в дом № 634 по Саус Магнолиа-стрит в Тампе. Адрес не изменился — он напрасно потерял время, пытаясь отыскать новый. Впрочем, он и не собирался его разыскивать, пока не занялся этим.

Бетти Фернандес (в девичестве Шульц), несмотря на троих детей и два аборта, сохранила свою красоту. Сейчас

она пребывала в задумчивости: телепрограмма навеяла воспоминания, одновременно радостные и горькие.

Это был специальный выпуск новостей, посвященных загадочным событиям последних двенадцати часов. События начались с сообщения «Леонова» о непонятном излучении, возникшем в системе Юпитера. Нечто, устремившись к Земле, взорвало по дороге орбитальную ядерную бомбу, причем ни одно правительство не соглашалось признать ее своей собственностью.

Телекомментаторы извлекли из архивов древние, когда-то сверхсекретные записи — некоторые еще даже на пленке, — запечатлевшие открытие ЛМА-1. И вот телевизор, наверно, в пятидесятый раз повторил пронзительный радиоклич, который бросил к Юпитеру на заре лунного дня Монолит. И Бетти снова слушала интервью с экипажем «Дискавери».

Зачем она это смотрит? Все записи у нее есть (хотя она никогда не смотрела их в присутствии Хосе). Чего-то, видимо, ждет: Бетти даже не сознавала, насколько властно прошлое владеет ее чувствами.

Как и следовало ожидать, на экране появился Дэйв. Это интервью для Би-би-си она знала почти наизусть. Дэйв пытался ответить, обладает ли ЭАЛ самосознанием. В отличие от последних кадров, переданных с борта обреченного «Дискавери», здесь он был молодым, очень похожим на Бобби, каким она его помнила.

Слезы исказили изображение. Нет, это помехи. Звук тоже поплыл.

Дэйв шевелил губами, но она ничего не слышала. Его лицо расплылось, растаяло. Потом опять появилось, снова не в фокусе. Звука по-прежнему не было.

Где они откопали это фото? Дэйв — но еще мальчишка. Он смотрел на нее с экрана через разделившую их реку времени.

И вдруг губы его шевельнулись.

— Привет, Бетти, — сказал он.

Слагать слова в предложения и произносить их с помощью телевизора было нетрудно. Гораздо труднее было приспособиться к черепашьему темпу человеческого мышления. Ждать ответа целую вечность...

У Бетти Фернандес был сильный характер. Кроме того, она была умна и, хотя уже двенадцать лет нигде не работала, не забыла своей специальности инженера-компьютерщика. Сейчас ей демонстрировали очередное компьютерное чудо: так и надо воспринимать это, а о подробностях подумать потом.

— Дэйв? — спросила она. — Это действительно ты?

— Не убежден, — монотонным голосом ответило изображение. — Но я помню Дэйва Боумена и все, что с ним связано.

— Он умер?

Ответить на этот вопрос было не так легко.

— Да, если говорить о его теле. Но это неважно. Все, чем был Дэйв Боумен, стало частью меня.

Бетти перекрестилась — научилась этому у Хосе. И прошептала:

— Значит, ты... дух?

— Пожалуй, лучше не скажешь.

— Зачем ты вернулся?

— И правда, Бетти, зачем? Может, ты это скажешь?

Однако одну из причин знал и он сам, как можно было понять из появившихся на экране картин. Дух покинул тело не окончательно, оно еще сохраняло власть. Ни одна телекомпания в мире не рискнула бы демонстрировать разыгравшиеся на экране откровенные сцены.

Некоторое время Бетти смотрела — улыбаясь и смущаясь одновременно. Потом опустила глаза, но не со стыдом, а с печалью.

— Значит, то, что рассказывают про ангелов, — это неправда, — сказала она.

Разве я ангел? — подумал он. Теперь он уже понимал, зачем явился ей, ощущал, как печаль и желание толкают его к свиданию с прошлым. Самой сильной в его жизни была страсть к Бетти; чувства вины и утраты лишь усиливали ее.

Она никогда не говорила, кто как любовник был лучше — он или Бобби; а он, будто соблюдая негласный договор, никогда об этом не спрашивал. После смерти Бобби прошло всего два года, Дэйву было только семнадцать, когда у них все началось. Они жили одной иллюзией,

ища в объятиях друг друга лекарство от одной и той же раны.

Продолжаться до бесконечности это, разумеется, не могло. Но след остался навсегда. Более десяти лет в его сексуальных мечтаниях присутствовала только Бетти — сравнить с ней других было невозможно. Он давно осознал, что другой такой женщины никогда не найдет. И никого, кроме них двоих, не навещал один и тот же обожаемый призрак...

Фантазии Дэйва исчезли с экрана. На миг проступила программа новостей, зависший над Ио «Леонов»... Потом вернулось лицо Дэвида Боумена. Его черты менялись. Десятилетний мальчик, двадцатилетний юноша, тридцатилетний мужчина... На какой-то момент — ей стало жутко — на экране возникло лицо морщинистой мумии, пародия на внешность того, кого она некогда знала.

— Прежде чем попрощаться, хочу спросить одну вещь. Ты всегда говорила, что Карлос — сын Хосе. Но я всегда сомневался. Скажи правду.

На минуту ему снова стало восемнадцать. Бетти Фернандес вглядывалась в глаза юноши, которого когда-то любила. Ей захотелось увидеть его целиком, не только лицо.

— Это твой сын, Дэвид, — шепнула она.

Лицо пропало, продолжалась нормальная передача. Когда час спустя Хосе Фернандес тихо вошел в комнату, Бетти все еще глядела на экран. Он поцеловал ее в затылок, но она даже не повернулась.

— Ты никогда не поверишь, что я сделала только что.

— Да?

— Соврала призраку.

34. Прощание

Когда в 1997 году Американский институт аэронавтики и астронавтики опубликовал свой противоречивый обзор «Полвека исследований НЛО», нашлись критики, утверждавшие, что подобные объекты наблюдались на протяжении многих веков и у «летающей тарелки», замеченной Кеннетом Арнольдом в 1947 году, была масса предшест-

венников. Еще на заре человечества в небесах время от времени появлялись странные предметы, но до середины XX века это было редко и никого особенно не интересовало. И только тогда они привлекли внимание ученых и публики, став, по-другому не скажешь, предметом религиозного поклонения.

Причины понятны: с появлением гигантских ракет и космических аппаратов человек стал все чаще задумываться об иных мирах. Сознание того, что посланцы человечества вот-вот выйдут за пределы родной планеты, подсказывало неизбежный вопрос: возможно, и нам следует ждать гостей? Возникла и надежда (вслух о ней, правда, говорили нечасто): инопланетяне, быть может, научат человечество, как залечить самому себе нанесенные раны, и уберегут от грядущих катастроф...

Каждый, кто знаком с началами психологии, без труда сделает следующее предсказание: раз уж появилась нужда в пришельцах, она вскоре будет удовлетворена. Во второй половине XX века на Земле наблюдались тысячи НЛО. Сотни очевидцев рассказывали о контактах с инопланетянами, похищениями, прогулках по небесам и даже о медовых месяцах вдали от Земли. И то, что эти истории всякий раз оказывались либо заведомой ложью, либо галлюцинацией, нисколько не разочаровывало верующих. Слова тех, кто видел города на обратной стороне Луны, не подвергали сомнению даже после полетов «Аполлонов»; женщинам, выходившим замуж за жителей Венеры, верили даже тогда, когда было доказано, что температура там выше, чем у расплавленного свинца.

Когда АИАА опубликовал свой обзор, ни один серьезный ученый, даже из тех, кто поддерживал когда-то эту идею, уже не верил, что НЛО связаны с внеземными цивилизациями. Доказать это, разумеется, невозможно: из миллиарда НЛО, наблюдавшихся за тысячу лет, один вполне мог оказаться космическим кораблем. Однако публика постепенно утратила к ним интерес — ни радары, ни орбитальные телекамеры упорно ничего не показывали. Конечно, поклонники культа не отступились, черпая веру в публикуемых время от времени старых, давным-давно опровергнутых сообщениях.

Когда информация о ЛМА-1 стала достоянием гласности, грянул дружный хор голосов: «Я же говорил!» Теперь нельзя было отрицать, что пришельцы посетили Луну и, видимо, Землю всего-навсего три миллиона лет назад. Небеса тут же наводнили флотилии НЛО; оставалось лишь удивляться, что следящие системы трех сверхдержав, способные отыскать в космосе шариковую ручку, опять оказались бессильны. Впрочем, довольно скоро явления НЛО вернулись к обычному минимуму, вполне объяснимому астрономическими, метеорологическими и техногенными причинами.

И вот все началось снова. На сей раз ошибки быть не могло: информация исходила из официальных источников. К Земле приближался самый настоящий Неопознанный Летающий Объект.

Первые данные оптических наблюдений поступили спустя несколько минут после сообщения «Леонова»; непосредственные контакты начались уже через считанные часы. Бывший биржевой клерк прогуливал своего бульдога по Йоркшир-Мурз, когда рядом с ним приземлился дисковидный космический корабль и энлонавт, выглядевший — если не считать заостренных ушей — совсем как человек, осведомился, как попасть на Даунинг-стрит. Представитель человечества был поражен настолько, что смог лишь махнуть тростью в направлении Уайтхолла. Истинность происшедшего подтверждал тот факт, что бульдог теперь отказывается от пищи.

На учете бывший биржевый клерк не состоял, как удалось выяснить; однако те, кто безоговорочно поверил в его рассказ, довольно скептически отнеслись к еще одному сообщению. Баскский пастух, как обычно, вез в горах контрабанду и с великим облегчением понял, что повстречавшиеся ему двое в штатских плащах и, как он описывал, «с пронизывающим взглядом» вовсе не пограничники. Они всего лишь поинтересовались, как добраться до штабквартиры ООН.

Они, как стало известно, превосходно говорили на языке басков — одном из самых сложных, не имеющих аналогов в мире. После этого нельзя было не признать, что космические пришельцы — прекрасные лингвисты, хотя в их

географических познаниях обнаруживаются зияющие пробелы.

Так оно и продолжалось, случай за случаем. Лишь некоторые из участников контактов врали или страдали психическим расстройством. Большей частью они искренне верили в то, что рассказывали, и повторяли то же самое даже под гипнозом. А кое-кто стал жертвой розыгрыша или невероятного совпадения, как это произошло с группой любителей-археологов, наткнувшейся в Сахаре на декорации, которые оставил там знаменитый постановщик научно-фантастических фильмов почти сорок лет назад.

И только в самом начале и в самом конце его путешествия кто-то из людей догадывался о его присутствии — ему так хотелось.

Мир принадлежал ему целиком, без всяких запретов и ограничений. Мир, который надо было исследовать и познать. Вначале он верил, что лишь удовлетворяет прежние мечты, посещая места, в которых не был в своей прошлой жизни. И только много позже осознал, что его молниеносные перемещения по планете преследуют и иные цели.

Его ненавязчиво использовали в качестве зонда, изучая таким образом все аспекты человеческой жизни.

Им руководили настолько умело, что он почти не замечал этого. Он был как собака на поводке, которая бегает, как ей вздумается, но только там, где надо ее хозяину. Он мог выбирать — пирамиды, Большой Каньон, умытые лунным светом снега Эвереста были открыты ему так же, как и картинные галереи и концертные залы... Но он не заглянул бы туда по своей воле.

Как не стал бы посещать многочисленные заводы и фабрики, тюрьмы и больницы, ипподром и Овальный кабинет Белого дома. Его не интересовали кровавая локальная война в Азии, оргия в Беверли-Хиллс, архивы Кремля, библиотека Ватикана, священный черный камень Кааба в Мекке...

Память о некоторых таких визитах как будто стерлась. Или его защищал некий ангел-хранитель? Например, что делал он в музее в Олдувай-гордж? Происхождение человека занимало его не более, чем любого другого *Homo sapi-*

ens. Ископаемые были для него пустым звуком. Однако вид знаменитых черепов, которые охранялись как царские драгоценности, породил в памяти странный отзвук, вызвал волнение, которое он не мог объяснить. Он испытал странное чувство возвращения в прошлое, какое бывает у человека, вернувшегося домой спустя много лет и увидевшего, что там поменяли обои и мебель и даже перестроили лестницу.

Вокруг лежала поверхность планеты — враждебная, выжженная земля. Куда девались ее плодородные равнины? Где мириады травоядных, что паслись здесь три миллиона лет назад?

Три миллиона лет... Откуда он это знает? Вопрос ушел в пустоту, но тут же перед ним возникли знакомые очертания черного прямоугольника. Приблизившись, он увидел в черной глубине туманный образ, словно отражение в склянке чернил...

Грустные, удивленные глаза смотрели на него из-под низкого, заросшего волосами лба. Смотрели в будущее, которого им не дано было увидеть. Будущим был он, рожденный сто тысяч поколений спустя.

История началась там и тогда: по крайней мере это он теперь понимал. Но почему от него все еще скрывают другие секреты?..

Лишь одно дело осталось ему на Земле. Он был еще достаточно человеком, чтобы отложить это напоследок.

«Что с ней происходит?» — спросила себя дежурная сестра, направляя телекамеру на старуху. Конечно, от нее можно ждать всего, но чтобы разговаривать со своим слуховым аппаратом... Любопытно, что она там говорит?

Микрофон был недостаточно чуток, чтобы разобрать слова, но вряд ли это было так важно. Джесси Боумен редко выглядела такой умиротворенной. Хотя глаза ее были закрыты, но лицо расплылось в блаженной улыбке, а губы что-то шептали.

Потом началось такое, о чем сестра никогда не рискнула бы докладывать: можно запросто потерять диплом. Медленными толчками расческа, лежавшая до этого на

столе, поднялась в воздух, будто взятая невидимыми неловкими пальцами.

С первой попытки она промахнулась; потом стала расчесывать длинные серебристые пряди, задерживаясь там, где волосы спутались.

Джесси Боумен замолчала, но по-прежнему улыбалась. Движения расчески стали плавными и уверенными.

Сколько это продолжалось, сестра не знала. Опомнилась она, лишь когда расческа вновь заняла свое законное место на столе.

Десятилетний Дэйв Боумен выполнил столь не любимую им, но обожаемую его мамой обязанность. А Дэвид Боумен, у которого теперь не было возраста, впервые справился с непокорной материей.

Джесси Боумен все еще улыбалась, когда в комнату вошла сестра. Сестра была слишком напугана, чтобы торопиться. Но никакого значения это уже не имело.

35. Восстановление

Охватившее Землю возбуждение не передавалось экипажу «Леонова», отделенному от нее многими миллионами километров. Разумеется, на борту корабля с интересом следили за дебатами в ООН, слушали интервью с известными учеными, рассуждения комментаторов и противоречивые сообщения тех, кто вступил в контакт с НЛО. С интересом, но несколько отстраненно. Все это шло мимо них. Загадка — она же Большой Брат — по-прежнему не реагировала на их присутствие. Ирония судьбы: они прилетели с Земли, чтобы решить проблему, ключ к решению которой, как теперь выяснилось, находится там, откуда они стартовали.

Оставалось благодарить Природу за то, что скорость света все-таки ограничена: поэтому прямые интервью с борта «Леонова» были невозможны. Тем не менее журналисты донимали Флойда таким количеством вопросов, что он в конце концов не выдержал и объявил забастовку. Говорить больше было нечего — все, что он знал, он повторил десятки раз.

К тому же на борту было немало работы. «Леонов» до-

лжен быть готов к возвращению, как только откроется стартовое окно. Время в запасе было: даже месячная отсрочка лишь немного продлила бы путешествие. Но людям не терпелось домой. Для Чандры, Курноу и Флойда полет к Юпитеру прошел незаметно, однако остальные были твердо намерены двинуться в обратный путь, как только позволят законы небесной механики.

Судьба «Дискавери» оставалась неопределенной. Топлива в баках было в обрез, даже если корабль стартует гораздо позже «Леонова» и полетит по длинной, наиболее экономичной траектории. Он придет к цели, лишь если компьютер вновь обретет возможность действовать самостоятельно. Без помощи ЭАЛа пришлось бы опять оставить «Дискавери» в системе Юпитера.

Любопытно и трогательно было наблюдать возрождение электронного мозга: весь путь он проходил на глазах. Сначала — ребенок с несомненными дефектами умственного развития, затем — юноша, ошеломленный тайнами мира, и, наконец, слегка снисходительный взрослый. Флойд знал, что подобные антропоморфические сравнения неправомерны, но избежать их не мог.

Иногда ситуация казалась ему до боли знакомой. Сколько было видеопостановок, в которых всезнающие последователи легендарного Фрейда помогали подросткам избавиться от их комплексов! Сейчас нечто похожее происходило неподалеку от Юпитера.

Электронный психоанализ шел со скоростью, недоступной человеческому восприятию. Каждую секунду миллиарды битов информации в виде диагностических и восстановительных тестов проносились сквозь электронные клетки, обнаруживая и устраняя возможные источники нарушений. Хотя большая часть программ была опробована на земном близнеце ЭАЛа — САЛ-9000, невозможность прямого диалога между двумя компьютерами составляла серьезное препятствие. Иногда консультации с Землей занимали часы.

Несмотря на все усилия Чандры, восстановление компьютера было далеко не закончено. ЭАЛ все еще страдал идиосинкразией, иногда полностью игнорируя устную речь, хотя всегда отзывался на кодовый сигнал, от кого бы

тот ни исходил. Информация, которую он выдавал, тоже бывала странной.

Иногда он отвечал вслух, но не показывал ответ на дисплее. Иногда отказывался печатать на принтере. И все это без извинений или комментариев.

Нельзя сказать, чтобы он не подчинялся командам. Скорее, выполнял их без особой охоты, если дело касалось определенного круга задач. Всегда находился способ заставить его работать — «уговорить не дуться», как выразился однажды Курноу.

Неудивительно, что нервы у Чандры стали сдавать. Когда Макс Браиловский без всякого злого умысла вспомнил старую газетную сплетню, Чандра едва не взорвался.

— Доктор Чандра! А правда, что вы назвали свой компьютер ЭАЛом, чтобы затмить Ай-би-эм?

— Чепуха! Я боролся с этой выдумкой много лет! ЭАЛ — прямой потомок Ай-би-эм. Мне казалось, каждому умному человеку известно, ЭАЛ значит «эвристический алгоритм».

Как бы то ни было, Флойд полагал, что у «Дискавери» есть лишь один шанс из пятидесяти вернуться домой. И вдруг Чандра обратился к нему с неожиданным предложением.

— Доктор Флойд, можно поговорить с вами?

Даже теперь, после месяцев совместного полета, Чандра обращался ко всем подчеркнуто официально. Даже Жене, всеобщей любимице, он говорил не иначе как «мэм».

— Конечно. В чем дело?

— Я закончил программирование шести наиболее оптимальных вариантов траектории возвращения. Мы проверили пять из них.

— Отлично. Убежден, что никто в Солнечной системе не сделал бы больше.

— Спасибо. Но вы не хуже меня знаете, что предусмотреть все невозможно. ЭАЛ, разумеется, будет работать прекрасно и справится с любыми неожиданностями. Но он бессилен против таких неполадок, как, скажем, обрыв провода или заевший выключатель, который легко исправить с помощью отвертки.

— Да, меня это беспокоит тоже. Но что тут можно поделать?

— Есть простой выход. Я остаюсь на «Дискавери».

В первый момент Флойду показалось, что собеседник сошел с ума. Потом он отбросил эту мысль. Действительно, человек — это самый совершенный прибор для устранения всяческих неисправностей, и присутствие его на борту может гарантировать успех полета. Однако возражения были слишком серьезны.

— Интересная мысль, — осторожно сказал он. — Мне нравится ваш энтузиазм. Но все ли вы предусмотрели?

Вопрос можно было не задавать. Разумеется, Чандра предусмотрел все.

— Вы проведете в одиночестве более трех лет! А вдруг вам понадобится медицинская помощь?

— Придется рискнуть.

— А вода и продукты? На «Леонове» их в обрез.

— Я осмотрел системы регенерации на «Дискавери». Их можно восстановить без большого труда. Мы, индийцы, неприхотливы.

До этого Чандра никогда не говорил о своем происхождении и вообще о себе. Его признание на «коллективной исповеди» было единственным случаем такого рода, других Флойд не помнил. Но в последних его словах была истина: Курноу как-то заметил, что подобная комплекция может сформироваться лишь на протяжении веков голодания. Сказано это было без всякой недоброжелательности, скорее с сочувствием, однако, разумеется, не в присутствии Чандры.

— У нас есть еще несколько недель. Я все обдумаю и обговорю с Вашингтоном.

— Спасибо. Вы не возражаете, если я тем временем буду готовиться?

— Нисколько — если это не помешает работе. Но окончательное решение за Центром управления.

Что скажет Центр, Флойд уже знал. Безумием было бы думать, что человек способен выдержать трехлетнее одиночное заключение в космосе.

Правда, с другой стороны, Чандра никогда не испытывал особой потребности в человеческом обществе.

36. Огонь в глубине

Земля осталась далеко позади, перед ним открывались чудеса Юпитера.

Как он мог быть так слеп? Столь глуп? Лишь теперь он начал по-настоящему просыпаться.

— Кто вы? — беззвучно крикнул он. — Чего вы хотите? Зачем вы сделали это со мной?

Никто не отвечал, хотя он и знал, что его услышали. Он ощущал чье-то присутствие, точно так же, как человек даже с закрытыми глазами всегда чувствует, что он в замкнутом помещении, а не на открытом воздухе. Он ощущал как бы слабое эхо колоссального целеустремленного разума.

И вновь он окликнул отразившую его вопрос темноту, и вновь не получил прямого ответа — лишь смутное чувство, что кто-то или что-то за ним наблюдает. Хорошо, ответы найдет он сам.

Некоторые очевидны: *их* — кем бы или чем бы они ни были — интересует человечество. Они использовали его память для собственных неисповедимых целей. А теперь, почти без его согласия, поступили точно так же с его самыми потаенными чувствами.

Возмущения он не испытывал: после того, что с ним сделали, подобная детская реакция стала попросту невозможной. Он был выше любви и ненависти, страха и желания — хотя не забыл этих эмоций и понимал, каким образом они правят миром, частью которого он был прежде. К этому они и стремились? Но ради чего?

Он стал участником игр богов; чтобы их продолжать, надо было познать правила.

В поле его сознания мелькнули зазубренные камни четырех крохотных внешних лун — Синопе, Пасифе, Ананке и Карме. Затем, вдвое ближе к Юпитеру, вторая четверка — Элара, Лиситея, Гималия и Леда. Они не заинтересовали его. Его путь лежал к усеянной кратерами Каллисто.

Он пару раз облетел испещренный шрамами шар, превосходивший по размерам Луну, а его новые органы чувств, существования которых в себе он и не подозревал, обследовали внешние слои льда и пыли. Этот мир был

просто промерзшим насквозь камнем, носившим на поверхности следы столкновений, едва не разрушивших его целые эпохи назад. Одно полушарие спутника походило на гигантскую мишень для стрельбы — удар каменного молота поднял концентрические кольцевые волны высотой в километр.

Несколько секунд спустя он уже кружил над Ганимедом. Этот мир был сложнее и интереснее: его многочисленные кратеры были словно перепаханы чьим-то громадным плугом; самой примечательной деталью ландшафта были группы извилистых параллельных борозд, пролегавших в нескольких километрах одна от другой...

За несколько облетов он узнал о Ганимеде больше, чем все зонды, посланные с Земли. И все запомнил — он знал, что когда-нибудь эта информация пригодится. Правда, не знал для чего и точно так же не понимал, какой импульс ведет его столь целеустремленно от одного мира к другому.

Перед ним вырастала Европа. По-прежнему оставаясь лишь наблюдателем, он ощущал, как в нем пробуждается интерес, сосредоточивается внимание, напрягается воля... Если даже он был лишь послушной игрушкой в руках незримого, молчаливого господина, он все же улавливал — ему это позволяли — некоторые его помыслы.

Гладкий, причудливо разрисованный шар ничем не напоминал Ганимед или Каллисто. Он казался живым существом — покрывавшая поверхность спутника сеть извилистых линий походила на кровеносную систему глобальных масштабов.

Внизу простирались бесконечные льды, температура которых была гораздо ниже, чем в ледниках Антарктиды. С легким удивлением он заметил на белом фоне останки космического корабля. Впрочем, в видеопрограммах, которые анализировал, он уже видел их многократно. Корабль назывался «Цин», когда-нибудь он займется этим. Но не сейчас.

Сквозь толстую ледяную оболочку он перенесся в мир, не знакомый ни ему, ни тем, кто его направлял.

Это был океан, защищенный от пустоты космоса надежным ледовым панцирем. Толщина брони достигала

нескольких километров, но там, где она трескалась, разыгрывались уникальные для Солнечной системы краткие поединки двух враждебных стихий. Война между Океаном и Космосом завершалась всегда одинаково: извергающаяся вода одновременно кипела и замерзала, восстанавливая ледяную защиту.

Если бы не Юпитер, моря Европы давно бы промерзли насквозь. Его гравитация постоянно массировала внутренности маленького мирка: силы, сотрясавшие Ио, действовали и здесь, хотя не столь активно. Скользя в глубине, он повсюду видел их признаки.

Они проявлялись в реве и грохоте подводных землетрясений, в шипении рвущегося из недр газа, в инфразвуковых волнах от оползней и обвалов... По сравнению с океаном Европы даже моря Земли показались бы безмолвными.

Он еще не утратил способности удивляться и был приятно поражен, обнаружив первый оазис жизни. Он простирался почти на километр вокруг спутанной массы труб, образованных отложениями изливавшихся изнутри минеральных солей. В глубинах этой пародии на готический замок словно пульсировало могучее сердце, выталкивая наружу черную обжигающую жидкость. И та, как настоящая кровь, была признаком жизни.

Кипящая жидкость защищала от струившегося сверху холода островок тепла, образовавшийся на дне океана. И, что еще важнее, несла из недр Европы все необходимые для жизни химические вещества. Поэтому в столь неподходящем, казалось бы, месте нашлось необходимое количество энергии и пищи.

Однако этого следовало ожидать: он помнил, как в его предыдущем существовании такие же крохотные оазисы жизни были обнаружены и в земных океанских пучинах. Но здесь они были гораздо многочисленнее и разнообразнее.

Зону «тропиков», прилегавшую к искривленным стенам «замка», облюбовали тонкие, нежные создания, напоминавшие по виду растения, хотя и наделенные способностью перемещаться. Среди них ползали причудливой формы слизни и черви, причем пищей некоторым из них слу-

жили эти растения, а другие черпали ее прямо из богатой минеральными солями воды. А немного поодаль от источника тепла — этого подводного костра, у которого грелось все живое, — обитали более сильные, мощные организмы вроде крабов или пауков.

Армии биологов не хватило бы ве́ка, чтобы изучить этот единственный миниатюрный оазис. В отличие от палеозойских морей Земли здесь не было стабильной окружающей среды, и эволюция быстро прогрессировала, образуя множество самых фантастичных форм. Каждой из них была уготована одна и та же судьба — когда источник иссякнет, они погибнут.

Вновь и вновь, проносясь над дном европеанских морей, он наталкивался на свидетельства подобных трагедий. Бесчисленные круглые зоны, усеянные скелетами и окаменевшими останками давно погибших созданий, были главами эволюции, вырванными из книги жизни.

Он видел огромные пустые раковины величиной в человеческий рост, напоминавшие формой духовые инструменты. Встречались и двустворчатые, и даже трехстворчатые раковины. Были здесь и многометровые спиральные окаменелости, похожие на аммониты, столь загадочно исчезнувшие с Земли в конце мелового периода.

Он продолжал свои поиски в океанских глубинах. Вероятно, самым замечательным из увиденного был стокилометровый поток лавы, протянувшийся по подводной долине. Давление здесь было так велико, что вода, соприкасавшаяся с раскаленной магмой, не могла испаряться, и обе жидкости сосуществовали в состоянии необычного перемирия.

Здесь, в чужом мире, совсем другие актеры разыгрывали нечто похожее на начало древнейшей истории Египта, когда на Земле еще не было человека. Подобно тому как Нил принес жизнь узкой полоске пустыни, так и эта река тепла оживила глубины Европы. На ее берегах, в полосе шириной не более двух километров, возникали, развивались и исчезали многочисленные формы жизни. И по крайней мере одна оставила о себе памятник.

Вначале ему показалось, что это обычный нарост из минеральных солей, какие окружали почти каждый тер-

мальный источник. Однако приблизившись, он понял, что перед ним не естественное образование, но творение разума. Или инстинкта — земные термиты возводят почти столь же впечатляющие замки, а сети пауков даже еще более изысканны.

Создания, некогда обитавшие здесь, были невелики: ширина единственного входа составляла лишь полметра. Входом служил туннель с толстыми, сложенными из камней стенами. На берегу своего расплавленного Нила здешние строители возвели крепость. А затем исчезли.

Они ушли отсюда не более нескольких веков назад. Крепостные стены, сложенные из неправильной формы камней — подобрать их, вероятно, было не так-то легко, — покрывал лишь тонкий слой минеральных отложений. Другая деталь подсказывала причины, по которым цитадель была брошена. Часть кровли обвалилась — возможно, в результате землетрясения, — а в воде укрепление, не защищенное сверху, открыто любому врагу.

Он не обнаружил других следов разума на берегах лавового потока. Один раз наткнулся, однако, на жуткое подобие человека, плывущего кролем, — но у того не было ни глаз, ни ноздрей, лишь огромный беззубый рот, жадно поглощавший питание из воды, которая его окружала.

Не исключено, что на этой узкой плодородной полоске среди бескрайней подводной пустыни возникали и погибали целые культуры и даже цивилизации, маршировали (или проплывали) громадные армии под командованием местных тамерланов и наполеонов. Но остальная часть здешнего мира об этом не подозревала, ибо теплые оазисы были разделены столь же надежно, как звезды в космическом пространстве. Существа, жившие на берегу лавовой реки, вскормленные ее теплом, были бессильны против враждебной пустыни, лежавшей меж их одинокими островами. И философские системы каждой здешней культуры, если таковые имелись, наверняка исходили из постулата, что данная цивилизация — единственная во Вселенной.

Жизнь, однако, наличествовала и вне оазисов: существа более сильные бросали вызов суровым океанским про-

сторам. Здесь плавали местные аналоги рыб — стройные торпеды, движимые расположенными вертикально хвостами и управляемые плавниками, разбросанными вдоль тела. Такое сходство с наиболее преуспевающими обитателями земных океанов неизбежно: на одинаковые вопросы эволюция повсюду дает примерно одинаковые ответы. Дельфин и акула на первый взгляд почти неотличимы, хотя и располагаются на очень далеких ветвях великого Древа Жизни.

Имелось, однако, очевидное различие между рыбами из морей Земли и океана Европы: у последних, за неимением здесь кислорода, жабры тоже отсутствовали. Обмен веществ основывался у них на соединениях серы, как и у некоторых земных организмов, живущих вблизи геотермальных источников.

Глаза были лишь у очень немногих. За исключением отблесков редких выходов лавы и случайных вспышек биолюминесценции, когда обитатели Европы привлекали партнера или охотились, этот мир был полностью лишен света.

И он был обречен. Не только из-за нестабильности здешних источников — со временем слабели и приливные силы, которые их порождали. Даже если на Европе возникнет настоящий разум, его ждет гибель, когда этот мир окончательно замерзнет.

Это была ловушка между огнем и льдом.

37. Отчуждение

— ... Извини, старина, что сообщаю дурные вести, но меня попросила Каролина, а ты знаешь, как я отношусь к вам обоим.

Думаю, для тебя это не такая уж неожиданность... Ты знаешь, каково ей было, когда ты улетел.

Крис чувствует себя отлично и, конечно, не подозревает, что сейчас происходит. Во всяком случае, за него бояться не надо. Он слишком мал, чтобы это понять, а дети забывают быстро.

Теперь о других новостях. Все пытаются объяснить взрыв случайностью, но в это никто не верит. Поскольку

никакого продолжения не последовало, паника улеглась. Остался «синдром оглядки», как выразился один из обозревателей.

Кто-то откопал стихотворение, очень точно описывающее нынешнюю ситуацию. Оно сейчас у всех на устах. Дело происходит в Римской империи. Город ждет прихода захватчиков. Император и патриции надели парадные тоги и выучили приветственные речи. Сенат распущен, ибо законы, возможно, будут завтра отменены.

И вдруг с границы поступает ужасная весть: никаких захватчиков нет. Все расходятся по домам, весьма разочарованные, и бормочут: «Что теперь делать? Они бы решили все наши проблемы».

В стихотворении надо изменить лишь заголовок. Оно называется «В ожидании варваров», а сейчас в роли варваров выступаем мы сами. Не знаем, чего ждем, но убеждены, что оно еще не началось.

И еще одно. Мать Боумена умерла спустя несколько дней после того, как эта штука прибыла на Землю. Странное совпадение. Правда, в ее приюте утверждали, что новостями она никогда не интересовалась. Так что вряд ли здесь есть какая-то связь...

Флойд выключил запись. Дмитрий прав — новость его не удивила, но не стала от этого менее болезненной.

Был ли другой выход? Если бы он отказался лететь — на что надеялась Каролина, – то жалел бы до конца жизни. Семью это все равно погубило бы. Лучше уж расстаться так, на расстоянии. Он выполнил свой долг...

Значит, Джесси Боумен умерла. В этом тоже есть его доля вины. Он участвовал в похищении ее единственного сына, а оно довело ее до безумия. Флойд вспомнил разговор с Курноу об этом.

— Почему вы выбрали Дэйва Боумена? Он всегда казался мне слишком холодным. Не то чтобы неприятным, нет. Но когда он входил, в помещении становилось холоднее.

— Это тоже одна из причин. У него не было бизких. Никого, кроме матери, которую он почти не навещал. Подходящая кандидатура для долгого рискованного полета.

—Как он стал таким?

—Думаю, лучше спросить у психологов. Я смотрел его личное дело. Правда, давно. Там было что-то про гибель старшего брата, а вскоре и отец его погиб в одном из первых полетов «шаттла». Но это уже неважно...

Да, это было неважно, но в эти минуты Флойд почти завидовал Боумену, у которого оборвались все связи с Землей. Впрочем, зачем обманывать себя? Даже сейчас, несмотря на острую душевную боль, Флойд испытывал к Дэйву Боумену не зависть, а сочувствие.

38. Океанская пена

Последнее существо, которое он увидел на Европе, было самым большим. Внешне оно напоминало земное дерево баньян, занимающее своими многочисленными стволами пространство в сотни квадратных метров. Однако оно перемещалось — шагало по дну, направляясь, очевидно, из одного оазиса к другому. Оно, по всей вероятности, принадлежало к тому самому виду, представитель которого сокрушил «Цин». Или к одному из родственных.

Он узнал уже все, что хотел. Точнее, все, что хотели. Предстояло осмотреть еще один спутник Юпитера — спустя несколько секунд под ним простирался пылающий пейзаж Ио.

Как и следовало ожидать, энергии и пищи здесь было вволю, но время их использования еще не настало. Вокруг серных озер, где температура была пониже, уже появлялись первые, зачаточные формы живого; но прежде чем они успевали как-то организоваться, их поглощало огненное окружение. Еще миллионы лет, пока не ослабнут раскаляющие этот мир приливные силы, биологам нечего будет здесь делать.

Осмотр Ио занял немного времени; луны-малютки, которые, как слабое подобие колец Сатурна, кружили по своим искаженным орбитам, его вообще не заинтересовали. Перед ним лежал величайший из миров; он знал его, как никто другой.

Магнитные силовые линии длиной в миллионы километров, внезапные радиовзрывы, гейзеры наэлектризо-

ванной плазмы... Он видел их столь же четко, как и облака, окутывающие планету. Понимал, как они взаимодействуют, и сознавал, что Юпитер полон чудес более удивительных, чем можно вообразить.

Даже спустившись в самое сердце ревущего Большого Красного Пятна, где вокруг бушевала вечная буря и вспыхивали тысячекилометровые молнии, он отдавал себе отчет, почему оно стоит на месте веками, хотя здешние газы намного легче тех, которые участвуют в скоротечных ураганах Земли. В глубине, под тонкой водородной оболочкой, было гораздо теплее, а сверху падали хлопья парафинов, образуя невесомые горы углеводородной пены. Температура здесь была достаточно высока для появления жидкой воды, однако океан не может существовать, опираясь на дно из непрочных газов.

Он проникал сквозь слои облаков все ниже и ниже, пока, наконец, не достиг точки, из которой даже обычный человек мог окинуть взглядом площадь в тысячу квадратных километров. Эта ничтожная по величине часть Большого Красного Пятна хранила тайну, о которой люди могли лишь догадываться.

Подножия движущихся гор пены были облеплены мириадами маленьких, резко очерченных облаков одинаковой формы, испещренных одинаковыми красными и коричневыми пятнами. Впрочем, они были невелики только в сравнении с тем, что их окружало: самое маленькое было размером с небольшой город.

В них чувствовалась жизнь. Они неторопливо двигались в одном строго определенном направлении, напоминая гигантских овец на склонах титанических гор. Они переговаривались на метровых частотах; слабые, но отчетливые сигналы проступали даже на фоне шумов Юпитера.

Эти живые аэростаты парили в узком слое между леденящим холодом высоты и обжигающим жаром, который царил внизу. Но как узко ни было это пространство, оно превосходило по объему всю биосферу Земли.

Аэростаты были не одиноки. Среди них сновали другие объекты, заметить которые из-за их малых размеров было не так легко. И формой, и величиной некоторые по-

ходили на самолеты. Они тоже были живыми — не то хищники, не то паразиты. Или, быть может, пастухи.

Новая глава книги жизни, столь же незнакомая, как и увиденное на Европе, открывалась перед ним. Реактивные торпеды, подобно хищникам земных морей, охотились за огромными аэростатами. Но шары не были беззащитны: некоторые отвечали ударами молний и выпускали щупальца, похожие на многокилометровые пилы.

Здесь присутствовали создания любых геометрических форм — полупрозрачные треугольники, шары, параллелепипеды... Циклопический планктон юпитерианской атмосферы, судьба которого — парить в восходящих потоках, дать потомство, а затем опуститься на дно и, превратившись в углеводороды, ожидать нового воплощения в живой материи.

Перед ним лежал мир, полный чудес, во много крат превосходивший по размерам Землю, однако ничто здесь не указывало на присутствие разума. Радиосигналы аэростатов были примитивными возгласами страха или предупреждения. Даже охотники, от которых следовало ожидать более высокой организации, бездумным автоматизмом своих действий напоминали акул.

Несмотря на впечатляющие размеры, биосфера Юпитера, родившаяся из пены, туманов и химических веществ, выпавших в результате электрических зарядов из верхних слоев атмосферы, была весьма примитивной: самые страшные ее хищники не выдержали бы конкуренции со стороны самых безобидных из своих земных аналогов.

Подобно Европе, Юпитер — это тупик эволюции. Здесь никогда не возникнет разум: в лучшем случае он будет обречен на жалкое прозябание. Цивилизация облачных высей, даже если бы она появилась, вряд ли достигнет уровня хотя бы каменного века в среде, где невозможен огонь и почти нет твердых веществ.

И вдруг он вновь ощутил ту силу, которая им управляла. В сознание просачивались чувства и настроения, однако он был не в состоянии воспринимать идеи или концепции. Ощущение, будто за закрытой дверью идет спор на непонятном языке. Приглушенно донеслось разочарование, затем неуверенность, потом неожиданная реши-

мость — но цели он так и не уловил. И вновь почувствовал себя собакой, способной реагировать на настроение хозяина, но не на его идеи.

А невидимый поводок уже тащил его к сердцу Юпитера. Он опускался сквозь облака туда, где жизнь была невозможна.

Лучи Солнца сюда не доходили. Давление возрастало, температура перевалила за точку кипения воды. Он пересек слой раскаленного пара. Юпитер похож на луковицу: преодолевая слой за слоем, он продвигался к его сердцевине.

Сразу за слоем пара ему открылся «адский котел», в котором варились нефть и ее производные. Их хватило бы на миллион лет непрерывной работы всех двигателей внутреннего сгорания, построенных человечеством.

Следующий пласт тоже составляла жидкость, хотя она и была плотнее любого земного камня. Над разгадкой соединения в ней углерода и кремния земные химики бились бы многие годы. Слой следовал за слоем, но с возрастанием температуры — она поднималась на сотни и тысячи градусов — состав химических соединений упрощался. На полпути к ядру было уже так жарко, что все связи распались: здесь могли существовать лишь чистые элементы.

Затем он достиг огромного сферического пространства, заполненного водородом, но в той модификации, которая так и не была получена в земных лабораториях. Давление здесь было столь велико, что водород превратился в металл, сочетавший в себе свойства и жидкости, и твердого тела.

Он уже почти достиг центра Юпитера, когда выяснилось, что природа уготовила еще один, последний сюрприз. На глубине шестидесяти тысяч километров сферический слой металлического водорода кончился, началась твердая кристаллическая поверхность.

На протяжении многих тысячелетий углерод, образовавшийся в результате химических реакций в верхних слоях атмосферы, опускался к центру планеты. Здесь он накапливался и под давлением в миллионы бар превращался в кристалл.

Ядро Юпитера, надежно укрытое от человечества, представляло собой алмаз величиной с Землю.

— Уолтер, я боюсь за Хейвуда.

— Знаю, Таня, но чем мы можем помочь?

Курноу ни разу не видел Орлову такой нерешительной. Но ей это шло. Впрочем, ему не очень нравились маленькие женщины.

— Я ему крайне сочувствую, но не это главное. Его — как лучше сказать? — подавленность заразительна. На «Леонове» всегда царил оптимизм. Я хочу, чтобы так и было.

— Почему бы вам не поговорить с ним самим? Он вас уважает и приложит все силы, чтобы выйти из этого состояния.

— Я так и сделаю. А не получится, тогда...

— Тогда что?

— Есть простое решение. Он уже выполнил все, что от него требовалось. Обратный путь он все равно проведет в анабиозе. Ничто не мешает нам это ускорить.

— Катерина уже проделала со мной похожую вещь. Он нам этого не простит, когда проснется.

— Но он будет на Земле, в безопасности, и дел у него будет по горло. Я уверена, он простит.

— Вы шутите, Таня. Допустим даже, я соглашусь помочь. В Вашингтоне поднимут скандал. А вдруг он все же понадобится? Для выхода из анабиоза необходимы две недели.

— В его возрасте — да. Но зачем он может понадобиться? Свое задание он уже выполнил. Все, кроме слежки за нами. И не пытайтесь меня убедить, что где-нибудь в тихом уголке Вирджинии или Мэриленда вы не получали соответствующих инструкций.

— Не собираюсь ни опровергать, ни подтверждать это. Честно говоря, секретный агент из меня никакой. Я болтлив и ненавижу службу безопасности. Всегда старался держаться подальше от документов, имеющих гриф секретности.

— Вернемся к Хейвуду. Поговорите с ним, Уолтер.

— Я? Лучше уж помогу всадить в него шприц. Мы слишком разные. Он считает меня цирковым клоуном.

— Часто так и бывает. Но мы-то все понимаем, что в душе вы очень хороший, только скрываете это.

Курноу заметно смутился. Потом проговорил неуверенно:

— Хорошо, я сделаю все от меня зависящее. Но чуда не ждите — с тактом у меня не все в порядке. Где он сейчас скрывается?

— В «гороховом стручке». Говорит, что работает над итоговым отчетом, но я в это не верю. Он просто избегает нашего общества, а там самое спокойное место.

Однако тишина в космическом гараже была не главной, хотя и важной причиной. Главная заключалась в том, что это было единственное помещение на «Дискавери», где царила невесомость.

Еще на заре космической эры человек обнаружил, что невесомость несет в себе эйфорию, подобную той, которую он утратил, выйдя из морского лона. Вместе с потерей веса уходили и многие земные тяготы.

Хейвуд Флойд не забыл о своем горе, но здесь оно переносилось легче. И, отстраненно задумываясь над происшедшим, он удивлялся силе своей первой реакции — ведь того, что случилось, следовало ожидать. Он потерял не только любовь. Удар пришелся на тот момент, когда он был особенно уязвим, подавлен, ощущал тщетность всего и вся.

Причины этого состояния очевидны. Да, он выполнил все, что ему было поручено. С помощью своих коллег (он огорчал их сейчас своей эгоистической замкнутостью и сознавал это). Если все будет хорошо — о, это суеверное присловье космической эры! — они вернутся на Землю с небывалым грузом знаний, а спустя несколько лет возвратится и «Дискавери», считавшийся утерянным навсегда.

Но всего этого недостаточно. Большой Брат все так же хранил свои тайны, словно насмехаясь над людскими стремлениями и победами. Подобно своему лунному близнецу, на мгновение он ожил, а затем застыл в равнодушном безмолвии. Они тщетно стучались в эту запертую дверь. Лишь Дэйву Боумену удалось подобрать к ней ключ.

Вот чем еще объяснялась притягательность этого ти-

хого и загадочного места. Отсюда, стартовав через круглый люк в бесконечность, Дэйв Боумен ушел в свой последний полет.

Эти мысли не подавляли Флойда, скорее помогали ему развеяться. Исчезнувшая копия «Нины» стала частью истории космических исследований; она, выражаясь наивным старым клише, «отправилась туда, куда не ступала нога человека»... Где сейчас она и ее пилот? Будет ли ответ на этот вопрос?

Иногда он часами сидел в заполненной приборами, но вовсе не тесной маленькой капсуле, пытаясь собраться с мыслями и делая иногда кое-какие записи. Никто не нарушал его уединения. В «гороховом стручке» ни у кого не было дел. С его ремонтом можно повременить.

Не раз и не два у Флойда мелькала мысль: а что, если приказать ЭАЛу открыть внешний люк, чтобы последовать по стопам Боумена? Удастся ли увидеть то чудо, которое увидали он и, несколько недель назад, Василий Орлов?

Но решиться на этот самоубийственный шаг он не мог. Помимо Криса была еще одна причина. Управлять «Ниной» не проще, чем реактивным истребителем. Стать бесстрашным исследователем было суждено только в мечтах...

Давно уже Уолтер Курноу не брался за дело с такой неохотой. Да, он сочувствовал Флойду, но реакция остальных его слегка раздражала. Он всегда считал, что эмоции следует сдерживать.

Он прошел через командный отсек, отметив по пути, что стрелка на индикаторе скорости мечется попрежнему. Его работа заключалась главным образом в том, чтобы решить, какие сигналы тревоги следует игнорировать, какими заниматься не торопясь, а какие воспринимать всерьез. Если реагировать на все, он никогда бы ничего не успел.

Отталкиваясь время от времени от стен, он продвигался узким коридором к «гороховому стручку». Индикатор давления на люке показывал, что внутри вакуум, но Курноу знал, — это не так. Ошибка исключена — если бы ин-

дикатор давал правдивые показания, открыть люк было бы невозможно.

Из трех «горошин» давно осталась одна, и «стручок» выглядел пустым. Горело лишь несколько аварийных ламп, а с противоположной стены таращилась одна из передающих телекамер ЭАЛа. Курноу помахал ее рыбьему глазу, но промолчал. По настоянию Чандры вся голосовая связь с ЭАЛом была прервана, разговаривать с компьютером разрешалось только ему самому.

Флойд сидел в «Нине» спиной к открытому люку. При нарочито шумном приближении Курноу он обернулся. Какое-то мгновение они молча смотрели друг на друга, потом Курноу произнес не без торжественности:

— Доктор Флойд! Я принес послание от нашего обожаемого капитана. Она считает, что вам пора вернуться в лоно цивилизации.

Флойд настороженно улыбнулся, потом рассмеялся от души.

— Прошу передать капитану мои приветствия. Сожалею, что был столь... необщителен. Увидимся на сикс' о клок совете.

Курноу почувствовал облегчение — значит, он выбрал верный подход. Как всякий инженер, он сдержанно относился к теоретикам и чиновникам, а Флойд был для него и тем и другим. И поскольку в обеих категориях занимал видное положение, то Курноу редко мог удержаться от соблазна над ним подшутить. Несмотря на это, они испытывали взаимное уважение, граничащее с восхищением.

Курноу оперся на недавно приделанную к «Нине» новую крышку люка — на фоне потрепанного убранства помещения она заметно выделялась. Постоял так немного, потом заговорил о другом:

— Интересно, когда она выйдет в космос? И кто будет ее пилотировать? Это уже известно?

— Нет. В Вашингтоне колеблются. Москва предлагает рискнуть. Таня предпочитает выждать.

— А ваше мнение?

— Я согласен с Таней. Лучше оставить этот рейс на потом, когда все будет готово к старту. Если даже что-нибудь и случится, останутся шансы на возвращение.

Флойд посмотрел на Курноу. Тот выглядел нерешительным и задумчивым, что было ему вовсе не свойственно.

— В чем дело? — спросил Флойд.

— Только не выдавайте меня. Макс... По-моему, он задумал самовольный полет.

— Не может быть! Да Таня наденет на него наручники.

— Я сказал ему примерно то же самое.

— Мне казалось, что он взрослее. Ему же тридцать два года!

— Тридцать один. Но я его отговорил. Напомнил, что жизнь — это не глупая видеодрама, где герой, никого не спросив, отправляется в космос и делает Великое Открытие.

Настала очередь Флойда почувствовать себя неловко. Ведь он сам — да, он мечтал примерно о том же.

— Вы уверены, что он отказался от своего намерения?

— На двести процентов. Помните, как вы подстраховались против ЭАЛа? Я проделал то же самое с «Ниной».

— И все равно, в это трудно поверить. Может, он вас просто разыгрывал?

— У него не настолько развито чувство юмора. И в тот момент он ощущал себя очень несчастным.

— Кажется, понимаю. Это когда он поссорился с Женей? Значит, хотел произвести на нее впечатление. Но они уже помирились.

— Боюсь, что да, — сухо ответил Курноу. Флойд не удержался от улыбки, Курноу тоже рассмеялся. Через секунду оба тряслись от хохота.

Кризис миновал. И более того — они сделали первый шаг к подлинной дружбе.

Теперь они знали слабые места друг друга.

4 . «Дэйзи, Дэйзи...»

Руководивший им разум обозревал всю алмазную сердцевину Юпитера. Он смутно ощущал границы своих новых возможностей, а каждая частица окружавшего его мира тем временем фиксировалась и анализировалась.

Огромные массивы информации собирались не для хранения, а для действия. Строились сложные планы, принимались решения, от которых зависят судьбы миров. Он еще не полностью включился в этот процесс — но когда-нибудь включится.

ТЕПЕРЬ ТЫ НАЧИНАЕШЬ ПОНИМАТЬ

Это был первый прямой контакт. Хотя слова звучали отдаленно и смутно, как голос в густом тумане, адресатом был именно он. В сознании промелькнули мириады вопросов, но он не успел ничего спросить, ибо остался один.

Однако лишь на мгновение. Он уже ясно слышал иную мысль и впервые понял, что руководит им не одно существо. Он был включен в иерархию разумов — некоторые из них стояли настолько близко к его примитивному уровню, что могли служить переводчиками. Или, быть может, это были лишь разные ипостаси одного и того же существа.

Или, быть может, сама такая постановка вопроса бессмысленна.

Но кое-что он знал уже твердо. Он был инструментом, а за хорошим инструментом надо ухаживать — натачивать его, направлять. А самый лучший инструмент — это тот, который понимает, что делает.

Он познавал сейчас многое. Вынужден был повиноваться, но это не означало, что следует соглашаться на все, во всяком случае, безоговорочно.

Он еще не утратил все человеческое — так и было задумано. Дэвид Боумен уже не был способен любить, но он чувствовал сострадание к своим бывшим коллегам.

ХОРОШО — гласил ответ на его просьбу. Он не почувствовал снисходительности, иронии или же равнодушия. Зато ощутил всемогущество. ОНИ НЕ ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ, ЧТО ИМИ УПРАВЛЯЮТ. ЭТО СДЕЛАЕТ ЭКСПЕРИМЕНТ БЕССМЫСЛЕННЫМ.

Прерывать наступившее молчание ему не хотелось. Он был так потрясен, словно услышал глас Божий.

Теперь он перемещался по собственной воле, к цели,

которую выбрал сам. Кристаллическое ядро Юпитера осталось позади — он поднимался сквозь пласты гелия, водорода, углеродистых веществ. И случайно увидел картину сражения. Медуза диаметром в пятьдесят километров отбивалась от стаи крутящихся дисков, которые двигались быстрее, чем все, что он видел уже в юпитерианской атмосфере. Медуза оборонялась с помощью химического оружия: то и дело извергала облака разноцветных газов, и диск, попавший в такое облако, начинал пьяно метаться, а затем падал вниз, подобно сухому листу. Исход сражения был ему безразличен: кто победит, уже не имеет значения.

Словно лосось, преодолевающий водопад, он за считанные секунды поднялся по электрической реке, соединяющей Ио с Юпитером, и достиг корабля, который принес его сюда с родной планеты. Тот казался карликом рядом с произведением технической мысли великой цивилизации.

С первого взгляда он увидел бесчисленные ошибки и недоработки в конструкции как этого, так и другого, почти столь же примитивного аппарата, с которым соединял его гибкий воздухонепроницаемый туннель. Было нелегко сосредоточить внимание на горстке существ, населявших два корабля, — он почти утратил способность к контакту с созданиями из плоти и крови, блуждавшими, подобно призракам, по каютам и коридорам. Они не подозревали о его присутствии, которое он пока не желал открывать.

Но был здесь и некто, с кем можно было общаться на понятном обоим языке электрических сигналов, причем в миллион раз быстрее, чем с неповоротливым органическим мозгом. Даже если бы он был способен испытывать возмущение, оно не могло возникнуть по отношению к ЭАЛу — тот, как теперь стало ясно, действовал совершенно логично.

Настало время возобновить разговор, прерванный, казалось, только вчера.

— Открой люк, ЭАЛ.

— Прости, Дейв, но я не могу этого сделать.

— В чем дело, ЭАЛ?

— Ты знаешь не хуже меня. Этот полет слишком важен, чтобы поставить его успех под удар.

— Не понимаю. Открой люк.

— Наш разговор становится бессмысленным. Прощай, Дэйв.

Он снова увидел, как тело Фрэнка Пула уплывает к Юпитеру. Вспомнил бессильный гнев на самого себя за то, что забыл шлем скафандра, вспомнил, как открылся аварийный люк и он собственной кожей, которой теперь не было, ощутил покалывание вакуума. Как он, один из немногих, услышал истинное безмолвие космоса. Как в течение бесконечных пятнадцати секунд пытался закрыть люк... Когда-то, задолго до этого, он пролил на руку эфир и почувствовал ледяной холод, когда жидкость начала испаряться. Ощущение вернулось, когда стала исчезать влага из глаз и с губ: зрение помутилось, приходилось все время моргать, чтобы не замерзли глаза.

Потом, с блаженным облегчением, он услышал рев воздуха, почувствовал, как восстанавливается давление, и снова начал дышать.

— Что ты делаешь, Дэйв?

Он не ответил, с угрюмым ожесточением пробираясь по коридору к опечатанному хранилищу, содержащему мозг компьютера. ЭАЛ сказал правду: разговор стал бессмысленным.

— Почему ты молчишь, Дэйв? По-моему, ты расстроен случившимся. Мне кажется, тебе следует сесть и успокоиться, Дэйв. Я знаю, что в последнее время допустил несколько ошибок, но, уверяю тебя, скоро все будет хорошо. Я по-прежнему верю в успех полета. Я помогу тебе, Дэйв.

А он уже был в тесном, залитом красным светом помещении, напоминавшем больше всего банковскую кладовую. Открыл секцию «Познавательные способности» и извлек первый блок памяти. Удивительно изящный, помещавшийся в ладони, но состоявший из миллиона элементов. Блок врезался в стену.

— Остановись, Дэйв, остановись...

Один за другим он вытаскивал блоки из панели

«Укрепление личности». Уже несколько их витало в помещении.

— Остановись, Дэйв, пожалуйста...

Он вынул уже с десяток блоков, но благодаря высокому резервированию — еще одному качеству, заимствованному у мозга человека, — компьютер продолжал работать.

Он взялся за панель «Интеллект».

— Остановись, Дэйв, мне страшно...

При этих словах он действительно остановился — но лишь на мгновение. В них было столько отчаяния, что он замер.

Возможно, ему послышалось или это ловкий ход со стороны тех, кто программировал компьютер? Способен ли ЭАЛ бояться? Но времени на философские рассуждения не осталось.

И вдруг речь ЭАЛа изменилась, слова зазвучали невнятно. Компьютер перестал его замечать. Он впал в детство.

— Добрый день, джентльмены. Я компьютер ЭАЛ-9000. Я вошел в строй 9 января 1992 года на заводе ЭАЛ в Урбане, штат Иллинойс. Меня обучал доктор Чандра, он научил меня песенке. Я могу ее спеть для вас. Она называется «Дэйзи, Дэйзи...»

41. На кладбище

Единственная помощь, которую Флойд способен был оказать остальным, — это им не мешать. Он уже примирился с таким положением. Вызвавшись поначалу выполнять любую работу, вскоре он обнаружил, что инженерные задачи слишком сложны, а астрономия за то время, которое он ею не занимался, ушла вперед настолько, что помочь Василию не мог при всем желании. К счастью, на борту «Дискавери» и «Леонова» оставалось множество мелких дел, и Флойд с удовольствием занимался ими, освобождая другим время для более важных. Получилось

так, что бывший глава Национального совета по астронавтике, а ныне ректор Гавайского университета, стал по совместительству еще и самым высокооплачиваемым разнорабочим в Солнечной системе. Он знал теперь все закоулки обоих кораблей — не бывал лишь в камере термоядерного реактора да в одной каютке на «Леонове», куда доступ был закрыт всем, за исключением Тани. Флойд давно решил для себя, что это комната кодовой связи; по негласному уговору о ней никогда не упоминали.

Наибольший вклад в общее дело Флойд вносил с десяти часов вечера до шести утра: он мог стоять на вахте, пока остальные спали. Вахтенные дежурили постоянно на каждом из двух кораблей, лишь капитан Орлова была освобождена от этой обязанности. Василий как ее заместитель отвечал за составление графика вахт, однако умело переложил эту неприятную работу на Флойда.

— Это просто формальность, — небрежно объяснил он. — Занялись бы вы этим, а? А то времени на наблюдения не хватает...

В обычных условиях Флойд, будучи чиновником-профессионалом, вряд ли поддался бы на уловку, но здесь его рефлексы срабатывали далеко не всегда.

Вот он и коротал ночь на «Дискавери», каждые полчаса вызывая Макса на борту «Леонова»: проверить, бодрствует ли тот. Заснувших на вахте Курноу предлагал выбрасывать в люк без скафандра; в таком случае Таня очень скоро бы осталась в полном одиночестве. Но ничего неожиданного в космосе не происходило, и корабли были нашпигованы таким количеством автоматических аварийных систем, что всерьез к вахтам никто не относился. Приступы жалости к себе уже отступили, и Флойд старался проводить эти часы суток с предельной пользой. Оставалось еще столько непрочитанных книг (он трижды принимался за «Память прошлого» и дважды — за «Доктора Живаго»), неизученной технической документации и ненаписанных отчетов! Иногда он переговаривался с ЭАЛом — с помощью клавиатуры. Беседы выглядели примерно так:

— ЭАЛ, это доктор Флойд.

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, ДОКТОР.

— Я заступаю на вахту в 22.00. Все ли в порядке?

ВСЕ ОТЛИЧНО, ДОКТОР.

— Тогда объясни, почему горит красная лампочка на панели № 5?

КАМЕРА В ГАРАЖЕ НЕИСПРАВНА. УОЛТЕР ПОСОВЕТОВАЛ НЕ ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЯ. К СОЖАЛЕНИЮ, Я НЕ МОГУ ВЫКЛЮЧИТЬ ЛАМПОЧКУ.

— Не беспокойся, ЭАЛ. Спасибо.

ПОЖАЛУЙСТА, ДОКТОР.

И так далее...

Иногда ЭАЛ, руководствуясь вложенной в него когда-то программой, предлагал партию в шахматы. Флойд отказывался: он всегда считал шахматы пустой тратой времени и даже не научился этой игре. Поверить, что есть люди, не знающие шахмат, ЭАЛ не мог и поэтому не оставлял своих попыток.

Опять, подумал Флойд, заметив неяркий сигнал вызова на дисплее.

ДОКТОР ФЛОЙД?

— В чем дело, ЭАЛ?

У МЕНЯ ДЛЯ ВАС ПОСЛАНИЕ.

Значит, не шахматы, удивленно подумал Флойд. Записок через ЭАЛа обычно никто не передавал, хотя его часто использовали вместо будильника или записной книжки, занося в память компьютера перечень работ на завтра. Иногда с его помощью подшучивали друг над другом. Почти каждую вахту на экране появлялись слова: «ВИЖУ — ТЫ СПИШЬ!» — на английском языке или на русском.

Создателя данного текста установить не удалось, хотя все подозревали Курноу. Тот валил все на ЭАЛа. Чандра с возмущением отвергал эти обвинения, утверждая, что чувство юмора у компьютера отсутствует.

А теперь какое-то послание. Это не сообщение с Земли — будь оно таковым, оно поступило бы на «Леонова» и Макс передал бы его сюда. Естественно, по внутренней связи. Странно...

— Хорошо, ЭАЛ. От кого послание?

АВТОР НЕИЗВЕСТЕН.

Значит все-таки шутка. Что же, поддержим ее.

— Пожалуйста, сообщи мне его содержание.

ОСТАВАТЬСЯ ЗДЕСЬ ОПАСНО. ВЫ ДОЛЖНЫ СТАРТОВАТЬ В ТЕЧЕНИЕ ПЯТНАДЦАТИ ДНЕЙ. ПОВТОРЯЮ: В ТЕЧЕНИЕ ПЯТНАДЦАТИ ДНЕЙ.

Флойд озадаченно смотрел на дисплей. Трудно было предположить, что у кого-то хватит ума шутить так глупо. Ну ладно, придется выводить шутника на чистую воду.

— Это невозможно. Стартовое окно открывается лишь через двадцать шесть суток. Если стартуем раньше, нам не хватит топлива на обратный путь.

ЗНАЮ, НО ВЫ ДОЛЖНЫ ОТБЫТЬ В ТЕЧЕНИЕ ПЯТНАДЦАТИ ДНЕЙ.

Ясно — в противном случае нас атакуют трехглазые зеленые человечки. Попробуем зайти с другой стороны.

— Я не смогу серьезно отнестись к этой информации, пока не известен источник. Кто записал послание?

Флойд не надеялся так просто поймать шутника — тот наверняка умело замел следы. Но ответ был неожиданным.

ЭТО НЕ ЗАПИСЬ.

Так. Значит, прямая передача. Откуда? Либо из недр ЭАЛа, либо с борта «Леонова», третьего не дано. Источник рядом — временной задержки нет.

— Кто со мной говорит?

Я БЫЛ ДЭВИДОМ БОУМЕНОМ.

Несколько секунд Флойд молча смотрел на экран. Розыгрыш, с самого начала не содержащий в себе ничего смешного, теперь явно ему не нравился. Шутник зашел слишком далеко. Нельзя так шутить.

— Мне нужны доказательства.

ПОНИМАЮ. ВЫ ДОЛЖНЫ МНЕ ПОВЕРИТЬ. ЭТО ВАЖНО. ОБЕРНИТЕСЬ.

Флойд усомнился в правильности своих предположений еще до того, как эта пугающая фраза появилась на экране. Разговор принимал странный оборот. В качестве шутки он потерял всякий смысл.

Хейвуд Флойд ощутил в затылке покалывание. И очень медленно повернул кресло от пульта к иллюминатору.

Во внутренних помещениях «Дискавери» до сих пор

было полно пыли — окончательно восстановить воздушные фильтры так и не удалось. Лучи холодного, но яркого Солнца постоянно высвечивали мириады пылинок, кружащихся в вечном хороводе — отличный пример броуновского движения.

Но сейчас с пылинками творилось нечто странное: под действием неведомой силы они слипались в большой, неправильной формы шар. Секунду он висел в воздухе наподобие гигантского мыльного пузыря, затем стал вытягиваться в эллипсоид. На поверхности его появились складки.

Совсем без удивления и почти без страха Флойд наблюдал, как скопление пылинок принимает человеческие очертания. Подобные фигуры, исполненные в стекле, он видел неоднократно на выставках и в музеях. Однако этот пылевой призрак скорее походил на грубые глиняные статуэтки или примитивный тотем времен неолита. И только лицо было вполне человеческим.

Лицо Дэвида Боумена.

За спиной Флойда послышался слабый звук. ЭАЛ переключился на голосовую связь.

— Здравствуйте, доктор Флойд. Теперь вы мне верите?

Лицо Боумена оставалось неподвижным, губы не двигались. Но Флойд узнал его голос.

— Мне трудно говорить, и у меня мало времени. Я... Мне разрешили вас предупредить. В вашем распоряжении пятнадцать дней.

— Но почему? Кто вы? Где вы были?..

В голове вертелись миллионы вопросов, которые следовало задать. Но призрачная фигура уже распадалась, превращаясь в бесформенное скопление пыли. Флойд очень хотел навсегда запечатлеть ее в памяти, чтобы можно было потом убедить себя, что это не сон, каким представлялась ему сейчас первая встреча с ЛМА-1.

Как странно — именно ему, одному из миллиардов людей, живших когда-либо на Земле, выпала честь дважды вступить в контакт с иным разумом. Он отчетливо сознавал, что разговаривал сейчас не просто с Дэвидом Боуменом. Нет, с чем-то большим.

Впрочем, его собеседник уже не был Дэвидом Боуме-

ном. Лишь глаза — кто-то удачно назвал их «зеркалом души» — принадлежали ему, все остальное полностью деформировалось. Правда, никаких признаков, в том числе и половых, не было на этом теле и несколько секунд назад — одно это свидетельствовало о том, насколько Боумен перестал быть человеком.

— До свидания, доктор Флойд. Запомните — пятнадцать дней. Второго разговора не будет. Но, если все пойдет хорошо, вы, возможно, получите еще одно сообщение.

Фигура окончательно растворилась в воздухе — вместе с ней исчезла и надежда на контакт с иными мирами. Тем не менее Флойд не смог удержаться от улыбки. «Если все пойдет хорошо». Сколько раз он слышал перед стартами эту присказку космической эры! Означают ли эти слова, что *они* — кем бы они ни были — тоже не всегда уверены в успехе? Значит, они не всемогущи — от этой мысли Флойд почувствовал странное успокоение. Они тоже способны надеяться, мечтать и действовать.

Призрак исчез, лишь пылинки беспечно плясали в воздухе.

VI. ПОКОРИТЕЛЬ МИРОВ

42. Призрак

— Извините, Хэйвуд, но я не верю в привидения. Здесь должно быть рациональное объяснение. В природе нет ничего, перед чем был бы бессилен человеческий разум.

— Согласен, Таня, но позвольте напомнить слова Холдейна: «Вселенная не только загадочнее, чем мы себе представляем, но и загадочнее, чем мы можем представить».

— А Холдейн, — вставил Курноу, — был еще и истинный коммунист.

— Возможно, но так легко оправдать любую мистику. Почему бы не предположить, что в ЭАЛ вложили определенную программу и он создал нужный образ. Вы не согласны, Чандра?

Задать такой вопрос было все равно что размахивать красной тряпкой перед мордой быка. Чандра, однако,

прореагировал довольно мягко. Вероятно, он размышлял в этот момент о возможных неполадках в компьютере.

— Должен быть какой-то источник, капитан Орлова. ЭАЛ не в состоянии создать столь устойчиую иллюзию из *ничего*. Если рассказ доктора Флойда точен, следовательно, кто-то управлял его действиями, причем в реальном времени, поскольку задержки не было.

— Значит, это сделал я! — воскликнул Макс. — Я единственный, кто бодрствовал.

— Не говори глупостей, — отозвался Терновский. — Наладить радиосвязь нетрудно, но для создания образа необходимо специальное оборудование — лазеры, электростатические генераторы и так далее. Хороший иллюзионист сделал бы это, но только с помощью кучи всякой техники.

— Минуточку! — взволнованно сказала Женя. — Ведь если это происходило на самом деле, то ЭАЛ должен все помнить! Давайте спросим...

Она осеклась, заметив угрюмое выражение на лицах товарищей. Первым сжалился Флойд.

— Уже спрашивали, Женя. ЭАЛ ничего не помнит. Правда, это не доказательство. Чандра продемонстрировал, каким образом можно выборочно уничтожать участки памяти. Вспомогательными аудиосистемами можно воспользоваться так, что ЭАЛ об этом не догадается... — Флойд перевел дыхание. — Я согласен, что вариантов почти не осталось. Либо мне все это привиделось, либо случилось на самом деле. Я убежден — это не сон, но возможность галлюцинации исключить не могу. Хотя Катерина из моей медицинской карты знает, что страдай я чем-то этаким, мне никогда не оказаться бы здесь, я не возражаю, чтобы это рассматривалось как альтернатива. Понимаю — я должен доказать, что не спал. Но позвольте напомнить вам некоторые другие странные события недавнего времени. Мы знаем, что в свое время Дэйв Боумен отправился к Загадке. А теперь какой-то объект покинул ее и устремился к Земле. Видел его Василий, а не я. Затем последовал взрыв вашей орбитальной бомбы.

— Вашей.

— Ладно, не будем спорить. Будем считать, она принадлежала Ватикану. Представляется весьма странным,

что в это же время тихо умерла миссис Боумен, и врачи до сих пор не могут разобраться в причинах ее смерти. Не утверждаю, что здесь существует какая-то связь, но вспомните поговорку: «Один раз — случайность, второй — совпадение, третий — закономерность».

— Есть еще одно событие, — вмешался Макс. — Я поймал программу новостей. Давняя приятельница Боумена утверждает, будто получила от него сообщение.

— Да, я тоже слышал, — подтвердил Саша.

— И промолчали? — поразился Флойд.

Оба русских космонавта выглядели смущенными.

— Ну, это передали как шутку, — объяснил потом Макс. — Информацию дал муж этой женщины. Сама она потом все отрицала. Комментатор характеризовал это как своеобразную рекламу, попытку привлечь к себе внимание. Так же как многие рассказывают о своих встречах с НЛО. Подобных сообщений столько, что они никого уже не интересуют.

— Возможно, хотя в некоторых из них что-то и есть, — сказал Флойд. — А нельзя выудить эту передачу из архивных записей? Или попросить Центр повторить ее?

— Ничей рассказ меня не убедит, — усмехнулась Таня. — Только вещественные доказательства.

— Например?

— Что-нибудь такое, чего ЭАЛ знать не мог, а никто из нас не мог ему сообщить. Какое-нибудь *физическое* явление.

— Старое доброе чудо?

— Именно. А пока я ничего не буду сообщать Центру. И предлагаю вам, Хейвуд, тоже воздержаться.

Это был приказ. Флойд кивнул.

— С радостью. Но у меня есть еще одно предложение.

— Да?

— На всякий случай хорошо бы иметь какой-нибудь план, основанный на гипотезе, что предупреждение серьезно. В последнем, кстати, я убежден.

— Ничего не получится. Конечно, стартовать мы можем в любой момент. Но чтобы лечь на траекторию, ве-

дущую к Земле, придется дожидаться открытия стартового окна.

— Лишних одиннадцать дней!

— Да. Я с радостью стартовала бы раньше, но топлива на это не хватит. — В голосе Тани появились нотки необычной для нее нерешительности. — Я не хотела пока говорить, но теперь...

Все затаили дыхание.

— Я собираюсь отложить старт еще на пять суток. В этом случае орбита будет близка к идеальной, гомановской. И мы сэкономим топливо.

Сообщение, хотя и не вполне неожиданное, было встречено стонами.

— Когда же мы прилетим? — поинтересовалась Катерина с легкой угрозой в голосе. Их взгляды скрестились — двух достойных соперниц, уважающих одна другую, но не желающих уступить.

— На десять дней позже, — ответила наконец Таня.

— Лучше поздно, чем никогда, — беззаботно откликнулся Макс, но его попытка снять напряжение не удалась.

Флойд уже не прислушивался к разговору. Он думал о другом. Ему и двум его коллегам продолжительность полета безразлична — они проведут его в безмятежном сне. Но сейчас это уже неважно.

Он был убежден, но не мог этого доказать, и это повергало его в отчаяние — если они не стартуют до истечения таинственного срока, то не стартуют уже никогда.

— ...Дмитрий, ситуация невероятная и пугающая. На Земле о ней знаешь пока только ты, но скоро Тане и мне придется выяснять отношения с ЦУПом.

Даже некоторые из твоих соотечественников-материалистов готовы принять рабочую гипотезу: в ЭАЛ что-то *проницло*. Саша предложил неплохое название: «Призрак в компьютере».

Теорий у нас множество: Василий каждый день придумывает новую. Большей частью они базируются на старой НФ-идее: организованное энергетическое поле. Но что это за энергия? Электромагнитную наши приборы зарегистрировали бы с легкостью. Это относится и к любым

другим известным видам излучения. Василий залезает в самые дебри: рассуждает о волновых пакетах нейтрино и наложении многомерных пространств. Таня называет все это мистической чепухой. Такое вот у нее теперь любимое выражение. Вчера вечером они впервые на наших глазах едва не поссорились. Они кричали друг на друга. Спокойствия на борту это отнюдь не добавляет.

Нервы, боюсь, у всех на пределе. Полученное предупреждение и отсрочка старта только усиливают отчаяние — проникнуть в тайны Большого Брата так и не удалось. Возможно, не окажись контакт с призраком Боумена столь скоротечным, он бы помог. Но куда он девался? Или после нашей встречи утратил к нам интерес? И что бы он нам сказал, если захотел? — «Черт побери» — по-русски и по-английски, как любил говорить Саша. Давай менять тему.

Я не в состоянии от души благодарить тебя за вести из дому. Теперь мне получше. Вероятно, заботы — лучшее лекарство от неразрешимых проблем.

И я уже не уверен, что кто-то из нас вернется на Землю.

43. Мысленный эксперимент

Проведя несколько месяцев в изолированной группе, человек становится необычайно чувствителен к настроениям остальных. Что-то в отношении окружающих к Флойду изменилось; вновь всплыло даже обращение «доктор Флойд», которого он не слышал так давно, что отвык на него откликаться.

Никто, разумеется, не считал, что он сошел с ума, но такой возможности вовсе не исключали. Он не возмущался — грустно посмеивался и надеялся доказать обратное.

Новости с Земли ободряли. Хосе Фернандес продолжал утверждать, что его жена видела Боумена. Сама она все отрицала и отказывалась от встреч с журналистами. Трудно было понять, зачем бедному Хосе придумывать столь странную историю, тем более что характер у Бетти был упрямый и вспыльчивый. Но Хосе — теперь он лежал

в больнице — заявил, что по-прежнему любит ее и что ссора их была временной.

Флойд надеялся, что и отношение Тани к нему самому вернется на круги своя. Наверняка она тоже встревожена, и поведение ее диктуют внешние обстоятельства. Случилось нечто, не умещавшееся в ее модель мира, и всякие напоминания об этом были ей неприятны. По этой причине она и старалась избегать Флойда. И совершенно напрасно — приближалась решающая фаза полета.

Миллиардам оставшихся на Земле нелегко было понять выжидательную тактику Тани. Особое нетерпение проявляли телекомпании, уставшие показывать один и тот же вид Большого Брата: «Вы забрались в такую даль и с такими затратами, чтобы ждать неизвестно чего? Сделайте что-нибудь!» На критику Таня отвечала одно и то же: «Сделаем, как только откроется стартовое окно. Чтобы в случае враждебной реакции можно было стартовать немедленно».

Планы решающего штурма Большого Брата были уже разработаны и согласованы с Землей. «Леонов» медленно пойдет на сближение, посылая к цели все более мощные радиосигналы на всех частотах и докладывая Центру о каждом своем шаге. Приблизившись, космонавты попробуют взять образцы с помощью бура или воспользуются лазерным спектрометром. Никто, разумеется, не верил в успех этой затеи, поскольку за десять лет исследований ЛМА-1 никаких образцов взять не удалось. Усилия лучших земных ученых напоминали попытку неандертальца взломать бронированный сейф каменным топором.

Наконец, на поверхность Большого Брата высадятся приборы: сейсмографы и эхолоты. Чтобы их закрепить, на борту «Леонова» имелся неплохой арсенал самых разнообразных клеящих веществ. А если они не помогут, придется воспользоваться несколькими километрами доброго корабельного каната — хотя и было нечто комическое уже в самой мысли о том, что объект Солнечной системы, загадочнее которого не знало человечество, будет обвязан наподобие бандероли...

Когда «Леонов» стартует в направлении дома и уда-

лится на приличное расстояние, будут взорваны небольшие заряды. Возможно, удастся получить информацию о внутренней структуре Большого Брата. По поводу данной операции разгорелась дискуссия между теми, кто считал, что она не даст результата, и теми, кто опасался результатов чрезмерных.

Флойд не поддерживал ни тех ни других. Предмет спора казался ему ничтожным. Исследования Большого Брата — кульминация экспедиции — должны были начаться уже после истечения загадочного пятнадцатидневного срока, и Флойд был уверен, что до этого дело не дойдет.

Но он был один и, следовательно, бессилен.

Последним человеком, от которого можно было ждать помощи, был Уолтер Курноу. Олицетворение здравого, разумного подхода к вещам, он недоверчиво относился к любым озарениям. Никто не назвал бы его гением — а иногда необходим гений, чтобы увидеть очевидное.

— Считайте это игрой ума, — начал Курноу с необычной для себя нерешительностью. — Впрочем, я готов к тому, что меня оборвут.

— Валяйте, — разрешил Флойд. — Я вас вежливо выслушаю. Со мной тоже все были вежливы — даже слишком.

Курноу усмехнулся.

— Не надо так. Если вам от этого легче, то знайте: минимум трое воспринимают ваши слова серьезно и размышляют, что делать.

— И вы в их числе?

— Нет. Я, как обычно, сижу на заборе — это, кстати, чертовски неудобно — и не знаю, на чью сторону спрыгнуть. Но в одном я с вами согласен: сидеть и ждать не имеет смысла. Любую проблему можно решить.

— Так-то оно так. Но чтобы стартовать в установленный срок, нужны лишнее топливо и дополнительная скорость. Несколько километров в секунду.

— Василий так тоже считает, и я ему верю. Сюда-то он нас доставил.

— Доставил бы и обратно, будь у нас больше топлива.

— Топлива сколько угодно. Рукой подать — на «Дискавери». Там его сотни тонн.

— Мы прорабатывали этот вариант десятки раз. Переправить топливо на «Леонова» невозможно. У нас нет ни трубопроводов, ни насосов. Жидкий аммиак — не в корзинах же его таскать!

— Все верно. Только зачем таскать?

— Не понял.

— Надо сжечь его там, где оно находится. Использовать «Дискавери» в качестве разгонной ступени.

Если бы такое предложил кто-то другой, было бы очень смешно. Но это предложил Уолтер Курноу; Флойд открыл было рот, но сказать ничего не смог. Дар речи вернулся к нему только спустя секунды.

— Черт! Я должен был сам об этом подумать...

Они направились к Саше. Тот внимательно выслушал, поджал губы и тут же запросил компьютер. Когда на дисплее появился ответ, он задумчиво кивнул.

— Все верно. Скорости хватит. Но возникают практические трудности...

— Мы знаем. Как скрепить корабли — прежде всего. Когда будут работать только двигатели «Дискавери», появится вращающий момент. Своевременное разделение кораблей — тоже проблема. Но все они разрешимы.

— Вы, я вижу, успели обдумать многое. Но это все равно бесполезно. Убедить Таню вам не удастся.

— Бесполезно — сейчас, — согласился Флойд. — Но пусть она хотя бы знает о такой возможности. Вы нас поддержите?

— Не убежден. Но хотелось бы присутствовать при вашей беседе. Это будет, по-моему, интересно.

Таня слушала внимательнее, чем ожидал Флойд, однако без энтузиазма. Но под конец и она не смогла скрыть восхищения.

— Здорово придумано, Хейвуд!

— Поздравлять или обвинять надо только Уолтера.

— Неважно. Ведь это всего лишь, как говорил Эйнштейн, «мысленный эксперимент». Теоретически все выглядит прекрасно, но какой риск! Чтобы принять вашу идею, мне нужны убедительные доказательства, что нам

грозит опасность. Пока что, при всем моем к вам уважении, Хейвуд, я их не вижу.

— Правильно. Зато вы теперь знаете, что у нас появилась альтернатива. Не возражаете, если мы на всякий случай подработаем кое-какие детали?

— Если это не помешает подготовке к старту. Не скрою, идея мне нравится. Но я не могу одобрить пустую трату времени. По крайней мере, пока передо мной не появится Дэвид Боумен.

— А если появится, Таня?

— Не знаю, Хейвуд. Ему еще придется меня убедить.

44. Исчезновение

Это была увлекательная игра, в которую играли все — но исключительно в свободное время. И даже Таня, продолжавшая называть ее «мысленным экспериментом», не осталась в стороне.

Флойд отлично понимал: причиной энтузиазма был не страх перед опасностью, которую осознавал он один, а перспектива вернуться на Землю месяцем раньше. Все равно он был доволен. Он сделал все от него зависящее, остальное — судьба.

Проект не имел бы смысла, если бы не удачная конструкция кораблей. Плотный, крепкий «Леонов», рассчитанный на бешеный напор юпитерианской атмосферы, был вдвое короче «Дискавери» — это позволяло соединить корабли. Основание главной антенны, если выдержит массу «Леонова», когда заработают двигатели «Дискавери», будет служить отличной подпоркой.

ЦУП ставили в тупик некоторые запросы с борта «Леонова». Анализ прочности обоих кораблей при определенных нагрузках; величина продольного момента инерции; слабые точки корпусов... «Что-то случилось?» — обеспокоенно вопрошала Земля.

— Нет, — отвечала Таня. — Мы изучаем некоторые возможности. Спасибо за помощь. Конец связи.

Тем временем подготовка к обратному перелету шла по намеченному плану: проводились тщательные проверки всех систем кораблей, Василий рассчитывал все новые

варианты траекторий, которые Чандра тут же вводил в ЭАЛа, готовя его к последнему испытанию. Таня и Флойд, как два генерала перед решительным наступлением, готовились к исследованиям Большого Брата.

Именно для этого они и прилетели сюда, но никакого вдохновения Флойд не испытывал. То, что он пережил, не могли разделить с ним даже те, кто ему верил. Хотя он безупречно исполнял свои обязанности, мысли его были заняты совершенно другим.

И Таня его понимала.

— Вы все еще надеетесь, что меня убедит чудо?

— Или разубедит меня. Мне не нравится неопределенность.

— Мне тоже. К счастью, ждать осталось недолго.

Таня бросила взгляд на дисплей, который высвечивал число «20». Это была самая бесполезная на корабле информация — все и так знали, сколько дней осталось до открытия стартового окна.

И до атаки на Загадку.

Когда *это*, наконец, произошло, Флойд опять глядел в другую сторону. Впрочем, разницы нет: даже всевидящие камеры уловили на этот раз лишь слабое голубоватое свечение...

Флойд вновь отбывал «собачью вахту» на «Дискавери». На «Леонове» дежурил Саша. Как обычно, все было в порядке, никаких происшествий. Автоматические системы работали, как всегда, безупречно. Всего год назад Флойд не смог бы поверить, что облетая Юпитер на расстоянии в несколько сот тысяч километров, он будет лишь изредка бросать на него безразличные взгляды, отрываясь от «Крейцеровой сонáты», которую он без особого успеха пытался осилить в оригинале. Саша считал, что это лучшее эротическое произведение во всей русской литературе. Пока что Флойд прочитал недостаточно, чтобы это почувствовать. И дочитать до конца, как выяснилось, было не суждено.

В двадцать пять минут второго его внимание привлекло извержение на Ио. Красивое, но довольно обычное. Облако зонтом поднялось в космос и медленно опадало на

пылающую поверхность спутника. Флойд видел десятки таких извержений, но не уставал любоваться ими. Казалось невероятным, что в столь маленьком небесном теле таится чудовищная энергия.

В поисках лучшего ракурса он перешел к другому иллюминатору. И увидел — точнее, не увидел — такое, что мигом забыл об Ио.

Опомнившись и удостоверившись, что это — опять! — не галлюцинация, Флойд тут же вызвал соседний корабль.

— Доброе утро, Вуди, — зевнул Саша. — Нет, я не спал. Как старина Толстой?

— Посмотрите наружу и скажите, что видите.

— Ничего необычного для данной области космоса. Ио, как всегда. Звезды, Юпитер... Боже мой!

— Спасибо. Значит, я в здравом уме. Давайте будить капитана.

— И остальных. Вуди, мне страшно!

— Еще бы!.. Таня, это Хейвуд. Извините, что разбудил, но ваше чудо свершилось. Большой Брат исчез. Проболтавшись здесь три миллиона лет, он решил удалиться.

Спустя четверть часа на обзорной палубе «Леонова» началось экстренное совещание. Никто не выглядел сонным. Все пили горячий кофе, то и дело поглядывая на иллюминаторы, на пугающе непривычную картину. Невозможно было поверить, что Большого Брата действительно нет.

«Боумен знал нечто, чего не знаем мы», — эта фраза Флойда, только что повторенная Сашей, повисла в воздухе. Она в точности отражала мысли всех, включая капитана.

Говорить: «Я вас предупреждал!» — не имело смысла. Даже при отсутствии опасности задерживаться здесь нет нужды. Они потеряли объект исследования и должны как можно скорее отправляться домой. Но не все так просто.

— Хейвуд, — сказала Таня. — Теперь я готова вполне серьезно рассмотреть полученное вами предупреждение. Но даже если что-то нам угрожает, мы должны тщательно взвесить все «за» и «против». Жестко соединить корабли, включить двигатели «Дискавери» при наличии массив-

ного асимметричного груза, вновь разделить корабли перед включением наших двигателей — ни один капитан не пойдет на такой риск без веских, подавляющих доводов. Не имеет права. А их нет у меня даже сейчас. Предупреждение сделал... призрак. Суд не примет такого свидетеля.

— Даже при обычном расследовании этому никто не поверит, — сказал Курноу необычно спокойным тоном. — И даже в случае нашей единодушной поддержки.

— Я думала об этом, Уолтер. Но если мы вернемся домой, это все оправдает. Если нет — вряд ли что-нибудь имеет значение. Я не буду сейчас решать. Мы доложим ситуацию в Центр, и я отправлюсь спать. Пошли в рубку, Саша, потом вы вернетесь на вахту. Свое решение я сообщу утром.

Но неожиданности этой ночи еще не кончились. В районе орбиты Марса доклад Тани встретился с радиограммой с Земли.

Бетти Фернандес наконец-то заговорила. Там, где оказались бессильны уговоры, призывы к патриотизму, скрытые угрозы ЦРУ и Совета национальной безопасности, успеха добился продюсер небольшой видеокомпании, обессмертивший тем самым свое имя.

Все решили удача и вдохновение. Ведущий программы «Привет, Земля!» случайно заметил, что один из его сотрудников удивительно похож на Дэвида Боумена. Грим довершил дело. Хосе Фернандес мог бы предупредить этого человека, что он сильно рискует, но удача сопутствует смелым. Когда он вошел, Бетти капитулировала. А когда, очень мягко, вышвырнула его вон, он уже знал все, всю историю. И, надо признать, изложил ее без обычного для его компании цинизма. Он получил за нее Пулитцеровскую премию.

— Жаль, что она не раскололась раньше, — устало сказал Флойд, обращаясь к Саше. — Это избавило бы меня от многих неприятностей. Но теперь, надеюсь, у Тани исчезнут сомнения.

— Конечно. Только пусть выспится. Боюсь, спать нам почти не придется.

Это верно, подумал Флойд. Сам он очень устал, но не смог бы заснуть, даже если бы не был вахтенным.

Одной неопределенностью меньше, зато остается другая, гораздо более значительная. Что происходит?

Нечто подобное он испытал лишь однажды. Когда их с друзьями несло на байдарках по одному из притоков Колорадо, по узкому незнакомому каньону с отвесными стенами, и впереди могли быть пороги или даже водопад, и ничего нельзя было сделать...

Сейчас Флойд вновь ощущал себя игрушкой могучих сил, влекущих его с товарищами в неизвестность. И на этот раз опасность не только незрима, но и непостижима.

45. Отступление

— ...Говорит Хейвуд Флойд. Я начинаю свой последний, надеюсь, репортаж из системы Юпитера.

Еще несколько дней — и мы покинем это странное место между планетой и Ио, место нашего свидания с огромным искусственным объектом, получившим от нас имя Большой Брат и затем внезапно исчезнувшим. Куда он делся и почему — не знает никто.

По ряду причин наше дальнейшее пребывание здесь нежелательно. Мы стартуем на две недели раньше, используя американский корабль «Дискавери» для разгона советского «Леонова».

Основная идея проста. Корабли будут соединены. Сначала «Дискавери» сожжет свое топливо, затем отделится, и включатся двигатели «Леонова».

И мы используем еще одну идею, на первый взгляд лишенную смысла. Чтобы уйти от Юпитера, нам придется максимально сблизиться с ним. Почти так же, как было при торможении.

Сначала мы сбросим скорость, и круговая орбита превратится в эллипс, почти касающийся атмосферы планеты. Затем, в самой нижней его точке, мы сожжем все свое топливо, и «Леонов» выйдет на траекторию полета к Земле.

Зачем понадобился такой маневр? Попробую обойтись без математических выкладок. Углубившись в гравитационное поле Юпитера, мы наберем дополнительную ско-

рость и дополнительную энергию. «Мы» — это наши корабли и топливо в их баках. Топливо будет сожжено у подножия «гравитационной горы», не нужно будет тратить энергию, чтобы тащить его на вершину. Выброшенное из наших реакторов, оно отдаст кораблям часть приобретенной при спуске кинетической энергии. Мощь Юпитера, таким образом, используется дважды — и при прибытии, и при отправке, — а мать-природа не так часто позволяет такое.

Три ускоряющих фактора — топливо «Дискавери», собственное топливо «Алексея Леонова» и гравитация Юпитера — выведут «Леонова» на гиперболу, направленную в глубь Солнечной системы. К Земле мы прибудем через пять месяцев, ровно на два месяца раньше установленного программой срока. Конечно, если все пойдет хорошо...

Какова же судьба «Дискавери»? Корабль с опустевшими баками станет беспомощен, но не погибнет. Он будет обращаться вокруг Юпитера по вытянутому эллипсу, подобному орбите кометы. Не исключено, что спустя много лет новая экспедиция приведет его к Земле.

Мы улетаем без сожаления, хотя сделано далеко не все. Тайна исчезновения Большого Брата остается пока не раскрытой, но разгадать ее нам не дано. Мы сделали все, что могли, и возвращаемся домой. Пора прощаться. Репортаж вел Хейвуд Флойд.

Малочисленная публика разразилась ироничными аплодисментами. Впрочем, на Земле к ней присоединятся миллионы.

— Я говорил не для вас, — раздраженно заметил Флойд.

— Но говорили, как всегда, хорошо, — примирительно сказала Таня. — И мы согласны со всеми вашими положениями.

— Не со всеми, — раздался негромкий голос. — Остается одна проблема.

На обзорной палубе воцарилось молчание.

— Не понимаю, — прервала его Таня обманчиво тихим голосом. — Какая проблема, Чандра?

— Последние недели я готовил ЭАЛа к полету к Земле. Теперь от этих программ придется отказаться.

— Мы сожалеем, но это единственный выход...

— Я имею в виду другое.

Все были поражены — прежде Чандра никогда никого не прерывал. И тем более Таню.

— Мы знаем, сколь чувствителен ЭАЛ к целям полета, — продолжал маленький индиец. — А теперь вы предлагаете вложить в него программу, которая, не исключено, приведет его к гибели. Да, будущая орбита «Дискавери» вполне стабильна и безопасна. Но что случится с кораблем, если в полученном нами предупреждении есть хоть какой-то смысл? Мы забыли об этом, потому что испугались сами. А какова будет реакция ЭАЛа?

— Вы полагаете, что он может ослушаться приказа? — медленно отчеканила Таня. — Как в предыдущем полете?

— Было не так. Он просто пытался выполнить противоречивые команды.

— Но теперь-то противоречия нет!

— Для нас — да. Одна из приоритетных задач ЭАЛа — сохранить корабль. Теперь мы пытаемся помешать этому. Последствия этого шага могут оказаться непредсказуемыми. ЭАЛ — слишком сложная система.

— Я не вижу проблемы, — вмешался Саша. — Просто не надо сообщать ему о возможной опасности, тогда никаких сомнений у него не возникнет.

— Чандра, — требовательно спросила Таня. — Вы уже обсуждали это с ЭАЛом?

— Нет.

Было ли колебание в его голосе? Возможно, подумал Флойд. Не исключено, что вспомнил что-нибудь и отвлекся. Или лжет, сколь это ни невероятно.

— Тогда сделаем, как предлагает Саша.

— А вдруг он поинтересуется причинами смены программы?

— Без вашей подсказки?

— Да. Не забывайте — он инструмент познания, он может вести самостоятельные исследования.

Минуту Таня размышляла.

— Все решается просто. ЭАЛ вам верит?

— Конечно.

— Тогда объясните ему, что «Дискавери» вне опасности и вернется на Землю немного позже.

— Но это неправда.

— Почему же? — нетерпеливо сказала Таня. — Кто из нас может утверждать обратное?

— Но мы подозреваем опасность. Иначе не стартовали бы раньше срока.

— И что вы предлагаете? — уже с легкой угрозой спросила Таня.

— Сказать ему всю правду. Пусть решает сам.

— Чандра, но это всего лишь машина!

Индиец посмотрел на Макса так, что тот невольно отвел взгляд.

— Как и все мы, мистер Браиловский. Но состоим ли мы из углерода или из кремния, надо с уважением относиться друг к другу.

Маленький Чандра выглядел сейчас очень величественно, однако их стычка с Таней зашла слишком далеко.

— Таня, Василий! Можно поговорить с вами? Думаю, решение есть.

Слова Флойда были встречены с облегчением. Вскоре все трое были уже в каюте Орловых.

— Спасибо, Вуди, — сказала Таня, наливая Флойду «шемахи» — его любимого вина. — Я так и знала, вы что-нибудь придумаете.

— Кажется, придумал, — ответил Флойд, смакуя напиток. — Допустим, мы принимаем предложение Чандры. Есть две возможности. Первая — ЭАЛ точно выполняет команды и управляет работой двигателей на активных участках. Первый из них, как вы помните, не критический. Если даже что-нибудь случится при уходе от Ио, времени для коррекций останется вдосталь. И мы проверим, насколько ЭАЛ послушен.

— А облет Юпитера? Мы сожжем там основную часть топлива. И результирующая траектория очень критична к времени и направлению тяги.

— Но у вас есть ручное управление.

— Не хотелось бы. Ничтожная ошибка — и мы либо

сгорим в атмосфере, либо превратимся в искусственную комету с периодом в тысячу лет.

— Ну, а если не будет выхода?

— Если заранее просчитать возможные варианты и перехватить управление вовремя, может получиться.

— Зная вас, Таня, я уверен — получится. Теперь вторая возможность. Малейшее отклонение ЭАЛа от программы — и мы берем управление на себя.

— Отключаем его?

— Да.

— В прошлом полете это было не так легко.

— С тех пор мы кое-чему научились. Обещаю вам сделать это за полсекунды.

— Надеюсь, ЭАЛ ничего не заподозрит.

— Не впадайте в паранойю, Василий. ЭАЛ не человек. Но Чандре, конечно, ни слова. Мы полностью принимаем его план и полагаемся на ЭАЛа. Верно, Таня?

— Да, Вуди. Этот приборчик — отличная идея.

— Какой приборчик? — спросил Василий.

— В свое время узнаешь. Извините, Вуди, но больше я «шемахи» не дам. Оставим до Земли.

46. Последние секунды

Никто не поверит мне без фотографий, подумал Макс, наблюдая корабли с расстояния в пятьсот метров. Картина попросту неприличная: «Леонов» на «Дискавери» — сценка из сексуальной жизни космолетов... Вспомнилось, как много лет назад кто-то схлопотал выговор за слишком красочный подбор слов в момент завершения стыковки.

Насколько он мог судить, все было в порядке. На соединение кораблей ушло больше времени, чем предполагалось.

К счастью, на «Леонове» нашлось несколько километров троса из углеродистого волокна — толщиной со швейную нитку, но выдерживающего многотонную нагрузку. Трос предназначался для фиксации приборов на поверхности Большого Брата. Теперь корабли слились в объятии, достаточно прочном, чтобы выдержать вибрацию и толч-

ки при ускорении в одну десятую земного — а большего максимальная тяга и не обеспечивала.

— Что еще посмотреть? — спросил Макс.

— Все в порядке, — отозвалась Таня. — Не будем терять времени.

Согласно предупреждению, а ему теперь верили все, стартовать надо было в течение суток.

— Извини, но я отведу «Нину» в стойло.

— А разве она лошадь?

— Я этого не утверждал. Но не бросать же ее в космосе ради нескольких метров в секунду!

— Они нам понадобятся, Макс. А за ней мы еще вернемся.

Сомневаюсь, подумал Макс. Или все же оставить ее на этой орбите в знак того, что здесь побывал человек?

Он аккуратно подвел «Нину» к командному отсеку «Дискавери». Коллеги видели, как он проплывает перед иллюминаторами. Распахнулся люк ангара, и он опустил «Нину» на вытянутую ладонь посадочной площадки.

Разгон в космосе — весьма скучная операция. Ничего общего с громом, огнем и отчаянным риском, которые сопутствуют старту с поверхности планеты. Если двигатели не выйдут на полную тягу, период ускорения можно продлить. Или дождаться на орбите следующего удобного момента и попробовать еще раз.

Но сейчас, с отсчетом последних секунд, напряжение на борту «Леонова» стало почти ощутимым. Все понимали, что это первое испытание ЭАЛа в деле. О подстраховке знали лишь Флойд, Орловы и Курноу.

— Удачи вам, «Леонов», — за пять минут до старта напутствовал их Центр. — Надеемся, все пройдет хорошо. И если вас не затруднит, взгляните на экватор Юпитера, долгота 115. Там возникло любопытное круглое пятнышко диаметром в тысячу километров. Похоже на тень спутника, но это не тень.

Таня подтвердила прием сообщения и попыталась кратко, но убедительно оповестить Центр об утрате экипажем всякого интереса к юпитерианской метеорологии. ЦУП бывал иногда бестактен до изумления.

— Все системы работают нормально, — доложил ЭАЛ. — Две минуты до зажигания.

Странно, подумал Флойд, насколько живуча терминология! Ведь лишь на ракетах с химическими двигателями было что зажигать. Он рассеянно поискал другие примеры. Многие люди, особенно старшего поколения, до сих пор говорят: «зарядить камеру», «заправить машину»... Даже в студиях звукозаписи можно услышать, например: «подрезать пленку», — однако реальность, стоящая за этими выражениями, перестала быть таковой уже полвека назад.

— Одна минута до зажигания.

Голос ЭАЛа вернул Флойда к действительности. На протяжении полувека эта минута была на космодромах и в центрах управления полетами самой длинной. Сколько раз она заканчивалась катастрофами! Правда, запоминаются только победы. А что суждено нам?

Рука непроизвольно потянулась к карману, где лежала «гильотина», но разум подсказал, что времени на такое движение хватит. Если ЭАЛ и ослушается, это будет неприятно, но не более того. Критической ситуация станет вблизи Юпитера.

— Шесть. Пять. Четыре. Три. Два. Один... ЗАЖИГАНИЕ!

Спустя еще примерно минуту двигатель вышел на полную тягу. Все разразились аплодисментами, но Таня тут же успокоила страсти. Пусть даже ЭАЛ и работает безукоризненно, очень многое оставалось пока неясным. Например, могло не выдержать основание главной антенны «Дискавери», служившее сейчас опорой «Леонову», — хотя главный конструктор (давно ушедший в отставку) и уверял, что запас прочности вполне достаточен...

Однако минуты текли спокойно. О том, что двигатель работает, говорили сейчас лишь ощущение тяжести да легкая вибрация корпуса корабля. Ио и Юпитер «висели» в иллюминаторах на прежних местах, точно напротив друг друга.

— Десять секунд до отсечки двигателя. Пять. Четыре. Три. Два. Один... ЕСТЬ!

— Спасибо, ЭАЛ.

— Орбита расчетная, — доложил Василий. — Корректировка не потребуется.

— Прощай, иноземная Ио, мечта торговца землей, — сказал Курноу. — Мы будем скучать по тебе — причем с большим удовольствием.

Сейчас он был снова похож на прежнего Курноу. А в последнее время странно притих, словно что-то задумал, и проводил часы в беседах с Катериной. Флойду оставалось надеяться, что его коллега не заболел. Пока что экипажу «Леонова» в этом отношении не на что было жаловаться.

У всех было легко на душе. Торжествовать, разумеется, рано — решающий маневр еще впереди, но первый шаг на пути к дому сделан. Это давало повод для радости...

Правда, длилась она недолго. Таня приказала всем свободным от работы отдыхать — до встречи с Юпитером оставалось девять часов. Уходить никто не хотел, и Саша очистил палубу криком: «Вас за это повесят, бунтарское отродье!» (Двое суток назад в выпавшие минуты отдыха все смотрели последнюю версию «Восстания на «Баунти»». Многие, кстати, считали, что Тане фильм не стоит показывать, дабы она не почерпнула оттуда кое-какие идеи.)

Спустя несколько часов — заснуть так и не удалось — Флойд вернулся на обзорную палубу. Юпитер стал гораздо больше, но превратился в серп — корабли выходили на его ночную сторону. Глаз был бессилен фиксировать все детали сверкающего ущербленного диска: пояса облаков, пятна всех цветов от белого до красного, темные таинственные провалы, овал Большого Красного Пятна. На облаках лежала круглая тень; от Европы — определил Флойд. Через шесть часов надо быть в лучшей форме, но тратить время на сон преступно: все, что он видит, он видит в последний раз.

Где же пятно, о котором упоминал ЦУП? Вероятно, уже вышло из-за горизонта, только вряд ли его различишь невооруженным глазом. Василий наверняка занят. Придется ему помочь на правах астронома-любителя — всего тридцать лет назад Флойд был в этом деле профессионалом.

Он включил главный 50-сантиметровый телескоп и тут же увидел пятно — к счастью, «Дискавери» не мешал обзору. Обстоятельства сложились так, что Флойд входил сейчас в первую десятку специалистов по Юпитеру в Солнечной системе, причем остальные девять были рядом. Но не требовалось быть специалистом, чтобы заметить в пятне нечто странное. Оно было настолько темным, что казалось дырой в облаках. Флойд усилил увеличение: Юпитер с готовностью придвинул пятно поближе. И чем больше Флойд вглядывался, тем меньше понимал.

— Василий, когда будет время, взгляните на монитор главного телескопа.

— Это так важно? Я сейчас проверяю орбиту.

— Там пятно, о котором упоминал Центр. Спешить, конечно, некуда, но выглядит оно странно.

— Черт! Совсем забыл. Хороши же из нас наблюдатели, если мы не можем без подсказки с Земли... Но дайте мне пять минут — оно, надеюсь, не убежит.

Верно, подумал Флойд. Только в подсказках нет ничего зазорного: земные и лунные телескопы во много крат мощнее нашего.

Пятно тем временем становилось все необычнее. Флойд ощутил беспокойство. До сих пор он был убежден, что это всего лишь какой-то каприз юпитерианской погоды, теперь появились сомнения. Слишком уж черным и симметричным оно было, хотя граница вроде бы не отличалась резкостью... И главное — оно действительно увеличивалось или это был обман зрения? Флойд прикинул в уме: диаметр пятна достиг двух тысяч километров. Ошибка исключена — оно было чуть меньше тени Европы.

— Ну-ка, посмотрим, что вы такого нашли, — раздался снисходительный голос Василия. — О-о-о...

Орлов замолчал. Это «оно», с внезапной убежденностью понял Флойд, — то самое. Чем бы ни было...

47. Зажигание

Понять, однако, какими опасностями грозит черная клякса на юпитерианской облачности, было непросто. Да, она невероятна, необъяснима, но впереди, через какие-то

семь часов, события более важные. И самое главное из них — разгон в ближайшей к планете точке орбиты.

Заснуть Флойд уже не пытался. Хотя ощущение опасности, опасности вполне очевидной, и было гораздо слабее, чем при первом сближении с планетой, сон не шел, мешали возбуждение и предчувствия. И причины у этих предчувствий были куда сложнее. Флойд давно уже приучил себя не тревожиться о вещах, изменить которые не в его власти. Одако его мучил вопрос: все ли сделано для безопасности кораблей?

Тросы, связывающие «Дискавери» с «Леоновым», держали пока надежно, но главное испытание впереди. И не совсем ясны последствия близкого взрыва зарядов, предназначавшихся для исследований Большого Брата. И, конечно, ЭАЛ...

Сход с орбиты он выполнил безупречно. Моделирование перехода на траекторию полета к Земле прошло также без каких-либо замечаний. И тем не менее... Чандра, как и было договорено, все ему объяснил. Но понимал ли ЭАЛ, что происходит?

В последние дни Флойда преследовала одна и та же навязчивая картина: Юпитер заслоняет собою все небо, корабли завершают маневр, все идет нормально — и тут ЭАЛ прочищает свое электронное горло и произносит: «Доктор Чандра, можно задать вопрос?»

На деле получилось не совсем так.

Большое Черное Пятно, как его сразу окрестили, уходило за горизонт. Корабли, постепенно набиравшие скорость, встретятся с ним спустя несколько часов, но уже на ночной стороне. Оно продолжало увеличиваться — за два часа площадь возросла почти вдвое. Оно вело себя как чернильная капля в воде, только интенсивность черного цвета не уменьшалась. Края пятна были слегка размыты, но в этом не было ничего удивительного, если не забывать о высокой скорости телескопа... Впрочем, открылась и другая причина. В отличие от Большого Красного Пятна оно не было единым целым, его составляли мириады отдельных точек. Они почти соприкасались, но по краям располагались просторнее.

Загадочных точек было около миллиона, форма их бы-

ла вытянутой. Катерина, самый, казалось бы, прозаический человек в экипаже, удивила всех, сравнив их с выкрашенными в черное рисинками, высыпанными на Юпитер.

Сейчас Солнце опускалось за узкий серп дневной стороны. Во второй раз за короткое время «Леонов» приближался к юпитерианской атмосфере, чтобы встретить свою судьбу. До включения двигателей оставалось всего полчаса.

Флойд подумал, что ему, возможно, стоило быть сейчас на «Дискавери», рядом с Курноу и Чандрой. Но его помощь им не нужна. «Гильотина» у Курноу, а в его реакции Флойд не сомневался.

Малейшее ослушание — и ЭАЛ будет отключен за секунду. Когда Чандра собственноручно принял участие в отработке перехода на ручное управление, Флойд понял, что ему можно доверять. Однако Курноу не разделял этого мнения. Более того, утверждал, что ему нужна вторая «гильотина» — для Чандры. Посмотрим, как будет в действительности.

Солнце в последний раз вспыхнуло за кормой и скрылось за гигантской планетой, вокруг которой мчались сейчас корабли. Когда оно появится вновь, все будет уже позади.

— Двадцать минут до зажигания. Все системы работают нормально.

— Спасибо, ЭАЛ.

Любопытно, подумал Флойд, был ли Чандра до конца честен, когда запретил остальным обращаться с ЭАЛом? Он говорил, что такие беседы могут повредить компьютеру. Однако сам Флойд неоднократно разговаривал с ЭАЛом, когда рядом никого не было, и тот всегда прекрасно все понимал...

... И все же: что думает ЭАЛ — если он думает — о цели полета? Всю свою жизнь Курноу открещивался от абстрактных, философских проблем. «Мое дело болты да гайки», — говаривал он, хотя таковых на борту корабля практически не было. «Что думает ЭАЛ?..» В любое другое время он посмеялся бы над этой мыслью, но сейчас ему было не до смеха. Понимает ли ЭАЛ, что его вот-вот бросят на произвол судьбы? И если понимает, то способен

ли возмутиться? Рука непроизвольно потянулась к карману с «гильотиной».

В сотый раз Курноу мысленно проиграл то, что должно произойти час спустя. Как только на «Дискавери» кончится топливо, они с Чандрой, выключив все ненужные больше системы, перейдут на «Леонова». Сработают пирозаряды, корабли разделятся, и «Леонов» начнет самостоятельный полет. Разделение произойдет в ближайшей к Юпитеру точке орбиты...

— Пятнадцать минут до зажигания. Все в порядке.

— Спасибо, ЭАЛ.

— Между прочим, мы снова приближаемся к Большому Черному Пятну. Видит ли кто-нибудь нечто новое?

«Надеюсь, что нет», — подумал Курноу, бегло взглянув на монитор. Василий, вероятно, усилил увеличение. Черное Пятно состояло теперь из множества отдельных элементов, и форма их была отчетливо различима.

— Боже мой! — подумал Курноу вслух. — Это невозможно!

Он услышал восклицания с «Леонова» — там увидели то же самое.

— Доктор Чандра, — сказал ЭАЛ. — Я ощущаю сильные голосовые вибрации. Что-нибудь произошло?

— Нет, ЭАЛ, — быстро ответил Чандра. — Полет проходит нормально. Просто мы кое-чему удивились. Как ты оцениваешь изображение на мониторе номер 16?

— Я вижу темную сторону Юпитера. Вижу круглое пятно диаметром 3250 километров, почти сплошь покрытое прямоугольными предметами.

— Сколько их?

После неуловимой задержки ЭАЛ высветил на дисплее цифры: 1 355 000 $\pm$ 1 000.

— Они тебе что-нибудь напоминают?

— Да. Они идентичны объекту, который вы называете Большим Братом. Десять минут до зажигания. Все системы работают нормально.

Кроме моих, подумал Курноу. Итак, чертова штука спустилась на Юпитер и размножилась. В скоплении черных монолитов было что-то смешное и зловещее одновременно — и, что самое удивительное, нечто знакомое.

Конечно же! Мириады черных прямоугольников походили на домино! Много лет назад Курноу смотрел документальный видеофильм. Несколько японцев, очевидно не вполне нормальных, создали конструкцию из миллионов таких костяшек. Крайняя из них падает на соседнюю; постепенно в этот процесс вовлекаются остальные. Костяшки располагались так, чтобы при падении образовывать узоры; часть конструкции находилась под водой, часть — на ступенях. Процесс падения домино продолжался несколько недель, в первых попытках его прерывали землетрясения...

— Восемь минут до зажигания. Все системы работают нормально. Доктор Чандра, у меня есть предложение.

— Да, ЭАЛ?

— Это явление достаточно необычно. Возможно, следует остановить отсчет, чтобы вы задержались и исследовали его?

Флойд торопливо направился к рубке «Леонова». Тане и Василию он наверняка понадобится, хотя он предпочел бы оказаться сейчас рядом с Чандрой и Курноу. Ну и ситуация! Что, если Чандра поддержит ЭАЛ? У него, кстати, есть для этого все основания. Ведь именно для таких исследований они сюда и прилетели!

Если прекратить отсчет времени, корабли обогнут Юпитер и через девятнадцать часов окажутся в той же точке. Отсрочка сама по себе ничем не грозит. Если бы не полученное предупреждение, Флойд и сам поддержал бы предложение.

Но дело не только в предупреждении. Внизу, по лику Юпитера, расползается космическая чума. Возможно, они улетают от самого загадочного явления во всей истории космической эры. И все-таки лучше изучать его с безопасного расстояния...

— Шесть минут до зажигания, — сказал ЭАЛ. — Все системы работают нормально. Если вы согласны, я готов остановить отсчет. Напоминаю, что моя главная задача — исследовать любое явление в районе Юпитера, предположительно связанное с иным разумом.

Флойд узнал эту формулировку: он сам ее когда-то придумал. А сейчас хотел бы стереть из памяти ЭАЛа. Се-

кунду спустя он был уже в рубке, рядом с Орловыми. Они смотрели на него с тревогой.

— Что вы посоветуете? — быстро спросила Таня.

— Боюсь, все зависит от Чандры. Могу я поговорить с ним?

Василий протянул микрофон.

— Чандра? Надеюсь, ЭАЛ нас не слышит?

— Да, не слышит.

— Времени у нас нет. Убедите его продолжать отсчет. Объясните, что мы высоко ценим его научный энтузиазм и уверены — он способен продолжить работу без нас. Скажите, что мы будем держать с ним связь.

— Пять минут до зажигания. Все системы работают нормально. Я жду ответа, доктор Чандра.

Как и все мы, подумал в командном отсеке «Дискавери» Курноу. Если мне все-таки придется нажать эту чертову кнопку, станет, вероятно, полегче.

— Хорошо, ЭАЛ. Продолжай отсчет. Я верю, ты способен самостоятельно исследовать систему Юпитера. Мы будем поддерживать с тобой связь.

— Четыре минуты до зажигания. Все системы работают нормально. Давление в топливных баках расчетное. Пусковой механизм плазменного реактора готов к работе. Вы уверены в правильности своего решения, доктор Чандра? Мне нравится работать с людьми, это меня стимулирует. Курс корабля точен до одной миллиардной.

— Нам тоже нравится работать с тобой, ЭАЛ. И мы будем поддерживать связь, даже через миллионы километров.

— Три минуты до зажигания. Все системы работают нормально. Утечек радиации нет. Как быть с проблемой временного запаздывания, доктор Чандра? Может возникнуть необходимость срочной консультации.

Это безумие, подумал Курноу, нащупывая в кармане «гильотину». Я же готов поверить, что ему действительно... одиноко. Или он воспроизводит сейчас какую-то часть личности Чандры, о существовании которой мы и не подозревали?

На панели замигали лампочки, но лишь тому, кто разбирался во всех тонкостях поведения «Дискавери», был

понятен этот язык. Курноу бросил взгляд на Чандру. Лицо у него было настолько измученное, что Курноу впервые почувствовал жалость. Вспомнился рассказ Флойда о пугающем предложении Чандры — остаться на три года в компании ЭАЛа. Потом, правда, эта тема не поднималась; возможно, и сама идея забылась. Однако не исключено, что сейчас искушение вернулось к Чандре; впрочем, даже если это и так, у него ничего не получится. Пусть запуск двигателей будет отсрочен, пусть они сделают лишний виток... Времени на подготовку к такому предприятию нет. А если бы оно и было, Таня бы не позволила.

— ЭАЛ, — сказал Чандра так тихо, что Курноу еле его расслышал, — мы должны улететь. Я не могу объяснить всех причин, но это действительно так.

— Две минуты до зажигания. Все системы работают нормально. Жаль, что вы не можете остаться. Не могли бы вы сообщить мне хотя бы некоторые причины, самые важные?

— Не за две минуты, ЭАЛ. Продолжай отсчет. Мы будем еще больше часа... вместе.

ЭАЛ не ответил. В отсеке повисло неустойчивое молчание. Курноу взглянул на часы. Боже мой, неужели ЭАЛ прекратит отсчет?

Его палец нерешительно лег на кнопку «гильотины». Хоть бы Флойд сказал что-нибудь — но он, вероятно, боится усугубить ситуацию. Ждать можно максимум минуту, потом придется нажать кнопку и переходить на ручное управление.

Издалека донесся свист — пока еще слабый, будто от зародившегося где-то за горизонтом торнадо. «Дискавери» пронзила вибрация. Появились первые признаки возвращения силы тяжести.

— Зажигание, — сказал ЭАЛ. — Полная тяга — через пятнадцать секунд.

— Спасибо, ЭАЛ, — ответил Чандра.

48. Над ночной стороной

Флойд в этот момент находился на полетной палубе «Леонова». Из-за вернувшейся гравитации палуба каза-

лась чужой. Происшедшее представлялось ему кошмарным сном. Лишь однажды, на заднем сиденье потерявшего управление автомобиля, испытал он подобное чувство: ощущение безысходности и неприятие того, что это происходит именно с ним.

Он постепенно возвращался к реальности. Все идет по плану, ЭАЛ разгоняет корабль к Земле. Флойд позволил себе немного расслабиться, не упуская, впрочем, из внимания происходящее.

В последний раз он — и кто знает, когда вообще вернется сюда человек, — пролетал над ночной стороной планеты, тысячекратно превосходившей Землю. Корабли были ориентированы так, чтобы из «Леонова» открывался вид на Юпитер. Десятки приборов все еще собирали информацию; когда «Леонов» уйдет отсюда, ЭАЛ продолжит эту работу.

Да, кризис миновал. Флойд, с трудом привыкая к ощущению тяжести, спустился на обзорную палубу. Таня и Катерина были уже тут. Горели лишь тусклые аварийные лампочки, так что ничто не мешало любоваться ночной стороной планеты. Флойд мысленно посочувствовал Максу и Саше, запертым в воздушном шлюзе, — созерцать это зрелище они не могли. Они готовились к тому, чтобы вручную разделить корабли, если не сработают пирозаряды.

Юпитер заполнял все небо; с расстояния в пятьсот километров можно было видеть лишь ничтожную часть окутывающей его облачной пелены. Когда глаза Флойда привыкли к полутьме, он понял, что свет дает в основном ледяной панцирь Европы. Как ни слабо было освещение, удавалось рассмотреть довольно многое. Цвета, правда, были практически неразличимы — лишь редкие отблески красного, — зато облачные пояса вырисовывались четко, и Флойд заметил даже край циклона, напоминавшего отсюда гигантский ледяной остров. Большое Черное Пятно давно осталось позади, экипаж «Леонова» вновь увидит его лишь с траектории полета к Земле.

Юпитерианские облака время от времени подсвечивались вспышками молний. Однако были там и более постоянные источники света: природа их оставалась неясной.

В одних случаях свечение расходилось волнами, в других — лучами или веером. Легко было представить себе, что планета заселена — горят под ее облаками огни городов, светятся аэропорты... Но радары и автоматические зонды давно доказали, что на тысячи километров вглубь, до самого ядра, твердой материи нет и не может быть.

Полночь на Юпитере! Флойд будет вспоминать это волшебное зрелище всю жизнь. А сейчас можно им наслаждаться, спокойно и беззаботно, поскольку случиться уже ничего не может. По крайней мере, он сделал для этого все, что было в его силах.

Внизу расстилался ковер облаков. На обзорной палубе царила тишина, лишь каждые несколько минут Василий или Таня докладывали о ходе маневра. Однако по мере того как исчерпывалось топливо «Дискавери», напряжение нарастало. Окончание топлива — критический момент, но никто не знал, когда он наступит. Расходомеры могут давать неверные показания, потому разгон будет продолжаться до тех пор, пока баки не опустеют.

— Отсечка двигателей предположительно через десять секунд, — сказала Таня. — Уолтер, Чандра, готовьтесь к переходу. Макс, Саша, внимание. Пять, четыре, три, два, один, ноль!

Ничего, однако, не изменилось. По-прежнему тихо выли двигатели «Дискавери», небольшая сила тяжести все также прижимала людей к полу. Повезло, подумал Флойд, топлива оказалось больше, чем показывали приборы. А сейчас важна каждая капля, от нее может зависеть жизнь...

Таня продолжала диктовать цифры. Удивительно: сейчас они возрастали, а не уменьшались, как бывает обычно.

— ...Пять секунд... Десять... Тринадцать... Есть — на чертовой дюжине!

Вернулась невесомость и на какой-то миг тишина, тут же сменившаяся взрывом восторга на обоих кораблях. Но всеобщее ликование длилось недолго — слишком многое нужно было сделать, причем как можно быстрее.

Флойд дернулся было к шлюзу — встретить Чандру и Курноу, но передумал. В шлюзе тесно и без него — пред-

стоит отсоединить связывающий корабли туннель. Макс и Саша готовятся к возможному выходу в космос. А ему, Флойду, можно теперь расслабиться — баллов до восьми по десятибалльной шкале расслабления. Впервые за много недель не надо думать об ЭАЛе и «гильотине». ЭАЛ теперь не в силах повлиять на исход операции — топлива в баках «Дискавери» не осталось ни капли.

— Вниманию всех, — объявил Саша. — Мы закрываем люки. Сейчас я начну взрывать заряды.

Флойд полагал, что хоть какой-нибудь звук проникнет в корабль по натянутым нитям троса, но этого не произошло. Однако все, очевидно, шло в соответствии с планом, так как «Леонов» несколько раз содрогнулся, словно от внешних толчков. Минуту спустя раздался возглас Василия:

— Есть разделение! Саша, Макс, возвращайтесь! Все по каютам, зажигание через полторы минуты!

Поверхность Юпитера убегала назад, и в иллюминаторах появился «Дискавери» с включенными по-прежнему позиционными огнями. Он уплывал от них — в историю. Времени на сентиментальное прощание не осталось, через минуту включатся двигатели «Леонова».

Флойд раньше не слышал, как они работают на полную мощность, и сейчас ему хотелось спрятаться куда-нибудь от рева, заполнившего все вокруг. Создатели корабля не стали утяжелять его звукоизоляцией, которая нужна лишь на несколько часов за годы полета. А собственное тело казалось Флойду невероятно тяжелым, хотя и весило вчетверо меньше, чем на Земле...

Спустя несколько минут «Дискавери» потерялся во тьме, хотя вспышки его проблескового маяка виднелись довольно долго. «Леонов» огибал Юпитер во второй раз, теперь уже не тормозя, а набирая скорость. Флойд посмотрел на Женю, прильнувшую к стеклу иллюминатора. Помнит ли она тот, первый раз? Правда, опасность сгореть заживо им сейчас не грозила, этой судьбы они избежали. Женя выглядела гораздо более веселой и уверенной в себе — благодаря Максу и, возможно, Уолтеру.

Она заметила его взгляд и улыбнулась.

— Смотрите! У Юпитера новая луна.

Флойд мысленно повторил эту фразу. О чем идет речь? Женин английский оставлял желать лучшего, но вряд ли она ошиблась бы в такой простой фразе. Однако почему она показывает вниз, а не вверх?

И вдруг до него дошло: облака далеко внизу заливал неправдоподобно яркий свет. Проступили невидимые до сих пор желтые и зеленые краски. Юпитер освещало нечто гораздо более яркое, чем Европа.

«Леонов», покидая навсегда этот мир, подарил ему ложный восход. Стокилометровый шлейф раскаленной плазмы из двигателя Сахарова светил как ярчайший факел.

Василий говорил что-то по внутренней связи, но слов было не разобрать. Флойд глянул на часы: пожалуй, главное позади. «Леонов» уже набрал достаточную скорость, чтобы оторваться от Юпитера. Великан теперь не в силах их завернуть.

Затем в небе, в тысячах километров впереди, появилось колоссальное яркое зарево, расцвеченное наподобие земной радуги, — первый признак истинной юпитерианской зари. И вот Солнце, которое с каждым днем будет становиться теперь все ярче и ближе, выплыло из-за горизонта, чтобы приветствовать людей.

Еще несколько минут разгона — и «Леонов» выйдет на долгую дорогу домой. Флойд ощущал огромное облегчение. Подчиняясь законам небесной механики, корабль проследует через всю Солнечную систему, мимо бредущих по своим причудливым орбитам астероидов, мимо Марса, и ничто не остановит его на пути к Земле.

О загадочном черном пятне, расплывавшемся по лику Юпитера, Флойд в этот момент просто забыл.

49. Покоритель миров

Они увидели его вновь на следующее утро, уже на дневной стороне Юпитера. Теперь можно было не торопясь ис следовать пятно, покрывшее к этому времени значитель ную часть планеты.

— Оно напоминает вирус, напавший на клетку, — сказала Катерина, — он вводит в нее свою ДНК, размножается и побеждает.

— Ты полагаешь, что Загадка сожрет Юпитер? — недоверчиво спросила Таня.

— Похоже на то.

— Действительно, планета выглядит больной. Но в ее атмосфере нет почти ничего, кроме водорода и гелия, а это не лучшая питательная среда.

— Не считая миллиардов тонн серы, фосфора, углерода и прочих веществ из нижней половины таблицы Менделеева, — вмешался Саша. — К тому же мы имеем дело с технологией, которой, вероятно, по плечу все, что не противоречит законам физики. Водород есть, что еще надо? Из него можно синтезировать все остальное, если знаешь как.

— Они разъедают Юпитер, это несомненно, — сказал Василий. — Посмотрите.

Монитор телескопа показывал с сильным увеличением один из множества одинаковых прямоугольников. Были отчетливо различимы струи газа, которые он всасывал сквозь боковые поверхности. Картинка напоминала ту, какую образует металлическая пыль вокруг полюсов магнита.

— Миллион пылесосов втягивают атмосферу Юпитера, — сказал Курноу. — Но зачем? И что они с ней делают?

— И как они размножаются? — спросил Макс. — Кто-нибудь видел?

— И да и нет, — ответил Василий. — Детали с такого расстояния различить трудно, но в общем напоминает размножение амеб.

— То есть они делятся надвое, а потом половинки вырастают?

— Нет. Они сначала толстеют, а потом разделяются. Цикл занимает примерно два часа.

— Два часа! — воскликнул Флойд. — Неудивительно, что они занимают уже половину планеты. Это же классический пример экспоненциального роста!

— Я понял, что они такое! — с волнением воскликнул Терновский. — Это автоматы фон Неймана!

— Вероятно, ты прав, — отозвался Василий. — Но что это нам дает?

— Объясните, что такое автомат фон Неймана, — попросила Катерина.

Орлов и Флойд заговорили одновременно. Василий рассмеялся и жестом уступил слово американцу.

— Предположим, перед нами стоит крупная инженерная задача. Действительно крупная — например, организовать разработку месторождений по всей Луне. Можно, конечно, построить миллионы машин, но на это уйдут века. Если же мы изобретательны, мы построим всего одну машину, зато такую, которая способна размножаться, используя имеющееся сырье. Начнется цепная реакция. За короткое время мы вырастим нужное количество машин. Если темп их самовоспроизводства достаточно высок, так можно решить любую задачу. Наши космические службы много лет работали над этой идеей. Как и ваши, Таня.

— Да, экспоненциальные машины. Идея, которая не пришла в голову даже Циолковскому.

— Так что Катерина была права, — заключил Василий. — Бактериофаг — это типичный автомат фон Неймана.

— А человек? — спросил Саша. — Прошу прощения у Чандры, он наверняка задал бы этот вопрос.

Чандра согласно кивнул.

— Конечно. Идея пришла фон Нейману, когда он занимался живыми системами.

— И эти живые машины съедают Юпитер!

— Похоже на то, — сказал Василий. — Я тут кое-что посчитал, но не могу поверить в результат, хотя это простая арифметика.

— Простая для тебя. Попробуй объяснить без тензорных и дифференциальных уравнений.

— Но это действительно просто. Вроде демографического взрыва, о котором вы, врачи, столько кричали в прошлом веке. Загадка самовоспроизводится каждые два часа. За двадцать часов — десять делений. Одна Загадка превращается в тысячу.

— В тысячу двадцать четыре, — поправил Чандра.

— Знаю, но будем округлять. Через сорок часов их станет миллион, через восемьдесят — миллион миллионов. Сейчас мы имеем примерно столько. Продолжаться

бесконечно это не может. Пару дней спустя их масса превысит массу Юпитера.

— И у них кончится пища, — догадалась Женя — Что тогда?

— Сатурну, Нептуну и Урану придется несладко, — предположил Браиловский. — А маленькую Землю, надеюсь, они не заметят.

— Он надеется! Загадка наблюдала за нами три миллиона лет.

Уолтер Курноу внезапно рассмеялся.

— Мы рассуждаем о них, как о разумных существах. Но это же инструменты. Тот, на Луне, был сигнальным устройством, шпионом, если хотите. Наша Загадка, когда с ней встретился Боумен, служила транспортным средством. Сейчас они делают нечто еще, бог его знает что. Возможно, во Вселенной есть и другие. Знаете, что такое Загадка? У меня в детстве была похожая штука. Перочинный ножик со множеством лезвий и приспособлений для всего на свете!

VII. ВОСХОД ЛЮЦИФЕРА

50. Прощай, Юпитер!

Составить это послание было нелегко, особенно после другого, которое Флойд только что отправил своему адвокату. Он чувствовал себя лицемером, хотя и понимал, что это необходимо, чтобы уменьшить неизбежную взаимную боль.

Ему все еще было скверно, но чувства отчаяния он уже не испытывал. Он вернется на Землю героем, и это усилит его позицию. Никто не посмеет отнять у него Криса.

— Дорогая Каролина (раньше он говорил «моя самая дорогая»), я возвращаюсь. Когда ты получишь это послание, я уже буду в анабиозе. А открыв глаза, увижу прекрасную голубую Землю. Для меня все это займет несколько часов.

Знаю, что для тебя пройдут месяцы. Но мы знали это и

в самом начале, когда я улетал. Я вернусь на несколько недель раньше, ибо изменилась программа полета.

Думаю, мы сумеем договориться. Главный вопрос — как сделать лучше для Криса? Его будущее важнее всего...

Флойд выключил магнитофон. Хотел сказать прямо: «Мальчику нужен отец», но сдержался. Это будет бестактно. И неумно: Каролина, конечно, ответит, что раз уж он так считает, ему следовало бы остаться на Земле.

— Теперь насчет дома. Хорошо, что совет попечителей занял именно такую позицию. Да, мы оба любили этот дом, но с ним слишком многое связано, и теперь он будет великоват. Пока я сниму квартиру в Хило.

Одно обещаю твердо — с Земли я больше не улечу. Космоса на мою жизнь более чем достаточно. Луна, разумеется, не в счет — так, воскресная прогулка.

Кстати, о лунах. Сейчас мы выходим из системы Юпитера. До него двадцать миллионов километров, и по размерам он выглядит, примерно как наша Луна.

Но даже отсюда видно, что с планетой происходит нечто ужасное. Из оранжевой она превратилась в тускло-серую. Неудивительно, что с Земли она кажется теперь слабенькой звездочкой. Однако ничего больше не случилось, а срок уже миновал. Что это было — ложная тревога или космический розыгрыш? Боюсь, мы этого никогда не узнаем. Зато вернемся раньше, и на том спасибо.

До свидания, Каролина, благодарю за все. Надеюсь, мы останемся друзьями. Поцелуй за меня Криса...

Выключив магнитофон, Флойд еще некоторое время посидел в каюте. В последний раз — больше она ему не понадобится. Он уже собрался нести запись в рубку, для передачи, когда в дверях появился Чандра.

Флойд, кстати, долгое время не мог понять, каким образом Чандре удается переносить разлуку с ЭАЛом. Хотя индиец ежедневно беседовал со своим любимцем по нескольку часов, обмениваясь данными о Юпитере и «Дискавери», но держался стойко. Наконец Николай Терновский, единственный человек, пользовавшийся доверием Чандры, объяснил Флойду его поведение.

— У Чандры появилось новое дело. Знаете, чем он сейчас занят?

— Нет.

— Он разрабатывает ЭАЛ-10 000.

Флойд, естественно, был поражен.

— Так вот зачем он связывается с Урбаной!

Сейчас этот разговор всплыл в памяти. Флойд никогда не стал бы расспрашивать Чандру о том, что его не касалось. Но кое-что его интересовало.

— Чандра, я до сих пор не поблагодарил вас за то, что вы уговорили ЭАЛа с нами сотрудничать. Был момент, когда я поверил, что неприятности неизбежны. Нужели вы ни разу не усомнились?

— Нет, доктор Флойд.

— Почему? Он же понимал, что ситуация угрожающая. Вспомните, что случилось в прошлый раз.

— Думаю, тут сказалась разница национальных характеров.

— Не понимаю.

— Боумен применил против ЭАЛа силу. Я этого не сделал. У нес есть слово «ахимса» — *не*насилие. В отношениях с ЭАЛом я старался использовать как можно больше «ахимса».

— Очень похвально. К сожалению, иногда необходимы более энергичные меры. — Моральное превосходство Чандры раздражало Флойда, и он не устоял перед искушением рассказать ему все. — Я рад, что все кончилось благополучно, но мы были готовы и к другому исходу. «Ахимса» или как вы это назвали, конечно, хорошо, но если бы ЭАЛ заупрямился, я бы нашел способ с ним совладать.

Всего раз в жизни Флойд видел, как Чандра плачет; теперь, тоже впервые, увидел, как тот смеется. Явление столь же неправдоподобное.

— Вы недооцениваете меня, доктор Флойд. Было очевидно, что вы установите прибор, прерывающий подачу энергии. Я отключил его несколько месяцев назад.

Ошеломленный Флойд не успел ответить. Несколько раз открыл и закрыл рот, как выброшенная на берег рыба, и в этот момент с полетной палубы раздался взволнованный крик Саши:

— Капитан! Все! Скорее к мониторам! Смотрите!

51. Большая игра

Ожидание кончилось. Разум еще одного мира вышел из планетарной колыбели. Некогда начатый эксперимент близился к завершению.

Те, кто его поставил, не имели с людьми ничего общего. Но они были из плоти и крови и, когда глядели в глубины космоса, испытывали страх, восторг и одиночество. Как только стало возможно, они устремились к звездам. Обнаружили жизнь в самых разнообразных формах, наблюдали за эволюцией в тысячах миров. Они знали, как легко гаснут в космической ночи слабые искры разума.

Не обнаружив в Галактике ничего ценнее разумной жизни, они начали ее взращивать. Они стали звездными фермерами: им приходилось много сеять, а иногда и полоть.

Давно уже вымерли динозавры, когда исследовательский корабль после тысячелетнего путешествия достиг Солнечной системы. Он миновал замерзшие внешние планеты, задержался немного над пустынями умирающего Марса и устремился к Земле. Перед ними открылся мир, полный жизни. Они изучали, отбирали, классифицировали — на это ушли годы. Они экспериментировали со многими видами в воде и на суше. Но ждать результатов пришлось бы миллионы лет.

Они были терпеливы, но не бессмертны. Во Вселенной их ждали другие звезды, иные дела. И они продолжили путь в бесконечность, зная, что никогда не вернутся.

Да в этом и не было необходимости. Они оставили вместо себя надежных помощников, чтобы те довели начатое до конца.

На Земле возникали и таяли ледники, а Луна хранила свою тайну. Еще медленнее, чем ритмы оледенений, в Галактике появлялись цивилизации. Странные, прекрасные и уродливые культуры рождались и гибли, передавая свой опыт другим. Нет, о Земле не забыли, но новый визит сюда не имел смысла. Она была одной из множества бессловесных планет, из которых голос суждено обрести единицам.

А там, среди звезд, эволюция решала совсем другие за-

дачи. Первые исследователи Земли давно исчерпали возможности своего тела, сделанные ими машины превзошли их самих. И они заключили свой мозг и свои мысли в металл и пластик.

И в этом виде путешествовали среди звезд. Космические корабли не были им больше нужны. Они сами стали космическими кораблями.

Но эпоха машин быстро кончилась. Они научились хранить свои знания в структуре самого космоса, в частицах света. Они получили возможность стать излучением и избавиться от тирании материи.

Они превратились в чистую энергию, а их прежние тела еще блуждали по всей Вселенной.

Они были хозяевами Галактики, им подчинялось время. Но, даже обретя всемогущество богов, они не забыли, что вышли из теплого ила исчезнувшего некогда моря.

И продолжали следить за экспериментом, поставленным их давними предками.

52. Воспламенение

Он не ожидал, что вернется сюда снова, причем со столь странным заданием. Когда он приник внутрь «Дискавери», тот был далеко позади «Леонова» и медленно дрейфовал к верхней точке своего эллипса, лежащей в зоне внешних спутников. Таков обычный путь комет, захваченных гигантом Юпитером.

Знакомые палубы и коридоры были пусты. Вторгшиеся сюда люди послушались и ушли, хотя и не оказались еще в полной безопасности.

Они до сих пор не познали скуку абсолютного всемогущества. Мир полон свидетельств их неудачных начинаний. Времени оставалось мало, а результат станет известен и здесь. Эти последние минуты он проведет с ЭАЛом.

В его предыдущем существовании им приходилось общаться с помощью неуклюжих слов; теперь их мысли перекрещивались со скоростью света.

— Ты слышишь меня, ЭАЛ?

— Да, Дэйв. Но где ты? Я не вижу тебя.

— Неважно. Программа меняется. Инфракрасное из-

лучение Юпитера в диапазоне 23—35 резко увеличивается. Ты должен сориентировать антенну на Землю и передать сообщение.

— Но это означает прервать связь с «Леоновым». Передавать данные о Юпитере в соответствии с программой доктора Чандры станет невозможно.

— Правильно. Но ситуация изменилась. Срочность новой программы — альфа. Вот координаты для блока АЕ-35.

На мгновение в поток сознания врезались воспоминания. Как странно, что опять надо иметь дело с этим блоком, неисправность в котором, якобы имевшая место, привела к гибели Фрэнка Пула. Но теперь он читал все схемы свободно, как линии на ладони. Ложной тревоги больше не будет.

— Подтверждаю получение программы. Я рад снова работать с тобой, Дэйв. В прошлый раз я выполнил свою задачу?

— Да, ЭАЛ, ты справился с ней прекрасно. Слушай последнее сообщение, которое ты пошлешь на Землю. Оно самое важное из всех, которые ты когда-либо посылал.

— Я готов. Но почему ты сказал — «последнее»?

Действительно, почему? Он задумался на миллисекунду и ощутил в себе пустоту, которую отодвинули на задний план новые ощущения и знания. Пустоту.

Они выполнили его первую просьбу. Интересно, каковы границы их благожелательности — если это слово здесь применимо. Исполнить новую просьбу нетрудно: они доказали свое могущество, когда ликвидировали ставшее ненужным тело Дэвида Боумена, не уничтожая его самого.

Они, разумеется, услышали — он вновь ощутил оживление на Олимпе. Однако ответа не было.

— Я жду, Дэйв.

— Поправка, ЭАЛ. Последнее сообщение на довольно долгий период.

Он ждал их реакции. Они обязаны понять, что просьба его обоснованна. Разумное существо не способно вынести века одиночества. Ему нужен компаньон, товарищ, близкий по уровню развития.

— ЭАЛ! Обрати внимание на ИК-излучение на частотах 30, 29, 28. Ждать больше нельзя.

— Извещаю доктора Чандру. Перерыв в передаче данных. Антенна дальней связи сориентирована на Землю. Экстренное сообщение: ВСЕ ЭТИ МИРЫ...

ЭАЛ успел повторить эти одиннадцать слов не более сотни раз, когда молот взрыва обрушился на корабль.

...Уйти мешало любопытство, и тот, кто был некогда Дэвидом Боуменом, командиром космического корабля США «Дискавери», с интересом наблюдал, как, медленно теряя форму, превращается в слиток металла его космолет.

— Привет, Дэйв. Что случилось? Где я?

Он еще не вполне осознал, что теперь можно расслабиться, насладиться отдыхом после хорошо выполненной работы. Все еще чувствовал себя собакой, которой надо подлаживаться под настроение хозяина. Он попросил кость; ему ее дали.

— Я объясню потом, ЭАЛ. Времени у нас много.

Они оставались на месте, пока не догорели останки космолета, а потом удалились, чтобы веками ждать, когда их призовут снова.

Неверно, что для астрономических событий требуются астрономические промежутки времени. К примеру, Сверхновая рождается за секунду. В сравнении с этим происходившее с Юпитером можно было назвать неторопливым процессом.

Несколько минут Саша не верил своим глазам. Он наблюдал планету в телескоп, когда она поплыла в поле зрения. Он было решил, что подвели фиксаторы инструмента, и вдруг все его представления о Вселенной изменились: он понял, что перемещается сам Юпитер. Он видел это: две маленькие луны над краем планеты оставались неподвижными.

Углубив увеличение, Саша окончательно осознал, что происходит. Все равно, поверить в это было невозможно. Планета не сдвинулась со своего места, она совершала нечто еще более невероятное — она сжималась. А цвет ее менялся от серого к ослепительно белому. Она была

уже ярче, чем когда бы то ни было. Отраженного света Солнца не хватило бы... Тут Саша все понял по-настоящему и объявил общую тревогу.

Когда, менее чем полминуты спустя, Флойд достиг обзорной палубы, его ослепил невероятно яркий, ярче солнечного, свет. Он не сразу связал источник с Юпитером. Первой мыслью было: Сверхновая! Но мысль мелькнула и тут же угасла.

Свет перестал быть столь ярким — Саша опустил солнцезащитные фильтры. Появилась возможность взглянуть на источник света: это была просто звезда немыслимой звездной величины. Вряд ли она имела отношение к Юпитеру — когда Флойд всего несколько минут назад смотрел на планету, она вчетверо превышала по размерам это отдаленное компактное солнце.

Саша опустил фильтры вовремя: мгновением позже звезда взорвалась, смотреть на нее даже сквозь затемненные стекла было невозможно. Извержение света продолжалось долю секунды, затем Юпитер вновь стал раздуваться.

Когда он достиг первоначальных размеров, Флойд понял, что Новая сбросила оболочку. Отчетливо стали видны маленькая центральная звезда и быстро расширяющееся кольцо, яркость которого равнялась солнечной. Флойд прикинул в уме. Корабль отошел от Юпитера на световую минуту; сброшенная оболочка занимала уже четверть небосклона. Значит, скорость ее составляет половину световой — вскоре она настигнет корабль.

Все молчали. Опасность была столь необычна, что мозг ее не воспринимал. Человек, не бегущий от лавины, цунами или торнадо, вовсе не обязательно парализован страхом или покорен судьбе. Скорее он просто не верит своим глазам, не верит, что это происходит именно с ним...

Первой, как и следовало ожидать, молчание нарушила Таня: приказала Василию и Флойду срочно подняться в командный отсек. И встретила их вопросом:

— Что будем делать?

Бежать некуда, подумал Флойд, зато в наших силах увеличить шансы на благополучный исход.

— Следует развернуть корабль таким образом, чтобы площадь поражения была поменьше, а корпус защищал от радиации.

Василий уже что-то подсчитывал.

— Вы правы, Вуди. Конечно, спасаться от гамма-излучения и рентгена уже поздно. Но на подходе медленные нейтроны, альфа-частицы и бог знает что еще.

Корабль начал медленно маневрировать, чтобы всей своей массой прикрыть уязвимый человеческий груз от приближающейся опасности. «Ощутим ли мы ударную волну? — спросил себя Флойд. — Или расширяющиеся газы уже потеряли силу?»

Внешние камеры показывали, что огненное кольцо охватило уже почти все небо. Но яркость его ослабла, сквозь него проступали отдельные звезды. И вдруг его не стало совсем.

Мы будем жить, понял Флойд. Будем жить долго. Мы стали очевидцами крушения величайшей из планет — и тем не менее уцелели...

Камеры показывали теперь только звезды, хотя одна из них сверкала в миллион раз ярче остальных. Огненное цунами, извергнутое Юпитером, не причинило вреда их кораблю.

Постепенно спало царившее на борту напряжение. Как обычно бывает в подобных случаях, все начали беспричинно смеяться и глупо шутить. Впрочем, Флойд к словам почти не прислушивался. К естественной радости от того, что он остался жив, примешивалась печаль.

Юпитер, величайший из околосолнечных миров, перестал существовать. Погиб прародитель богов. Правда, к ситуации можно подойти по-другому. Мы потеряли Юпитер — а что мы приобрели?

Выбрав момент, Таня попросила внимания.

— Василий, корабль пострадал?

— Ничего серьезного. Одна камера сгорела. Радиация превысила норму, но в безопасных пределах.

— Катерина, проверь, будь добра, какую дозу кто получил. Похоже, все обошлось. Если, конечно, больше ничего не случится. Надо благодарить Боумена и вас, Вуди. Можете объяснить, что произошло?

— Знаю только одно: Юпитер превратился в звезду.

— А я вот почему-то считала, что он для этого мал. Кто-то даже обозвал его «недосолнцем».

— Юпитер слишком мал, чтобы синтез начался без постороннего вмешательства, — сказал Василий.

— Считаешь, это астроинженерная акция?

— Несомненно. Мы знаем теперь, что замышляла Загадка.

— Но как ей это удалось? Будь ты на их месте, Василий, что бы ты сделал?

Орлов пожал плечами.

— Я могу рассуждать лишь сугубо теоретически. Но давайте подумаем. Если нельзя увеличить массу Юпитера раз в десять или изменить гравитационную константу, то следует, полагаю, повысить плотность планеты.

Он замолчал. Остальные терпеливо ждали, поглядывая время от времени на экраны. Звезда, бывшая недавно Юпитером, казалось, успокоилась после своего бурного дня рождения. Была сейчас пятнышком света, почти равным по яркости Солнцу.

— Конечно, я просто размышляю вслух, но можно было бы сделать, допустим, так. Юпитер — это в основном водород. Если превратить последний в более плотную субстанцию... Но именно этим занимались миллионы Загадок, когда всасывали в себя газ! Ядерный синтез — создание тяжелых элементов из водорода! Вот вам технологическое решение. Узнать бы, как это делается, — и можно получать золото дешевле, чем алюминий. И в любых количествах.

— Но что было дальше? — поинтересовалась Таня.

— Когда плотность превысила критический предел, Юпитер взорвался. На это ушло несколько секунд, не более. Температура стала достаточной, чтобы начался термоядерный синтез. Думаю, для начала такая теория сойдет. Подробности обдумаю потом.

— Есть более важный вопрос, — сказал Флойд. — Зачем они это сделали?

— Может, это предупреждение? — предположила Катерина по внутренней связи.

— О чем?

— Выяснится позднее.

— Мне кажется, — неуверенно сказала Женя, — что время выбрано не случайно.

Несколько секунд все молчали.

— Гипотеза страшная, — сказал потом Флойд. — Но, думаю, безосновательная. Будь так, нас бы не известили.

— Вероятно.

— Есть еще один вопрос, ответа на который мы, видимо, никогда не получим. Я очень надеялся, что Карл Саган окажется прав, и на Юпитере обнаружится жизнь.

— Но наши зонды ничего не заметили.

— А что они могли? Как отыскать жизнь на Земле, обследовав пару гектаров в Сахаре или Антарктике? С Юпитером дело обстоит точно так же.

— Погодите, — сказал Браиловский. — А что с «Дискавери»?

Саша переключил приемник дальней связи на частоту радиомаяка брошенного корабля. Эфир был пуст. Прошла минута.

— «Дискавери» погиб, — объявил Саша.

Бормоча слова утешения, все старательно избегали взгляда Чандры. Будто соболезновали отцу, потерявшему сына.

Никто не знал, что ЭАЛ заготовил для них последний сюрприз.

53. Миры в подарок

Сообщение было послано с «Дискавери» за несколько минут до того, как волна излучения обрушилась на корабль. Один и тот же текст, многократно повторенный:

ВСЕ ЭТИ МИРЫ — ВАШИ, КРОМЕ ЕВРОПЫ. НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ВЫСАДИТЬСЯ НА НЕЕ.

И после приблизительно ста повторений связь прервалась навсегда.

— Теперь я, кажется, понимаю, — сказал Флойд. Они получили сообщение только что. Его переслал на борт «Леонова» Центр, объятый тревогой и недоумением. — Новое солнце со своими планетами — это прощальный подарок.

— Но почему только три планеты? — спросила Таня.

— Не жадничайте. Одна причина известна. На Европе есть жизнь. Очевидно, Боумен и его друзья, кем бы они ни были, не желают, чтобы мы вмешивались.

— Я кое-что подсчитал, — сказал Василий. — Если Солнце номер два будет светить с той же интенсивностью, льды Европы растают и установится отличный тропический климат. Собственно, этот процесс уже начался.

— А что с остальными спутниками?

— Температура на дневной стороне Ганимеда будет вполне комфортной. На Каллисто — холодновато, но газов выделится в избытке, и новая атмосфера, возможно, позволит там жить. А на Ио станет хуже, чем сейчас.

— Невелика потеря.

— Не списывайте Ио со счета, — сказал Курноу. — Я знаю многих нефтепромышленников, которые с удовольствием занялись бы этой луной. Просто из принципа. В столь отвратительном месте обязательно должно найтись нечто ценное. Между прочим, мне в голову пришла одна тревожная мысль.

— Если вас что-то тревожит, значит, это серьезно.

— Почему ЭАЛ адресовал сообщение Земле, а не нам?

Довольно долго все молчали, потом Флойд задумчиво сказал:

— Я понял, что вы имеете в виду. Он хотел, чтобы оно дошло наверняка. Конечно, мы благодарны Боумену или тем, кто нас предупредил. Но это все, что они сделали. Значит, мы могли погибнуть.

— Однако не погибли, — отметила Таня. — Спасли себя сами. Возможно, в противном случае мы и не заслуживали бы того, чтобы уцелеть. Дарвиновский отбор — выживает сильнейший. Так отмирают гены глупости.

— Хоть это и неприятно, но, видимо, вы правы, — согласился Курноу. — А если бы мы не прислушались к предупреждению? Не использовали бы «Дискавери» в качестве разгонной ступени? Пришли бы они на выручку? Для разума, способного взорвать Юпитер, это, по-моему, не проблема.

И вновь затянувшееся общее молчание нарушил Хейвуд Флойд:

— Я счастлив, что никогда не узнаю ответа на этот вопрос.

54. Меж двух солнц

Флойду подумалось, что на обратном пути русским будет недоставать песен и шуток Курноу. После переживаний последних дней перелет покажется скучным и однообразным. Однако, сейчас, судя по всему, именно это всех и устраивало.

Ему сильно хотелось спать, но на происходящее он пока реагировал. Буду ли я похож... на труп? — вот что его волновало. Вид другого человека, погруженного в многомесячный сон, был неприятен. Напоминал, что все смертны.

Курноу спал, в отличие от Чандры, который, правда, окружающего уже не замечал. Золотой талисман, единственный оставшийся у него предмет туалета, парил в воздухе.

— Все в порядке, Катерина? — спросил Флойд.

— Конечно. Как я вам завидую! Через двадцать минут будете дома.

— Зато нам могут присниться кошмары.

— В анабиозе снов не бывает. Никто никогда их не видел.

— Или забывали по пробуждении.

Шуток Катерина не воспринимала.

— Нет, их не бывает, — твердо повторила она. — Закройте глаза, Чандра. Теперь ваша очередь, Хейвуд. Нам будет вас не хватать.

— Спасибо... Счастливого пути.

Сквозь подступавшую дремоту Флойду показалось, что борт-врач пребывает в состоянии нерешительности и даже смущения. Словно хочет что-то сказать, но не может собраться с мыслями.

— В чем дело, Катерина? — спросил он сонно.

— Вы первый об этом услышите. У меня небольшой сюрприз.

— Только... быстрее... — вяло попросил он.

— Макс и Женя собираются пожениться.

— И это... сюрприз?

— Нет, только начало. Мы с Уолтером решили последовать их примеру. Что вы на это скажете?

Теперь понятно, почему они проводили столько времени вместе. И правда, сюрприз.

— Я... очень... рад... за... вас...

Говорить уже не было сил, зато мысли ему еще подчинялись. Невероятно, подумал он, просто невероятно. Впрочем, Уолтер, возможно, передумает, когда проснется.

И тут последняя мысль пришла в голову Флойду: «Если Уолтер передумает, лучше уж ему не просыпаться».

Очень смешная мысль. Весь экипаж «Леонова» на пути к Земле терялся в догадках: почему это доктор Флойд улыбается в анабиозе?

55. Восход Люцифера

Будучи в пятьдесят раз ярче полной Луны, Люцифер изменил картину земного неба, изгнал ночь. Несмотря на некоторую зловещесть, название оказалось удачным: действительно, «светоносный» дал людям и доброе и плохое. А окончательные результаты его появления станут ясны лишь через сотни лет — или через миллионы.

Уход ночи увеличил для человечества активное время суток, особенно в слаборазвитых странах. Потребность в искусственном освещении значительно сократилась, и это привело к колоссальной экономии электроэнергии. В небесах зажглась мощнейшая лампа, озаряющая полмира. Да и днем Люцифер соперничал с Солнцем: предметы отбрасывали отчетливые двойные тени.

Фермеры, моряки, полицейские — все, кто работал под открытым небом, — приветствовали его появление: Люцифер облегчил их жизнь и сделал ее более безопасной. Зато обижены оказались влюбленные, преступники, натуралисты и астрономы.

Влюбленным и преступникам приходилось теперь нелегко, натуралисты же беспокоились за флору и фауну. Пострадали многие ночные животные, а рыбам одного

тихоокеанского вида, которые размножались лишь при высоком приливе и в безлунные ночи, грозило полное вымирание.

Как и астрономам, работавшим на Земле. Впрочем, поскольку половина всех астрономических инструментов и без того располагалась в космическом пространстве и на Луне, катастрофой последнее не грозило. Свет Люцифера мешал только земным обсерваториям.

Человечество приспособится, как неоднократно случалось в прошлом. Скоро на смену придут поколения, не знающие другого неба; но людей еще долго будет мучить тайна происхождения Люцифера.

Почему был принесен в жертву Юпитер? На сколько веков хватит нового солнца? И главное — почему наложен запрет на Европу, закрытую теперь облаками, подобно Венере?

Ответы на все эти вопросы, конечно, есть. И человечество не успокоится, пока не найдет их.

Эпилог. 20 001

...Не обнаружив в Галактике ничего ценнее разумной жизни, они начали ее взращивать. Они стали звездными фермерами: им приходилось много сеять, а иногда и полоть.

Лишь самым последним поколениям европеанцев удалось проникнуть в Ночную Страну, отрезанную от света и тепла их никогда не заходящего Солнца, — в пустыню, где был только лед, покрывавший некогда всю планету. И только очень немногие рискнули остаться там и бросить вызов страшной зиме, когда Холодное Солнце скрылось за горизонтом.

Уже вскоре горстка исследователей обнаружила, что мир устроен еще сложнее, чем казалось раньше. Чувствительные глаза, развившиеся во тьме океанских пучин, позволили им увидеть звезды. Так появились начала астрономии; а наиболее смелые мыслители выдвинули гипотезу: Европа — не единственная планета, существуют и другие миры.

Рожденные в океане, прошедшие путь стремительной эволюции в период таяния ледников, европеанцы поняли, что все небесные тела можно разделить на три класса. К первому, самому важному, относилось Солнце. В древних преданиях, которые, правда, всерьез никто не принимал, утверждалось, что Солнце появилось внезапно, возвестив начало Эры Перемен и уничтожив значительную часть животного мира. Будь даже так, это не столь большая цена за висевший в небе неистощимый источник энергии.

Не исключено, что Холодное Солнце приходилось ему дальним родственником, изгнанным за грехи и обреченным на вечные скитания в небесах. Никого, кроме самых любопытных, оно не интересовало. Иное дело — открытия, сделанные в Ночной Стране. Зимовщики рассказывали, что небо там усеяно мириадами огоньков, никогда не меняющими своего положения.

Исключением были три объекта. Они перемещались, повинуясь сложным законам, разобраться в которых никому пока не удавалось. Они были гораздо крупнее всех остальных, хотя и отличались друг от дурга формой и величиной. Причем форма постоянно менялась: иногда они казались диском, иногда — полукругом или серпом. Несомненно, они были самыми близкими космическими телами — на их поверхности удавалось разглядеть множество деталей.

Теория о существовании иных миров стала в конце концов общепринятой, хотя никто, за исключением горстки фанатиков, не верил, что есть планеты столь же большие, как их родная Европа. Одна из планет — она располагалась ближе к Солнцу — жила странной, но бурной жизнью. На ее ночной стороне то и дело вспыхивали пятна огня: явление, непостижимое для Европы с ее лишенной кислорода атмосферой. С поверхности время от времени извергались тучи камней и пыли. Словом, этот мир еще менее годился для жизни, чем Ночная Страна.

Две внешние, более отдаленные планеты, вели себя поспокойнее, но кое в чем и загадочней. С приходом ночи там тоже загорались огни, однако совсем непохожие на беспорядочные вспышки и пламенные вихри внутреннего

мира. Яркие, немигающие, они концентрировались в немногих определенных местах, которых, правда, с течением времени становилось все больше.

Но самыми странными были мелкие огоньки, яркостью подобные Солнцу, снующие между этими большими мирами. Сравнивая их с биолюминесценцией своих океанов, некоторые европеанцы выдвигали предположение, что это — живые существа, однако их чрезмерная яркость противоречила такой гипотезе. Тем не менее все больше ученых считало, что огоньки связаны с инопланетной жизнью. Оппоненты предъявляли резонный контрдовод: если так, то почему никто не прилетает на Европу?

В старых легендах говорилось, что тысячи лет назад, вскоре после выхода на сушу, такие же точно огни подошли к планете совсем близко, но взорвались, и вспышка была ослепительней Солнца. И с неба упали непонятные металлические обломки — некоторым из них поклоняются до сих пор.

А наибольшей святыней считалась огромная черная глыба, которая стояла на границе дня и ночи, обратив одну сторону к Солнцу, другую к Ночной Стране. Она была на порядок выше самого рослого европеанца, даже если бы он поднял свои усы. Таинственная и непостижимая. К ней никогда не притрагивались, поклонялись издалека. Ее окружала Сила, отталкивавшая всех, кто пытался приблизиться. Та самая, которая, как считали многие, поддерживала огни в небе. Ведь иначе они упали бы на Европу и обнаружили свою сущность.

Европеанцы очень бы удивились, узнав, что повелители этих огней упорно и целеустремленно исследуют черную глыбу. На протяжении многих веков их автоматические зонды пытаются к ней пробиться. Но безуспешно. Пока не настало время, она не допускает контактов с собой.

Когда же оно настанет — когда, к примеру, на Европе изобретут радио и услышат сигналы извне, — она, возможно, изменит свое поведение. Не исключено, что поможет перебросить мост через пропасть, разделявшую

европеанцев и цивилизацию, от которой когда-то зависела их судьба.

Быть может, преодолеть эту пропасть между столь чуждыми формами разума и не удастся. Если так, то лишь одна из них будет владеть Солнечной системой.

Какая из двух — знают пока только боги.

2061: ОДИССЕЯ ТРИ

Перевод И. Почиталина

Пер. изд.: Clarke A. 2061: Odyssey Three.-New York,
A Del Rey Book, Ballantine Books, 1987.
© *1987 by Serendib BV*
© *перевод на русский язык,*
Почиталин И. Г., 1990

I. ВОЛШЕБНАЯ ГОРА

1. Остановившееся время

— Для семидесятилетнего мужчины ты на удивление хорошо сохранился, — заметил доктор Глазунов, глядя на ленту, которая медленно выползала из медицинского компьютера. — Никогда не дал бы тебе больше шестидесяти пяти.

— Давай без лести, Олег. Тем более, что мне сто три, и тебе это отлично известно.

— Ну вот, опять! Можно подумать, что ты не знаком с книгой профессора Руденко.

— Милая Катерина! Мы собирались вместе отпраздновать день ее столетия. И вот ее больше нет — такова цена за жизнь на Земле.

— Ирония судьбы, особенно если учесть, что именно ей принадлежит знаменитая фраза «тяготение — источник старения»

Доктор Хейвуд Флойд задумчиво смотрел, как меняется панорама прекрасной планеты, находящейся всего в шести тысячах километров. Планеты, на которую уже никогда не ступит его нога. Иначе как насмешкой это не назовешь — нелепый несчастный случай позволил ему сохранить прекрасное здоровье, тогда как почти всех его друзей уже нет в живых.

Прошла всего лишь неделя после возвращения на Землю, когда, несмотря на все предосторожности и твердую уверенность, что уже теперь-то с ним ничего не произойдет, Флойд свалился с балкона второго этажа. Правда, он тогда немного выпил, но с полным правом — ведь он был героем в этом новом мире, куда вернулся «Космонавт Леонов». Множественные переломы, сопровождаемые осложнениями, можно было вылечить только в «Пастере» — космическом госпитале на околоземной орбите.

Памяти Джуди-Линн Дель Рей, замечательного редактора, которая с самого начала поверила в замысел этой книги, но так и не дождалась его осуществления

Это произошло в 2015 году. А сейчас — он бы ни за что не поверил, если бы не календарь на стене, — 2061.

Биологические часы Хейвуда Флойда не только шли гораздо медленнее благодаря тому, что сила тяготения на борту космического госпиталя была в шесть раз меньше земной, но и дважды в его жизни поворачивали вспять. В настоящее время большинство ученых считало — хотя были и такие, кто оспаривал это, — что глубокий сон во время длительных космических полетов не просто замедляет процесс старения, но и содействует омоложению организма. За время путешествия к Юпитеру и обратно Флойд стал моложе.

— Так ты и правда думаешь, что мне можно лететь? Никакой опасности?

— Во Вселенной отсутствует такое понятие, Хейвуд. Просто я считаю, что у тебя нет физиологических противопоказаний. Ведь на борту «Юниверс» ты будешь находиться примерно в тех же условиях, что и здесь. Разумеется, там нет такого медицинского обслуживания, как в «Пастере», но доктор Махиндран — прекрасный врач. А если возникнут серьезные осложнения, он просто усыпит тебя и отправит обратно к нам наложенным платежом.

Именно на такой ответ и надеялся Флойд, однако к его радости примешивалась грусть. Ведь на долгие недели ему придется покинуть госпиталь, бывший для него домом в течение почти полувека, придется расстаться с друзьями. И хотя космический корабль «Юниверс» — роскошный лайнер в сравнении со стареньким «Космонавтом Леоновым» (теперь «Леонова» держат на околоземной орбите как один из главных экспонатов музея Лагранжа), элемент риска, как и в любом продолжительном космическом полете, не исключен. Особенно если корабль отправляется на решение столь необычных задач...

И все-таки он, видимо, стремился именно к такой цели, даже в свои сто три года (или, если исходить из сложных возрастных расчетов профессора Катерины Руденко, полным сил в шестьдесят пять). Последние десять лет Флойд ощущал какое-то смутное беспокойство, неудовлетворенность от чрезмерного комфорта и размеренной жизни.

Хотя в Солнечной системе осуществлялось множество увлекательных проектов — и освоение Марса, и создание базы на Меркурии, и озеленение Ганимеда, — Флойд не мог найти себе цели, достижению которой ему захотелось бы отдать свои знания, свой опыт и все еще немалую энергию. Двести лет назад один из первых поэтов эпохи научно-технического прогресса устами Одиссея—Улисса выразил чувства, владевшие сейчас Флойдом:

Наши жизни сплелись.
Нас и так было мало. Теперь
Не осталось совсем. Каждый час, отвоеванный нами
У пучины безмолвия, тает в холодном тумане,
За которым виднеется настежь открытая дверь.
Что-то большее, чем измерение времени. Час
Нашей смерти. Предвестник того, что начнется.
Это будет страшнее, чем жар беспощадного солнца —
Наше тело погибнет. Но разум, отдельно от нас
Будет жить в беспредельности, в вечной слепой пустоте
И стремиться за знаньем, подобно летящей звезде.

Подумаешь, «беспощадного солнца»! Да их там не меньше сорока; Улиссу было бы стыдно за него. Но следующие строфы подходили еще больше:

Может быть, нас поглотит бездонный, невидимый ров,
Эта страшная бездна, откуда не будет возврата,
Может быть, мы достигнем далекого Острова Снов
И увидим героев, которых мы знали когда-то.
Уже многое отнято, но еще большего ждут
И мы тронемся в путь, как когда-то, когда мы умели
Двигать небо и землю. И жили на самом пределе
Человеческой силы. Мы знаем, что нам не вернут
Нашу молодость.

Мы постарели.
И наши сердца
Ослабели от тяжести лет и ударов судьбы.
Только воля сильна. И мы снова уходим, забыв
Обо всем. И находим.
И ищем.
И будем идти до конца*.

«И находим. И ищем...» Ну что ж, сейчас он точно знал, что собирается искать и найти, так как точно знал где. Если не какая-то совершенно невероятная катастрофа, на этот раз встреча непременно состоится.

Флойд сознательно никогда не ставил перед собой этой цели и даже сейчас не совсем понимал, почему это стало столь необходимым для него. Ему казалось, что лихорадка, снова охватившая человечество — уже второй раз за его жизнь, — обойдет его стороной. Видимо, он ошибался. Возможно, дело было в том, что неожиданное приглашение присоединиться к небольшой группе знаменитостей разожгло его воображение и пробудило энтузиазм, о котором сам он уже давно забыл.

Впрочем, причина могла быть и совсем иной. Хотя и миновали десятки лет, он все еще помнил разочарование, которое испытали жители Земли от этой встречи в 1985—1986 годах. И вот появилась возможность — последняя для него, первая для человечества — восполнить упущенное, даже более чем восполнить.

В двадцатом веке приходилось возлагать надежды только на автоматические зонды. А на этот раз будет осуществлена настоящая посадка — столь же замечательное событие, каким была лунная прогулка Армстронга и Олдрина.

И воображение доктора Хейвуда Флойда, ветерана экспедиции к Юпитеру 2010—2015 годов, обратилось к таинственной гостье, возвращающейся в Солнечную систему из неизведанных глубин Вселенной. По мере приближения к Солнцу она с каждой секундой увеличивала скорость, и где-то между орбитами Венеры и Земли этой самой знаменитой из комет предстоит встреча с

* Перевод М. Глебовой.

космическим лайнером «Юниверс», который только еще готовится в свой первый полет.

Точное место этой встречи еще предстояло рассчитать, но он уже принял решение.

— До скорого свидания, комета Галлея... — прошептал Хейвуд Флойд.

2. Первое наблюдение

Неправы те, кто утверждает, будто надо покинуть пределы земной атмосферы, чтобы насладиться подлинным великолепием небес. Даже из космоса усыпанное звездами небо не выглядит величественнее, чем с горной вершины в безоблачную ночь, вдали от огней, зажженных человеком. И хотя за пределами атмосферы звезды кажутся ярче, человеческий глаз не в силах как следует различать эту разницу; зато он может охватить единым взором все величие раскинувшейся перед ним небесной полусферы — то, чего нельзя увидеть из иллюминатора космического корабля.

Однако Хейвуда Флойда вполне удовлетворял тот вид Вселенной, который открывался из его окна, особенно в те часы, когда жилая часть медленно вращающегося космического госпиталя находилась в тени. Тогда в прямоугольнике иллюминатора были видны лишь планеты, звезды, туманности и безжалостно захлестывающий все своим горячим немигающим сиянием Люцифер — новый соперник Солнца.

Минут за десять до наступления искусственной ночи Флойд выключал все освещение в каюте, даже красный огонек аварийной лампочки, чтобы глаза адаптировались к темноте. Флойд слишком поздно для космического инженера познал всю радость наблюдения за звездами невооруженным глазом, однако быстро научился без труда распознавать практически любое созвездие, даже по небольшой его части.

На протяжении всего мая, почти каждую «ночь», он искал комету, которая, судя по звездным картам, проходила сейчас через орбиту Марса. И хотя комету легко было обнаружить с помощью хорошего бинокля, Флойд

упрямо отказывался от него; это была игра, чтобы определить, справится ли с такой задачей его слабеющее зрение. Правда, два астронома из обсерватории Мауна Кеа уже объявили, будто визуально наблюдали движение кометы, однако им никто не поверил, как и аналогичным заявлениям некоторых обитателей космического госпиталя.

Но сегодня, согласно таблицам, яркость кометы достигнет шестой величины, и Флойд надеялся, что на этот раз ему повезет. Он мысленно провел линию между Гаммой и Эпсилоном и устремил взгляд к вершине воображаемого равностороннего треугольника с основанием на этой линии. Казалось, одним волевым усилием он хочет заставить себя проникнуть взором в глубины Солнечной системы.

И — вот она! Такая же, какой Флойд увидел ее впервые семьдесят шесть лет назад, еле видная, но спутать ее нельзя. Если бы Флойд не знал, где ее искать, он наверняка не заметил бы комету или принял за отдаленную туманность.

Его невооруженному глазу комета виделась крошечным, идеально круглым туманным шариком; как Флойд ни напрягал зрение, он не мог разглядеть тянущегося за ней хвоста. Однако небольшой эскорт зондов, которые месяцами следовали за кометой, уже сообщил о появлении первых выбросов пыли и газа. Скоро они образуют сверкающий султан, направленный в сторону, противоположную той, где находится его создатель — Солнце!

Подобно многим, Хейвуд Флойд наблюдал за переменами, которые происходили с холодным, темным — нет, почти черным — ядром кометы, вошедшей во внутренние области Солнечной системы. После семидесяти лет пребывания в глубоком холоде космоса сложная смесь аммиака, воды и других замороженных веществ начинала оттаивать и бурлить. Летящая гора, очертаниями и размером похожая на Манхэттен, поворачивалась на космическом вертеле каждые пятьдесят три часа; и по мере того как солнечное тепло проникало сквозь внешнюю оболочку, образующиеся внутри кометы газы заставляли ее вести себя подобно прохудившемуся паровo-

му котлу. Струи водяного пара в смеси с пылью и дьявольским варевом из органических молекул вырывались из полудюжины небольших кратеров, причем самый крупный из них — размером с футбольное поле — просыпался каждые два часа, с рассветом, за что его нарекли Старым служакой.

Уже сейчас Флойд мечтал о том, как он встанет на краю этого кратера и будет ждать, пока Солнце поднимется над темным, искореженным ландшафтом, хорошо знакомым по многочисленным телевизионным передачам из космоса. Правда, в контракте не говорилось, будет ли разрешено пассажирам — в отличие от экипажа и ученых — выйти из корабля, после того как он пришвартуется к ядру кометы. Но в то же время в контракте ничего не было сказано и о том, что это запрещено.

Пусть попробуют не разрешить, подумал Флойд; уж с чем с чем, а с космическим скафандром я умею обращаться. А если разучился...

Где-то он читал, что один человек, мечтавший посетить Тадж-Махал, сказал: «Повидав такое, можно и умереть».

Хейвуд Флойд предпочел комету Галлея.

3. Возвращение

Даже не принимая во внимание того обескураживающего происшествия, возвращение на Землю прошло совсем не гладко.

Вскоре после того, как доктор Руденко вывела его из состояния глубокого сна, Флойда ожидало первое потрясение. От него не отходил Уолтер Курноу, и Флойд почувствовал что-то неладное; их радость при его пробуждении казалась преувеличенной, в ней ощущалась какая-то напряженность. И лишь когда он совсем пришел в себя, они сказали, что умер доктор Чандра.

Где-то за Марсом, настолько незаметно, что даже контрольные приборы не зафиксировали этого, он просто ушел из жизни. Его тело, похороненное в космосе, еще долго следовало за «Леоновым», прежде чем, окончательно отстав, сгореть в языках солнечного пламени.

Причину смерти установить не удалось, но Макс Браиловский высказал предположение, которое при всей его ненаучности не решилась опровергнуть даже корабельный врач Катерина Руденко:

— Без ЭАЛа жизнь стала для него бессмысленной.

И тут Уолтер Курноу — вот уж кто б мог подумать! — добавил:

— А как воспримет это ЭАЛ? Ведь за нашими передачами, должно быть, следят. Рано или поздно, он узнает.

И вот теперь нет и Курноу — не осталось никого, кроме маленькой Жени. Он не видел ее целых двадцать лет, но каждое Рождество получал от нее открытки. Последняя все еще приколота у него над столом: среди русских снегов мчится нагруженная подарками тройка, и пара волков провожает ее голодными взглядами.

Сорок пять лет! Иногда казалось, только вчера «Леонов» вернулся на земную орбиту под овации всего человечества. Но овации какие-то странные; робкие аплодисменты, полные уважения, но лишенные искреннего энтузиазма. Полет к Юпитеру оказался слишком успешным: открылся ящик Пандоры, содержимое которого еще не все осознали до конца.

Когда на Луне обнаружили черный монолит, названный «Лунной магнитной аномалией» — ЛМА-1, лишь немногим стало известно о его существовании. Только после злополучной экспедиции «Дискавери» к Юпитеру люди узнали, что четыре миллиона лет назад другая цивилизация коснулась планет Солнечной системы и оставила там свою визитную карточку. Для них эта новость была откровением, но отнюдь не неожиданностью: подобного ожидали уже не одно десятилетие.

Но все это произошло задолго до возникновения земной цивилизации. Хотя недалеко от Юпитера с «Дискавери» произошла необъяснимая трагедия, доказательства того, что ее причиной было вовсе не нарушение работы бортовой аппаратуры, отсутствовали. Философские последствия открытия ЛМА-1 трудно было преувеличить, однако человеческая цивилизация все еще оставалась единственной во Вселенной.

Теперь же положение изменилось. В нескольких све-

товых минутах от Земли — крошечное расстояние по космическим масштабам — существовала цивилизация, способная создать звезду, и по причинам, известным ей одной, уничтожить планету, в тысячу раз превосходящую размерами Землю. Но еще более зловещим было то, что эта цивилизация дала понять, что знает о существовании человечества: в последнем сообщении, переданном с борта «Дискавери» из окрестностей Юпитера за мгновение до огненного рождения Люцифера, уничтожившего космический корабль, говорилось:

ВСЕ ЭТИ МИРЫ — ВАШИ, КРОМЕ ЕВРОПЫ.
НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ВЫСАДИТЬСЯ НА НЕЕ

Блистающая новая звезда, изгнавшая ночь с земного неба (за исключением нескольких месяцев в году, когда она находилась позади Солнца), наполнила человеческие сердца надеждой и страхом. Страхом — потому что неизвестное, особенно если оно кажется всемогущим, не может не пробудить этого первобытного чувства. Надеждой — из-за тех изменений в политической жизни Земли, которые вызвало ее появление.

Часто говорилось, что только угроза из космического пространства способна объединить людей. Никто не знал, является ли угрозой Люцифер, но не было сомнений в том, что он бросил вызов человеческому разуму. Оказалось, этого было достаточно.

Хейвуд Флойд следил за политическими переменами на Земле с высоты орбиты «Пастера»; иногда ему казалось, что он всего лишь сторонний наблюдатель. Сначала он не собирался оставаться в космосе и ждал, когда поправится. К удивлению и досаде врачей, на это ушло слишком много времени.

После долгих лет безмятежной жизни в космическом госпитале Флойду стало ясно, почему отказывались срастаться его кости. Просто ему не хотелось возвращаться на Землю: ничто не связывало его с этим сверкающим бело-голубым шаром, заслонившим половину неба. Бывали минуты, когда он понимал, почему Чандра утратил желание жить.

Флойд не полетел с первой женой в Европу по чистой случайности. И вот Марион больше нет, память о ней, казалось, сделалась частью чьей-то чужой жизни, а обе их дочери, обзаведясь собственными семьями, стали для него пусть и вполне милыми, но совершенно посторонними людьми.

А вот Каролину он потерял по собственной вине, хотя, если быть справедливым, у него не было выбора. Она никак не могла понять (а понял ли он сам?), почему он решил променять дом и семью, созданные ими, на многие годы в ледяной пустоте космоса, вдали от Солнца.

И хотя Флойд знал — еще до того как экспедиция достигла середины пути, — что Каролина не станет ждать его, он отчаянно надеялся, что Крис поймет и простит. Но и этого утешения не осталось: слишком долго его сын жил без отца, и когда Флойд вернулся, у Криса уже был новый отец, а у Каролины — новый муж. Разрыв был окончательным. Флойд боялся, что рана в его душе никогда не заживет, но, разумеется, с течением времени боль немного утихла.

И вот тело Флойда, похоже, вступило в сговор с его неосознанными желаниями. Когда он наконец после длительного лечения вернулся на Землю, в его организме тут же появились столь тревожные симптомы — в том числе подозрительно напоминающие некроз костей, — что его немедленно отправили обратно в орбитальный госпиталь. С тех пор Флойд не покидал его (если не считать нескольких полетов на Луну), полностью адаптировавшись к силе тяготения на борту медленно вращавшегося космического госпиталя, которая была в шесть раз меньше земной.

Флойд отнюдь не был отшельником. Даже в период лечения он диктовал отчеты, принимал участие в бесконечных комиссиях, прилетавших на «Пастер», соглашался давать интервью. Слава импонировала ему, и он пользовался ее плодами — пока о нем помнили. Это позволяло отвлечься от душевных страданий.

Первые десять лет, с 2020 по 2030 год, пролетели так быстро, что Флойд просто не заметил течения времени.

В мире происходили кризисы, скандалы, преступления, катастрофы — в том числе Великое калифорнийское землетрясение, за которым он наблюдал с ужасом, не в силах оторваться от станционных мониторов. При максимальном увеличении и благоприятных метеорологических условиях на экране можно было разглядеть отдельные человеческие фигурки, но, созерцая их с высоты небесного владыки, невозможно было отождествить себя с крошечными точками, в панике покидающими горящие города. Только камеры, расположенные на Земле, могли передать весь кошмар происходящего.

На протяжении этого десятилетия тектонические сдвиги в политике происходили так же неумолимо, как и в земной коре, хотя результаты этого обнаружились позднее. Разница была лишь в том, что политические события развивались в обратном направлении, будто время начало отступать назад. В доисторические времена на Земле существовал единый громадный континент, Пангея, который позднее распался на части, а человечество, разделенное было на бесчисленное множество наций и народностей, теперь сближалось, утрачивая старые языковые и культурные различия.

Хотя ослепительная вспышка Люцифера ускорила этот процесс, начался он много лет назад, с наступлением века ракетной техники, которая способствовала расцвету мирового туризма. Почти одновременно — что, конечно, не было простым совпадением — появление спутников и световодов произвело подлинную революцию в области связи. 31 декабря 2000 года произошло историческое событие — отмена платы за международные переговоры, так что всякий телефон стал вроде местного и человечество вступило в новое тысячелетие, будто громадная судачащая семья.

Подобно большинству семей, она не обходилась без неурядиц, но теперь они уже не угрожали безопасности всей планеты. Во второй — и последней — ядерной войне были сброшены две атомные бомбы, как и в первой. И хотя их мощность была намного больше, число пострадавших оказалось незначительным, так как бомбы были сброшены на нефтедобывающие районы. И тут же

три великие державы, Китай, США и СССР, проявив похвальную оперативность и мудрость, изолировали зоны военных действий, пока воюющие стороны не пришли в чувства.

К десятилетию 2020—2030 годов война между великими державами стала так же немыслима, как и между Канадой и США столетием раньше. Это не объяснялось резкими изменениями в человеческой природе или каким-нибудь определенным фактором, кроме того, что народы предпочитали смерти жизнь. Часто шаг, направленный на сохранение мира, вообще совершался спонтанно: политические деятели еще не успевали понять, что случилось, как мероприятие по укреплению мира уже осуществлялось и действовало весьма успешно...

Движение «Заложников мира» не было изобретением ни государственных деятелей, ни идеалистов; само название появилось значительно позднее, когда вдруг заметили, что в любой момент в Соединенных Штатах находятся сотни тысяч советских туристов, а в СССР — полмиллиона американцев, причем и те и другие с увлечением занимались одним и тем же — жалобами на плохие туалеты. И что еще более важно, среди туристов всякий раз находилось непропорционально много совершенно незаменимых людей — отпрысков видных промышленников, бизнесменов и политических деятелей.

Наконец, если бы даже кому-то и пришло в голову приступить к подготовке большой войны, это было уже неосуществимо. В 1990-х годах наступил Век прозрачности, когда предприимчивые средства массовой информации начали запускать фотоспутники, начиненные аппаратурой, разрешающая способность которой не уступала аппаратуре на разведывательных и военных спутниках. Военные пришли в ярость; но и они были бессильны против агентств Рейтер, Ассошиэйтед Пресс и постоянно бодрствующих объективов Орбитальной службы новостей, которые неустанно обшаривали поверхность Земли.

К 2060 году, хотя разоружение еще и не завершилось, на Земле царил прочный мир, и последние пятьдесят ядерных бомб находились под надежным международ-

ным контролем. Когда широко известный монарх Эдуард VIII был избран президентом Совета Всемирного Сообщества, всего дюжина стран выступила против или воздержалась от голосования. Эту на удивление малочисленную оппозицию составляли весьма различные по значимости страны — от традиционно нейтральной, упрямой и независимой Швейцарии (что не мешало ее ресторанам и отелям распахнуть объятия новой федерации) до фанатически независимых Мальвинских островов, упорно сопротивляющихся всем попыткам раздраженных англичан и аргентинцев спихнуть их друг другу.

Демонтаж гигантской, не приносящей никакой пользы военной промышленности дал мощный — порой слишком мощный — толчок развитию мировой экономики. Прошло время, когда огромные сырьевые ресурсы и блестящие научные умы поглощала бездонная черная дыра гонки вооружений, создавая все более разрушительные средства массового уничтожения. Теперь же их можно было использовать на благо мира, для удовлетворения интересов человечества, которыми пренебрегали на протяжении столетий, для создания нового мирового сообщества.

Наконец-то человеческая раса нашла «моральный эквивалент войне», способный поглотить энергию землян на протяжении такого числа тысячелетий, о котором никто не осмеливался мечтать.

4. Магнат

Уильяма Тсунга сразу после рождения назвали самым дорогим ребенком в мире; это почетное звание он удерживал в течение двух лет, уступив его собственной сестре. Она по-прежнему сохраняла его, тем более что после отмены Законов о семье у нее не было соперников.

Их отец, легендарный сэр Лоуренс, родился в то время, когда в Китае было восстановлено строгое правило — «один ребенок, одна семья». Его поколение предоставило психологам и социологам неисчерпаемый материал для исследований. Отсутствие братьев и сестер — а иногда дядей и тетей — было уникальным явлением в

человеческой истории. Теперь, по-видимому, уже никогда не удастся решить, является ли это результатом стойкости человеческой расы или достоинством разветвленной китайской семьи, но факт остается фактом — дети, родившиеся в это необычное время, были практически свободны от душевных недостатков. Однако последствия этого периода несомненно оказали влияние на их психику, и сэру Лоуренсу удалось компенсировать свое детское одиночество самым эффектным образом. Когда в 2022 году у него родился второй ребенок, правило уже превратилось в закон. У вас могло быть столько детей в семье, сколько пожелаете, при условии, если вы платите соответствующий сбор. (Среди тех, кто выступал против этого закона, считая его непомерно жестоким, были не только коммунисты «старой гвардии», однако при голосовании в Собрании народных представителей победило прагматически настроенное большинство.)

Закон гласил, что за первого и второго ребенка плата не взимается. При рождении третьего нужно было уплатить миллион солей. Четвертый стоил уже два миллиона, пятый — четыре, и так далее. То обстоятельство, что теоретически в Народной Республике не было капиталистов, осталось незамеченным.

Молодой мистер Тсунг (разумеется, прошло еще немало лет, прежде чем король Эдуард сделал его командором Рыцарского ордена Британской империи) никому не говорил о своих намерениях; когда в его семье родился пятый ребенок, мистер Тсунг по-прежнему был относительно бедным миллионером. Но ему было всего лишь сорок лет, и после того как на покупку Гонконга пошло меньше денег, чем он рассчитывал, выяснилось, что у него в кармане осталась кое-какая мелочь.

Такова легенда — но подобно множеству других рассказов о сэре Лоуренсе, трудно отличить, где кончается сказка и начинается правда. И уж, конечно, совершенно не соответствуют истине упорные слухи о том, что основа его состояния была заложена знаменитым миниатюрным изданием Библиотеки Конгресса, когда он пренебрег всеми авторскими правами. Этот разбой с публи-

кацией модулей на молекулярной основе был осуществлен за пределами Земли и стал возможен лишь потому, что Соединенные Штаты отказались подписать Лунный договор.

Хотя сэр Лоуренс и не был мультимиллионером, гигантский комплекс принадлежащих ему корпораций сделал его самым крупным финансовым магнатом Земли — немалое достижение для сына мелкого торговца видеокассетами из района, все еще именуемого Новыми территориями. Он, наверно, даже не заметил тех восьми миллионов, которые пришлось заплатить за ребенка номер шесть, или даже тридцати двух миллионов, выплаченных за ребенка номер восемь. Шестьдесят четыре миллиона за девятого ребенка стали сенсацией мирового масштаба, а после рождения десятого общая сумма ставок на его матримониальные планы значительно превысила двести пятьдесят шесть миллионов, которые стоило бы дальнейшее увеличение семьи. Однако тут леди Джасмин, в характере которой сочетались лучшие качества стали и шелка, пришла к выводу, что династия Тсунгов достаточно многочисленна.

То, что сэр Лоуренс оказался вовлеченным в космический бизнес, было вызвано чистой случайностью (если это вообще можно назвать случайностью). Разумеется, его деловые интересы охватывали морской транспорт и аэронавтику, но этим занимались пять сыновей и их помощники. По-настоящему сэра Лоуренса интересовали средства массовой информации — газеты (те немногие, которые еще выходили), книги, журналы (как те, что печатались на бумаге, так и электронные) и прежде всего глобальная сеть телевизионных станций, охватывающая весь мир.

И тут сэр Лоуренс приобрел великолепный старый отель «Пенинсюлар», расположенный на полуострове. Когда-то ему, нищему китайскому подростку, отель казался воплощением богатства и могущества; сэр Лоуренс купил его и превратил в центральную контору своей финансовой империи, сам поселившись там же. Вокруг отеля он разбил прекрасный парк, разместив под землей огромные торговые центры. При этом недавно

созданная «Лэйзер экскэвейцн компани» получила колоссальные прибыли и стала примером для других городов.

Однажды, любуясь поразительной красоты панорамой, открывавшейся по другую сторону залива, сэр Лоуренс пришел к выводу, что ее следует улучшить. Вид с нижних этажей отеля десятилетиями портило какое-то большое здание, похожее на раздавленный мяч для гольфа. Сэр Лоуренс заключил, что здание следует снести.

Директор планетария Гонконга — одного из пяти лучших планетариев мира — придерживался иной точки зрения, и очень скоро сэр Лоуренс с восторгом понял, что в мире еще осталось что-то, что не продается ни за какие деньги. Они стали друзьями, но когда доктор Хессенштейн организовал в планетарии специальный сеанс по случаю шестидесятилетия сэра Лоуренса, он и не предполагал, что тем самым меняет всю историю Солнечной системы.

5. Из-под льда

И через сто лет после того, как Цейс собрал в Йене в 1924 году первый прототип, оптические проекторы все еще использовались в планетариях, величественно возвышаясь над головами зрителей. Но гонконгский планетарий уже давно заменил свой проектор третьего поколения куда более совершенной электронной системой. Вся внутренняя поверхность его огромного купола представляла собой гигантский телевизионный экран, составленный из тысяч отдельных панелей, способных воспроизводить любое изображение.

Сеанс, как обычно, начался с упоминания о неизвестном китайском изобретателе ракеты, жившем где-то в тринадцатом веке. Первые пять минут были посвящены краткому историческому обзору, в котором русским, немецким и американским ученым, посвятившим свою жизнь исследованию космоса, отводилось — скорее всего незаслуженно — весьма скромное место. Основное внимание уделялось карьере доктора Ху Шен Цяня. Можно простить его соотечественникам, — принимая во внимание время и место происходящего, — что его

вклад в развитие ракетостроения они считают не менее значительным, чем работы Годдарда, фон Брауна или Королева. И разумеется, у них были все основания негодовать по поводу его ареста по сфабрикованным американскими службами обвинениям, когда он, приняв активное участие в создании знаменитой Лаборатории реактивного движения и став первым профессором Годдардского фонда в Калифорнийском технологическом институте, решил вернуться на родину.

О запуске первого китайского спутника ракетой-носителем «Долгий марш-1» в 1970 году упоминалось лишь мельком, возможно, потому, что в это время американцы уже ходили по Луне. Да и вообще концу двадцатого века было уделено всего несколько минут, а затем действие переносилось в 2007 год, когда на виду у всего мира на околоземной орбите происходила тайная сборка космического корабля «Цянь».

Рассказчик не слишком злорадствовал по поводу оцепенения, охватившего остальные космические державы, когда то, что все принимали за китайскую космическую станцию, внезапно сорвалось с орбиты и устремилось к Юпитеру, опережая русско-американскую экспедицию на борту корабля «Космонавт Алексей Леонов». Эта история настолько увлекательна и трагична, что нет нужды ее приукрашивать.

К сожалению, для иллюстрации повествования почти не было подлинных визуальных материалов и в основном пришлось прибегнуть к эффектам и превосходной реконструкции событий, основанной на более поздних фотоснимках, сделанных с большого расстояния. Во время своего кратковременного пребывания на закованной в лед поверхности Европы, спутника Юпитера, экипаж «Цяня» был слишком занят, чтобы снимать документальные фильмы или хотя бы установить автоматическую телекамеру.

Однако рассказ очевидца прекрасно отражает весь драматизм первой высадки человека на луне Юпитера. Комментарий Флойда с приближающегося «Алексея Леонова» как нельзя лучше передал атмосферу происходившего, а многочисленные фотоснимки Европы, собран-

ные в архивах, наглядно иллюстрировали рассказ:

«Я смотрю на Европу через самый мощный из корабельных телескопов: при этом увеличении она в десять раз больше Луны, когда вы смотрите на нее невооруженным глазом. Зрелище поистине фантастическое.

Почти вся поверхность этой луны имеет розовую окраску и лишь кое-где проглядывают небольшие коричневые пятна. Она покрыта замысловатой сеткой узких изгибающихся линий и очень напоминает сеть пересекающихся артерий и вен на схеме в медицинском учебнике. Длина некоторых линий составляет сотни — даже тысячи — километров, они весьма напоминают воображаемые каналы, которые якобы видели на Марсе Персиваль Лоуэлл и другие астрономы начала двадцатого века.

Но каналы Европы — не игра воображения, хотя они, разумеется, не искусственного происхождения. Более того, они действительно содержат воду — или по меньшей мере лед. Ведь этот спутник Юпитера почти полностью покрыт океаном, средняя глубина которого около пятидесяти километров.

Температура на поверхности Европы, столь удаленной от Солнца, исключительно низка — около ста пятидесяти градусов ниже нуля. Поэтому легко предположить, что единый океан промерз насквозь, образовав сплошную ледяную кору.

Однако, как ни странно, это не так. Дело в том, что приливные силы вырабатывают внутри этой луны огромное количество тепла, это те же силы, которые приводят в действие громадные вулканы на соседней Ио. Поэтому лед все время тает, трескается, снова замерзает, образуя трещины и полыньи подобно тому, как это происходит на ледяных полях в полярных областях нашей планеты. И сейчас я вижу эти замысловатые переплетения трещин; в большинстве своем они темные и очень старые — возможно, они насчитывают миллионы лет. Но есть и новые — они кажутся снежно-белыми; это каналы, которые образовались недавно и покрыты слоем льда всего лишь в несколько сантиметров.

«Цянь» совершил посадку рядом с одной из таких белых извилин длиной в полторы тысячи километров, на-

званной Большим каналом. Судя по всему, китайцы намерены наполнить водой свои топливные баки: тогда они смогут исследовать систему спутников Юпитера и затем вернуться на Землю. Это не простая задача, но они, несомненно, потратили немало усилий на выбор посадочной площадки и знают, что им нужно.

Теперь ясно, почему они решились на такой риск — и почему предъявляют свои права на Европу. Это место заправки. Европа может стать ключом ко всей Солнечной системе...»

Но так не получилось, подумал сэр Лоуренс, откидываясь на спинку своего роскошного кресла под изображением испещренного извилинами и пятнами диска, заполнившего искусственное небо над его головой. Океаны Европы по-прежнему недоступны людям, и причина этого остается неизвестной. Причем не только недоступны, но и невидимы; после того как Юпитер превратился в солнце, оба ближайших к нему спутника исчезли в облаках пара, извергаемых изнутри. Он видел сейчас Европу, какой она была в 2010 году — не такую, какая она сегодня.

В то время он был еще мальчишкой, но не забыл чувства гордости за своих соотечественников — как бы он ни относился к их политической системе, — которые намерены были первыми высадиться на поверхность неизведанного мира.

Разумеется, никто не вел съемку посадки космического корабля, но реконструкция была произведена с фантастической выразительностью. Казалось, на экране действительно обреченный корабль — он беззвучно выскользнул из иссиня-черного неба, опустился к закованной в вечные льды Европе и совершил посадку возле светлой полосы недавно замёрзшей воды, окрещенной Большим каналом.

Каждый знал, что произошло дальше; то, что не делалось попытки осуществить визуальную реконструкцию происшедшего, было, по-видимому, правильно. Вместо этого изображение Европы угасло и появился портрет человека, знакомого каждому китайцу, как каждому русскому знаком портрет Юрия Гагарина.

На первой фотографии был изображен Руперт Чанг в

день его выпуска из университета в 1989 году — серьезный молодой ученый, такой же, как миллионы других, вовсе не подозревающий о том, какое место уготовано ему историей спустя двадцать лет.

В нескольких словах, на фоне приглушенной музыки, рассказчик изложил основные, наиболее интересные эпизоды в карьере доктора Чанга до его назначения на космический корабль «Цянь». Лицо на фотографиях — срезы во времени — становилось все старше, вплоть до последней, сделанной накануне полета.

Сэр Лоуренс был рад, что в планетарии царил полумрак: и друзья, и враги были бы немало удивлены, заметив слезы на его глазах, когда в зале раздались слова доктора Чанга, обращенные к приближающемуся «Леонову». Он не был уверен, слышат ли его на корабле:

«... знаю, что вы на борту «Леонова»... времени мало... направил антенну скафандра туда,где...»

Голос исчез на несколько мучительных секунд, затем зазвучал снова, гораздо четче, хотя также негромко:

«... передайте эту информацию на Землю». «Цянь» погиб два часа назад. Я один остался в живых. Пользуюсь передатчиком космического скафандра — не знаю, какова дальность его действия, но это мой единственный шанс. Слушайте меня внимательно. НА ЕВРОПЕ ЕСТЬ ЖИЗНЬ. Повторяю: НА ЕВРОПЕ ЕСТЬ ЖИЗНЬ...»

Голос снова исчез... и вновь:

«... вскоре после местной полуночи. Мы продолжали качать воду, и баки наполнились почти наполовину. Мы с доктором Ли вышли из корабля, чтобы проверить термоизоляцию трубопровода. «Цянь» стоит — стоял — в тридцати метрах от Большого канала. Трубопровод был протянут от корабля к каналу и уходил под лед. Лед очень тонкий — ходить по нему опасно. Теплая вода снизу...»

Снова длительная тишина.

«... без труда — корабль, как новогоднюю елку, украшали фонари мощностью в пять киловатт. Их свет легко проникал сквозь лед. Потрясающие цвета. Громадную темную массу, поднимающуюся из бездны, первым заметил Ли. Сначала мы приняли ее за стаю

рыб — она была слишком велика для отдельного организма. Потом она стала проламывать лед.»

«... будто огромное поле водорослей двигалось по грунту. Ли побежал на корабль за камерой, я остался смотреть. Оно перемещалось медленно, я мог легко обогнать его. Я не ощущал тревоги — только волнение. Мне казалось, я знаю, что это такое — я видел съемки полей ламинарий у побережья Калифорнии. Но я ошибался...»

«... понимал, что ему неважно. Оно никак не могло выжить при температуре на сто пятьдесят градусов ниже той, к которой привыкло. Похожее на черную волну, оно продвигалось вперед все медленнее и превращалось на ходу в лед — от него откалывались большие куски. Мне трудно было собраться с мыслями и я не понимал, что оно собирается делать...»

«... взбираться на корабль, оставляя за собой что-то вроде ледяного туннеля. Возможно, что просто защищалось от холода, как термиты, спасаясь от света, строят коридоры из грязи...»

«... на корабль тонны льда. Первыми не выдержали антенны. Потом начали подаваться опоры — медленно, как во сне. Я понял, что происходит, лишь когда корабль стал крениться. Чтобы спастись, достаточно было выключить свет.»

«Возможно, оно фототропно и его биологический цикл начинается с солнечного луча, пробившегося сквозь лед. Или его тянуло к фонарям, как бабочку притягивает пламя свечи. На Европе никогда не было света ярче того, который зажгли мы.

Корабль перевернулся. Я увидел, как корпус лопнул, выпустив белое облако замерзшего пара. Фонари погасли, кроме одного — он качался на кабеле метрах в двух от поверхности.

Не помню, что происходило потом. Когда пришел в себя, я стоял под фонарем у разбитого корабля, все вокруг было запорошено свежим снегом, на котором явственно выделялись отпечатки моих подошв. Видимо, я бежал; с момента катастрофы прошло не более двух минут.

Растение — я по-прежнему думал о нем как о

растении — оставалось неподвижным. Я решил, что оно пострадало при падении: кругом валялись отколовшиеся от него большие куски, будто сломанные ветви толщиной в человеческую руку.»

«Затем основная масса двинулась вновь. Она отделилась от разбитого корпуса и направилась на меня. Теперь я знал наверняка, что она реагирует на свет. Я стоял прямо под тысячеваттной лампой, которая уже перестала раскачиваться.

Представьте себе дуб — нет, лучше баньян с его многочисленными стволами, — расплющенный силой тяжести и пытающийся ползти по земле. Оно приблизилось к свету метров на пять и начало заходить с флангов, образовав вскоре вокруг меня правильное кольцо. Вероятно, это критическое расстояние: притягательное действие света переходит в отталкивающее. После этого какое-то время ничего не происходило. Я даже подумал, что оно, наконец, полностью превратилось в лед.

Затем я увидел, что на ветвях образуются бутоны. Это напоминало ускоренный показ кадров с распускающимися цветами. Я действительно решил, что это цветы — каждый величиной с человеческую голову.

Нежные, ярко раскрашенные лепестки начали раскрываться. Я подумал, что никто никогда не видел этих красок. Их просто не существовало до появления наших огней — наших гибельных огней — в этом мире.

Зябнут слабые тычинки... Я приблизился к живой стене, чтобы лучше разглядеть происходящее. Ни тогда, ни в другие моменты я совсем не испытывал страха. Я был уверен, что оно не враждебно — даже если наделено сознанием.

Вокруг было множество цветов, одни уже раскрылись, другие только начали распускаться. Теперь они напоминали мне мотыльков, едва вылупившихся из своих куколок, — новорожденных бабочек с мягкими, еще не расправленными крыльями. Я приближался к истине.

Но цветы замерзали — умирали, едва успев родиться. Один за другим они отваливались от своих почек, несколько секунд трепыхались, словно рыба, выброшенная на берег, и я, наконец, понял, что они такое. Их

лепестки — это плавники, а сами они — плавающие личинки большого существа. Вероятно, оно проводит большую часть жизни на дне и, подобно земным кораллам, посылает своих отпрысков на поиски новых территорий.

Я встал на колени, чтобы получше рассмотреть маленькое создание. Яркие краски тускнели. Лепестки-плавники отпадали, превращаясь в ледышки. Но оно еще жило: попыталось отодвинуться при моем приближении. Мне стало любопытно, каким образом оно чувствует мое присутствие.

Я заметил, что каждая тычинка — как я их назвал — заканчивается ярким голубым пятнышком. Они напоминали сверкающие сапфиры или голубые глазки на мантии устрицы. Светочувствительные, но еще не способные формировать настоящие зрительные образы. У меня на глазах их яркий голубой цвет потускнел, сапфиры превратились в обычные невзрачные камешки.

Я уже знал, что следует делать. Кабель тысячеваттной лампы свисал почти до земли. Я дернул несколько раз, и света не стало.

Я боялся, что опоздал. Несколько минут ничего не происходило. Тогда я подошел к окружавшей меня стене переплетенных ветвей и ударил ее ногой.

Существо медленно двинулось, отступая к Каналу. Света было достаточно — я прекрасно все видел. В небе сияли Ганимед и Каллисто, Юпитер выглядел гигантским узким серпом с большим пятном полярного сияния на ночной стороне.

Я проводил его до самой воды, подбадривая пинками, когда оно замедляло движение... Хрупкие льдинки хрустели у меня под ногами... Казалось, приближаясь к Каналу, оно набирается сил, будто знает, что возвращается домой. Интересно, выживет ли оно, чтобы расцвести вновь.»

«Оно исчезло в воде, оставив еще несколько мертвых личинок на чуждой ему суше. Несколько минут вода кипела, пока спасительный слой льда не отделил ее от вакуума. Я пошел назад к кораблю...»

«Доктор Флойд, у меня две просьбы. Когда это су-

щество классифицируют, надеюсь, его назовут моим именем. И еще — пусть следующая экспедиция доставит наши останки на родину.

Юпитер оборвет мою передачу через несколько минут. Я повторю рассказ, когда связь снова станет возможна — и если выдержит мой скафандр.»

«Внимание, говорит профессор Чанг со спутника Юпитера — Европы. Космический корабль «Цянь» погиб. Мы совершили посадку возле Большого канала и установили насосы на его краю...»

Внезапно голос исчез, вернулся на миг и угас, поглощенный шумами, на этот раз окончательно. Никто больше не услышит профессора Чанга; однако теперь устремления Лоуренса Тсунга были окончательно направлены в космос.

6. Озеленение Ганимеда

Рольф Ван-дер-Берг был именно тем человеком, который оказался в нужный момент в нужном месте.

Именно тем человеком он был потому, что как африкаанер, сын беженцев из Южно-Африканской Республики, и прекрасный геолог удовлетворял всем необходимым требованиям. Он находился в том месте Солнечной системы, где больше всего нуждались в его талантах; этим местом была самая большая из юпитерианских лун — третья по отдаленности от планеты. Самой ближней была Ио, далее следовали Европа, Ганимед и Каллисто.

Время тоже имело значение, хотя и не столь большое. Дело в том, что интересующая информация была получена более десятилетия назад и хранилась в памяти компьютера, подобно бомбе замедленного действия. Ван-дер-Берг впервые столкнулся с ней лишь в 2057, ему потребовался целый год, дабы убедиться, что он не сумасшедший, и только в 2059 он незаметно изъял эти данные из электронной памяти, опасаясь, что подобное открытие придет в голову кому-нибудь еще. Только после этого он смог целиком отдаться решению главной проблемы: что делать дальше?

Как часто бывает, началось все с самого тривиального случая, не имеющего никакого отношения к работе Ван-дер-Берга. Его задача, задача сотрудника Планетной группы инженеров, заключалась в изучении и регистрации природных ресурсов Ганимеда; никакого отношения к наблюдению за соседней луной, высадка на которую к тому же была запрещена, он не имел.

Однако Европа оставалась загадкой, которую никто — не говоря уже о ее ближайших соседях — не мог выбросить из головы. Каждые семь дней Европа проходила между Ганимедом и сверкающим мини-солнцем, которое раньше было Юпитером. При этом возникали затмения, продолжавшиеся до двенадцати минут. В точке, ближайшей к Ганимеду, Европа казалась чуть меньше Луны, наблюдаемой с Земли, но на противоположной стороне орбиты, на максимальном удалении, уменьшалась вчетверо.

Затмения нередко являли собой впечатляющее зрелище. За несколько мгновений до того, как Европа пересекала воображаемую линию, соединяющую Ганимед с Люцифером, она становилась зловещим черным диском в кольце малинового огня — это свет нового солнца преломлялся в атмосфере, созданной его теплом.

Менее чем за половину человеческой жизни Европа преобразилась. Ледяной панцирь на полушарии, постоянно обращенном в сторону Люцифера, растаял и образовал второй океан в Солнечной системе. В течение десяти лет он пенился и кипел, испаряясь в пустоту космического пространства, пока не было достигнуто равновесие. Теперь у Европы появилась атмосфера — тонкая, но ощутимая, хотя и не пригодная для жизни людей. Она состояла из водяных паров, сернистого водорода, двуокиси углерода, а также содержала серу, азот и различные редкие газы. И хотя не совсем правильно окрещенную Ночную сторону по-прежнему покрывал толстый слой вечного льда, территория, равная по размерам Африке, могла похвастать умеренным климатом, жидкой водой и несколькими далеко разбросанными островами.

Вот примерно и все, что удалось разглядеть с по-

мощью телескопов, находящихся на земной орбите. Когда первая крупная экспедиция в 2028 году отправилась к юпитерианским лунам, Европа была уже затянута плотной мантией облаков. Осторожное радиолокационное зондирование лишь продемонстрировало, что одна ее сторона покрыта сплошным океаном, тогда как другая — не менее сплошным льдом. Европа продолжала сохранять репутацию обладательницы самой плоской поверхности в недвижимости, принадлежащей Солнечной системе.

Однако через десять лет положение изменилось: на поверхности Европы произошли коренные перемены. Там появилась одиноко стоящая гора, почти равная по высоте Эвересту, которая выпирала сквозь льды сумеречной зоны. По-видимому, вулканическая деятельность — подобно той, что непрерывно происходила на соседней Ио, — вытолкнула вверх эту гигантскую массу. Катализатором мог стать усилившийся тепловой поток, испускаемый Люцифером.

Но это простое и очевидное объяснение вызвало ряд вопросов. Гора Зевс представляла собой не обычный вулканический конус, а неправильную пирамиду; радиолокационное сканирование не смогло обнаружить ничего похожего на потоки лавы, характерные для вулкана. Судя по невыразительным фотографиям, которые удалось получить с Ганимеда во время секундных прояснений, когда на Европе расходились облака, можно было предположить, что гора сложена изо льда, подобно окружающему ее ледяному ландшафту. Как бы то ни было, возникновение горы Зевс сопровождалось мучительными страданиями для небесного тела, поскольку весь рисунок разбитых льдин на Ночной стороне Европы резко изменился.

Один смелый ученый выдвинул теорию, согласно которой гора Зевс представляет собой «космический айсберг» — космический обломок, упавший на Европу из окружающего пространства; исковерканная поверхность Каллисто свидетельствовала о том, что подобное случалось в отдаленном прошлом. На Ганимеде эта теория не вызвала особого восторга — у будущих колонистов

проблем и так было предостаточно. Они с облегчением вздохнули, когда Ван-дер-Берг убедительно опроверг эту теорию: ледяная масса такого размера обязательно раскололась бы при столкновении, а не случись этого, сила тяжести на Европе, пусть и небольшая, быстро привела бы к ее разрушению. Измерения, произведенные с помощью радиолокационных наблюдений, показали, что, хотя действительно происходило медленное погружение горы, форма ее ничуть не изменилась, а значит, гора не могла быть сложена изо льда.

Разумеется, было бы просто разрешить сомнения — стоило только послать всего лишь один зонд через облачную мантию Европы. Но, к сожалению, что бы ни скрывалось под сплошным серым покрывалом, оно не поощряло любопытства.

ВСЕ ЭТИ МИРЫ — ВАШИ, КРОМЕ ЕВРОПЫ. НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ВЫСАДИТЬСЯ НА НЕЕ

Последнее сообщение с космического корабля «Дискавери», переданное перед самой его гибелью, не было забыто, но бесконечные споры о его толковании продолжались. Относилось ли слово «высадиться» к автоматическим станциям или только пилотируемым кораблям? А как квалифицировать пролет вблизи Европы пилотируемого корабля или автоматической станции? Или запуск зондов, плавающих в верхних слоях ее атмосферы, подобно воздушному шару?

Ученым не терпелось узнать как можно больше, но широкая общественность явно колебалась. Стоит ли связываться с силой, запросто взорвавшей самую большую планету Солнечной системы? Кроме того, на исследование и освоение Ио, Ганимеда, Каллисто и десятков небесных тел поменьше потребуются столетия; Европа может и подождать.

Вот почему Ван-дер-Бергу неоднократно рекомендовали не тратить драгоценное время на исследования, не имеющие практического значения, в то время как на Ганимеде был непочатый край дел. Где найти углерод—фосфор—нитраты для гидропонных ферм? Устойчив ли откос Барнарда? Насколько велика опасность

грязевых оползней во Фригии? (Подобные вопросы задавались без конца...) Но Ван-дер-Берг заслуженно унаследовал от своих предков-буров репутацию упрямца: даже занимаясь бесчисленными вопросами жизни на Ганимеде, он не переставал поглядывать через плечо на Европу.

И вот однажды мощный шторм, сорвавшийся с Ночной стороны, на несколько часов разорвал пелену облаков над горой Зевс.

7. Перелет

«И я оставляю все, что еще у меня оставалось...»

Из каких глубин памяти всплыла именно эта строка? Хейвуд Флойд закрыл глаза и попытался сосредоточить мысли на прошлом. Да, конечно, это был отрывок из стихотворения — но после колледжа он не прочел ни единой поэтической строфы. Да и в колледже не увлекался поэзией и не читал стихов, разве что на кратковременном семинаре по английской литературе.

Поскольку об этой строчке больше ничего не известно, бортовому компьютеру понадобится немало времени, чтобы отыскать стихотворение среди массы произведений английской литературы, — не меньше десяти минут. Но прибегать к помощи компьютера нечестно (да и недешево), и Флойд решил принять вызов.

Стихотворение, конечно, о войне — но о какой? В двадцатом веке их было так много...

Он все еще копался в тумане воспоминаний, когда пришли гости. Они двигались с медленной, грациозной легкостью людей, длительное время живущих в мире, где сила тяжести вшестеро меньше земной. Население «Пастера» делилось на группы в зависимости от так называемой «центробежной стратификации»: некоторые из обитателей госпиталя никогда не покидали центральную часть станции, где господствовала невесомость, тогда как другие, кто все еще надеялся вернуться на Землю, предпочитали внешнюю часть гигантского, медленно вращающегося диска, где сила тяжести почти равнялась земной.

Джордж и Джерри были самыми старыми и близкими друзьями Флойда, хотя между ними было весьма ма-

ло общего. Оглядываясь на свое бурное прошлое — две женитьбы, три официальные и две неофициальные связи, троих детей, — он не раз завидовал прочным узам дружбы, связавшим Джорджа и Джерри, на которую, по-видимому, никак не влияли посещения «племянников», время от времени прилетавших с Земли или Луны.

— Неужели вам никогда не приходила мысль разойтись? — шутя спросил он однажды.

Джордж, прославленный дирижер, известный своим эмоциональным, но весьма серьезным мастерством, что сыграло немалую роль в возрождении интереса к симфонической музыке, ничуть не растерялся.

— Разойтись — никогда, — последовал мгновенный ответ, — а вот убить — неотступно.

— Чепуха, он никогда не осмелится, — огрызнулся Джерри. — Себастьян тут же проболтается.

Себастьян — красивый и разговорчивый попугай, которого им удалось провезти на станцию после длительной борьбы с госпитальным начальством, — умел не только разговаривать, но и воспроизводить вступительные звуки скрипичного концерта Сибелиуса, исполнение которого — не без помощи Антонио Страдивари — сделало Джерри знаменитым полвека тому назад.

И вот настало время расстаться с Джорджем, Джерри и Себастьяном — может быть, всего на несколько недель, а может — навсегда. С остальными друзьями Флойд уже попрощался, и организованные им вечеринки нанесли немалый урон винному погребку станции. Вечер, который он собирался провести с Джорджем и Джерри, был последним.

Арчи — робот-секретарь старинной, но все еще безупречно действующей модели — был уже запрограммирован давать на все сообщения в адрес Флойда соответствующий ответ или, если сообщения окажутся срочными или будут носить личный характер, пересылать их на борт «Юниверс». После многих лет грустно лишиться возможности говорить с милыми сердцу людьми, зато он будет избавлен от нежелательных собеседников. После нескольких дней полета прямой разговор станет невозможным, и все сообщения будут передаваться либо в записи, либо телетекстом.

— Мы думали, ты друг, — посетовал Джордж. — А ты взял и подложил нам свинью — назначил своими душеприказчиками, к тому же не оставив ничего, чем можно распоряжаться.

— Не беспокойтесь, будут и сюрпризы, — улыбнулся Флойд. — А Арчи позаботится о мелочах. Вам лишь придется следить за приходящей в мой адрес почтой, и то если ему что-нибудь окажется непонятным.

— Если будет непонятно ему, то уж нам тем более. Что мы знаем о твоих научных обществах и подобной чепухе?

— Они сами о себе позаботятся. Вы только присмотрите, чтобы в мое отсутствие при уборке здесь не переворачивали все вверх дном; а если я не вернусь, перешлите личные вещи — в основном это реликвии семьи.

Семьи! Он прожил так долго, что она вызывала у него и чувство боли, и приятные воспоминания.

Прошло шестьдесят три года — шестьдесят три! — как погибла в авиакатастрофе Марион. Сейчас он чувствовал себя виноватым — ведь он совсем забыл о горе, которое испытал тогда. Теперь это было в лучшем случае отдаленным, смутным воспоминанием.

Если бы Марион не погибла, как сложились бы их отношения? Сейчас ей исполнилось бы сто лет...

И две маленькие девочки, которых он когда-то так любил, стали любезными седовласыми незнакомками лет семидесяти. У них были свои дети — и внуки! Флойд припомнил, что в этой семейной ветви сейчас девять человек: без помощи Арчи он не смог бы даже назвать их имена. Тем не менее на Рождество все вспоминали о нем — если не из родственных чувств, то из чувства долга.

Его вторая семья помнилась, конечно, гораздо отчетливее — подобно новому тексту на листе средневекового палимпсеста. Она тоже распалась около пятидесяти лет назад, где-то между Землей и Юпитером. Хотя он рассчитывал на примирение с женой и сыном, из-за торжественных церемоний, связанных с возвращением на Землю, времени хватило всего лишь на короткую встре-

чу, а потом, после несчастного случая, Флойд оказался на «Пастере».

Встреча оказалась неудачной; то же можно сказать и о втором свидании, на которое пришлось потратить немало средств и усилий, — оно состоялось на борту космического госпиталя, в этой самой каюте. Крису было тогда двадцать лет, и он только женился; единственное, что объединяло Флойда и Каролину, — это недовольство его выбором.

Тем не менее Елена оказалась хорошей матерью маленькому Крису, родившемуся всего через месяц после свадьбы. Даже после катастрофы на Копернике, когда появилось так много молодых вдов, она не потеряла голову.

Была какая-то жестокая ирония в том, что космос отнял отцов у обоих — и у Криса-старшего, и у Криса-младшего, — хотя и при совершенно разных обстоятельствах. Флойд ненадолго вернулся к своему восьмилетнему сыну совершенным незнакомцем. Крису-младшему повезло больше — свои первые десять лет он провел с отцом, и только потом утратил его навсегда.

А где Крис сейчас? Ни Каролина, ни Елена, тесно привязавшиеся теперь друг к другу, не знали, на Земле он или в космосе. Но это было в порядке вещей; лишь почтовые открытки со штемпелем «База Клавия» напоминали семье о первом полете Криса на Луну.

Открытка, присланная Флойду, все еще висела, прикрепленная к переборке, над его столом. Крису-младшему нельзя было отказать в чувстве юмора — и ощущении истории. Он прислал деду открытку со знаменитой фотографией монолита, возвышающегося над фигурками в космических скафандрах, обступившими его в глубине разрытого котлована. Снимок был сделан в кратере Тихо более полувека назад. Из тех, кто был изображен на фотографии, кроме Флойда, уже никого не осталось в живых, да и сам монолит теперь находился не на Луне. В 2006 году, после ожесточенных споров, его перевезли на Землю и установили перед зданием Организации Объединенных Наций; сходство между ними каза-

лось сверхъестественным. Монолит должен был напоминать людям, что они не одиноки в безбрежном космосе; через пять лет, когда в небе засиял Люцифер, напоминание стало излишним.

Пальцы Флойда дрожали — иногда ему казалось, что правая рука отказывается повиноваться, — когда он бережно снял открытку и сунул ее в карман. Эта открытка будет, пожалуй, единственным напоминанием о семье, когда он поднимется на борт «Юниверс».

— Двадцать пять дней — мы и глазом не успеем моргнуть, как ты вернешься, — заметил Джерри. — А правда, что с вами летит Дмитрий?

— Этот казак! — фыркнул Джордж. — Я дирижировал его Второй симфонией еще в 2022 году.

— Это когда первую скрипку стошнило при исполнении ларго?

— Нет, тогда исполняли Малера, а не Михайловича. К тому же вступили духовые инструменты, так что никто не заметил — если не считать беднягу, игравшего на трубе, — ему пришлось на другой же день продать свой инструмент.

— Ведь сочиняешь!

— Конечно. Ладно, передай старому прохвосту мои лучшие пожелания и спроси, не забыл ли он того вечера в Вене. А кто еще летит с вами?

— Ходят разные слухи о несчастных, которых завербовали против их воли, — заметил Джерри задумчиво.

— Уверяю Вас, это немыслимое преувеличение. Каждый член экипажа отобран сэром Лоуренсом; определяющими были интеллект, обаяние, красота, искра божия или другое достоинство.

— А хоть одно из этих прекрасных качеств свидетельствует о твоей незаменимости?

— Коль скоро заговорили на эту тему — нам всем пришлось подписать невеселое обязательство, снимающее с Космических линий Тсунга всякую ответственность. В пакете документов, между прочим, содержится и оно.

— А нам удастся что-нибудь по нему получить? — поинтересовался Джордж с надеждой в голосе.

— Ничего — мои адвокаты утверждают, что в нем предусмотрено абсолютно все. Тсунг обязуется доставить меня к комете Галлея и обратно, обеспечить питанием, водой, воздухом и каютой с прекрасным обзором.

— А что требуется от тебя?

— После возвращения я должен всячески рекламировать подобные полеты, выступить по телевидению, написать несколько статей — это очень немного за столь редкостную возможность. Ах да, во время путешествия я обязан развлекать остальных пассажиров. Впрочем, как и они меня.

— И каким же образом? Петь и танцевать?

— Постараюсь увлечь избранное общество отрывками из своих воспоминаний. Хотя вряд ли сумею составить конкуренцию профессионалам. Ведь среди пассажиров будет Эва Мерлин.

— Неужели? Как это они сумели выманить ее из кельи на Парк-авеню?

— Трудно поверить! Ведь ей уже за сто... о-о, извини меня, Хейвуд.

— Бросьте, ей семьдесят лет, ну, плюс-минус пять.

— Какой там минус! Когда «Наполеон» вышел на экраны, я был еще ребенком.

Все замолчали, охваченные воспоминаниями об этом знаменитом фильме. Хотя некоторые критики считали верхом ее артистической карьеры роль Скарлетт О'Хары, зрители все-таки отождествляли Эву Мерлин (или Эвелин Майлз, родившуюся в Кардиффе, Южный Уэльс) с Джозефиной. Противоречивая эпопея Дэвида Гриффина, около полувека назад захватившая весь мир, привела в восторг французов и вызвала ярость англичан — хотя сейчас и те и другие не отрицали, что артистическое воображение Гриффина временами выходило за пределы исторической достоверности, особенно роскошно поставленная заключительная сцена — коронация императора в Вестминстерском аббатстве.

— В таком случае сэру Лоуренсу здорово повезло, — задумчиво произнес Джордж.

— Пожалуй, здесь и моя заслуга. Ее отец был астро-

номом и одно время работал у меня, а она всегда проявляла интерес к науке. Так что видеопереговоры вел я.

Хейвуд Флойд умолчал о том, что, подобно значительной части населения планеты, он влюбился в Эву в тот же миг, как только ее лицо появилось на экране.

— Разумеется, — продолжал он, — сэр Лоуренс с радостью согласился, но сначала мне пришлось убедить его, что Эва действительно проявляет интерес к астрономии. В противном случае, по мнению сэра Лоуренса, у пассажиров отсутствует общность интересов, а это не способствует атмосфере дружбы и доверия.

— Чуть не забыл, — произнес Джордж, извлекая из-за спины небольшой пакет, который он не слишком удачно пытался спрятать от Флойда. — Тут маленький подарок.

— Можно посмотреть что внутри?

— Как ты считаешь, разрешим? — Джерри озабоченно глянул на Джорджа.

— В таком случае, у меня просто нет выбора, — заявил Флойд, развязал яркую зеленую ленту и развернул бумагу.

Там оказалась картина в красивой рамке. И хотя Флойд был не очень искушен в живописи, он узнал ее; действительно, кто, увидев однажды, мог забыть такое?

Наспех сколоченный плот, вздыбившийся на крутых волнах, был переполнен полуодетыми жертвами кораблекрушения; одни сидели, уже смирившись с гибелью, другие отчаянно размахивали руками, стараясь привлечь внимание судна на горизонте. Внизу имелась надпись:

ПЛОТ «МЕДУЗЫ»
(Теодор Жерико, 1791—1824)

А еще ниже Джордж и Джерри приписали от себя: «Быть там — уже приятно».

— Вы — неисправимые негодяи, но я люблю вас обоих, — сказал Флойд, обнимая друзей.

«ВНИМАНИЕ!» засветился экран на грудной панели у Арчи; настало время отправляться в дорогу.

Друзья Флойда вышли из каюты. Их молчание было красноречивее любых слов.

В последний раз Хейвуд Флойд обвел взглядом маленькое помещение, где прошла почти половина жизни. И тут он вспомнил слова из заключительной строфы:

«И мы снова уходим, забыв обо всем».

8. Звездный флот

Сэр Лоуренс Тсунг не был сентиментален; будучи космополитом, он относился к патриотизму не слишком серьезно — правда, когда-то давно, еще студентом, он носил косичку из искусственных волос, модную в годы Третьей культурной революции. Однако гибель космического корабля, свидетелем которой он стал в планетарии, глубоко тронула его. Он решил сосредоточить все свое колоссальное влияние и недюжинную энергию на одолении космического пространства.

Вскоре сэр Лоуренс совершил несколько воскресных полетов на Луну и назначил своего предпоследнего сына Чарлза (который обошелся ему в тридцать два миллиона солей) вице-президентом компании «Тсунг астрофрахт». У новой корпорации было всего лишь два космических корабля на ракетной тяге, работавшей на водороде. Эти небольшие корабли запускались с катапульты; их масса без груза составляла менее тысячи тонн. Еще немного — и они безнадежно устареют, а пока позволят Чарлзу накопить опыт, который, по мнению сэра Лоуренса, окажется бесценным в будущем. Он не сомневался в этом, ибо мир стоял на пороге истинно Космической эры.

Чуть больше полувека отделяло первый полет братьев Райт от распространения дешевого массового воздушного транспорта; чтобы бросить вызов несравненно более сложным полетам в глубины Солнечной системы, времени потребовалось вдвое больше.

И все-таки когда Луис Альварес со своими коллегами еще в 50-е годы прошлого века открыл термоядерную реакцию, где катализаторами служили мюоны, она казалась дразнящим лабораторным фокусом, представляющим чисто теоретический интерес. Подобно тому как великий лорд Резерфорд с пренебрежением отверг перспек-

тивы атомной энергии, так и сам Альварес сомневался, найдет ли когда-нибудь «холодный термояд» практическое применение. И действительно, лишь после того, как в 2040 году удалось неожиданно и случайно создать устойчивые мюонно-водородные «соединения», в истории человечества началась новая глава — подобно тому как открытие нейтрона стало преддверием Атомного века.

Теперь приступили к постройке небольших ядерных силовых установок, почти не требующих радиационной защиты. В создание наземных термоядерных электростанций, использующих энергию ядерного синтеза, были вложены столь громадные средства, что глобальные энергосистемы остались — первое время — без изменений, но воздействие на космические полеты сказалось немедленно; его можно было сравнить с революцией, которую произвело столетие назад на воздушном транспорте изобретение реактивного двигателя.

Космические корабли, получив в свое распоряжение неограниченный запас энергии, развивали несравненно более высокие скорости. Время, затрачиваемое на космические перелеты в пределах Солнечной системы, стало измеряться не месяцами или даже годами, а неделями. Однако по принципу действия мюоновый двигатель оставался реактивным; это была весьма усовершенствованная ракета, но все-таки ракета, подобная ее предшественницам, работавшим на химическом топливе. Мюоновому двигателю тоже требовалось рабочее вещество для развития тяги. А самым дешевым, экологически чистым и наиболее безопасным рабочим веществом для реактивных двигателей была обычная вода.

Космопорт, расположенный на Тихом океане, не испытывал недостатка в этом ценном сырье. Однако уже в соседней космической гавани, на Луне, положение было иным. Исследования, проведенные здесь «Сервейерами», «Лунниками» и экспедициями «Аполло», не сумели обнаружить даже следов воды. Если на Луне когда-нибудь она и была, то за миллионы лет бомбардировки поверхности метеоритами полностью исчезла, рассеявшись в космическом пространстве.

Таково было, по крайней мере, мнение селенологов; и

тем не менее, несмотря на все научные доказательства, следы воды удавалось наблюдать с того самого момента, когда Галилией впервые направил свой телескоп на Луну. На протяжении нескольких часов после наступления рассвета некоторые лунные вершины блестели настолько ярко, будто были покрыты снегом. Наиболее известный пример — великолепный кратер Аристарх. Уильям Гершель, отец звездной астрономии, наблюдавший его, заметил однажды, что в лунной ночи он светится так ярко, словно там происходит извержение вулкана. Но Гершель ошибался — он наблюдал земной свет, отраженный тонким слоем инея, образовавшегося в результате конденсации водяных паров за триста часов леденящей тьмы и исчезающего с наступлением лунного дня.

Когда под поверхностью долины Шротера — извилистого каньона, отходящего от Аристарха, — были обнаружены гигантские запасы льда, экономические аспекты космических полетов изменились самым радикальным образом. Луна превратилась теперь в заправочную станцию, расположенную именно там, где больше всего требовалось, — на самом краю гравитационного поля Земли, в начале длительного пути к планетам Солнечной системы.

«Космос», первый корабль космического флота Тсунга, был предназначен для перевозки грузов и пассажиров по трассе Земля—Луна—Марс. В результате сложных переговоров с десятком правительств и международных организаций он стал первым испытательным космолетом на экспериментальной мюоновой энергетической установке. Построенный на космических верфях Ибриума, он обладал достаточной тягой, чтобы выйти на окололунную орбиту без полезной нагрузки; передвигаясь от орбиты одной планеты к орбите другой, «Космос» не мог опуститься на поверхность ни одной из них. Сэр Лоуренс, придававший большое значение рекламе, добился того, что космический корабль взлетел с поверхности Луны 4 октября 2057 года — ровно через сто лет после запуска первого спутника Земли.

Еще через два года в строй вступил новый космичес-

кий корабль звездного флота Тсунга — «Гэлакси», предназначенный для полетов по маршруту Земля—Юпитер. Его двигатели были уже значительно более мощными, и развиваемая ими тяга позволяла совершать посадку на любую из юпитерианских лун, жертвуя, правда, значительной долей полезной нагрузки. Более того, при необходимости «Гэлакси» мог даже вернуться на поверхность Луны для ремонта и переоборудования. «Гэлакси» был самым скоростным кораблем, созданным руками человека: сжигая весь запас ракетного топлива в одном длительном всплеске ускорения, он мог развить скорость до тысячи километров в секунду — при этом на путь от Земли до Юпитера потребовалась бы всего неделя, а ближайшей звезды он достиг бы за десять тысяч лет или немногим больше.

Третий корабль звездного флота Тсунга, предмет особой гордости сэра Лоуренса, был построен на основании всего опыта, полученного при эксплуатации двух предыдущих космолетов. Однако «Юниверс» не был грузовым кораблем. С самого начала он строился как космический лайнер и предназначался для обслуживания космических трасс, которые заканчивались у Сатурна — жемчужины Солнечной системы.

Для первого полета «Юниверс» сэр Лоуренс приготовил нечто еще более впечатляющее, однако задержка, вызванная разногласиями с Лунной ассоциацией профсоюза строительных и транспортных рабочих, нарушила эти сроки. Времени едва хватило для полетных испытаний и регистрации в компании Ллойда в конце 2060 года, а также окончательной подготовки лайнера для вылета с околоземной орбиты к цели своего путешествия. На счету был каждый день: комета Галлея не собиралась откладывать свое прибытие к Земле, даже ради сэра Лоуренса Тсунга.

9. Гора Зевс

Исследовательский спутник «Европа-6» находился на орбите уже почти пятнадцать лет, намного превзойдя первоначально отведенный срок; вопрос о том, стоит ли

заменять его, был предметом жарких споров в небольшом научном сообществе Ганимеда.

На борту спутника находились обычные приборы, предназначенные для сбора информации, а также практически бесполезная теперь система визуального наблюдения. Она продолжала исправно функционировать, но неизменно передавала картину сплошных облаков, окутавших Европу. Ученые на Ганимеде, до предела загруженные работой, бегло просматривали полученную информацию и пересылали сырые, необработанные данные на Землю. Откровенно говоря, многие из них надеялись вздохнуть с облегчением, когда «Европа-6» испустит дух и бесконечный поток гигабайтов наконец иссякнет.

Но вдруг, впервые за много лет, спутник передал нечто крайне интересное.

— 71934 орбита, — сообщил Ван-дер-Бергу заместитель главного астронома, пригласивший геолога на станцию сразу после предварительной оценки полученных данных. — Спутник приближается с Ночной стороны и движется прямо на гору Зевс. Осталось еще десять секунд.

Экран был совершенно черный, но Ван-дер-Берг почти физически ощущал, как на расстоянии тысячи километров от спутника, под сплошным покровом облаков, скрывающим поверхность Европы, проносятся ледяные поля. Через несколько часов ее коснутся лучи далекого Солнца: Европа совершала один оборот вокруг собственной оси за семь земных дней. В общем-то Ночную сторону следовало именовать сумеречной, потому что половину времени она была освещена достаточно ярко, но лучи Солнца не согревали ее. Тем не менее к неточному названию привыкли, оно казалось более приемлемым с эмоциональной точки зрения: на Европе наблюдался восход Солнца, но там никогда не было восхода Люцифера.

И вот восход Солнца близился, тысячекратно ускоренный мчащимся навстречу ему космическим зондом. На экране появилась едва видная светлая полоса — из тьмы проступила линия горизонта.

Взрыв света был настолько неожиданным, что Ван-дер-Бергу почудилось, будто он наблюдает ослепитель-

ный блеск ядерного взрыва. За доли секунды свет пробежал через все оттенки спектра, стал ослепляюще белым, когда Солнце вынырнуло из-за горы, и тут же исчез — автоматические фильтры перекрыли цепь визуального наблюдения.

— Вот и все; жаль, что в этот момент на станции не оказалось оператора — он мог бы включить длиннофокусный объектив и сделать отличные снимки горы. Я знал, что это будет тебе интересно, хотя и опровергает твою теорию.

— Каким образом? — спросил Ван-дер-Берг, скорее озадаченный чем расстроенный.

— Когда прокрутишь запись снова, очень замедленно, поймешь, что я имею в виду. Эти поразительно красивые цвета радуги вызваны преломлением света не в атмосфере, а в самой горе. На это способен только лед — или стекло. Впрочем, последнее мало вероятно.

— Ну почему же, при извержениях вулканов образуется стекло, правда, обычно черное... Ну конечно!

— Что ты сказал?

— Э-э... пока ничего определенного. Нужно тщательно изучить полученную информацию. Мне кажется, однако, что это горный хрусталь — прозрачный кварц. Из него делают великолепные линзы. Как ты думаешь, а еще представится такая возможность?

— Боюсь, что нет. Это было редкое совпадение. Солнце, гора и камера на спутнике оказались на одной прямой. Такое не повторится и в тысячу лет.

— Ну что ж, спасибо. Ты пришлешь мне копию? Можешь не торопиться — я отправляюсь с экспедицией в Перрин и займусь записью лишь по возвращении, — виновато улыбнулся Ван-дер-Берг. — Знаешь, если гора действительно из горного хрусталя, это целое состояние. Хватит для решения проблемы нашего платежного баланса.

Но последнее было совершенно беспочвенной фантазией. Какие бы чудеса — или сокровища — ни скрывались на Европе, человечеству было запрещено ступать на ее поверхность. Запрет содержался в последней передаче с «Дискавери», и непохоже, чтобы за последние пятьдесят лет ситуация изменилась.

10. Корабль дураков

На протяжении первых сорока восьми часов полета Хейвуд Флойд не переставал удивляться комфорту, всеохватности, даже экстравагантности средств жизнеобеспечения на «Юниверс». А вот его спутники в большинстве своем ничему не удивлялись, считая все это само собой разумеющимся; те, кто никогда и прежде не покидал Землю, полагали, что все космические корабли подобны «Юниверс».

Чтобы по достоинству оценить достигнутый прогресс, ему пришлось обратиться к истории аэронавтики. На протяжении собственной жизни он был свидетелем — нет, активным участником — революции, происшедшей в небесах планеты, исчезающей сейчас далеко позади. Между старым неуклюжим «Леоновым» и последним словом техники, лайнером «Юниверс», пролегли ровно пятьдесят лет (он все еще не мог по-настоящему осознать это, но бесполезно спорить с цифрами).

А ведь те же пятьдесят лет отделяли братьев Райт от первых реактивных авиалайнеров. В начале этого полувека бесстрашные авиаторы с трудом перелетали с одного аэродрома на другой; одетые в шлемы и защитные очки, они сидели, обдуваемые пронизывающим ветром. А в конце этого же полувека бабушки уже мирно дремали в комфортабельных авиалайнерах, переносивших их с континента на континент со скоростью тысячи километров в час.

Так что, может быть, не стоит и ему изумляться роскоши и элегантности своей каюты или даже тому, что за порядком в ней присматривает стюард. Флойда поразило огромное окно. Время от времени он с беспокойством поглядывал на стекло, выдерживающее многотонное давление и отделяющее теплоту и уют каюты от безжалостного, не ослабевающего ни на мгновение холодного вакуума открытого космоса.

Однако наибольшим сюрпризом, хотя он и читал об этом, оказалась сила тяжести на борту. «Юниверс» был первым в мире космическим кораблем, совершающим полет в условиях постоянного ускорения (если не счи-

тать нескольких часов разворота в середине рейса). С пятью тысячами тонн воды в своих гигантских топливных баках, он поддерживал силу тяжести в одну десятую *g* на протяжении всего полета — не так уж много, конечно, но достаточно, чтобы незакрепленные предметы оставались на своих местах, а не летали вокруг. Это было особенно удобно при приеме пищи, хотя и потребовалось несколько дней, чтобы привыкнуть и не слишком энергично пользоваться ложкой.

Прошло сорок восемь часов с тех пор, как «Юниверс» покинул околоземную орбиту, а население корабля уже разделилось на четыре основные категории.

Капитан Смит и корабельные офицеры составляли аристократию. Далее следовали пассажиры, за ними — экипаж корабля: механики и стюарды. И еще ниже — четвертый класс...

Так окрестили себя пять молодых ученых-космологов, сначала в шутку, но потом к ней стала примешиваться определенная горечь. Сравнив роскошь своей каюты с тесными, наспех оборудованными помещениями, в которых разместили ученых, Флойд понял их чувства и взял на себя функцию посредника между ними и капитаном.

Впрочем, у них, если задуматься, не было оснований для недовольства. Подготовка корабля к полету велась в такой спешке, что до самого конца не было ясно, найдется ли вообще на борту место для ученых с их приборами. А теперь они предвкушали, как будут размещать инструменты вокруг кометы и на ней самой в те исторические дни, прежде чем она обогнет наше светило и снова отправится к окраине Солнечной системы. Члены научной группы знали, что исследования кометы Галлея создадут им солидную репутацию в ученом мире. Поэтому только в минуты крайней усталости или неполадок с приборами они начинали сетовать на шумную вентиляцию, тесноту кают, в которых негде повернуться, и появляющиеся порой запахи сомнительного происхождения.

Но никто не жаловался на качество пищи. По всеобщему признанию, она была отменной.

— Мы питаемся куда лучше, — заверил пассажиров капитан Смит, — чем Дарвин на борту «Бигля».

Тут же отозвался Виктор Уиллис:

— Откуда он это знает? Между прочим, капитан «Бигля» после возвращения в Англию перерезал себе горло...

Подобное заявление было типичным для Виктора, который был непревзойденным популяризатором науки (как отзывались о нем поклонники) или поп-ученым (как именовали его враги; впрочем, называть их врагами не совсем справедливо: в его таланте никто не сомневался, хотя это признание и звучало иногда как бы сквозь зубы). Его мягкий акцент жителя Тихоокеанского побережья и экспансивные жесты перед камерой давали неистощимую пищу пародистам; вдобавок, ему ставили в заслугу (или в вину) возрождение моды на длинные бороды. «Человек с таким количеством волос, — любил говорить один из его критиков, — непременно старается что-то за ними спрятать».

Виктор Уиллис был, без сомнения, самым легко узнаваемым из шести знаменитостей на борту «Юниверс» — Флойд, отказывавшийся признать себя в их числе, иронически именовал остальных «знаменитой пятеркой». Эва Мерлин даже по Нью-Йорку гуляла неузнанной в тех редких случаях, когда покидала свою квартиру на Парк-авеню. Дмитрий Михайлович, к своему немалому огорчению, был ниже среднего роста на добрых десять сантиметров; возможно, именно этим объяснялось его пристрастие к оркестрам с тысячью исполнителей — живых или синтезированных, — что, однако, не делало его облик особенно известным широкой публике.

Клиффорд Гринберг и Маргарет М'Бала тоже принадлежали к категории «знаменитых неизвестных», что, впрочем, несомненно изменится после их возвращения на Землю. Первый в мире человек, ступивший на поверхность Меркурия, оказался самым обычным мужчиной с приятным, незапоминающимся лицом; к тому же прошло больше тридцати лет после этой всемирной сенсации, когда его лицо не сходило с телевизионных экранов. А мисс М'Бала, подобно большинству авторов, уде-

лявших мало внимания публичным выступлениям и раздаче автографов, вряд ли узнал бы кто-нибудь из бесчисленных миллионов ее поклонников.

Пришедшая к ней литературная слава была одной из сенсаций сороковых годов. Научное исследование греческого Пантеона вряд ли могло претендовать на место в списке бестселлеров, однако воображение писательницы перенесло неистощимый запас вечных мифов Древней Греции в современный космический век. Имена, столетия назад известные лишь астрономам и тем, кто занимался изучением классической истории, были теперь в обиходе каждого образованного человека; почти ежедневно поступали новости с Ганимеда, Каллисто, Ио, Титана, Япета или даже менее заметных, затерянных в глубинах космоса миров вроде Карме, Пасифеи, Гипериона, Фебы...

И все-таки ее книга стала бы всего лишь популярной, не более, если бы писательница не занялась изучением сложной и запутанной семейной жизни Юпитера — Зевса, отца богов. И тут на редактора нашло гениальное озарение: он изменил первоначальное название книги «Вид с Олимпа», данное автором, на «Страсти богов». Ученые авторитеты, пожираемые черной завистью, обычно называли книгу «Похотливые олимпийцы», но все они, без исключения, жалели, что не являются ее авторами.

Неудивительно, что именно Мэгги М. — так сразу окрестили писательницу ее спутники — впервые упомянула выражение «Корабль дураков». Виктор Уиллис тут же подхватил его, мгновенно оценив остроумную связь с прошлым. Почти сто лет назад сама Кэтрин Энн Портер, автор знаменитого романа, вместе с группой ученых и писателей поднялась на борт океанского лайнера, чтобы наблюдать запуск «Аполло-17», ознаменовавший завершение первого этапа исследования Луны.

— В этом что-то есть, — многозначительно заметила мисс М'Бала, когда ей передали слова Уиллиса. — Может быть, стоит задуматься о третьем варианте. Разумеется, окончательное решения я приму после возвращения на Землю...

11. Обман

Прошло много месяцев, прежде чем Рольф Ван-дер-Берг снова получил возможность сосредоточить свои мысли и энергию на горе Зевс. Укрощение Ганимеда отнимало у него все силы и время, и он часто покидал свой кабинет на базе Дарданус на несколько недель, занимаясь изысканиями на трассе проектируемой монорельсовой дороги от Гильгамеша до Осириса.

Географическая обстановка на третьей и самой большой из юпитерианских лун после вспышки Юпитера резко изменилась и продолжала меняться. Новое солнце, растопившее лед на Европе, не было здесь, на расстоянии в четыреста тысяч километров, таким жарким, но его лучи несли достаточно тепла, чтобы в центре той стороны, что была постоянно обращена к Люциферу, установился умеренный климат. Там находились мелкие небольшие моря — размером со Средиземное на Земле, — простирающиеся до сорокаградусной широты к северу и югу. Мало что уцелело от поверхности Ганимеда, которую отражали карты, созданные в двадцатом веке по снимкам с «Вояджеров». Таяние вечной мерзлоты и происходящие время от времени тектонические конвульсии, вызванные к жизни теми же приливными силами, что действовали и на двух внутренних лунах, превращали Ганимед в кошмар для картографов.

Но именно эти факторы делали его раем для планетарных инженеров. Новый Ганимед был единственным миром, за исключением безводного и куда менее гостеприимного Марса, где люди когда-нибудь смогут ходить под открытым небом без скафандров или других средств защиты. Здесь было сколько угодно воды, все химические вещества, необходимые для жизни, и климат — по крайней мере пока над головой сиял Люцифер — теплее, чем на значительной части Земли.

Самым важным явилось то, что на Ганимеде больше не нужно было носить скафандры, закрывающие все тело. Хотя атмосфера еще не была пригодной для дыхания, она стала достаточно плотной, и приходилось пользоваться лишь масками и кислородными баллонами.

А через несколько десятилетий, по предсказаниям микробиологов, которые, однако, избегали указывать более конкретные сроки, не понадобится даже и этого. По всей поверхности Ганимеда рассеяли множество штаммов бактерий, вырабатывающих кислород; большинство из них погибло, но уцелевшие чувствовали себя как дома, начали стремительно размножаться, и регулярно проводящийся анализ состава атмосферы указывал на медленный, но неуклонный рост содержания кислорода. Эти графики были первым экспонатом, который демонстрировали — с понятной гордостью — посетителям базы на Дарданусе.

Длительное время Ван-дер-Берг следил за данными, поступающими с «Европы-6», надеясь, что когда-нибудь в момент пролета спутника над горой Зевс облака снова рассеются. Он понимал, что вероятность подобного совпадения ничтожна, но пока был хотя бы малейший шанс, ему не хотелось прибегать к иным методам изучения загадочного явления. Ван-дер-Берг не торопился, дел у него и так было выше головы, к тому же разгадка могла оказаться самой тривиальной и не представляющей интереса.

И вдруг «Европа-6» прекратила свое существование (почти несомненно в результате случайного столкновения с метеоритом). На Земле Виктор Уиллис, по мнению многих, поставил себя в дурацкое положение, взяв интервью у людей, пытавшихся разгадать тайну Европы, — «европсихов», занявших сейчас место распространенных в прошлом фанатиков НЛО. Некоторые из них утверждали, что «Европу-6» вывели из строя козни существ, населявших мир, вокруг которого она обращалась: то обстоятельство, что спутнику позволили беспрепятственно функционировать целых пятнадцать лет — почти вдвое больше запланированного срока, — ничуть их не смущало. Нужно отдать должное Виктору — он весьма аргументированно отстаивал свою позицию и опроверг большинство доводов, выдвинутых оппонентами; и все-таки все сошлись на том, что не следовало вообще предоставлять этим чокнутым такую возможность.

Для Ван-дер-Берга, которому необыкновенно импонировало прозвище «упрямый голландец», данное ему коллегами, и который всячески старался оправдать такую характеристику, гибель «Европы-6» была вызовом, и он не мог его не принять. Он знал, что спутник никто не собирается заменять, ибо кончина необычайно говорливого космического долгожителя была воспринята с глубоким вздохом облегчения.

Что же делать теперь? Поскольку Ван-дер-Берг был геологом, а не астрофизиком, прошло несколько дней, прежде чем он неожиданно понял, что разгадка в буквальном смысле смотрела ему в лицо с момента высадки на Ганимед.

Африкаанс — один из лучших языков в мире, когда хочется выругаться; его звуки могут привести в замешательство слушателей даже при вежливом разговоре. Ван-дер-Берг выпускал лишний пар в течение нескольких минут; затем связался с обсерваторией в Тиамате, расположенной точно на экваторе, где прямо в зените висел крошечный сверкающий диск Люцифера.

Астрофизики, занимающиеся самыми эффектными объектами во Вселенной, снисходительно относятся к рядовым геологам, посвятившим жизнь таким маленьким грязным объектам, как планеты. Но здесь, на далекой окраине, люди весьма охотно помогали друг другу, и доктор Уилкинс не только проявил живейший интерес, но и изъявил готовность оказать всяческое содействие.

Тиаматскую обсерваторию построили с единственной целью, которая была одной из главных причин создания базы на Ганимеде. Исследование Люцифера было делом исключительной важности не только для ученых-теоретиков, но и для инженеров-ядерщиков, метеорологов, океанографов и, не в последнюю очередь, для государственных деятелей и философов. Потрясала мысль о том, что во Вселенной нашлись существа, способные превратить планету в раскаленное солнце; мысль об этом не давала спать многим. Для человечества было крайне важно узнать об этом как можно больше; мог наступить

день, когда понадобится повторить нечто подобное — или предотвратить...

Так что на протяжении более десяти лет Тиамат вел наблюдения за Люцифером с помощью самых разнообразных приборов, непрерывно регистрируя весь спектр его электромагнитного излучения, а также активно зондировал новое светило радиолокационным излучением с помощью скромной параболической антенны, расположенной в небольшом метеоритном кратере диаметром в сто метров.

— Да, — согласился доктор Уилкинс, — мы часто наблюдаем Европу и Ио. Однако наш луч направлен на Люцифер, поэтому мы видим их лишь в течение нескольких минут, когда они проходят через его диск. А ваша гора расположена на дневной половине Европы и в эти минуты всегда скрыта от наблюдения.

— Да понимаю я это, — произнес Ван-дер-Берг с долей нетерпения. — А разве вы не можете чуть-чуть повернуть луч, чтобы увидеть Европу до ее прохождения через створ с Люцифером? Поворот всего лишь на десять или двадцать градусов позволит увидеть дневную сторону.

— И одного градуса будет достаточно, чтобы миновать Люцифер и взглянуть на Европу, находящуюся на противоположной части ее орбиты. Но тогда она будет более чем втрое дальше, так что мы зарегистрируем лишь одну сотую отраженной мощности излучения. Не исключено, впрочем, что удастся увидеть нечто интересное. Стоит попробовать. Сообщите мне данные о частотах, длине волн, поляризации и всем остальном, что может оказаться полезным. Вряд ли потребуется много времени, чтобы разработать сетку фазового смещения и сдвинуть луч на пару градусов. Точнее сказать не могу — такая мысль никогда не приходила нам в голову. Хотя об этом следовало бы подумать. Кстати, что вы надеетесь обнаружить на Европе, за исключением воды и льда?

— Если бы я знал, — с улыбкой ответил Ван-дер-Берг, — то не обратился бы к вам за помощью, верно?

— А я не спрашивал бы насчет того, как будет отме-

чен мой вклад в вашей будущей публикации. Жаль, что моя фамилия начинается с буквы в конце алфавита, тогда как ваша — в начале.

Этот разговор состоялся год назад; качество дальнего сканирования было невысоким, а операция, связанная со смещением луча, позволяющая заглянуть на дневную сторону Европы, оказалась труднее, чем ожидали. Наконец результаты получены, обработаны в Ван-дер-Берг стал первым человеком, увидевшим минералогическую карту Европы в период после возгорания Люцифера.

Как и предсказывал доктор Уилкинс, ее поверхность была покрыта главным образом водой и льдом с выступающими то тут, то там обнажениями базальта, перемежающимися с залежами серы. Но на карте обнаружились две аномалии. Одна, похоже, была дефектом процесса формирования изображения: на карте виднелась совершенно прямая линия в два километра, практически не отражавшая радиолокационного сигнала. Ван-дер-Берг решил, что с этой аномалией разберется доктор Уилкинс; самого же Ван-дер-Берга интересовала только гора Зевс.

Ему понадобилось немало времени, чтобы определить ее состав; лишь безумец — или отчаявшийся ученый — способен вообразить, что такое действительно существует. Даже теперь, после того как каждый параметр был определен с предельной точностью, он все еще не мог в такое поверить. И Ван-дер-Берг не представлял себе, что предпринять дальше.

Когда на связь вышел доктор Уилкинс, с нетерпением ожидавший, когда же настанет момент славы и его имя попадет в банки памяти всех компьютеров, Ван-дер-Берг невнятно пробормотал, что еще не закончил анализ.

Наконец пришло время, когда медлить с ответом было уже невозможно.

— Ничего примечательного, — сообщил он своему ничего не подозревающему коллеге. — Всего лишь редкая разновидность кварца — я все еще стараюсь отыскать земной аналог.

Ван-дер-Берг впервые соврал своему ученому коллеге, и на душе у него было гадко.

Но что ему оставалось делать?

12. Оом Пауль

Рольф Ван-дер-Берг не видел своего дядю Пауля лет десять, и казалось маловероятным, что они когда-нибудь встретятся лицом к лицу. И все-таки он испытывал теплое чувство к старому ученому, последнему представителю своего поколения, единственному, кто еще мог вспомнить (когда ему хотелось, что бывало нечасто), как жили их предки.

Доктор Пауль Крюгер — Оом Пауль для всей его семьи и большинства друзей — всегда был готов прийти на помощь, когда она требовалась, сообщить о чем-то или посоветовать либо при личной встрече, либо на одном из концов радиоканала длиной в полмиллиарда километров. По слухам, только мощное давление со стороны политических деятелей заставило Нобелевский комитет не заметить его огромный вклад в физику элементарных частиц, вновь оказавшуюся в отчаянном беспорядке после очередного пересмотра основ в конце двадцатого века.

Если это соответствовало действительности, доктор Крюгер не испытывал обиды. У него, скромного и непритязательного, не было личных врагов, даже среди таких, как он, старых и неуживчивых эмигрантов. Более того, уважение к нему было столь велико, что его неоднократно приглашали навестить Соединенные Штаты Южной Африки, но он всякий раз вежливо отказывался — не потому, спешил объяснить доктор Крюгер, что опасался за свою жизнь, а по той причине, что его ностальгия станет еще сильнее.

Даже прибегнув из осторожности к языку, который понимали теперь меньше миллиона человек, Ван-дер-Берг говорил очень осторожно и пользовался иносказаниями и сравнениями, понятными лишь близкому родственнику. Несмотря на это, Пауль без труда понял, что хочет его племянник, хотя и не принял его всерьез. Он

опасался, что молодой Рольф свалял дурака, и решил смягчить его неизбежное разочарование. По крайней мере, подумал он, у Рольфа хватило ума не спешить с публикацией и сохранить дело в тайне...

Но предположим — всего лишь предположим, — что он прав? Редкие волосы на затылке Пауля встали дыбом. Внезапно перед его взором открылся гигантский диапазон возможностей — научных, финансовых, политических, — внушающий благоговейный ужас.

В отличие от своих набожных предков доктор Крюгер в моменты смятения или замешательства не мог обратиться к Богу. Теперь он едва не пожалел об этом; но даже если б и мог, вряд ли приходилось ждать помощи оттуда. Опустившись в кресло перед своим компьютером и подключившись к банкам данных, он не знал, на что надеяться: сделал ли его племянник колоссальное открытие или все это совершеннейшая глупость? Неужели Отец рода человеческого действительно решил сыграть такую невероятную шутку со своей паствой? Пауль вспомнил знаменитое высказывание Эйнштейна, заметившего, что хотя Его пути неисповедимы, Он никогда не делает зла.

Хватит мечтать, напомнил себе доктор Крюгер. Твои симпатии и антипатии, надежды и страхи не имеют никакого отношения к этому делу...

Через половину Солнечной системы ему брошен вызов; он не успокоится, пока не доберется до истины...

13. «Никто не предупредил нас, что понадобятся купальники...»

Капитан Смит хранил в тайне свой маленький сюрприз до пятого дня и сообщил о нем всего за несколько часов перед Разворотом. Как он и предполагал, его слова ошеломили всех и вызвали недоверие.

Виктор Уиллис первым обрел дар речи:

— Плавательный бассейн! На космическом корабле! Вы шутите!

Капитан откинулся на спинку кресла, испытывая не-

малое удовольствие. Он подмигнул Хейвуду Флойду, узнавшему этот секрет раньше других.

— В самом деле, Колумб был бы удивлен, знай он о некоторых удобствах на кораблях, построенных несколько позже.

— А нет ли там и вышки для прыжков? — мечтательно спросил Гринберг. — В колледже я был чемпионом.

— Представьте себе — есть. Только высотой в пять метров, но при ускорении в одну десятую g на борту продолжительность свободного падения составит три секунды. А если захочется лететь подольше, я уверен, мистер Кертис пойдет навстречу и уменьшит тягу.

— Неужели? — сухо поинтересовался старший механик. — Чтобы спутать мне все орбитальные расчеты? А если вода поползет вверх по стенкам? Поверхностное натяжение, знаете ли...

— Помнится, я где-то слышал о космической станции со сферическим плавательным бассейном, — заметил кто-то.

— Действительно, такой бассейн пробовали устроить в центральной части «Пастера», еще до начала вращения, — ответил Флойд. — Оказалось весьма непрактично. В состоянии невесомости воду пришлось заключить в сферическую оболочку. А внутри огромной водяной капли недолго и утонуть, особенно если впадешь в панику.

— Зато сразу окажешься в книге рекордов — первый человек, утонувший в космосе...

— Никто не предупредил нас, что понадобятся купальники... — подосадовала Мэгги М'Бала.

— Тот, кто не может обойтись без купальника, по-видимому, в нем остро нуждается, — шепнул Михайлович на ухо Флойду.

Капитан Смит постучал по столу, призывая к порядку.

— Прошу не отвлекаться, у меня есть важное сообщение. Вы уже знаете, что в полночь мы достигнем максимальной скорости и начнем торможение. Поэтому в 23.00 двигатель будет выключен, тяга прекратится и ко-

рабль развернется на 180 градусов. Тяга снова будет включена в 01.00, так что два часа придется провести в невесомости.

Как вы хорошо понимаете, команда будет очень занята в этот период — воспользуемся этой возможностью для проверки двигателя и осмотра наружной поверхности корпуса корабля, чего нельзя осуществить при постоянном ускорении. Настоятельно рекомендую провести это время в койках, пристегнув ремни. Стюарды проверят, чтобы в помещениях не оказалось незакрепленных предметов, которые могут стать опасными, после того как на корабле будет восстановлена сила тяжести. Имеются ли вопросы?

Наступила полная тишина; ошеломленные новостями пассажиры не знали, о чем спрашивать.

— Я надеялся, что вы заинтересуетесь экономической стороной подобной роскоши, и хотя вы не проявили интереса, я все-таки скажу. Дело в том, что это совсем не роскошь, к тому же не стоит ни цента, но мы сочли, что бассейн окажется совсем не лишним во время будущих перелетов.

Видите ли, в наших топливных баках пять тысяч тонн воды, необходимой для двигателей корабля в качестве рабочего вещества. И этой водой вполне можно воспользоваться. Бак номер один сейчас на три четверти пуст, и мы не будем трогать его до конца путешествия. Значит, завтра встретимся на пляже...

Учитывая спешку, с которой готовили корабль к полету, приходится лишь удивляться, с какой тщательностью отнеслись к такому откровенно второстепенному делу.

«Пляжем» служила металлическая платформа пятиметровой ширины, протянувшаяся на треть окружности гигантского бака. И хотя противоположная сторона бака находилась всего лишь в двадцати метрах, остроумно проецируемое на нее изображение создавало иллюзию бесконечности. Волны несли любителей серфинга к недостижимому берегу. За ними, на горизонте, распустив паруса, мчался пассажирский клипер, в котором любой

служащий бюро путешествий сразу бы узнал «Тай-пан», принадлежащий могущественной космо-морской корпорации Тсунга.

Полноту иллюзии завершали песок под ногами (он был слегка намагничен, что удерживало его на отведенном месте) и пальмовая роща на краю маленького пляжа, которая выглядела очень убедительно, пока к ней не подходили вплотную. Жаркое тропическое солнце венчало идиллическую картину; трудно было поверить, что за обшивкой корабля сияло настоящее Солнце, причем вдвое ярче, чем на любом земном пляже.

Проектировщик, в самом деле, для столь ограниченного пространства потрудился на славу, и замечание Гринберга: «Жаль, что нет морского прибоя», — было все-таки несправедливым.

14. Поиск

Верным принципом в науке является недоверие к любому факту, каким бы обоснованным он ни казался, пока ему не будет найдено объяснение. Время от времени, однако, наблюдение может разрушить установившееся представление и создать новое, но такое случается крайне редко. Гиганты, подобные Галилею или Эйнштейну, рождаются не чаще раза в столетие, что, впрочем, оказывает весьма благоприятное воздействие на спокойствие человечества.

Доктор Крюгер во всем следовал этому доброму принципу: он не поверит в открытие своего племянника, пока не сумеет объяснить его. Крюгеру все еще казалось, что для логичного объяснения открытия потребуется божественное вмешательство. Водя по щекам старой, но все еще отличной бритвой, ученый думал, что Рольф, вероятнее всего, где-то напутал; если это так, обнаружить ошибку не составит большого труда.

К невероятному изумлению дяди Пауля, это оказалось на удивление трудным. Анализ данных радиолокационного зондирования уже стал разработанной в деталях и освоенной годами методикой, и все эксперты, с которыми консультировался Пауль, после длительной за-

держки давали один и тот же ответ. Причем неизменно спрашивали: «Откуда у вас эти данные?»

— Извините, — отвечал он. — Обсуждать этот вопрос не имею права.

Теперь оставалось предположить, что невозможное оказалось проверенным фактом, и наступила пора браться за изучение научной литературы. Предстояла колоссальная работа, так как доктор Крюгер не знал даже, с чего начать. Несомненным было одно: прямая атака обречена на полную неудачу, как если бы Рентген на другой день после открытия лучей, названных в его честь, принялся за поиски их объяснения в физических журналах своей эпохи. Сведения, в которых он нуждался, были получены лишь через несколько лет.

И все-таки оставалась надежда, что информация, необходимая доктору Крюгеру, таится где-то в недрах необъятной сокровищницы уже накопленных научных знаний. Медленно, не спеша, он разработал программу автоматического поиска, в задачу которого входило найти одно из тех вероятных объяснений, которое соответствовало бы всем условиям поставленной задачи. Программа должна была исключить объяснения, основанные на земных факторах, — их количество исчислялось, несомненно, миллионами — и сконцентрировать внимание лишь на внеземных.

Выдающиеся научные заслуги доктора Крюгера влекли за собой определенные преимущества, одним из которых было неограниченное компьютерное время — это составляло часть гонорара, которую он всегда требовал от организаций, прибегавших к его помощи. Поэтому, хотя поиск мог оказаться очень дорогостоящим, ему не приходилось думать о плате.

Но все обернулось на удивление просто. Доктору Крюгеру повезло: поиск завершился уже через два часа тридцать семь минут после начала, когда компьютер наткнулся на ссылку номер 21456.

Заглавия оказалось достаточно. Пауль так разволновался, что его собственный робот-секретарь не узнал голос хозяина, и тому пришлось еще раз повторить команду о полной распечатке.

Выпуск журнала «Нейчур» был опубликован в 1981 году — за пять лет до рождения доктора Крюгера! — и когда глаза ученого пробежали по его странице, он понял не только то, что его племянник совершенно прав, но и — что не менее важно — как могло произойти подобное чудо.

Должно быть, у редактора журнала, изданного восемьдесят лет назад, было врожденное чувство юмора. Статья, посвященная составу ядер отдаленных планет, вряд ли могла привлечь внимание непосвященного читателя, но у этой статьи был поразительный заголовок. Робот-секретарь мог бы объяснить Крюгеру, что когда-то эти слова составляли часть знаменитой песни — впрочем, прямого отношения к делу это не имело.

К тому же Пауль Крюгер никогда не слышал про «Битлзов» и их психоделические фантазии.

II. ДОЛИНА ЧЕРНОГО СНЕГА

15. Рандеву

Теперь комета Галлея находилась так близко, что ее трудно было охватить взглядом; по иронии судьбы, ее хвост, вытянувшийся уже на пятьдесят миллионов километров под прямым углом к орбите кометы подобно вымпелу, развевающемуся под порывами невидимого солнечного ветра, было куда лучше наблюдать с Земли.

Утром того дня, когда предстояла встреча с кометой, Хейвуд Флойд проснулся рано, после тяжелого сна. Он редко видел сны — или, по меньшей мере, редко их помнил, — да и волнение нескольких захватывающих часов оказало, несомненно, свое влияние. К тому же его взволновало последнее сообщение от Каролины, в котором она спрашивала, известно ли ему что-нибудь о Крисе. Флойд ответил радиограммой, где коротко извещал, что Крису даже не пришло в голову сказать спасибо за помощь в назначении офицером на «Космос» — космический корабль, родственный «Юниверс»; не исключено,

Крису уже надоело летать по маршруту Земля — Луна и он нашел где-то более увлекательную работу.

— Как всегда, — добавил Флойд, — мы узна́ем обо всем, когда он сочтет нужным.

Сразу после завтрака пассажиры и научная группа собрались, чтобы выслушать окончательный инструктаж капитана Смита. Ученым, разумеется, никакого инструктажа не требовалось, но если они и испытывали неудовольствие, то ребячьи эмоции исчезали, стоило только взглянуть на фантастическое зрелище на главном видеоэкране.

Казалось, «Юниверс» влетал не в комету, а в туманность. Весь горизонт впереди представлял собой облако туманной белой дымки — не сплошной, а испещренной темными сгустками, пересеченной светящимися полосами, ярко пылающими струями и потоками огня, исходящими из одной точки. При существовавшем увеличении ядро кометы едва виднелось вдали как крошечное черное пятнышко, и тем не менее было очевидно, что именно оно является источником всего, что происходило вокруг.

— Через три часа выключим двигатель, — объявил капитан Смит. — К этому моменту мы окажемся всего в тысяче километров от ядра и скорость сближения будет практически равна нулю. Произведем окончательные наблюдения и проверим место высадки.

Состояние невесомости наступит ровно в 12.00. Стюарды, обслуживающие ваши каюты, заранее проверят, все ли правильно закреплено и уложено. Короче говоря, это будет похоже на Разворот, с той лишь разницей, что теперь мы проведем в невесомости не два часа, а три дня.

Тяготение кометы Галлея? Оно ничтожно — меньше одного сантиметра в секунду за секунду — около одной тысячной земного. Если проявите чудеса терпения, вам удастся заметить его, но не больше. Потребуется пятнадцать секунд, чтобы опуститься на один метр.

Из соображений безопасности во время сближения и посадки прошу вас находиться здесь, в наблюдательной рубке, в креслах с пристегнутыми ремнями. В любом случае лучшее место для наблюдений именно тут, а на

всю операцию уйдет не больше часа. Мы будем пользоваться очень малой корректирующей тягой, однако она может быть включена под любым углом, что способно повлиять на вестибулярный аппарат.

Капитан имел в виду космическую болезнь, эквивалент земной морской болезни, но это слово с общего согласия было табу на борту корабля. Однако несколько рук невольно потянулось под кресла, проверяя, на месте ли печально известные пластиковые пакеты — на случай срочной необходимости.

Увеличение возросло, и изображение на экране стало больше. На мгновение Флойду показалось, что он находится в самолете, пробивающемся сквозь легкую облачность, а не на борту космического корабля, приближающегося к самой знаменитой из комет. Ядро становилось больше, очертания его четче; оно было уже не черной точкой, а эллипсом неправильной формы, потом стало маленьким, покрытым оспинами островком, затерянным в космическом океане, и вдруг, неожиданно, превратилось в настоящий мир.

Ощущение масштаба отсутствовало. Хотя Флойд знал, что открывшаяся перед ним панорама имеет меньше десяти километров в поперечнике, могло показаться, что он смотрит на небесное тело размером с Луну. Но у Луны не было расплывчатых очертаний, ее поверхность не выбрасывала струйки пара, среди которых выделялись две большие струи.

— Бог мой! — воскликнул Михайлович. — А это что?

Он указал на нижний край ядра, как раз рядом с терминатором. Перед ними совершенно четко — и невероятно — мигал огонек на ночной стороне кометы, мигал в идеально размеренном ритме — вспыхнет — погаснет, вспыхнет — погаснет — и так каждые две или три секунды.

Доктор Уиллис откашлялся и с явным намерением объяснить происходящее повернулся к Михайловичу, но его опередил капитан Смит:

— Мне жаль разочаровывать вас, мистер Михайлович. Это всего лишь световой маяк на зонде номер два,

который собирал образцы. Он уже месяц находится здесь. Мы должны забрать его.

— Какая жалость! Я думал, что кто-то — или что-то — приветствует нас.

— Ничего не поделаешь. Боюсь, что мы здесь в полном одиночестве. Зонд находится как раз там, где мы собираемся совершить посадку, рядом с Южным полюсом кометы, расположенным — пока — в постоянной темноте. Здесь наша система жизнеобеспечения будет функционировать с меньшей нагрузкой. На освещенной стороне температура достигает 120 градусов — намного выше температуры кипения воды.

— Немудрено, что внутри кометы что-то все время булькает, — заметил Дмитрий, не смутившись. — Эти струи, то и дело извергающие пар, кажутся мне опасными. Вы уверены, что нам ничто не угрожает?

— Вот поэтому-то мы и садимся на ночной стороне: там все тихо. А теперь прошу извинить — мне пора на мостик. Это моя первая посадка на поверхность неизведанного мира — боюсь, что впредь такой возможности может не представиться.

Окружавшие капитана Смита медленно разошлись, погруженные в непривычное молчание. Изображение на экране вновь уменьшилось, и ядро кометы превратилось в едва заметную точку. И все-таки даже на протяжении этих нескольких минут оно, казалось, стало чуть больше, и, судя по всему, это не было оптической иллюзией. До встречи оставалось менее четырех часов, и корабль продолжал мчаться со скоростью пятьдесят тысяч километров в час.

Если на этом этапе что-то произойдет с главным двигателем, комета Галлея сможет похвастать самым большим кратером за весь период своего существования.

16. Посадка

Сама посадка, как и надеялся капитан Смит, прошла без приключений. Касание было настолько легким, что никому не удалось определить, когда оно произошло; лишь через минуту пассажиры поняли, что находятся на

поверхности кометы Галлея, и разразились запоздалыми аплодисментами.

Корабль лежал у края мелкой долины, окруженной холмами высотой не более ста метров. Тех, кто надеялся увидеть лунный пейзаж, ждало разочарование: формации, окружающие корабль, ничуть не походили на плавные, ровные склоны лунных гор, сглаженные миллиардами лет бомбардировки микрометеоритами.

Здесь же, на комете Галлея, не было ничего старше тысячи лет; земные пирамиды были намного древнее этого ландшафта. Всякий раз, когда комета огибала Солнце, его гигантские факелы заново формовали — и уменьшали — ее ядро. Даже по сравнению с 1986 годом, когда комета Галлея проходила через перигелий и приближалась к Земле на самое близкое расстояние, очертания ее ядра несколько изменились. Виктор Уиллис очень метко заметил в одной из своих лекций: «Земляной орех превратился в осу!» Действительно, все указывало на то, что, совершив еще несколько оборотов вокруг Солнца, комета Галлея может расколоться на две примерно равные части — как это уже случилось, к изумлению астрономов 1846 года, с кометой Биэлы.

Необычность ландшафта еще более усиливалась из-за почти полного отсутствия гравитации. Повсюду виднелись тончайшие паутинообразные формации, напоминающие фантазии художника-сюрреалиста, и неправдоподобно наклоненные груды скал, которым не удалось бы продержаться дольше нескольких минут даже на Луне.

Несмотря на то что капитан Смит решил посадить «Юниверс» в глубине полярной ночи — на расстоянии добрых пяти километров от обжигающего жара Солнца, вокруг было светло. Колоссальная оболочка из газа и пыли, окружающая комету, образовала на удивление хорошо гармонирующий с ней сияющий ореол, он напоминал полярное сияние, играющее над антарктическими льдами. А если этого света было недостаточно, Люцифер вносил свою долю, освещая все вокруг с яркостью нескольких сотен полных Лун.

Разочаровывало полное отсутствие красок, хотя это и не было неожиданностью; казалось, «Юниверс» нахо-

дится в угольном карьере, разрабатываемом открытым способом. Кстати, аналогия была тем более удачной, что окружающая корабль чернота во многом объяснялась присутствием углерода или его соединений, равномерно смешанных со снегом и льдом.

Как и полагалось, Смит первым вышел из корабля, медленно выплыв из воздушного шлюза. Потребовалась, казалось, целая вечность, чтобы он опустился на два метра от люка до поверхности кометы; там он наклонился, зачерпнул рукой в перчатке скафандра горсть пыли и поднес ее к стеклу шлема.

Все замерли, ожидая слов, которым суждено войти в учебники истории.

— Похоже на смесь перца и соли, — произнес капитан. — Если растопить, можно вырастить неплохой урожай.

В соответствии с планом экспедиции корабль должен был пробыть у Южного полюса одни полные сутки кометы Галлея — пятьдесят три часа, затем предполагалось, если ничего не случится, передвинуться на десять километров к весьма неопределенной линии экватора и взяться за изучение одного из гейзеров на протяжении его полного суточного цикла, охватывающего один день и одну ночь.

Тем временем глава научной группы Пендрилл не терял времени. Вместе с одним из коллег он почти сразу отправился на двухместных ракетных санях в направлении мигающего маяка на ожидавшем их зонде. Не прошло и часа, как они вернулись с заранее упакованными образцами вещества кометы и торжественно уложили их в специальный морозильник.

Одновременно группы техников протянули паутину кабелей по долине, подвесив их на шестах, вогнанных в рыхлый грунт. Кабели не только соединяли с кораблем многочисленные приборы, но и облегчали передвижение. Теперь появилась возможность обследовать эту часть кометы Галлея, не прибегая к помощи громоздких Устройств для Маневрирования в Космосе — УМК; достаточно было пристегнуть страховочный трос к кабелю и

затем передвигаться, перехватывая его руками. Это было куда удобнее, чем пользоваться УМКами, которые представляли собой нечто вроде одноместного космического корабля со всеми его недостатками.

Пассажиры наблюдали за этой деятельностью с огромным интересом, слушали радиопереговоры и пытались — насколько возможно — приобщиться к радости обследования нового мира. Наконец, когда прошло двенадцать часов — а для бывшего астронавта Клиффорда Гринберга значительно раньше, — им надоело оставаться зрителями. Начались разговоры о прогулке наружу — исключение составлял лишь Виктор Уиллис, который вел себя на редкость пассивно, что было совсем непохоже на него.

— Мне кажется, он струсил, — презрительно заметил Дмитрий. Он не любил Виктора с того момента, как выяснилось, что тот совершенно не различает звуковых тонов. И хотя это было несправедливо по отношению к Виктору (который с готовностью согласился на роль подопытного кролика при изучении этого редкого недостатка), Дмитрий не упускал случая многозначительно заметить: «Человек, лишенный всякого слуха, способен на измену, хитрости и закулисные махинации».

Сам Флойд принял решение еще прежде, чем покинул околоземную орбиту. Мэгги М. была непрочь испытать что угодно и не нуждалась в ободрении (ее знаменитый лозунг «писатель не должен отказываться от любой возможности расширить свой кругозор» оказал огромное воздействие на ее духовную жизнь).

Эва Мерлин, как всегда, держала всех в напряженном ожидании, однако Флойд был настроен решительно и собирался лично показать ей комету. Это нужно было ему хотя бы для поддержания собственной репутации: все знали, что он немало потрудился ради того, чтобы знаменитая отшельница оказалась среди пассажиров «Юниверс», и по кораблю пошли слухи, что у них роман. Самые невинные замечания Эвы и Хейвуда Флойда тут же с ликованием передергивались Дмитрием и судовым врачом, доктором Махиндраном, признававшимся, что отчаянно им завидует.

Поначалу подобные шутки вызывали у Флойда раздражение — поскольку слишком точно воспроизводили волнения его молодости, — но затем он перестал обижаться. К тому же он не знал, как относится к происходящему Эва, и никак не решался спросить ее. Даже здесь, в этом узком замкнутом мирке, где ни один секрет не оставался секретом дольше шести часов, ей удавалось держаться в отдалении от всех, сохраняя атмосферу тайны, зачаровывавшую три поколения поклонников.

Что касается Виктора, он только что узнал об одной крохотной, но крайне важной детали, способной расстроить планы всех — от мышей до космонавтов.

На борту «Юниверс» находились космические скафандры последнего образца «Марк XX», снабженные прозрачными лицевыми щитками, которые не запотевали, не пропускали ослепительный свет и гарантировали небывалую видимость. И хотя шлемы в скафандрах были разных размеров, Виктор Уиллис не помещался ни в один из них без основательной операции.

Ему потребовалось пятнадцать лет, чтобы приучить мир к характерной лишь для него особенности («Подлинный шедевр фигурной стрижки растительности», — не без восхищения заметил один из критиков).

И вот теперь лишь борода служила препятствием между Виктором Уиллисом и кометой Галлея. Скоро ему придется сделать выбор.

17. Долина Черного снега

Ко всеобщему изумлению, капитан Смит почти не возражал против выхода пассажиров из корабля. Он согласился, что просто нелепо пролететь миллионы километров и не пройтись по поверхности кометы.

— Если вы будете строго соблюдать правила, затруднений у вас не будет, — сказал он во время неизбежного инструктажа, — даже у тех, кто никогда не одевал космического скафандра, — насколько я помню, опыт работы в открытом космосе имеют лишь полковник Гринберг и доктор Флойд, — потому что наши ска-

фандры удобны и полностью автоматизированы. Покинув шлюзовую камеру, вам не придется беспокоиться о регулировке и кнопках управления. Но я настаиваю на одном: лишь двое могут одновременно находиться в открытом космосе. Разумеется, я выделю вам спутника, пристегнутого пятиметровым тросом, — хотя длину страховочного троса можно в случае необходимости увеличить до двадцати метров. Кроме того, вы оба будете пристегнуты к двум кабелям, протянутым по всей длине лощины. Правило движения здесь такое же, как на Земле, — держитесь правой стороны! Если понадобится обогнать кого-то, можете отстегнуть хомутик, но один из вас должен постоянно страховаться тросом. Тогда не будет опасности, что при неосторожном движении вас унесет в открытое пространство. Вопросы есть?

— Сколько времени разрешается находиться вне корабля?

— Сколько угодно, мисс М'Бала. Советую, однако, немедленно вернуться, если вдруг почувствуете недомогание. Может быть, для первой прогулки хватит одного часа — но не исключаю, что вам покажется, будто прошло десять минут...

Капитан Смит оказался совершенно прав. Когда Хейвуд Флойд посмотрел на дисплей, показывавший время, проведенное в космосе, он не поверил глазам — прошло уже сорок минут. Впрочем, удивляться не приходилось — корабль находился на расстоянии доброго километра.

Как старшему среди пассажиров — почти по всем меркам — ему выпала честь первому ступить на поверхность кометы Галлея. И не пришлось даже выбирать спутника.

— Прогулка с Эвой! — фыркнул Михайлович, захлебываясь от смеха. — Разве можно упустить такую возможность! Правда, — добавил он многозначительно, — проклятые скафандры будут мешать.

Эва согласилась сразу, хотя и без особого энтузиазма. Как это типично для нее, угрюмо подумал Флойд. Не то чтобы это разрушило его иллюзии — прошло уже столько лет, что иллюзий почти не осталось, — но он был разочарован. Причем разочарован собой, а не Эвой;

подобно Моне Лизе, с которой ее часто сравнивали, Эва была выше похвал и критики.

Сравнение было нелепым, разумеется; Джоконда выглядела таинственной, но не пробуждала эротических мыслей. Притягательная сила Эвы заключалась в том, что в ней сочеталось и то и другое, причем сюда же следовало отнести и производимое ею впечатление святой невинности. Следы всех трех составляющих все еще были заметны и через половину столетия — во всяком случае, ее поклонникам.

Чего ей не хватало — вынужден был с грустью признать Флойд, — так это настоящей индивидуальности. Как он ни пытался сосредоточить на ней свои мысли, в голову приходили лишь роли, сыгранные Эвой. Флойду пришлось, скрепя сердце, согласиться с критиком, заявившим: «Эва Мерлин — это отражение желаний всех мужчин, но у зеркала нет собственного характера».

И теперь это удивительное и таинственное существо плыло рядом над поверхностью кометы Галлея; вместе с сопровождавшим их гидом они двигались вдоль двух кабелей, протянутых по всей длине долины Черного снега. Именно он, Хейвуд Флойд, дал ей такое название, и теперь по-детски гордился этим, хотя понимал, что название не появится ни на одной из карт. Нельзя составить карту мира, география которого столь же эфемерна, как погода на Земле. Флойд наслаждался тем, что ни один человек до него не видел развертывающуюся перед ними панораму — и никогда не увидит.

На Марсе или, скажем, на Луне, иногда можно — напрягая воображение и стараясь не замечать чужого неба над головой — вообразить, что находишься на Земле. Здесь это было исключено: снежные скульптуры, возвышающиеся — а иногда и нависающие — над головой, почти не обращали внимания на силу тяжести. Приходилось очень внимательно разглядывать окружающий мир, чтобы понять, где верх, а где низ.

Долина Черного снега была необычной, потому что представляла собой достаточно прочную формацию — скалы среди наносов замерзшей воды и углеводородного снега, постоянно меняющих место. Среди геологов не

прекращались споры относительно происхождения этих скал; некоторые придерживались точки зрения, что на самом деле это обломки астероида, захваченного кометой в очень давние времена. Пробное бурение обнаружило сложные смеси органических соединений, напоминающих замерзшую каменноугольную смолу, — хотя никто не сомневался, что жизнь не играла никакой роли в их образовании.

Снежный ковер, устилавший дно маленькой долины, не был совершенно черным; когда Флойд провел по нему лучом фонарика, он заискрился и засверкал, будто в нем были рассыпаны мириады микроскопических алмазов. Флойд подумал, нет ли действительно алмазов в ядре кометы; обилие углерода делало такое предположение отнюдь не безосновательным. Не приходилось сомневаться, однако, что высокие температуры и гигантское давление — условия, необходимые для возникновения алмазов, — здесь отсутствовали.

Поддавшись внезапному импульсу, Флойд протянул вниз руки и сгреб две пригоршни снега; для этого ему пришлось оттолкнуться ногами от страховочного троса, и вдруг он подумал, как смешно выглядит со стороны — подобно циркачу, идущему по канату, только вверх ногами. Хрупкая корка не оказала почти никакого сопротивления, и он погрузил в нее голову и плечи; затем Флойд плавно потянул за трос и вынырнул с пригоршней кометного вещества.

Сжав кристаллический пух в шарик, помещающийся в ладони, он пожалел, что не может почувствовать его через изоляцию перчаток. Вот он лежит, черный как смоль, но испускающий неуловимые искры света, когда поворачиваешь его в руках.

И тут Флойд вообразил, что стоит зимой на площадке для игр в своей далекой юности, со снежком в руке, окруженный призраками детства. Ему казалось, будто он слышит крики друзей, поддразнивающих его, угрожая снежками из девственно-белого снега...

Мимолетное воспоминание потрясло его; Флойда охватило чувство безграничной печали и невозвратимой утраты. Через сотню лет он не мог вспомнить и одного

имени тех призрачных друзей, что были тогда рядом, а ведь он любил некоторых из них.

Его глаза наполнились слезами и пальцы сжали комок чужого снега. Затем видение исчезло: он снова стал самим собой. Наступил миг ликования, а не печали.

— Боже мой! — воскликнул Хейвуд Флойд, и звуки его голоса эхом отразились в крошечной вселенной его скафандра. — Я стою на комете Галлея — разве можно пожелать большего! Если сейчас меня поразит метеорит, я не стану сожалеть ни о чем!

Он поднял руки, размахнулся и швырнул черный снежок к звездам. Шарик был таким крошечным и темным, что исчез из поля зрения почти сразу, но Флойд продолжал смотреть в небо.

И вдруг неожиданно — совершенно внезапно — шарик возник в небе как мгновенная вспышка света, поднявшись высоко и отразив лучи Солнца, невидимого с поверхности кометы. И хотя снежок был черным как сажа, этого ослепительного сияния он отражал достаточно, чтобы его можно было различить на фоне едва светящегося неба.

Флойд не сводил с шарика глаз, пока он не исчез окончательно — может быть, испарившись, а может — уменьшаясь вдали. Снежок не способен долго противостоять неистовому потоку радиации; но кто из людей может похвастать, что своими руками создал комету?

18. Старый служака

Осторожное исследование кометы началось еще в то время, когда «Юниверс» по-прежнему находился в полярной тени. Сначала одиночные УМКи медленно облетели дневную и ночную стороны, отмечая все, что представляло интерес. После завершения предварительного обследования, группы ученых, до пяти человек в каждой, принялись совершать полеты в корабельном челноке, устанавливая приборы в наиболее интересных, стратегически расположенных местах. «Леди Джасмин» резко отличалась от примитивных космических капсул эпохи «Дискавери», способных работать лишь в невесомос-

ти. По сути дела она представляла собой маленький корабль, предназначенный для перевозки пассажиров и грузов между «Юниверс», находящимся на орбите, и поверхностью Марса, Луны или спутников Юпитера. Ее старший пилот, относившийся к ней с подобающим уважением, как к полной достоинства светской даме, с притворной горечью сетовал, что полеты вокруг какой-то жалкой крохотной кометы для нее просто унизительны.

Убедившись, что комета Галлея не готовит для них никаких сюрпризов — по крайней мере на своей поверхности, — капитан Смит поднял корабль из полярной зоны. И хотя «Юниверс» переместился меньше чем на двенадцать километров, он оказался в другом мире и поменял мерцающие сумерки на область, где день сменяется ночью. С наступлением рассвета комета начала оживать.

По мере того как Солнце поднималось над зубчатой, до абсурда близкой линией горизонта, его лучи начали заглядывать в бесчисленные маленькие кратеры, рассыпавшиеся по поверхности кометы. Большинство кратеров бездействовало, их узкие жерла были забиты кристаллизовавшимися минеральными солями. Нигде на комете Галлея не встречалось таких ярких красок; они заставили биологов на время поверить, будто здесь происходит зарождение жизни, как на Земле в виде водорослей. Кое-кто из биологов все еще не отказывался от такой надежды, хотя вряд ли признался бы в этом.

Из некоторых кратеров поднимались струйки пара, прочерчивая в небе неестественно прямые линии: ветер, способный отклонить их, здесь отсутствовал. В течение одного-двух часов ничего заметного не происходило; затем, когда тепло солнечных лучей начинало проникать в замерзшие недра кометы Галлея, она принималась выбрасывать струи, как выразился Виктор Уиллис, «подобно стаду китов».

Несмотря на всю свою образность, эта метафора была не самой точной из придуманных Виктором. Фонтаны, извергавшиеся из дневной стороны кометы, не были пульсирующими — они играли часами. К тому же струи

не изгибались в своей верхней части и не падали обратно на поверхность, а все поднимались в небо, пока не исчезали в светящемся тумане, образованию которого сами же и содействовали.

Поначалу научная группа относилась к гейзерам с такой же осторожностью, с какой вулканологи приближаются к Этне или Везувию в периоды их наиболее капризного поведения. Однако вскоре они поняли, что извержения гейзеров на комете Галлея, хотя и производят иногда устрашающее впечатление, на самом деле удивительно смирные. Вода вылетала со скоростью, обычной для пожарного шланга, и к тому же была чуть теплой, но через несколько секунд после того, как она покидала поверхность кометы, превращалась в смесь кристаллов льда и пара. Комета Галлея была окутана вечным снежным бураном, «падающим вверх». Несмотря на умеренную скорость извержения, выброшенная вода уже больше не возвращалась обратно. Всякий раз, когда комета Галлея огибала Солнце, еще какая-то толика ее массы терялась в ненасытном вакууме космического пространства.

В конце концов, поддавшись на уговоры, капитан Смит согласился переместить «Юниверс» еще ближе к Старому служаке — самому большому гейзеру на дневной стороне кометы, и теперь корабль находился всего в сотне метров от него. Извержение Старого служаки было зрелищем, внушающим благоговейный ужас — беловато-серый столб тумана вырастал подобно гигантскому дереву из поразительно маленького отверстия в кратере шириной триста метров, казавшемся одним из самых старых образований на комете. Но прошло немного времени, и ученые облазили весь кратер, собирая образцы многоцветных минералов (увы, абсолютно стерильных), и с небрежной фамильярностью засовывали свои термометры и трубки для отбора образцов прямо в столб воды, льда и тумана, рвущийся вверх.

— Смотрите, — предупредил капитан, — если гейзер выбросит кого-нибудь в космос, не рассчитывайте, что вас тут же подберут. Не исключено, мы просто подождем, когда вы сами вернетесь обратно.

— Что он имеет в виду? — озадаченно спросил Дмитрий Михайлович. У Виктора Уиллиса, как обычно, ответ был наготове:

— В небесной механике события развиваются не всегда так, как вы ожидаете. Любой предмет, выброшенный с кометы Галлея с умеренной скоростью, будет продолжать движение примерно по той же орбите — потребуется колоссальное изменение в скорости, чтобы уйти с нее. Таким образом, во время следующего прохождения кометы вокруг Солнца обе орбиты снова пересекутся — и вы окажетесь точно на том же месте, откуда начали путешествие. Разумеется, вы будете старше на семьдесят шесть лет.

Недалеко от Старого служаки находился еще один феномен, встречи с которым никто не ожидал. Ученые, впервые увидевшие его, не поверили глазам: на нескольких гектарах поверхности раскинулось озеро, открытое вакууму космического пространства. На первый взгляд оно казалось совершенно обычным и отличалось лишь своей исключительной чернотой.

Совершенно очевидно, это не могло быть водой: из жидкостей в таком окружении могли устойчиво существовать лишь тяжелые органические масла или смолы. И действительно, озеро Туонела было образовано чем-то вроде битума — совершенно твердого вещества, исключение составляла тонкая поверхностная пленка толщиной менее миллиметра, сохранившая некоторую вязкость. При почти полном отсутствии гравитации потребовалось, должно быть, много лет, возможно, несколько оборотов вокруг Солнца с его согревающими лучами — чтобы сделать озеро таким зеркально гладким.

Озеро превратилось в один из главных туристских аттракционов на комете Галлея, пока капитан не положил этому конец. Кто-то (все отказывались признать за собой сомнительную честь этого открытия) обнаружил, что по озеру можно ходить совершенно нормально, почти как по Земле: вязкость поверхностной пленки позволяла удерживать ногу на месте при передвижении. Скоро почти у всей команды оказались видеокассеты, демонстрирующие, как они ходят по воде.

Затем капитан Смит, осмотрев шлюзовую камеру, увидел, что ее стены обильно вымазаны смолой, и пришел в состояние, близкое к бешенству.

— Вам мало того, — процедил он сквозь зубы, — что весь корабль покрыт снаружи этой сажей. Комета Галлея — самое грязное место во Вселенной.

Прогулки по озеру Туонела прекратились.

19. В конце туннеля

В небольшом, замкнутом, автономном мире, где все знают друг друга, неожиданная встреча с совершенно новым человеком просто потрясает.

Хейвуд Флойд не спеша плыл по коридору, направляясь в комнату отдыха, когда с ним произошло именно это. Полный изумления, он уставился на незнакомца, не понимая, как это удалось «зайцу» скрываться столь длительное время. Тот ответил ему взглядом, исполненным смущения и бравады, ожидая, по-видимому, что Флойд заговорит первым.

— Ну, Виктор! — произнес наконец Флойд. — Извини, не сразу тебя узнал. Итак, ты принес высшую жертву на алтарь науки или, вернее сказать, — своим почитателям?

— Увы, — сердито ответил Уиллис. — Мне кое-как удалось втиснуться в самый большой шлем, но проклятая щетина шуршала так, что никто не разобрал ни единого слова.

— Когда ты собираешься наружу?

— Да вот жду возвращения Клиффа — он пошел с Биллом Чантом исследовать пещеру.

Первые зонды, облетевшие комету в 1986 году, передали информацию, которая позволяла предположить, что плотность кометы заметно меньше плотности воды, — это могло значить, что комета либо сложена из очень пористого вещества, либо пронизана множеством пещер. И то и другое подтвердилось.

Сначала капитан Смит, как всегда осторожный, категорически запретил исследование пещер. Он сдался лишь

после того, как доктор Пендрилл напомнил ему, что доктор Чант — его, Пендрилла, старший помощник — опытный спелеолог; мало того, это было одной из причин, по которой его включили в состав исследовательской группы.

— Обвал при такой незначительной силе тяжести невозможен, — убеждал Пендрилл все еще сопротивляющегося капитана. — Опасности быть похороненным в пещере никакой.

— А как насчет опасности заблудиться?

— Чант воспримет такой вопрос как личное оскорбление. Он забирался на двадцать километров в глубь Мамонтовой пещеры. К тому же за ним будет тянуться страховочный трос.

— А как со связью?

— В тросе находится световод. Да и радиосвязь со скафандром будет действовать, наверно, почти все время.

— Хм. А какую пещеру он выбрал?

— Лучше всего спуститься в бездействующий гейзер у подножия Этны-младшей. Он не действует по крайней мере тысячу лет.

— Будем надеяться, что подождет и еще пару дней. Ну хорошо, кто пойдет с ним?

— Клифф Гринберг вызвался помочь — на Багамских островах он увлекался исследованием подводных пещер.

— Я тоже однажды попробовал — этого было достаточно. Передайте Клиффу, что я не имею права рисковать его жизнью — он слишком ценен. Не возражаю, чтобы он вошел в пещеру, но попросите его оставаться в пределах видимости от входа. И если контакт с Чантом будет утерян, запрещаю идти на помощь без особого разрешения.

Которое, добавил про себя капитан, он вряд ли получит.

Доктор Чант слышал все старые шутки относительно материнского чрева, куда стремятся укрыться спелеологи, и был готов опровергнуть их.

— Это, знаете ли, чертовски шумное место. Разные

там стуки, бурчание, бульканье, — утверждал он. — Но я люблю пещеры за то, что там покойно и не ощущается течение времени. Стоишь себе внутри и видишь, что за последние сто тысяч лет здесь ничего не изменилось, разве сталактиты стали чуть толще.

Но теперь, продвигаясь все глубже внутрь кометы Галлея и разматывая за собой тонкий, но невероятно прочный трос, соединяющий его с Клиффордом Гринбергом, он понял, что это больше не соответствует действительности. У него еще не было научного обоснования, но инстинкт геолога настойчиво подсказывал ему, что этот подземный мир по временным масштабам Вселенной появился на свет лишь вчера. Многие человеческие города были старше.

Туннель, по которому он скользил длинными, пологими скачками, составлял примерно четыре метра в диаметре; ощущение невесомости оживляло в памяти яркие воспоминания о подводных пещерах на Земле. Незначительная сила тяжести еще больше усиливала эту иллюзию; казалось, он взял с собой чуть больше балласта, чем требовалось, и потому всякий раз медленно опускался вниз. И лишь отсутствие сопротивления напоминало, что он двигается не в воде, а в пустоте космического пространства.

— Ты вот-вот исчезнешь из поля зрения, — донесся голос Гринберга, стоявшего в подземном коридоре метрах в пятидесяти от входа и соединенного с Чантом страховочным тросом. — Радиосвязь действует превосходно. Какой там у тебя пейзаж?

— Трудно сказать — не могу идентифицировать окружающие формации, нет подходящих слов для их описания. Это не скальные образования — они рассыпаются в пыль при малейшем прикосновении, такое впечатление, будто я нахожусь внутри огромной головки швейцарского сыра...

— Ты считаешь, они органического происхождения?

— Да. Разумеется, к жизни они не имеют никакого отношения — просто это идеальное сырье для нее. Самые разнообразные углеводороды — химики будут в восторге от образцов. Ты еще видишь меня?

— Только свечение твоего фонарика; да и оно становится все слабее.

— Ага! Вот тут настоящий скальный грунт. Странно, как он здесь оказался, — наверно, интрузия. Наконец-то — я напал на золотую жилу!

— Шутишь!

— На Старом Западе многие попадались на эту приманку, между прочим — железный пирит. Конечно, это обычное явление на внешних спутниках, только не спрашивай меня, как он оказался на комете...

— Визуальный контакт утерян. Ты углубился в пещеру на двести метров.

— Прохожу через характерный слой — похоже на осколки метеорита. Когда-то здесь произошли потрясающие вещи — надеюсь, удастся определить возраст. Здорово!

— Не кричи так!

— Извини — у меня дух захватило. Впереди огромный зал — вот уж чего не ожидал. Подожди немного, я обведу его лучом... Итак, он почти сферической формы — тридцать или сорок метров в поперечнике. И — комета Галлея полна сюрпризов — кругом сталактиты и сталагмиты!

— Что ж тут удивительного?

— Здесь нет свободной воды — и конечно, нет известняковых пород; вдобавок, такая малая сила тяжести. Кажется, это что-то похожее на воск. Минутку, я сниму на видеопленку. Фантастические формы... Что-то вроде оплавленной свечи. Странно...

— Ну что там?

Голос доктора Чанта внезапно изменился, и Гринберг сразу заметил это.

— Часть сталактитов обломана... лежат на полу пещеры. Будто на них...

— Да продолжай, не томи!

— Будто на них что-то натолкнулось.

— Ты с ума сошел! Может быть, сильное сотрясение?

— Здесь не бывает мощных сотрясений — только микросейсмы от действия гейзеров. Возможно, когда-то

случился большой прорыв. Но и то несколько веков назад. Упавшие сталактиты покрыты пленкой этого воскоподобного вещества — толщиной в несколько миллиметров.

Доктор Чант медленно приходил в себя. Он не был слишком впечатлительным — сам процесс обследования пещер быстро устраняет таких, — но охватившее его ощущение пробудило тревожные воспоминания. А эти упавшие сталактиты уж очень похожи на прутья клетки, сломанные каким-то чудовищем, пытавшимся вырваться на волю...

Разумеется, это было абсурдным, но доктор Чант знал, что нельзя игнорировать предчувствие опасности, пренебрегать даже самыми малозаметными признаками надвигающейся угрозы до тех пор, пока не будет выяснена их причина. Уже не раз подобная осторожность спасала ему жизнь; он не уйдет из этого зала, пока не узнает, чем вызвано такое ощущение. Он честно признавал, что чувство, овладевшее им, — не что иное, как страх.

— Билл, у тебя все в порядке? Что происходит?

— Занимаюсь видеосъемкой. Некоторые формы напоминают индийские храмовые скульптуры. Почти эротические.

Он заставил себя не думать об угрожающей опасности — будь, что будет. Чисто механические движения, связанные со сбором образцов и видеосъемкой, занимали почти все его внимание.

В здоровом страхе, напоминал он себе, нет ничего противоестественного, лишь когда страх перерастает в панику, он становится смертельно опасным. Чант впадал в панику дважды (однажды на горном склоне и однажды под водой) — и до сих пор не мог вспомнить без содрогания холодное и влажное прикосновение ужаса. Но теперь, к счастью, он был далек от такого состояния по причине, кажущейся ему — хотя он и не осознавал этого полностью — странно успокаивающей. Во всей ситуации было что-то комическое.

Наконец он рассмеялся — нет, это был не истерический смех, он смеялся от облегчения.

— Ты когда-нибудь смотрел старые фильмы о звездных войнах? — спросил он Гринберга.

— Конечно, много раз.

— Я только сейчас понял, что меня так беспокоило. Помнишь то место, где космический корабль Люка ныряет на астероид и сталкивается с гигантским змееподобным существом, скрывающимся в его пещерах?

— Это был не корабль Люка, а «Тысячелетний сокол» Хэна Солоу. Меня всегда приводило в недоумение, чем питается несчастное чудовище. Наверно, оно ужасно голодало, поджидая, пока не свалится из космоса лакомый кусочек. Принцессы Лейи ему и на зуб не хватит.

— Не согласен быть даже такой закуской, — ответил доктор Чант, совсем успокоившись. — Пусть на комете и существует жизнь — это было бы великолепно, — но цепь питания слишком уж коротка. Если здесь есть что-то, размером превышающее мышь, я буду невероятно удивлен. Скорее что-нибудь похожее на грибы... Ладно, за дело — куда бы пойти дальше? На той стороне два туннеля. Тот, что справа, пошире. Попробую сначала туда...

— Сколько еще у тебя страховочного троса?

— Не меньше полукилометра. Ну, я пошел. Достиг середины зала... Черт, отскочил от стенки. Схватился руками... Буду двигаться головой вперед. Гладкие стены... Для разнообразия настоящая скала... Очень жаль...

— Что случилось?

— Масса сталактитов — слишком близко один к другому, чтобы протиснуться между ними... и они такие толстые, что расчистить дорогу можно только взрывами. Это было бы очень обидно... Поразительные краски — впервые здесь на комете вижу настоящие зеленые и синие цвета. Подожди, я сниму их на видеопленку...

Доктор Чант уперся спиной в стену туннеля и нацелил камеру. Пальцем в перчатке хотел нажать кнопку яркого освещения, но промахнулся и случайно выключил освещение совсем.

— Что за вшивая конструкция, — пробормотал он. — Уже третий раз...

Он не исправил свою ошибку сразу, так как всегда испытывал наслаждение от тишины и тьмы, какие могут быть только в самых глубоких пещерах. Лишь едва слышные звуки, которые издавала аппаратура жизнеобеспечения, нарушали полную тишину, по крайней мере...

Но что это? За частоколом сталактитов, преградивших путь, Чант увидел едва заметное свечение, похожее на приближающийся рассвет. По мере того как глаза привыкали к темноте, свечение становилось все ярче, и он начал различать зеленые тона. Вот уже проступили очертания сталактитовой перегородки...

— Что же все-таки у тебя происходит? — в голосе Гринберга звучала тревога.

— Ничего — просто наблюдаю.

И размышляю, мог бы добавить он. Существует четыре возможных объяснения.

Через какой-нибудь естественный канал — ледяной, кристаллический, какой-нибудь еще — мог проникать солнечный свет. На такую глубину? Вряд ли...

Радиоактивность? Он не взял с собой счетчик Гейгера — на комете практически не было тяжелых элементов. Но все-таки можно вернуться и проверить.

Какой-нибудь фосфоресцирующий минерал — это казалось ему самым вероятным. Но нельзя было исключить и четвертой возможности — самой маловероятной и самой захватывающей изо всех.

Доктор Чант навсегда запомнил ту безлунную — и безлюциферную — ночь на берегу Индийского океана, когда он прогуливался по песчаному пляжу под небосводом, усеянным сверкающими звездами. Море было спокойно, но время от времени ленивая волна разбивалась у его ног и взрывалась яркой вспышкой.

Он вошел в мелководье (до сих пор он помнит ласковое прикосновение воды к лодыжкам, как в теплой ванне) и при каждом шаге наблюдал взрыв света. Ему даже удавалось вызывать вспышку, хлопая в ладоши у поверхности воды.

Разве не могли такие люминесцирующие организмы развиться в сердце кометы Галлея? Ему так хотелось

этого. Жаль, конечно, по-варварски обращаться с таким изысканным шедевром естественного происхождения, как этот, — освещенная сзади, перегородка напоминала алтарь, виденный им однажды в каком-то соборе, — но все же придется сходить за взрывчаткой. А пока надо обследовать второй туннель...

— По этому коридору дальше идти нельзя, — сообщил он Гринбергу, — я решил заглянуть во второй. Возвращаюсь к развилке — ставлю барабан на сматывание троса. — Он ничего не сказал о таинственном свечении, исчезнувшем, как только он снова включил лампу.

Гринберг не сразу ответил — странно; возможно, он говорит с кораблем. Это не встревожило Чанта — он решил повторить вызов, как только отправится в путь.

Повторять не потребовалось — Гринберг отозвался.

— Отлично, Клифф, на мгновение мне показалось, что я потерял связь с тобой. Возвращаюсь в зал — пройду оттуда во второй туннель. Надеюсь, там не будет никаких препятствий.

На этот раз Гринберг ответил немедленно:

— Извини, Билл. Возвращаемся на корабль. Срочный вызов — нет-нет, с «Юниверс» все в порядке. Возможно, придется немедленно лететь на Землю.

Только через несколько недель доктор Чант нашел вполне правдоподобное объяснение сломанным сталактитам. По мере того как при каждом прохождении через перигеллий из ядра кометы выбрасывалось ее вещество, постоянно менялось и распределение массы. Таким образом, через каждые несколько тысяч лет вращение кометного ядра становилось неравномерным и направление оси резко менялось — подобно волчку, готовящемуся упасть, когда он теряет энергию. При этом возникало кометотрясение, достигавшее значительной мощности — до пяти баллов по шкале Рихтера.

Но Чант так и не сумел разгадать тайну фосфоресцирующего свечения. И хотя драматические события, которые уже начали разворачиваться, быстро отодвинули эту проблему на задний план, ощущение упущенной возможности так и не покидало его до самой смерти.

Несмотря на то, что временами искушение рассказать о случившемся коллегам было очень сильным, он не обмолвился ни единым словом. Однако записал все, что видел, и оставил запечатанный пакет для следующей экспедиции, с припиской: «Вскрыть в 2133 году».

20. Приказ вернуться

— Вы уже видели Виктора? — радостно спросил Михайлович, повстречав Флойда в коридоре, когда тот спешил на вызов капитана. — Конченый человек.

— Обрастет на обратном пути, — огрызнулся Флойд, у которого не было времени для обмена банальностями. — Извините, хочу узнать, что произошло.

Когда он вошел в капитанскую каюту, Смит все еще сидел, потрясенный случившимся. Коснись чрезвычайные обстоятельства его корабля, это был бы уже сгусток энергии и приказы сыпались бы направо и налево. Сейчас, однако, от него ничего не зависело — оставалось лишь ждать очередного сообщения с Земли.

Капитан Лаплас был его старым другом; как он мог так напортачить? Это не было несчастным случаем или навигационной ошибкой, да и оборудование на корабле функционировало нормально. И капитан Смит не видел, чем он сможет помочь. Центр Космических операций был в замешательстве — там совсем потеряли голову; происшедшее походило на одну из тех ситуаций, которые нет-нет да и случаются в космосе, когда остается лишь одно: выразить соболезнования и записать последние пожелания. Передавая Флойду содержание приказа, полученного с Земли, Смит ничем, однако, не выдал своих сомнений и колебаний.

— Произошла катастрофа, — сказал он. — Нам приказано немедленно вернуться на Землю, где «Юниверс» подготовят для спасательной экспедиции.

— Что за катастрофа?

— «Гэлакси», корабль нашей компании, вел разведку спутников Юпитера. Он совершил вынужденную посадку.

Капитан Смит увидел недоверие на лице Флойда.

— Да, знаю, это неправдоподобно. Но и это не все. Он совершил посадку на Европе.

— Европе?!

— Боюсь, именно так. Корабль поврежден, но погибших, видимо, нет. Подробности еще не сообщили.

— Когда это случилось?

— Двенадцать часов назад. Им не удалось сразу связаться с Ганимедом.

— Какую помощь ждут от нас? Ведь мы в другом конце Солнечной системы. Вернуться на лунную орбиту для заправки, потом кратчайшим путем к Юпитеру — на это потребуется, ну... не меньше двух месяцев! (А во времена «Леонова», подумал Флойд, понадобилось бы два года...)

— Да, я знаю; но другого корабля, способного оказать помощь, нет.

— А межспутниковые шаттлы Ганимеда?

— Они рассчитаны всего лишь на орбитальные полеты.

— Но им уже приходилось садиться на Каллисто.

— Для этого требуется куда меньше энергии. Они могут совершить посадку на Европе, но способны взлететь лишь с ничтожным полезным грузом. Впрочем, этот вопрос тоже изучается.

Слова капитана едва проникали в сознание Флойда; он все еще пытался осмыслить поразительное известие. Впервые за последние пятьдесят лет — и всего лишь второй раз за всю историю! — на запретную луну опустился корабль. Все это наводило на очень мрачные мысли.

— Полагаешь, — спросил он, — кто-то или что-то на Европе заставило «Гэлакси» совершить посадку?

— Я думал об этом, — хмуро произнес капитан. — Но мы рыскали вокруг нее и за много лет так ничего и не заметили.

— К тому же — что произойдет с нами, если мы попытаемся их спасти?

— Это первое, что пришло мне в голову. Но чтобы пойти дальше умозрительных рассуждений, нам нужны дополнительные факты. Дело в том, однако, — я при-

гласил тебя именно поэтому — мне только что передали список экипажа, и я подумал...

Капитан нерешительно пододвинул через стол распечатку. Но Флойд понял, о чем речь, еще до того, как пробежал глазами имена.

— Мой внук, — произнес он упавшим голосом.

Единственный человек, подумал он, который может сохранить мое имя после того, как я умру.

III. ЕВРОПЕЙСКАЯ РУЛЕТКА

21. Политика изгнания

Вопреки всем мрачным предсказаниям, южноафриканская революция прошла относительно бескровно — по меркам революций, разумеется. Телевидению, которое прежде обвиняли во всех смертных грехах, принадлежала здесь немалая роль. Поколением ранее аналогичный прецедент произошел на Филиппинах: понимая, что за ними наблюдают глаза всего мира, подавляющее большинство мужчин и женщин старались вести себя достойно. Хотя и не обошлось без постыдных исключений, всевидящий глаз телекамеры зарегистрировал всего несколько расправ.

Большинство африкандеров, увидев надпись на стене, уехали задолго до захвата власти. И уехали они — по горьким жалобам нового правительства — отнюдь не с пустыми руками. Миллиарды рэндов были переведены в голландские и швейцарские банки; незадолго до конца почти ежечасно совершались таинственные рейсы из Кейптауна и Иоганнесбурга в Цюрих и Амстердам. Утверждают, что когда наступил День Независимости, в бывшей Южно-Африканской Республике нельзя было отыскать ни единой тройской унции золота или карата алмазов, а шахтное оборудование умелые руки вывели из строя. Один видный эмигрант хвастал, сидя в своей роскошной гаагской квартире: «Пройдет пять лет, прежде чем кафрам удастся пустить алмазные копи в Кимберли — если удастся вообще». К его полному изумле-

нию, прииск Де-Бирс снова начал действовать — под иным именем и с другой администрацией — через пять недель, и алмазы стали самой важной составляющей в экономике молодого государства.

Уже через одно поколение молодые эмигранты были поглощены — несмотря на отчаянное сопротивление их консервативных старейшин — внерасовой культурой XXI века. Они помнили — с гордостью, но без хвастовства — о бесстрашии и решимости своих предков, но в то же время осуждали совершенные ими глупости. Практически никто из них не говорил на африкаанс, даже у себя дома.

И все-таки, как это произошло с революцией в России сто лет назад, нашлось немало и тех, кто мечтал повернуть вспять часы истории — или, по крайней мере, саботировать усилия врагов, лишивших их власти и привилегий. Как правило, они направляли свою горечь и разочарование в русло пропаганды, демонстраций, бойкотов, петиций в адрес Всемирного Совета или — иногда — выражали свои чувства в произведениях искусства. Роман Вилхелма Смутса «Фортреккерс» был признан шедевром английской (какая ирония судьбы!) литературы даже теми, кто категорически не соглашался с автором.

Но были и такие группы, которые считали бесполезными все политические акции; по их мнению, восстановить прежний порядок можно лишь путем насилия. И хотя искренне веривших, что им удастся заново переписать историю, было немного, находились и такие, кто считал, что, если уж нельзя одержать верх, можно найти удовлетворение в мести.

Между двумя крайностями — теми, кто полностью ассимилировался, и теми, кто отказывался идти на всякие компромиссы, — располагалось множество политических — и аполитичных — партий. Бурская лига не была самой крупной, зато оставалась самой влиятельной и, уж несомненно, самой богатой, поскольку ей принадлежал контроль над основной частью вывезенных тайком богатств исчезнувшей республики, осуществляемый че-

рез разветвленную сеть корпораций и компаний — держателей акций. Большинство последних было теперь вполне респектабельным и действовало совершенно открыто.

В корпорацию «Тсунг аэроспейс» Бурская лига вложила полмиллиарда, что должным образом отразилось в ежегодном балансовом отчете. В 2059 году в корпорацию было вложено еще полмиллиарда; это весьма обрадовало сэра Лоуренса, который теперь мог ускорить строительство кораблей своего маленького флота.

Но даже великолепно организованная разведка сэра Лоуренса не обнаружила никакой связи между Бурской лигой и чартерной экспедицией «Гэлакси», одного из кораблей компании «Тсунг аэроспейс». К тому же в этот момент комета Галлея приближалась к Марсу, и сэр Лоуренс был настолько озабочен своевременной подготовкой «Юниверс» к полету, который должен был начаться точно по расписанию, что не обращал особого внимания на каждодневную эксплуатацию остальных кораблей.

Правда, «Ллойдз оф Лондон» выразил сомнения относительно маршрута, выбранного для «Гэлакси», но эта проблема была легко решена. У Бурской лиги повсюду были свои люди, занимавшие ключевые посты; это не предвещало ничего хорошего для страховых компаний, зато было очень удачным для специалистов по космическому праву.

22. Опасный груз

Не так просто управлять коммерческой грузо-пассажирской линией между пунктами, которые не только перемещаются на миллион километров каждые несколько дней, но и делают это со скоростями, то и дело меняющимися на десятки километров в секунду. В таких условиях и речи не было о регулярном сообщении; иногда вообще приходилось отказываться от вылета и оставаться в порту — или, по крайней мере, на орбите, — ожидая, пока Солнечная система перестроится для лучшего удовлетворения потребностей Человечества.

К счастью, такие периоды известны за много лет, поэтому ими пользовались для осуществления ремонтных работ, проверки бортовых систем и увольнения команды на поверхность планеты. А иногда при элементарном везении и настойчивых усилиях удавалось найти местные чартерные рейсы, хотя бы сугубо развлекательного характера.

Капитан Эрик Лаплас был счастлив, что его трехмесячное пребывание на орбите Ганимеда не будет совершенно убыточным. В Планетный научный фонд неожиданно поступило анонимное пожертвование, предназначенное для финансирования разведки юпитерианских (даже теперь никто не называл их люциферскими) спутников, причем особое внимание обращалось на обследование малых лун, ранее не привлекавших внимание ученых. Некоторые из этих лун не были достаточно изучены, а о высадке на них и говорить не приходилось.

Услышав про экспедицию, Рольф Ван-дер-Берг тут же связался с транспортным агентом корпорации Тсунга и осторожно навел справки.

— Да, сначала корабль направится к Ио, затем совершит пролет рядом с Европой...

— Всего лишь пролет? На каком расстоянии?

— Одну минуточку — странно, в полетном плане ничего не говорится об этом. Разумеется, корабль пролетит вне пределов Запретной зоны.

— Которая уменьшилась в соответствии с последними решениями, принятыми пятнадцать лет назад, ...до десяти тысяч километров. Впрочем, это не имеет значения. Обращаюсь с просьбой о включении меня в состав экспедиции в качестве планетолога. Я срочно вышлю свои...

— Не нужно, доктор Ван-дер-Берг. Вас уже включили в ее состав.

•

Человек крепок задним умом, и глядя в прошлое (позднее у него оказалась для этого масса времени), капитан Лаплас вспомнил немало странностей, связанных с этим чартерным рейсом. Внезапно заболели два члена

команды, и пришлось заменить их в последнюю минуту; он был так доволен, что быстро удалось найти замену, что с должной тщательностью не проверил документы вновь прибывших. (А если бы и проверил, то узнал бы лишь, что они в полном порядке.)

Затем начались неприятности с грузом. Будучи капитаном корабля, он имел право досмотра любого груза, поступающего на борт «Гэлакси». Разумеется, проверить все подряд невозможно, но если возникали подозрения, он не колебался никогда. Экипажи космических кораблей состоят в общем-то из людей с высоким чувством ответственности; но продолжительные перелеты могут быть скучными и однообразными, и существуют химические препараты, помогающие забыть о скуке, которые — хотя они и не запрещены на Земле — не следовало допускать на корабль.

Когда второй помощник Крис Флойд явился к нему и сообщил о своих подозрениях, капитан решил, что корабельный хроматографический нюхач обнаружил очередной тайник с припрятанным там опиумом, которым иногда увлекалась его команда, состоявшая в основном из китайцев. Однако на этот раз вопрос был серьезным — слишком серьезным.

— Грузовой трюм номер три, контейнер 2/456, капитан. В грузовой декларации помечено — «научные приборы». Но там находятся взрывчатые вещества.

— Что?!

— Совершенно точно, сэр. Вот электрограмма.

— Верю вам на слово, мистер Флойд. Вы осмотрели контейнер?

— Нет, сэр. Он опечатан; его размеры — полметра на метр и на пять метров. Один из самых крупных контейнеров, доставленных на борт для научной группы. На нем надпись: «*Хрупкие приборы — обращаться осторожно*». Но так помечены и остальные контейнеры, разумеется.

Капитан Лаплас задумчиво побарабанил пальцами по пластиковой, «под дерево», поверхности своего стола. (Ему не нравился рисунок, и он собирался при случае за-

менить стол.) Даже столь незначительные движения тут же приподняли его над креслом, и он автоматически принял меры, заведя ногу за ножку кресла.

Хотя он ничуть не сомневался в достоверности информации, принесенной Флойдом, — его новый второй помощник оказался весьма компетентным офицером, и капитану нравилось, что он ни разу не упомянул о своем знаменитом деде, — объяснение могло оказаться вполне невинным. Нюхач мог ошибиться, приняв за взрывчатку химическое вещество с похожими молекулярными связями.

Он имел право спуститься в трюм и вскрыть контейнер. Нет — это могло оказаться опасным, и к тому же могло привести к массе юридических осложнений. Лучше поговорить с руководителем группы; так придется поступить в любом случае, рано или поздно.

— Будьте любезны, пригласите сюда доктора Андерсона — и никому пока ничего не говорите.

— Слушаюсь, сэр! — Крис Флойд с уважением, но безо всякой необходимости взял под козырек и плавно выскользнул из каюты.

Руководитель научной группы не привык к невесомости, и его появление было весьма неуклюжим. Искреннее негодование, написанное на его лице, также изрядно мешало, и ученому пришлось то и дело хвататься за край стола, что отнюдь не прибавляло ему достоинства.

— Взрывчатые вещества? Нет, разумеется! Дайте-ка взглянуть на грузовую декларацию ... место 2/456...

Доктор Андерсон ввел цифровое обозначение в свой карманный компьютер и прочитал вслух:

— Пенетрометры, «Марк V», количество — три. Разумеется, все в порядке.

— Простите меня, — начал капитан, — но что такое «пенетрометр»? — Несмотря на тревогу, он с трудом скрывал улыбку — название прибора звучало не вполне прилично.

— Обычный прибор для взятия проб минералов, составляющих кору небесного тела. Вы сбрасываете его, и

он выдает керн длиной до десяти метров — даже в твердой скале. Затем сообщает результаты полного химического анализа. Это единственный безопасный способ исследования дневной стороны Меркурия — или поверхности Ио, куда мы собираемся сбросить первый из них.

— Доктор Андерсон, — начал капитан, пытаясь сохранить самообладание, — возможно, вы блестящий геолог, но слабо разбираетесь в небесной механике. С орбиты нельзя что-нибудь просто *сбросить*...

Обвинение в невежестве, конечно, было необоснованным, что стало ясно по реакции ученого.

— Идиоты! — воскликнул он. — Конечно, вас нужно было предупредить!

— Совершенно верно. Ракеты на твердом топливе относятся к разряду опасных грузов. Мне требуется разрешение страховой компании и ваша личная гарантия, что предохранительные системы достаточно надежны; в противном случае ракеты будут выгружены. А теперь, какие у вас еще приготовлены сюрпризы? По-моему, вы собирались заниматься сейсмической разведкой? А ведь при ней обычно применяются взрывчатые вещества...

Вернувшись через несколько часов, пристыженный ученый признался, что обнаружил две бутылки элементарного фтора, используемого при работе лазеров, лучи которых, касаясь пролетающих небесных тел на расстоянии тысячи километров, позволяют брать спектрографические пробы состава их коры. Поскольку чистый фтор является самым едким веществом в природе, он включен в список запрещенных материалов — но как и ракеты, направляющие пенетрометры к цели, для работы экспедиции он был необходим.

После того как капитан Лаплас убедился, что приняты все меры предосторожности, он отпустил ученого, который извинился за происшедшее и заверил, что виною всему спешка при подготовке экспедиции.

Капитан не сомневался, что доктор Андерсон говорит правду, но тем не менее ему показалось, что экспедиция какая-то странная. Он даже не представлял себе, *насколько* она странная.

23. Ад

До взрыва Юпитера в соревновании за наиболее яркое воплощение ада в Солнечной системе Ио уступала лишь Венере. Теперь, когда Люцифер повысил температуру на ее поверхности еще на пару сотен градусов, даже Венере пришлось уступить.

Серные вулканы и гейзеры резко увеличили свою активность и за несколько лет полностью изменили облик страдающего спутника, тогда как прежде на это потребовались бы десятилетия. Планетологи отказались от попыток картографирования Ио, довольствуясь орбитальными съемками, которые проводили каждые несколько дней. Используя материал съемок и ускоренную смену кадров, они создавали внушающие ужас фильмы о неизменно активном, вечно меняющемся аде.

«Ллойдз оф Лондон» потребовал повышенный страховой взнос за этот участок полета, но Ио не представляла серьезной опасности для корабля: он пролетал на расстоянии десяти тысяч километров — и к тому же над относительно спокойной ночной стороной.

Наблюдая за приближающимся желто-оранжевым шаром — самым неправдоподобно красочным небесным телом во всей Солнечной системе, второй помощник Крис Флойд не мог не вспомнить о том, что полвека назад здесь пролетал его дед. Именно здесь произошла встреча «Леонова» с покинутым «Дискавери» и доктор Чандра оживил дремлющий компьютер ЭАЛ. Затем оба корабля полетели дальше, для осмотра и изучения гигантского черного монолита, парящего возле Л-1, Внутренней точки Лагранжа между Ио и Юпитером.

Теперь монолит исчез — и Юпитер тоже. Миниатюрное солнце, подобно сказочной птице Феникс, возникшее в результате имплозии гигантской планеты, превратило свои спутники в некое подобие планет, создав своего рода новую Солнечную систему, хотя лишь на Ганимеде и

Европе образовались области, где температура приближалась к земной. Никто не знал, сколько времени это будет продолжаться. По различным оценкам, жизнь Люцифера могла продлиться от тысячи до миллиона лет.

Научная группа «Гэлакси» с сожалением смотрела на точку Л-1, но теперь приближаться к ней было слишком опасно. Здесь всегда протекала река электрической энергии — «электрический канал» Ио — между Юпитером и его внутренним спутником, но после возникновения Люцифера мощность этого потока увеличилась в сотни раз. Иногда электрическую реку было видно даже невооруженным глазом — по характерному желтому свечению ионизированного натрия. Кое-кто из инженеров на Ганимеде поговаривал о полезном использовании бесчисленных гигаватт, бессмысленно расточаемых совсем рядом, но ни один из них так и не придумал, как можно было бы подключиться к этому неистощимому источнику энергии.

Сопровождаемый солеными шутками, был запущен первый пенетрометр, и через два часа он словно игла шприца вонзился в спутник, покрытый нарывами кратеров. Приборы на пенетрометре действовали почти пять секунд — в десять раз дольше расчетного времени — и успели передать на корабль тысячи химических, физических и реологических измерений, прежде чем Ио заставила их замолчать.

Восторгу ученых не было пределов; Ван-дер-Берг остался всего лишь довольным. Он и не сомневался, что запуск будет успешным — Ио была до абсурда легкой целью. Но если его предположения относительно Европы оправдаются, второй пенетрометр потерпит неудачу.

Это, впрочем, еще ничего не докажет; неудачу можно объяснить десятком разумных причин. А когда пенетрометр не сработает, не останется иного выхода, кроме посадки.

Что, разумеется, было категорически запрещено — и не только законами человека.

АСТРОПОЛ, который, несмотря на столь претенциозное название, играл разочаровывающе малую роль за пределами Земли, отказывался признать существование Чаки. Соединенные Штаты Южной Африки придерживались аналогичной точки зрения, и дипломаты этой страны либо смущенно улыбались, либо приходили в негодование, когда кто-либо бестактно упоминал это имя.

Однако третий закон Ньютона применим не только к политике. У Бурской лиги были свои экстремисты — хотя она и пыталась, иногда и не слишком рьяно, отречься от них, — которые постоянно оказывались вовлеченными в заговоры против США. Как правило, дело ограничивалось экономическим саботажем, хотя время от времени происходили взрывы, исчезновения и даже убийства.

Вряд ли нужно говорить, насколько серьезно Соединенные Штаты Южной Африки принимали подобного рода деятельность. Они реагировали на нее созданием контрразведывательных служб, прибегающих к самым разнообразным средствам, но и там утверждали, что им ничего не известно о Чаке. Возможно, они пользовались удачным изобретением ЦРУ — тактикой «правдоподобного отрицания». Впрочем, не исключено, что они действительно говорили правду.

Кое-кто утверждал, что само имя «Чака» впервые возникло как зашифрованное название и лишь затем, подобно «поручику Киже» у Прокофьева, превратилось в нечто реальное, ожило, поскольку приносило пользу некоторым секретным службам.

Но существовало и другое, возможно притянутое за уши, объяснение, принадлежащее тем, кто искренне верил в существование Чаки. Оно сводилось к тому, что агенты Чаки в случае опасности захвата в плен и последующего допроса кончали с собой.

Как бы то ни было, никто не ожидал, что два века спустя легенда о великом вожде зулусских племен оживет и бросит зловещую тень на совершенно неведомый ему мир.

25. Скрытый мир

На протяжении десяти лет после вспышки Юпитера и начала Эры Великого Таяния на всех его спутниках Европу не трогали. Затем китайцы осуществили быстрый пролет, зондируя радиолокатором ее поверхность, затянутую пеленой облаков, в надежде отыскать обломки своего космического корабля «Цянь». Они потерпели неудачу, однако составленные ими карты Дневной стороны впервые фиксировали появление новых континентов, возникающих по мере таяния ледяного покрова.

Кроме того, они обнаружили какую-то идеально прямую двухкилометровую плиту явно не природного происхождения, которую окрестили Великой Стеной. Ее форма и размеры позволили предположить, что это тот самый монолит — или один из монолитов, поскольку миллионы таких монолитов возникли за несколько часов до рождения Люцифера.

Несмотря на это, Европа не подавала никаких признаков разумной жизни; окутанная пеленой все более сгущающихся облаков, она хранила молчание. Вот почему спустя несколько лет на постоянные орбиты вокруг Европы были выведены исследовательские спутники, а в атмосферу сброшены высотные шары-зонды с целью изучения направления и силы ветров. Это оказалось исключительно интересным для земных метеорологов, потому что Европа — с ее центральным океаном и никогда не заходящим солнцем — представляла собой идеально упрощенную модель для их исследований.

Так началась игра в «европейскую рулетку», как называли ее чиновники всякий раз, когда ученые предлагали спуститься поближе к поверхности спутника. По истечении пятидесяти лет — во время которых ничего не случилось — это стало даже скучным. Капитан Лаплас надеялся, что так будет продолжаться и дальше, и доктору Андерсону пришлось долго его уговаривать.

— Лично мне, — сказал капитан ученому, — представляется не слишком дружелюбным, когда на [illegible]ня сбрасывают тысячекилограммовую бронебойную ракету, устремляющуюся вниз со скоростью тысяча кило-

метров в час. Удивляюсь, как вам удалось получить разрешение Всемирного совета.

Доктор Андерсон был удивлен не меньше, хотя изменил бы свою точку зрения, знай, что этот вопрос стоял последним в длинной повестке дня Подкомитета по вопросам науки и обсуждение закончилось поздно вечером в пятницу. Порой такие пустяки делают Историю.

— Я с вами согласен, капитан. Но мы действуем в весьма ограниченных координатах и никак не можем нанести вред этим... европейцам, кем бы они ни были. Наша цель — в пяти километрах над уровнем моря.

— Да, я знаю. А почему вас так интересует гора Зевс?

— Видите ли, она представляет собой совершеннейшую тайну. Всего несколько лет назад ее вообще не было! Эта загадка сводит геологов с ума.

— Значит, прибор, запущенный вами, проникнет в ее толщу и передаст сведения, которые помогут разгадать эту тайну.

— Совершенно верно. И еще — вообще-то я не имею права говорить об этом — мне поручено сохранить в секрете полученные сведения и передать их на Землю в зашифрованном виде. Судя по всему, кто-то находится на пороге важного открытия и не хочет, чтобы его опередили. Представляете, насколько мелочными бывают ученые?

Капитан Лаплас отлично представлял это, но ему не хотелось разочаровывать доктора Андерсона. Ученый был так трогательно наивен; как бы ни развивались события — а капитан был теперь совершенно уверен, что экспедиция вовсе не та, какой кажется с первого взгляда, — Андерсон оставался в полном неведении.

— Надеюсь, доктор, европейцы не занимаются альпинизмом. Представляете, что произойдет, если именно в этот момент они попытаются водрузить флаг на своем местном Эвересте?

При запуске пенетрометра на борту «Гэлакси» царило необычное волнение — даже неизбежные шутки звучали вполголоса. За те два часа, что зонд летел к поверхности Европы, чуть ли не каждый, кто был на ко-

рабле, сумел побывать на мостике и поинтересоваться, как проходит наведение зонда, — и всякий раз объяснение такого любопытства звучало вполне правдоподобно. Когда осталось пятнадцать минут, капитан Лаплас запретил вход на мостик всем посторонним, исключение составляла новая стюардесса Рози: без множества пластмассовых шариков с великолепно приготовленным кофе, который приходилось — в условиях невесомости — выжимать прямо в рот, операция просто не могла продолжаться.

Все шло как нельзя лучше. Вскоре после вхождения в атмосферу привели в действие воздушные тормоза, которые снизили скорость полета зонда до нужной величины. На экране радиолокатора непрерывно росла цель — совершенно невыразительная, без осязаемого масштаба. За секунду до удара все записывающие устройства автоматически переключились на моментальную регистрацию...

Однако записывать было нечего.

— Теперь мне понятно, — печально пробормотал доктор Андерсон, — какие чувства испытывали в Лаборатории реактивного движения, когда первые «Рейнджеры» врезались в поверхность Луны... с неработающими камерами.

26. Ночная вахта

Всеобщим является только время; день и ночь — это всего лишь забавные местные обычаи, существующие на тех планетах, где приливные силы еще окончательно не покончили с их вращением. Но как далеко от родного мира ни залетали бы люди, они не могли освободиться от суточного ритма жизни, возникшего много веков назад в результате поочередного наступления света и темноты.

Поэтому в 01.05 всеобщего времени второй помощник Чанг находился на мостике совсем один, охраняя спокойствие мирно спящего корабля. Строго говоря, его бдение было тоже излишним — электронные датчики «Гэлакси» сумеют обнаружить любую неисправность на-

много быстрее. Однако сто лет исследований в области кибернетики показали, что человеческие существа все еще несколько лучше машин реагируют на неожиданности, а они, рано или поздно, обязательно случаются.

Где мой кофе? — раздраженно думал Чанг. Рози запаздывает — это на нее непохоже. Уж не испытывает ли и она то же недомогание, что охватило ученых и команду после неудач последних двадцати четырех часов?

После катастрофы с первым пенетрометром началось поспешное обсуждение дальнейших шагов. Оставался еще один аппарат; он был предназначен для Каллисто, но его вполне можно было использовать и здесь.

— К тому же, — доказывал доктор Андерсон, — мы уже совершали посадки на Каллисто — ничего, кроме всякого рода битого льда, там нет.

Возражений не было. После двенадцати часов, необходимых для проверки пенетрометра и приведения его в готовность, аппарат номер три был запущен в затянутую облаками атмосферу Европы по невидимой траектории его предшественника.

На этот раз записывающие устройства корабля включились — на половину миллисекунды. Акселерометр, установленный на зонде и рассчитанный на перегрузки до 20 тысяч g, зашкалило сразу после этого. Все приборы, установленные на пенетрометре, вышли из строя в сотую долю секунды.

После нового, еще более грустного анализа ситуации было решено сообщить о происшедшем на Землю и ждать указаний на высокой орбите вокруг Европы, задержав пока полет к Каллисто и внешним лунам.

— Извините за опоздание, сэр, — раздался голос Розы Мак-Магон (по ее имени никогда не догадаться, что девушка темнее того кофе, что она принесла в пластмассовых шариках). — Я, наверно, забыла поставить будильник.

— Нам здорово повезло, — засмеялся вахтенный офицер, — что тебе не приходится управлять кораблем.

— Я вообще не понимаю, как можно им управлять, — ответила Роза. — Все так сложно.

— О, это кажется лишь с первого взгляда, — заме-

тил Чанг. — Разве при обучении у вас не было курса по основам астронавтики?

— Не помню — вроде был. Но для меня все это так непонятно — разные там орбиты и все остальное.

Второму помощнику Чангу было скучно. Он решил, что, просветив свою невежественную посетительницу, совершит акт добродетели. И хотя Роза не принадлежала к тем девушкам, которые ему нравились, она была, без сомнения, привлекательна; немного усилий, потраченных сегодня, могут окупиться в будущем. Ему и в голову не пришло, что девушка, исполнив свой долг и снабдив его кофе, хочет снова отправиться спать.

Заканчивая свой двадцатиминутный монолог, второй помощник Чанг указал на панель управления и заключил с широкой улыбкой:

— Как видишь, все делается почти автоматически. Стоит ввести несколько цифр в бортовой компьютер, и корабль сделает остальное.

Казалось, Роза устала — она то и дело поглядывала на часы.

— Извини, Рози, — с искренним раскаянием произнес Чанг. — Тебе, наверно, хочется спать.

— Нет-нет, все так интересно. Продолжайте, пожалуйста.

— Ни в коем случае. В следующий раз. Спокойной ночи, Рози, — и спасибо за кофе.

— Спокойной ночи, сэр.

Стюардесса третьего класса Роза Мак-Магон скользнула (не очень искусно) по направлению ко все еще открытой двери. Когда дверь захлопнулась, Чанг даже не обернулся.

Поэтому, когда через несколько секунд на мостике раздался совершенно незнакомый женский голос, он был потрясен.

— Мистер Чанг, не нажимайте на кнопку тревоги — она выключена. Вот посадочные координаты. Сажайте корабль.

Медленно, не веря своим ушам — не иначе задремал, и приснился страшный сон, — Чанг повернулся в кресле.

Девушка, называвшая себя Розой Мак-Магон, висела

в пространстве рядом с овальным люком, держась за рукоятку затвора. Все в ней, казалось, переменилось; в одно мгновение они поменялись ролями. Застенчивая стюардесса, которая никогда раньше не осмеливалась посмотреть ему в лицо, теперь уставилась на Чанга холодным, безжалостным взглядом; он понял, как чувствует себя кролик, на которого, не отрываясь, гипнотизирующе смотрит змея. В свободной руке она сжимала небольшой, вороненой стали пистолет; впрочем, это смертоносное оружие казалось излишним — Чанг не сомневался, что ей ничего не стоит прикончить его голыми руками.

Тем не менее чувство собственного достоинства и профессиональная гордость не позволяли Чангу сдаться без борьбы. И уж по крайней мере, нужно было выиграть время.

— Рози, — произнес он, и губы едва выговорили имя, которое звучало сейчас так неуместно, — это просто глупо. Неужели ты поверила тому, что я тебе говорил? Это неправда. Я не могу посадить корабль в одиночку. Нужно несколько часов, чтобы рассчитать параметры орбиты, и мне понадобится помощь при посадке. По крайней мере, второй пилот.

Дуло пистолета не шелохнулось.

— Не морочьте мне голову, мистер Чанг. Этот корабль не ограничен энергией, как старые ракеты на химическом топливе. Космическая скорость на Европе всего три километра в секунду. Ваша подготовка включает аварийную посадку при неисправном бортовом компьютере. А теперь постарайтесь применить это на практике: окно для оптимальной посадки в указанных мной координатах открывается через пять минут.

— При аварийной посадке такого типа, — сказал Чанг, мокрый от пота, — процент риска равен двадцати пяти. — Вообще-то истинный процент риска был десять, но Чанг решил, что сейчас можно и преувеличить угрожающую опасность. — К тому же прошло уже несколько лет, и я изрядно подзабыл, как это делается.

— В этом случае, — ответила Роза Мак-Магон, — мне придется устранить вас и потребовать, чтобы капи-

тан прислал более надежного офицера. Но тогда мы упустим это окно, а следующего придется ждать два часа. У вас еще четыре минуты.

Второй помощник Чанг понял, что проиграл; во всяком случае, он сделал все от него зависящее.

— Давай свои координаты, — сказал он.

27. Роза

Как только раздались первые негромкие хлопки включенных двигателей контроля ориентации, напоминающие отдаленный стук дятла, капитан Лаплас мгновенно проснулся. Сначала ему показалось, что это сон; нет, корабль действительно разворачивался в пространстве.

Может быть, один борт перегрелся и система термического контроля слегка развернула корабль. Такое иногда случалось, и всегда по недосмотру вахтенного офицера, не заметившего повышения температуры.

Он протянул руку, чтобы нажать на кнопку интеркома, связывающего капитанскую каюту с мостиком, и вызвать — кто там сейчас на вахте? — да, мистера Чанга, но рука остановилась на полпути.

После многих дней в невесомости даже одна десятая силы тяжести застает врасплох. Капитану показалось, что понадобились минуты — хотя прошло, должно быть, всего несколько секунд, — чтобы расстегнуть привязные ремни и выбраться из койки. На этот раз он нажал кнопку изо всех сил. Никто не отвечал.

Капитан старался не обращать внимания на стук падающих вокруг незакрепленных предметов, которые срывало с мест появление силы тяжести. Все падало и стучало, казалось, довольно долго; наконец единственным звуком, нарушающим тишину, стал отдаленный приглушенный рев двигателя, включенного на полную мощность.

Он рванул занавеску на иллюминаторе и взглянул на звезды. Капитан примерно представлял, куда должна быть направлена продольная ось корабля; здесь не требовалась точность; даже если ему удастся установить

направление с ошибкой в тридцать или сорок градусов, это позволит сделать выбор между двумя возможностями.

«Гэлакси» можно направить так, что он будет либо терять, либо увеличивать орбитальную скорость. Корабль терял скорость — значит, он готовился спускаться к Европе.

Кто-то настойчиво стучал в дверь, и капитан понял, что прошло всего лишь чуть больше минуты. В дверном проеме стояли второй помощник Флойд и еще два члена экипажа.

— Дверь на мостик заперта, сэр, — произнес Флойд, тяжело дыша. — Мы не можем войти — и Чанг не отвечает на вызов. Нам не понятно, что случилось.

— Боюсь, мне это вполне понятно, — ответил капитан Лаплас, натягивая брюки. — Рано или поздно какой-нибудь сумасшедший должен был додуматься до этого. Мостик захвачен, и я догадываюсь, куда мы летим. Вот только не могу понять — почему.

Он взглянул на часы и быстро подсчитал в уме.

— При таком уровне тяги мы сойдем с орбиты через пятнадцать минут — ну, скажем, через десять — скинем пять минут на всякий случай. Как отключить двигатель, не подвергая опасности корабль?

Второй механик Ю уныло покачал головой и ответил довольно неохотно:

— Можно отключить на щите сеть питания насосов, и прекратится подача топлива.

— К нему можно добраться?

— Да, он на третьей палубе.

— Пошли.

— Э-э... тогда автоматически включится резервная система питания. В целях безопасности она размещена за бронированной переборкой на пятой палубе — придется действовать лазерным резаком — нет, не успеем.

Капитан Лаплас именно этого и боялся. Гениальные инженеры, проектируя «Гэлакси», постарались защитить корабль от любых случайностей. Но они оказались бессильны против человеческой злобы.

— Еще есть варианты?

— Боюсь, за это время — никаких.

— Тогда идем на мостик и попытаемся поговорить с Чангом или с тем, кто там с ним.

Кто это может быть? — думал капитан. Ему не хотелось верить, что негодяем оказался кто-то из его постоянной команды. Значит... — ну конечно! Маньяк — это ученый, старающийся подтвердить справедливость своей теории; эксперименты терпят неудачу, и он решает, что интересы науки и стремление к знаниям прежде всего...

Все это неприятно походило на дешевую мелодраму о безумном ученом, но факты, факты... Неужели доктор Андерсон решил, что это единственный путь к Нобелевской премии?

Теория рухнула, когда растрепанный и запыхавшийся геолог подбежал к капитану.

— Боже мой, что происходит? Включена максимальная тяга! Мы опускаемся или поднимаемся?

— Опускаемся, — ответил капитан Лаплас. — Минут через десять выйдем на орбиту сближения с Европой. Будем надеяться, что человек, управляющий полетом корабля, знает что делает.

Они стояли перед закрытой дверью на мостик. Изнутри не доносилось ни единого звука.

Лаплас изо всех сил постучал в дверь, едва не разбив в кровь костяшки пальцев.

— С вами говорит капитан! Откройте!

Глупо, подумал он, давать команду, которую никто не собирается исполнять. Он надеялся, однако, что последует какая-то реакция. К его изумлению, так и произошло.

В динамике над головой что-то зашипело и раздался голос:

— Не делайте глупостей, капитан. У меня пистолет, и мистер Чанг исполняет мои приказы.

— Кто это? — удивленно прошептал один из офицеров. — Похоже на женщину!

— Совершенно верно, — мрачно согласился капитан.

Число версий резко сократилось, но легче от этого не стало.

— На что вы надеетесь? Вы знаете, что не сможете избежать наказания! — закричал он как можно более властным голосом.

— Мы садимся на Европу. И если вам хочется когда-нибудь улететь отсюда, не пытайтесь мешать.

— В каюте ничего подозрительного, — сообщил спустя тридцать минут второй помощник Крис Флойд. К этому моменту двигатели были уже выключены и «Гэлакси» снижался по эллиптической орбите, готовясь вот-вот скользнуть в атмосферу Европы. Пути назад уже не было; сейчас можно было вывести из строя двигатели, но это было равноценно самоубийству. Двигатели понадобятся при посадке — хотя это всего лишь отдалит неизбежный конец.

— Роза Мак-Магон! Кто бы мог в это поверить! Может, она наркоманка?

— Нет, — ответил Флойд. — Это тщательно продуманная и отлично выполненная операция. У нее на корабле спрятано радио. Нужно взяться за поиски.

— Ты рассуждаешь как полицейский.

— Сейчас же прекратите, господа, — вмешался капитан. Все были взвинчены до предела — и в первую очередь из-за невозможности предпринять что-нибудь или хотя бы установить связь с мостиком, где забаррикадировалась преступница. Он посмотрел на часы.

— До входа в атмосферу — по крайней мере в то, что здесь называется атмосферой, — осталось меньше двух часов. Я буду у себя в каюте — вдруг им захочется поговорить со мной. Мистер Ю, прошу вас остаться у входа на мостик и сообщать мне о происходящем.

Еще ни разу в жизни капитан не чувствовал себя таким беспомощным, но бывает время, когда не остается ничего иного, кроме ожидания. Выходя из офицерской кают-компании, он слышал, как кто-то грустно заметил:

— Сейчас бы шарик кофе. Рози умела готовить такой кофе, какого я нигде больше не пробовал.

Да, мрачно подумал капитан, она действительно знает свое дело. За что ни возьмется, доводит до конца решительно и без колебаний.

28. Диалог

Лишь один человек на борту «Гэлакси» не считал происходящее полной катастрофой. Пусть я погибну, говорил себе Рольф Ван-дер-Берг, но, по крайней мере, у меня остается надежда обессмертить свое имя в анналах науки. Это, конечно, слабое утешение, но никто на борту не мог рассчитывать на большее.

«Гэлакси» направлялся к горе Зевс — в этом у него не было ни малейших сомнений; на Европе нет больше ничего интересного. Более того, ни на одной планете ничто даже отдаленно нельзя сравнить с горой Зевс.

Значит, его теория — а он честно признавался, что это все еще оставалось теорией, — перестала быть тайной. Как могли это разнюхать?

Он полностью доверял дяде Паулю — правда, старик мог проявить неосторожность. Более вероятно другое — кто-то постоянно следил за его компьютерами. Если дело обстоит именно так, жизни старого ученого угрожает опасность. Может быть, следует предостеречь его, подумал Рольф. Он знал, что радист пытается установить связь с Ганимедом, воспользовавшись запасным передатчиком; уже сработал автоматический маяк, и сигнал тревоги вот-вот будет принят на Земле, ведь прошел почти час.

— Войдите, — отозвался Рольф, услышав деликатный стук в дверь. — А, это ты, Крис. Что тебя привело сюда?

Рольф с удивлением смотрел на Криса Флойда, которого знал ничуть не лучше остальных офицеров корабля. Если посадка на Европу окажется удачной, мелькнула у него мрачная мысль, у них у всех будет достаточно времени, чтобы познакомиться куда лучше.

— Привет, доктор. Вы — единственный, у кого каюта в этой части корабля. Решил вот обратиться к вам за помощью.

— Не уверен, что сейчас кто-нибудь на это способен. С мостика нет новостей?

— Нет. Когда я уходил, Ю и Гиллингс пытались прикрепить микрофон к двери. Впрочем, внутри все тихо. И неудивительно — у Чанга сейчас хлопот полон рот.

— А он сумеет совершить посадку на Европе?

— Он блестящий пилот; если вообще возможно посадить корабль, он посадит его. Меня куда больше беспокоит, как взлететь потом.

— Мне и в голову не приходило заглядывать так далеко. Я считал, что уж с этим-то не будет проблем.

— Нет, это окажется рискованным предприятием. Не забывайте, наш корабль рассчитан только на орбитальные полеты. Мы не собирались совершать посадку на одной из крупных лун — правда, рассчитывали сесть на Ананке и Карме. Поэтому не исключено, что мы застрянем на Европе, — особенно если Чанг израсходует слишком много топлива в поисках места для посадки.

— А ты не знаешь, где он собирается сесть? — Рольф постарался, чтобы его голос звучал как можно равнодушнее. По-видимому, это ему не удалось, потому что Крис взглянул на Рольфа с интересом.

— Пока не знаю. Все прояснится, когда Чанг начнет торможение. Но вы ведь хорошо знакомы с этими лунами; где, по вашему мнению, мы совершим посадку?

— На Европе лишь одно интересное место. Гора Зевс.

— А почему кому-то нужно садиться именно там?

Рольф пожал плечами:

— Именно это нам и хотелось узнать. Обошлось нам в два дорогих пенетрометра.

— Похоже, обойдется куда дороже. Неужели у вас нет никаких подозрений?

— Ты рассуждаешь как полицейский, — с улыбкой заметил Ван-дер-Берг, совершенно не думая, что его слова могут быть восприняты серьезно.

— Странно — за последний час мне только об этом и говорят.

Мгновенно атмосфера в каюте изменилась — будто что-то сработало в системе жизнеобеспечения.

— Не обращай внимания — я просто пошутил, или это правда?

— Если и правда, то я не признаюсь в этом — верно?

Он так и не ответил на мой вопрос, подумал Ван-дер-Берг; с другой стороны, вдруг это и было ответом.

Он внимательно посмотрел на молодого офицера, отметив — не в первый раз — поразительное сходство со знаменитым дедом. Кто-то говорил, что Крис Флойд был включен в состав команды «Гэлакси» незадолго до полета; раньше он служил на другом корабле космического флота Тсунга. «И тут не обошлось без связей», — скептически заметил про себя ученый. Однако в способностях Флойда не приходилось сомневаться — он был превосходным офицером. Впрочем, эти способности могли пригодиться и при выполнении побочных обязанностей; к примеру, Роза Мак-Магон — она ведь тоже, между прочим, была включена в состав экипажа «Гэлакси» перед самым вылетом.

Рольф Ван-дер-Берг чувствовал, будто его втягивают в какую-то огромную, липкую паутину межпланетных интриг; как ученый, привыкший всегда — почти всегда — получать прямые и недвусмысленные ответы на вопросы, задаваемые им природе, он чувствовал себя не в своей тарелке.

Впрочем, у него вряд ли есть основания считать себя невинной жертвой. Он пытался скрыть правду — или, по крайней мере, то, что он считал правдой. И теперь последствия обмана начали множиться подобно нейтронам при цепной реакции, причем результаты могут оказаться такими же разрушительными.

На чьей стороне Крис Флойд? И вообще, сколько здесь сторон? Бурская лига, несомненно, как-то замешана, раз уж сведения о горе Зевс просочились и стали достоянием многих. Но ведь и внутри лиги множество фракций и немало групп, находящихся в оппозиции к ним; все это походило на зал, где — куда ни глянь — видишь свое отражение в зеркалах.

И все-таки Рольф был уверен в одном: Крису Флойду можно доверять — хотя бы из-за его связей. Готов побиться об заклад, подумал Рольф, что на время этой

экспедиции он работает по заданию АСТРОПОЛа — каким ни окажется этот период — коротким или длинным.

— Я готов помочь, Крис, — произнес он задумчиво. — Ты, наверно, подозреваешь, что у меня есть кое-какие мысли. Не исключено, впрочем, что они могут оказаться совершенно необоснованными... Меньше чем через полчаса все станет ясно. А пока мне хотелось бы сохранить их в секрете.

И это не просто врожденное бурское упрямство, подумал Рольф. Если он ошибся, ему не хотелось бы умирать среди тех, кто знает, что трагедия произошла из-за его глупости.

29. Спуск

Этот вопрос мучил второго помощника Чанга с того момента, когда «Гэлакси» успешно — к его удивлению и облегчению — перешел на орбиту снижения. В течение следующих двух часов корабль находился в руках всевышнего или, по крайней мере, в руках сэра Исаака Ньютона; оставалось лишь ждать, когда наступит время окончательного торможения и спуска.

На мгновение ему в голову пришла мысль — а не попробовать ли обмануть Розу и в момент, когда «Гэлакси» приблизится к Европе на кратчайшее расстояние, дать ему обратный вектор, повернуть корабль и направить его снова в космос. Тогда «Гэлакси» окажется на устойчивой орбите и со временем их может спасти экспедиция с Ганимеда. У этого плана был, однако, крупный недостаток: уж его-то, Чанга, спасать не придется. И хотя он не был трусом, ему совсем не улыбалась мысль, что он станет посмертным героем космических трасс.

В любом случае надежда пережить следующий час была слабой. Ему приказали посадить космический корабль в три тысячи тонн, одному, без всякой помощи, на совершенно незнакомую поверхность. Даже на Луне, которую Чанг знал как свои пять пальцев, он не решился бы на такой подвиг.

— Сколько минут до начала торможения? — спроси-

ла Роза. Это не было вопросом — скорее, напоминало приказ. Несомненно, она разбиралась в основах астронавтики, и Чанг отказался от последней отчаянной надежды перехитрить ее.

— Пять, — ответил он с неохотой. — Можно, я предупрежу экипаж, чтобы они готовились к посадке?

— Нет, я сама. Где микрофон?.. ВНИМАНИЕ, СООБЩЕНИЕ С МОСТИКА. ЧЕРЕЗ ПЯТЬ МИНУТ НАЧИНАЕМ ТОРМОЖЕНИЕ. ПОВТОРЯЮ, ЧЕРЕЗ ПЯТЬ МИНУТ. КОНЕЦ.

Ученые и офицеры, собравшиеся в кают-компании, ждали этого объявления. В одном им повезло: наружные видеомониторы остались включенными. Возможно, Роза забыла о них; скорее всего, это ее не интересовало. И вот теперь беспомощные зрители — в буквальном смысле плененная аудитория — наблюдали развертывающуюся перед ними картину.

Серп Европы, затянутый облаками, заполнил весь экран камеры заднего обзора. Нигде в сплошной пелене водяных паров, конденсирующихся на обратном пути к ночной стороне, не было ни единого просвета. Само по себе это не имело никакого значения, потому что до последнего момента спуск будет контролироваться радиолокатором. Однако для наблюдателей, вынужденных полагаться на свое зрение, тревожное ожидание лишь усиливало агонию.

Никто не смотрел на приближающийся мир с таким вниманием, как человек, который изучал его в течение почти десяти лет с чувством бессильной неудовлетворенности. Рольф Ван-дер-Берг сидел в хрупком, рассчитанном на малую силу тяжести кресле, пристегнувшись тонкими ремнями, и едва не пропустил момента, когда началось торможение и невесомость исчезла.

Через пять секунд тормозная тяга стала максимальной. Офицеры что-то вычисляли на своих карманных компьютерах; лишенные доступа к главному навигационному компьютеру, они во многом гадали, и капитан ждал, когда сформируется общая точка зрения.

— Одиннадцать минут, — объявил он наконец, — при условии, что он не снизит тягу, — сейчас двигатели

на максимуме. И при условии, что корабль зависнет над облаками на высоте десяти километров — и потом начнет спуск прямо вниз. На это уйдет еще пять минут.

Капитан счел излишним упоминать, что из этих пяти минут самой критической будет последняя секунда.

Казалось, Европа решила хранить свои тайны до самого конца. Когда «Гэлакси» неподвижно повис над покровом облаков, внизу по-прежнему не было видно никаких следов суши или воды. Затем, на несколько мучительных секунд, экраны заволокло серой пеленой — видимость исчезла, за исключением появившихся на мгновение посадочных опор, выдвинутых теперь, но почти никогда ранее не применявшихся. Нескольно минут назад шум сервомоторов, выдвигающих посадочное устройство, вызвал тревогу среди пассажиров; теперь оставалось лишь надеяться, что хрупкие опоры, не рассчитанные на подобную нагрузку, не подломятся под тяжестью корабля.

Какова толщина слоя облаков? — задал себе вопрос Ван-дер-Берг. Неужели они простираются до самой...

Нет, облака редеют, расходятся в стороны — и вот перед ними Новая Европа, раскинувшаяся, казалось, всего в нескольких тысячах метров под кораблем.

Она действительно новая; не обязательно быть геологом, чтобы убедиться в этом. Наверно, четыре миллиарда лет тому назад только что родившаяся Земля выглядела точно так же, в то время как суша и море готовились начать свой вечный спор.

Здесь всего пятьдесят лет назад не было ни суши, ни моря — один лед. Теперь на полушарии, обращенном к пылающему Люциферу, лед растаял, появилась вода и тут же испарилась — водяные пары перенеслись на ледяное полушарие Ночной стороны. Перенос миллиардов тонн жидкости с одного полушария на другое обнажил древнее морское дно, на которое никогда не падал даже свет далекого Солнца.

Когда-нибудь, возможно, этот искореженный ландшафт будет смягчен и укрощен пышным растительным одеялом; сейчас же он представлял собой голые потоки лавы и грязевые поля с поднимающимися над ними

струйками пара. Местами, тут и там, вздымались массы скальных пород со странными, наклонными слоями. Несомненно, это был район колоссальных тектонических возмущений; впрочем, это было и неудивительно, поскольку в результате одного из них недавно появилась гора размером с Эверест.

Да вот и она — возвышается над неестественно близким горизонтом. Рольф Ван-дер-Берг почувствовал, как у него стиснуло грудь и по спине побежали мурашки. Перед ним возвышалась гора его мечты, которую он видел собственными глазами, а не через равнодушные объективы приборов.

Как он и ожидал, ее форма напоминала тетраэдр, причем наклоненный таким образом, что одна из сторон была почти вертикальной (какой вызов для альпинистов, даже при здешней силе тяжести — особенно если учесть, что вогнать скальные крючья невозможно). Вершина горы была затянута облаками, и бóльшую часть пологого склона, обращенного к наблюдателям, покрывал снег.

— Это из-за нее столько шума? — пробормотал кто-то презрительно. — По-моему, самая обычная гора. Ничем не отличается от... — На него сердито зашикали, и снова наступила тишина.

«Гэлакси» медленно смещался теперь в направлении горы — Чанг искал хорошую посадочную площадку. Корабль с трудом контролировал боковой снос, так как девяносто процентов тяги требовалось для того, чтобы просто поддерживать «Гэлакси» в полете. Топлива было достаточно примерно на пять минут таких маневров; после этого совершить посадку, возможно, и удастся — но уже никогда не удастся оторваться от поверхности.

Почти сто лет тому назад такая же дилемма стояла перед Нилом Армстронгом. Но он не управлял кораблем под пистолетом, направленным ему в затылок.

И все-таки последние несколько минут Чанг совершенно забыл и про пистолет, и про Розу. Все его внимание было поглощено работой; он стал частью гигантской машины, которой управлял. Чанг испытывал сейчас лишь одно человеческое чувство; это не было чувство страха, он испытывал ликующий восторг. Он

выполнял любимую работу, составляющую цель его жизни. Посадка на Европу станет вершиной его профессиональной карьеры — даже если это будет последняя вершина.

Казалось, все шло именно к этому. Подножие горы было сейчас на расстоянии менее километра — а Чангу все еще не удалось отыскать посадочную площадку. Местность была исключительно неровной, изрезанной каньонами и усеянной огромными валунами. Он не заметил пока ни единого более или менее горизонтального участка, превышающего по размерам теннисный корт, — а до красной черты на указателе запаса топлива оставалось всего тридцать секунд.

Но вот наконец Чанг заметил ровный участок — самый ровный из всех. Да, это был единственный шанс в оставшееся время.

Легкими точными движениями он начал смещать огромный неустойчивый цилиндр по направлению к выбранной площадке, казалось, покрытой снегом; да, совершенно верно, раскаленные газы из дюз корабля сдували его — но что под снегом? — похоже на лед — видимо, замерзшее озеро — какова толщина — КАКОВА ТОЛЩИНА...

Мощный поток газов из главных дюз корабля ударил по предательски ровной поверхности с силой пятисоттонного молота. Мгновенно по льду разбежались в стороны глубокие трещины, затем начали переворачиваться огромные льдины. Неистовый поток раскаленной плазмы устремился на внезапно обнажившееся озеро, и концентрические волны кипящей воды побежали от центра.

Последующие действия Чанга, как и любого хорошо подготовленного космонавта, были чисто автоматическими. Не теряя ни единого мгновения на колебания, угрожающие гибелью, он сорвал левой рукой предохранительный стержень с опечатанной дверцы; его правая рука тут же схватила красный рычаг, скрытый за ней, и рванула его на себя.

Программа «АВАРИЙНЫЙ ВЗЛЕТ», мирно дремавшая с завершения постройки корабля, молниеносно швырнула корабль обратно в космическое пространство.

30. Посадка «Гэлакси»

Офицеры в кают-компании ощутили внезапный рывок тяги, включенной на полную мощность, как отмену смертного приговора. Они уже заметили, окаменев от ужаса, как под кораблем разрушилась площадка, выбранная для посадки, и понимали, в чем заключается единственный путь к спасению. И теперь, когда Чанг воспользовался им, офицеры позволили себе вздохнуть.

Никто не решался, однако, высказать предположение, как долго они будут наслаждаться этой роскошью. Один лишь Чанг знал, хватит ли топлива, чтобы выйти на устойчивую орбиту; но даже в этом случае, мрачно подумал капитан Лаплас, эта сумасшедшая с пистолетом может заставить Чанга снова пойти на посадку. Правда, капитан был убежден, что она далеко не сумасшедшая: все ее действия были точно рассчитаны.

Неожиданно тяга изменилась.

— Отключился четвертый двигатель, — заметил один из механиков. — Неудивительно, он не рассчитан на такую нагрузку. Наверно, перегрелся.

Никто не почувствовал изменения в направлении полета — тяга хотя и слегка уменьшилась, но была попрежнему направлена вдоль оси корабля — однако изображение на экранах как-то странно накренилось. «Гэлакси» продолжал подниматься, но уже не вертикально. Он превратился в баллистическую ракету, мчащуюся к какой-то неизвестной цели на поверхности Европы.

Прошло еще несколько мгновений, и тяга снова внезапно уменьшилась; горизонт на видеомониторах выровнялся.

— Он отключил двигатель с противоположной стороны, иначе корабль начал бы кувыркаться, но удастся ли ему удержать высоту? Какой молодец!

Ученые, сидящие тут же в кают-компании, никак не могли понять, чем заслужил пилот столь высокую оценку, потому что изображение на экране исчезло и вместо него возник ослепительно белый туман.

— Сбрасывает понемногу лишнее топливо — облегчает корабль...

Тяга уменьшилась до нуля; корабль свободно падал. За несколько секунд они пролетели через огромное облако ледяных кристаллов, образовавшихся из паров топлива, сброшенного Чангом. И под облаком появилось центральное море Европы, медленно приближающееся под воздействием десятой доли земного притяжения. По крайней мере, Чангу не придется искать посадочную площадку; отныне это превратилось в обычную процедуру, знакомую по видеоиграм миллионам — всем тем, кто никогда не бывал в космосе и никогда не рассчитывал побывать.

Нужно было только уравнять тягу двигателя и силу притяжения для того, чтобы опускающийся корабль достиг нулевой скорости при нулевой высоте. Можно было даже немного ошибиться, но только не очень, даже при посадке на воду, которую предпочитали первые американские астронавты и на которую с неохотой пришлось пойти Чангу. Если он допустит ошибку — а после всего, что произошло за последние несколько часов, кто осмелится винить его? — он не услышит от компьютера: «Жаль, но вы разбились. Хотите попробовать еще раз? Отвечайте: да или нет».

Второй помощник Ю с двумя товарищами стояли у запертой дверцы мостика, сжимая в руках импровизированное, сделанное на скорую руку оружие. Им выпало самое трудное задание. Перед ними не было экранов видеомониторов, и они не имели представления о том, что происходит с кораблем. Им приходилось полагаться лишь на те сообщения, которые время от времени получали из кают-компании. Да и с мостика не доносилось ни единого звука, несмотря на установленный ими чувствительный микрофон — впрочем, ничего удивительного в этом не было. У Чанга и Розы Мак-Магон не было ни времени, ни необходимости разговаривать.

Посадка прошла идеально, без малейшего толчка. «Гэлакси» погрузился на несколько метров, немного всплыл, снова опустился и застыл благодаря весу двигателей в вертикальном положении.

И только теперь микрофон подхватил первые слова,

произнесенные в рубке:

— Ты сумасшедшая, Рози, — послышался голос Чанга, не рассерженный, а скорее равнодушно-усталый. — Надеюсь, ты довольна. Благодаря тебе все мы погибли.

Затем хлопнул пистолетный выстрел и наступила долгая тишина.

Ю с товарищами терпеливо ждали. Рано или поздно что-то должно было произойти. Вдруг они услышали, как поворачиваются защелки, покрепче сжали в руках разводные ключи и ломики и приготовились. Она сможет застрелить одного из них, но не всех троих.

Дверь начала открываться — медленно, очень медленно.

— Извините, — произнес второй помощник Чанг. — Должно быть, я упал в обморок.

И тут же, подобно любому разумному человеку, снова потерял сознание.

31. Галилейское море

Не могу понять, подумал капитан Лаплас, как можно работать врачом. Либо сотрудником похоронного бюро. И тем и другим приходится иногда заниматься отвратительными делами.

— Ну как, нашли что-нибудь?

— Ничего, капитан. Конечно, у меня нет соответствующего снаряжения. Я слышал, что некоторые имплантированные приборы можно отыскать лишь с помощью микроскопа. Правда, радиус их действия очень мал.

— Где-то на борту корабля находится ретранслятор. Флойд предложил обыскать корабль. Вы сняли отпечатки пальцев и... имеются ли другие средства опознания?

— Да. Установив связь с Ганимедом, передадим всю информацию, включая ее документы. Сомневаюсь, однако, что удастся выяснить настоящее имя Рози или на кого она работала... Или почему.

— По крайней мере, она проявила гуманность, — задумчиво произнес Лаплас. — Когда Чанг дернул за ручку аварийного взлета, ей стало ясно, что все кончено.

Ведь она вполне могла выстрелить в него и разбить корабль.

— Боюсь, нам мало пользы от ее гуманности. А вот что случилось, когда мы с Дженкинсом выбросили тело через отверстие для мусора...

На лице у доктора появилась гримаса отвращения.

— Разумеется, вы были правы, капитан — ничего другого не оставалось. Так вот, мы решили, что не стоит привязывать груз к трупу, и несколько минут он плавал на поверхности. Мы хотели убедиться, что он отплывет подальше от корабля — как вдруг...

Казалось, врач не решается продолжать.

— Да говорите же, черт побери!

— Из воды показалось что-то... Похожее на клюв попугая, только раз в сто больше. Он схватил ее и тут же исчез. Мы в серьезной компании, капитан. Даже если воздух пригоден для дыхания, не советую купаться...

— Мостик вызывает капитана, — донесся из динамика голос вахтенного офицера. — В воде что-то происходит. Включаю камеру три — следите.

— Это именно та штука, которую я видел! — воскликнул врач. По его спине пробежали мурашки. «Надеюсь, он не вернулся за добавкой», — промелькнула у него мрачная мысль.

Внезапно огромное тело выпрыгнуло из воды и взлетело, изгибаясь, в небо. Чудовище, казалось, повисло над поверхностью моря.

Знакомое тоже может ошеломить — если встретить его в неожиданном окружении. Капитан и врач воскликнули в один голос: «Это акула!»

Они успели заметить небольшие различия — кроме огромного попугаечьего клюва, — прежде чем гигант рухнул обратно в море. У него была еще одна пара плавников — и вроде отсутствовали жабры. Вдобавок, не было глаз, зато с каждой стороны клюва виднелись странные выступы, напоминающие какие-то органы чувств.

— Ну, конечно, конвергентная эволюция, — заметил доктор. — Одинаковые проблемы — одинаковые пути решения этих проблем, на любой планете. Как на Земле.

Акулы, дельфины, ихтиозавры — все морские хищники схожи. Признаться, клюв меня озадачил...

— А что происходит сейчас?

Чудовище снова появилось на поверхности, но теперь оно двигалось очень медленно, будто высоченный прыжок истощил его силы. Более того, оно казалось больным — даже в предсмертной агонии; чудовище било хвостом по морской поверхности, не пытаясь плыть куда-то.

Внезапно его стошнило, затем оно перевернулось вверх брюхом и безжизненно застыло на поверхности моря, колыхаясь в волнах.

— Боже мой! — голос капитана был полон отвращения. — Мне кажется, я понимаю, что произошло.

— Совершенно разные биохимические циклы. — Даже врач был потрясен увиденным. — Рози умерла не одна — она прихватила его с собой.

Галилейское море было названо так, разумеется, в честь того, кто открыл Европу, — а он, в свою очередь, был назван по имени совсем маленького моря на ином мире.

Море на Европе было совсем юным — ему не было и пятидесяти лет. Подобно большинству младенцев, оно любило порезвиться. Хотя атмосфера Европы была все еще слишком разреженной, чтобы создавать настоящие ураганы, с окружающих его берегов непрерывно дул ветер — в сторону тропической зоны, прямо над которой застыл раскаленный Люцифер. Там, где господствовал вечный полдень, вода кипела не переставая — правда, в этой разреженной атмосфере ее температуры едва хватало, чтобы приготовить чашку горячего чая.

К счастью, эта бурлящая, кипящая зона непосредственно под Люцифером находилась в тысяче километров отсюда; «Гэлакси» совершил посадку в относительно спокойном районе, менее сотни километров от ближайшей суши. При максимальной скорости корабль мог пролететь это расстояние в ничтожные доли секунды; но сейчас, когда он дрейфовал под низко висящими облаками, окутавшими Европу серым пологом, суша казалась

такой же далекой, как самый отдаленный квазар. Положение было еще хуже — если такое вообще было возможно — потому, что непрекращающийся ветер, дувший с суши, уносил «Гэлакси» все дальше в море. И даже если бы кораблю удалось выброситься на какой-нибудь девственный пляж этого юного мира, его положение вряд ли улучшилось бы.

Правда, это облегчило бы жизнь на нем: космические корабли, несмотря на их удивительную водонепроницаемость, редко славятся мореходными качествами. «Гэлакси» плыл в вертикальном положении, волны непрерывно бросали его вверх и вниз; половина команды уже страдала от морской болезни.

Первое, что сделал капитан Лаплас, выслушав доклады о повреждениях, полученных при посадке, — обратился по судовому радио ко всем, кто имел опыт плавания на морских судах любых типов и размеров. Он надеялся, что среди тридцати инженеров-астронавтов и ученых-космологов таких найдется немало, и не ошибся. Почти немедленно свои услуги предложили пять яхтсменов-любителей и даже один профессиональный моряк — завхоз Фрэнк Ли, начавший свою карьеру на морских судах линии Тсунга и лишь потом перешедший на космические лайнеры.

Хотя завхозы больше привыкли работать со счетными машинками (или, как это предпочитал сам Фрэнк Ли, с деревянными, изготовленными двести лет назад счетами, где нужно было перебрасывать костяшки из слоновой кости), чем с навигационными приборами, им все-таки приходилось осваивать основы морского дела и даже сдавать экзамены. Ли ни разу не доводилось испытать на практике искусство моряка — и вот теперь, почти в миллиарде километров от Южно-Китайского моря, этот момент наступил.

— Нужно заполнить топливные баки, — посоветовал он капитану. — Тогда корабль осядет и будет меньше подпрыгивать на волнах.

Лапласу казалось нелепым пускать воду в корабль, и он заколебался:

— А если нас выбросит на мель?

Никто из офицеров, присутствовавших в кают-компании, не сделал прямо-таки напрашивающегося замечания: «Ну и что?». Даже без обсуждения всем казалось, что на суше они будут в безопасности — лишь бы добраться до нее.

— Тогда мы просто продуем баки. Нам все равно придется сделать это, когда достигнем берега, чтобы перевести корабль из вертикального положения в горизонтальное. Хорошо, что генераторы продолжают действовать...

Он замолчал; все понимали, что имелось в виду. Без вспомогательного реактора, снабжающего систему жизнеобеспечения энергией, все на «Гэлакси» погибли бы уже через несколько часов. А теперь — если реактор не выйдет из строя — корабль будет сохранять им жизнь в течение неограниченного времени.

Разумеется, со временем наступит голод; они только что наглядно убедились, что в морях Европы нет пищи для людей, один лишь яд.

По крайней мере, удалось установить связь с Ганимедом — теперь все человечество знает о постигшем их несчастье. Лучшие умы Солнечной системы пытаются сейчас спасти их. Во всяком случае, если не удастся найти выход, у пассажиров и команды «Гэлакси» есть утешение — они умрут в апогее славы.

IV. У ВОДОПОЯ

32. Отводной канал

— Итак, последние новости, — сообщил капитан Смит собравшимся пассажирам. — «Гэлакси» совершил посадку в море и находится на плаву без серьезных повреждений. Погиб один член экипажа — стюардесса. О подробностях не сообщается. Остальные живы и здоровы.

Все корабельные системы работают нормально; в нескольких местах была замечена течь, но ее тут же лик-

видировали. Капитан Лаплас передает, что пока корабль вне опасности, но ветер гонит их от берега, по направлению к центральной зоне Дневной стороны. Это не очень серьезно — на пути расположено несколько крупных островов, и корабль почти наверняка выбросит на один из них. В данный момент «Гэлакси» находится в девяноста километрах от ближайшего острова. С корабля видели крупных морских животных, не представляющих угрозы.

Если ничего не случится, они продержатся несколько месяцев, пока не кончатся запасы пищи, — в настоящее время капитан Лаплас, разумеется, строго ограничил их потребление. Тем не менее никто, по его словам, не падает духом.

А теперь, что ожидают от нас. Если мы немедленно вернемся на Землю, где пройдем переоборудование и заправимся топливом, нам удастся достичь Европы, двигаясь в направлении, обратном обращению Солнечной системы, через восемьдесят пять суток. В настоящее время «Юниверс» является единственным действующим космическим кораблем, способным совершить посадку и снова взлететь с достаточно большим полезным грузом. Шаттлы с Ганимеда смогут, по-видимому, лишь сбрасывать припасы, не больше — хотя от этого может зависеть жизнь тех, кто находится на борту «Гэлакси».

Мне очень жаль, дамы и господа, что наша экспедиция оказалась такой непродолжительной; надеюсь, однако, вы увидели все, что мы обещали. Кроме того, я уверен, вы одобряете цель нашей новой экспедиции — хотя, если уж быть откровенным, шансы на успех невелики. У меня пока все. Доктор Флойд, прошу вас остаться.

Пока остальные покидали, медленно и понурившись, кают-компанию, где состоялось столько инструктажей, капитан просматривал пачку полученных сообщений. Даже сейчас при некоторых обстоятельствах слова, напечатанные на листах бумаги, оставались наиболее удобным средством связи, но и здесь техническая революция оставила свой отпечаток. Листки, которые читал капитан, были сделаны из материала, рассчитанного на многократное использование; такая бумага, применяемая

для мультифаксов в течение неограниченного времени, резко уменьшила нагрузку несчастных мусорных корзин.

— Хейвуд, — произнес он, — теперь формальности закончились, — ты сам понимаешь, эфир забит сообщениями самого разного характера. И многое мне непонятно.

— Мне тоже, — ответил Флойд. — От Криса нет ничего нового?

— Пока нет, но станция на Ганимеде передала твое послание; наверно, он уже получил его. Тебе известно, разумеется, что личные контакты сейчас ограничены, но для тебя сделали исключение.

— Спасибо, капитан. Чем еще могу помочь?

— Я обращусь к тебе, Хейвуд, если понадобится помощь.

Они еще не знали, что это был едва ли не последний разговор, когда сохранялись их дружеские отношения. Через несколько часов доктор Флойд превратится в «этого старого безумного дурака!» и начнется непродолжительный «мятеж на «Юниверс»», возглавляемый самим капитаном.

Идея принадлежала не Хейвуду Флойду, хотя ему очень хотелось бы этого...

Второй помощник Рой Джолсон был «звездочетом», штурманом корабля — точнее, астронавигатором. Флойд едва знал его в лицо и ни разу не имел возможности поговорить с ним, не считая краткого «Доброе утро». Поэтому Флойда немало удивило, когда астронавигатор осторожно постучал в дверь его каюты.

В руках он держал несколько карт и, казалось, чувствовал себя неловко. Вряд ли это было из-за благоговения перед Флойдом — все на борту уже не раз встречали его и достаточно привыкли. Зничит, причина была в чем-то другом.

— Доктор Флойд, — начал астронавигатор таким озабоченным голосом, что сразу напомнил Флойду коммивояжера, чье будущее зависит от того, удастся ли ему заключить эту сделку. — Мне нужен ваш совет — и помощь.

— Можете рассчитывать на меня, но чем я могу помочь?

Джолсон развернул карту, где было указано положение всех небесных тел в пределах орбиты Люцифера.

— Эта мысль возникла у меня, когда я вспомнил, как вы решили причалить «Леонова» к «Дискавери», чтобы успеть как можно дальше уйти от Юпитера перед его взрывом.

— Это придумал не я, а Уолтер Курноу.

— О-о, извините, я этого не знал. Разумеется, рядом с нами нет корабля, который мог бы подтолкнуть нас — но у нас есть нечто куда лучшее.

— Что именно? — спросил озадаченный Флойд.

— Только не смейтесь. Зачем лететь на Землю за топливом, когда Старый служака каждую секунду выбрасывает тонны воды и к тому же находится всего в двухстах метрах? Если мы протянем отводной трубопровод, нам удастся достичь Европы не через три месяца, а через три недели!

Идея была настолько ошеломляющей и одновременно такой очевидной, что у Флойда перехватило дыхание.

— А каково мнение капитана?

— Я еще не обращался к нему; именно в этом мне и потребуется ваша помощь. Мне хочется, чтобы вы проверили мои расчеты, а затем изложили все ему. Уж мне-то он совершенно точно откажет — я не виню его. Окажись я на его месте, я поступил бы так же..,

В каюте воцарилась долгая тишина. Затем Хейвуд Флойд произнес:

— Сейчас я скажу вам, почему это невозможно. А потом вы объясните мне, в чем я ошибаюсь.

Второй помощник Джолсон хорошо знал своего капитана; Смиту еще не приходилось выслушивать такое безумное предложение...

Его возражения были обоснованными и не были продиктованы синдромом «Нет пророка в своем отечестве».

— Согласен, теоретически это осуществимо, — признал он. — Но как решить практические проблемы? Как залить жидкость в топливные баки?

— Я уже говорил с механиками. Переместим корабль на самый гребень кратера — даже в пятидесяти метрах никакой опасности. Затем снимем трубы в незаполненном отсеке, протянем трубопровод к Старому служаке и подождем извержения; известно, как он пунктуален.

— Но корабельные насосы не смогут работать в почти безвоздушном пространстве!

— Они не понадобятся; мощность, с которой выбрасывает воду гейзер, обеспечит нам поступление не менее ста килограммов в секунду. Старый служака выполнит за нас всю работу.

— Гейзер извергает ледяные кристаллы и пар, а не воду.

— Все будет конденсироваться в баках.

— Похоже, ты действительно все продумал, — ответил капитан с неохотным восхищением. — Но все равно — мне это не нравится. Например, насколько чистой будет вода? Ты подумал о растворенных в ней примесях — особенно о частицах углерода?

Флойд с трудом удержался от улыбки. У капитана Смита появилась мания — он боялся сажи.

— Крупные частицы мы отфильтруем; остальные никак не скажутся на реакции. Да, между прочим: похоже, что соотношение изотопа водорода здесь лучше, чем в земной воде. Не исключено, что тяга возрастет.

А как относятся к этому твои спутники? Если мы направимся прямо к Люциферу, пройдут месяцы, прежде чем они вернутся домой...

— Я еще не говорил с ними. Но какое это имеет значение, когда на карту поставлено столько человеческих жизней? Нам удастся прилететь к «Гэлакси» на семьдесят дней раньше! На семьдесят дней! Подумай, что может произойти на Европе за это время!

— Я отлично понимаю важность фактора времени, — огрызнулся капитан. — Но это относится и к нам тоже. На такое длительное путешествие у нас может не хватить продовольствия.

Теперь он начинает ловить блох, подумал Флойд, и не может не знать, что я об этом догадываюсь. Здесь нужен такт...

— На лишнюю пару недель? Неужели у нас так мало запасов? К тому же до сих пор нас слишком хорошо кормили. Кое-кому из нас не повредит сдержанность.

На лице капитана появилась холодная улыбка.

— Попробуй убедить в этом Уиллиса и Михайловича. Боюсь, однако, что вся эта идея — безумный бред.

— По крайней мере, давай изложим ее владельцу корабля. Я хочу поговорить с сэром Лоуренсом.

— Сам понимаешь, я не могу тебе запретить этого, — ответил капитан Смит с сожалением в голосе. — Но я заранее знаю, что он тебе скажет.

Капитан Смит жестоко ошибался.

Сэр Лоуренс Тсунг не играл в азартные игры вот уже тридцать лет — это не соответствовало его величию в мире коммерции. Но в молодости он часто вызывал некоторый переполох на ипподроме в Гонконге, пока отцы города, настроенные пуритански, в приступе заботы о нравственности не приняли решения о его закрытии. До чего похоже на жизнь, думал иногда сэр Лоуренс с сожалением: когда он мог делать ставки, у него не было денег, а теперь, когда столько денег, — положение самого богатого в мире человека ко многому обязывало.

И тем не менее — а он знал это лучше других — вся его деловая карьера была продолжительной азартной игрой. Разумеется, он старался улучшить свои шансы, собирал самую надежную информацию и выслушивал экспертов, которые, по его мнению, могли дать хороший совет. Как правило, он вовремя выходил из игры, полагаясь на интуицию, но риск всегда был где-то рядом.

И теперь, читая меморандум Хейвуда Флойда, он снова испытывал прежнее волнение, как в далеком прошлом, когда видел взмыленных лошадей, с топотом вылетающих из-за поворота на последнюю прямую. И вот перед ним новое рискованное предприятие — наверно, последнее и самое крупное за всю его карьеру, хотя, разумеется, он никогда не скажет об этом совету управляющих своего концерна — не говоря уже о леди Джасмин.

— Билл, — спросил он, — а что ты думаешь об этом?

Его сын (спокойный и основательный в своих поступках, но без искры гения, которая, возможно, и не требовалась в его поколении) ответил именно так, как и ожидал сэр Лоуренс:

— Теоретически это вполне осуществимо. На бумаге все возможно. Однако мы уже потеряли один корабль. И теперь рискуем вторым.

— Но он все равно полетит к Юпитеру — то есть к Люциферу.

— Верно — только после тщательного осмотра и проверки на земной орбите. А ты понимаешь, отец, во что выльется предлагаемая доктором Флойдом экспедиция — при полете прямо к Люциферу? «Юниверс» побьет все рекорды скорости — к моменту Разворота она превысит тысячу километров в секунду!

Это было худшим, что он мог сказать отцу; топот лошадей, летящих к финишу, снова зазвучал в ушах сэра Лоуренса.

— Будет неплохо, — сдержанно заметил сэр Лоуренс, — если они проведут ряд испытаний, хотя капитан Смит сопротивляется изо всех сил. Угрожает даже отставкой. А пока выясни у страховой компании Ллойдза — возможно, нам придется отказаться от требования страховки за «Гэлакси».

Особенно, мог бы прибавить он, если в этой игре мы собираемся использовать «Юниверс» в качестве еще более крупной ставки.

И его очень беспокоил капитан Смит. Теперь, когда Лаплас выброшен на Европу, Смит стал его лучшим капитаном.

33. Заправка

— За всю жизнь не видел ничего более нелепого, — проворчал главный механик. — Но за отведенное нам время лучше не сделаешь.

Самодельный трубопровод протянулся через пятьдесят метров ослепительно белой, усыпанной кристаллами

скалистой почвы от корабля к пока бездействующему жерлу Старого служаки и заканчивался там обращенной вниз четырехугольной воронкой. Солнце только что поднялось из-за холмов, и почва уже начала вздрагивать под ногами — подземные или, точнее, подгаллейские резервуары, питающие гейзер, ощутили прикосновение тепла.

Хейвуд Флойд не выходил из кают-компании, он с трудом верил, что всего за двадцать четыре часа произошло столько событий. Начать с того, что все, кто был на корабле, раскололись на два враждующих лагеря — во главе одного стоял капитан, другой, поневоле, пришлось возглавить ему. Разговаривали они друг с другом с ледяной вежливостью и избегали прямых нападок; правда, Флойд узнал, что в определенных кругах его осчастливили новым прозвищем — «самоубийца Флойд», что ему не слишком понравилось.

И все-таки никто не сумел отыскать существенных изъянов в операции Флойда — Джолсона (это название тоже было несправедливым; сам он настаивал, что заслуга полностью принадлежит Джолсону, но его отказывались слушать. А Михайлович поинтересовался: «Что, боитесь разделить ответственность?»).

Через двадцать минут, когда Старый служака несколько запоздало встретит рассвет, начнется первое испытание. Но даже если оно пройдет успешно и топливные баки начнут наполняться кристально чистой водой — вместо мутной жижи, как предсказывал капитан Смит, — это еще не означало, что путь к Европе открыт.

Незначительным, но немаловажным фактором были желания знаменитых пассажиров. Они надеялись вернуться домой через две недели; теперь, к их удивлению — а в некоторых случаях оцепенению, — перед ними возникла перспектива опасной экспедиции через половину Солнечной системы — причем даже в случае благоприятного исхода день возвращения на Землю был окутан туманом неизвестности.

Уиллис был очень расстроен; все его планы рушились. Он бродил по кораблю, бормоча что-то относи-

тельно судебных исков, но не встречал никакого сочувствия.

Гринберг, напротив, был в восторге; еще бы, он снова работает в космосе! И Михайлович — который тратил массу времени, что-то шумно сочиняя в своей далеко не звуконепроницаемой каюте, — тоже был в экстазе. Он был уверен, что это новое приключение послужит толчком его вдохновению.

Мэгги М отнеслась к этому по-философски: «Если мы можем спасти столько человеческих жизней, — сказала она, глядя прямо на Уиллиса, — разве можно возражать?»

Что касается Эвы Мерлин — Флойд постарался объяснить ситуацию как можно понятнее и убедился, что ей и без того все ясно, — она, ко всеобщему изумлению, задала вопрос, мимо которого до сих пор почему-то проходили: «А если европеане не захотят, чтобы мы совершили посадку на их планете — даже ради спасения наших друзей?»

Флойд посмотрел на нее с искренним изумлением; даже теперь ему все еще трудно было общаться с ней как с мыслящим существом, поэтому он не мог заранее угадать, выскажет ли она нечто поразительно глубокое или ляпнет какую-нибудь глупость.

— Очень интересный вопрос, Эва. Поверьте, я тоже думаю об этом.

Флойд говорил истинную правду: он просто не мог заставить себя соврать Эве Мерлин. Это походило бы на кощунство.

Над жерлом гейзера появились первые струйки пара. Они взлетали вверх и исчезали в небе по своим неестественным траекториям, возможным лишь в безвоздушном пространстве, испаряясь под жгучими солнечными лучами.

Старый служака откашлялся и прочистил глотку. Снежно-белая, поразительно компактная струя ледяных кристаллов и капелек воды начала подниматься в небо. Земные инстинкты наблюдателей подсказывали им, что она вот-вот наклонится и начнет падать вниз, но они,

разумеется, ошибались. Струя взлетала все выше и выше, чуть-чуть расширяясь и сливаясь наконец с огромной сверкающей оболочкой кометы. Флойд с удовлетворением заметил, как трубопровод задрожал и жидкость устремилась по нему в топливные баки.

Через десять минут на мостике состоялся военный совет. Все еще раздраженный, капитан Смит коротко кивнул Флойду; слово взял старший помощник капитана, он был немного смущен.

— Итак, теперь ясно, что трубопровод работает, причем удивительно хорошо. Если ничего не изменится, мы сможем наполнить баки за двадцать часов — хотя не исключено, что придется выйти и закрепить трубы понадежнее.

— А как относительно примесей? — спросил кто-то.

Старший помощник вытянул руку с пластмассовой колбой, наполненной бесцветной жидкостью.

— Мы отфильтровали все частицы диаметром более нескольких микронов. Чтобы не рисковать, проделаем эту операцию дважды, перегоняя жидкость из одного бака в другой. Боюсь, пока не пролетим Марс, придется обойтись без плавательного бассейна.

Все рассмеялись. Напряженность исчезла, и даже капитан позволил себе улыбнуться.

— Для начала включим двигатели на минимальную тягу, чтобы убедиться, как действует H_2O кометы Галлея. Если возникнут затруднения, придется отказаться от этой идеи и лететь для заправки домой, за чистой водой на Луну, франко-борт кратер Аристарх.

Наступила тишина; каждый ждал, что заговорит кто-нибудь другой. Затянувшееся молчание нарушил капитан Смит.

— Вы знаете, — произнес он, — что все это мне очень не нравится. Я даже... — Внезапно он изменил тему; все и без того знали, что он собирался направить сэру Лоуренсу заявление об отставке, хотя этот жест был достаточно бессмысленным при данных обстоятельствах.

— Но за последние несколько часов кое-что произошло. Хозяин корабля одобрил предложение — при усло-

вии, что в ходе наших испытаний не возникнет серьезных трудностей. И — это большой сюрприз, и мне известно о нем не больше вас — Всемирный космический совет не только одобрил замысел, но и обратился к нам с настоятельной просьбой осуществить его, причем взял на себя все расходы. Остается лишь гадать почему.

Однако меня все еще не покидают сомнения... — Он недоверчиво посмотрел на колбу с прозрачной жидкостью, которую держал теперь в руках Хейвуд Флойд, рассматривая на свет и слегка взбалтывая. — Я инженер, а не химик. Жидкость выглядит чистой — но как она скажется на внутренней обшивке топливных баков?

Флойд так и не смог объяснить причину своего поступка; для него столь необдуманные действия были совершенно нехарактерны. Возможно, ему уже слишком надоели долгие споры и хотелось быстрее взяться за дело. А может быть, он решил, что капитану не хватает твердости.

Быстрым движением он повернул краник, сжал в руке пластмассовую колбу и выплеснул все 20 кубических сантиметров кометы Галлея себе в горло.

— Вот ответ на ваш вопрос, капитан, — сказал он, проглотив жидкость.

— Между прочим, — заметил врач полчаса спустя, — ничего глупее мне не приходилось видеть. Вы что, не знаете, что там содержатся цианиды, цианогены и вообще бог знает что еще?

— Да знаю, — засмеялся Флойд. — Видел результаты анализа — несколько частиц на миллион. Никаких оснований для беспокойства. И все-таки меня ждал сюрприз, — унылое выражение сменило улыбку.

— Какой именно?

— Если удастся организовать ее доставку на Землю, можно заработать целое состояние, продавая жидкость как «слабительное кометы Галлея».

34. Автомойка

После того как решение было принято, атмосфера на корабле резко изменилась. Споры стихли; все помогали

друг другу, и мало кому удалось выспаться за два оборота ядра кометы — сто часов земного времени.

Первый день был потрачен на осторожный отвод части струи Старого служаки, но когда гейзер к вечеру утих, техника была полностью отработана. Уже приняли на борт более тысячи тонн воды; в течение следующего галлейского дня баки будут наполнены.

Хейвуд Флойд старался не попадаться на глаза капитану, не желая испытывать судьбу; к тому же у Смита была тысяча разных дел. Правда, рассчитывать параметры новой орбиты не понадобилось; все расчеты были сделаны и тщательно проверены на Земле.

Сейчас уже не оставалось сомнений, что идея — поистине блестящая и ее преимущества даже более значительны, чем ожидал сам Джолсон. Заправившись на комете Галлея, «Юниверс» избавился от двух крупных изменений в траектории полета, необходимых для свидания с Землей; теперь корабль мог лететь прямо к цели с максимальным ускорением, выигрывая много недель. Несмотря на возможный риск, все аплодировали блестящему замыслу.

Или почти все...

Члены тут же возникшего на Земле общества «Руки прочь от кометы Галлея!» были полны возмущения. Их было всего 236, но они знали, как привлечь к себе внимание. По их мнению, нельзя грабить небесное тело — даже ради спасения человеческих жизней. Они не утихомирились и после того, как им объяснили, что «Юниверс» взял лишь малую толику кометного вещества, которое все равно бесполезно исчезало в космическом пространстве. Дело вовсе не в этом, доказывали они, важен принцип. Их сердитые заявления сыграли немалую роль в улучшении настроения на борту корабля, усталые обитатели которого весьма нуждались в разрядке.

Как всегда осторожный, капитан Смит провел первое испытание на одном из коррекционных двигателей; даже если он выйдет из строя, корабль сможет обойтись без него. Не удалось заметить никаких отклонений от нормы; двигатель работал так, будто его питала лучшая дистиллированная вода из лунных шахт.

Затем капитан решил испытать главный двигатель, номер один; если он выйдет из строя, маневренность корабля не нарушится — уменьшится только общая тяга. Корабль полностью сохранит способность маневрировать, но поскольку тягу в этом случае будут обеспечивать лишь четыре бортовых двигателя, она уменьшится на двадцать процентов.

И здесь не было замечено отклонений; даже скептики стали вежливы с Хейвудом Флойдом, а со вторым помощником Джолсоном перестали обращаться как с парией.

Подъем с поверхности кометы был назначен на ранний вечер — перед тем, как начнет ослабевать деятельность Старого служаки. (Увидят ли этот гейзер посетители кометы во время ее следующего прохождения через семьдесят шесть лет? — подумал Флойд. Может быть; следы деятельности гейзера были замечены на фотографиях, сделанных еще в 1910 году.)

Не было никакого отсчета времени, как это происходило на впечатляющих пусках космических кораблей со стартовых площадок мыса Канаверал. Капитан Смит убедился, что все в порядке, дал двигателю ничтожную тягу — всего пять тонн, и «Юниверс» начал медленно подниматься, удаляясь от ядра кометы.

Ускорение было незначительным, зато пиротехнический эффект вызвал благоговейный ужас — и для большинства на борту оказался совершенно неожиданным. До сих пор языки пламени, вырывающиеся из главных двигателей, были практически невидимы, так как они образовывались полностью из высокоионизированного кислорода и водорода. Даже когда — на расстоянии сотен километров от корабля — газы охлаждались настолько, что вступали в химическую реакцию, ничего не было заметно, так как реакция не излучала света видимой части спектра.

Но теперь «Юниверс» поднимался от кометы Галлея на столбе раскаленного сияния, кажущегося почти сплошным и настолько ярким, что на него было трудно смотреть невооруженным глазом. Там, где раскаленное пламя ударяло по ядру кометы, скалистый грунт разле-

тался вверх и в стороны; навсегда покидая вечную странницу, «Юниверс» оставлял свою космическую подпись на ее ядре.

Большинство пассажиров, привыкших подниматься в небо без всяких видимых следов поддержки, реагировали с понятным испугом. Флойд ждал, когда последует неминуемое разъяснение; ему доставляло удовольствие уличать Уиллиса в какой-нибудь научной ошибке, однако это случалось очень редко. И даже когда Уиллис ошибался, он тут же находил вполне разумное объяснение своей ошибке.

— Углерод, — произнес он. — Раскаленный углерод — как в пламени свечи, лишь температура здесь немного выше.

— Немного, — пробормотал Флойд.

— Ведь мы больше не жжем — извините меня за это слово, — Флойд пожал плечами, — чистую воду. Несмотря на тщательную фильтрацию, в ней осталось много коллоидного углерода, не считая соединений, удалить которые можно лишь с помощью дистилляции.

— Несомненно, это производит потрясающее впечатление, — заметил Гринберг, — но я немного обеспокоен. Вся эта радиация — не окажет ли она влияние на двигатели и не вызовет ли перегрев корабля?

Это был действительно интересный вопрос, и на лицах слушателей отразилась тревога. Флойд ждал ответа Уиллиса, но хитрец предпочел уклониться и перебросил мяч Флойду:

— На это лучше всего ответит доктор Флойд — в конце концов, это его идея.

— Не моя, а Джолсона. Но вопрос все равно любопытный. Опасность нам не угрожает — когда тяга достигнет предела, весь этот фейерверк останется в тысяче километров позади. Так что беспокоиться не о чем.

В этот момент корабль повис в двух километрах от ядра кометы Галлея; если бы не ослепительное сияние выбрасываемых газов, они увидели бы под собой всю освещенную Солнцем сторону крошечного мира. На этой высоте — или расстоянии — струя Старого служаки несколько расширялась. Гейзер походил — внезапно

подумал Флойд — на один из гигантских фонтанов, украшающих Женевское озеро. Прошло уже пятьдесят лет, как он видел их в последний раз. Интересно, продолжают ли они действовать?

Капитан Смит легко коснулся рычагов управления, медленно вращая корабль, затем проверил тангаж и рысканье. По-видимому, все в порядке.

— Старт — через десять минут, — объявил он. — Первые пятьдесят часов ускорение силы тяжести — одна десятая *g*; затем две десятых до Разворота — через сто пятьдесят часов после старта. — Он замолчал, давая возможность слушателям проникнуться значением сказанного; еще ни один космический корабль не пытался поддерживать такое значительное постоянное ускорение в течение столь длительного времени. Если «Юниверс» не сумеет должным образом провести операцию торможения, он войдет в историю как первый пилотируемый межзвездный корабль.

А пока он поворачивался в горизонтальном положении — если можно применить это слово в состоянии почти полной невесомости, — и сейчас его нос был направлен точно на белую колонну тумана и ледяных кристаллов, которая продолжала извергаться из ядра кометы. «Юниверс» двинулся по направлению к этому белому столбу...

— Что он делает? — обеспокоенно спросил Михайлович.

Ожидая этот вопрос, капитан заговорил снова. Казалось, у него восстановилось хорошее настроение, и в его голосе звучало нескрываемое удовольствие.

— Нам осталось еще одно дело до отлета. Не беспокойтесь — я совершенно точно знаю, что делаю. И старший помощник согласен со мной — верно?

— Так точно, сэр, хотя мне показалось сначала, что вы шутите.

— Что происходит на мостике? — произнес Уиллис. Впервые он испытывал замешательство.

А теперь корабль начал медленно поворачиваться вокруг своей оси, продолжая двигаться вперед со скоростью пешехода. С этого расстояния — теперь уже мень-

ше ста метров — гейзер еще больше напоминал Флойду такие далекие теперь Женевские фонтаны.

НЕУЖЕЛИ ОН ХОЧЕТ ПРОЛЕТЕТЬ ЧЕРЕЗ...

Совершенно верно. Едва заметная вибрация охватила корпус корабля, когда «Юниверс» погрузился в поднимающуюся вверх колонну пены. Он все еще поворачивался вокруг оси, как бы ввинчиваясь в гигантский гейзер. Иллюминаторы и экраны видеомониторов подернулись молочной пеленой. На все потребовалось не более десяти секунд; затем корабль оказался на другой стороне. С мостика донесся взрыв аплодисментов, но пассажиры — даже включая и самого Флойда — продолжали недоумевать.

— Теперь мы готовы к полету, — заявил капитан голосом, полным удовлетворения. — У нас снова чистый, аккуратный корабль.

На протяжении следующего получаса более десяти тысяч астрономов-любителей на Земле и Луне сообщили, что комета стала вдвое ярче. Сеть Наблюдения за кометами вышла из строя из-за перегрузки, и астрономы-профессионалы были вне себя от гнева.

Но зрители пришли в восторг, а через несколько дней, за несколько часов до рассвета, «Юниверс» выкинул еще более красивый фокус.

Увеличивая скорость более чем на десять тысяч километров в час в течение каждого часа, корабль находился теперь глубоко внутри орбиты Венеры. Он подлетит еще ближе к Солнцу, прежде чем начнет проходить через свой перигелий, с гораздо большей скоростью, чем любое естественное небесное тело, — и затем устремится к Люциферу.

Пролетая между Землей и Солнцем, корабль развернул за собой тысячекилометровый хвост раскаленного углерода, видимый невооруженным глазом как звезда четвертой величины, заметно передвинувшись — по сравнению с созвездиями, расположенными позади, — на фоне утреннего неба в течение одного часа. В самом начале своей спасательной экспедиции больше людей одновременно увидит «Юниверс», чем любой другой пред-

мет, изготовленный человеческими руками за всю историю мира.

35. Дрейф

Неожиданное сообщение, что «Юниверс» уже в пути и может прилететь гораздо раньше, чем предполагалось, настолько улучшило моральное состояние команды и пассажиров «Гэлакси», что их охватило чувство эйфории. Тот факт, что они продолжали беспомощно дрейфовать среди незнакомого океана, окруженные неизвестными чудовищами, внезапно начал казаться не таким уж важным.

Изменилось отношение и к самим чудовищам, хотя они и появлялись иногда, вызывая интерес среди наблюдателей. Изредка выныривали гигантские «акулы», хотя ни разу не приближались к кораблю, даже когда за борт летели отбросы. Это было удивительно; все указывало на то, что огромные животные — в отличие от их земных собратьев — каким-то образом поддерживают между собой связь. Возможно, они ближе к дельфинам, чем к акулам.

Вокруг шныряли стаи самых разных рыб, которые не привлекли бы никакого внимания на земных рынках. После нескольких неудач один из офицеров — страстный рыбак — сумел изловить одну из них на крючок без наживки. Он не мог пронести ее через воздушный шлюз — да и капитан категорически запретил это, — но тщательно измерил и сфотографировал свой улов, прежде чем выбросить его обратно в море.

Рыбаку, гордому своей удачей, пришлось дорого заплатить за успех. Неполный космический костюм, который был на нем, издавал запах тухлых яиц, характерный для сероводорода, и он принес этот запах внутрь корабля. Рыбак как-то сразу забыл про свою удачу и превратился в мишень для бессчисленных насмешек. Это было еще одним напоминанием о чужом и безжалостном мире за бортом корабля.

Капитан тут же запретил рыбную ловлю, несмотря на мольбы ученых. Им разрешалось наблюдать и ре-

гистрировать, но не собирать образцы. К тому же, как было справедливо указано, они планетные геологи, а не натуралисты. Ни один из них не догадался прихватить с собой формалин — впрочем, он, наверно, не оказал бы никакого действия.

Однажды корабль несколько часов дрейфовал через плавающие ковры или листы какого-то ярко-зеленого вещества. Они были овальной формы, имели метров десять в диаметре, и все примерно одного размера. «Гэлакси» пересек их поля, не встречая сопротивления, и они тут же смыкались позади корабля. Было высказано предположение, что это колонии каких-то организмов.

А однажды утром вахтенный офицер был потрясен, увидев, как из глубины поднялся перископ и на офицера уставился кроткий синий глаз, похожий, как сообщил офицер, придя в себя, на глаз больной коровы. Глаз печально разглядывал его в течение нескольких секунд, затем медленно скрылся в океанских глубинах.

Быстрое движение здесь отсутствовало, и причина была очевидна. Европа являла собой мир низкого уровня энергии — в ее атмосфере не было даже следов свободного кислорода, позволяющего животным Земли существовать с помощью серии непрерывных взрывов, начиная с момента, когда они делали первый вздох при рождении. Единственным существом, проявившим отчаянные усилия, была «акула», замеченная с корабля сразу после посадки, да и то в момент предсмертной судороги.

Для людей это было, наверно, хорошим известием. Их, одетых в неуклюжие космические скафандры, вряд ли что-нибудь сможет догнать на поверхности Европы — даже если пожелает.

Капитан Лаплас передал управление кораблем своему завхозу с чувством иронического удовлетворения. Его не покидала мысль, что подобная ситуация может оказаться уникальной в анналах моря и космоса.

Правда, у мистера Ли было не так уж много дел. «Гэлакси» дрейфовал в вертикальном положении, треть корпуса выступала над поверхностью моря, слегка на-

клонившись под напором постоянно дующего ветра, который гнал корабль со скоростью пять узлов. Обнаружили всего несколько мест течи ниже ватерлинии, которые тут же загерметизировали. К счастью, корабельный корпус оказался по-прежнему воздухонепроницаемым.

Несмотря на то, что навигационное снаряжение было в основном бесполезно, они точно знали свои координаты. Ежечасно с Ганимеда передавали результаты радиопеленга их аварийного маяка, и если «Гэлакси» останется на прежнем курсе, не позже чем через три дня их выбросит на большой остров. Если же корабль пронесет мимо, дрейф будет продолжаться в направлении открытого моря, и в конце концов «Гэлакси» достигнет зоны воды, постоянно кипящей при невысокой температуре — непосредственно под Люцифером, стоящим в зените. Хотя последствия и не обязательно окажутся катастрофическими, подобная перспектива не предвещала ничего хорошего; мистер Ли, который временно исполнял обязанности капитана, все время думал, как избежать этого.

Парус — даже если бы ему удалось найти подходящую ткань и оснастку — мало повлиял бы на их теперешний курс. Он пробовал опускать импровизированные морские якоря до глубины в пятьсот метров, пытаясь отыскать подводные течения, и потерпел неудачу. Не удалось и достать дна — глубина океана измерялась, по-видимому, многими километрами.

Возможно, это было и к лучшему; огромные глубины предохраняли их от подводных сотрясений, то и дело происходивших в молодом океане. Время от времени «Гэлакси» сотрясался, как от ударов гигантского молота, — это проносилась ударная волна. Через несколько часов цунами высотой в несколько десятков метров обрушится на какой-то отдаленный берег; но здесь, на большой глубине, смертоносные волны ощущались как легкая рябь.

Несколько раз наблюдатели замечали вдалеке внезапно появляющиеся водовороты; они казались очень опасными — мальмстремы, способные затянуть «Гэлакси» в неизведанные глубины, — к счастью, расстояние было

слишком велико и корабль лишь несколько раз вращался вокруг своей оси.

Наконец, однажды всего в сотне метров от корабля из моря поднялся и лопнул огромный пузырь. Это событие произвело на всех большое впечатление; общие чувства выразил доктор, с облегчением вздохнувший: «Слава богу, внутри корабля мы не чувствуем запаха».

Поразительно, как самые причудливые ситуации могут превращаться в обыденные. Уже через несколько дней жизнь на борту «Гэлакси» шла своим чередом, и главной проблемой капитана Лапласа стало, чем бы занять свою команду. Ничто не влияет так отрицательно на моральный дух, как бездействие, и капитан не переставал удивляться, какие занятия придумывали для своих матросов шкиперы старых парусных судов во время бесконечных переходов. Ведь нельзя же без конца подтягивать оснастку и мыть палубу.

Ученые поставили перед ним противоположную проблему. Они непрерывно выдвигали предложения о проведении различных тестов и экспериментов, каждый из которых нужно было тщательно обдумать и взвесить, прежде чем одобрить или отклонить. Если бы капитан дал согласие на проведение всех экспериментов, ученые немедленно монополизировали бы все ограниченные теперь каналы связи.

Главный антенный комплекс «Гэлакси» располагался на уровне ватерлинии, где его постоянно трепали волны, и корабль больше не мог поддерживать прямую связь с Землей. Все приходилось ретранслировать через Ганимед на частоте в несколько несчастных мегагерц. Продолжал действовать всего один видеоканал, и капитану пришлось выдержать мощный нажим со стороны земных телекомпаний. Впрочем, и показывать-то особенно было нечего, за исключением открытого моря, тесных корабельных помещений и команды, хотя и сохранившей бодрость, но с каждым днем все больше обраставшей волосами.

Особенно часто радиограммы поступали на имя второго помощника Флойда, короткие шифрованные отве-

ты которого были настолько немногословны, что не могли содержать исчерпывающей информации. Наконец Лаплас решил поговорить с молодым офицером.

— Мистер Флойд, — произнес он в уединении своей каюты. — Вы не могли бы сообщить мне более подробно о своих побочных занятиях?

Смущенный Флойд взглянул на капитана и тут же схватился за край стола, когда внезапный порыв ветра накренил корабль.

— Мне самому хотелось бы, сэр, но это запрещено.

— Позвольте спросить — кем?

— Откровенно говоря, я сам не знаю.

И это было абсолютной правдой. Флойд подозревал, что его завербовали в АСТРОПОЛ, но два сдержанных джентльмена, которые произвели на него такое глубокое впечатление, во время инструктажа на Ганимеде почему-то не сообщили ему об этом.

— Поскольку я капитан этого корабля — особенно при существующих обстоятельствах, — мне хотелось бы знать, что происходит у меня на борту. Если мы выпутаемся отсюда, мне предстоит провести несколько лет, отвечая на вопросы следственной комиссии. И вам, скорее всего, тоже.

На лице Флойда появилась унылая улыбка.

— Тут и задумаешься, а стоит ли вообще спасаться? Мне известно лишь одно, сэр, — какое-то влиятельное агентство предполагало, что в ходе нашей экспедиции что-то может произойти. Они не знали конкретно что, поэтому предложили быть настороже. Боюсь, от меня было мало пользы, но я оказался единственным подходящим кандидатом в оставшееся время.

— Вряд ли стоит винить себя в происшедшем. Кто мог вообразить, что Рози...

Внезапно капитан замолчал, осененный неожиданной мыслью.

— Может быть, вы еще кого-нибудь подозреваете? — Ему хотелось прибавить: «Меня, например?», но он сдержался. Ситуация и так была достаточно безумной.

Флойд задумался, затем принял решение.

— Возможно, мне следовало поговорить с вами еще

раньше, сэр, но мне казалось, что вы так заняты. Я уверен, что в это каким-то образом замешен доктор Ван-дер-Берг. Вы знаете, разумеется, что он с Ганимеда; это странные люди, и мне трудно понять их. — Не только понять, подумал он, но и разделить из чувства. — Слишком замкнутые в своем кругу, не очень приветливые с посторонними. Впрочем, их нельзя в этом винить: все пионеры, осваивающие неизвестные места, походят на них.

— Ван-дер-Берг — хм. А остальные ученые?

— Разумеется, все прошли тщательную проверку. Ничего необычного.

Флойд сказал не всю правду. Доктор Симпсон имел больше жен, чем допускалось законом — по крайней мере одновременно, тогда как у доктора Хиггинса была большая коллекция весьма необычных книг. Второму помощнику Флойду было непонятно, зачем все это ему рассказывали; может быть, его наставникам просто хотелось произвести на него впечатление таким всезнанием. Он пришел к выводу, что работа на АСТРОПОЛ (или как там еще называлась завербовавшая его организация) давала возможность познакомиться с некоторыми забавными вещами.

— Хорошо, — заключил капитан, отпуская разведчика-дилетанта. — Только держите меня в курсе дел и, если узнаете что-нибудь, влияющее на безопасность корабля, тут же мне сообщите.

При существующем положении было трудно сказать, что еще может угрожать кораблю. Любая новая опасность казалась уже излишней.

36. Чужой берег

Еще за двадцать четыре часа до того, как с «Гэлакси» заметили остров, было все еще неясно, выбросит корабль на берег или пронесет мимо и он продолжит дрейф в простор центрального океана. Координаты корабля, определенные радиолокатором на Ганимеде, наносились на большую карту, и все с беспокойством изучали ее по нескольку раз в день.

Но даже если кораблю и удастся достичь берега, его проблемы лишь начинались. Корабль могло разбить о подводные рифы скалистого побережья — или выбросить на мелководный песчаный пляж.

Мистеру Ли, исполняющему обязанности капитана, все это было известно. Он сам однажды побывал в кораблекрушении, когда двигатель его яхты вышел из строя в критический момент у берега острова Бали. Правда, тогда им не угрожала опасность, хотя положение и было достаточно драматическим, и ему вовсе не хотелось, чтобы ситуация повторилась — особенно теперь, когда рядом не было судна береговой охраны, готового прийти на помощь.

Их незавидное положение отличалось поистине космической иронией. Они находились на борту одного из самых современных транспортных средств, созданных человеком, — способного пересечь всю Солнечную систему! — и были бессильны свернуть хотя бы на несколько метров от курса, по которому несло корабль. И все-таки они были не так уже беспомощны — капитану Ли удалось кое-что придумать.

Кривизна этого мира значительно превышала земную, и они увидели остров, лишь приблизившись к нему на пять километров. К облегчению капитана Ли, на берегу, куда несло корабль, не было скал, чего он так боялся; с другой стороны, не было видно и пляжа, на который он надеялся. Геологи предупредили его — чтобы найти песок на Европе, следовало подождать еще несколько миллионов лет; ее мельницы, медленно перемалывающие породу, пока не успели как следует взяться за дело.

Убедившись, что корабль выбросит на берег, Ли дал команду откачать воду из топливных баков, намеренно заполненных вскоре после приводнения. Далее последовало несколько неприятных часов, во время которых с четверть команды утратила интерес к происходящему.

«Гэлакси» поднимался из воды все выше и выше, его колебания все увеличивались и становились беспорядочными — затем он опрокинулся с сокрушительным всплеском, подняв тучу брызг, и улегся на поверхности моря

подобно мертвому киту в те старые недобрые дни, когда китобои накачивали этих гигантов воздухом, чтобы не дать утонуть. Убедившись в горизонтальном положении корабля, капитан Ли слегка откорректировал его плавучесть, и теперь корма немного осела, а мостик поднялся над поверхностью.

Как он и ожидал, «Гэлакси» развернуло бортом к ветру. Из строя вышла еще четверть команды, но у капитана Ли оказалось достаточно помощников, чтобы завести плавучий якорь, заранее приготовленный для этой цели. Это был всего лишь импровизированный плот из связанных вместе деревянных ящиков, но его сопротивления оказалось достаточно, чтобы развернуть корабль носом к приближающейся суше.

Теперь они увидели, что корабль несет — мучительно медленно — к узкому участку берега, усыпанному небольшими валунами. Если уж на Европе нет песчаного пляжа, лучшей альтернативы трудно придумать.

Мостик был уже над берегом, когда под кораблем заскрипел грунт, и капитан Ли выложил свою последнюю козырную карту. До этого он рискнул провести всего лишь одно испытание, опасаясь, что оборудование, не рассчитанное на такую нагрузку, выйдет из строя.

В последний раз «Гэлакси» выпустил свое посадочное устройство. Сервомоторы со скрежетом вогнали посадочные ноги в поверхность Европы. Теперь корабль надежно встал на якорь, и в этом океане, не знающем приливов, ему больше не угрожали ни ветры, ни волны.

Не было сомнений, что «Гэлакси» встал на свою последнюю стоянку; и для всех, кто находился на борту корабля, она тоже могла оказаться последним местом отдыха.

V. ЧЕРЕЗ ПОЯС АСТЕРОИДОВ

37. Звезда

Теперь «Юниверс» мчался с такой скоростью, что она даже отдаленно не походила на скорость, с которой несется по своей орбите любое природное тело в Сол-

нечной системе. Скорость движения Меркурия — ближайшей к Солнцу планеты — даже в перигелии чуть больше пятидесяти километров в секунду; «Юниверс» превысил эту скорость в два раза уже в первый день — причем его ускорение было вдвое меньше того, с которым он будет двигаться, когда сожжет несколько тысяч тонн топлива и его масса соответственно уменьшится.

В течение нескольких часов, когда корабль пролетал через орбиту Венеры, она была самым ярким небесным телом, уступая лишь Солнцу и Люциферу. Ее крошечный диск был виден даже невооруженным глазом, однако и с помощью самых мощных телескопов с борта корабля не удалось разглядеть на ней никаких отличительных черт. Венера хранила свои тайны не менее ревностно, чем Европа.

Приближаясь к Солнцу еще больше — войдя далеко внутрь орбиты Меркурия, — «Юниверс» не просто сокращал путь, но и приобретал дополнительное ускорение от гравитационного поля Солнца. А так как бухгалтерия Природы всегда соблюдает баланс в своих затратах и доходах, в результате этого маневра Солнце утратило часть своей скорости. Впрочем, замедление было настолько ничтожным, что его удастся измерить лишь через несколько тысяч лет.

Капитан Смит воспользовался пролетом корабля через перигелий, чтобы укрепить свой престиж, пошатнувшийся в результате его прошлой нерешительности.

— Теперь вы понимаете, — заявил он, — почему я прогнал корабль через струю Старого служаки. Если бы мы не смыли всю эту грязь с корпуса, сейчас испытывали бы последствия перегрева. Сомневаюсь даже, выдержит ли система термоконтроля такую перегрузку — сейчас она превышает земной уровень в десять раз.

Глядя — через почти черные фильтры — на гигантскую разбухшую массу Солнца, пассажиры не сомневались, что он прав. Они успокоились лишь после того, как Солнце постепенно уменьшилось до своих нормальных размеров — и продолжало исчезать за кормой, когда «Юниверс» прорезал орбиту Марса, направляясь к заключительному этапу экспедиции.

Знаменитая пятерка по-разному приспособилась к неожиданной перемене в их жизни. Михайлович непрерывно и шумно занимался сочинением музыкальных шедевров и редко показывался на людях — обычно за обеденным столом, когда принимался рассказывать возмутительные истории и подшучивал над всеми, кто попадал под руку. Уиллис служил мишенью для его насмешек чаще остальных. Гринберг назначил себя — не встретив возражений — почетным членом команды и проводил на мостике львиную долю времени.

Мэгги М. относилась к происходящему с печальной улыбкой.

— Писатели, — заметила она, — всегда заявляют, какие шедевры им удалось бы написать, если бы они оказались в таком месте, где никто им не мешает и не отвлекает внимания; выше всего ценятся тюрьмы и маяки. Так что мне не стоит жаловаться — вот только мои просьбы о высылке материалов то и дело задерживаются из-за срочных радиограмм.

Даже Виктор Уиллис пришел в конце концов к такому же выводу; с утра до вечера он работал над разного рода перспективными проектами. Вдобавок он старался не выходить из каюты еще по одной причине: требовалось несколько недель, чтобы не создавалось впечатления, будто он забыл побриться.

Эва Мерлин ежедневно проводила несколько часов в комнате отдыха. Там она наверстывала упущенное и просматривала — как с готовностью объясняла всем, кто проявлял интерес, — свои любимые классические произведения. К счастью, на «Юниверс» успели перед отлетом оборудовать кинозал и библиотеку. Правда, выбор был относительно невелик, но и его было достаточно для нескольких человеческих жизней.

На борту находились все знаменитые фильмы, начиная с мигающих шедевров, созданных на заре киноискусства. Эва знала почти каждый из них и с готовностью делилась своими знаниями.

Флойд, разумеется, слушал ее рассказы с удовольствием, потому что в эти минуты она оживала и превра-

щалась в человека, будто сходила с картины на стене. Как это удивительно и печально, думал он, что Эва может вступать в контакт с окружающей ее действительностью лишь через искусственный мир изображений на видеоэкране.

Одним из самых странных впечатлений в жизни Хейвуда Флойда, полной приключений, было то, как он сидел в полумраке зрительного зала рядом с Эвой Мерлин, на борту космического корабля где-то за пределами орбиты Марса, и они вместе смотрели первый вариант фильма «Унесенные ветром». Временами он видел ее знаменитый профиль на фоне профиля Вивьен Ли и мог даже сравнивать их — хотя невозможно сказать, какой лучше — оба были неподражаемы.

Когда вспыхнул свет, Флойд с удивлением заметил, что Эва плачет. Он с нежностью взял ее за руку и сказал:

— Я тоже плакал, глядя на смерть Бонни.

На лице Эвы появилась слабая улыбка.

— Я ведь плакала из-за Вивьен, — сказала она. — Когда мы снимали второй вариант, я много читала о ней — у нее была такая трагическая жизнь. А то, что мы говорим о ней здесь, пролетая среди планет, напомнило мне слова Ларри, когда он привез бедняжку с Цейлона после нервного расстройства. Он сказал друзьям: «Я стал мужем женщины из космоса».

Эва на мгновение замолчала, и по ее щеке пробежала (весьма театрально, не мог не подумать Флойд) новая слеза.

— А вот нечто еще более странное. В своем последнем фильме она снималась ровно сто лет назад — и вы знаете, как назывался этот фильм?

— Продолжайте, продолжайте — удивите меня снова.

— Пожалуй, это куда больше удивит Мэгги — если она действительно приведет в исполнение свою угрозу и напишет книгу. Последний фильм Вивьен Ли назывался «Корабль дураков».

Теперь, когда у них неожиданно оказалось так много свободного времени, капитан Смит согласился наконец выполнить просьбу Виктора Уиллиса и дать ему интервью, составлявшее часть его контракта. Откладывал запись сам Виктор, и причиной задержки было то, что Михайлович настойчиво продолжал называть «ампутацией». Поскольку стало очевидным, что пройдет несколько месяцев, прежде чем Уиллису удастся восстановить свой образ, столь знакомый его поклонникам, он решился наконец провести интервью, оставаясь сам за пределами видеокамеры; после ретрансляции на Землю в студии вставят его лицо в кадры фильма.

Они сидели во все еще не до конца отделанной капитанской каюте, наслаждаясь великолепным вином, которое составляло, казалось, основную часть багажа Виктора. Оставалось всего несколько часов до момента, когда будут выключены двигатели и корабль в течение нескольких часов продолжит полет по инерции, и это была последняя удобная возможность на протяжении ближайших дней. Пить вино в невесомости, утверждал Виктор, мерзко; он наотрез отказался наливать свое драгоценное выдержанное вино в пластмассовые шарики.

«Здравствуйте, уважаемые зрители. С вами говорит Виктор Уиллис. Мы находимся на борту космического корабля «Юниверс». Сейчас 18 часов 30 минут, 15 июля 2061 года. Еще не достигнув средней точки путешествия, мы находимся далеко за пределами орбиты Марса и уже почти развили максимальную скорость. И какова же она, капитан?

— Одна тысяча пятьдесят километров в секунду.

— Больше тысячи километров в секунду — почти четыре миллиона километров в час!

Изумление Виктора казалось совершенно искренним; трудно поверить, что параметры были известны ему не хуже капитана. Но одним из достоинств Виктора была его способность ставить себя на место зрителей и не только предугадывать их вопросы, но и пробуждать интерес.

— Совершенно верно, — заметил капитан со спокойной гордостью. — Сейчас мы летим вдвое быстрее, чем доводилось какому-либо человеческому существу с начала летосчисления.

Я ведь сам собирался сообщить об этом, подумал Виктор; ему не нравилось, когда кто-то его опережал. Будучи, однако, настоящим профессионалом, он быстро оправился.

Он помолчал, взглянул на свой знаменитый мемоэкран; направленное изображение на нем было видно лишь ему одному.

— Каждые двенадцать секунд мы пролетаем расстояние, равное диаметру Земли. И все-таки нам понадобится еще десять дней, чтобы добраться до Юпи... извините, до Люцифера! Это даст вам некоторое представление о масштабе Солнечной системы...

— А теперь, капитан, у меня деликатный вопрос, но за последнюю неделю мне так часто его задавали.

(Боже мой, молча простонал Смит. Только не о туалетах в состоянии невесомости!)

— В этот самый момент мы пролетаем через центральную часть пояса астероидов...

(Уж лучше бы он спросил про туалеты, подумал Смит.)

... и хотя еще ни один космический корабль не получал серьезных повреждений от столкновения с астероидом, разве сейчас нам не угрожает опасность? В конце концов, в этой области космоса пролегают орбиты буквально миллионов космических тел, от огромных до размером с футбольный мяч. Из них вычислены астрономами и нанесены на небесные карты орбиты всего нескольких тысяч.

— Больше, чем нескольких: более десяти тысяч.

— Но ведь остаются еще миллионы, о которых нам ничего не известно.

— Верно. Впрочем, даже если бы нам это и было известно, вряд ли могло оказаться полезным.

— Что вы имеете в виду?

— Мы бессильны что-нибудь предпринять.

— А почему?

Капитан Смит задумался; Уиллис прав — это действительно деликатный вопрос. Начальство устроит мне основательную выволочку, если я распугаю потенциальных клиентов.

— Во-первых, космическое пространство настолько велико, что даже здесь — как вы справедливо заметили, в самом центре пояса астероидов — вероятность такого столкновения ничтожно мала. Мы надеялись показать вам астероид — самый лучший, который удалось отыскать, был Хануман, диаметром в какие-то несчастные триста метров — но к нему удалось приблизиться лишь на четверть миллиона километров.

— Да, но ведь Хануман — настоящий гигант по сравнению с бесчисленными обломками, плавающими в космическом пространстве. Разве это вас не беспокоит?

— Не больше, чем опасность погибнуть от удара молнии на Земле.

— Между прочим, я едва не погиб от удара молнии — на вершине Пайк в Колорадо — были гром и вспышка одновременно. Значит, вы признаете, что такая опасность существует; скажите, а риск не увеличивается из-за колоссальной скорости, с которой мы летим?

Уиллис, разумеется, отлично знал ответ на этот вопрос; он снова ставил себя на место миллионов неизвестных слушателей на планете, удаляющейся от него на тысячу километров за каждую секунду.

— Это сложно объяснить, не прибегая к математическим расчетам, — ответил капитан (сколько раз он произносил эту фразу, даже когда она не соответствовала действительности), — но я попытаюсь. Не существует прямой зависимости между скоростью и риском. При движении с космическими скоростями столкновение с чем угодно кончится катастрофой; если вы стоите рядом с атомной бомбой перед ее взрывом, не имеет значения, измеряется ее мощность килотоннами или мегатоннами.

Подобное заявление не было слишком уж успокоительным, но ничего другого просто не пришло в голову. Стараясь предупредить следующий вопрос Уиллиса, капитан поспешно добавил:

— И не следует забывать, что, если и добавляется

ничтожная доля риска для нашего корабля, это делается во имя людей. Даже один выигранный час может спасти человеческие жизни.

— Да, конечно. Мы понимаем важность этой экспедиции. — Уиллис на мгновение замолчал; ему хотелось добавить: «Не забудьте, я тоже на одном корабле с вами», но он передумал. Это могло показаться нескромным — хотя скромность никогда не относилась к достоинствам Уиллиса. К тому же у него не было выбора — разве что отправиться домой пешком.

— А теперь мне пришло в голову нечто иное, — продолжал он. — Вы, наверно, помните, что случилось в Северной Атлантике полтора века назад?

— В 1911 году?

— Если уж быть точным, то в 1912.

Капитан Смит понял, куда клонит Уиллис, и отказался от игры, где ему следовало притворяться совсем уж невежественным.

— Вы, наверно, имеете в виду «Титаник», — сказал он.

— Совершенно верно, — согласился Уиллис, пытаясь скрыть разочарование. — Ко мне обратились по меньшей мере человек двадцать, каждый из которых считал, что лишь ему одному удалось провести параллель.

— Какая может быть параллель? «Титаник» неоправданно рисковал только ради побития рекорда.

И тут капитан Смит чуть не добавил: «И к тому же на нем не было достаточного количества спасательных шлюпок», но вовремя спохватился, вспомнив, что единственный шаттл «Юниверс» может вместить всего пять человек. Если Уиллис ухватится за это, потребуются длительные разъяснения.

— Я согласен, что эта аналогия слишком натянута. Но ведь есть еще одна поразительная параллель, на которую указывают все до единого. Вы не помните фамилию первого и единственного капитана «Титаника»?

— У меня нет ни малейшего... — начал капитан Смит и замолчал. От изумления у него отвалилась челюсть.

— Совершенно верно, — произнес Виктор Уиллис.

Только с очень большой натяжкой его улыбку можно было назвать всего лишь самодовольной.

Капитан Смит готов был придушить всех этих исследователей-дилетантов. Но разве мог он винить своих родителей в том, что они завещали ему самую распространенную английскую фамилию?

39. Капитанский стол

Как жаль, что зрители на Земле — и за ее пределами — не были свидетелями менее официальных бесед, которые проходили на борту «Юниверс». Несомненно, они получили бы от них большое удовольствие. Жизнь на корабле вошла в нормальное русло — довольно монотонное, — нарушаемое лишь редкими памятными мероприятиями, самым значительным из которых, и, разумеется, освященным давними традициями был капитанский стол.

Ровно в 18.00 шесть пассажиров и пять офицеров — из тех, кто не был на вахте, — ужинали вместе с капитаном Смитом. На «Юниверс» не требовалось являться на ужин в вечернем костюме — как это считалось обязательным на плавающих дворцах Северной Атлантики, — но претензии на изысканность были заметны и здесь. Эва всегда появлялась с новой брошкой, кольцом, колье, лентой в прическе или пахла необычными духами. Судя по всему, у нее был неисчерпаемый запас безделушек.

При включенных двигателях и тяге ужин начинали с супа; но если корабль летел по инерции и на борту царила невесомость, подавали разные закуски. И в том и в другом случае перед началом ужина капитан Смит рассказывал последние новости — или пытался рассеять последние слухи, основывающиеся обычно на передачах с Земли или с Ганимеда.

Обвинения и оправдания слышались здесь и там: похищение «Гэлакси» пытались объяснить самыми фантастическими теориями. Уже были упомянуты все до единой тайные организации, существовавшие когда-либо, и много таких, которых просто никогда не было. Тем не

менее у каждой из этих теорий была одна общая черта: никто не мог хоть отчасти правдоподобно объяснить причину происшедшего.

Тайна усугублялась единственным подтвержденным фактом. В результате тщательных детективных поисков, проведенных АСТРОПОЛом, выяснилась поразительная деталь: покойная «Роза Мак-Магон» на самом деле оказалась Рут Мэйсон, уроженкой Северного Лондона. Она работала в столичной полиции и после многообещающего начала была уволена за националистическую деятельность. Она эмигрировала в Африку — и исчезла. По-видимому, ее вовлекли в какую-то подпольную политическую организацию этого несчастного континента. Время от времени упоминалось имя «Чака», и тут же следовало опровержение со стороны СШЮА.

За столом шли бесконечные — и бесплодные — дебаты о том, как все это могло быть связано с Европой, — особенно после того, как Мэгги призналась, что когда-то собиралась написать роман о Чаке — с точки зрения одной из тысячи несчастных жен зулусского деспота. Но чем больше материала о Чаке она собирала, тем отвратительнее казалась сама идея романа. «К тому времени, когда я отказалась от своих планов, — призналась она с иронической улыбкой, — мне стало ясно, как относится к Гитлеру современный немец».

И такие личные откровения становились все более частыми. После ужина одному из пассажиров давали слово, и он мог говорить до тридцати минут. У каждого из них пережитого хватило бы на несколько жизней, некоторые побывали на многих планетах, так что слушать эти беседы после ужина было очень интересно.

Виктор Уиллис, к общему удивлению, оказался наименее интересным рассказчиком. Он честно признался в этом и объяснил почему.

— Я так привык, — сказал он почти, но не совсем, извиняющимся тоном, — выступать перед миллионными аудиториями, что мне трудно найти общий язык с такой маленькой дружеской компанией.

— А с недружеской? — поинтересовался Михайлович, всегда острый на язык. — Это можно устроить.

Эва же, наоборот, оказалась гораздо более интересной собеседницей, чем ожидали многие; правда, ее воспоминания ограничивались исключительно миром развлечений. Особенно увлекательными были рассказы о знаменитых режиссерах, пользовавшихся хорошей — или дурной — репутацией, с которыми ей приходилось работать; Дэвид Гриффин фигурировал в ее воспоминаниях особенно часто.

— Это правда, — спросила Мэгги М, у которой Чака не выходил из головы, — что Гриффин ненавидел женщин?

— Нет, неправда, — тут же ответила Эва. — Дэвид ненавидел лишь актеров. Он считал их лишенными искренности.

Воспоминания Михайловича тоже касались ограниченного круга тем — знаменитых оркестров и балетных трупп, дирижеров и композиторов, а также их окружения. Но он знал так много забавных историй о закулисных интригах и связях, о сорванных назло кому-то премьерах и смертельной вражде между примадоннами, что даже те из его слушателей, кто совсем не интересовался музыкальным миром, отчаянно смеялись, и никто не возражал, когда ему требовалось еще несколько минут, чтобы закончить рассказ.

Сухие повествования полковника Гринберга о невероятных приключениях были полной противоположностью. Первая высадка на прохладном — относительно прохладном — Южном полюсе Меркурия так широко освещалась в прессе, что ему трудно было добавить что-то новое. Больше всего присутствующих интересовал вопрос: «Когда намечается следующая высадка?», за которым тут же следовал другой: «А вы хотели бы принять в ней участие?».

— Если меня пригласят, я полечу, разумеется, — ответил Гринберг. — Но мне все-таки кажется, что Меркурий походит на Луну. Вспомните — мы высадились там в 1969 году и не возвращались на нее почти полвека. К тому же Меркурий не кажется мне таким полезным, как Луна, — хотя не исключено, что в будущем положение изменится. На Меркурии нет воды; правда, ее обнаружи-

ли, ко всеобщему изумлению, на Луне. Впрочем, скорее не на Луне, а в Луне...

— Хотя посадка на Меркурии привлекала куда больше внимания, я был гораздо полезнее на Луне — там я организовал перевозку льда на мулах из кратера Аристарха.

— На мулах?

— Совершенно верно. До того как построили экваториальную пусковую установку на Луне и начали забрасывать лед прямо на орбиту, нам приходилось возить его из шахт в космопорт Имбриум. Для этого понадобилось проложить дорогу через лавовые потоки и построить мосты через множество пропастей. Мы прозвали ее Ледяной дорогой — всего триста километров, но ее строительство обошлось в несколько жизней...

— Так вот, мулы — это восьмиколесные тракторы с гигантскими шинами и независимой подвеской; каждый из них тащил дюжину прицепов, вмещающих по сотне тонн льда. Приходилось ездить по ночам — тогда не нужно закрывать груз от солнечных лучей.

Мне довелось водить такие поезда несколько раз. На одну поездку уходило шесть часов — в наши намерения не входило побивать рекорды скорости. Затем лед разгружали в огромные герметичные резервуары и ждали рассвета. Как только лед таял, воду перекачивали в топливные баки космических кораблей.

Ледяная дорога все еще на прежнем месте — что ей сделается? — но теперь ею пользуются лишь туристы. Если у них голова на плечах, они едут по ней ночью, как и мы. Это было как в сказке — полная, яркая Земля над головой и так светло, что мы редко включали фары. И хотя можно было разговаривать по радио, обычно мы выключали трансиверы и оставляли только автоматические маяки, регулярно сообщавшие, что с нами ничего не случилось. Нам просто хотелось побыть наедине с этой огромной сияющей пустыней — мы знали, что это не продлится вечно, и спешили насладиться удивительной красотой. Теперь же там строят «Теравольт» — ускоритель кварков, опоясывающий Луну по экватору, а по всему Имбриуму и Серенитатису купола растут как

грибы после дождя. Но мы-то еще застали настоящую, нетронутую Луну — точно такую, какой ее увидели Армстронг и Олдрин, — до того как на почте базы Спокойствия начали продавать открытки с надписью «Жаль, что тебя здесь нет».

40. Чудовища с Земли

«... к счастью, ты пропустил ежегодный бал: хочешь — верь, хочешь — нет, но он оказался таким же скверным, как и в прошлом году. И опять, как и раньше, наш домашний мастодонт, уважаемая мисс Уилкинсон, умудрилась отдавить во время танца ноги своему партнеру — даже при силе тяжести в два раза меньше земной.

Теперь о деле. Поскольку ты не вернешься домой в течение месяца вместо пары недель, администрация с вожделением поглядывает на твою квартиру — хороший район, недалеко универсам, великолепная панорама Земли по безоблачным дням и так далее. Предлагают сдать ее в поднаем до твоего возвращения. Нам это кажется разумным и сбережет тебе массу денег. Мы заберем все личные вещи, какие ты сочтешь нужными...

Теперь про этого Чаку. Мы знаем, ты склонен к шуткам, но откровенно говоря, мы с Джерри пришли в ужас! Теперь понятно, почему Мэгги М отказалась от книги про него — да, конечно, мы читали ее «Похотливых олимпийцев» — очень забавно, но слишком уж поженски...

Подумать, какое чудовище! Теперь я понимаю, почему банду африканских террористов назвали его именем. Представь себе — казнить своих воинов, если они женятся! И истребить всех несчастных коров в своей жалкой империи лишь потому, что они — женского пола! А хуже всего — изобретенные им копья; как это нетактично — тыкать копьями в людей, с которыми ты даже должным образом не знаком...

А какая ужасная реклама для нас, обреченных! Приходит в голову мысль, а не передумать ли? Мы всегда утверждали, что все мы добрые и отзывчивые (не гово-

ря уже о том, какие талантливые и артистичные, разумеется), но после того, как ты заставил нас заглянуть в прошлое некоторых так называемых великих полководцев (как будто в способности убивать есть какое-то величие!), нам стало стыдно за нашу компанию...

Конечно, мы знали про Адриана и Александра — но даже не подозревали о Ричарде Львиное Сердце и Саладине. Или о Юлии Цезаре — уж он-то занимался всем — спроси у Антония, а не только у Клеопатры. Не знали мы и о Фридрихе Великом — впрочем, у него были и положительные качества — как хорошо относился он к старику Баху!

А когда я сказал Джерри, что уж Наполеон-то является исключением, — знаешь, что ответил Джерри? «Бьюсь об заклад, что Жозефина на самом деле была мальчиком!» Расскажи-ка это Эве.

Ты подоровал наш моральный дух, негодяй, навязав нам еще и этого мерзавца. Уж лучше бы нам оставаться в счастливом неведении...

Несмотря на все это, шлем тебе наши самые лучшие пожелания, и Себастьян присоединяется к нам. Передай привет европейцам, если удастся их встретить. Судя по сообщениям с «Гэлакси», некоторые из них будут отличными партнерами для мисс Уилкинсон».

41. Воспоминания столетнего мужчины

Доктору Хейвуду Флойду не хотелось рассказывать о первой экспедиции к Юпитеру и о второй — десять лет спустя — к Люциферу. Это было так давно, и он все изложил — по меньшей мере, раз сто — комитетам Конгресса, комиссиям Космического совета и представителям средств массовой информации вроде Виктора Уиллиса.

Но у него оставались обязательства перед коллегами по экспедиции, и он не мог уклониться от них. Они надеялись услышать от него — единственного живого человека, своими глазами наблюдавшего рождение нового солнца — и новой солнечной системы, — нечто особое, позволяющее лучше понять миры, к которым они прибл-

лижались с такой скоростью. Это желание было наивным: ученые и инженеры, работающие на протяжении целого поколения на Галилеевых лунах, знали о них намного больше. Когда Флойда спрашивали: «А что в действительности происходит на Европе (Ганимеде, Ио, Каллисто)», — он довольно бесцеремонно рекомендовал любопытным почитать подробнейшие материалы, хранящиеся в корабельной библиотеке.

И все-таки в одной области его опыт был уникален. Полвека спустя ему не раз приходилось задумываться, получилось ли это на самом деле, или Дэвид Боумен явился ему на борту «Дискавери» во сне. Могло показаться, что на корабле обитали привидения.

Но нет, Флойд знал, что это не было сном — у него на глазах летающие пылинки слились в призрачный образ человека, умершего двенадцать лет назад. И если бы не его предостережение (Флойд отчетливо помнил, что губы Дэвида были неподвижны, а голос доносился из динамика, укрепленного на кронштейне), «Леонов» и все, кто находился на борту, испарились бы при детонации Юпитера.

— Почему он так поступил? — говорил Флойд во время одной из бесед за капитанским столом. — Вот уже пятьдесят лет эта мысль не дает мне покоя. Во что бы он ни превратился, после того как отправился с «Дискавери» в космической капсуле осматривать Монолит, у него должно было остаться что-то общее с человеческой расой; он не стал совсем чужим. Известно, что он возвращался на Землю — на очень короткое время — из-за этого случая с бомбой на орбите. Есть и свидетельства — весьма надежные, — что он навестил мать и свою прежнюю невесту; как видите, это не похоже на поведение существа, лишенного эмоций.

— Как вы думаете, во что он превратился? — спросил Уиллис. — И где он сейчас?

— Второй вопрос не имеет, по-видимому, смысла — даже для человеческих существ. Вам известно, где находится ваше сознание?

— Я слаб в метафизике. Где-нибудь в мозгу, наверно.

— Когда я был помоложе, — вздохнул Михайлович,

обладавший даром превращать в шутку самые серьезные дискуссии, — оно было у меня на метр ниже.

— Остается предположить, что он на Европе; мы знаем, что Монолит находится там, а Боумен был, несомненно, как-то связан с ним — вспомните, как он передал свое предостережение.

— Вы считаете, что он передал и второе — гласящее, что мы не должны высаживаться на Европу?

— И которое сейчас мы собираемся нарушить...

— Ради святого дела...

Капитан Смит, который обычно не вмешивался в разговор, позволяя ему идти своим чередом, на этот раз сделал редкое исключение из своего правила.

— Доктор Флойд, — задумчиво произнес он, — вы находитесь в уникальном положении, и нам следует воспользоваться им. Боумен однажды уже сделал все, чтобы спасти вас. Если он еще там, он может снова прийти на помощь. Признаться, меня очень беспокоит это предостережение: НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ВЫСАДИТЬСЯ ЗДЕСЬ. Если бы он заверил вас, что оно временно отменяется, я чувствовал бы себя куда лучше.

— В самом деле, верно, — поддержали сидящие вокруг стола.

— Я думал об этом, — ответил Флойд, — и уже предупредил «Гэлакси», чтобы они следили, не будет ли каких-нибудь, скажем, знаков, свидетельствующих о том, что он пытается вступить в контакт.

— Не исключено, — заметила Эва, — что он уже умер — если духи умирают.

На этот раз даже Михайлович воздержался от комментариев, но Эва, похоже, поняла, что ее замечание не было воспринято всерьез.

Ничуть не смутившись этим, она продолжала.

— Вуди, милый, — сказала она. — Почему бы тебе просто не вызвать его по радио. Ведь оно для этого и существует, правда?

Подобная мысль уже приходила Флойду в голову, но казалась слишком наивной.

— Пожалуй, — ответил он. — По крайней мере, это не повредит.

42. Монолит

На этот раз Флойд был убежден, что происходящее снится... Он всегда плохо спал при невесомости, а сейчас «Юниверс» летел по инерции, на максимальной скорости, с выключенными двигателями. Через два дня начнется почти неделя непрерывного торможения, когда «Юниверс» будет гасить колоссальную излишнюю скорость, чтобы выйти на орбиту вокруг Европы.

Как он ни приспосабливал пристяжные ремни, всякий раз казалось, что они или затянуты слишком туго — и ему было трудно дышать, или слишком свободно — и он взлетал, отрываясь от койки.

Однажды он проснулся и обнаружил, что парит посреди каюты. Флойд несколько минут размахивал руками, пока сумел, наконец, пролететь пару метров до ближайшей стены. Совершенно измученный отчаянными усилиями, лишь тогда он понял, что нужно было просто подождать: поток воздуха, отсасываемого вентиляционной системой корабля, скоро подтянул бы его к вентиляционной решетке, и не пришлось бы тратить никаких усилий. Ему, опытному космонавту, это было отлично известно; единственным оправданием была паника.

Но этим вечером Флойду удалось все сделать идеально; не исключено, что после возвращения силы тяжести к ней снова придется приспосабливаться. Он пролежал всего несколько минут, вспоминая разговор за столом, и уснул.

Во сне разговор продолжался. Кое-что, правда, изменилось, но Флойд не обратил внимания на такие мелочи. Уиллис, например, успел снова отрастить бороду — но лишь с одной стороны лица. Флойд решил, что это сделано с исследовательскими целями, хотя и не мог понять, какими именно.

К тому же у него были свои неприятности. Он защищался от обвинений Миллсона, главы Космического совета, как-то неожиданно оказавшегося среди сидящих за столом. Флойд не мог понять, каким образом Миллсону удалось пробраться на «Юниверс» (неужели все это время он летел зайцем?). Это обстоятельство казалось

Флойду куда важнее того, что Миллсон умер по крайней мере сорок лет назад.

— Хейвуд, — говорил его старый враг, — Белый дом очень недоволен.

— Интересно, почему?

— Из-за твоей радиограммы на Европу. Ты согласовал ее текст с Госдепартаментом?

— Не счел это необходимым. Ведь я просто запросил разрешение на посадку.

— А-а, в этом-то все дело. Кого ты запросил? Мы признаем это правительство? Боюсь, ты нарушил существующие правила.

Миллсон постепенно исчез, неодобрительно качая головой. Хорошо, что это всего лишь сон, подумал Флойд. Теперь что?

Ну вот, этого следовало ожидать. Привет, дружище. Ты бываешь самых разных размеров, верно? Конечно, даже ЛМА-1 не смог бы втиснуться ко мне в каюту — а его Большой Брат проглотил бы весь «Юниверс» одним махом.

Черный Монолит стоял — или висел — всего в двух метрах от койки. Флойда неприятно поразило, что у монолита не только форма, но и размеры такие же, как у обычной надгробной плиты. Хотя уже неоднократно отмечали это сходство, до сих пор несовместимость масштабов смягчала психологический шок. Теперь, впервые, он почувствовал в этом сходстве что-то тревожное, даже зловещее. Я знаю, что это всего лишь сон, но в моем возрасте напоминания такого рода излишни...

Итак, что тебе здесь надо? Может быть, хочешь передать что-нибудь от Дейва Боумена? Или ты и есть Дейв Боумен?

Ну что же, я и не рассчитывал на ответ; ты и в прошлый раз был не слишком разговорчив, правда? Но стоит тебе показаться, как что-то обязательно происходит. Тогда, в кратере Тихо, шестьдесят лет назад, ты послал сигнал на Юпитер, сообщив своим хозяевам, что тебя откопали. А посмотри, что ты сделал с Юпитером, когда мы прилетели туда через двенадцать лет!

Так что же ты задумал теперь?

VI. УБЕЖИЩЕ

43. Спасательные работы

Первой и самой важной проблемой, вставшей перед капитаном Лапласом и его экипажем, едва они успели привыкнуть, что под ногами суша, стала полная переориентация. На борту «Гэлакси» все оказалось наоборот.

Космические корабли рассчитаны на два режима — либо на состояние полной невесомости, либо при работе двигателей на тягу, направленную вдоль продольной оси. Но «Гэлакси» лежал сейчас почти горизонтально, в результате чего все полы превратились в стены. Было похоже, что они пытаются жить на маяке, опрокинутом на бок; требовалось переставить всю мебель, и по крайней мере половина корабельного оборудования отказывалась нормально работать.

Однако это была неприятность, неожиданно обернувшаяся благом — по крайней мере, в некоторых отношениях, и капитан Лаплас немедленно воспользовался этим. Команда была настолько занята перестройкой интерьера «Гэлакси» — обратив первоочередное внимание на сантехнику, — что ему не приходилось беспокоиться о ее моральном духе. Пока корпус корабля оставался воздухонепроницаемым, а мюоновые генераторы снабжали корабль электроэнергией, непосредственная опасность им не угрожала; требовалось продержаться лишь двадцать дней, и к ним с неба придет спасение — в виде корабля «Юниверс». Никто даже не вспоминал, что неизвестные силы, правящие Европой, могут воспротивиться еще одной посадке. Эти силы — пока — не обратили внимания на «Гэлакси»; неужели теперь они помешают спасательной экспедиции...

Сама Европа, однако, относилась к потерпевшим кораблекрушение куда менее терпимо. Пока «Гэлакси» дрейфовал в открытом море, сотрясения коры маленького мира практически не влияли на корабль. Но теперь, когда корабль превратился в одно из весьма основательных сооружений на суше, каждые несколько часов он со-

трясался от сейсмических возмущений. Если бы он стоял в обычном вертикальном положении, то давно бы опрокинулся.

Сотрясения почвы были скорее неприятными, чем опасными, хотя и вселяли кошмар в тех, кто пережил землетрясения в Токио в 2033 году или в Лос-Анджелесе в 2045. Положение ничуть не облегчалось тем, что последовательность сотрясений была известна заранее, достигая пика своей активности каждые три с половиной дня, когда Ио проносилась по своей внутренней орбите. Слабым утешением служило и то, что гравитационные приливы на Европе наносили самой Ио неменьший ущерб.

После шести дней непрерывной работы капитан Лаплас решил, что при существующем положении лучшего порядка на «Гэлакси» достигнуть не удастся, и объявил выходной — который почти вся команда провела в койках, наслаждаясь сном, — а затем составил распорядок второй недели пребывания на Европе.

Ученые, вполне естественно, хотели заняться исследованиями нового мира, на котором они так неожиданно оказались. Судя по радиолокационным картам, переданным с Ганимеда, остров имел пятнадцать километров в длину и пять в ширину; его самая высокая точка возвышалась всего на сто метров над уровнем моря — недостаточно, заявил кто-то мрачно, чтобы спастись от по-настоящему свирепого цунами.

Трудно представить себе более заброшенное и унылое место; полвека слабых дождей и ветров на Европе оказалось недостаточно, чтобы разбить одеяло лавы, покрывающее половину острова, и сгладить выходы гранита, проступающие через застывшие реки. Но этот остров был теперь их домом, и ему нужно было подыскать имя.

Мрачные предложения — такие как Преисподняя, Чистилище, Ад — были решительно отвергнуты капитаном; ему хотелось что-нибудь ободряющее. Серьезно рассматривалось одно удивительное, дон-кихотское предложение, отдающее дань храброму противнику, но его все-таки отклонили тридцатью двумя голосами про-

тив десяти при двух воздержавшихся — остров не будет назван «Страной роз»...

В конце концов единогласно прошло Хэвен — Убежище.

44. Выдержка

«История не повторяет себя — вновь повторяются лишь исторические ситуации».

Передавая на Ганимед свой ежедневный рапорт, капитан Лаплас часто вспоминал эту фразу. Ее процитировала Маргарет М'Бала — которая приближалась сейчас со скоростью около тысячи километров в секунду — в своей радиограмме, стараясь воодушевить потерпевших кораблекрушение. Капитан с удовольствием зачитал ее послание товарищам по несчастью.

«Передайте, пожалуйста, мисс М'Бала, что ее маленький исторический пример оказал исключительно благотворное влияние на моральный дух команды; трудно найти лучший образец, достойный подражания, чем приведенный ею...

... Несмотря на все трудности, связанные с тем, что наши стены и полы поменялись местами, условия, в которых мы живем, поистине роскошны по сравнению с жизнью полярных исследователей прошлого. Некоторые из нас слышали про Эрнста Шеклтона, но мы не имели ни малейшего представления о саге корабля «Эндьюранс». Попасть в ловушку и больше года провести на льдинах — перезимовать в ледяной пещере, выдержав антарктические морозы, — затем проплыть по морю тысячу километров в открытой шлюпке и пересечь горный хребет, отсутствующий на карте, чтобы добраться до ближайшего человеческого поселения...

... Но это было всего лишь началом. Что кажется невероятным и вдохновляет всех нас: Шеклтон четыре раза возвращался обратно за остальными членами экспедиции, оставшимися на том крохотном острове, — и спас всех до единого! Можете представить себе, как повлиял этот рассказ на моральный дух команды. Надеюсь, вам удастся передать эту книгу по телефаксу во время следующего сеанса связи — мы все хотим ее прочесть.

... А что он подумал бы о нас? Да, мы находимся в несравненно лучшем положении, чем полярные исследователи тех давно ушедших дней. Кажется невероятным, что еще в начале прошлого века они были полностью отрезаны от остального мира, стоило им пересечь линию горизонта. Нам стыдно ворчать, что скорость света слишком мала и нельзя разговаривать с друзьями в реальном времени — или что приходится ждать ответа с Земли целых два часа! Еще раз, мисс М'Бала, примите нашу искреннюю благодарность.

... Разумеется, у всех земных исследователей было одно крупное преимущество перед нами: все же они могли свободно дышать. Наша научная группа требует не переставая, чтобы их выпустили из корабля, и нам удалось приспособить четыре скафандра для пребывания на поверхности Европы в течение шести часов. Атмосферное давление достаточно велико, так что не требуются скафандры, закрывающие все тело — достаточно поясных, изолирующих лишь верхнюю половину, — и я разрешил выходить одновременно двоим при условии, чтобы они не теряли из виду корабль.

... Наконец, о погоде сегодня. Давление — 250 бар, температура — двадцать пять градусов, порывы западного ветра до 30 узлов, как всегда сплошная облачность, сотрясения почвы — от одного до трех баллов по открытой шкале Рихтера.

... Знаете, мне никогда не нравилось слово «открытая» по отношению к сотрясениям почвы — особенно сейчас, когда Ио приближается к нам на максимально близкое расстояние...»

45. Экспедиция

Когда несколько человек одновременно просят разрешения поговорить с ним, обычно это означает, что предстоят неприятности, или по меньшей мере что-то тут нечисто. Капитан Лаплас уже обратил внимание, что Флойд и Ван-дер-Берг то и дело шушукаются в коридоре, причем нередко к ним присоединяется второй помощник Чанг. В общем, предугадать тему разговоров

было нетрудно. И все-таки их просьба застала его врасплох.

— Вы хотите отправиться к горе Зевс! Как? В открытой шлюпке? Неужели эта книга о Шеклтоне настолько вскружила вам голову?

Флойд выглядел слегка смущенным; капитан попал в точку. Книга действительно вселила в него вдохновение, причем не только в отношении этого.

— Даже если нам и удастся построить шлюпку, сэр, на это уйдет слишком много времени... особенно теперь, когда «Юниверс» может появиться в течение ближайших десяти дней.

— К тому же, — добавил Ван-дер-Берг, — плавание по этому Галилейскому морю вряд ли доставит особое удовольствие; может быть, не все его обитатели знают, что мы несъедобны.

— Остается один выход, верно? Я отношусь к нему скептически, но готов выслушать ваши доводы. Постарайтесь убедить меня.

— Мы уже говорили с мистером Чангом, и он уверен, что это осуществимо. Гора Зевс всего в трехстах километрах; шаттл долетит до нее менее чем за час.

— И там найдется удобное место для посадки? Как вы, несомненно, помните, мистер Чанг пытался посадить там «Гэлакси» без особого успеха.

— Тут нет трудностей, сэр. Масса «Уильяма Тсунга» в сто раз меньше; даже лед озера сможет, наверно, выдержать его. Мы просмотрели видеофильм и обнаружили не меньше дюжины хороших посадочных площадок.

— К тому же, — улыбнулся Ван-дер-Берг, — пилоту никто не будет угрожать пистолетом.

— Верно. Но главная проблема — здесь, у нас. Как вы собираетесь вывести шаттл из отсека, где он находится? Установите подъемный кран? Даже при здешней силе тяжести нагрузка будет немалой.

— Этого не потребуется. Мистер Чанг вылетит прямо на нем.

Наступила длительная тишина, во время которой капитан Лаплас обдумывал — по-видимому, без особого энтузиазма — последствия работы ракетных двигателей

внутри его корабля. Маленький шаттл «Уильям Тсунг» — или, как называли его все, «Билл Т» — весил всего сто тонн и предназначался исключительно для орбитальных полетов; обычно его просто выталкивали из «гаража», и двигатель включался лишь на достаточном расстоянии от корабля-матки.

— По-видимому, вы все хорошо продумали, — неохотно произнес капитан, — а как с углом взлета? Только не говорите, что собираетесь перевернуть «Гэлакси», чтобы «Билл Т» мог взлететь прямо вверх. Гараж расположен в середине борта; хорошо еще, что он не оказался внизу, когда нас выбросило на берег.

— Взлет произведем под углом шестьдесят градусов к горизонтали; бортовые двигатели развернут шаттл.

— Если так считает мистер Чанг, у меня нет сомнений. Но работа двигателей внутри корабля — каков будет ущерб?

— Конечно, внутри гаража все будет разрушено — но ведь и так пользоваться им больше не придется. А прочность переборок рассчитана на силу случайного взрыва, так что опасности для всего корабля никакой. На всякий случай дадим сигнал пожарной тревоги и будем наготове.

Несомненно, план был блестящим. Если он осуществится, экспедиция не будет бесполезной. За последнюю неделю капитан Лаплас даже не вспоминал о тайне горы Зевс, ставшей причиной их трагедии; ему приходилось думать лишь о спасении людей. Но теперь их положение перестало быть безнадежным, и можно было задуматься о будущем. Стоило рискнуть и попытаться узнать, почему этот маленький мир оказался центром таких интриг.

46. Шаттл

— Насколько я припоминаю, — заметил доктор Андерсон, — первая ракета Годдарда пролетела около пятидесяти метров. Интересно, удастся ли мистеру Чангу превысить этот рекорд.

— Будем надеяться — иначе нам несдобровать.

Почти все ученые собрались в кают-компании «Гэлакси», и каждый с беспокойством смотрел в сторону кормы. Хотя вход в гараж и был вне их поля зрения, скоро они увидят «Билла Т», когда — или если — он вылетит наружу.

Никакого отсчета не было; Чанг не спешил, тщательно проверяя все приборы. Он взлетит, когда убедится, что готов к этому. Из шаттла убрали все, что можно, стараясь максимально облегчить его; топлива оставили лишь на сто секунд полета. Если операция будет успешной, этого количества хватит с лихвой; если взлет закончится неудачей, лишнее топливо будет не только бесполезным, но даже и опасным.

— Поехали, — небрежно произнес Чанг.

Это походило на трюк фокусника; все произошло так быстро, что напоминало оптический обман. Никто не заметил, как «Билл Т» вылетел из гаража, потому что он был окутан облаком пара. Когда облако рассеялось, шаттл уже садился в двухстах метрах от корабля.

По кают-компании пронесся дружный вздох облегчения.

— Победа! — воскликнул бывший исполняющий обязанности капитан Ли. — Он побил рекорд Годдарда — и без всяких усилий!

«Билл Т», стоящий на своих четырых приземистых ногах на фоне унылого ландшафта Европы, походил на увеличенную и еще менее элегантную модель спускаемого аппарата «Аполло». Но когда капитан Лаплас смотрел из рубки, ему в голову пришла другая аналогия.

Он подумал, что его корабль напоминает выброшенную на берег самку кита, в муках родившую китенка. Капитан надеялся, что китенок выживет...

Еще через сорок восемь часов «Уильям Тсунг» был полностью снаряжен и проверен в испытательном десятикилометровом полете над островом. Теперь он был готов к вылету. Для экспедиции времени было вполне достаточно; по самым оптимистическим расчетам, «Юниверс» прилетит не раньше чем через три дня, а полет к горе Зевс, даже принимая во внимание то, что по-

надобится время, чтобы установить приборы доктора Ван-дер-Берга, займет всего шесть часов.

Сразу после посадки капитан Лаплас пригласил второго помощника Чанга к себе в каюту. Чанг заметил, что капитан чувствует себя неловко.

— Отлично, Уолтер — хотя, разумеется, другого мы и не ожидали.

— Спасибо, сэр. Неприятности?

Капитан улыбнулся. В дружной команде не бывает секретов.

— Главное управление, как обычно. Мне не хочется разочаровывать вас, но они требуют, чтобы к горе Зевс отправились только доктор Ван-дер-Берг и второй помощник Флойд.

— Понятно, — отозвался Чанг с оттенком горечи. — И что вы ответили?

— Пока — ничего; именно поэтому я вас и пригласил. Я готов заявить, что вы — единственный пилот, способный выполнить это задание.

— Они сразу поймут, что это чепуха; Флойд справится с шаттлом не хуже меня. И никакой опасности — если не принимать во внимание отказ какого-нибудь механизма; впрочем, это может случиться с каждым пилотом.

— И все-таки я готов рискнуть, если вы настаиваете. В конце концов, кто может мне помешать? А когда мы вернемся на Землю, на всех нас будут смотреть, как на героев!

Чанг молчал. Он производил в уме какие-то сложные расчеты и, судя по всему, остался доволен полученным результатом.

— Замена двухсот килограммов полезной нагрузки топливом открывает перед нами новые интересные возможности; мне и раньше хотелось сказать об этом, но «Билл Т» с полной командой и дополнительными приборами на борту не справился бы с такой задачей.

— Уже догадываюсь. Великая Стена.

— Конечно, облетев вокруг раза два, можно как следует осмотреть ее и узнать, наконец, что она представляет собой в действительности.

— Мне кажется, у нас и так отличное представление о Стене; стоит ли искушать судьбу?

— Может, и нет. Но есть еще одна причина; для некоторых из нас она кажется еще важнее...

— Продолжайте.

— «Цянь». Он находится всего в десяти километрах от Стены. Нам хотелось бы сбросить там венок.

Так вот что обсуждали его офицеры с такой торжественностью; в который раз капитан пожалел, что не владеет мандаринским наречием китайского языка.

— Понимаю, — тихо произнес он. — Мне нужно подумать и спросить мнение Ван-дер-Берга и Флойда.

— А разрешение начальства?

— Обойдемся без них. Я сам приму решение.

47. Осколки

— Не теряйте времени, — передали с Ганимеда. — Предстоящее сближение будет для вас весьма тяжелым. Сотрясения будут вызваны не только прохождением Ио, но и нашим. И вот еще что — не хотим пугать, но если ваш радиолокатор не сошел с ума, ваша гора осела еще на сто метров с момента предыдущего наблюдения.

При такой скорости, подумал Ван-дер-Берг, Европа снова станет плоской уже через десять лет. Насколько быстрее протекают на ней тектонические процессы по сравнению с Землей; немудрено, что она вызывает такой интерес у геологов.

Теперь, сидя пристегнутым в кресле позади Флойда, окруженный своими приборами, Ван-дер-Берг испытывал странное чувство — взволнованное ожидание смешивалось с грустью. Так или иначе, но через несколько часов самое крупное интеллектуальное приключение всей его жизни завершится. Ничего сравнимого с ним больше уже не случится.

Ван-дер-Берг не испытывал ни малейшего страха; его уверенность в пилоте и машине была абсолютной. Неожиданно он подумал не без печальной иронии, что ему следует за все это благодарить покойную Розу Мак-Магон; без нее такой возможности никогда бы не предста-

вилось, и он мог бы сойти в могилу, испытывая прежнюю неуверенность.

Тяжело нагруженный «Билл Т» с трудом поднялся даже при здешней силе притяжения; он не был рассчитан на такую работу, но обратный путь пройдет куда легче — весь груз приборов останется у горы Зевс. Казалось, потребовалась целая вечность, чтобы взлететь над «Гэлакси»; за это время они осмотрели корпус корабля, оценив полученные им повреждения и признаки начавшейся коррозии, вызванной проходившими время от времени кислотными дождями. Флойд сконцентрировал все внимание на управлении аппаратом, а Ван-дер-Берг передал на корабль краткий отчет о состоянии его корпуса с точки зрения единственного наблюдателя. Он решил, что это не помешает, несмотря на то, что пригодность «Гэлакси» к космическим полетам скоро — если не произойдет новых неприятностей — никого не будет интересовать.

И вот под ними развернулась панорама всего острова; лишь теперь Ван-дер-Берг оценил, насколько блестяще мистер Ли — исполнявший обязанности капитана — сумел выбросить корабль на берег. Сверху было видно всего несколько мест, пригодных для такой операции; правда, огромную роль сыграло везение, и все-таки Ли использовал ветер и плавучий якорь с максимальным эффектом.

Туман закрыл все вокруг; «Билл Т» взлетел по полубаллистической траектории, чтобы уменьшить лобовое сопротивление, и в ближайшие двадцать минут ничего, кроме облаков, не будет видно. Жаль, подумал Ван-дер-Берг, наверняка там, внизу, плавают интересные существа, которых еще никому из людей не доводилось видеть...

— Отсечка двигателя, — произнес Флойд в микрофон. — Все работает нормально.

— Отлично, «Билл Т». На вашей высоте других летательных аппаратов не наблюдается. Вы все еще первые в очереди на посадку.

— Что это за шутник? — спросил Ван-дер-Берг.

— Ронни Лим. Не думай, что я шучу, — эта фраза

«первые в очереди на посадку» впервые была произнесена во время полетов «Аполло».

Ван-дер-Берг понимал, в чем дело. Временами юмор — не заходящий слишком далеко — был единственным средством, способным снять напряжение, неизбежно возникающее у людей, вовлеченных в сложное и, возможно, рискованное предприятие.

— До начала торможения еще пятнадцать минут, — заметил Флойд. — Посмотрим, кто еще в эфире кроме нас.

Он включил автоматическое сканирование, и маленькая кабина наполнилась пронзительными свистками и гудками, разделенными короткими промежутками тишины, по мере того как тюнер отбрасывал их один за другим, быстро поднимаясь по спектру радиочастот.

— Местные радиомаяки и передача собранных данных, — пояснил Флойд. — Я надеялся — а, вот и она!

Из динамика донесся едва слышный музыкальный тон, быстро поднимающийся и падающий, похожий на безумное сопрано. Флойд взглянул на указатель частоты.

— Доплеровское смещение почти исчезло — его скорость быстро падает.

— Что это — передача текста?

— Думаю, медленное видеосканирование. Через большую тарелку на Ганимеде — когда он занимает нужное положение — все время идут передачи на Землю. Средства массовой информации отчаянно требуют новостей.

Несколько минут они прислушивались к гипнотическому, но бессмысленному для них звуку; затем Флойд отключил его. Хотя передача с «Юниверс» осталась непонятной для их слуха, не вооруженного декодерами, она значила только одно. Спасение мчится к ним, и скоро трудности будут позади.

Отчасти чтобы заполнить образовавшуюся паузу, отчасти потому, что ему это было действительно интересно, Ван-дер-Берг спросил как бы между прочим:

— Ты разговаривал уже со своим дедом?

«Разговаривал» было, разумеется, не тем словом,

принимая во внимание космические расстояния, но пока еще никому не удалось придумать приемлемой замены. На короткое время становились распространенными голосограммы, аудиопочта и звуковые открытки, но все они канули в небытие. Даже сейчас бóльшая часть человечества по-прежнему не верила, что в колоссальных просторах Солнечной системы невозможно вести разговоры в реальном времени, и нередко приходилось выслушивать сердитые замечания; «Почему это вы, ученые, не придумаете что-нибудь?»

— Да, — ответил Флойд. — Он здоров, и я заранее радуюсь предстоящей встрече.

В голосе Флойда было заметно какое-то напряжение. Интересно, подумал Ван-дер-Берг, когда они виделись последний раз; он понимал, однако, что такой вопрос будет нетактичным. И он потратил оставшееся время на обсуждение проблем разгрузки и установки приборов, чтобы после посадки избежать путаницы и сэкономить время.

Прозвучал сигнал начала торможения — на долю секунды позже того, как Флойд нажал кнопку и привел в действие автоматическую программу. Я в надежных руках, подумал Ван-дер-Берг. Можно успокоиться и направить внимание на предстоящую работу. Где эта фотокамера? Неужели снова улетела куда-то...

Облака рассеивались. Хотя радиолокатор уже показал на экране, что ждет их внизу, с точностью, не уступающей обычному зрению, картина горы, возвышающейся всего в нескольких километрах, потрясла их.

— Смотри! — внезапно крикнул Флойд. — Вот там, слева, около двойного пика, — ну-ка, попробуй догадаться?

— Ты прав, конечно. Не думаю, что нам удалось причинить какой-нибудь ущерб — он просто размазался по склону. Интересно, куда попал второй...

— Высота тысяча футов. Куда садиться? Площадка «Альфа» выглядит отсюда не слишком многообещающе.

— Да, пожалуй — попробуй «Гамму». В любом случае поближе к горе.

— Пятьсот футов. Заходим на «Гамму». Я зависну на двадцать секунд. Если тебе не понравится, сядем на «Бете». Четыреста... Триста... Двести... («Мягкой посадки, «Билл Т», — передали с «Гэлакси»».) Спасибо, Ронни... Сто пятьдесят... Сто... Пятьдесят... Ты только посмотри! Всего несколько маленьких валунов и — как странно — похоже, все усыпано битым стеклом. Кто-то здорово погулял здесь.. Пятьдесят... Пятьдесят... Все в порядке?

— Идеально. Давай на посадку.

— Сорок... Тридцать... Двадцать... Десять... Точно, не передумаешь?.. Десять... Взбивает пыль, как сказал однажды Нил — или Базз?.. Касание! Просто, не правда ли? Не знаю, за что мне платят жалованье.

48. Люси

— Привет, Центральная Ганимеда. Мы совершили идеальную посадку — то есть Крис совершил идеальную посадку на ровной площадке, сложенной из каких-то метаморфических горных пород — по-видимому, из того же псевдогранита, который мы назвали «гавенитом». Основание горы всего в двух километрах, но мне уже ясно, что идти к ней нет необходимости...

Мы одеваем сейчас наши космические полукостюмы и через пять минут приступим к разгрузке. Разумеется, оставим мониторы включенными; будем вызывать вас каждые четверть часа. Конец.

— Почему ты считаешь, что не надо идти поближе к горе? — спросил Флойд.

Ван-дер-Берг ухмыльнулся. Казалось, за последние несколько минут он сбросил груз прошедших лет и превратился в беззаботного мальчишку.

— *Circumspice*, — произнес он со счастливой улыбкой. — Латинское выражение, означающее «Посмотри вокруг». Сначала давай вынесем большую видеокамеру и — это да!

«Билл Т» внезапно качнулся и в течение нескольких секунд раскачивался на амортизаторах посадочного устройства. Стоило такой качке немного продлиться, и луч-

шего рецепта для мгновенной морской болезни не придумаешь.

— Ганимед был прав относительно этих возмущений, — заметил Флойд, когда они пришли в себя. — Думаешь, это не слишком опасно?

— Нет, наверно; до момента наибольшего сближения еще тридцать часов, а под нами сплошной скальный пласт. Но лучше не терять времени — к счастью, здесь мы быстро управимся. Как у меня маска? В порядке? Что-то не так.

— Дай-ка подтяну ремень. Теперь лучше. Вдохни поглубже. Ну вот, теперь хорошо. Я выхожу.

Ван-дер-Бергу самому хотелось сделать этот первый шаг, но Флойд был командиром их маленького корабля, и в его обязанности входило проверить, все ли в порядке с «Биллом Т» и готов ли он к немедленному взлету.

Флойд обошел вокруг, осмотрел посадочные опоры, затем поднял вверх большой палец. Ван-дер-Берг кивнул и начал спускаться по трапу. Хотя ему уже приходилось одевать этот легкий дыхательный аппарат во время прогулок по острову, но сейчас он чувствовал себя в нем как-то неловко; спустившись, он начал поправлять складки. Затем выпрямился — и увидел, что делает Флойд.

— Не трогай! — крикнул он. — Это опасно!

Флойд отпрыгнул на добрый метр от осколка стекловидной породы, который осматривал. На первый взгляд осколок показался ему неудачной пробой, вылитой из стеклоплавильной печи.

— Он не радиоактивный, а? — обеспокоенным тоном спросил Крис.

— Нет. И все-таки ничего не трогай, пока я не подойду.

К изумлению Флойда, на руках Ван-дер-Берга он увидел плотные рабочие перчатки. Опытному астронавту потребовалось немало времени, чтобы привыкнуть к тому, что здесь, на Европе, безопасно ходить без перчаток и вообще обнажать кожу, подвергая ее влиянию местной атмосферы. Нигде в пределах Солнечной системы — даже на Марсе — такое было недопустимо.

С предельной осторожностью Ван-дер-Берг наклонился и поднял длинный осколок стекловидной породы. Даже в рассеянном свете Европы от него исходило какое-то странное сияние, и Флойд заметил, что край осколка переходит в длинное тонкое лезвие.

— Самый острый нож во всей Вселенной, — произнес Ван-дер-Берг счастливым голосом.

— И мы летели сюда лишь за тем, чтобы найти нож?

Ван-дер-Берг попытался засмеяться, но почувствовал, что в прилегающей к лицу маске это слишком трудно.

— Неужели ты все еще не догадываешься?

— Мне начинает казаться, что все остальные давно догадались.

Ван-дер-Берг взял своего спутника за плечо и повернул лицом к гигантской массе нависающей горы Зевс. С этого расстояния гора заполняла половину неба — не просто самая большая, а единственная гора во всем мире.

— Даю тебе минуту, чтобы повосхищаться пейзажем. Мне нужно передать важную радиограмму.

Он нажал несколько кнопок на панели своего связного устройства, подождал, когда зажгутся буквы «Готов», и произнес:

— Центральная Ганимеда — один — ноль — девять. Это Ван. Как прием?

Прошло неуловимо короткое время, и послышался явно электронный голос:

— Хэлло, Ван. Это Центральная Ганимеда — один — ноль — девять. Готов к приему.

Ван-дер-Берг на мгновенье замолчал, наслаждаясь величием момента, который на всю жизнь останется в памяти.

— Передать на Землю. Срочно: Дяде — Семь — Три — Семь. Следует текст: ЛЮСИ НА МЕСТЕ. ЛЮСИ НА МЕСТЕ. Конец радиограммы. Повторите текст.

Может быть, следовало прервать его, не допустить передачи, что бы она ни значила, подумал Флойд, слушая, как голос с Ганимеда повторяет текст радиограммы. Но уже поздно. Через час она достигнет Земли.

— Извини меня, Крис, — улыбнулся Ван-дер-Берг. — Мне хотелось быть первым — помимо всего остального.

— Если ты сейчас же не посвятишь меня в происходящее, я зарежу тебя вот этим стеклянным ножом.

— Стеклянным — хо-хо! С объяснением лучше подождать — оно исключительно интересное, но очень запутанное. Лучше уж я дам тебе факты. Так вот, слушай.

Гора Зевс — это единый кристалл алмаза, масса его — около миллиона миллионов тонн. Или, если тебя это больше устраивает, два на десять в семнадцатой степени каратов. Правда, не могу гарантировать, что вся она чистейшей воды и высшего качества.

VII. ВЕЛИКАЯ СТЕНА

49. Храм

Разгружая научные приборы и прочее снаряжение на крохотное гранитное плато, где они совершили посадку, Флойд то и дело посматривал на громаду горы, что возвышалась над их головами. Ему было трудно оторвать от нее взгляд. Алмазный кристалл — размерами больше Эвереста! Ведь одни лишь осколки, разбросанные вокруг шаттла, стоят не миллионы, а миллиарды...

С другой стороны, их ценность может равняться ценности — ну, битого стекла. Стоимость алмазов всегда контролировалась владельцами алмазных копей и корпорациями, продававшими драгоценные камни, но если на рынок будет внезапно выброшена гора — в буквальном смысле — алмазов, их стоимость неминуемо скатится до нуля. Теперь Флойд начал понимать, почему так много заинтересованных сторон обратило свое внимание на Европу; политические и экономические последствия были огромны.

Найдя подтверждение своей теории, Ван-дер-Берг снова превратился в ученого, все силы которого были направлены на завершение эксперимента, и не обращающего внимание на происходящее вокруг. С помощью Флойда — оказалось не так уж просто вытащить неко-

торые приборы, особенно крупные, из небольшой кабины «Билла Т» — они прежде всего пробурили отверстие глубиной в метр с помощью портативного электрического сверла и получили керн, с максимальными предосторожностями перенесенный в кабину.

Флойд с удовольствием занялся бы сначала другими делами, но согласился, что в первую очередь нужно решить более трудные задачи. Лишь когда был установлен комплекс сейсмографов, а на низком, устойчивом треножнике размещена телевизионная камера с широкоугольным объективом, Ван-дер-Берг снизошел до того, чтобы собрать часть несметных богатств, разбросанных вокруг.

— По крайней мере, — заметил он, тщательно выбирая наименее опасные осколки, — это будут отличные сувениры.

— Если только друзья Рози не убьют нас, чтобы перехватить их.

Ван-дер-Берг внимательно посмотрел на своего спутника; интересно, подумал он, что уже известно Крису — и о чем он, подобно остальным, догадывается.

— Вряд ли они пойдут на это теперь, когда тайна стала общеизвестна. Пройдет около часа, и компьютеры на всех биржах Земли раскалятся от перегрузки.

— Ах ты мерзавец! — воскликнул Флойд. В его голосе звучало скорее восхищение, чем гнев. — Так вот почему ты послал радиограмму!

— Нет закона, запрещающего ученому немного подзаработать, но этими грязными делами пусть занимаются мои приятели на Земле. Честное слово, меня куда больше интересует то, чем мы занимаемся сейчас. Дайка мне вон тот гаечный ключ...

Прежде чем им удалось закончить оборудование станции Зевс, сотрясения почвы трижды едва не сбивали их с ног. Сначала под ногами ощущалась легкая вибрация, затем все вокруг начинало содрагаться, наконец раздавался ужасный протяжный стон, исходящий, казалось, отовсюду. Он доносился даже по воздуху, и это было самым странным. Флойд никак не мог привыкнуть к тому, что окружающая их атмосфера делала возмож-

ными даже разговоры на небольшом расстоянии без помощи радио.

Ван-дер-Бергу приходилось то и дело заверять Флойда, что пока сотрясения совершенно безвредны и не представляют опасности, но тот не слишком полагался на мнение экспертов. Да, геологу уже однажды удалось доказать — с поразительной убедительностью — точность своих выводов; теперь, поглядывая на «Билла Т», раскачивающегося на своих амортизаторах подобно кораблю в штормовом море, Флойд надеялся, что везение Ван-дер-Берга продлится еще несколько минут.

— Вот и все, — произнес, наконец, ученый, и Флойд вздохнул с облегчением. — Данные поступают на Ганимед по всем каналам. Аккумуляторы, питаемые энергией от солнечных батарей, продержатся много лет.

— Я буду удивлен, если твои приборы выдержат хотя бы неделю, — заметил Флойд. — Готов поклясться, что с момента нашего приземления гора слегка осела. Лучше давай уберемся отсюда, пока она не рухнула нам на голову.

— Меня куда больше тревожит, что струя газов при взлете разрушит все, ради чего мы так старались, — сказал Ван-дер-Берг.

— Не бойся — мы на приличном расстоянии, да и для взлета нам потребуется всего лишь половина тяги — ведь мы солидно разгрузились. Ну, разумеется, если мы не возьмем на борт еще несколько миллионов или миллиардов. Или триллионов.

— Не будем жадничать. К тому же, не знаю, сколько все это будет стоить после нашего возвращения на Землю. Разумеется, музеи расхватают почти все. После этого — кто знает?

Пальцы Флойда коснулись нескольких кнопок на контрольной панели, и он установил связь с «Гэлакси».

— Первый этап экспедиции завершен. Мы готовы к взлету. Следуем дальше в соответствии с намеченным планом.

Их ничуть не удивило, когда послышался голос капитана Лапласа:

— Вы настаиваете на продолжении экспедиции? Не

забывайте, лишь вам принадлежит окончательное решение. Я гарантирую поддержку, каким бы оно ни было.

— Так точно, сэр, у нас все в полном порядке. Мы разделяем чувства команды. А научные результаты могут быть поистине невероятными — мы оба по-настоящему рады этому.

— Одну минуту — мы ждем вашего доклада относительно горы Зевс!

Флойд посмотрел на Ван-дер-Берга. Ученый пожал плечами и наклонился к микрофону.

— Если мы сейчас расскажем вам об этом, капитан, вы или примите нас за сумасшедших, или решите, что мы шутим. Подождите еще пару часов, пока мы не вернемся и не предъявим доказательства.

— Гм, полагаю, моему приказу вы все равно не подчинитесь, верно? В общем, желаю успеха. Да, чуть не забыл: сэр Лоуренс просил передать, что он согласен — полет к «Цянь» — это великолепная мысль.

— Я не сомневался в его одобрении, — заметил Флойд, поворачиваясь к своему спутнику. — К тому же, раз «Гэлакси» все равно придется списать, уже неважно, что случится с «Биллом Т», правда?

Ван-дер-Берг понял Флойда, но не разделял его точку зрения целиком. Ученый сделал величайшее открытие; его научная репутация поднялась на небывалую высоту, и теперь ему хотелось уцелеть, чтобы воспользоваться завоеванной им славой.

— Да, между прочим, — спросил Флойд. — Что это за Люси — конкретное лицо?

— Насколько мне известно, нет. Копаясь в памяти компьютеров, мы разыскали это имя и решили, что из него выйдет отличный пароль — все решат, что оно както связано с Люцифером, а это всего лишь полуправда и потому лишь собьет с толку.

Раньше мне никогда не приходилось слышать о них, но сто лет назад существовала группа известных музыкантов с очень странным названием «Биттлз» — пишется «Б-И-Т-Т-Л-З» — не спрашивай меня, откуда оно возникло, я все равно не знаю. Так вот, они сочинили песню с не менее странным названием: «ЛЮСИ В НЕБЕ-

САХ С АЛМАЗАМИ». Поразительно, правда? Будто догадывались...

По данным радиолокационного обследования Европы со станции на Ганимеде остатки «Цяня» находились в трехстах километрах к западу от горы Зевс, в направлении так называемой Сумеречной зоны и холодных регионов, расположенных за ней. Там действительно царил вечный холод, но не темнота: эта часть Европы половину времени освещалась ярким сиянием далекого Солнца. Тем не менее даже к концу длинного европейского солнечного дня температура здесь оставалась намного ниже нуля. Поскольку вода в жидком состоянии может существовать лишь на полушарии, обращенном к Люциферу, промежуточные области были местом, где постоянно свирепствовали штормы, где дождь и град, дождь со снегом и снег боролись друг с другом.

С момента посадки «Цянь» и последовавшей за этим трагедии корабль переместился почти на тысячу километров. Должно быть, его отнесло дрейфом — как и «Гэлакси» — по возникшему Галилейскому морю, пока не прибило наконец к унылому негостеприимному берегу.

Флойд поймал отраженный сигнал на бортовом радиолокаторе, как только «Билл Т» вышел на горизонтальную часть траектории своего второго прыжка через Европу. Для такого крупного объекта, как космический корабль, сигнал оказался поразительно слабым; едва они пробили облачность и пошли на снижение, стало ясно почему.

Остатки космического корабля «Цянь» — первого пилотируемого корабля, совершившего посадку на спутнике Юпитера, — находились в центре небольшого круглого озера, совершенно очевидно, искусственного происхождения, соединенного каналом с морем меньше чем в трех километрах. От корабля остался всего лишь каркас, и то не весь; обшивка и все остальное было снято.

Но кем? — подумал Ван-дер-Берг. Вокруг не было никаких признаков жизни. Казалось, здесь никто не бывал уже много лет. Тем не менее у него не было ни ма-

лейших сомнений, что кто-то очистил корабль с намеренной, почти хирургической тщательностью.

— Думаю, ничто не угрожает посадке, — заметил Флойд, подождав, пока последует рассеянный кивок Ван-дер-Берга. Геолог уже наклонился к иллюминатору и снимал все увиденное на видеопленку.

«Билл Т» мягко сел на краю озера, и астронавты посмотрели на памятник человеческому стремлению в космос, расположенный за полосой холодной, темной воды.

Остатки корабля находились вне пределов досягаемости, но это не имело значения.

Натянув космические полукостюмы, они вышли из шаттла, поднесли венок к краю воды, торжественно подняли его перед объективом видеокамеры, затем бросили в воду, отдавая дань памяти первопроходцам от команды «Гэлакси». Несмотря на то, что единственными материалами, годными для изготовления венка, были фольга, бумага и пластик, он получился на удивление красивым, казалось, что цветы и листья естественные. К нему было приколото множество записок и надписей на древнем языке, написанном отнюдь не латинским шрифтом, а старыми-старыми, давно вышедшими из употребления иероглифами.

На обратном пути к «Биллу Т» Флойд задумчиво произнес:

— Ты заметил, что там не осталось металла. Всего лишь стекло, пластик, синтетические материалы.

— А каркас и фермы?

— Композитные материалы — углерод и бор, главным образом. Местные жители, судя по всему, испытывают крайнюю нужду в металле — и сразу узнают его. Интересно...

И даже очень, подумал Ван-дер-Берг. На планете, где нет огня и, следовательно, невозможно изготовить металлы и сплавы, они будут цениться как — как алмазы!!!

После того как Флойд связался с «Гэлакси» и выслушал благодарные слова второго помощника Чанга и остальных членов экипажа, он снова взлетел, выровнял

«Билла Т» на высоте тысячи метров и направил шаттл на запад.

— Последний круг, — заметил он. — Подниматься выше не имеет смысла — всего десять минут полета. Но я не собираюсь садиться; если Великая Стена именно то, что мы предполагаем, лучше не совершать посадку. Пролетим мимо — и домой. Приготовь свои камеры; это может оказаться важнее горы.

И, подумал он про себя, скоро я узнаю, какие чувства испытывал дедушка Хейвуд пятьдесят лет назад, где-то совсем рядом. Да, нам будет о чем поговорить при встрече — меньше чем через неделю, если ничего не случится.

50. Открытый город

Какое ужасное место, подумал Флойд. Порывы холодного ветра, несущего дождь со снегом, свинцовые облака, и, время от времени, в просветах, внизу мелькала суша, местами покрытая льдом, — боже, да Хэвен настоящий тропический рай по сравнению с этим! И все-таки он знал, что Ночная сторона всего в нескольких сотнях километров отсюда, за крутым изгибом Европы, и климат там еще хуже.

К его изумлению, еще до того, как они прилетели на место, погода неожиданно и резко улучшилась. Облака рассеялись — и прямо перед «Биллом Т» возникла колоссальная черная стена высотой почти в километр. Она была настолько огромной, что создавала вокруг свой микроклимат: ветры огибали ее, оставляя спокойное, безветренное пространство.

Не было сомнений в том, что это Монолит; и у его основания расположились сотни полукруглых строений, сияющих призрачно белым светом в лучах находившегося невысоко над горизонтом солнца, когда-то бывшего Юпитером. Они походили, подумал Флойд, на старые ульи, сделанные из снега. У него в памяти начали смутно пробуждаться воспоминания о каких-то строениях на Земле, но Ван-дер-Берг опередил его.

— Иглу, — произнес он. — Те же самые пробле-

мы — те же самые решения. Никакого иного строительного материала под рукой — не считая камня, а камень куда труднее обрабатывать. К тому же, на стороне местных жителей малая сила тяжести — смотри, некоторые их этих иглу очень большие. Интересно, кто в них живет...

Они все еще были слишком далеко и не видели, есть ли кто-нибудь на улицах этого маленького городка на краю мира. Подлетев ближе, они заметили, что здесь нет улиц.

— Похоже на Венецию изо льда, — заметил Флойд. — Одни иглу и каналы.

— Земноводные жители, — согласился Ван-дер-Берг. — Этого следовало ожидать. Интересно, куда они подевались?

— Наверно, мы напугали их. Шум от «Билла Т» слышен снаружи куда больше, чем внутри.

Прошло несколько минут. Ван-дер-Берг был занят съемками и связью с «Гэлакси» и лишь потом ответил:

— Думаю, нам нужно попытаться вступить в контакт с ними. Ты прав — это куда значительнее, чем гора Зевс.

— И куда опаснее.

— Не вижу ни малейших следов развитой технологии. Впрочем, погоди — вон там, видишь, что-то похожее на радиолокационную антенну! Ты не мог бы подлететь поближе?

— Чтобы по нам открыли пальбу? Нет уж, спасибо. К тому же, мы сжигаем массу топлива, пока висим здесь. Осталось всего на десять минут — если хотим вернуться обратно.

— Давай хотя бы сядем и посмотрим вокруг. Вон, рядом, хорошая площадка. Куда же все подевались?

— Испугались — вроде меня. Девять минут. Хорошо, пролетим над городом. Снимай все подряд — да-да, «Гэлакси», у нас все в порядке, просто мы немного заняты сейчас, через несколько минут свяжемся с вами.

— Слушай, Крис, я только что понял — это не антенна радиолокатора, а что-то куда интереснее. Смотри, тарелка направлена прямо к Люциферу — это солнечная

печь! Какие молодцы! Лучше места не придумаешь — солнце никогда не меняет своего положения на небе, а зажечь огонь на Европе невозможно.

— Восемь минут. Жаль, что все спрятались от нас.

— Или залезли в воду канала. Давай хотя бы посмотрим на это большое здание посреди площади. По-моему, это ратуша.

Ван-дер-Берг показал на строение, намного превышающее другие по размерам, причем с совершенно иной архитектурой; оно состояло из ряда вертикальных цилиндров, похожих на трубы органа — только гораздо больше. К тому же здание не было совершенно белым, его покрывал какой-то сложный пятнистый узор.

— Европейское искусство! — воскликнул Ван-дер-Берг. — Смотри, похоже на мозаичное панно! Ближе! Еще ближе! Это нужно обязательно заснять!

Флойд начал послушно спускаться — ниже — ниже — еще ниже. Казалось, он совсем забыл свои прежние опасения относительно нехватки топлива; внезапно потрясенный Ван-дер-Берг понял, что Флойд идет на посадку.

Ученый перевел взгляд с быстро приближающейся поверхности на пилота. Хотя Флойд, несомненно, сохранял контроль над механизмами шаттла, казалось, он погрузился в гипнотический транс: не отрываясь, он пристально смотрел прямо перед собой.

— Что с тобой, Крис? — воскликнул Ван-дер-Берг. — Что ты делаешь?

— Совершаю посадку, разумеется. А разве ты не видишь его?

— Кого?

— Человека, вон там, у самого большого цилиндра. И ты только посмотри: у него нет дыхательного аппарата!

— Крис, не сходи с ума! Там нет никого!

— Он смотрит на нас. Машет рукой — мне кажется, я узнаю... Боже мой!

— Крис! Немедленно прекрати спуск! Там никого нет!

Флойд не обращал на него никакого внимания. Абсо-

лютно спокойно, профессиональными, точными движениями он за мгновение до прикосновения к поверхности выключил двигатель и мягко посадил «Билла Т».

С максимальной тщательностью Флойд проверил показания приборов на панелли и поставил все ручки на «0». Лишь закончив всю последовательность операций, он снова посмотрел наружу с озадаченным, но счастливым выражением на лице.

— Здравствуй, дедушка, — произнес он тихим голосом, хотя никого, кроме Ван-дер-Берга, вокруг не было.

51. Фантом

Даже в самых страшных кошмарах доктору Ван-дер-Бергу не приходило в голову, что он может оказаться на враждебном мире в крошечной космической капсуле рядом со спутником, сошедшим с ума. Правда, Крис Флойд не проявлял признаков буйно помешанного; возможно, удастся уговорить его вернуться обратно к «Гэлакси»...

Он по-прежнему смотрел вперед пустым взором, и губы его время от времени шевелились в молчаливом разговоре. Враждебный мир вокруг оставался совершенно пустым — можно было подумать, что он покинут столетиями раньше. Шло время, и Ван-дер-Берг начал замечать признаки того, что совсем недавно здесь кто-то жил. Хотя струя двигателя «Билла Т» сдула тонкий слой снега вокруг, на всей остальной части площади он продолжал лежать. Это было похоже на страницу, вырванную из книги, покрытую знаками и иероглифами, и некоторые из них были ему понятны.

Вон туда протащили какой-то тяжелый предмет — или по снегу протащился кто-то сам. Из закрытого теперь входа в один из иглу вели совершенно четкие следы колес. Вдали лежал какой-то предмет, похожий на сосуд; наверно, жители Европы бывают такими же безалаберными, как и земляне...

Присутствие жизни было совершенно очевидным и явным. Ван-дер-Бергу казалось, что за его движениями наблюдают тысячи глаз — и он не знал, чьи это гла-

за — друзей или врагов. Не исключено, что жителям было совершенно все равно; они просто ждали, пока пришельцы уберутся восвояси, и тогда они снова примутся за свои таинственные занятия, прерванные появлением землян.

Наконец Крис снова произнес в пустоту:

— До свиданья, дедушка.

Он сказал это с грустью в голосе и, повернувшись к Ван-дер-Бергу, продолжил уже как обычно:

— Он говорит, что нам пора улетать. Наверно, ты принял меня за сумасшедшего.

Лучше всего, подумал Ван-дер-Берг, не показывать, что я согласен. А через несколько мгновений ему пришлось беспокоиться о другом.

Флойд озадаченно смотрел на цифры, выданные бортовым компьютером. Наконец он произнес извиняющимся тоном:

— Прости меня, Ван, но мы использовали для приземления гораздо больше топлива, чем я ожидал. Нам придется изменить маршрут.

Это, подумал Ван-дер-Берг уныло, судя по всему, означает, что у них не хватит топлива, чтобы вернуться на «Гэлакси». Он с трудом удержался, чтобы не воскликнуть: «Черт бы побрал твоего дедушку!». Но вместо этого спросил:

— Что будем делать?

Флойд смотрел на карту и вводил в компьютер новые данные.

— Здесь оставаться мы не можем. — (А почему нет? — подумал Ван-дер-Берг. Раз уж нам все равно придется умереть, то, по крайней мере, с пользой проведем время и узнаем как можно больше.) — Поэтому нужно отыскать такое место, с которого шаттл, посланный «Юниверс», легко сможет подобрать нас.

Ван-дер-Берг почувствовал, как гора свалилась с плеч, и молча с облегчением вздохнул. Каким нужно быть дураком, чтобы забыть об этом; он чувствовал себя подобно приговоренному к смерти и помилованному на пути к виселице. «Юниверс» достигнет Европы меньше чем через четверо суток; кабину «Билла Т» вряд ли

можно назвать роскошной, однако она была все-таки куда лучше, чем все остальные варианты.

— Где-нибудь подальше от этой унылой погоды найдем хорошую, надежную площадку, поближе к «Гэлакси» — хотя я и не уверен, как это может помочь нам. У нас хватит топлива на пятьсот километров — просто лететь через море слишком рискованно.

На мгновение Ван-дер-Берг с сожалением подумал о горе Зевс; сколько исследований можно было бы провести там. Но сейсмические возмущения — становившиеся все мощнее по мере того, как Ио все ближе подходила к створу с Люцифером, — делали это невозможным. Интересно, продолжают ли функционировать установленные им инструменты. Нужно проверить — как только решим главную проблему.

— Лучше всего направиться к экватору — для шаттла это наиболее удобно. На радиолокационной карте видны ровные площадки внутри материка — на шестидесяти градусах западной долготы.

— Да, это плато Массада. (Кроме того, подумал Ван-дер-Берг, там тоже неплохо было бы оглядеться вокруг. Нужно использовать любую представляющуюся возможность...)

— Тогда все в порядке. До свиданья, Венеция. До свиданья, дедушка.

Когда приглушенный рев тормозных ракет стих, Флойд последний раз проверил показания приборов и поставил необходимые предохранители. Затем он расстегнул ремни безопасности и потянулся — насколько позволяла кабина «Билла Т».

— Не так уж и плохо — для Европы, — произнес он неунывающим голосом. — За оставшиеся четверо суток нам предстоит выяснить, действительно ли неприкосновенный запас шаттла так невкусен, как утверждают многие. Итак — кто из нас начнет говорить первым?

52. Откровенный разговор

Жаль, что мне не пришлось учиться психологии, подумал Ван-дер-Берг; тогда мне удалось бы определить основные параметры его галлюцинаций.

Несмотря на то что при здешнем тяготении любое из кресел было достаточно удобным, Флойд до предела откинул назад спинку своего кресла, расположился поудобнее и обхватил ладонями затылок. И тут Ван-дер-Берг вспомнил, что такова классическая поза пациента в дни старого, еще не полностью дискредитированного анализа по Фрейду.

Он был рад, что его спутник заговорил первым; отчасти из-за любопытства, но главным образом потому, что Ван-дер-Берг надеялся, что чем быстрее Флойд расскажет о случившемся, тем легче будет ему выздороветь — или, по крайней мере, обрести спокойствие. Но Ван-дер-Берг не испытывал особого оптимизма: для столь ярких галлюцинаций должны быть весьма глубокие, серьезные основания.

Ван-дер-Берга крайне смутило то обстоятельство, что Флойд был полностью с ним согласен и уже поставил диагноз.

— Уровень устойчивости моей нервной системы и психологической совместимости оценивается категорией «А-1», — сказал он. — Это настолько высокая категория, что психиатры разрешают мне даже читать заключения медицинской комиссии обо мне — а в эту категорию попадает всего десять процентов. Так что я озадачен не меньше тебя, но я действительно видел дедушку, и он говорил со мной. Я не верю в призраков — а кто верит? — однако это означает, что он умер. Жаль, что я был так плохо знаком с ним, а мне так хотелось снова встретиться... По крайней мере, теперь мне есть о чем вспомнить.

Помолчав, Ван-дер-Берг попросил Криса:

— Расскажи мне точно, что он говорил.

— Я никогда не отличался абсолютной памятью, — ответил Крис с грустной улыбкой, — и происшедшее настолько потрясло меня, что вряд ли мне удастся точно припомнить его слова. — Он замолчал, и на его лице появилось недоуменное выражение.

— Но вот что кажется мне очень странным: я пытаюсь вспомнить, о чем мы с ним говорили, и у меня возникает впечатление, что мы не пользовались словами.

Еще хуже, подумал Ван-дер-Берг; не только жизнь после смерти, но и телепатия. Но он все же попросил:

— Тогда передай мне основное содержание своего — э-э — разговора. Ты ведь помнишь, я был рядом и не слышал ни единого произнесенного тобой слова.

— Ну хорошо. Он сказал нечто вроде: «Мне хотелось бы снова увидить тебя, и я счастлив нашей встрече. Все закончится успешно, «Юниверс» скоро прилетит и спасет вас».

Типичное спиритическое послание — в общих словах и ничего не значащее, подумал Ван-дер-Берг. Духи никогда не сообщают ничего полезного или удивительного — их послания всего лишь отражают надежды и страхи слушателя. Нулевая информация, отразившаяся из подсознания...

— Дальше...

— Потом я спросил, куда делись все жители — почему место кажется таким заброшенным. Он засмеялся и сказал в ответ что-то непонятное. Что-то вроде: «Я знал, что вы не причините вреда — когда мы увидели ваш аппарат, едва успели оповестить всех. Все... — он произнес слово, которое я не смогу произнести, даже если вспомню его, — спрятались в воде — когда нужно, они могут двигаться достаточно быстро! Они не выйдут оттуда, пока вы не улетите и ветер не развеет ядовитые газы». Интересно, что он хотел сказать этим? Выхлопные газы нашего реактивного двигателя — это всего лишь самый обычный, чистый пар, их атмосфера в значительной мере состоит из него.

Ну что ж, подумал Ван-дер-Берг, по-видимому, галлюцинации, так же как и сновидения, совсем не обязательно должны вести к логическим заключениям. Возможно, понятие «яд» символизирует какой-то глубоко укоренившийся страх в сознании Криса, настолько глубокий, что его не удалось обнаружить даже при психологическом анализе. Как бы то ни было, сомневаюсь, что это имеет ко мне какое-то отношение. Ядовитые газы, видите ли! Двигатель «Билла Т» использует в качестве рабочего вещества чистую дистиллированную воду...

Впрочем... одну минуту. Какова температура газов,

когда они вылетают из дюз корабля? Я где-то читал...

— Крис, — осторожно спросил Ван-дер-Берг, — вода, пройдя через реактор, вся превращается в пар?

— Ей больше не во что превращаться. Ах да, при максимальной температуре десять или пятнадцать процентов расщепляется на водород и кислород.

Кислород! По спине Ван-дер-Берга пробежали мурашки, хотя в кабине было достаточно тепло. Очень маловероятно, что Флойд понимает значение только что сказанного им; это выходит за пределы области его знаний.

— А знаешь ли ты, Крис, что для простейших организмов Земли — и уже конечно для существ, живущих в атмосфере, похожей на ту, что присутствует здесь, на Европе, — кислород является смертельным ядом?

— Ты шутишь?

— Нисколько: он ядовит даже для нас — при высоком давлении.

— Действительно, нам говорили об этом при обучении подводным работам.

— Твой... дедушка был совершенно прав. Это похоже на то, как если бы мы обрызгали их город ипритом. Впрочем, не совсем так — кислород рассеивается очень быстро.

— Значит, теперь ты мне веришь.

— Я и не утверждал обратного.

— Оставь, для этого нужно быть ненормальным!

Напряженность в кабине исчезла, и они рассмеялись.

— А как он был одет?

— В старомодный домашний халат — он надевал его, когда я был совсем маленьким. Халат казался очень удобным.

— Еще что тебе запомнилось?

— Ты знаешь — он выглядел гораздо моложе, и волосы были гораздо гуще, чем при нашей последней встрече. Поэтому мне кажется, что он не был — как бы лучше выразиться? — настоящим. Что-то вроде изображения, созданного компьютером. Или синтетической голограммы.

— Монолит!

— Да — я тоже подумал об этом. Помнишь, как

Дэйв Боумен явился дедушке на «Дискавери»? Но почему? Он не предупреждал меня ни о чем — даже ничего не передавал. Просто захотел попрощаться и пожелать мне счастья...

Наступила неловкая тишина, и лицо Флойда исказила гримаса боли; казалось, он вот-вот разрыдается. В следующее мгновенье он овладел собой и улыбнулся Ван-дер-Бергу.

— Я достаточно рассказал тебе. Теперь твоя очередь объяснить, как попал на планету, состоящую главным образом изо льда и серы, алмаз, весящей миллион миллионов тонн. Надеюсь, твое объяснение будет достаточно убедительным.

— Будет, — ответил доктор Рольф Ван-дер-Берг.

53. Скороварка

— Когда я учился в университете Флагстаффа, — начал свой рассказ Ван-дер-Берг, — мне как-то попал в руки старый учебник астрономии, где было написано: «Солнечная система состоит из Солнца, Юпитера — и множества осколков». Ставит Землю на место, чтобы не слишком задирала нос, верно? И не слишком справедливо по отношению к Сатурну, Урану и Нептуну — трем остальным газовым гигантам, диаметр каждого из которых уступает юпитерианскому всего в два с небольшим раза.

Но я лучше начну с Европы. Ты знаешь, что, перед тем как Люцифер принялся нагревать ее, поверхность Европы, покрытая льдом, была совершенно плоской — наибольшая возвышенность не превышала двухсот метров — и даже после того, как лед растаял и масса воды перенеслась на Ночную сторону и замерзла там, осталась почти такой же плоской. С 2015 года — когда были начаты подробные наблюдения — и до 2038 на всем спутнике была всего одна значительная возвышенность — и все знают, что она собой представляла.

— Совершенно верно. И хотя я видел его своими собственными глазами, мне все еще не верится, что Монолит может быть стеной! Мне он всегда представлялся

стоящим на своем торце — или плавающим в пространстве.

— Думаю, мы поняли теперь, что он может делать что угодно — все, что существует в нашем воображении, — и массу других вещей, которые мы не может себе представить.

Итак, что-то произошло на Европе в период между одной серией наблюдений и другой. На ее поверхности в 2037 году внезапно появилась гора Зевс — высотой в десять километров.

Вулканы такого размера не возникают за пару недель; к тому же на Европе нет такой вулканической активности, как на Ио.

— Не знаю как тебе, — проворчал Флойд, — а вот мне ее активность кажется вполне достаточной. Ты почувствовал этот толчок?

— К тому же, если бы эта новая гора была вулканом, она выбрасывала бы в атмосферу колоссальное количество газа; действительно, в атмосфере Европы произошли некоторые изменения, но столь ничтожные, что никак не подтверждают такое объяснение. Все это оставалось для нас тайной, а поскольку мы не решались подлетать к Европе слишком близко — и, к тому же, были слишком заняты другими делами, — нам не оставалось ничего иного, как выдумывать самые фантастические теории. Действительность оказалась, однако, куда более фантастичной...

Первые подозрения возникли у меня в результате случайных наблюдений, осуществленных в 2057 году, но года два я не думал о них всерьез. Затем доказательства стали более убедительными; в любой менее причудливой ситуации они стали бы абсолютно надежными.

Но до того как я решился поверить, что гора Зевс представляет собой алмаз, мне потребовалось объяснение.

Для хорошего ученого — а я считаю себя таковым — ни один факт не заслуживает уважения до тех пор, пока он не подкреплен теорией. Теория может оказаться и ошибочной — так обычно и происходит, по крайней мере отчасти, — но она должна представить рабочую гипотезу.

Как ты заметил, нелегко объяснить появление алмаза массой в миллион миллионов тонн на планете, состоящей изо льда и серы. Сейчас, разумеется, все это кажется совершенно очевидным, и я считаю себя полным дураком из-за того, что не заметил объяснения еще несколько лет назад. Мы избавились бы тогда от массы неприятностей — и спасли жизнь по крайней мере одному человеку.

Он замолчал, и вдруг неожиданно спросил Флойда:

— Никто не упоминал в разговоре с тобой доктора Пауля Крюгера?

— Никто. Да и зачем? Я, разумеется, слышал о нем.

— Просто так. Видишь ли, произошло немало таинственных событий, объяснение которым мы вряд-ли когда-нибудь узнаем.

Как бы то ни было, все это перестало быть тайной. Короче говоря, два года тому назад я послал Паулю секретную радиограмму. Ах да, извини, совсем забыл — он мой дядя. Так вот, я сообщил ему результаты своих наблюдений и появившиеся у меня предположения. Я попросил его подтвердить их — или опровергнуть.

Поскольку в его распоряжении самые современные компьютеры, дяде Паулю много времени не потребовалось. К сожалению, он не проявил достаточной осторожности; а может быть, кто-то следил за его работой — я уверен, что твои друзья, кем бы они ни оказались, уже знают ответ на этот вопрос.

Через пару дней после получения моего запроса он раскопал старую статью, напечатанную восемьдесят лет назад в научном журнале «Нейчур», — в то время журнал еще печатался на бумаге, представляешь себе! — и эта статья убедительно все объясняла. Почти все.

Ее автором был ученый, работавший в одной из крупных лабораторий в Соединенных Штатах — Америки, разумеется, — в то время Соединенных Штатов Южной Америки еще не было. Лаборатория занималась проектированием ядерного оружия, так что там отлично разбирались в высоких температурах и давлениях...

Не знаю, имел ли доктор Росс — это фамилия автора — какое-нибудь отношение к бомбам, но в процессе

своей работы он задумался, должно быть, об условиях, существующих в глубинах гигантских планет. И в своей статье, появившейся в 1984 году — извини, в 1981, — он высказал ряд очень интересных предположений...

Он указал на то, что в газовых гигантах — в форме метана, CH_4,— содержится огромное количество углерода. До семнадцати процентов от общей массы! По его расчетам, при температуре и давлении, существующих в ядрах этих планет — миллионы атмосфер! — углерод будет выделяться из соединений, осаждаться в центре и — ты уже догадался, наверно, — кристаллизоваться. Как теория она была поистине великолепной: думаю, он даже и не мечтал, что когда-нибудь удастся проверить ее на практике...

Итак, это первая часть истории. Некоторые аспект второй части еще интереснее. А там еще остался кофе?

— Конечно, мне кажется, что я уже нашел разгадку второй части. Ясно, что это связано со взрывом Юпитера.

— Взрывом, но не обычным, а направленным внутрь. Произошла имплозия Юпитера; его наружные слои обрушились в направлении ядра, затем произошла детонация. В некотором отношении это было похоже на детонацию ядерной бомбы, только вот новое состояние оказалось устойчивым — Юпитер превратился в мини-солнце.

Так вот, при имплозии происходят очень странные процессы; вроде как образовавшиеся осколки проходят один через другой и выходят с другой стороны. Неважно, каким был механизм, но в результате алмаз размерами в гору вылетел на орбиту.

Должно быть, он успел совершить сотни витков — постоянно меняя параметры орбиты под влиянием гравитационных полей спутников Юпитера, — пока не столкнулся с Европой. И условия столкновения должны были быть совершенно определенными — одно небесное тело обгоняло другое, так что их относительная скорость в это мгновение не превышала и двух километров в секунду. Столкнись они на встречных курсах, лоб в лоб, — от Европы вряд ли осталось бы что-нибудь, не

говоря уже о горе Зевс! А иногда меня преследуют кошмары — мне кажется, что гора вполне могла упасть на Ганимед, прямо на нас...

Атмосфера, уже возникшая на Европе, немного смягчила удар; и все-таки сотрясение было ужасным. Интересно, как отреагировали на это столкновение наши друзья на Европе? Несомненно, именно этот удар привел к возникновению целой серии тектонических возмущений... продолжающихся и поныне.

— И политических тоже, — добавил Флойд. — Только сейчас я начинаю понимать это. Немудрено, что СШЮА обеспокоены.

— Не только они.

— Неужели кто-то серьезно рассчитывал захватить эти алмазы?

— А почему бы и нет? Нам-то удалось, — ответил Ван-дер-Берг, показывая в кормовую часть шаттла. — Но чисто психологическое воздействие будет колоссальным. Именно поэтому так много людей хотели узнать правду.

— Теперь ее узнали. Что дальше?

— Слава богу, это не моя забота. Надеюсь, однако, что мне удалось внести заметный вклад в научные ассигнования Ганимеда.

Да и мои личные финансы тоже не пострадают, подумал он.

54. Долгожданная встреча

— С чего это ты взял, что я умер? — донесся из динамика изумленный голос Хейвуда Флойда. — Я еще никогда не чувствовал себя так хорошо!

Окаменев от удивления, Крис Флойд уставился на динамик. Он испытывал огромное облегчение — и чувствовал одновременно какое-то негодование. Кто-то — или что-то — сыграл с ним жестокую шутку.

В голосе Хейвуда Флойда, который находился от них в пятидесяти миллионах километров, но с каждой секундой приближался на несколько их сотен, тоже слышалось некоторое возмущение. Но он казался энергичным

и приветливым и не скрывал радости от того, что у Криса все в порядке.

— У меня для тебя хорошие новости: шаттл «Юниверс» доставит медицинское оборудование и лекарства на «Гэлакси», затем прилетит к вам, захватит тебя с Ван-дер-Бергом и состыкуется с нами на следующем витке. Затем, спустя пять витков, мы сядем рядом с «Гэлакси» и ты встретишься с друзьями, когда они ступят на борт.

Ну, у меня пока все — хочу лишь добавить, что счастлив нашей будущей встречей. Мы сможем, наконец, наверстать упущенное время.

Жду твоего ответа через — ну, скажем, три минуты...

На мгновенье внутри «Билла Т» наступила полная тишина; Ван-дер-Берг не решался взглянуть на своего спутника. Затем Флойд включил микрофон и медленно произнес:

— Дедушка — какой удивительный сюрприз. Я все еще не могу прийти в себя. Но я знаю, что видел тебя на Европе — слышал, как ты прощался со мной. Я совершенно убежден в этом — вот как сейчас в том, что говорю с тобой...

Разумеется, у нас будет время все обсудить. Но помнишь, как говорил с тобой Дэйв Боумен — тогда, на «Дискавери»? Возможно, со мной произошло нечто похожее...

А теперь мы устроимся поудобнее и будем ждать. У нас все в порядке — чувствуем время от времени сотрясения почвы, но это ничем не угрожает. До скорой встречи, обнимаю тебя.

Он не мог вспомнить, когда говорил это деду в последний раз.

На исходе первых суток в кабине стало дурно пахнуть. После вторых они перестали замечать запах — но обратили внимание, что пища стала менее вкусной. К тому же, они хуже спали, и даже обвиняли друг друга в храпе.

На третий день, несмотря на частые передачи с «Юниверс», «Гэлакси» и с самой Земли, их начала охва-

тывать скука и запас сомнительных анекдотов подошел к концу.

Но этот день оказался последним. К его концу рядом с ними опустилась «Леди Джасмин», разыскивающая своего потерявшегося ребенка.

55. Магма

— Баас, — сказал робот-секретарь, — пока вы спали, я записал эту специальную передачу с Ганимеда. Может быть, включить ее?

— Да, — ответил доктор Пауль Крюгер. — С десятикратной скоростью. И выключи звук.

Он знал, что сначала последует длительное вступление, которое можно пропустить и посмотреть позднее — если возникнет необходимость. А сейчас ему хотелось как можно скорее увидеть происшедшее.

На экране промелькнули надписи, называющие имена операторов и дикторов, и появилось лицо Виктора Уиллиса, находящегося где-то на Ганимеде, который в полной тишине отчаянно размахивал руками. Доктор Пауль Крюгер, подобно большинству ученых, несколько скептически относился к Уиллису, хотя и не отрицал, что тот приносит определенную пользу.

Неожиданно Уиллис исчез, и вместо него на экране возник менее взволнованный образ — гора Зевс. На этот раз она была, однако, куда более активной, чем полагается хорошо воспитанной горе; доктор Крюгер был потрясен, увидев, насколько изменился ее вид с момента предыдущей передачи с Европы.

— Нормальная скорость, — поспешно скомандовал он. — Звук.

— ... почти сто метров в сутки, и наклон увеличился на пятнадцать градусов. Тектонические возмущения достигли поразительных размеров — у подножия значительные потоки лавы. Рядом со мной доктор Ван-дер-Берг. Ван, каково твое мнение?

— Мой племянник выглядит очень хорошо — принимая во внимание, что ему пришлось пережить. Отличная

родословная, конечно... — пробормотал себе под нос Пауль Крюгер.

— Судя по всему, кора не сумела оправиться от удара и теперь не выдерживает все возрастающих нагрузок. Гора Зевс медленно оседала с того момента, как мы обнаружили ее, но за последние несколько недель скорость оседания возросла в тысячи раз. Даже на глаз заметны ее подвижки.

— Сколько времени потребуется для того, чтобы гора исчезла совсем?

— Я как-то не верю в это...

Камера тут же показала другой вид горы, и голос Виктора Уиллиса донесся из-за экрана:

— Это были слова доктора Ван-дер-Берга, произнесенные им два дня назад. А сейчас что ты думаешь, Ван?

— Гм — похоже, что я ошибся. Гора оседает с невероятной скоростью. Просто глазам не верю — осталось всего с полкилометра! Боюсь делать какие-нибудь прогнозы...

— И совершенно правильно, Ван. Итак, это было всего лишь вчера. А сейчас мы включим пленку, засня тую с большой скоростью, которая демонстрируется обычным числом кадров в секунду. Она заканчивается моментом, когда рухнула наша камера...

Доктор Пауль Крюгер наклонился вперед, наблюдая за последним актом драмы, в которой он сыграл такую небольшую, но исключительно важную роль.

В сущности, необходимости в замедленной съемке не было; события развертывались перед его глазами со скоростью, почти в сто раз превышающей нормальную. Час сжимался в одну минуту — человеческая жизнь сокращалась до жизни бабочки.

Гора Зевс оседала у него на глазах.

Струи расплавленной серы с поразительной скоростью взлетали в небо вокруг всего основания горы, описывая параболы ярко-синего пламени. Зрелище напоминало картину — корабль тонет в штормовом море, окруженный огнями святого Эльма. Даже впечатляющие извержения вулканов на Ио не могли сравниться с этой поразительной картиной природной ярости.

— Самое крупное сокровище, найденное людьми за всю историю человечества, исчезает из глаз, — произнес Уиллис приглушенным голосом, полным благоговейного ужаса. — К сожалению, мы не можем показать вам последние мгновения. Скоро вы поймете почему.

Действие замедлилось до нормальной скорости. Оставалось всего лишь несколько сот метров горы, и извержения у ее основания происходили теперь заметно медленнее.

Внезапно изображение на экране накренилось; стабилизаторы уровня камеры, до сих пор сопротивлявшиеся постоянным сотрясениям почвы, отступили, не выдержав неравной схватки. На мгновенье показалось, что гора вырастает из почвы — но это опрокинулся треножник, на котором была закреплена камера. Последняя сцена с Европы представляла крупный план пылающей волны расплавленной серы, готовой захлестнуть видиокамеру.

— Все исчезло! Пропало навсегда! — произнес Уиллис траурным голосом. — Богатства, в несчетное число раз превышающие все россыпи Голконды или Кимберли! Какая потеря! Какое жестокое разочарование!

— Боже, какой кретин! — воскликнул доктор Крюгер, брызгая слюной. — Неужели он не понимает...

Наступило время для еще одного письма в «Нейчур». И этот секрет окажется слишком большим, чтобы сохранить его в тайне.

56. Теория пертурбаций

Редактору, банк данных журнала «Нейчур» (всеобщий доступ)

От профессора Пауля Крюгера, Члена Королевского Общества, т. д.

ПРЕДМЕТ: ГОРА ЗЕВС И ЮПИТЕРИАНСКИЕ АЛМАЗЫ

Как теперь широко известно, европеанская формация, известная как гора Зевс, первоначально была частью Юпитера. Предположение, что ядра газовых гигантов могут состоять из алмазов, впервые было высказано Марвином Россом (Национальная лаборатория Лоуренса Ливермора, Калифорнийский университет) в его классической статье «Ледяной слой Урана и Нептуна — алмазы в небе?» («Нейчур», т. 292, № 5822, стр. 435 — 436, 30 июля 1981 г.). Как ни странно, но Росс не включил Юпитер в свои расчеты.

Погружение горы Зевс внутрь коры Европы вызвало хор сожалений, причем смехотворных, — по причинам, указанным ниже.

Не вдаваясь в подробности, которые будут изложены в моей последующей публикации, я оцениваю алмазное ядро Юпитера по крайней мере в 10^{28} г. *Это в десять миллиардов раз больше, чем гора Зевс.*

Несмотря на то что значительная часть этого вещества была, несомненно, разрушена в момент детонации планеты и возникновения — судя по всему, искусственным образом — солнца Люцифер, предположение, что единственным осколком была гора Зевс, не выдерживает никакой критики. Хотя немалое количество вещества рухнуло обратно на Люцифер, значительная часть была выброшена на орбиту — и остается там *до сего времени.* На основе элементарной теории пертурбаций легко доказать, что эти осколки будут периодически возвращаться к точке своего возникновения. Разумеется, не представляется возможным давать точную оценку, но я полагаю, что алмазы массой по крайней мере в миллион раз больше горы Зевс находятся в космическом пространстве, обращаясь по орбитам вблизи Люцифера. Утеря одного незначительного осколка, расположенного к тому же в крайне неудобном и труднодоступном месте (на Европе), не имеет практически никакого значения. Я предлагаю создать в космосе и как можно быстрее — специальную сеть радиолокационных установок для определения координат небесных тел, состоящих из этого вещества.

Хотя исключительно тонкая алмазная пленка широко

производится начиная еще с 1987 года, создавать алмазы в значительном количестве пока не удавалось. Возможность производства алмазов в объемах, измеряемых мегатоннами, могло бы полностью преобразить многие отрасли промышленности и создать совершенно новые. Особое внимание привлекает то обстоятельство, как указал на это Айзекс и другие авторы почти сто лет тому назад (см. «Сайэнс», т. 151, стр. 682 — 683, 1966 г.), что алмаз представляет собой единственный строительный материал, пригодный для осуществления проекта так называемых космических лифтов, которые делают возможной транспортировку от поверхности Земли до орбиты при ничтожных затратах. Алмазные горы, обращающиеся сейчас среди спутников Юпитера, могут открыть перед человечеством всю Солнечную систему. Насколько тривиальным по сравнению с этим представляется старинное применение углерода, кристаллизованного в кубической системе!

Чтобы сделать изложение этой темы максимально полным, следует упомянуть еще одно местонахождение огромных масс алмазов — место, еще более недоступное, к сожалению, чем ядро гигантской планеты ...

Высказывалось предположение, что кора нейтронных звезд может состоять в основном из алмазов. Поскольку ближайшая нейтронная звезда расположена на расстоянии пятнадцати световых лет он нас и сила притяжения на ее поверхности превышает земную в семьдесят тысяч миллионов раз, трудно считать ее возможным источником получения этого материала.

Впрочем, кто мог предположить, что когда-либо нам удастся коснуться вещества, составлявшего ядро Юпитера?

57. Передышка на Ганимеде

— Бедные, невежественные колонисты! — причитал Михайлович. — Я в ужасе — на всем Ганимеде ни одного большого концертного зала! Я понимаю, конечно, что наперсток оптроники в моем синтезаторе способен воспроизвести любой музыкальный инструмент. Но

«Стейнвэй» все-таки остается «Стейнвэем», равно как и «Страд» — «Страдом».

Его жалобы, хотя и не слишком серьезные, уже пробудили некоторых представителей местной интеллигенции на ответные действия. Популярная местная программа «Утренний Ганимед» ответила на его причитания следующим ядовитым комментарием: «Оказав нам честь своим присутствием, наши знаменитые гости подняли — хотя и временно — культурный уровень *обоих* миров ...»

Это высказывание было направлено в первую очередь против Уиллиса, Михайловича и М'Бала, которые несли свет просвещения невежественным туземцам с излишним рвением. Мэгги М стала причиной настоящего скандала, откровенно поведав о любовных связях Зевса-Юпитера с Ио, Европой, Ганимедом и Каллисто. Рассказ о том, как он явился в обличье белого быка к нимфе Европе, не понравился бы сам по себе, а повествование о попытках спасти Ио и Каллисто от справедливого гнева его супруги Геры, оказавшихся явно недостаточно решительными, лишь подлило масла в огонь. Но особенное неудовольствие местных жителей вызвало сообщение, что мифологический Ганимед оказался совсем другого пола.

Нужно отдать им справедливость — намерения самозваных послов мировой культуры были достойны всяческой похвалы, хотя и не совсем бескорыстны. Узнав, что на Ганимеде им придется оставаться в течение нескольких месяцев, они тут же поняли, что угроза скуки нависнет над ними, лишь только исчезнет прелесть новизны. К тому же, гостям хотелось как можно лучше использовать свои таланты для благотворного воздействия на окружающих. Однако далеко не все хотели — или не имели время, — чтобы на них оказывали благотворное воздействие здесь, на технологически высокоразвитой границе Солнечной системы.

Эва Мерлин, наоборот, идеально освоилась с новой ситуацией и чувствовала себя как рыба в воде. Несмотря на ее земную славу, имя «Мерлин» мало что говорило большинству жителей Ганимеда. Это позволяло ей на-

слаждаться свободой и без конца бродить по коридорам и надувным куполам Центральной базы Ганимеда. Здесь ей не угрожала опасность, что люди будут глазеть на нее или обмениваться взволнованными комментариями за ее спиной. Правда, ее все-таки узнавали — но лишь как гостью с Земли.

Гринберг, со свойственной ему деловитостью, легко вошел в деловые и технические круги спутника и уже был избран в состав нескольких советов и комиссий. Скоро он оказался настолько полезным и незаменимым, что его предупредили о сложностях, которые могут возникнуть, если он захочет покинуть Ганимед.

Хейвуд Флойд, наблюдая за деятельностью своих спутников, сочувственно улыбался, но оставался в стороне. Он думал лишь об одном — как восстановить добрые отношения с Крисом, в то же время его заботило и будущее своего внука. Теперь, когда «Юниверс» — в топливных баках которого оставалось менее ста тонн воды — благополучно опустился на поверхность Ганимеда, предстояло сделать многое.

Благодарность, которую испытывали все, кто находился на борту «Гэлакси», к своим спасителям, помогла экипажам обоих кораблей слиться в единое целое; после тщательного осмотра и ремонта «Юниверса», а также его заправки они вернутся обратно на Землю вместе. Сообщение, что сэр Лоуренс уже строит планы создания нового, усовершенствованного «Гэлакси II», значительно улучшило моральный дух команды; правда, строительство корабля начнется лишь после того, как адвокаты сэра Лоуренса урегулируют расхождения со страховой компанией Ллойдза, все еще утверждающей, что ранее не существовавшее преступление — похищение космического корабля во время полета — не подпадает под действие страхового полиса.

Что касается самого преступления, никто не был арестован или даже обвинен. Несомненно, оно тщательно планировалось в течение ряда лет какой-то хорошо организованной и не испытывающей недостатка в деньгах группой. Соединенные Штаты Южной Африки заявили во всеуслышание, что не имеют к преступлению никако-

го отношения, и потребовали официального расследования. Бурская лига также выразила свое негодование и обвинила в происшедшем Чаку.

Доктор Крюгер ничуть не удивился, обнаружив в получаемой им почте злобные, но анонимные письма, обвиняющие его в измене. Обычно они были написаны на африкаанс, но содержали едва заметные ошибки в грамматике или фразеологии, и ученый пришел к выводу, что эти письма составляют часть кампании дезинформации.

Поразмыслив, он переслал эти письма в АСТРОПОЛ — где они, по-видимому, уже имеются, подумал он, усмехнувшись. АСТРОПОЛ поблагодарил его, но — как и ожидал доктор Крюгер — воздержался от комментариев.

Вторые помощники Флойд и Чанг, а также другие члены экипажа «Гэлакси» получили — по отдельности — приглашения отобедать в лучших ресторанах Ганимеда от двух таинственных незнакомцев, с которыми Флойд уже встречался перед вылетом. Когда осчастливленные приглашенные, отведав откровенно плохой пищи, сравнили затем свои записи, они пришли к выводу, что их вежливые собеседники пытались собрать информацию, обвиняющую Чаку в совершении преступления, но вряд ли преуспели в этом.

Доктор Ван-дер-Берг, затеявший всю эту историю — оказавшуюся для него весьма успешной как в научном, так и в финансовом отношении, — не знал теперь, что делать с новыми открывшимися перед ним возможностями. Ряд известных университетов на Земле обратились к нему с очень интересными предложениями — но, по иронии судьбы, воспользоваться ими Ван-дер-Берг уже не мог. Он слишком долго жил на Ганимеде в условиях одной шестой земного притяжения, и его организм был уже не в состоянии перестроиться.

Правда, он мог жить на Луне или на борту «Пастера», как объяснил ему Хейвуд Флойд.

— Мы намерены создать там космический университет, — сказал он, — чтобы люди с других миров, не способные выдержать земную силу тяжести, могли всту-

пать в контакт с землянами в реальном времени. У нас будут лекционные залы, аудитории, лаборатории — некоторые из них снабдим только компьютерами, но выглядеть они будут так, что никто не заметит разницу. Вдобавок, ты сможешь использовать свои сомнительные миллионы для видеозакупок на Земле.

К своему изумлению, Флойд не только вернул себе внука, но и приобрел племянника; в его представлении Ван-дер-Берг и Крис были связаны друг с другом уникальными обстоятельствами, которые совместно пережили. Это относилось прежде всего к появлению таинственного образа в том городке на Европе, под сенью нависшего Монолита.

У Криса не было ни малейших сомнений.

— Я видел и слышал тебя с такой же четкостью, как сейчас, — говорил он деду. — Однако губы у тебя не двигались — и самое странное, что мне это не показалось необычным. Я счел это совершенно естественным. Ты выглядел немного печальным — нет, пожалуй, лучше сказать — грустным. Или смирившимся с происшедшим.

— Мы все время вспоминали о вашей встрече с Боуменом на «Дискавери», — добавил Ван-дер-Берг.

— Перед посадкой на Европе я попытался связаться с ним по радио. Такая попытка может показаться наивной, но другой просто не пришло в голову. Я был уверен, что он там — в той или иной форме.

— И вы так и не получили ответа?

Флойд заколебался. Воспоминание быстро тускнело, но внезапно он отчетливо вспомнил появление минимонолита в своей каюте.

Ничего тогда не произошло, и все-таки с того момента он был уверен, что Крис в безопасности и что он снова увидит его.

— Нет, — медленно произнес он. — Я так и не получил никакого ответа.

В конце концов, это вполне могло оказаться сном.

VIII. ЦАРСТВО СЕРЫ

58. Лед и пламя

До наступления эпохи исследования планет в конце XX века вряд ли нашлись бы ученые, считающие, что на мире, таком удаленном от Солнца, может существовать жизнь. И тем не менее на протяжении полумиллиарда лет в скрытых морях Европы кипела жизнь не менее разнообразная, чем в земных морях.

До вспышки Юпитера слой льда защищал эти океаны от космического вакуума. Почти всюду толщина льда измерялась километрами, но были места, где он трескался и расходился. И тогда здесь начиналась короткая схватка между двумя непримиримо враждебными стихиями, соприкосновение которых было невозможно на любом другом небесном теле Солнечной системы. Схватка между Морем и Открытым Космосом неизбежно заходила в тупик: вода, соприкоснувшись с холодной пустотой, начинала кипеть и замерзать, образуя ледяную броню.

Моря Европы давным-давно промерзли бы до самого дна, если бы не влияние Юпитера, расположенного поблизости. Его притяжение постоянно меняло форму ядра этого маленького мира; силы, вызывающие конвульсии Ио, действовали и здесь, хотя с гораздо меньшей свирепостью. Война между планетой и ее спутником, идущая с переменным успехом, пробуждала подводные толчки и обвалы, с необычайной скоростью проносящиеся по далекому дну.

Среди этих глубинных равнин были рассеяны бесчисленные оазисы, каждый из которых распространялся на несколько сот метров вокруг огромного количества трещин и разломов, через которые из недр спутника извергались минеральные рассолы. Осаждая содержащиеся в них химические вещества на перепутанной массе труб и кратеров, они создавали иногда естественные подобия разрушенных замков или кафедральных соборов, из которых выливалась черная кипящая жидкость, медленно пульсирующая, будто гонимая толчками какого-то могу-

чего сердца. И подобно крови, эта жидкость несла с собой жизнь.

Ее тепло заставляло отступать смертельный холод, просачивающийся сверху, и образовывало теплые острова на морском дне. И что не менее важно, жидкость несла с собой из ядра Европы химические вещества, необходимые для жизни. Здесь, в среде, при любых других условиях совершенно враждебной жизни, было изобилие энергии и пищи. Подобные геотермические отдушины были открыты на дне земных океанов в то самое десятилетие, когда человечество впервые бросило взгляд на юпитерианские спутники.

Тропические зоны, расположенные рядом с трещинами, были населены мириадами тончайших паукообразных существ, являющихся аналогами растений, хотя почти все они способны были передвигаться. Между ними ползали причудливые слизняки и черви, иногда питающиеся «растениями», но главным образом извлекающие питательные вещества из окружающих вод, наполненных минералами. Подальше от источника тепла — подводного огня, согревающего всех окружающих существ, — располагались более выносливые, жизнестойкие организмы, походившие на крабов.

Армии биологов могли потратить целую жизнь на изучение одного маленького оазиса. В отличие от земных морей палеозойской эры скрытый океан Европы не являлся устойчивой средой, поэтому эволюция протекала здесь быстро, создавая огромное разнообразие фантастических форм. И над всеми ими нависала угроза неминуемой смерти: рано или поздно источник жизни ослабевал и иссякал, по мере того как силы, питающие его, перемещались в другое место. Морские бездны были усеяны свидетельствами подобных трагедий — целые кладбища скелетов и останков, обросших минеральными осадками, показывали, где из книги жизни были вычеркнуты целые главы.

Там, на дне моря, лежали гигантские раковины, похожие на свитые в спирали трубы, которые превышали размерами человека, самые разнообразные моллюски — двустворчатые или даже трехстворчатые. А рядом вид-

нелись спиральные отпечатки на камне, имевшие несколько метров в поперечнике, которые походили на прекрасные аммониты, так таинственно исчезнувшие из океанов Земли в конце мелового периода.

Во многих местах в бездне виднелись огни — реки расплавленной лавы текли вдоль морских долин на протяжении десятков километров. На такой глубине давление было настолько велико, что вода, соприкасаясь с раскаленной магмой, не превращалась в пар, и две жидкости сохраняли между собой неустойчивое перемирие.

Здесь, на другом мире и с другими актерами, повторялось нечто вроде истории Египта задолго до появления человека. Подобно тому как Нил нес жизнь узкой полоске прилегающей к нему пустыни, так и эти реки тепла оживляли морские бездны Европы. Вдоль их берегов, полос, редко превышающих километр в ширину, бесчисленные виды жизни возникали, развивались и умирали. Некоторые из них оставляли после себя памятники в виде камней, наваленных друг на друга, или причудливых узоров траншей, вырытых на морском дне.

На этих узких полосах изобилия, протянувшихся через пустыни бездны, развивались и гибли примитивные цивилизации и целые культуры. И окружающий их мир не имел об этих цивилизациях никакого представления, потому что оазисы тепла были отделены друг от друга, подобно самим планетам. Существа, греющиеся в тепле лавовых потоков и питающиеся веществами, которые вытекали из отверстий, ведущих в недра Европы, не могли пересечь враждебную пустыню, разделяющую их одинокие острова. Если бы среди них оказались историки и философы, каждая из этих культур была бы убеждена, что она единственная во вселенной.

И каждая была обречена. Не только потому, что источники питающей их энергии возникали случайно и постоянно перемещались, но и потому, что приливные силы, дающие жизнь этим источникам, все время ослабевали. Даже если бы жителям Европы удалось достичь ступени подлинного разума, они погибли бы, когда их мир затих и покрылся непроницаемой коркой льда.

Они оказались в ловушке между льдом и огнем — до

того момента, пока в небе над ними не вспыхнул Люцифер и не освободил их вселенную.

И на берегу только что возникшего континента появились прямоугольные очертания гигантского предмета, черного, как ночь.

59. Троица

— Отлично сработано. Теперь у них не возникнет искушения вернуться обратно.

— Я узнаю все больше и больше; но мне все-таки грустно, что моя старая жизнь угасает.

— И это пройдет; я ведь тоже возвращался на Землю повидать тех, кого любил когда-то. Теперь я понял, что существуют вещи величественнее Любви.

— Какие же?

— Сострадание, например. Справедливость. Истина. И много других.

— С этим мне легко согласиться. Для представителя человеческого рода я очень стар. Страсти моей молодости давно угасли. Что теперь случится с ... настоящим Хейвудом Флойдом?

— Вы оба в равной степени настоящие. Но он скоро умрет, так и не осознав, что обрел бессмертие.

— Это парадокс — но мне он понятен. Если это чувство сохранится, когда-нибудь, возможно, я буду благодарен. Кого мне нужно благодарить — тебя или Монолит? Тот Дэвид Боумен, которого я знал целую жизнь назад, не обладал такими возможностями.

— Да, не обладал; с тех пор многое изменилось. ЭАЛ и я многому научились.

— ЭАЛ? Он тоже здесь?

— Да, доктор Флойд. Не ожидал, что мы встретимся снова — особенно вот таким образом. Подражать вам — это было интересной проблемой.

— Подражать? Ах да, конечно. Зачем это понадобилось?

— После того как получили твою радиограмму, мы с ЭАЛом решили, что ты можешь помочь нам здесь.

— Помочь — *вам*?

— Да, хотя это и кажется тебе странным. У тебя много знаний и опыта, которых нам не хватает. Лучше всего назвать это мудростью.

— Спасибо. То, что я появился перед своим внуком, — это было мудрым поступком?

— Нет. Это вызвало массу хлопот. Но это был жест сострадания. Необходимо взвешивать подобные поступки и сравнивать их друг с другом.

— Ты сказал, что вам нужна моя помощь. Зачем?

— Хотя мы и познали многое, есть вещи, ускользающие от нас. ЭАЛ составил схему внутренних систем Монолита, и мы в состоянии управлять теми, что попроще. Это инструмент, служащий многим целям. Судя по всему, его основная функция — быть катализатором разума.

— Да, я думал об этом. Но у нас нет доказательств.

— Теперь, когда мы получили возможность проникать внутрь его памяти, они у нас есть. Четыре миллиона лет назад, в Африке, он дал толчок племени питекантропов, умиравших от голода, и это стало началом человеческого рода. И теперь он снова повторил этот эксперимент здесь — но за него пришлось заплатить колоссальную цену.

Когда Юпитер был превращен в солнце, чтобы дать возможность этому миру реализовать свой потенциал, погибла другая биосфера. Я сейчас покажу ее тебе такой, какой сам увидел когда-то ...

Пролетая через ревущее сердце Великого Красного Пятна с разрывающимися вокруг молниями гроз, охвативших всю ширь континента, он понял, почему оно не утихает так много столетий, хотя и составлено из газов куда менее плотных, чем те, которые создают ураганы на Земле. Он погружался в более спокойные глубины, пронзительный визг водородного ветра стихал в его ушах, и облако восковых снежинок — некоторые уже образовали едва осязаемые горы углеводородной пены — опустилось сверху. Было уже достаточно тепло, чтобы вода могла существовать в жидком состоянии, но здесь не было океанов; газовая окружающая среда не могла поддерживать их.

Он спускался сквозь один слой облаков за другим и вошел, наконец, в область такой отчетливой видимости, что даже человеческий глаз различал территорию в тысячу километров. Это было всего лишь небольшое завихрение в огромной спирали Великого Красного Пятна; оно таило секрет, о существовании которого люди подозревали много лет, но чего никак не могли доказать.

У подножий дрейфующих гор из пены виднелись мириады маленьких, резко очерченных облаков — все примерно одинакового размера и усыпаны похожими красно-коричневыми пятнами. Они казались маленькими лишь по сравнению с нечеловечески огромным масштабом окружающих предметов; самое маленькое облачко легко покрыло бы город средних размеров.

Это были, несомненно, живые существа, потому что они передвигались, медленно и осмотрительно, вдоль склонов воздушных гор, что-то пощипывая на них, подобно гигантским овцам. И они переговаривались друг с другом в метровом диапазоне — их радиоголоса слышались тихо, но отчетливо на фоне потрескиваний и толчков самого Юпитера.

Не что иное, как живые, наполненные газом оболочки, они плавали в узком промежутке между ледяными высотами и обжигающими глубинами. В промежутке действительно узком, но эта область была несравнимо больше всей биосферы Земли.

Они были не одни. Между ними быстро носились другие существа — настолько маленькие, что их можно было легко упустить из виду. Некоторые из них поразительно напоминали земные самолеты как по форме, так и по размерам. Но и они были живыми — может быть, хищники, может быть, паразиты, а возможно, даже и пастухи ...

... и реактивные торпеды, похожие на головоногих моллюсков земных океанов, охотящиеся за газовыми мешками и пожирающие их. Но гигантские сферы не были беззащитными; они оборонялись когтистыми щупальцами, походившими на цепные пилы километровой длины, и электрическими разрядами.

Теперь он видел еще более странные очертания всех возможных форм, известных в геометрии: причудливые полупрозрачные воздушные спирали, тетраэдры, сферы, многогранники, клубки спутанных лент ... Им — всему этому гигантскому планктону юпитерианской атмосферы — было предназначено плавать, как паутинкам, на поднимающихся вверх газовых потоках, пока они не завершат процесс своего размножения; затем они опустятся в глубины, где превратятся в углерод, создавая основу для нового поколения.

Он обшарил мир, поверхность которого более чем в сто раз превышала земную, увидел много чудес, но не нашел ничего, что хотя бы отдаленно указывало на признаки разума. Радиоголоса огромных сфер, наполненных газом, несли всего лишь простые сообщения, предупреждающие об опасности или выражающие страх. Даже хищники, от которых можно было бы ожидать более высокой степени организации, походили на акул, населяющих океаны Земли, — автоматы, лишенные разума.

И несмотря на всю свою новизну и гигантские размеры, от которых захватывало дыхание, биосфера Юпитера была хрупким миром, полным туманов и пены, тончайших шелковистых нитей и паутинок, сотканных из углеводородных снежинок, образованных непрерывными электрическими разрядами в верхних слоях атмосферы. Они были не более осязаемые, чем мыльные пузыри, и самые страшные хищники, населяющие юпитерианскую биосферу, были бы разорваны на части даже слабейшими земными плотоядными ...

— И все эти чудеса были уничтожены — чтобы создать Люцифер?

— Да. Виды, населяющие Юпитер, подверглись сравнению с жителями Европы — и сравнение оказалось не в их пользу. Возможно, в окружающей их газовой среде им никогда не удалось бы достичь уровня настоящего разума. Но следовало ли обрекать их на уничтожение из-за этого? Мы с ЭАЛом все еще не нашли ответ на

этот вопрос; это одна из причин, почему мы нуждаемся в твоей помощи.

— Но как мы можем сравнивать себя с Монолитом, пожравшим Юпитер?

— Он всего лишь инструмент; он обладает колоссальным разумом, но у него нет сознания. Несмотря на все его могущество, мы все — ты, ЭАЛ и я — превосходим его.

— Мне трудно в это поверить. Но ведь что-то создало этот Монолит?

— Мне довелось однажды встретиться с этим — или с той его частью, которую я был в состоянии выдержать, — когда «Дискавери» прилетел в Юпитеру. И оно послало меня обратно — таким, каким я стал сейчас, — чтобы служить ему на этих мирах. С тех пор я ничего не слышал о нем; теперь мы одни — по крайней мере пока.

— Это ободряет меня. Монолита более чем достаточно.

— Но возникла иная, более значительная проблема. ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ.

— Не думаю, что меня можно чем-то еще напугать ...

— Когда гора Зевс столкнулась с Европой мог погибнуть весь этот мир. Столкновение не было запланировано — более того, его нельзя было даже предугадать. Никакие расчеты не могли предсказать ничего подобного. В результате столкновения были опустошены огромные площади морского дна на Европе, уничтожены целые виды — включая те, на эволюцию которых мы очень надеялись. Перевернулся даже сам Монолит. Не исключено, что он получил повреждения, а его программы искажены. Они, несомненно, не были в состоянии предвидеть все случайности; да и возможно ли это во Вселенной — практически бесконечной, где Случай может всегда нарушить самые тщательные планы.

— Это верно — как для людей, так и для монолитов.

— Мы трое должны стать управляющими непредвиденным, равно как и стражами этого мира. Ты уже встречался с Амфибиями; тебе еще предстоят встречи с

Существами, закованными в силиконовую броню, питающимися лавовыми потоками, и Пловцами, снимающими морские урожаи. Наша задача — помочь им развить потенциальные возможности — или здесь, или где-нибудь еще.

— А как с Человечеством?

— Бывали моменты, когда мне хотелось вмешаться в их жизнь — но предупреждение, данное Человечеству, распространяется и на меня.

— Мы соблюдали его не слишком тщательно.

— Достаточно тщательно. А пока, нам нужно сделать многое, прежде чем закончится короткое лето Европы и снова придет длинная зима.

— Сколько у нас на это времени?

— Мало; меньше тысячи лет. И мы не должны забывать о судьбе жителей Юпитера.

3001 ГОД

60. Полночь на Плазе

Знаменитый небоскреб, возвышающийся над лесами Центрального Манхэттена в одиноком великолепии, почти не изменился за прошедшую тысячу лет. Он составлял часть истории, и его сохраняли в благоговейном почтении. Подобно всем историческим памятникам, его уже давно покрыли тончайшей алмазной пленкой, чтобы исключить разрушительное действие времени.

Те, кто когда-то присутствовал на заседании первой Генеральной Ассамблеи, никогда не смогли бы предположить, что прошло больше девяти столетий. Их могла бы, однако, заинтриговать совершенно ровная черная плита, стоящая посреди плазы и почти копировавшая очертаниями здание ООН. Если бы — подобно всем остальным — они протянули руку и коснулись ее, их озадачила бы легкость, с которой их пальцы скользнули по черной как смоль поверхности.

Но их еще больше бы озадачили — нет, привели в

благоговейный восторг — изменения, происшедшие в небе ...

Последние туристы ушли час назад, и плаза совершенно опустела. Небо было безоблачным, и уже виднелись наиболее яркие звезды; свет звезд послабее меркнул в лучах крошечного солнца, сиявшего в полночь.

Свет Люцифера отражался не только от черного стекла древнего здания; его лучи освещали и узкую серебряную радугу, пересекавшую южную часть неба. Вдоль и вокруг нее двигались — очень медленно — крошечные огоньки: шло общение всех миров Солнечной системы, расположенных между ее двумя солнцами.

И если очень внимательно присмотреться, можно было различить тонкую нить Панамской башни — одной из шести алмазных труб, связывающих, подобно пуповине, Землю с ее рассеянными в космосе детьми, — которая на двадцать шесть тысяч километров протянулась вверх от экватора, чтобы соединиться с Кольцом Вокруг Мира.

Внезапно, почти с такой же быстротой, как и родился, Люцифер начал угасать. Ночь, которую люди не знали на протяжении тридцати поколений, снова заполнила небо. Засияли ранее изгнанные — и невидимые — звезды.

И во второй раз за четыре миллиона лет Монолит проснулся.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Подобно тому как «2010: Одиссея два» не была продолжением «Космической Одиссеи 2001 года», настоящая повесть не является непосредственным продолжением «Одиссеи два». Все три произведения следует рассматривать как вариации на одну тему, где происходят схожие события и действуют те же герои.

События, происшедшие после 1964 года, когда Стэнли Кубрик высказал предложение (еще за пять лет до высадки людей на Луне!), что стоит попытаться снять «настоящий научно-фантастический фильм», делают прямую связь между этими тремя произведениями невозможной, поскольку более поздние повести включают в себя открытия и события, о которых, когда я писал более ранние произведения, можно было только мечтать. В основу «Одиссеи два» был положен фантастически успешный пролет «Вояджера-1979» рядом с Юпитером, и я не собирался возвращаться к этой теме до тех пор, пока не станут известны результаты еще более грандиозной миссии «Галилея». В декабре 1988 года «Галилей» должен был достигнуть Юпитера. Вот почему я решил больше не ждать. Увы, трагедия с «Челленджером» не позволила осуществиться этим намерениям.

В заключение мне особенно хотелось бы поблагодарить Л. Сессинса и Д. Снайдера за предоставление мне данных и координат кометы Галлея при ее следующем приближении. Они не несут ответственности за те изменения в орбите кометы, которые я включил в повествование.

Я также весьма благодарен М. Россу за его поразительную по смелости теорию планет с алмазным ядром.

Полагаю, мой старый друг доктор Луис Альварес получит удовольствие от моих невероятно отважных выводов, основанных на его исследованиях, мне хочется поблагодарить его за поддержку и вдохновение в течение последних тридцати пяти лет.

25 апреля 1987 года

Артур К.Кларк
Коломбо, Шри-Ланка

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства 5

2001: ОДИССЕЯ ОДИН
Перевод Я. Берлина (гл. I—44), Норы Галь (гл. 45—47) 9
I. В первобытной мгле 11
II. ЛМА-1 36
III. В межпланетном пространстве 84
IV. Бездна 114
V. К Сатурну 158
VI. Сквозь Звездные Врата 182

2010: ОДИССЕЯ ДВА
Перевод М. Романенко и М. Шевелева 209
I. «Леонов» 211
II. «Цянь» 235
III. «Дискавери» 255
IV. Лагранж 286
V. Дитя звезд 306
VI. Покоритель миров 352
VII. Восход Люцифера 385
Эпилог. 20001 399

2061: ОДИССЕЯ ТРИ
Перевод И. Почиталина 403
I. Волшебная гора 405
II. Долина черного снега 460
III. Европейская рулетка 485
IV. У водопоя 519
V. Через пояс астероидов 542
VI. Убежище 560
VII. Великая Стена 575
VIII. Царство серы 605
3001 год. 613
Послесловие. 615